Дочь Востока. Автобиография.

Беназир Бхутто

SHOUT
SHARE
IT

•

БЕНАЗИР БХУТТО
ДОЧЬ ВОСТОКА
автобиография
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
издательство
амфора
2009
Билавалу, Бахтвар, Асифе и всем детям Пакистана
ПРЕДИСЛОВИЕ

Не я выбирала эту жизнь, жизнь выбрала меня.

Я родилась в Пакистане, и жизнь моя отражает бурные события жизни страны с ее победами и поражениями, трагедиями и триумфами.

Снова и снова Пакистан привлекает внимание всего мира. Террористы, злоупотребляющие знаменем ислама, угрожают стабильности государства. Демократические силы верят, что терроризм можно искоренить, насаждая и распространяя принципы свободы. Военная диктатура ведет опасную игру, комбинирует, обманывает население. Боясь потерять власть, диктатура свирепствует, подавляет силы прогресса, тиски террора сжимаются все сильнее.

Пакистан необычная страна; моя жизнь — не обычная жизнь. Отец мой и двое братьев убиты. Моя мать, муж мой и я сама длительное время провели в заключении и под арестом. Долгие годы я жила в изгнании. Но, несмотря на все выпавшие на мою долю невзгоды, я чувствую себя счастливой. Я чувствую себя счастливой, потому что смогла преодолеть крепостные стены вековых традиций: я стала первой в исламских странах женщиной, избранной на пост премьер-министра. Мое избрание — поворотный момент в давних дебатах о роли женщины в исламе. Теперь доказано, что женщина в мусульманской стране может быть избрана в премьеры, может управлять страной, что ее могут воспринимать как лидера в равной мере мужчины и женщины. Я благодарна народу Пакистана за оказанную мне честь.

И хотя все еще продолжаются жаркие споры между сторонниками прогресса и экстремистами, женщины добились больших успехов с момента, когда я принесла присягу 2 декабря 1988 года.

Мало кому в этом мире удается повлиять на состояние общества, привнести современные веяния в страну, в которой инфраструктура намечена лишь в общих чертах, разрушить

старые ролевые стереотипы о женской участи и дать надежду миллионам соотечественниц, не видевших ранее и проблеска надежды.

Возможно, я выбрала бы себе иную жизнь, но и в этой жизни мне представлялось множество возможностей, я несла груз ответственности, чего-то добивалась. И я чувствую, что мне предстоит еще многое совершить в этой жизни, как в личном плане, так и для моей страны.

Двадцать лет назад в свете событий моей жизни — убийство отца, лишение свободы, политическая активность — я не надеялась обрести личное счастье, узнать радости любви, семейной жизни, ощутить материнские чувства. Подобно английской королеве Елизавете I, тоже подвергшейся в молодости тюремному заключению и оставшейся одинокой, я полагала, что никогда не выйду замуж. Однако судьба опровергла мои предположения. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, я нашла радость в полноценной супружеской жизни. Я горжусь своим мужем, его храбростью и верностью; он всегда оставался рядом со мной, все девятнадцать лет супружеской жизни. Эти годы он жил и в резиденции премьер-министра, и в тюрьме, заложником моей политической карьеры. Несмотря на попытки разлучить нас, настроить друг против друга, несмотря на расставания, наши отношения лишь крепли.

Конечно, жизнь оказалась не такой, как я ожидала, но я не думаю, что поменялась бы судьбой своей с любой другой женщиной всех времен и народов.

Я горжусь культурным и религиозным наследием страны. Особо хочу подчеркнуть различие между истинным исламом, религией терпимой, плюралистической, и той пародией на него, которую взяли на вооружение экстремисты и террористы. Я знаю, что олицетворяю собою то, чего более всего боятся «джихадисты», Талибан и «Аль-Каида». Я женщина-политик, я борюсь за современный Пакистан с развитой системой инфраструктуры и коммуникации, с передовой технологией, с образованным обществом. Я верю, что демократический Пакистан может стать символом надежды для более чем миллиарда мусульман земного шара, которым предстоит выбор между силами будущего и силами, тянущими назад, в прошлое.

Политические битвы, в которых я сражалась, всегда велись с определенными целями. Моими целями всегда оставались свобода и социальная справедливость. И цели эти я считаю достойными борьбы. Но моя политическая карьера носит особый характер из-за того, что я женщина. Политика для женщины в любом обществе — сложная сфера приложения усилий. Мы

должны постоянно доказывать, что не уступаем мужчинам, должны для этого работать больше, упорнее, дольше, многим жертвовать. Мы должны постоянно быть начеку, готовыми отразить нападение мужчин, даже членов собственной семьи. К сожалению, многие все еще убеждены в превосходстве мужчин, в их праве командовать женщинами, пытаются, оказывая давление на мужчин, добиться повиновения женщин.

Однако женщинам следует не жаловаться на двойные стандарты, а прилагать усилия к их преодолению. К этому следует стремиться, несмотря на то, что приходится прилагать вдвое больше усилий, тратить вдвое больше времени, чем в аналогичной ситуации пришлось бы затратить мужчине. Я благодарна матери, которая открыла мне, что беременность — нормальное физиологическое состояние, что беременность не должна нарушать нормального течения жизни. Пытаясь оправдать ее ожидания, я почти всегда игнорировала физические и эмоциональные ограничения, налагаемые этим состоянием. Я прекрасно сознавала, что детали моей сугубо личной, семейной жизни становятся предметом чрезмерного внимания всевозможных кругов, которых они не касаются, начиная от армейских штабов и кончая редакционными советами. Мне повезло с врачом. Я благодарна доктору Фредди Сета, который сохранил в тайне все мои посещения.

У меня трое чудесных детей, Билавал, Бахтвар и Асифа. Они доставляют мне много радости, я горжусь ими. Как раз перед первыми родами, в 1988 году, военный диктатор распустил парламент и объявил всеобщие выборы. Он и армейская верхушка не думали, что беременная женщина выставит свою кандидатуру. Но они просчитались. Я смогла справиться с этой задачей и выиграла. Выборы назначили вскоре после рождения Билавала, 21 сентября 1988 года. Рождение ребенка — один из счастливейших дней моей жизни. Победа на выборах, вопреки предсказаниям, что женщина-мусульманка не может завоевать сердца и умы населения, — другой счастливый день.

Вскоре после того, как я стала премьер-министром, мать моя велела «поторопиться и родить второго». Она считала, что женщина должна рожать прежде, чем она осознает ожидающие ее тяготы воспитания детей, и прежде, чем на нее свалятся иные обязательства. Я последовала совету матери.

Когда еще не было объявлено о второй беременности, армейские генералы решили пригласить меня на высокогорный ледник Сиачен, на позиции наших войск. Пакистан и Индия едва избежали войны в этой местности в 1987 году — взрывоопасная ситуация повторилась и в 1999 году. Я опасалась, что недостаток

кислорода на такой высоте может отрицательно сказаться на здоровье развивающегося во мне плода. Врач мой, однако, меня успокоил, объяснив, что прежде всего недостаток кислорода скажется на матери, которая, почувствовав затруднения с дыханием, может надеть кислородную маску. Он заверил, что с ребенком ничего не случится. Несмотря на его разъяснения, я все же чувствовала себя неспокойно, но от визита не отказалась.

Посещение премьер-министра, разумеется, оказало моральную поддержку нашим войскам, занявшим позиции у высокогорного ледника. А я к тому же насладилась великолепным видом. Белоснежные ледники простирались со всех сторон, плавно сливаясь с голубым небом. Полнейшая тишина снежных вершин сообщала впечатление небесного покоя. Но в отдалении виднелись посты индийской армии. Впечатление покоя оказалось обманчивым.

Когда политические противники узнали, что я беременна, они решили, что пришло их время. Посыпались призывы к президенту и военным убрать меня. Аргументировали тем, что правила правления не предусматривают премьер-министру отпуска по беременности и родам. Они считали, что роды сделают меня неработоспособной, что ввиду этого в делах правления государством воцарится хаос, а это нарушает конституцию. Поэтому президент при поддержке военных должен отправить премьер-министра в отставку, поставить у руля государства временное правительство и объявить о новых выборах.

Я опровергла доводы оппозиции тем, что законом урегулированы права работающих беременных женщин (мой отец законодательно утвердил право женщины на отпуск, связанный с рождением ребенка). Я указала, что перед законом равны все, в том числе и премьер-министр, даже если его рабочий распорядок и не предусматривает рождения им ребенка. Члены моего кабинета поддержали меня, указывая, что в случае временной нетрудоспособности премьер-министра мужского пола никакой чрезвычайной ситуации не возникает.

Аргументы оппозиции удалось отвести, и мои противники принялись плести интриги, планировать забастовки и демонстрации, чтобы оказать давление на президента. Мне пришлось принять противодействующие меры. Отец учил меня, что в политике очень важно выбрать нужный момент. Я проконсультировалась с врачом, он заверил меня, что плод развивается нормально. Получив его одобрение, я решилась на кесарево сечение перед тем, как оппозиция призовет к забастовкам.

Не желая подтверждать стереотипного воззрения, что беременность отрицательно сказывается на работоспособности, я работала так же, как обычно, работала, пожалуй, больше, чем любой премьер мужского пола. После заседания кабинета я отправилась в Карачи. Проснувшись рано утром, я с подругой отправилась в больницу в ее машине.

Полиция безопасности не обратила внимания на маленький автомобиль, не похожий на правительственные «мерседесы». Они вообще больше обращали внимания на прибывающие машины, а не на отъезжающие.

По пути в больницу я волновалась, сильно переживала. Доктор Сета уже ждал нас. Помню удивление на лицах больничного персонала. Конечно же, я понимала, что новость разнесется быстро благодаря широкому распространению мобильных телефонов и пейджеров, разрешенных моим правительством (мы стали первой страной на юге Азии и Среднем Востоке, допустившей распространение мобильной связи). Я поспешила к операционной. Мать и муж уже направлялись ко мне, я знала об этом, мы договорились заблаговременно. Как только я пришла в себя после наркоза, еще на больничной каталке, по пути из операционной в палату, я услышала голос мужа: «У нас девочка». Лицо моей матери лучилось счастьем. Я назвала дочь Бахтвар, что означает «приносящая удачу». И она принесла мне удачу. Оппозиция осрамилась, стачки задохнулись.

Я получила тысячи поздравлений со всего мира. Писали главы правительств и простые люди, разделяли мою радость. Молодые женщины получили наглядный пример того, что можно занимать ответственную должность и не отказываться от ребенка. На следующий же день я вернулась к работе с документами. Позже пришло сознание того, что за всю историю человечества я оказалась единственной женщиной, родившей во время пребывания в должности главы правительства. Еще одним барьером меньше для последующих женщин-премьеров.

Бахтвар родилась в январе 1990-го. Через семь месяцев, 6 августа, президент, вопреки канонам демократии, распустил мое правительство, под шумок вторжения Ирака в Кувейт. Мужа моего арестовали, и мать предложила мне отправить детей за границу. Сердце кровью обливалось, очень тяжело я переживала расставание с Билавалом, которому в сентябре 1990 года исполнилось два годика, и Бахтвар, которой еще не было и года. Живущая в Лондоне сестра охотно приняла детей в своем доме. В Лондон переехали и родители мужа, чтобы быть ближе к внукам. Мне снились кошмары, во сне я слышала плач детей. Сестра утешала меня во время частых телефонных разговоров, просила

не переживать, но сны не прекращались.

После свержения моего правительства портовый город Карачи охватили беспорядки. Пышным цветом расцвел бандитизм. Ни в чем не повинных людей убивали в общественном транспорте, на улицах, в конторах. Я понимала, что детям безопаснее находиться в Лондоне, но все же не могла спать спокойно, донимали кошмары.

Мы с матерью жили главным образом в столице, в Исламабаде. Мужа, избранного в парламент в 1990 году, во время парламентских сессий держали под домашним арестом. Я горько жаловалась мужу и матери на разлуку с детьми, боялась, что отсутствие материнской ласки скажется на их благосостоянии, приведет к дефектам в воспитании.

В 1991-м Билавал стал посещать детский садик в лондонском районе Квинз-Гейт. Я решила, что Бахтвар, которой исполнился год, можно держать в безопасности и в Пакистане, если не вывозить из дома. Полетела в Лондон, горя желанием увидеть наконец детей. Еще стоя перед дверью в квартиру сестры, услышала детский плач, тот самый плач, что не давал мне спать ночами. Я подхватила дочь на руки, прижала к себе сына. «Заберу Бахтвар домой», — сказала я сестре. Та облегченно вздохнула: «Не хотела тебя расстраивать, не говорила, но девочка все время плакала, каждый день».

Казалось, оба ребенка полностью сознавали, что происходит. Никогда не забуду Билавала, сидящего в белой рубашечке, полосатых синих брючках, белых носочках и черных башмачках на полу в коридоре, спиною привалившись к стене. Он молча смотрел на меня печальными карими глазами. Я забирала с собой Бахтвар и оставляла его. Нет, не должна мать оставлять двухлетнего сына. Ни один ребенок не должен пережить того, как мать забирает его братика или сестренку, а его покидает.

Держа Бахтвар на руках, я направилась в Хитроу. В самолете пакистанской авиакомпании Бахтвар, уткнувшись личиком мне в плечо, не просыпалась на протяжении всего рейса.

Мои тесть и свекровь решили остаться в Лондоне, чтобы вместе с сестрой заботиться о Билавале. Меня утешало сознание того, что сын окружен вниманием любящих родственников, отвлекающих его внимание прогулками в Гайд-парке, кормлением уток и белок.

Разумеется, я переживала падение правительства Пакистанской народной партии (ПНП) в 1990 году, тяготы избирательной кампании, разлуку с детьми, травлю моей партии и моей семьи. Быстро теряла вес. Весной 1992 года обнаружила, что снова ожидаю ребенка. У моих родителей четверо детей, и

мне доставляло радость, что семья растет. Однако время было неспокойное. В Карачи действовали войска. Этническая партия «Движение мухаджиров Кауми» (MQM) учинила резню. Правительство Наваза обвинило ее в заговоре, направленном на раскол страны и образование сепаратной государственной единицы Джиннапур. Армия опубликовала обнаруженные карты этого фиктивного государства и ввела в город танки. Большинство населения, устав от гражданских беспорядков и кровопролития, приветствовало разгром сепаратистов.

Армейские танки утюжили улицы, давили баррикады, сооруженные сторонниками MQM, а Пакистан все глубже погружался в кризис. Премьер-министр, очарованный формой правления Саудовской Аравии, стремился к созданию теократического государства и всеми силами протаскивал сквозь парламент закон об усилении роли религии. Моя партия провалила этот законопроект в сенате, но время играло на руку клерикалам. К1994 году премьер рассчитывал получить большинство в сенате и «исламизировать» Пакистан.

Большинство пакистанцев не желало превращения Пакистана в теократию. Они придерживались принципов светского государства, которые заложил в основу государственного устройства основатель Пакистана Каид-и-Мазам Мохаммеде Али Джинна. Влиятельные военные, однако, поддерживали премьер-министра, заручившегося поддержкой двух третей голосов нижней палаты парламента.

Финансовая безответственность администрации вела к хаосу в жизни населения. Отключения электроэнергии, устраненные правительством ПНП, снова стали нормой. То и дело разражались коррупционные скандалы. Взрывы в Бомбее осложнили отношения с Индией. Нью-Дели винил в этих террористических актах Исламабад. В1993 году произошел первый террористический акт в Центре мировой торговли в Нью-Йорке. Пакистан того и гляди могли объявить террористическим государством.

Оппозиционные партии объединились в Пакистанский демократический альянс (ПДА) и призвали к митингу протеста в Равалпинди 18 ноября 1992 года.

При моей худобе никто не подозревал, что я беременна. Чувствовала я себя, несмотря на потерю веса, — возможно, именно благодаря этому — бодрой, энергичной, сосредоточилась на предстоящем мероприятии. Народ откликнулся на призыв, в Равалпинди ожидались люди со всех концов страны. Мы провозгласили своей целью восстановить демократию, остановить сползание к клерикализму и привлечь внимание к насущным

проблемам населения.

Накануне митинга мы узнали, что режим решил использовать грубую силу. «Это значит, что применят слезоточивый газ», — сказала я своему политическому секретарю Нахид Хан. Я беспокоилась о ребенке. Нахид отправилась добывать защитные очки. Кто-то пообещал ей газовые маски, что-то вроде армейских противогазов, но вовремя они не прибыли. Пришлось заменить их мокрыми полотенцами. За ночь вокруг дома собралась толпа. Проснувшись на следующее утро, мы обнаружили, что дом окружен изгородью из колючей проволоки. Когда я с руководством партии попыталась покинуть дом, на нас набросились с дубинками. Людей, пытавшихся меня защитить, били, кидали на колючую проволоку.

Нескольким из нас удалось выбраться наружу, мы принялись искать машину, чтобы добраться из Исламабада в Равалпинди. Иной раз встречались с полицейскими патрулями, искавшими нас, медленно проезжали мимо, опустив головы, опасаясь, что нас узнают. Один фургон потеряли, запутавшись в колючей проволоке, принялись искать другую машину. Движение редкое, дороги блокированы, водители осторожны... Наконец остановился симпатизирующий нам водитель на джипе. Вместе со мной забились туда Малик Касим, лидер PML, маршал авиации Асгар Хан, теперешний министр иностранных дел Хуршил Касури, мой политсекретарь Нахид Хан, ее муж, сенатор Сафдар Аббаси и мой телохранитель Муннавар Сухравади (погиб от рук убийц в 2004 году).

За Исламабадом колючая проволока кончилась. Добравшись до Равалпинди, мы сразу ощутили поддержку населения. Нас радостно приветствовали на узких улочках города. Народ собирался, скандируя партийные лозунги. Мы добрались до Лиакат-Багх-парка, места проведения митинга.

Позже полицейские рассказывали мне, что, когда поступили первые сообщения о моем прибытии в Равалпинди, они лишь посмеялись, не веря «глупым слухам». Но звонки следовали один за другим, они решили проверить информацию. И обнаружили, что слухи соответствуют действительности. Сразу же отдали приказ меня изловить, на улицах Равалпинди развернулась настоящая облава. Взвыли полицейские сирены, в наш одинокий джип полетели слезоточивые шашки. Разразился ад кромешный. Погоня на манер фильма о Джеймсе Бонде или, скорее, болливудского боевика.

Наш джип защищала от полиции толпа. В толпу тоже полетели гранаты со слезоточивым газом, полиция в своей униформе «ниндзя» заработала дубинками. Мы снова и снова от

них ускользали, снова вокруг нас собирались люди, полиция догоняла, к ней прибывали подкрепления. Газовая граната попала в наш джип, ветровое стекло подернулось сеткой трещин, и водитель наш не выдержал. Он резко затормозил, выпрыгнул из машины и растаял в тени проулков. Нас окружили, задержали. Через некоторое время нас освободили. Событиями этого дня правящему режиму был нанесен существенный урон.

Возможно, и не вследствие бурных переживаний этого дня и не из-за воздействия слезоточивого газа, но вскоре после этого у меня начались боли в области желчного пузыря. Я принимала гомеопатические средства, но боли не ослабевали, иногда становились мучительными. Если решиться на операцию желчного пузыря, это может погубить ребенка. Я не хотела рисковать. Боли все усиливались, и я решилась лететь в Лондон. Врачи рекомендовали как можно скорее прибегнуть к кесареву сечению и сразу после этого перейти к операции на желчном пузыре. 3 февраля 1993 года в Портлендской больнице родилась моя крошка Асифа, и я заключила в объятия еще одну обожаемую дочурку.

Хотя тогда я этого еще не знала, но рождение Асифы оказалось последним прибавлением в моей семье. Вскоре, 24 октября 1993 года, ПНП добилась переизбрания. Нечестивая цикличность властной чехарды в Пакистане привела к антидемократическому смещению правительства в 1996 году, моего мужа Асифа арестовали. К сожалению, когда его освободили в 2004 году, я уже оказалась слишком старой для деторождения.

Не знала я и того, что состояние моей матери скоро резко ухудшится. У нее развивалось слабоумие, напоминающее болезнь Альцгеймера. Причиной возникновения этой болезни мы считаем жестокие увечья, нанесенные ей 16 декабря 1977 года прихвостнями генерала Зии в Лахоре, когда по пути на крикетный матч на нас напали с дубинками. Мою мать жестоко избили, она получила серьезные раны головы. После этого она резко изменилась. Но теперь болезнь быстро прогрессировала, и я с болью в сердце воспринимала ухудшение ее здоровья.

Эффектная красавица, грациозная, чарующая, она слабела, превращалась в дряхлую старуху. Сильная, смелая женщина, бросавшая вызов военным диктаторам, активный борец за права женщин, теперь она едва узнавала близких и не могла управляться с речью, не могла даже сказать, что она проголодалась или что у нее что-то болит. Мне больно было на нее смотреть. Но все равно я чувствовала себя увереннее даже от простого факта ее присутствия. Она — живая связь с

поколениями предков, воплощение непрерывности жизни, ее радостей и печалей, взлетов и падений.

Семья наша болезненно переживала изоляцию Асифа. Дети оказались отрезанными от отца в решающие для формирования их характеров годы. Ничто не может компенсировать эту потерю. Кроме того, его заключение — еще один пример неравноправия полов в пакистанском обществе. Ведь никто не стал бы на восемь долгих лет бросать в тюрьму без всяких доказательств вины жену в качестве заложницы, в наказание за политическую активность мужа. А мужа наказали за то, что он якобы отвечает за действия жены. Вскоре после освобождения из тюрьмы Асиф пережил сердечный приступ, едва не стоивший ему жизни.

Внимательно следя за своей страной извне, из-за границы, я сознаю, что значение ее в мировом сообществе отнюдь не уменьшилось. Наоборот. Я убеждена, что, если Запад продолжит поощрять военных правителей Пакистана, душителей свободы и демократии, то за Талибаном и «Аль-Каидой» появятся новые поколения террористов, которые, прикрываясь исламом, нападут на выпестовавший их Запад. В восстановлении либерального, демократического правительства в Пакистане заинтересован не только народ этой страны. Восстановление демократии в нашей стране должно стать целью всего мира, иначе не избежать пресловутого «конфликта цивилизаций».

Пишу я это в Лондоне, но жизнь, трудная и интересная, закидывает меня в разные уголки света. Живу «на чемоданах», разъезжаю по свету, читаю лекции по исламу, выступаю в университетах, женских объединениях, политических и деловых клубах на темы женского равноправия, борьбы за демократию. Не упускаю возможности нажать на британскую палату общин и на конгресс США. Я по-прежнему председатель Пакистанской народной партии. Навещаю мужа, который лечится в Нью-Йорке, готовлю детей к экзаменам в Дубае. И веду объединение демократических сил Пакистана к свободным и справедливым выборам, объявленным, согласно конституции, на 2007 год. Возможно, слишком уж полна коробочка, но такова моя жизнь, и я принимаю ее. Далее в книге последует отчет, как я дожила до настоящего момента. Последняя глава, «Премьер-министр — и позже», описывает мою жизнь после выхода в свет первого издания.

Я ощущаю гордость, ощущаю благословление. С Божьей волей я вернусь на родину и поведу силы демократии в борьбе против власти диктаторов, генералов, экстремистов. Такова моя судьба. Как сказал однажды Джон Кеннеди, «я не уклоняюсь от ответственности, я приветствую ее».

Беназир Бхутто
Лондон
апрель 2007

1

УБИЙСТВО МОЕГО ОТЦА

Они убили моего отца глухой ночью 4 апреля 1979 года в Центральной тюрьме Равалпинди. Меня с матерью заперли в нескольких милях от тюрьмы, в заброшенном полицейском лагере в Сихале. Я ощутила момент смерти отца. Вали-ум, который я проглотила по настоянию матери, чтобы заснуть в эту напряженную ночь, не помог. Ровно в два ночи меня подбросило на койке.

—Нет! — вырвался мой крик из сдавленной горьким комком глотки. — Нет! — Я не могла дышать, я не хотела дышать. Папа, папа... Меня бил озноб, несмотря на жаркую ночь, меня трясло. Чем мы с матерью могли утешить друг друга? Медленно тянулся час за часом, мы сидели, обнявшись, в голой полицейской казарме. Наутро нам предстояло сопровождать тело отца к древнему семейному кладбищу.

—*Иддат* не позволяет мне никого принимать, выйди к нему, — мрачно сказала мне мать, когда прибыл тюремщик. Начались четыре месяца и десять дней траура, в течение которых вдова живет изолированно.

Я вышла в облупленную комнату перед спальней. Здесь воняло гнилью и плесенью.

— Мы готовы сопровождать тело премьер-министра, — сказала я явно нервничающему младшему тюремному чиновнику.

— Его уже забрали, — сообщил он. Мне показалось, что он меня ударил.

— Без близких? Даже ваши преступные генералы должны знать, что наша религия требует, чтобы близкие сопровождали тело, молились за усопшего, видели его лицо перед погребением. Мы обращались в инспекцию тюрем...

—Его уже забрали, — попугаем повторил он.

—Куда?

Он молча ежился, пожимая плечами.

— Все было мирно, спокойно, — «утешил» он. — Я при нес, что осталось.

Он вручил мне жалкие пожитки, оставшиеся в камере, в которой отец дожидался смерти: *шалъвар хамиз,* длинную рубаху и свободные шаровары, которые он носил в качестве политического заключенного, не желая надевать форму уголовников; коробку для пищи, которую он отказывался принимать в последние десять дней; сверток постельного белья,

которое ему разрешили лишь после того, как сломанная сетка тюремной койки расцарапала ему спину; его чашку для питья...

—А где кольцо?

—У него было кольцо?

Под моим взглядом он развернул бешеную активность, обшаривая мешок, карманы. Наконец вручил мне перстень отца, в последние дни все время норовивший соскользнуть с его исхудавшего пальца.

— Мирно... Очень спокойно... — бормотал он. Мирная процедура — повешение. Спокойная...

В помещение вошли Башир и Ибрагим, наши слуги, сопровождавшие нас в тюрьме, потому что питанием администрация нас не обеспечивала. Башир узнал одежду отца и побелел.

— Йа Аллах! Йа Аллах! Сахиб! Они убили его! — завопил он, неожиданно схватил канистру с бензином и облил себя. С помощью выскочившей на крик матери, мы остановили его.

Несмотря на предельную ясность ситуации, я все еще не могла себе представить, что отец погиб. Не могла осознать, что Зульфикар Али Бхутто, первый премьер-министр, избранный народом в ходе демократических выборов, мертв. Вместо жестокого генеральского режима, царившего в Пакистане с момента рождения государства, с 1947 года, отец мой ввел демократию. Там, где веками люди зависели от прихотей вождей племен и кланов, землевладельцев, он установил конституционное правление. При нем приняли первую конституцию, гарантирующую судебную защиту и гражданские права. Отец мой гарантировал парламентскую систему, гражданское правление и регулярные выборы каждые пять лет.

Нет. Не может быть. *«Джайе* Бхутто! — Да здравствует Бхутто!» — раздавалось из миллионов глоток, когда он посещал города и отдаленные деревни. Когда Пакистанская народная партия победила на выборах, отец инициировал программу модернизации, в ходе которой землей, которой веками владели немногие феодалы, наделили бедняков. Обучали неграмотных, национализировали промышленные предприятия, гарантировали минимальную заработную плату, защиту прав трудящихся, запретили дискриминацию женщин и меньшинств. Шесть лет его правления принесли в страну свет, рассеявший мрак столетий.

Но на заре 5 июля 1977 года...

Зия уль-Хак. Под личиной лояльного начальника штаба армии скрывался изменник, среди ночи поднявший войска, чтобы свергнуть гражданское правительство моего отца и силой подчинить страну. Зия уль-Хак, которому не удалось сокрушить

отца, несмотря на все пушки и слезоточивый газ, несмотря на военное положение, которому не удалось сломить дух моего отца даже в камере смертника. Зия уль-Хак, пославший моего отца на смерть. Зия уль-Хак. Генерал, жестоко подавлявший страну в течение долгих девяти лет.

Я застыла перед неловко переминавшимся с ноги на ногу посланцем из тюрьмы. Стояла, прижимая к себе маленький сверток — все, что осталось от моего отца. От одежды еще исходил запах одеколона. «Шалимар». Невольно вспомнила Катлин Кеннеди, носившую в Редклиффе парку своего отца, уже через много лет после смерти сенатора. Наши семьи часто сравнивали в политическом аспекте. А теперь появилась еще одно ужасное связующее звено. Этой ночью и еще много раз после этого я тоже старалась удержать отца рядом. Его рубашку я клала себе под подушку.

Чувствовала я себя полностью опустошенной. Жизнь как будто оборвалась. Почти два года я отдавала все силы борьбе против лживых, сфабрикованных военным режимом Зии обвинений, выдвинутых против отца. Я работала с Пакистанской народной партией, готовилась к выборам, которые Зия обещал устроить через два года после прихода к власти и которые трусливо отменил, видя неизбежность нашей победы. Военные власти шесть раз меня арестовывали, мне запретили въезд в Карачи и в Лахор. Так же поступали и с матерью. Ее хватали восемь раз как исполняющую обязанности председателя Народной партии. Последние шесть недель нас принудительно держали в Сихале, полгода до этого — в Равалпинди. Но до предыдущего вечера я не могла представить, что генерал Зия решится на убийство отца.

Кто сообщит новость младшим братьям моим, боровшимся против смертного приговора в политическом изгнании в Лондоне? Кто расскажет сестре Санам, которая как раз заканчивает Гарвард? Я особенно беспокоилась о Санам. Сестра не интересовалась политикой, но общая трагедия задела и ее. Кто проследит за ней? Я молилась, чтобы она не вытворила какую-нибудь глупость.

Тело как будто разваливалось на куски. Что теперь делать? Все наши усилия не спасли отца. Охватило чувство одиночества. «Что я буду делать без тебя, кто поможет мне?» — спросила я его в камере. Я нуждалась в его советах. Несмотря на свои ученые степени в Гарварде и Оксфорде, я не политик. Что он мог ответить мне? Лишь беспомощно пожал плечами.

Лишь вчера я видела отца в последний раз. Невыносимая боль последней встречи обострялась ее близостью. Никто не

предупредил его, что ночью казнь. Никто не оповестил руководителей государств, официально просивших военный режим о милосердии. Среди них Джимми Картер, Маргарет Тэтчер, Леонид Брежнев, Папа Римский Иоанн Павел II, Ин-дира Ганди, многие авторитетные деятели мусульманского мира из Саудовской Аравии, Эмиратов, Сирии. Разумеется, трусливый режим Зии скрыл дату казни, опасаясь реакции народа Пакистана на убийство премьер-министра. Знали только я и мать, благодаря случаю и догадке.

Рано утром 2 апреля я лежала на армейской койке, когда неожиданно вошла мать.

— Пинки, — сказала она, используя ласковое домашнее прозвище, но произнеся его таким тоном, что меня охватил озноб, — там офицеры... Говорят, нам обеим нужно ехать к отцу сегодня. Что это значит?

Я сразу поняла, что это значит. Конечно, и мать это поняла. Но ни я, ни она не могли заставить себя признать ужасный факт. День еженедельного визита матери, мое посещение ровно через неделю. То, что нас приглашали одновременно, могло означать лишь, что это последнее свидание. Зия решился на убийство отца.

Меня лихорадило. Нужно дать знать на волю, поднять тревогу. Время истекло.

— Скажи им, что я больна, — выпалила я матери. — Скажи, если это последнее свидание, то я, конечно, пойду, но если нет, то пусть отложат на завтра.

Мать вышла к офицерам, а я вскрыла уже написанное письмо и спешно набросала записку: «Думаю, нас вызывают на последнее свидание». Записка предназначалась подруге, которая, как я надеялась, сможет привлечь внимание лидеров партии. Они оповестят дипломатический корпус и мобилизуют народ. Народ — наша последняя надежда.

— Срочно отнеси Ясмин, — велела я нашему верному слуге Ибрагиму, понимая, что мы все подвергаемся риску. Ждать, пока на пост выйдет симпатизирующая нам смена охранников некогда. Ибрагима могли обыскать, могли при ставить к нему сопровождающего. Опасность велика, но речь идет о жизни и смерти. — Скорей, Ибрагим, скорей. Скажи охране, что бежишь срочно за лекарством для меня.

Он убежал.

Я видела, как офицеры советуются друг с другом, потом связываются с начальством с помощью портативной рации. Ибрагим между тем уже у ворот.

— Я за лекарством для *Беназир-сахиб,* срочно! — кричит он охранникам, которые слышали разговор о моей болезни. Каким-

то чудом они выпустили Ибрагима. И пяти минут не прошло, как мать зашла ко мне. Руки у меня тряслись, и уверенности, что сообщение произведет действие, да и просто дойдет до адресата, никакой.

За окном все еще потрескивает эфирными шумами радиостанция. Наконец матери сообщили, что, раз дочь ее чувствует себя плохо, то свидание переносится на следующий день. Мы выиграли для отца сутки жизни. Но когда ворота компаунда закрылись, мы погрузились в мучительные размышления.

Бороться! Мы должны бороться. Но как? Беспомощные, запертые в казарме, обреченные на бездеятельное ожидание. Дойдет ли моя записка по назначению? Произведет ли какое-то действие? Поднимется ли народ против штыков военщины? А кто поведет людей? Многие лидеры Народной партии за решеткой, как и тысячи других наших сторонников, среди которых впервые в истории страны и женщины. Сколько народу отравлено слезоточивым газом, сколько подвергнуто вновь введенной публичной порке! Число ударов записывалось на обнаженных спинах подвергаемых истязанию. Нужен ли этот последний отчаянный призыв? Услышит ли его кто-нибудь?

В четверть девятого вечера мы с матерью настроили приемник на волну Би-би-си. Обзор азиатской службы. Я замерла в ожидании. Затаила дыхание, услышав, что получено мое сообщение о том, что завтра, 3 апреля, состоится последнее свидание с отцом. Записка попала по назначению! Я ожидала, что Би-би-си сообщит о нашем призыве к протесту, однако вместо этого сообщили, что администрация тюрьмы отказалась подтвердить мое сообщение. «Она паникует», — процитировали реакцию одного из бывших министров правительства моего отца. Мы с матерью опустили глаза. Последняя надежда угасла.

Армейский джип несется на высокой скорости. Военные и полицейские патрули, замершие за ними толпы, не знающие о судьбе своего премьер-министра. Машину спешно впустили, ворота тюрьмы затворились. Обыскали нас дважды, сначала перед выездом из Сихалы, затем здесь, в тюрьме Равалпинди.

—Почему вас впустили обеих? — спросил отец. Мать молчит.

—Последнее свидание? — понимает он.

Мать не в силах говорить.

— Наверно, да, — отвечаю я.

Он повернулся к начальнику тюрьмы, стоявшему рядом снами.

—Это последнее свидание? — спросил его отец.

—Да. — Ему явно неприятно выступать носителем этой вести.

—Дата назначена?

—Завтра утром.

—Во сколько?

—По тюремному распорядку в пять утра.

—Давно известно?

—Вчера пришел приказ, — неохотно сообщает начальник тюрьмы.

Отец смотрит на него:

—Сколько времени на свидание?

—Полчаса.

—Но по тюремному распорядку час.

—Полчаса, — повторяет он. — У меня распоряжение сверху.

—Распорядитесь, чтобы я смог принять ванну и побриться, — говорит ему отец. — Мир прекрасен, и я хочу покинуть его чистым.

Полчаса. Полчаса, чтобы попрощаться с человеком, которого я всю свою жизнь любила больше всех на свете. Грудь сжимают тиски. Я не должна плакать. Не должна сломиться и усугубить душевные муки отца.

Он сидит на брошенном на пол матрасе, стол и стул из камеры убраны.

— Возьми, — он передал мне книги и журналы, которые я приносила ему. — Не хочу, чтобы они рылись в моих вещах.

Отдал мне и сигары, принесенные юристами.

—Одну оставлю на вечер, — сказал отец. Он также оставил флакон одеколона «Шалимар». Хотел отдать мне соскальзывавший с пальца перстень, но мать убедила не делать этого сейчас.

—Ладно, пока оставлю, но потом пусть отойдет Беназир.

— Я смогла отправить записку, — прошептала я ему, не обращая особенного внимания на настороженно прислушивавшегося начальника тюрьмы. Рассказала о своих уловках.

— Молодец, прирожденный политик, — расшифровываю я выражение отцовского лица.

Освещение в камере тусклое, видно плохо, детали расплываются. В предыдущие свидания нас впускали в камеру, в этот раз жмемся к дверной решетке, шепчемся.

— Моя любовь и наилучшие пожелания остальным детям, — говорит он матери. — Скажите Миру, Санни и Шаху, что я старался быть им хорошим отцом и хотел бы с ними попрощаться.

Мама кивает, но сказать что-либо не в силах.

— Вы обе много страдали. Но теперь, раз уж они меня убьют этой ночью, я хочу, чтобы вы жили свободно. Уезжай те из

Пакистана, пока не действует конституция и не отменили военное положение. Поезжайте в Европу, если хотите жить в мире и покое, начните новую жизнь. Я вам даю раз решение. Уезжайте.

Наши сердца разрываются.

—Нет, нет, — отказ матери звучит эмоционально. — Ни за что. Пусть генералы не думают, что победили. Зия назначил выборы, хотя вряд ли отважится их провести. Если мы уедем, что будет с твой партией, с партией, которую ты создал?

—А ты что скажешь, Пинки?

— Никуда не поеду. Он улыбается:

— Приятно слышать. Не представляешь, как я тебя люблю, как я тебя всегда любил. Ты мое сокровище.

— Время вышло, — вмешивается начальник тюрьмы. Я вцепилась в решетку.

— Откройте, прошу вас, — обращаюсь я к нему. — Я хо чу попрощаться с отцом.

Он отказывает.

— Пожалуйста, — прошу я. — Мой отец — избранный премьер-министр Пакистана. Я его дочь. Это наше послед нее свидание. Я хочу прикоснуться к нему.

Он отказывает.

Я пытаюсь дотянуться до отца сквозь решетку. Он так исхудал. Малярия, дизентерия, истощение... Но он держится прямо, пожимает мне руку.

— Сегодня ночью стану свободным. — Улыбка освещает его лицо. — Вернусь к матери, к отцу. Вернусь в землю пред ков в Ларкану, стану ее почвой, ее воздухом. И песни обо мне споют. Я стану частью ее истории. Только вот жарко в Ларкане.

—Я создам там тень, — умудряюсь выдавить я. Начальник тюрьмы недовольно ерзает.

—До свидания, папа! — восклицаю я.

Мама прикасается к нему сквозь решетку. Мы удаляемся по пыльному двору. Хочу обернуться, но не могу. Боюсь, не смогу себя контролировать.

— До встречи! — слышу его голос.

Ноги каким-то образом действуют, хотя я их не ощущаю. Я как будто окаменела, хотя и умудряюсь передвигаться. Нас ведут обратно через тюремный двор. Во дворе установлены армейские палатки. Чувствую свою голову. Я должна держать ее высоко поднятой. На меня смотрят. Перед закрытыми воротами поджидает тот же армейский джип. Чтобы люди снаружи нас не видели. С трудом вволакиваю отяжелевшее тело в автомобиль. Джип с ходу развивает значительную скорость, выскакивает за ворота. Толпа подается к нам, но ее теснят полицейские. Замечаю

в толпе Ясмин с передачей для отца.

— Ясмин! Они убьют его сегодня! — пытаюсь я крик нуть в окно. Услышала она меня? Сама себя я не слышала. Да и издала ли я хоть звук?

Пять часов. Шесть. Каждый мой вдох напоминает о последнем дыхании отца.

— Господи, сотвори чудо! — молимся мы вместе с ма мой. — Пусть что-то произойдет.

Напряжение сказывается даже на моей кошечке Чан-Чан, которую я тайком захватила с собой в место нашей изоляции. Она бросила своих котят. Мы нигде не смогли их обнаружить.

Не перестаем надеяться. Верховный суд единогласно принял рекомендацию заменить смертный приговор отцу на пожизненное заключение. Более того, по пакистанскому закону дата казни должна быть объявлена не менее чем за неделю до приведения приговора в исполнение. Объявления не было.

Лидеры ПНП сообщили нам, что Зия обещал Саудовской Аравии, Эмиратам и другим отменить смертный приговор. Но биография генерала Зии полна лжи и нарушенных обещаний. С учетом наших опасений министр иностранных дел Саудовской Аравии и премьер-министр Ливии обещали прилететь в случае объявления даты казни. Слышали ли они сообщение Би-би-си? Успеет ли кто-то прилететь?

В Исламабаде гостит китайская делегация. Мой отец многое сделал для развития дружбы с Китаем. Заступятся ли за отца китайцы?

Мы с матерью сидим в раскаленной Сихале, молчим. Зия дал знать, что рассмотрит просьбу о помиловании только от отца или от нас, ближайших его родственников. Отец запретил нам это.

Как проходят такие моменты, когда идет отсчет последних часов жизни? Мы просто сидим неподвижно, иногда плачем. Обессилев, валимся на койки. Они погубят его, погубят... Как одиноко ему сейчас в тюремной камере! Он не оставил ни одной книги. Только единственную сигару. Глотка моя как будто склеилась, хочется прорвать ее криком, но под окном болтают и смеются охранники, я не хочу, чтобы они радовались моему горю.

—Я не могу больше, мама, не могу, — вырвалось у меня в полвторого. Она дала мне валиум:

—Попытайся заснуть.

А через полчаса я вскочила в постели, почувствовав своим горлом петлю, стянувшую шею отца.

Небо над землями нашей семьи в Ларкане плакало льдом в эту ночь. Град бил поля. Людей, живущих возле нашего семейного кладбища в древнем поселении Бхутто Гархи-Худа-Бахш

разбудила колонна военных грузовиков. В то время как мы с матерью страдали в своей тюрьме, тело отца тайно доставили в Гархи. Прибывшие до этого порученцы генералов обратились к Назар-Мохаммеду, который управляет нашими землями, как это делали его отец и дед.

Рассказывает Назар-Мохаммед.

4 апреля ночью я спал в своем доме. Проснулся около трех часов ночи от шума моторов и заметил возле деревни огни колонны военных грузовиков, машин пятьдесят или шестьдесят. Сначала подумал, что они снова репетируют на случай событий после казни господина Бхутто, как они уже делали два дня назад. Тогда они сказали, что это, мол, обычные маневры. Народ тогда очень испугался, особенно когда полиция принялась осматривать кладбище Бхутто. Полиция вызвала меня из дома, все население высыпало из домов, старые, молодые, женщины и дети, несмотря на ночное время. Все боялись, что господина Бхутто или уже повесили, или вот-вот повесят. Женщины плакали, причитали, лица у всех скорбные.

«Мы должны похоронить господина Бхутто, — говорили они мне, полицейские начальники и военные начальники. — Покажи, где должна быть его могила». Я тоже не смог сдержать слез. «Почему вы должны его хоронить? — спросил я их. — Мы сами его похороним. Он наш».

Я попросил, чтобы мне разрешили взять людей из деревни, чтобы принести необожженный кирпич, доски, чтобы выполнить обряд, прочитать молитвы. Они разрешили взять восемь помощников.

Мы начали выполнение печальной работы, а военные и полиция тем временем окружили деревню и полностью ее отрезали от окружающего мира, блокировали каждую улочку и тропинку. Никто из деревни не мог уйти и войти никто не мог.

Ровно в восемь утра над деревней появились два военных вертолета, сели на дороге у въезда в деревню. Там уже ждала машина скорой помощи. Из одного вертолета в машину скорой помощи перегрузили гроб и повезли к кладбищу. Военный полковник указал мне на маленький домик в углу кладбища и велел всех оттуда выгнать. В домике живет *пеш имам,* руководитель молитвы, ухаживающий за могилами, с женой и маленькими детьми. Я указал на это полковнику, сказал, что это несправедливо, но он все равно настаивал. Потом на крышу домика влезли двадцать солдат с винтовками и взяли кладбище под прицел.

Близкие родственники должны бросить взгляд на лицо умершего. Некоторые из родственников господина Бхутто живут в

Гархи рядом с кладбищем, его первая жена живет в соседней деревне Наудеро. Мне удалось переспорить начальников, и они разрешили ее пригласить. Когда она прибыла, мы открыли гроб и переложили тело на веревочные носилки, которые я принес из дома. Затем внесли в дом со стенами. Семейство соблюдает пурда, и посторонним мужчинам нельзя видеть их женщин. Но военные вопреки запрету вошли в дом, нарушив правила приличия.

Когда тело через полчаса вынесли из дома, я потребовал у полковника клятву, что совершено омовение согласно религиозным правилам и соблюдена традиционная погребальная церемония. Он поклялся, что ритуал соблюден. Я проверил, есть ли на теле каффан, бесшовный хлопковый саван, убедился, что и это условие соблюдено.

Мы все были потрясены случившимся, поэтому полностью тело не осмотрели. Да вряд ли они позволили бы нам его осматривать полностью. Но лицо покойного светилось, как жемчуг. Выглядел он так, как в шестнадцать лет выглядел. На коже никаких разноцветных пятен, синяков, глаза не выпучены, язык не вывалился, как на фотоснимках людей, которых Зия приказал повесить публично. Как требует ритуал, я повернул лицо Бхутто-сахиба на запад, в сторону Мекки. Голова его не упала набок, шея не сломана. На шее, однако, были видны черные и красные точки, как будто канцелярская печать.

Полковник очень рассердился. Из деревни пришло много-много народу, намного больше тысячи человек, до полутора тысяч, чтобы проститься с покойным, поплакать. Плач разносился душераздирающий. Полковник пригрозил, что прикажет разогнать народ дубинками.

— Немедленно хороните, — сказал он. — Не то применим силу.

— Народ скорбит, — сказал я ему. — У людей сердце разрывается.

Под дулами винтовок мы сказали последние молитвы по усопшему и согласно ритуалу опустили тело в могилу. Чтение священных текстов смешивалось с плачем и стенаниями.

После убийства отца я не могла ни есть, ни пить. Даже влив в рот немного воды, я оказывалась не в силах ее проглотить, приходилось выплевывать. Не могла я и спать. Закрывала глаза и видела один и тот же сон, как будто передо мной стены окружной тюрьмы, но ворота ее открыты. Кто-то направляется ко мне. Я бегу навстречу. «Папа! Ты вышел! Ты свободен! Я боялась, что тебя убьют. Я думала, что тебя убили. Ты жив!» Но, не успев добежать, просыпалась и сразу вспоминала, что его больше нет.

— Пинки, ты должна что-то съесть, ты должна, — увещевала меня мать, поднося тарелку супа. — Тебе нужна будет сила, когда мы выйдем на свободу, начнем готовиться к выборам. Если ты хочешь продолжить дело отца, бороться за торжество его принципов, то ешь, чтобы поддержать силы.

И я понемногу начала питаться.

Заставила себя читать соболезнования, которые нам тайком переправляли.

«Мои дорогие тетушка и Беназир, — писала 5 апреля одна знакомая из Лахора. — Слов нет описать мою скорбь и печаль. За то, что случилось, отвечает вся нация, мы все преступники… Каждый пакистанец печален, деморализован, не уверен. Мы все виновны и отягощены грехом».

В тот же день десять тысяч пакистанцев собрались в Равалпинди на Лиакват-Багх-Коммон, куда полтора года назад стянулось громадное множество народу и где мать выступала, замещая отца, брошенного за решетку, в ходе избирательной кампании. Испугавшись невероятной популярности ПНП, Зия отменил выборы и обрек отца на смерть. Теперь люди собрались, чтобы почтить память отца и помолиться за его душу, но снова на них накинулись полиция и войска, снова в них полетели гранаты со слезоточивым газом. Люди побежали, отбиваясь от полиции, швыряя в полицейских камни. В ход пошли дубинки, полицейские хватали людей, запихивали их в фургоны. Ясмин с двумя сестрами и матерью присутствовала на этом заупокойном митинге. Туда же пришла и Амина Пирача, моя подруга, помогавшая юристам в защите отца перед Верховным судом. Она привела двух сестер, племянниц и старую *айя,* лет около семидесяти. Всех их арестовали и держали за решеткой две недели.

Известие о смерти отца быстро обрастало слухами. Палач, вешавший его, сошел с ума. Пилот, доставлявший тело в Гархи, не смог управлять вертолетом, посадил летательный аппарат на полпути, и пришлось вызывать другого пилота, чтобы продолжить полет. Газеты соревновались в сочинении леденящих кровь деталей о кончине отца. Якобы его подвергли страшным пыткам и уже при последнем издыхании доставили на носилках к виселице. Выдвигалась также версия гибели его в схватке. Офицеры якобы пытались заставить его подписать сфабрикованное ими признание, что он замышлял переворот и подбивал к этому Зию.

Согласно этой версии, офицеры применили насилие, отец отбивался, кто-то из военных ударил отца так, что он упал, ударился головой о каменную стену и потерял сознание. Вызвали врача, тот пытался привести отца в сознание, применил непрямой

массаж сердца и трахеотомию — именно этой процедурой объяснялись отметины на шее покойного, замеченные Назар-Мохаммедом. Попытки врача успехом, однако, не увенчались.

Слухи множились.

—Надо эксгумировать тело и провести экспертизу, — высказал свое мнение двоюродный брат отца, в то время руководивший Народной партией, Мумтаз Бхутто, во время визита соболезнования в Сихале. — Это принесет нам политические дивиденды. — Думать о политической выгоде? Отец мой мертв. Эксгумация тела не оживит его.

—Они не давали ему жить и в тюремной камере смертника, — ответила я дяде Мумтазу. — А теперь он свободен. Пусть покоится в мире.

—Ты не понимаешь исторической важности этого действия, — настаивал мой дядя.

Я покачала головой:

— История будет его судить по делам его, по жизни. Де тали смерти его не имеют значения. Нет, не нужно беспокоить его после смерти. Пусть хоть теперь отдохнет.

Племянницу матери Фахри допустили в Сихалу выразить нам соболезнование. Разрешили приехать и моей школьной подруге Самийе Вахид. Обе облегченно вздохнули, когда увидели, что мы, по их мнению, «держимся молодцом».

— Там распускают слухи, что вы настолько убиты горем и пали духом, что думаете о самоубийстве, — сообщила Самийя о еще одной «утке», выпущенной в свет узурпаторами.

Эмоциональная Фахри сразу бросилась обнимать мою матушку, утешая ее на фарси.

— Нусрат-джун, жить не хочу. Дня бы этого не видеть! Этой гнусной собаке Зие петли мало...

Фахри обнимает и меня. Годом раньше она, проскользнув сквозь полицейский кордон у нашего дома, первая принесла весть мне о смертном приговоре отцу. Я сидела в гостиной, когда она внезапно ворвалась во входную дверь и распростерлась ниц в холле, горестно завывая и колотясь лбом об пол. Через полчаса и для нее был готов ордер на арест, следующую неделю она провела со мной, отрезанная от семьи, от мужа и маленьких детей. А ведь она к политике не имеет никакого отношения, всю жизнь интересовалась лишь ма-джонгом да бриджем.

Теперь мы плакали вместе. Она рассказала, что сотни людей: рабочие и ремесленники, водители такси, уличные торговцы, — собираются в нашем саду в Карачи, готовясь совершить *сойем,* нашу религиозную церемонию по случаю третьего дня со дня кончины. Уже не один день вечерами к дому нашему десятками

прибывают женщины, молятся за душу отца, поднимая над головами книги Священного Корана.

Армейская форма, предмет национальной гордости, стала ненавистной, сказала Фахри. В самолете из Карачи они отказались сесть рядом с военными. «Убийцы!» — восклицали они. Остальные пассажиры опускали головы в знак почтения к скорбящим. Все молчали, и на глазах у многих были слезы.

Мы подали заявление на посещение могилы отца в *сойем,* и в семь часов утра седьмого апреля нам приказали приготовиться к выходу в течение пяти минут. Черной траурной одежды у нас с собой не было, поехали в том, что взяли с собою в нашу тюрьму.

— Быстрей, быстрей! — торопил приставленный к нам офицер. Они все время торопили нас, боясь, что люди выкажут симпатию к нам, тем самым показав свое негативное отношение к режиму военного положения.

Но не все военные превратились в бездушные машины. В аэропорту экипаж военного самолета выстроился, чтобы встретить нас, строем почетного караула. Они стояли с опущенными головами, а когда мать вышла из автомобиля, отдали ей честь, почтили тем самым вдову человека, который вернул из индийских лагерей военнопленных свыше девяноста тысяч наших соотечественников, товарищей по оружию этих летчиков. Не все страдали забывчивостью. Во время короткого полета экипаж предложил нам чай, кофе, сэндвичи, и лица их выражали печаль и сочувствие. Действия нескольких преступников тяжким грузом легло на плечи многих невинных людей.

Самолет приземлился не в ближайшем к деревне Гархи-Худа-Бахш аэропорту Моенджодаро, а в Джакобабаде, в часе езды. В довершение к этому местное военное начальство направило нас не кратчайшим маршрутом от аэропорта к деревне, по современным дорогам, построенным отцом, а в объезд, по ухабистым проселкам, где водитель отчаянно крутил баранку, объезжая выбоины. Все сделали для того, чтобы никто не заметил нас в душной зашторенной машине. Мы взмокли и пропылились насквозь, пока добрались до нашего семейного кладбища.

Я двинулась к узкой калитке, сопровождающий офицер последовал за мной. Я остановилась.

—Нет, — сказала я. — Вам сюда нельзя. Никому из вас сюда нельзя. Это наше кладбище. Вам здесь нечего делать.

—Но у нас приказ не выпускать вас из виду.

—Я не могу разрешить вам сюда войти и нарушить святость этого места. Вы убили моего отца. Вы отправили его сюда. Мы должны почтить его память одни, без вас.

—Но нам приказано все время находиться рядом.

—Тогда везите нас обратно, — решительно заявила мать и повернулась к автомобилю. Офицер сдался, и мы ступили на территорию кладбища, в знак почтения оставив обувь у входа.

Тихое, мирное, знакомое мне место. Последняя обитель многих поколений Бхутто, жизнь которых удалась лучше нашей. Здесь мой дед, сэр Шах Наваз Хан Бхутто, бывший премьер-министр штата Джунагад, удостоенный рыцарского достоинства Британской империи за службу в Бомбее до разделения Британской Индии на две страны. Здесь его жена, леди Хуршид. Мой дядя Сикандер Бхутто, его легендарный брат Имдад Али, о котором рассказывают, что, когда он проезжал в коляске по Эльфингстон-стрит, главной улице Карачи, английские леди выскакивали из лавок на него поглазеть. Многие, многие лежали здесь, в земле, которая породила нас и в которую мы возвращаемся после смерти. Отец мой привез меня сюда перед отправкой в Гарвардский университет в 1969 году.

— Ты отправляешься в далекую Америку, — сказал он мне, стоя среди могил предков. — Увидишь много интересного, удивительного, узнаешь много того, о чем раньше не имела представления. Но запомни: что бы с тобой ни случи лось, вернешься ты сюда. Здесь твое место. Здесь твои корни. Все мы здесь, вместе, в земле, давшей нам рождение, принимающей нас после смерти. Прах земной и жаркий воздух Ларканы в твоих костях. Здесь тебя похоронят.

Слезы застилают глаза. Оглядываюсь, ищу могилу отца. Я ведь не знаю, в каком месте его предали земле. Натолкнувшись на его могилку, взгляд чуть было не скользнул дальше: небольшой холмик сухой земли, посыпанной засохшими цветочными лепестками. Мы с матерью опускаемся наземь у изножья могилы. Не верится, что там, внизу, скрыт отец. Опускаюсь на колени, целую землю там, где должны находиться его ноги.

— Прости, отец, если я в чем-то провинилась перед то бой, — шепчу я.

Нахлынуло одиночество. Как и все дети, я воспринимала отца как нечто данное изначально, само собой разумеющееся. Теперь, потеряв его, ощущаю пустоту, которую ничем не заполнить. Однако я не плачу, ибо верю, как и положено мусульманке, что слезы клонят дух к земле и лишают его свободы.

Отец мой заслужил свободу, дорогой ценой достался ему мир. Страдания его в прошлом. «Слава Ему, всего Правителю, — цитирую я суру Йа-Син Священного Корана. — К Нему вы все вернетесь». Душа отца в раю, с Господом.

В аэропорт мы возвращаемся еще более запутанным и изнурительным маршрутом, но встречает нас тот же экипаж, так же торжественно. И так же нас обыскивают при въезде в Сихалу, те же ободранные комнаты ждут нас в конце пути. Однако мною овладевает ощущение умиротворенности, новой уверенности в себе.

Не сдаваться, не отступать перед трудностями. Бороться против превосходящих сил врага и победить. В сказках, которые отец рассказывал нам, детям, добро всегда торжествовало над злом.

«Используешь ты возможность или упускаешь ее, действуешь по первому побуждению или обдумываешь, храбр ты или робок, буен или кроток, — выбор твой, выбор всегда за тобой, — говорил он нам. — Вы определяете выбор своей судьбы».

Теперь, в охватившей Пакистан тьме военной диктатуры, дело отца стало моим делом. Стоя над могилой отца, я ощутила, как его убежденность стала моей, и поклялась, что не успокоюсь, пока демократия не вернется в Пакистан. Я пообещала ему, что не дам угаснуть разожженному им огню надежды. Он стал первым лидером страны, говорившим от лица народа, болевшим за народ, а не за его военную или аристократическую верхушку. И я должна продолжить его дело.

Когда нас с матерью, совершивших *сойем,* везли обратно в Сихалу, солдаты забросали гранатами со слезоточивым газом собравшихся в нашем саду на Клифтон, 70, для чтения молитв за душу отца. Не удовольствовавшись этим, они подожгли навес над двором. Люди разбегались, задыхаясь, кашляя, прижимая к себе книги Священного Корана.

ГОДЫ НЕВОЛИ

2

УЗНИЦА В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ

Через семь недель после смерти отца, в конце мая 1979 года, нас с матерью освободили, мы вернулись из Сихалы на Клифтон, 70, в наш дом в Карачи.

Все здесь по-прежнему и все не так. «Зульфикар Али Бхутто, адвокат». Латунная табличка с такой надписью висит на стене у входа в дом. Над нею другая табличка, потемневшая от времени с именем деда: «Сэр Шах Наваз Бхутто». Бабушка моя выстроила этот обширный двухэтажный особняк сразу после моего рождения, в 1953 году, и я с сестрой и братьями росла в нем, овеваемая приятным охлаждающим ветерком с Аравийского моря, раскинувшегося всего в четверти мили от дома. Кто мог бы тогда предвидеть разыгравшуюся здесь теперь трагедию, свалившиеся на нас удары судьбы?

Каждый день раскаленная пустыня Карачи выплескивает в наш сад, в котором растут кокосовые пальмы, манговые деревья цветут красные и желтые цветы, сотни плачущих людей, желающих выразить соболезнование семье своего погибшего вождя. Еще сотни терпеливо ждут за воротами. Мать соблюдает *иддат,* выйти к ним не может, высылает меня.

Наш кошмар на фоне привычной домашней обстановки кажется еще более противоестественным. Прислуга сообщила нам, что за два дня до казни отца в дом во второй раз ворвались военные, обыскали крышу и сад, вскрыли сейф матери, перерыли одежду в шкафах отца. «У вас есть ордер на обыск?» — спросил у них один из слуг, памятуя о конституционных правах, на что возглавлявший группу офицер заявил: «У меня есть приказ обыскать ваш дом, я выполняю приказ, и ордер мне не нужен». Рылись они десять часов, забрали множество писем из моей спальни, унесли два чемодана товарных накладных и кассовых чеков, которые я собрала, чтобы опровергнуть обвинения режима во взяточничестве, облыжно выдвинутые против отца.

«Здесь у вас есть тайники и тайные ходы. Покажите их нам!» — приказал главный. Слуги настаивали, что никаких тайников и в помине не было, и их избили. Затем их заперли в приемной. Обыск продолжался всю ночь, а когда утром пришел молочник, его тоже заперли в приемной. Чуть позже забежал газетчик — заперли и газетчика. Офицеры нервничали все больше. «Подпиши эту бумагу!» — приказал офицер одному из слуг. Тот отказался. «Знаешь, что с твоим сахибом сделали? С тобой хуже будет!» Испуганный слуга подписал.

Когда стало ясно, что обыск ничего не дал, во двор въехал грузовик. Солдаты выгрузили из него красный ковер, разложили на нем выгруженные из этого же грузовика документы, пригласили корреспондентов и предложили им сфотографировать представленную фальшивку, «доказательство» противозаконных действий отца. Многие считали, что режим хочет инициировать новый процесс против отца ввиду рекомендации Верховного суда заменить казнь на пожизненное заключение. Когда наконец военные удалились, они захватили эти «доказательства» с собой. Прихватили также немалое количество нашего имущества, в частности ценную коллекцию старинных карт, принадлежавшую отцу.

И вот я на Клифтон, 70, готовлюсь отправиться в Ларкану, на могилу отца. Военные узнают о моих планах и отменяют авиарейсы, поэтому я отправляюсь на поезде. На каждой станции меня встречают толпы народу, где нет станций, люди ложатся на рельсы, останавливают поезд. «Месть! Месть!» — скандируют

толпы. Воодушевленная поддержкой, я призываю их обратить скорбь в силу и разбить Зию на выборах. Эти толпы — лучший ответ нашим политическим противникам, которые публично заявили, что «сила Бхутто зарыта вместе с ним в его могиле, а вместе с ним скончалась и ПНП».

Вернувшись в Карачи, я встречаюсь с руководством ПНП и с сочувствующими, встречи продолжаются весь день, с девяти утра до девяти вечера. Несколько раз за день выхожу в сад к посетителям. Их глаза загораются, когда они меня видят. Выходит к ним и мать, срок траурного затворничества которой истек. Народ не ожидал, что мы переживем заключение или смерть отца. Ведь мы, в отличие от большинства из них, всю жизнь свою прожили в тепличных условиях. Увидев нас, они как будто оживают, в них вспыхивает новая надежда.

Вечером я занимаюсь организационными, политическими вопросами, знакомлюсь с жалобами, узнаю, кто еще арестован по политическим мотивам, готовлю для матери тезисы выступлений. Чувствую, что зарываюсь с головой, что всего мне не осилить, что я нуждаюсь в помощи своей школьной подруги Самийи и двух молодых женщин, Амины и Ясмин, моих подруг и соратниц и в борьбе за спасение отца. В западной прессе Самийю, Амину и Ясмин окрестили «ангелами Чарли», хотя я уверена, что настоящие «ангелы Чарли» с таким объемом работы не совладали бы. Однажды я заснула с недочитанным документом на коленях. Затем обнаружила, что принесла в кабинет зубную пасту и щетку.

Чтобы успокоить народ, генерал Зия перед казнью отца пообещал устроить выборы и вернуть страну к гражданскому правлению. Но может ли он позволить себе дать ПНП победить на этих выборах? Он публично заявил, что «не вернет власть тем, у кого он ее отнял» и что для него приемлемы лишь выборы, которые дадут «положительные результаты».

Зия уже однажды попал впросак с такими обещаниями. Он назначил выборы вскоре после свержения правительства отца в 1977 году. Увидев, что победа ПНП неизбежна, он отменил выборы и арестовал лидеров партии. Какой фокус он выкинет в этот раз?

В сентябре состоялись выборы в местные органы. ПНП одержала на них уверенную победу. Очередь за всеобщими выборами, победа на которых нужна Зие, чтобы обеспечить себе легитимность. Зная, что правила проведения выборов будут «откорректированы» против ПНП, руководство партии собралось в нашем доме на Клифтон, 70, чтобы решить, участвовать в выборах или бойкотировать их. Памятуя наставления отца, я выступаю против бойкота. Какими бы тяжелыми ни были условия, как бы

ни жульничал противник, отступать нельзя. А правила, разумеется, подтасованы. Зия изменил их сразу же после того, как ПНП заявила о своем участии в выборах.

«Зарегистрируйтесь как политическая партия, или вас не допустят к выборам», — заявили военные.

Мы отказались. Зарегистрироваться — значит признать законность военного режима.

«Мы выступим как независимые кандидаты», — решаем мы, хотя понимаем, что потеря партийной эмблемы — большой риск в стране с официально признанным уровнем грамотности в 27 процентов, тогда как реальный уровень гораздо ниже, около 8 процентов.

Режим делает следующий ход: «Независимые должны набрать 51 процент голосов» — так гласят новые правила.

«Отлично, — парируем мы, — обеспечим».

Но 15 октября 1979 года, за месяц до намеченной даты выборов, по инициативе некоторых членов руководства ПНП, мы снова совещаемся. Обеденный зал особняка превращен в зал заседаний. Снова на повестке дня вопрос участия в выборах. Мнения расходятся. Некоторые требуют бойкота. Иные из них, насколько мне известно, втихомолку называют меня «крошкой-глупышкой», но это не ослабляет моей решимости и не мешает мне выступить. «Постоянно меняя правила, Зия подорвал к себе доверие, — говорю я. — Мы не должны потерять доверия избирателей. Мы с блеском выиграли местные выборы, и мы победим на всеобщих». Поздней ночью принимается решение — с небольшим перевесом — принять участие в выборах.

Когда Зия на следующий день узнает о нашем решении, его нервы не выдерживают. Он повторяет ход 1977 года, отменяет выборы и снова посылает солдат в наш дом. Ночью меня будит взволнованная прислуга: «Дом окружают солдаты». Я быстро бросаю в ванну все наиболее существенные документы: партийные списки, письма, списки арестованных, поджигаю их. Ни к чему облегчать работу наших гонителей. Через несколько минут солдаты ворвались в дом, и вот нас с матерью уже выводят под дулами винтовок, отправляют в Аль-Муртазу, наше сельское имение в Ларкане. Там мы проведем шесть месяцев.

Я шагаю коридорами Аль-Муртазы. Хотя моя мать уже в девятый, а я в седьмой раз под арестом с момента военного переворота, я все еще не могу привыкнуть к изоляции. Каждый раз, когда меня отрезают от живой жизни, во мне заново вспыхивает гнев. Возможно, играет роль возраст, мне двадцать шесть. Но не думаю, что реагировала бы иначе в любом возрасте. Особенно когда речь идет об Аль-Муртазе.

Аль-Муртаза — сердце нашей семьи. Сюда мы возвращаемся из любого уголка земли, чтобы провести зимний отдых, отпраздновать *Эйд* в конце священного месяца Рамазана, день рождения отца, чью-нибудь свадьбу, порадоваться по случаю рождения ребенка или разделить скорбь близких по случаю кончины родственника. Много наших родственников живет на землях, которыми семья владеет уже на протяжении столетий. А теперь правящий режим превратил Аль-Муртазу в тюрьму для меня и матери.

Западным средствам массовой информации объявили, что мы «под домашним арестом». Но эта информация неточна. Обычно состоящего под домашним арестом в Пакистане посещают родственники и знакомые, журналисты, он пользуется местным и междугородным телефоном, изредка может даже ненадолго покинуть дом. Аль-Муртаза же превратилась для нас в настоящую тюрьму, в которой действовали тюремные правила. Телефон отключили. Выход за территорию участка запретили. И никому не разрешали нас навещать, лишь изредка Санам.

Дом снаружи участка и на его территории окружен боевиками пограничных сил из военизированных группировок племени патанов, из северо-западной пограничной провинции. Во времена отца посты были установлены, чтобы оградить территорию от проникновения извне, а сейчас целью охраны стала изоляция его вдовы и дочери. Зия хотел, чтобы страна и мир забыли даже это имя — Бхутто.

Газеты страны едва упоминали это имя. С 16 октября, когда Зия отменил вторые выборы и арестовал нас с матерью, он добавил к длинному списку запрещений и ограничений и строгую цензуру. Согласно приказу № 49, редактор, допустивший опубликование материалов, признанных опасными для «суверенитета, целостности и безопасности Пакистана, для морали и общественного порядка», приговаривался к десяти ударам палкой и двадцати пяти годам тюремного заключения строгого режима.

Газету нашей партии «Мусават» с тиражом свыше 100 тысяч экземпляров в одном лишь Лахоре, закрыли, ее печатные станки захватили. Остальным газетам пригрозили в случае неповиновения закрытием или прекращением доступа к подконтрольным правительству типографиям и рекламодателям. Не допускалось также упоминание наших имен в неругательном контексте. Если военный цензор считал материал хоть в какой-то степени «подозрительным», он мог изъять его, и газета выходила с белым пятном. Иногда газеты пестрели пустыми колонками. Журналисты употребляли этот прием, чтобы дать понять

читающей публике, что интересный материал изъят военной цензурой.

Сила ПНП заставила Зию ужесточить репрессии. С момента введения военного положения в 1977 году любой, участвующий в политической деятельности, подлежал публичной порке и тюремному заключению. Но лишь 16 октября 1979 года все политические партии были объявлены незаконными. Явная попытка сломить поддержку населения политике моего отца. «Все политические партии в Пакистане со всеми их организациями, группами и фракциями... прекращают свое существование», — говорилось в приказе военного положения № 48 генерала Зии уль-Хака. Любой член политической партии, любой, кто назовет себя таковым даже в частном разговоре, подлежал четырнадцати годам строгого режима с конфискацией имущества и двадцати пяти ударам палкой. С этого момента запрещалось любое упоминание о ПНП в средствах массовой информации, если оно не сопровождалось определением «более не существующая». Мы с матерью стали «более не существующими» лидерами «более не существующей партии в стране исчезнувшей демократии».

Пожелтевшее фото деда на конференции Индийского круглого стола в Лондоне, 1931 год. Фотоснимки ежедневных праздников по случаю дня рождения отца. Много документов истории нашей семьи хранится в Аль-Муртазе, здесь ее корни. Здесь родились отец и три его сестры. Роды принимала акушерка из близлежащей деревни. Дед выстроил специальные помещения для родов на женской половине. Хотя древние постройки не сохранились, дух дома живет уже века.

Вход в дом окаймляют белые и голубые плитки с изображениями мужчин и женщин Моенджодаро, высокоразвитой цивилизации, процветавшей в долине Инда за 2500 лет до нашей эры. Ребенком я думала, что город называется «Мундж Джо Деро», что на *синдхи* означает «мое место». Нас с сестрой и братьями переполняла гордость сознания того, что растем мы в таком замечательном месте, в тени великого Моенджодаро, на берегу великой реки Инд, испокон веков несущей земле жизнь. Ни в каком ином месте не чувствовали мы такой связи времен, ибо цепь предков наших прослеживалась до самого вторжения мусульман в Индию в 712 году. Уже в раннем детстве мы узнали, что род наш восходит либо к Раджпутам, касте воинов-хинди, принявших ислам во время нашествия мусульман, либо к арабам-завоевателям, вошедшим в Индию через нашу провинцию Синдх, дав ей имя «Врата ислама». Сотни тысяч людей в Индии и Пакистане, от крестьян до крупных землевладельцев, принадлежат к клану Бхутто, одному из крупнейших в Синдхе.

Наша ветвь восходит прямо к знаменитому вождю Бхутто, Сардару Додо Хану. Несколько деревень в Верхнем Синде — Мирпур-Бхутто, где живет семья дяди Мумтаза, Гархи-Худа-Бахш-Бхутто, где находится наше семейное кладбище — носят имена наших предков, крупных землевладельцев, определявших местную политику в течение столетий. Моя собственная семья в дни *Эйда* продолжала посещать дом в Наудеро возле Гархи-Худа-Бахш-Бхутто, где отец и его братья угощали гостей традиционным рисом, сваренным с сахарным тростником, и водой, ароматизированной лепестками цветов. Но со времен деда центр семейной жизни переместился в Ларкану. Семейной резиденцией стала Аль-Муртаза.

До первой земельной реформы 1958 года Бхутто принадлежали к крупнейшим работодателям в провинции. Угодья наши, как и некоторых других землевладельцев, измерялись не акрами, а квадратными милями. В детстве нам нравилась история о Чарльзе Нэпире, британском завоевателе Синдха, объезжавшем провинцию в 1843 году. «Чьи это земли?» — спрашивал он возницу, и тот отвечал ему снова и снова: «Земли Бхутто». «Разбуди меня, когда они закончатся», — приказал Нэпир и заснул. Через некоторое время он проснулся сам и снова спросил: «Чьи земли?» И очень удивился, когда возница заверил его, что они так и не покинули еще владений Бхутто. Нэпир прославился своим кратким докладом британскому военному командованию после завоевания провинции. Сообщение состояло из одного латинского слова: *«Peccavi* — согрешил». Мы, дети, полагали, что это искреннее признание вины, а не простая игра словами.

Отец любил вспоминать семейные легенды и анекдоты. «Ваш прадедушка Мир Гулям Муртаза Бхутто был лихим красавцем в двадцать один год, — заводил он один из любимых своих рассказов. — Все женщины в Синдхе в него влюблялись. Влюбилась и одна молодая англичанка. А в те дни на браки между иностранцами был наложен *харам* — запрет. Но никакой *харам* не мог угасить ее чувства. Некий офицер британской армии, полковник Мэйхью, прослышал о запретной связи и вызвал к себе вашего прадедушку. Для него не имело значения, что он находится в Ларкане, в доме Бхутто. Его не интересовало, что земли Бхутто взором не охватить. Британцев не интересовало наше наследие. Они видели лишь нашу темную кожу и презирали нас.

„Как ты посмел поощрять привязанность британской женщины! — закричал полковник на Гуляма Муртазу, стоявшего перед ним. — Вот я тебя сейчас проучу". И полковник схватил плетку. Но как только он поднял руку, чтобы ударить твоего

прадедушку, тот выхватил у него плетку и сам ударил обидчика. Полковник завопил, призывая на помощь, и залез под стол. Гулям Муртаза отшвырнул плетку и гордо вышел из кабинета. „Беги! — в один голос уговаривали его друзья и семья. — Они убьют тебя". И твой прадедушка покинул Ларкану вместе с группой товарищей и с британской женщиной, которая не хотела с ним расставаться.

Британцы бросились в погоню. „Давайте разделимся, — решил Гулям Муртаза. — Часть из вас поскачет со мной, а остальные — с англичанкой. Но ни в коем случае не дайте ей попасть в руки британцев. Это дело чести". И они разделились. Чтобы сбить погоню, переправлялись через Инд. Группа, сопровождавшая англичанку, не смогла оторваться от погони. Чтобы спрятаться, они вырыли пещеру, замаскировали ее ветками и затаились внутри. Но британцы нашли пещеру. Друзья твоего прадедушки пришли в отчаяние. Они пообещали Гуляму Муртазе не отдавать англичанку ее соотечественникам. Они не могли вынести позора передачи ее врагу. И перед тем как британцы их захватили, они убили ее».

Мы сидели разинув рты, но история лишь начиналась. Наш прадедушка сбежал в независимый Бахвалпур. Британцы пригрозили вторгнуться туда, и прадедушка, поблагодарив Наваба за гостеприимство, пересек Инд и нашел убежище в Афганском королевстве, где его приняла семья правящего монарха. Взбешенные британцы захватили земли прадедушки. Дом наш пошел с молотка. Продали наши шелковые ковры, наши диваны из китайского шелка, сатина и бархата, наши столовые приборы из золота и серебра, наши громадные котлы, в которых готовилась пища на тысячи окрестных крестьян в дни религиозных праздников; продали разукрашенные шатры, использовавшиеся для торжественных церемоний. Гулям Муртаза должен быть наказан, сурово наказан, ибо никто не смел бросить вызов британцам. Они считались богами. Кое-где нам не позволялось ходить по предназначенным для них улицам. Никто не смел им возражать, а уж ударить...

Наконец достигли компромисса, Гулям Муртаза смог вернуться в Ларкану. Но дни его не продлились. Он заболел, стал терять вес. Хакимы, деревенские доктора, подозревали яд, но не могли определить источник. Пищу и воду его пробовали дегустаторы, но симптомы отравления не проходили, и жизнь его безвременно оборвалась, когда ему исполнилось лишь двадцать семь лет. Лишь после смерти прадедушки выяснилось, что причиной смерти его была отравленная хука, водная трубка кальяна, из которого он курил табак после ужина.

Мне нравились эти семейные истории. Любили их и братья,

Мир Муртаза и Шах Наваз, гордившиеся своими тезками-предками. Препоны, встречавшиеся на жизненном пути предков, формировали наш моральный кодекс, как и рассчитывал отец. Верность, честь, принципиальность.

Сын Гуляма Муртазы, мой дед сэр Шах Наваз, первым разрушил рамки тормозящих развитие общества феодальных традиций. До него браки в клане Бхутто заключались между родственниками, двоюродными или троюродными братьями и сестрами. Ислам разрешает женщине наследовать собственность, и родственные браки оставались единственным средством удержания земель во владении семьи. Такой «бизнес-брак» наметили и между моим отцом — тогда двенадцатилетним — и его кузиной Амир, восемью или девятью годами старше. Отец страсть как не хотел жениться, но дедушка соблазнил его новым крикетным набором из Англии. После свадьбы Амир вернулась к семье, а отец вернулся в школу, на всю жизнь сохранив впечатление о нелепости, особенно для женщин, таких насильственных соединений судеб.

Но, по крайней мере, Амир вышла замуж. Многие женщины из клана Бхутто на всю жизнь остались одинокими из-за отсутствия под рукой подходящего кузена. Таким образом остались незамужними мои тетушки, дочери деда от первого брака. И мой дедушка, несмотря на сопротивление родственников, допустил внеклановые замужества своих дочерей от второго брака. Конечно же, выходили они замуж не по любви, брак оставался серьезным деловым мероприятием. Но уже в следующем поколении моя сестра Санам первой из женщин Бхутто сама выбрала себе мужа. Против моих ожиданий я последовала тропою предков, позволила родителям выбрать для меня спутника жизни.

И все же дед мой слыл среди родственников закоренелым прогрессистом. Он дал своим детям образование, даже дочерей послал в школу, чем возмутил всех землевладельцев округи. Многие из них не желали обучать даже сыновей. «У моих сыновей есть земля, они обеспечены гарантированным доходом, им не придется гнуть спину ни на кого другого. Мои дочери унаследуют землю, о них позаботятся мужья и братья. К чему же нам это дурацкое образование?» Так рассуждали феодалы.

Дед рассуждал иначе. Он видел практические преимущества образования, видел, как выдвигались образованные индусы и городские мусульмане в Бомбее, где он служил в правительстве в годы британского владычества. Обучая своих детей, сэр Шах Наваз служил примером другим землевладельцам провинции, способствовал прогрессу Пакистана после отделения от Индии в

1947 году и обретения независимости. Не обращая внимания на презрительное фырканье соседей, он послал своего сына, моего отца, для обучения за границу. Мой отец своего отца не подвел. Он с отличием окончил Калифорнийский университет в Беркли, затем переехал в Оксфорд, изучал право в колледже Крайст-Черч и в знаменитой школе барристеров Линкольнз-Инн. В Пакистан он вернулся всесторонне подготовленным юристом.

Мать моя происхождения совершенно иного, родители ее принадлежали к городской промышленной олигархии, взгляды которой отличались куда большим космополитизмом, чем замшелые воззрения землевладельцев. В то время как женщины Бхутто жили в *пурда,* почти не покидая своих четырех стен, не выходя за ворота дворового участка, иначе как наглухо закутавшись в душную черную *бурка,* мать моя и ее сестры раскатывали по Карачи на собственных автомобилях, не закрывая лица и распустив по ветру волосы. Дочери иранского предпринимателя, они посещали колледж, а после провозглашения независимости Пакистана некоторое время служили в военизированных женских отрядах Национальной гвардии. Такой образ жизни для женщин Бхутто оставался совершенно немыслимым.

После свадьбы с отцом в 1951 году мать сначала жила в *пурда* с женщинами Бхутто, покидая дом лишь раз в неделю, чтобы навестить семью родителей. Но старый образ жизни надоел всем. Когда бабушке надо было куда-то выехать из нашего дома в Карачи и под рукой не оказывалось шофера, она просила мою мать сесть за руль. Потом семья переехала в Аль-Муртазу, и отец вопреки обычаю поселился с матерью на женской половине. А когда построили дом на Клифтон, 70, для женщин уже не предусматривали специальных помещений, изолированных от остальной части здания. Дед, правда, купил дом напротив, чтобы встречаться с посетителями мужского пола. Тон в пакистанском обществе все больше задавало более просвещенное поколение.

В мусульманском обществе с господствующим положением мужчин мальчикам в семье всегда отводится первое место. Они не только чаще получают образование, но и пищу им положено в экстренных ситуациях получать в первую очередь, пока мать и сестры дожидаются своей очереди. В нашей семье, однако, дискриминации не наблюдалось. Наоборот, я чаще оказывалась объектом предпочтительного внимания. Старшая из четверых детей, я родилась в Карачи 21 июня 1953 года. Очевидно, по нежно-розовому цвету младенческой кожи меня сразу после рождения окрестили Пинки. Через год родился брат Мир Муртаза, затем в 1957 году появилась на свет сестра Санам, и

брат Шах Наваз в 1958-м. Как перворожденная я сразу заняла в семье обособленное место, иногда даже ощущала свое одиночество.

Мне было лишь четыре года, а отцу двадцать восемь, когда президент Искандер Мирза впервые послал его в Организацию Объединенных Наций. Затем отец занимал посты министра торговли при президенте Айюб Хане, а также министра энергетики, иностранных дел и главы пакистанской делегации при ООН. В течение семи лет я встречалась с ним и с матерью лишь эпизодически.

Чаще я видела отца на фото в газетах, чем лично. Он защищал интересы Пакистана и других стран третьего мира в ООН, в 1960 году вел переговоры с Советским Союзом о финансовой и технической поддержке, в 1963-м вернулся из запретного Пекина с договором, урегулировавшим пограничные конфликты и вернувшим Пакистану 750 квадратных миль спорных территорий. Мать обычно сопровождала его в разъездах, оставляя детей дома на руках прислуги—и под мою ответственность. «Присматривай за детьми, ты ведь старшая», — говорили мне родители.

Мне было около восьми лет, когда родители официально поручили мне «ведение хозяйства». Мать выдала мне деньги на расходы, я держала их под подушкой. В школе я как раз боролась с арифметикой, а дома каждый вечер влезала на кухонную табуретку и делала вид, что что-то понимаю в счетах, предъявляемых мне нашим верным домоправителем Бабу. Не помню, сходились ли мои вычисления, но суммы, о которых шла речь, разумеется, не превышали моих вычислительных возможностей: с десяток рупий, около двух долларов за продукты для всех, живущих в доме.

Образованию в нашей семье всегда уделялось первостепенное внимание. Как в свое время его отец, наш отец стремился превратить нас в эталонных молодых людей нового поколения прогрессивных образованных пакистанцев. В три года меня послали в детский сад леди Дженнингс, в пять — в одну из лучших школ Карачи при монастыре Иисуса и Марии. Здесь обучение велось на английском, которым мы дома пользовались чаще, чем родными языками отца (синдхи), матери (фарси) и общенациональным языком Пакистана урду. И хотя монахини-ирландки, преподававшие в школе, заставляли нас поклоняться богам, которых звали «Дисциплина», «Вежливость», «Усердие», «Работа», они не соблазняли нас перейти в христианство. Школа приносила миссионерам слишком хороший доход, чтобы идти на риск отпугнуть немногочисленных богатых родителей,

достаточно дальновидных, чтобы дать детям достойное образование.

— Я требую от вас только одного: учитесь как следует, — не уставал повторять отец.

Когда мы подросли, он нанимал для нас репетиторов, натаскивавших нас после школы по математике и английскому. Регулярно звонил в школу отовсюду, из любого уголка земного шара. К счастью, учеба давалась мне легко, что соответствовало его планам сделать меня первой девушкой клана Бхутто, отправившейся на обучение за границу.

— Вы упакуете чемоданы, и я провожу вас в аэропорт, — такие речи я от него слышала, сколько себя помню. — Пинки уедет маленькой замухрышкой, а вернется взрослой да мой в сари. Шах Наваз так набьет чемодан одеждой, что он не закроется. Мы позовем Бабу, и он сядет на чемодан и по прыгает на нем, чтобы утрамбовать костюмы Шах Наваза.

Никаких сомнений у родителей не было: мне и сестре моей следует предоставить те же возможности, что и братьям. Как, впрочем, не ставит никаких препон перед женщинами и ислам. Уже в раннем возрасте мы узнали, что лишь мужской подход к нашей религии ограничивает возможности женщин, а не сама религия. Ислам в первооснове своей религия весьма прогрессивная в отношении к женщинам. Пророк Мохаммед (мир да пребудет с ним) запретил убийство младенцев женского пола, бытовавшее среди арабов в его время, призывал к обучению женщин и утверждал их права на наследование имущества гораздо раньше, чем эти привилегии отвоевали себе женщины Запада.

Биби Хадийя, первая женщина, обратившаяся к исламу, осталась вдовой, сама управляла своим хозяйством и делами. Она приняла на работу юного пророка Мохаммеда (мир да пребудет с ним) и впоследствии вышла за него замуж. Умм-э-Умара сражалась наравне с мужчинами против врагов ислама в его ранних битвах, ее меч спас жизнь пророка (мир да пребудет с ним). Чанд-Биби, правительница индийского Ахмаднагара, разбила императора моголов Акбара и принудила его к миру. Нур-Джехан, супруга императора Джехангира и фактическая правительница Индии, прославилась талантами в области государственного правления. Мусульманская история пестрит яркими личностями выдающихся женщин, не уступавших мужчинам успехами в избранных ими сферах деятельности. Ничто в исламе не препятствует мне следовать этим достойным подражания примерам. «И нашел я, что женщина правит ими. И дано ей всего в изобилии, и трон ее могуч и крепок», — читаем

мы в суре «Муравьи» в Священном Коране. «Мужчинам дано, что им подобает, и женщинам, что им подобает», — гласит сура «Женщины».

Каждый вечер мы читали эти и другие суры из нашей священной Книги и при помощи *маульви,* одного из учителей, приходящих в наш дом после школы, вникали в их суть. Чтению Священного Корана по-арабски придавалось в процессе нашего образования основное значение. Мы часами бились с трудностями арабского языка, алфавит которого схож с нашим урду, но грамматика и значения слов резко отличаются. Разница примерно такая же, как между английским и французским.

«Рай простирается у ног матери», — учил нас *маульви,* приводя заповеди Корана всегда почитать родителей, повиноваться им. Не удивительно, что этой строчкой часто пользовалась мать, чтобы удерживать нас в узде. *Маульви* учил нас также, что нашим поведением на земле определяется наша судьба в загробной жизни. «Вам придется проследовать над долиной огня по мосту толщиной в волос. Представляете, сколь тонок волос? — И он сокрушенно покачивал головой. — Согрешившие упадут в огонь адский и сгорят, лишь добрые пересекут мост и попадут в рай, где молоко и мед текут, подобно воде».

Молиться меня научила мать. Она относилась к вере весьма серьезно. Где бы она ни находилась, в любом уголке мира, и чем бы ни занималась, пять раз в день она простиралась ниц для молитвы, лицом к Мекке.

Мать моя, как и большинство населения Ирана, шиитка, тогда как остальные в нашем семействе сунниты. Но мы никогда не видели проблем в этом различии. Шииты и сунниты тысячу лет жили рядом и заключали между собою браки, полагая, что сходство между нами слишком велико, чтобы обращать внимание на различия. Главное, что все мусульмане, независимо от течения, секты, покорны воле Бога, верят, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мохаммед его последний пророк. Такое определение мусульманина дает Коран, и для нашей семьи это перевешивало все остальное.

Во время месяца мухаррама проводится церемония, посвященная памяти внука пророка, имама Хусейна, убитого в Карбале, в Ираке. Иногда я, вся в черном, сопровождала мать, и мы присоединялись к другим шиитским женщинам. «Слушай внимательно», — шептала мне мать, желавшая, чтобы я вникла во все детали шиитского ритуала, более утонченного, нежели аналогичные процедуры у суннитов. Я не мигая смотрела на женщину, ведущую службу, которая декламировала, описывая

трагическую гибель имама Хусейна и небольшой группы его последователей в Карбале, где их окружили и жестоко убили войска узурпатора Язида. Никого не пощадили, даже малых детей. Имаму Хусейну отрубили голову, сестру его, Зейнаб, заставили с непокрытой головой следовать ко двору Язида, где ей пришлось наблюдать, как тиран забавляется с головой ее брата. Однако дух Биби Зейнаб остался несломленным, как и решимость других последователей имама Хусейна. Их потомки, известные теперь как шииты, свято хранят память о трагедии в Карбале.

«Вот плачет дитя, его мучает жажда, — восклицает ведущая церемонию. Голос ее звучит взволнованно. — Чувствуешь сердце матери, сжавшееся от плача ребенка? Вот муж ее скачет к реке за водой. Он нагибается к реке. Он нагибается, чтобы зачерпнуть воды. Гляди, гляди! Воины с мечами набросились на него!..» Ее декламацию сопровождает *матам:* женщины бьют себя кулаками в грудь. Действие это волновало меня, я часто плакала.

Мой отец стремился ввести свою страну — и своих детей — в двадцатый век. Однажды я услышала, как мать спросила его: «Будем женить детей внутри рода?» Я затаила дыхание, ожидая ответа. «Я не хочу, чтобы сыновья наши женились на кузинах и заперли их в наших стенах. И не хочу, чтобы дочерей наших заживо похоронили в стенах своих домов родственники». Услышав такой ответ, я вздохнула с облегчением. «Пусть сначала завершат образование. Потом сами решат, как им поступать».

Не менее желанной для меня оказалась его реакция в день, когда мать моя впервые одела меня в *бурка.* Мы ехали в поезде из Карачи в Ларкану. Мать неожиданно вынула из своей дорожной сумки черную вуаль и окутала меня ею. «Ты больше не дитя», — сказала она с грустью в голосе. Она выполнила обычную, освященную веками процедуру, знаменующую взросление дочери семейства консервативных землевладельцев. Я покидала отрочество и переходила в мир взрослых. И мир этот мне показался неприглядным. Теперь все перед глазами расплывалось в темном муаре. Оказалось, что в новом наряде трудно сойти с поезда, ткань сковывала движения. Лишенное свежего ветерка лицо сразу вспотело.

—Пинки сегодня впервые надела *бурка,* — сообщила мать отцу, когда мы прибыли в Аль-Муртазу. Отец ответил не сразу.

—Не нужна ей *бурка,* — сказал наконец отец. — Сам пророк сказал, что лучшая вуаль та, что позади глаз. Пусть о ней судят по характеру, по уму, а не по одежде.

Так я стала первой женщиной Бхутто, освобожденной от жизни в постоянных сумерках.

Отец всегда поощрял во мне ощущение причастности к

большому миру, хоть я и не всегда одинаково усваивала его уроки. Осенью 1963 года я ехала с ним в его персональном железнодорожном вагоне министра иностранных дел. Он разбудил меня. «Не время спать», — сказал он взволнованно. — Ужасная трагедия. В Кеннеди стреляли». Хотя мне было еще всего лишь десять лет и я мало что знала о президенте Соединенных Штатов, отец держал меня при себе,

получая бюллетени о состоянии смертельно раненного президента Джона Кеннеди, с которым он несколько раз встречался в Белом доме и которого уважал за либеральность взглядов.

Иногда он брал меня, сестру и братьев на встречи с иностранными делегациями, посещавшими Пакистан. Когда он однажды сказал, что мы встретимся с китайцами, я взволновалась. Отец высоко оценивал китайскую революцию и ее вождя Мао Цзэдуна, армия которого прошла через леса и пустыни и разрушила старый порядок в стране. Я была уверена, что один из китайцев и будет Мао, кепка которого, его личный подарок, висела в гардеробной отца. На этот раз я без пререканий облачилась в наряд, привезенный отцом от Сакса с Пятой авеню в Нью-Йорке, где хранились снятые с нас мерки. Но, к моему разочарованию, Мао среди китайцев не оказалось, были лишь премьер-министр Китая Чжоу Эньлай и двое его министров, Чень И и Лю Шаоци, впоследствии сгинувшие в тюрьмах в период Культурной революции.

Чжоу Эньлай оказался не единственным высоким гостем, «обманувшим мои ожидания». Со вторым «обманщиком» я лично не встречалась. Однажды я по сиявшему на улице освещению в очередной раз поняла, что к ужину ожидается какая-то делегация. Подъехал лимузин, мы прилипли к окнам и увидели президента Айюб Хана и американца, которого я сразу узнала. Как же, ведь я много раз видела его в кино. На следующее утро я бодро спросила мать: «Ну, как, понравился тебе Боб Хоуп?» «Кто-кто? — удивленно переспросила мать и рассмеялась. — Глупышка, это же Губерт Хэмфри, вице-президент Соединенных Штатов». Позже я узнала, что Хэмфри пытался заручиться поддержкой Пакистана относительно американского вмешательства во Вьетнаме, причем в мягкой, завуалированной форме: поставив ракетки для бадминтона американским войскам. Но отец от этого жеста отказался, потому что не одобрял иностранного вмешательства в гражданскую войну во Вьетнаме.

Мне было десять, а Санам семь, когда нас отправили на север, в интернат на поросших соснами холмах бывшей британской миссии в Мурри. Наша гувернантка сообщила, что в

срочном порядке возвращается в Англию, и отец решил, что интернат — лучшее решение проблемы, которое во всех отношениях пойдет нам на пользу. В том числе и приучит ухаживать за собой. Впервые мне пришлось самой застилать свою постель, ухаживать за обувью, носить воду для мытья и чистки зубов из коридора, от общего крана. «Обращайтесь с моими детьми так же, как и со всеми», — сказал отец монахиням. И они не давали нам спуску.

В бытность нашу в интернате отец продолжал наше политическое образование по почте. Вернувшись со встречи глав неприсоединившихся стран в Джакарте, он прислал длинное письмо, обличающее эгоизм сверхдержав и вытекающее из этого пренебрежение к интересам стран третьего мира. Одна из монахинь усадила нас с Санам на скамейку в саду и полностью, с расстановкой прочитала это письмо, хотя мы все равно ничего толком не поняли.

Во время нашего второго — и последнего — года пребывания в интернате политика все же вторглась в нашу жизнь. 6 сентября 1965 года началась война между Индией и Пакистаном из-за Кашмира. Отец полетел в ООН бороться за право народа Кашмира на самоопределение и против агрессии Индии, а монашки Иисуса и Марии готовились к возможному вторжению. Мимо нас проходила дорога на Кашмир, прямо-таки приглашающая Индию, как полагали люди, воспользоваться ею.

Вместо игры в «кости-мячики» козьими косточками после ужина и чтения книжек Энид Блайтон мы отрабатывали действия по сигналу воздушной тревоги и затемнение окон. Монахини закрепляли младших девочек за старшими. Я заставила Санни привязывать на ночь тапочки к ногам, чтобы не тратить время на их поиски. На случай попадания в руки неприятеля мы выдумали себе фальшивые имена и увлеченно отрабатывали их применение, так как многие принадлежали к семьям высокопоставленных правительственных чиновников и армейских офицеров. Детское воображение и раньше рисовало нам пугающие картины похищения какими-то разбойниками из романтических окрестных холмов, но в эти семнадцать дней войны опасность приобрела реальные очертания.

Соединенные Штаты еще больше осложнили положение Пакистана. Встревоженная тем, что оружие, поставленное для защиты от коммунистической угрозы, применяется против Индии, администрация Джонсона наложила эмбарго на поставки оружия на весь субконтинент. Но Индия получала оружие еще и от Советского Союза. Несмотря на такое неравенство, наши солдаты настолько успешно сражались вплоть до объявленного

Объединенными Нациями 23 сентября прекращения огня, что отбили нападение Индии и захватили больше территории, чем потеряли. Настроение в стране царило приподнятое.

Волна воодушевления быстро спала. Во время мирных переговоров, которые велись в южном российском городе Ташкенте, президент Айюб Хан потерял все, что мы завоевали на поле боя. По Ташкентскому соглашению обе стороны отводили войска на исходные позиции. Возмущенный отец подал в отставку с поста министра иностранных дел. Когда индийский премьер-министр Лал Бахадур Шастри умер от инфаркта на следующий день после подписания договора, отец желчно заметил, что, должно быть, не перенес счастья.

Когда стали известны итоги переговоров, в провинциях Пенджаб и Синд вспыхнули демонстрации. Полиция применила силу, проявляла жестокость, но демонстрации продолжались. И жизни всех Бхутто претерпели необратимые изменения.

В июне 1966 года Айюб принял наконец отставку отца. Трения между ними стали очевидными для всех, позиция отца как политического лидера укреплялась, его популярность росла. Когда мы с отцом в последний раз ехали домой в Ларкану в его вагоне министра иностранных дел, нас встречали и сопровождали толпы, возбужденные люди бежали рядом с поездом, цеплялись за поручни и подножки, пытались проехать с нами. *«Фахр-и-Азия зиндабад!* Да здравствует гордость Азии!» Народ лез на крышу вагона, на крыши станционных и выстроенных вдоль железной дорога зданий, бежал по кровлям. «Бхутто *зиндабад!* Да здравствует Бхутто!»

Помню свой испуг, когда в Лахоре отец покинул поезд, чтобы встретиться с губернатором Пенджаба. Кто-то крикнул: «Кровь на рубашке мистера Бхутто!» Сердце мое замерло. Наконец из толпы показался отец, улыбающийся и помахивающий рукой. Рубашка его порвана, но на теле лишь маленькая царапина. Галстук отсутствует. Позже я слышала, что галстук его ушел с молотка за тысячи рупий. Когда он вернулся в вагон, толпа принялась раскачивать поезд, и я думала, что они столкнут нас с рельсов.

Мы вернулись домой, но от политики не оторвались. «Холодная война» и «эмбарго на поставки оружия» прочно вписались в наш детский словарь малопонятными колючими включениями. Со слушаниями, конференциями, результатами круглых столов мы сжились так же, как другие дети с результатами кубка мира по крикету. Но после разрыва отца с Айюб Ханом в 1966 году на первый план вышли «гражданские свободы» и «демократия», для большинства пакистанцев понятия мифические, ибо при Айюб Хане участие граждан в политической

жизни сводилось к немногим зачаточным проявлениям активности. Такое положение существовало до основания моим отцом Пакистанской народной партии в 1967 году.

Роти. Копра. Макан. Хлеб. Одежда. Крыша над головой. Эти простые базовые понятия стали боевым кличем Пакистанской, народной партии. Это то, чего недоставало миллионам неимущих в нашей стране. Если все мусульмане простирались ниц перед Аллахом, то бедные в нашей стране валялись в грязи перед богатыми. «Поднимитесь! Прекратите пресмыкаться перед ними! Вы люди, и у вас есть права! — призывал отец в отдаленных деревнях Пакистана, где до него не побывал ни один политик. — Требуйте демократии, при которой голос бедного весит столько же, сколько и голос богатого!»

Кто такой Бхутто? Чего он хочет? Почему все болтают, что каждый прислушивается к его голосу? «Слушать его собираются только водители такси да рикши», — распинался в подконтрольной правительству прессе губернатор. Я, идеалистка, ощутила шок. Конечно, я жила, не зная нужды, но невозможно не видеть на улицах людей без рубах, без башмаков; исхудавших молодых матерей и их детишек, ковыряющихся в грязи. Почему бедных людьми не считают? Коран учит, что все люди равны в глазах Господа. Нас родители учили относиться с уважением ко всем, не разрешать людям падать перед нами ниц, бросаться с дороги в сторону.

«Нет Божьего повеления, чтобы пакистанцы оставались нищей нацией, — вещал отец перед толпами бедняков и, во все большей мере, женщин, скромно стоявших по краям толпы собравшихся на митинг. — Страна наша обильна, ресурсы ее неисчерпаемы. Почему тогда население должно прозябать в нищете, страдать от голода и болезней?» Этот вопрос люди хорошо понимали. Айюб пообещал экономическую реструктуризацию, однако результатом его усилий явилось обогащение его семьи и горстки приближенных. За одиннадцать лет правления Айюба группа лиц, известная как «двадцать два пакистанских семейства», завладели практически всеми банками, страховыми компаниями и крупными промышленными предприятиями страны. Сотни и тысячи возмущенных несправедливостью людей вслушивались в призывы отца к социальным и экономическим реформам.

Первый этаж дома на Клифтон, 70, в Карачи, превратился в офис ПНП. Нам с сестрой было, соответственно, 14 и 11, когда мы с энтузиазмом заплатили по четыре *анна* партийных взносов и принялись помогать нашему управляющему Бабу вести запись людей, выстраивавшихся в возраставшую с каждым днем очередь

у ворот дома. Не переставали мы интересоваться и тем, кто выиграл в крикет или в хоккей. И слышали от отца о попытках его подкупить. «Ты еще молод, перед тобой вся жизнь, — ворковали эмиссары Айюба, — не мешай Айюбу, скоро и твой черед придет. Работай с нами, а не против нас, и мы позаботимся, чтобы жизнь твоя стала приятной». Те же слова я сама позже слышала от подосланных другим диктатором. За отвергнутыми предложениями взяток последовали угрозы убийства.

Мир насилия до тех пор оставался для меня неизвестным. Существовал мир политики, в котором жил отец, в своем мире жили дети: школа, игры, смех на пляже. Но эти два мира содрогнулись, когда пришли вести о покушениях на отца. В него стреляли в Рахим-Ярхане, в Сангаре и в других местах в ходе его поездки по стране. К счастью, убийцы промахнулись. В Сангаре отца спасли его сторонники, прикрывшие его телами, принявшие на себя предназначенные для него пули.

Мы жили в напряжении, но я старалась ничем не проявлять испуга. Что проку зря бояться? Такова пакистанская действительность, такова наша жизнь. Угрозы, попытки подкупа, коррупция, насилие. Объективная реальность. И я подавляла страх, не позволяла себе бояться. Я пыталась вообще ничего не ощущать, даже когда через одиннадцать месяцев Айюб арестовал отца и все руководство партии и бросил их в тюрьму. Таковы методы диктатуры. Протест следует подавить. Недовольных схватить. По какому закону? Закон — желание диктатора!

* * *

Бурное развитие событий в 1968 году характерно не только для Пакистана. Мир затрясся в революционной лихорадке. Студенты взбунтовались в Париже, в Токио, в Мехико-Сити, в Беркли и в Равалпинди. В Пакистане волнения начались, когда Айюб арестовал отца и бросил его в Мианвали, одну из худших тюрем Пакистана. Оттуда его перевели в Сахивал, где по камере шныряли крысы. В попытке подавить волнения режим закрыл все школы и университеты.

Я тем временем готовилась к сдаче итоговых экзаменов за среднюю школу и к стандартному тестированию для поступления в американский вуз, чтобы быть допущенной в Редклифф. Я уговаривала отца позволить мне учиться в Беркли, где учился он сам, но он оставался неумолим. «В Калифорнии слишком мягкий климат, погода не даст тебе учиться. А снег и лед в Массачусетсе заставят тебя заниматься как следует».

Об отсрочке экзаменов не могло быть и речи, ибо возможность сдать их представлялась лишь раз в году, в декабре. «Сиди дома и учи, готовься», — наставляла меня мать, уезжая с

младшими детьми в Лахор, чтобы подать заявление в Верховный суд и заставить его признать незаконность содержания отца под стражей. Я осталась одна в нашем доме в Карачи, в районе, удаленном от коммерческого центра, в котором происходили демонстрации и столкновения с полицией.

Чтобы отвлечься от беспокойных мыслей о томящемся за решеткой отце, я с головой окунулась в занятия. Каждый день приходили учителя, а вечерами я иногда встречалась с подругами Фифи, Тамине, Фатимой и Самийей в расположенном по соседству Синдх-клубе, когда-то британском, куда «туземцы и собаки» не допускались. Ныне это спортклуб состоятельных пакистанцев. Мы играли в сквош, плавали в бассейне, хотя и сознавали, что жизнь не так легка и беззаботна, как кажется. С тех пор как Айюб арестовал отца, родители и «доброжелатели» предупреждали моих подруг об опасности дружбы с дочерью Бхутто. «Как бы чего не вышло...» Отца Самийи предупредили на весьма высоком уровне, что дружба его дочери со мной может навлечь на его семью неприятности. Однако Самийя и другие ближайшие подруги не обратили на эти предупреждения внимания, хотя некоторые одноклассницы начали меня сторониться.

«Молюсь об успехе твоих школьных экзаменов, — писал отец из тюрьмы Сахивал 28 ноября. — Горжусь дочерью-умницей, в пятнадцать лет сдающей экзамены, которые сам я сдавал в восемнадцать. Таким темпом быть тебе президентом».

Находясь в одиночном заключении, отец все еще беспокоился о моем образовании и убеждал меня, что это его главная забота. «Знаю, что ты много читаешь, но посоветую больше внимания обращать на историю. Почитай о Наполеоне Бонапарте — в высшей степени законченная личность, пожалуй, самая интересная за всю новую историю. Об Американской революции и об Аврааме Линкольне. Прочитай „Десять дней, которые потрясли мир" Джона Рида. О Бисмарке и Ленине, Ататюрке и Мао Цзэдуне. Обрати внимание на историю Индии с древнейших времен и до наших дней. Но главное внимание удели истории ислама». Письмо на тюремном бланке подписано: «Зульфикар Али Бхутто».

Конечно, мне очень хотелось быть с семьей в Лахоре, но — нельзя. Санам звонила мне, сообщала, что мать каждые два-три дня ведет марши протеста женщин к тюрьме. Каждая из женщин обеспечена мокрым полотенцем и пластиковым мешком на случай газовой атаки полиции. Несмотря на полицейские кордоны, демонстрации продолжаются и усиливаются. Солдатам приказывали задерживать женщин, но они отказывались, улыбались и махали руками. Приказы Айюба пока не могли

изменить отношения к женщине.

Когда в декабре подошло время экзаменов, миссия Иисуса и Марии устроила их в посольстве Ватикана, тоже на Клифтон. Экстерриториальность и удаленность от коммерческого центра делали это место относительно безопасным. Школьники в Британии сдавали те же экзамены в чистых классных комнатах, а мы с опаской проскальзывали в посольство Римско-католического престола.

Обстановка в стране тем временем накалялась, особенно после того, как полиция открыла огонь и убила нескольких демонстрантов. Теперь демонстранты требовали не только освобождения отца и других политических заключенных, но и отставки Айюб Хана.

Через три месяца после ареста отца хаос в стране заставил Айюба освободить лидеров ПНП. Прошли слухи, что самолет, на котором моего отца должны доставить в Ларкану, непременно взорвут вместе с отцом и экипажем. Мать устроила пресс-конференцию по этому вопросу, чтобы предотвратить возможное преступление. Вместо самолета отца отправили поездом. Я счастлива была увидеть его снова, но борьба против Айюба далеко не завершилась.

— Вниз! — закричал отец мне и Санам во время демонстрации в Ларкане по случаю его освобождения. Наш открытый автомобиль медленно пробирался сквозь толпу.

Люди кричали: *«Джайе* Бхутто!» и *«Гирти хауи дивар ко аахри дхака доу* — толкни падающую стену посильнее». И вдруг какой-то агент Айюба, подобравшись к машине вплотную, выстрелил в отца. К счастью, каким-то чудом пистолет дал осечку. Но толпу это не умилостивило.

Из-под пригнувшей меня руки отца я заметила, что молодого человека буквально разрывают на куски. Его голову, руки, ноги тащили в разные стороны, разрывали рот, из которого струилась кровь. «Не смотри!» — строго сказал отец, пригибая мне голову. Я сползла на дно машины, а отец принялся кричать своим разъярившимся сторонникам, чтобы они не убивали покушавшегося. В конце концов отец его спас, но сцену эту я запомнила надолго.

Перед глазами у меня и отец, худеющий ото дня ко дню во время голодовки протеста против диктатуры Айюб Хана и произвольных арестов. После освобождения из тюрьмы он с группой лидеров ПНП сидел перед домом в Аль-Муртазе, в Ларкане, под *шамиана,* на виду у прохожих. Все жители города ужасались тому, как он худеет. «Пожалуйста, послушайся папу»,— мысленно уговаривала я Айюб Хана и удивлялась, почему не

худеют люди, сидевшие рядом с отцом. «Они по ночам втихомолку отъедаются, — открыли мне глаза наши слуги. — Только отцу не говори, не расстраивай его».

Группы проводящих голодовку протеста тут же появились перед юридическими конторами и в деловых кварталах других городов Пакистана. Вокруг них ежедневно собирались громадные толпы сочувствующих. Повсеместно раздавались требования отставки Айюба. Увидев, что ресурсы его исчерпаны, даже сила ему не поможет, Айюб все-таки уступил, ушел 25 марта 1969 года. Но победы не получилось. Вместо того чтобы уступить полномочия спикеру Национальной ассамблеи, как того требовала его собственная конституция, Айюб передал власть начальнику Генерального штаба армии Яхья Хану. Снова Пакистан попал под пяту военных, снова военный диктатор отменил все гражданские свободы и ввел военное положение.

— Тебе письмо из Редклиффа, — сказала мне мать в апреле. Конверт я приняла с дурными предчувствиями. Хочу ли я туда? Да и руководство колледжа сомневалось по поводу моего возраста — шестнадцать лет, — предлагали подождать год-другой. Но отец не видел оснований для отсрочек. Вместо этого он обратился за содействием к своему другу Джону Кеннету Гэлбрайту, профессору экономики в Гарварде и бывшему послу США в Индии. Я вскрыла конверт. Принята. Начало занятий осенью 1969 года.

В качестве прощального подарка отец вручил мне том Священного Корана в роскошном перламутровом переплете. «Ты увидишь в Америке много удивительного, — сказал он. — Кое-что тебя испугает. Но я знаю, что ты способна все понять и осмыслить. Прежде всего — учись. Мало у кого в Пакистане есть такая возможность, так что не упусти ее. Не забывай, что деньги, на которые я посылаю тебя учиться, дает земля, политая потом, труд людей, гнущих спину на этой земле. Ты в долгу перед ними и с Божьей помощью сможешь этот долг уменьшить, используя образование для улучшения жизни этих людей».

В конце августа я остановилась в украшенном резным орнаментов дверном проеме нашего дома в Карачи. Мать подняла мой новый Коран над моей головой, я поцеловала священную Книгу. И мы отправились в аэропорт. Мне предстоял полет в США.

3

ВОСПОМИНАНИЯ В АЛЬ-МУРТАЗЕ: МОЕ ЗНАКОМСТВО С ДЕМОКРАТИЕЙ

Второй месяц мы с матерью в Аль-Муртазе. Сад гибнет у нас на глазах. До ареста и гибели отца за растениями и землей

ухаживали десять человек. Теперь, после превращения Аль-Муртазы в место заключения для нас с матерью, военный режим разрешает вход лишь троим. Я включаюсь в борьбу за жизнь сада.

Меня удручает гибель цветов, особенно отцовских роз. Каждый раз, возвращаясь из-за границы, он доставлял в свой розарий редкие саженцы причудливых пород: фиолетовые, танжериновые розы, вообще на розы не похожие, но столь совершенно оформленные природой и селекционерами, что выглядели фантастическими статуэтками. Больше всего ему нравилась голубая «роза мира» — так он ее называл. Теперь же из-за недостатка ухода розовый сад начал чахнуть, побурел.

Каждое утро, в семь часов, при круглосуточной летней жаре, я уже в саду, таскаю с садовниками тяжелые брезентовые шланги. От углов дома за мной следят охранники. Раньше садовники справлялись с поливкой розария за три дня. Теперь у нас на это уходит восемь. Когда приходит черед последних кустов, первые уже начинают увядать. Я хочу, чтобы они жили, вижу в их борьбе за выживание при острой нехватке воды и ухода отражение своей собственной борьбы в отсутствие свободы.

Счастливейшие часы моей жизни проведены среди роз и в прохладной тени фруктовых деревьев Аль-Муртазы. В дневные часы воздух напоен ароматом *Дин-ка-Раджа,* «Короля дня», сладких белых вспышек, часто вплетаемых в прическу, по обычаю, принятому у пакистанских женщин. На закате воздух заполняется запахом *Раат-ки-Рани,* «Королевы ночи», услаждавшей вечера, проведенные нашей семьей на террасе.

Шланги, кусты, вода... Собираю листья, сгребаю, сметаю их со двора, с газонов, до боли в руках. Ладони покрываются пузырями. «Что ты делаешь, зачем же так? Зачем ты себя убиваешь?» — ахает мать, видя, как я в полдень, обессиленная, валюсь с ног. Я ей возражаю, что надо чем-то заниматься. Но на самом деле физическая усталость дает мне возможность забыть тяжесть ситуации, не дает возможности думать о том, как впустую растрачиваются наши жизни под гнетом военной диктатуры.

Я вскапываю грядку и рассаживаю новые розы. Они не приживаются, все до одной гибнут. Мать более успешна в своих огородных экспериментах с дамскими пальчиками, стручковым перцем и мятой. Вечером свистом подзываю пару прирученных журавлей, благодарю их за отклик хлебом. Разговор с журавлями, работа в саду. Что-то посадила, что-то выросло. Доказательство того, что существую.

Когда не работаю в саду, время приходится просто убивать. Перечитываю Эрла Стэнли Гарднера — книги дедушки. Часто отключают электричество, приходится сидеть во тьме. Телевизор

не конфисковали, но смотреть нечего. Во времена отца показывали пьесы, художественные фильмы, мыльные оперы, а также дискуссии, литературные программы, уроки грамотности, чтобы научить людей читать. Сейчас же, когда ни включишь, — везде Зия и снова Зия: Зия произнес новую эпохальную речь, общественность оживленно обсуждает новую речь Зии, сообщения о том, где и с кем встретился наш великий Зия, надежда наша и упование...

Каждый вечер в 8.15 мы с матерью включаем приемник, настраиваемся на Би-би-си, слушаем передачу на урду. Лишь радио Би-би-си позволило нам узнать, что толпа сожгла дотла американское посольство в Исламабаде, полагая, что США стоят за захватом Большой мечети в Мекке. Мы с матерью с изумлением узнали, что в заполненном силами безопасности, зарегулированном военным положением Исламабаде под носом у правительства и якобы без его ведома организованная автобусная колонна со студентами-фундаменталистами прибыла к американскому посольству и без каких-либо помех сожгла его. Посольство горело несколько часов, и даже этого огня никто из господ военных не приметил, зато последовала мгновенная реакция на демонстрацию сторонников ПНП. Посольство выгорело, один человек погиб. Сокрушенный Зия появился на телеэкранах, очень расстраивался, много-много сокрушался, рассыпался в извинениях перед американцами и пообещал компенсировать все убытки. Что за игру он вел? Для меня это до сих пор загадка.

Еще более потрясающее известие принесло сообщение Би-би-си через месяц.

27 декабря 1979 года русские войска вошли в Афганистан. Мы с матерью ошеломленно уставились в глаза друг другу при этом сообщении неимоверной для нас политической важности. Битва между сверхдержавами теперь разгорается на пороге нашей страны! Если США хотят, чтобы советскому присутствию противостояла сильная и стабильная страна, они должны способствовать быстрому восстановлению демократии в Пакистане. Если же они решат выжидать развития событий в Афганистане, то диктатура Зия лишь усилится.

Америка. В Америке я впервые узнала, что такое демократия. Там я провела счастливейшие годы жизни. Закрыв глаза, и сейчас могу представить себе студенческий городок Редклиффа в Гарварде, багряный и золотой убор осенних деревьев, мягкое одеяло свежевыпавшего снега под ногами зимой, радостную вибрацию души при виде первых весенних побегов. В то же время, учась там, в Редклиффе, я наглядно убедилась в бессилии стран

третьего мира перед лицом эгоистических устремлений правительств сверхдержав.

— Паки... что-что? Паки... как? Пакистан... Где это? — нормальная реакция моих новых товарищей в Редклиффе. Тем проще отвечать.

—Пакистан — крупнейшая мусульманская страна мира, — отвечала я на манер служащей культурного отдела посольства. — Он состоит из двух частей, разделенных Индией.

—А-а, Индия, — облегченно кивала собеседница. — Вы рядом с Индией...

Слыша об Индии, я каждый раз содрогалась от боли. Две ожесточенных войны вел Пакистан с этой страной. Пакистану его географическим положением как будто бы должна отводиться роль союзника Соединенных Штатов, буфера против советского влияния в Индии. Пакистан граничит с коммунистическим Китаем, с Афганистаном и Ираном. США использовали наши аэродромы для разведывательных вылазок своих высотных самолетов U-2, включая злополучный полет сбитого над Советским Союзом Гэри Пауэрса в 1960-м. Полет Генри Киссинджера в Китай оказался куда более успешным и плодотворным. Госсекретарь подготовил почву для исторического визита президента Никсона в следующем году. Однако американцы не имели о моей стране ни малейшего представления.

Естественным образом они не имели представления и о Бхутто, и впервые в жизни я наслаждалась анонимностью. В Пакистане имя Бхутто всегда вызывало паническую реакцию и робость передо мною. Я никогда не знала, судят ли обо мне люди по моим достоинствам или по имени. В Гарварде я впервые смогла стать сама собой.

Мать провела со мной несколько первых недель, устраивая меня поуютнее в комнате в Элиот-холле, рассчитав и проверив направление на Мекку, чтобы я знала, в каком направлении молиться. Уехала она, оставив мне теплый шерстяной *шальвар хамиз,* собственноручно сконструированный, с шелковой подкладкой, чтобы шерсть не раздражала тело.

К ее наставлениям в отношении молитвы я, разумеется, отнеслась со вниманием, но в области гардероба внесла существенные коррективы, ибо одежда не только не подходила к климату с дождями и снегом, но и выделяла меня на фоне остальных студентов. Поэтому я быстро сменила *шальвар хамиз* на приобретенные в университетской лавке джинсы и свитера. Волосы отпустила длинные и прямые и очень обрадовалась, когда соученицы нашли меня похожей на Джоан Байез. Неумеренно

поглощала яблочный сидр и еще больше увлекалась мятным мороженым с карамельной крошкой из кафе Бригама. Регулярно посещала рок-концерты в Бостоне и чаепития в саду профессора Гэлбрайта и его жены, ставших моими «родителями-опекунами» в Америке. В общем, вовсю наслаждалась новизной.

В США разгорелось антивоенное движение, и я принимала участие в многолюдных шествиях вместе с другими студентами Гарварда сначала в день моратория на Бостон-коммон, затем в многотысячном марше протеста в столице США Вашингтоне, где по иронии судьбы впервые нюхнула слезоточивого газа. Нацепив значок «А ну, живо верните наших парней домой!», я с непривычки нервничала, ибо как иностранка рисковала высылкой из страны в случае задержания полицией. Но я возражала против Вьетнамской войны дома и, разумеется, не могла не ввязаться в антивоенное движение в Америке. Как ни странно, мотивы мои и моих американских друзей совпадали: американцы не должны ввязываться в гражданскую войну в Азии.

Сменив в Пакистане шесть специальностей в четырех школах, я наслаждалась и непрерывностью четырехлетнего курса в Гарварде. Скучать не приходилось. В Гарварде набирало силу женское движение, книжная лавка предлагала богатейший выбор книг, журналов о женщинах, включая «библию» феминисток «Сексуальная политика» Кейт Мил-лет; появились первые выпуски журнала «Ms.». Вечера проходили в обмене мнениями о будущем, в том числе о предстоявших отношениях в семье, с партнерами по браку — если мы вообще выйдем замуж. В Пакистане я относилась к очень немногим исключениям, не считавшим замужество и семейную жизнь главной целью существования. В Гарварде же я затерялась в море таких же незацикленных на своей «женской доле» особ. Я ощутила себя гораздо увереннее, полностью излечилась от мучившей меня годами робости.

В Пакистане мы с сестрой и наши братья вращались в ограниченном кружке знакомых и родственников. Поэтому я терялась перед впервые встреченными людьми. В Гарварде я не знала никого, кроме Питера Гэлбрайта, с которым познакомилась как раз перед началом учебного года в доме его родителей. На меня, всю жизнь проведшую в семейном кругу, в совершенно иной обстановке, он произвел ужасающее впечатление. Длинноволосый, нечесаный, одет в какое-то нестиранное ободранное тряпье, да еще и курил при родителях! Казалось, бывший посол в Индии привез домой какого-то найденыша. Не таким я представляла себе сына уважаемого профессора и дипломата высокого ранга. Тогда я не могла знать, что этот самый Питер станет моим добрым другом и через пятнадцать лет

сыграет решающую роль в моем освобождении от произвола диктатуры.

Но Питер — лишь один из тысяч студентов Гарварда. Мне приходилось подходить к незнакомым, чтобы спросить, где библиотека, где аудитории, где общежитие. Я не могла позволить себе оставаться скованной, немой и робкой. Меня бросили в глубокий незнакомый пруд; чтобы выплыть, приходилось барахтаться.

Освоилась я быстро, себе самой на удивление, в течение первого же года обучения стала в Элиот-холле уполномоченной по социальным вопросам, затем попробовала себя в гарвардской газете «Кримсон», проводила экскурсии для общества «Кримсон Ки».

— ...Официальное название этого здания — Центр раз вития университета, но аббревиатуру ЦРУ для него мы ни когда не употребляем. — И я с видом заговорщицы улыбалась просвещаемой мною публике, таким же яро радикальным желторотым студиозам, как и я сама.

Доставалось и выстроенному французским архитектором-конструктивистом Ле Корбюзье зданию визуальных искусств:

— ...Общее мнение склоняется к тому, что строители по ошибке перевернули планы сооружения вверх ногами...

Встречались и затруднения, основанные на различии культур и традиций. Я так и не смогла привыкнуть к проживанию в такой близости от студентов мужского пола, особенно когда, уже на третьем курсе, они появились и в Элиот-холле. Обнаружив в прачечной студента-мужчину, я спешно ретировалась, откладывая свою стирку на более позднее время. Проблема решилась, когда я переехала в Элиот-хаус, где я и моя соседка Иоланда Коджицки на свою пару комнат располагали общей ванной, а коммунальная прачечная была намного больше.

Сначала я собиралась изучать психологию. Но когда узнала, что курс предусматривает анатомические дисциплины со вскрытием трупов животных, отказалась от этого намерения и решилась в пользу администрирования и управления. Отца мой выбор обрадовал. Он, оказывается, написал Мэри Бантинг, президенту Редклиффа, и попросил ее склонить меня к политическим наукам. Миссис Бантинг, однако, не упоминая о письме отца, просто справилась у меня, к чему у меня склонность, чему я хотела бы посвятить жизнь. Выбор мой оказался удачным с любой точки зрения.

Изучая управление в Гарварде, я больше поняла Пакистан, чем проживая долгие годы на своей многострадальной родине. «Когда полисмен на улице поднимает руку и говорит „Стоп!", все

останавливаются. Но если то же самое сделаем я или вы, никто не обратит внимания, никто не задержится. Почему? — вопрошает профессор Джон Вомак во время семинара по «революциям» и тут же отвечает: — Потому что полисмен уполномочен на это действующим законодательством, конституцией, правительством. Он имеет право сказать „Стоп", и мы этого права не оспариваем. А вы и я такими полномочиями не облечены».

Помню, с каким чувством я сидела перед профессором Вомаком. Ведь я, пожалуй, была единственной из присутствующих, кто жил при диктатуре. Этим примером университетский профессор охарактеризовал презрение к закону диктатуры Айюба, Яхья Хана, а затем и Зии. Диктаторы эти, по сути, самозванцы, не облеченные полномочиями народа, закона. Я впервые ясно поняла, почему народ Пакистана не видит смысла в повиновении такому режиму, не видит смысла выполнять команду «Стоп!». Где нет законного правительства, там царит анархия.

Я одолела половину второго курса, когда в Пакистане наконец забрезжила вероятность легитимного правления.

7 декабря 1970 года Яхья Хан допустил проведение первых за тринадцать лет выборов. В другом полушарии, в Кембридже, я сидела над учебниками и над телефоном. Позвонила мать и сообщила, что отец и его партия одержали убеди тельную победу в Западном Пакистане, обеспечив 82 из 138 мест в Национальной ассамблее. Я пришла в восторг. В Вос точном Пакистане, где шейх Муджиб Ур-Рахман, лидер Ли ги Авами шел вне конкуренции, он и забрал большинство мест, еще более подавляющее. На следующий день меня по здравляли незнакомые мне люди, встречные, прочитавшие о победе отца в «Нью-Йорк таймс».

Воодушевление мое, однако, быстро улетучилось. Вместо того, чтобы с моим отцом и представителями Западного Пакистана составить новую конституцию, приемлемую для обеих частей страны, Муджиб потребовал независимости, взял курс на полное отделение Восточного Пакистана — он же Восточная Бенгалия. Отец мой снова и снова взывал к Муджибу, призывал сохранить целостность страны, работать вместе, чтобы устранить военный режим Яхья Хана. Но Муджиб, не считаясь с требованиями дня, упрямо вел курс на отделение. Логика его мне по сей день не понятна. Восточнобенгальские мятежники захватили аэропорты, бенгальцы отказались платить налоги, бенгальские служащие центрального правительства объявили забастовку.

В марте стало ясно, что гражданской войны не миновать.

Отец продолжал переговоры с Муджибом, надеясь сохранить

объединенный Пакистан, избавить восток от вмешательства столь падких на радикальные меры военных. 27 марта 1971 года он находился в столице Восточного Пакистана Дакке, прибыв для очередного раунда переговоров с Муджибом. Но он опоздал, случилось худшее. Яхья Хан приказал армии вмешаться и подавить сопротивление. Отец наблюдал из своего номера в отеле, как в столице вспыхнули пожары. Генералы тешили душу привычными методами решения проблем. За шесть тысяч миль, в Кембридже, я получила горький урок.

Грабежи, разбой, изнасилования, резня... Никто не интересовался Пакистаном, когда я прибыла в Гарвард, но теперь о нем узнали все. И осуждали мою страну тоже все. Сначала я отказывалась верить сообщениям западной прессы о зверствах пакистанской армии в Восточном Бенгале, который мятежники именовали Бангладеш. Согласно пакистанским газетам, подконтрольным правительству, — я получала их от родителей еженедельно — вспышка недовольства жалкой кучки мятежников была уже давно подавлена доблестными войсками Пакистана. На чем же тогда основаны сообщения о том, что Дакка сожжена дотла, что в университете расстреляны студенты, профессора, преподаватели, поэты, писатели, врачи, юристы? Я недоверчиво поджимала губы. Толпы беженцев спасаются от резни, а пакистанские самолеты на бреющем полете расстреливают их без разбору. Трупов столько, что из них складывают баррикады дорожных блокпостов.

Сообщения казались мне невероятными, я не знала, что думать. Когда я прибыла в Редклифф, нам во вводном курсе указывали на реально существующую опасность изнасилования. Тогда мне это тоже казалось невероятным. Я вообще не слыхала об изнасилованиях до прибытия в США, и услышанное настолько меня испугало, что я все четыре года остерегалась одна выходить вечером из дому. После лекции опасность изнасилования в Гарварде, в Соединенных Штатах, казалась мне реальной. Но изнасилования в Восточном Бенгале — нет. Я предпочла поверить ура-патриотическим выкрикам официальной отечественной прессы и заверениям, что западные репортеры «сильно преувеличивают» и «их измышления продиктованы сионистским заговором» против исламского государства.

Мои товарищи придерживались иного мнения. «Ваши солдаты — варвары. Они истребляют мирное население». «Никого они не убивают, — отбивалась я, багровея от возмущения. — Нельзя же верить всему, что пишут в газетах!» Но верили газетам, а не мне. Все ополчились на Западный Пакистан, даже люди, с которыми я собирала средства на опустошенную циклоном

восточную часть страны. Обвинения становились все более резкими. «Вы — фашисты, диктаторы!» Я же обращала внимание на сообщения о подготовке в Индии тысяч партизан, забрасываемых в Восточный Пакистан. «Мы боремся с поддерживаемым Индией подрывным восстанием. Мы стремимся сохранить территориальную целостность страны, как и вы в ходе вашей Гражданской войны».

Обвинения сыпались отовсюду, обоснованные и необоснованные. «Пакистан отрицает право народа Бангладеш на самоопределение», — гремел с кафедры профессор Волзер во время открытой лекции «Война и мораль» осенью, во время моего второго курса. Я вскочила перед двумя сотнями студентов и произнесла свою первую политическую речь. «Вы совершенно неправы, профессор, — воскликнула я срывающимся от волнения голосом. — Народ Бенгала использовал свое право на самоопределение в 1947 году, когда выбрал Пакистан». На какое-то время воцарилось удивленное молчание. Но ведь моя точка зрения исторически верна. Печальная же истина, которую я отказывалась признать, в разочаровании населения, последовавшем за созданием Восточного Пакистана.

Сколько раз с тех пор просила я Господа простить мое невежество? Я не хотела видеть, что мандатом на управление Восточным Пакистаном злоупотребляли. Восточная часть страны, в которой проживало большинство населения, использовалась Западным Пакистаном как колония. Из доходов от экспорта Восточного Пакистана в более чем 31 миллиард рупий западное меньшинство львиную часть тратило на строительство у себя дорог, школ, университетов, больниц, мало что оставляя востоку. Армия, крупнейший наниматель нашей бедной страны, девяносто процентов своих сил черпала в Восточном Пакистане.

Восемьдесят процентов правительственных должностей занимали люди с запада страны. Центральное правительство объявило урду, язык, который в Восточном Пакистане мало кто понимает, государственным языком страны, воздвигая перед бенгальцами дополнительный барьер на пути к занятию должностей на государственной службе. Не удивительно, что они чувствовали себя эксплуатируемыми и униженными.

В силу своей молодости и наивности я не в состоянии была понять, что пакистанская армия способна на те же зверства, что и любая другая, натравленная на гражданское население и вышедшая из-под контроля. Вспомнить хотя бы резню, учиненную армией США в Май-Лай, во Вьетнаме, в 1958 году. Не лучше проявил себя и Зия при подавлении волнений в моей родной провинции Синдх. Солдаты легко срываются с поводка, когда

перед ними беззащитное гражданское население. Они рассматривают своих жертв в качестве добычи, над которой можно отвести душу и издеваться самым произвольным образом: убивать, грабить, насиловать. Но в ту ужасную весну 1971 года я носилась с наивным детским представлением о героических пакистанских воинах, доблестно отражавших в 1965 году неспровоцированную индийскую агрессию. Представление это умирало медленно и мучительно.

«Пакистан переживает страшное время, — писал отец в длинном послании ко мне, опубликованном впоследствии в виде книги «Великая трагедия». — Кошмар продолжается, пакистанцы убивают пакистанцев. Льется кровь. Ситуация осложняется агрессивным вмешательством Индии. Пакистану суждена вечная жизнь, если удастся пережить то, что происходит сегодня. Но не удивлюсь, если эти конвульсии приведут к полному краху».

Конвульсии катастрофы начались на заре 3 декабря 1971 года. «Нет!» — воскликнула я в Элиот-холле, отшвырнув газету. Под предлогом восстановления порядка, чтобы нескончаемый поток беженцев из Восточного Пакистана в Индию смог наконец прекратиться и завернуть домой, индийская армия вторглась в Восточный Пакистан и одновременно ударила по Западному. Современные ракеты советского производства топили наши суда на якорных стоянках в Карачи. Индийские самолеты бомбили жизненные центры города. Наше оружие настолько устарело, что мы ничего не смогли противопоставить агрессору. Возникла угроза самому существованию нашей страны.

«Повезло тебе, что ты не здесь, — писала Самийя из Карачи. — Бомбят каждую ночь, нам пришлось заклеить окна черной бумагой, чтобы не пробивался свет. Школы и университеты закрыты, так что весь день нечем заняться, только бояться да беспокоиться. В газетах, как всегда, ничего не прочитаешь, ничего не поймешь. Мы даже не знали, что они заняли Восточный Пакистан, пока кто-то не прибежал с этой новостью: „Война, война!" Семичасовая программа новостей вещает о наших победах, только вот азиатская служба Би-би-си, совсем наоборот, сообщает, что нас бьют. Би-би-си также передает о зверствах нашей армии в Восточном Пакистане. Слышала что-нибудь об этом?

Брат твой Шах Наваз — самый активный тринадцати-летка в Карачи. Записался в гражданскую оборону, гоняет по ночам на своем мотоцикле, следит, у кого окна не затемнены и заставляет выключать свет. Ведет себя героем, но мы все, несмотря на его пример, трясемся. Однажды во время бомбежки была у вас, у Санам, ваша мать нас согнала вниз, в нижнюю столовую без окон.

Дома сплю с матерью, обе боимся. Три бомбы упали как раз напротив нашего дома, через дорогу, но, к счастью, не взорвались. В саду у нас полно битого стекла.

Индийские самолеты пролетают так низко, что пилотов можно разглядеть. Но наших истребителей не видать. Три дня назад ночью взрывы так гремели, я думала, что соседний дом взорвался. Я влезла на крышу — все небо красное. На следующее утро узнала, что разрушен ракетами нефтяной причал в порту. Пожар еще не потушен. Ждем помощи от Америки».

Помощи от Америки мы так и не дождались. У Пакистана договор о военном сотрудничестве и совместной обороне, но мы с американцами по-разному представляем противника. США готовы защищать себя, защищая нас от своего врага, Советского Союза. Но реальная угроза Пакистану всегда исходила от Индии. Даже сейчас львиная доля поставляемого американцами для афганских партизан военного оборудования ответвляется в пакистанские арсеналы и предназначается для защиты от Индии.

Во время кризиса 1971 года президент Никсон выбрал вместо военного вмешательства дипломатическое маневрирование с «предпочтением» Пакистана. 4 декабря, на второй день того, что оказалось тринадцатидневной войной, Государственный департамент США прямо обвинил Индию в агрессии. 5 декабря Соединенные Штаты внесли на рассмотрение Совета Безопасности ООН резолюцию о прекращении огня. 6 декабря администрация Никсона задержала более 85 миллионов долларов займов в фонд развития Индии.

Но эти маневры оказались недостаточными. Через неделю после начала вторжения Дакка, наш последний оплот, оказалась на грани падения. Индийские войска пересекли границу Западного Пакистана. Перед лицом полного поражения Яхья Хан обратился к избранному лидеру страны, способному спасти ее от краха, к моему отцу.

«Прибываю в ООН. Встретимся в Нью-Йорке в отеле „Пьер" 9 декабря», — гласило сообщение отца.

—Как ты думаешь, добьемся мы справедливости в ООН? — спросил меня отец, когда мы встретились в Нью-Йорке.

—Конечно, папа, — заверила я его с энтузиазмом восемнадцатилетней. — Никто не может отрицать, что Индия нарушила международное право, вторгшись в чужую страну и оккупировав ее.

—И ты полагаешь, что Совет Безопасности осудит Индию и потребует от не вывода войск?

—А как же? Сидеть и спокойно наблюдать, как расчленяют страну и убивают тысячи людей, — профанация их обязанностей.

—Тебе видней, Пинки. Ты у нас знаток международного права. Не буду спорить с выпускницей Гарварда. Но в политике баланса сил ты пока разбираешься слабо.

Сцены, пролетевшие перед глазами в течение четырех дней, когда отец безуспешно пытался спасти объединенный Пакистан, и сейчас у меня перед глазами.

Я сижу через два ряда от отца, позади него, в Совете Безопасности. 104 страны, входящие .в Генеральную Ассамблею, а также Соединенные Штаты и Китай проголосовали за осуждение Индии, но под угрозой советского вето пять постоянных членов Совета Безопасности не могут прийти к соглашению даже по перемирию. После семи заседаний по Индо-Пакистанскому конфликту и дюжины проектов резолюций Совет Безопасности так и не пришел ни к какому решению. Все, о чем отец рассказывал, повествуя об эгоизме сверхдержав и манипуляции интересами стран третьего мира, происходит перед моими глазами. Пакистан — лишь мелкая карта в игре корыстных устремлений.

«11 декабря, 5.40. Наша армия сражается героически, но без поддержки с воздуха и с моря и при соотношении сил один к шести не продержится более 36 часов, начиная со вчерашнего дня». Перечитываю свои заметки тех дней, набросанные на бланке отеля «Пьер». На следующий день ситуация еще мрачнее: «6.30 утра. Посол Шах Наваз определил ситуацию как тяжелую. Единственный выход — вмешательство Китая при одновременном нажиме американцев на русских, чтобы предотвратить их вмешательство. Отец отправил телеграмму в Исламабад с просьбой продержаться не 36, а 72 часа. Генерал Ниязи (командующий нашей армией в Восточном Пакистане) обещает держаться до последнего человека».

12 декабря отец призывает в Совете Безопасности к перемирию, выводу индийских войск с пакистанской территории, размещению войск ООН для обеспечения безопасности мирного населения. Его призыв остается неуслышанным. Не веря своим ушам, слежу за оживленной дискуссией — в течение часа они толкут воду в ступе! — по «важнейшему» вопросу: назначить ли следующее заседание Совета Безопасности на 9.30 или на более удобные для любителей поспать 11.00. Пакистан тем временем погибает.

— Надо заставить Яхья начать боевые действия на западе, — внушает отец пакистанской делегации в своем гостиничном номере. — Наступление на западе отвлечет силы индийцев с востока, ослабит давление там. — Я соединяюсь с Яхья Ханом, но его адъютант сообщает, что президент почивает и будить его не велено. Отец хватает трубку.

— Вы не знаете, что идет война? Разбудите президента! — кричит он. — Он должен начать боевые действия на западе. Нужно немедленно ослабить давление на восток.

Какой-то западный журналист пускает утку о сдаче генерала Ниязи индийцам. Отец окончательно теряет терпение в переговорах с Яхьей.

— Немедленно опровергните слухи! — кричит он адъютанту. Яхья по-прежнему недоступен. — Как я могу чего- то добиться, если у меня не остается на руках карт!

Телефоны в номере отца звонят не умолкая. Однажды я принимаю одновременно звонок от госсекретаря США Генри Киссинджера по одной линии и от председателя делегации КНР Хуан Хуа по другой. Генри Киссинджер обеспокоен возможным вмешательством китайцев на стороне Пакистана. Отец обеспокоен их возможным невмешательством. Отец планирует уговорить Яхья слетать в Пекин в качестве последнего средства. Позже я узнаю, что Генри Киссинджер по всему Нью-Йорку тайком встречался с китайцами на явочных квартирах ЦРУ.

В номер отца приходит и уходит советская делегация. Затем китайская. После нее американская во главе с Джорджем Бушем. «Мой сын тоже в Гарварде. Звоните, если что-то понадобится», — говорит мне посол Буш, вручая визитку. Я сижу у телефона, принимаю нужные звонки, отбиваюсь от ненужных.

— Войдешь во время переговоров, — учит меня отец. — Когда будут русские, скажешь, что звонят китайцы. Когда придут американцы, скажешь, что на проводе китайцы или индийцы. И никому не говори, кто у меня. Один из употребительнейших приемов дипломатии — посеять сомнение. Никогда не выкладывай своих карт на стол.

Я выполнила распоряжения отца, но урока его не усвоила. Я всегда выкладываю карты на стол.

Этот дипломатический покер в Нью-Йорке, однако, резко обрывается. Яхья второго фронта не открыл, уже смирившись с потерей Восточного Пакистана. Китайцы так и не вмешались, несмотря на все заверения. Нанесли ущерб и преждевременные слухи о нашем поражении, даже когда выяснилась их ошибочность. Индийцы теперь знают, что наше военное командование в Восточном Пакистане готово к сдаче. Знают это и постоянные члены Совета Безопасности. Дакка обречена.

15 декабря я занимаю привычное уже место позади отца в зале заседаний Совета Безопасности. Его терпение подходит к концу, он по горло сыт стратегией невмешательства и проволочек.

— Невмешательства не существует. Вы, так или иначе, занимаете определенную позицию. — Он просто-таки тычет пальцем в делегатов Великобритании и Франции, которых их собственные интересы на субконтиненте заставляют воздерживаться при голосовании. — Вы либо за справедливость, либо за несправедливость. Либо за агрессора, либо за потерпевшего. Нейтралитет невозможен.

Его страстные слова звучат в помещении, а я наглядно знакомлюсь с практикой покорности и открытого вызова. С учетом позиции сверхдержав разумным курсом кажется покорность судьбе. Но следование этим курсом означает соучастие.

— Принимайте любое решение, стряпайте договор хуже Версальского, легализуйте агрессию, легализуйте оккупацию, легализуйте все, что было незаконным до 15 декабря 1971 года. Я в этом не хочу участвовать, — мечет молнии отец. — Наслаждайтесь своею хитроумностью. Я покидаю зал заседаний. — С этими словами отец поднялся и направился вон. Я спешно принялась собирать свои бумажки и под всеобщее молчание поспешила из зала в хвосте пакистанской делегации.

«Вашингтон пост» походя заклеймила поведение отца в Совете Безопасности как «театрализованное представление». Перед нами же стояла драматическая дилемма: быть или не быть стране, существовать ли Пакистану на карте мира?

— Даже потерпев военное поражение в Дакке, мы не должны сдавать политических позиций, — говорил мне отец позже, шагая по улицам Нью-Йорка. — Покинув зал, я хотел показать, что, хотя нас можно сокрушить физически, наша воля и гордость несокрушимы.

Мы шагали и шагали, возбужденный отец возмущался

последствиями ситуации для нашей страны.

— Если бы достигли политического решения, скажем, провели референдум под эгидой ООН, народ Восточного Пакистана мог бы проголосовать, решить, остаться ли частью нашей страны или выделиться в свое государство, Бангладеш. А теперь Пакистан покрыт позором поражения в войне с Индией. За это придется платить, и платить по самой высокой цене.

На следующее утро отец отправился в обратный путь, я возвратилась в Кембридж. А Дакка пала.

Потеря Бангладеш нанесла Пакистану сокрушительный удар. Последствия сказались сразу и во многих аспектах. Наша общая религия, ислам, как мы полагали, неразрывно сплотившая восток и запад страны через тысячу миль индийской территории, не смогла удержать страну от распада. Вера наша в выживание в границах единой страны покачнулась, связи между четырьмя провинциями, составляющими Западный Пакистан, ослабли до почти полного разрыва. Никогда еще не переживал Пакистан столь тяжких времен.

Не веря глазам, я наблюдала на телеэкране процедуру сдачи на ипподроме в Дакке. Побежденный генерал Ниязи приблизился к индийскому генералу Аурора, обменялся с ним личным оружием (они вместе обучались в Сэндхер-стеи)... обнял его! По-моему, Ниязи поступил бы более логично, пустив себе после поражения пулю в лоб.

Приземлившись в Исламабаде, отец застал город в огне. Разъяренная толпа поджигала лавки, торговавшие алкоголем, якобы снабжавшие Яхья Хана и его окружение. Пакистанское телевидение, после недель победных репортажей транслировавшее церемонию сдачи генерала Ниязи, тоже вызвало гнев толпы, пытавшейся поджечь телецентр. Воинственные передовицы индийских газет призывали к уничтожению Пакистана как «неестественного», искусственного государственного образования, существование которого «противоречит здравому смыслу».

20 декабря 1971 года после четырех дней всенародного возмущения Яхья Хан ушел в отставку. Отец, как избранный лидер самой большой парламентской фракции, стал новым президентом. По иронии судьбы за отсутствием конституции ему пришлось принести присягу как первому в истории гражданскому главе государства, возглавляющему администрацию военного положения.

В Гарварде я из «Пинки из Пакистана» превратилась в Пинки Бхутто, дочь президента Пакистана. Но гордость моя достижениями отца омрачалась позором нашего поражения и его

тяжкими последствиями. За две недели войны Пакистан потерял четверть самолетов и половину военно-морского флота. Казна опустела. К территориальным потерям, кроме Восточного Пакистана, относились и 5000 квадратных миль территории Западного Пакистана. Индийская армия захватила в плен 93 тысячи наших военнослужащих. Многие предсказывали близкий конец страны. Объединенный Пакистан, основанный Мохаммедом Али Джинной при разделении Индии в 1947 году, с возникновением Бангладеш прекратил свое существование.

Симла, 28 июня 1972 года. Встреча на высшем уровне между моим отцом, президентом Пакистана, и Индирой Ганди, премьер-министром Индии. От исхода этой встречи зависела судьба всего субконтинента. И снова отец захотел, чтобы я стала свидетельницей этого события. «Независимо от результата эта встреча станет поворотным пунктом в истории Пакистана, — сказал он мне через неделю после моего возвращения на летние каникулы после третьего курса Гарварда. — Хочу, чтобы ты своими глазами все увидела».

Если атмосферу перед визитом за полгода до этого в ООН можно описать как напряженную, то перед встречей в Симле ее можно обозначить как близкую к точке взрыва. Отец отправлялся на переговоры с пустыми руками. Индия держала в руках все козыри: наши военнопленные, угроза судебных процессов над нашими военными преступниками, 5000 квадратных миль захваченной территории. На борту президентского самолета, направлявшегося в Чандигарх, в индийский штат Пенджаб, отец мой и члены делегации хранили мрачное молчание. Удастся ли снять напряженность между странами? Или же наша страна обречена?

—Будь осторожна, все внимательно следят за переговорами, — инструктировал меня отец во время полета. — Не улыбайся. Пока наши солдаты томятся в лагерях военнопленных, нам не до улыбок. Но и без мрачности. Мрачность могут истолковать как признак пессимизма. Не давай им повода для умозаключений вроде: «Гляньте на ее кислую физиономию. Пакистанцы явно пали духом. Ничего у них не вышло. Переговоры явно зашли в тупик».

—Так как же мне выглядеть?

—В точности, как я сказал: не весело и не мрачно.

—Что-то очень сложно.

—Вовсе нет.

В этот раз отец явно ошибался. Нейтральность мины давалась с трудом. Я практиковалась в ней на борту вертолета, доставившего нас в горный курорт Симлу, бывшую летнюю

столицу британской колониальной администрации в живописных предгорьях Гималаев. Но снова ощутила сомнения, когда вертолет опустился на футбольное поле и под объективами телевизионных камер нас приветствовала госпожа Индира Ганди собственной персоной. Она оказалась неожиданно крохотной, меньше даже, чем на многочисленных фотоснимках, и очень элегантной в дождевике, накинутом поверх сари, под ненастным небом, покрытым тяжелыми тучами.

—*Ас-салям-о-алейкюм,* — приветствовала я ее нашим мусульманским пожеланием мира.

—*Намасте,* — ответила госпожа Ганди традиционным индийским приветствием и улыбнулась. Я поспешно изобразила на физиономии импровизированный намек на полуулыбку, стараясь следовать указаниям отца.

Колебания эмоционального настроя отца и других членов пакистанской делегации в следующие пять дней напоминали мне взлеты и падения санок на кручах американских горок.

—Неплохо, совсем неплохо, — бодро сообщил мне один из делегатов во время перерыва в первый же день переговоров.

—Хуже некуда, — морщился другой тем же вечером.

На следующий день разрыв между оптимизмом и пессимизмом достиг еще большего размаха. Выступая с позиции силы, госпожа Ганди требовала комплексного подхода, решения всех вопросов разом, включая индийские притязания на спорный штат Кашмир. Пакистанская делегация добивалась пошагового разрешения противоречий, выделив вопросы возврата наших территорий, военнопленных и притязаний на Кашмир в отдельные пункты переговоров. Распродажа Пакистана под силовым давлением представлялась неприемлемой для народа Пакистана и вела прямиком к новой войне.

Делегации то и дело — и все чаще — упирались в тупик, а на улицах тем временем происходило нечто странное. Каждый раз, когда я покидала Химачал-Бхаван, отведенную нам бывшую резиденцию британских губернаторов Пенджаба, народ на улицах останавливался и глазел мне вслед. Прохожие сопровождали меня толпами повсюду: мимо старых коттеджей, окруженных ностальгическими английскими садами, напоминавшими колониальным служащим старую родину, на экскурсии в музей кукол, в центр ремесел; при посещении консервной фабрики, на фестиваль танца в католической миссии, где я встретила своих старых учительниц из Мурри. Шествуя по торговому променаду, где когда-то британские чиновники прогуливались со своими *мэм-сахиб,* я собрала такую толпу, что вызвала уличную пробку. Чувствовала я себя неловко. Чем я вызвала такой повышенный

интерес публики?

В мой адрес посыпались приветственные письма и телеграммы со всех концов Индии. Кто-то предлагал, чтобы отец назначил меня послом в эту страну. Меня интервьюировали газетные репортеры, взяли интервью для Радио Индии. К моему большому неудовольствию, одежда моя произвела фурор. Неудовольствие вызвал не только тот факт, что одежду я позаимствовала из гардероба сестры Самийи, потому что мой собственный состоял по большей части из домашних *хамиз,* джинсов и свитеров, но и потому, что я пренебрежительно относилась к тому, что на мне надето. Я причисляла себя к гарвардским интеллектуалам, умы которых заняты не тряпками, а вопросами войны и мира. Пресса, однако, назойливо интересовалась именно тряпками.

— Мода — буржуазный предрассудок, — буркнула я пре зрительно одному из репортеров, и на следующий день эта фраза, вывернутая наизнанку, провозглашала меня пробивающей новое направление в моде.

Мой отец и члены его делегации тоже не могли понять причин оказываемого мне повышенного внимания прессы и публики.

— Может быть, дело в том, что ты разряжаешь серьезную атмосферу, отвлекаешь мысли от нелегких проблем. — К такому объяснению отец склонился однажды утром, глядя на мое фото на первой полосе. — Смотри, поосторожнее руками размахивай, — поддразнил он меня. — Ты тут смахиваешь на Муссолини. — Он намекал на жест, которым я приветствовала толпу.

Скорее всего предложенное им объяснение и было верным. Переговоры проводились в обстановке абсолютной секретности, аккредитованный пресс-корпус из журналистов всего мира маялся в вынужденном бездействии, и я оказалась желанным громоотводом. Но чувствовалось и еще кое-что.

Я представляла новое поколение. Родилась уже после разделения британской Индии на две страны, в независимом Пакистане. Я свободна от комплексов и предрассудков, разрывавших индийцев и пакистанцев, когда субконтинент разделился на две страны. Может быть, люди надеялись, что новое поколение сможет избежать враждебности, послужившей причиной трех войн, не позволившей нашим дедам и отцам жить в мире и дружбе. Проходя по улицам Симлы, чувствуя доброжелательность окружающих людей, я ощущала такую возможность. Неужели мы должны отгораживаться стенами ненависти и неспособны по примеру бывших врагов, населяющих Европу, найти основы для мирного сосуществования?

Ответ на этот вопрос скрывался в облицованных панелями комнатах бывшей британской администрации, в которых часами буксовали, не приводя ни к каким результатам переговоры между индийской и пакистанской делегациями. Отец продлил срок пребывания в Симле, не очень, правда, надеясь на прорыв в переговорах. Индийцы по-прежнему отказывались признавать позицию пакистанской делегации по Кашмиру: провести плебисцит, дать населению решить самостоятельно, к какой стране присоединиться. И с самой Индирой Ганди у него возникали трудности. Он восхищался ее отцом, премьер-министром Джавахарлалом Неру, но дочь его, как считал мой отец, не обладала качествами, которые позволили Неру сделать Индию повсеместно уважаемой страной.

Я не могла составить собственного мнения о госпоже Ганди. Во время малого рабочего ужина, который она дала в честь нашей делегации 30 июня, она пристально смотрела на меня, вгоняя в краску. Я интересовалась ее политической карьерой, восхищалась ее упорством. В 1966 году соперничающие лидеры Индийского национального конгресса выбрали ее как декоративную, легко управляемую фигуру; ее называли за глаза *гунджи гурийя,* немая кукла. Но эта стальная женщина в шелковых одеждах перехитрила их всех. Для того чтобы успокоиться, я пыталась за ужином с нею поговорить, но она отвечала очень сдержанно, держалась прохладно и отстраненно; ее напряженность несколько ослаблялась, лишь когда она улыбалась.

Я нервничала еще и из-за того, что надела шелковое сари, которым снабдила меня мать. Она, конечно, преподала мне урок, как надежно, прочно обернуться ярдами ткани, но я все равно нервничала. В голову лезла история о сари тетушки Мумтаз, попавшем в эскалатор в крупном универмаге в Германии и разматывавшемся до момента, пока кто-то не сообразил выключить механическую лестницу. Это воспоминание не добавляло спокойствия, а госпожа Ганди все продолжала буравить меня глазами.

Может быть, она вспоминала дипломатические миссии, во время которых сама сопровождала своего отца. Может быть, видела себя во мне, дочери другого государственного деятеля. Вспоминала свою любовь к отцу, его любовь к дочери? Она такая маленькая и хрупкая. Откуда взялась эта ее знаменитая беспощадность? Она вопреки желанию отца вышла замуж за политика парси. Брак оказался неудачным, они разошлись. Теперь отец ее умер, умер и муж. Чувствовала ли она себя одинокой?

Я также гадала, вызывает ли у нее присутствие пакистанской

делегации какие-то ассоциации с прежними визитами представителей нашей страны. Именно в этом городе ее отец встречался с Мохаммедом Али Джинной и Лиакатом Али Ханом для размежевания мусульманского Пакистана и индуистской Индии. Теперь в качестве премьер-министра она могла способствовать выживанию этого отделившегося мусульманского государства. Или могла попытаться уничтожить его. Какой она выберет путь?

Ответ на этот вопрос я узнала через четыре дня.

—Собирайся, — сказал отец 2 июля. — Завтра уезжаем.

—Без соглашения?

—Без соглашения. Лучше без соглашения, чем с таким, которое они предлагают. Они полагают, что я не могу вернуться домой без соглашения, и потому пойду на все, что они предложат. Но лучше я встречу разочарование соотечественников, чем пойду на такие кабальные условия.

Члены нашей делегации чувствовали себя истощенными и опустошенными. Молчание нарушало лишь шуршание бумаг. Из процедур остались лишь визит вежливости отца госпоже Ганди в 4.30 и ужин, который наша делегация устраивала в честь хозяев вечером. И домой, в Исламабад.

Я сидела на полу в отведенной мне комнате, когда отец неожиданно возник в дверном проеме.

— Не говори никому, — пробормотал он, как-то странно сверкая глазами, — но я этот протокольный визит использую для последней попытки. У меня есть мысль. Может, впрочем, ничего и не выйдет. — И он исчез.

Я то и дело подходила к окну, чтобы не пропустить момент его возвращения. Местность так похожа на Мурри. Такие же расплывающиеся в дымке сосны, извилистые серпантины горных дорог, деревянные домики. И граница недалеко. Но люди, живущие по разные стороны границы, лишены возможности посещать друг друга.

Отец снова возник передо мною внезапно. Он улыбался.

—Надежда вернулась. Мы подпишем соглашение. *Инш'Алла!*

—Как у тебя получилось, папа? — спросила я под жужжание голосов членов делегации, передающих новость друг другу и оживленно обсуждающих ее.

—Я видел, что она нервничает. Ведь отсутствие соглашения не только для меня неудача, для нее тоже. И этой неудачей непременно воспользуются противники. Она все время трепала замок свой сумочки, и чай ей, похоже, казался горьким. И я набрал в грудь воздуху и полчаса говорил без остановки.

Отец сказал ей, что они оба — демократически избранные

лидеры, уполномоченные народом. Что они могут принести в регион мир, все время из него ускользающий с самого момента разделения стран, что в случае неудачи они лишь углубят зудящие раны. Военные победы неотделимы от истории, но прозорливость государственных деятелей оказывает на ее ход не меньшее воздействие. Искусство управления государством требует чутья момента и ощущения будущего, умения сделать уступку, приносящую плоды. В качестве победителя Индия, а не Пакистан, имеет возможность делать уступки.

—И она согласилась? — возбужденно спросила я отца.

—Она не отказалась. — Отец раскурил сигару. — Она сказала, что после консультаций с личными советниками вернется к этому вопросу за ужином.

Как я выдержала все эти тосты, речи, комплименты — не знаю. В этот раз я все время глазела на госпожу Ганди, но ничего не могла понять по ее лицу. После ужина она и отец удалились в бильярдную, самое большое из соседних помещений. Бильярдный стол они использовали в качестве рабочего. Покончив с очередным вопросом, они вызывали одного из делегатов, и тот фиксировал согласие или несогласие по данному пункту.

Поправки и поправки к поправкам, модификации и дополнения — на это ушли часы. Дом забили репортеры прессы и телевидения. Я все время сновала взад-вперед между первым этажом и вторым, где находилась моя комната.

—Ну, как? — то и дело нетерпеливо спрашивала я. Поскольку ничего сообщать до официального объявления не полагалось, разработали код.

—Если подпишут соглашение, скажем, что родился мальчик. Если не подпишут — что девочка.

—Мужской шовинизм, — фыркнула я, но меня никто не слушал.

—Смотри не опоздай вниз к моменту подписания, — шепнул мне отец, перед тем как удалиться в бильярдную. — Момент исторического значения.

Конечно же, когда через сорок минут после полуночи прозвучало судьбоносное *«Ларкахаи! Ларкахаи!* — Мальчик родился!», я оказалась наверху, в своей комнате. Я понеслась вниз, но не смогла пробраться сквозь толпу журналистов и операторов вовремя, чтобы увидеть, как отец и госпожа Ганди подписывают договор, получивший название Соглашения Симлы. Но так ли это важно? Главное, стартовал период самого долгого мира на субконтиненте.

По этому договору Пакистану возвращались 5000 квадратных миль захваченной у него территории. Закладывались основы для

сношений и торговли между странами. Позиции Пакистана и Индии в вопросе о Кашмире не затрагивались. Закладывались основы для возвращения на родину военнопленных без унизительных судебных процессов, которыми грозил Муджиб. Но само освобождение пленных этим договором не предусматривалось.

—Госпожа Ганди согласилась вернуть либо пленных, либо территорию, — сказал мне отец, когда мы поднимались по лестнице. — Как думаешь, почему я выбрал территорию?

—Не знаю, папа. Но народ в Пакистане, конечно, больше бы обрадовался, если бы освободили людей.

— Людей освободят, — заверил он меня. — Пленники — гуманитарная проблема, причем немалого масштаба. 93 тысячи все-таки. Со стороны Индии было бы негуманно удерживать их долго. Кроме того, их надо кормить и где-то дер жать. Территория же — иное дело. Территорию можно освоить, ассимилировать. Пленников не ассимилируешь. Арабы все еще мучаются с потерянной в 1967 году территорией. Но захваченная земля не вызывает такого международного резонанса, как захват людей.

Возвращение без соглашения об освобождения пленных, разумеется, потребовало от отца усилия воли и вызвало множество жалоб со стороны разочарованных родственников пленных и нападок политических противников. Возможно, на это рассчитывала индийская сторона, полагая, что ожидаемые трудности заставят его капитулировать. Но он не сдался. А все 93 тысячи пленных вернулись домой после признания Пакистаном Бангладеш в 1974 году.

Третьего июля мы возвращались в Равалпинди в совершенно ином настроении, чем летели в Индию. Тысячи людей встречали делегацию в аэропорту.

— Сегодня великий день, — обратился отец к толпе встречающих. — Одержана решающая победа. Не мною и не госпожой Ганди, но народами Пакистана и Индии. После трех войн воцарился мир.

Четвертого июля 1972 года договор с Индией был единодушно одобрен Национальной ассамблеей. Даже у оппозиции не нашлось возражений. Соглашение Симлы действует и по сей день.

К сожалению, того же нельзя сказать о конституции Пакистана 1973 года, первой демократической конституции, принятой законно избранными представителями народа. Годом позже, 14 августа 1973 года, вся наша семья наблюдала из ложи премьер-министра, как Национальная ассамблея единогласно

приняла Исламскую хартию, которую поддержал народ, поддержали региональные и религиозные лидеры, поддержала оппозиция. Как лидер большинства Национальной ассамблеи, отец стал премьер-министром Пакистана.

До момента, когда Зия через четыре года отстранил отца и приостановил действие конституции, народ Пакистана впервые в истории пользовался гарантированными конституцией правами. Конституция 1973 года запрещала дискриминацию по расовому или религиозному признаку, по признаку пола. Она гарантировала независимость судей и отделение судебной власти от исполнительной. Наконец правительство Пакистана получило законодательные рамки для работы, то самое право, на которое ссылался профессор Вомак в ходе своего семинара.

Собираясь оставить Гарвард весной 1973 года, я получила наглядное подтверждение силы конституции Соединенных Штатов. Несмотря на ласковую погоду и соблазн пошвырять летающие тарелки на газонах Гарварда, очень многие из нас сидели перед экранами телевизоров, поглощенные в слушания по Уотергейтскому делу. Бог мой, думала я, американцы демократическими, конституционными средствами удаляют от власти президента. Даже такая могучая фигура, как президент Ричард Никсон, сумевший положить конец Вьетнамской войне и открывший дорогу в Китай, не смог устоять перед законом страны. Я читала Локка, Руссо и Джона Стюарта Милла о природе общества и государства, о необходимости обеспечить соблюдение прав народа. Но теория одно, а видеть, как все это осуществляется на практике, — совсем другое.

Уотергейтский процесс оставил во мне убежденность в важности стабильных национальных законов в противовес спонтанным проявлениям настроений и капризов единиц. Руководители такой демократии, как американская, могут приходить и уходить, а конституция США остается, и она действует. К сожалению, мы в Пакистане не столь удачливы.

Приближалось окончание Гарварда. Покидать Кембридж и Америку не хотелось. Меня приняли в Оксфорд, как и нескольких моих друзей и знакомых, включая Питера Гэлбрайта, но я так свыклась с Кембриджем, с Бостоном, изучила наконец бостонскую подземку. Я находила общий язык с людьми. Попросила отца вместо Оксфорда отправить меня во Флетчеровскую школу права и дипломатии университета Тафтса, но он настаивал на Оксфорде. Четыре года в одном месте — больше чем достаточно, писал он мне. Останешься в Америке дольше — пустишь корни. Время переезжать.

Впервые я ощутила, что отец навязывает мне свою волю. Но

что я могла сделать? В конце концов, он платит за мое обучение и проживание. У меня не было выбора. А я особа практичная.

Мать приехала на защиту. Она и брат Мир, как раз окончивший первый год обучения в Гарварде, помогли мне собрать вещи. Я и моя соседка Иоланда Коджицки распрощались с мебелью и содрали со стен свои плакаты, комнаты оголились, как и двор Гарварда, как и полки студенческой книжной лавки. Да, пора в путь.

Самолет оторвался от взлетной полосы аэропорта Лога-на. Я приникла к окну, пытаясь впитать последние впечатления от панорамы Бостона. Покупки в «Файлинз бейсмент», обжорство за длинными деревянными столами в «Дерджин-парк». Походы в «Касабланку», чтобы забыть горечь поражения от хоккейной команды Бостонского университета. Человек побывал на Луне, в Массачусетском технологическом институте я видела лунную пыль. Самолет разворачивается, берет курс на Пакистан, в сознании моем прокручивается строка из песни Питера, Пола и Мэри:

— I'm leaving on a jet plane; don't know when I'll be back again...

4

ВОСПОМИНАНИЯ В АЛЬ-МУРТАЗЕ: СНИЛИСЬ МНЕ БАШЕНКИ ОКСФОРДА

Январь 1980 года. Третий месяц заключения в Аль-Муртазе. Ухо снова начинает стрелять. Слышу щелчки, шумы, как во время первого периода заключения в 1978 году. Тогда присланный военными врач определил, что хроническое воспаление пазухи обострилось из-за полетов на самолете. Раз в две недели я летала посещать отца. Врач провел катетеризацию евстахиевой трубы через нос, чтобы снять воспаление. И вот снова знакомое жужжание и ощущение давления. Местный врач ничем помочь не смог. Я попросила пригласить того врача, который лечил меня в Карачи. Вместо того врача появился какой-то другой, мне неизвестный. Очень вежливый, предупредительный. Внимательно осматривает мое ухо:

—Спокойно, спокойно. Вы, конечно, испытываете стресс...

—Ой! — вскрикиваю я. — Больно!

—Ну, что вы... Это вам почудилось... Я ничего не делал, лишь заглянул в ухо.

Проснувшись следующим утром, обнаруживаю на подушке три капли крови.

— Вы проткнули барабанную перепонку, — озабоченно кивает головой вежливый доктор. — Вероятнее всего, булавкой.

Очень интересно. С чего бы это я совала себе в ухо булавку? Он выписывает мне два лекарства, принимать по три раза в день.

Единственное действие прописанных им лекарств — тяга ко сну. Просыпаясь, ощущаю чугунную тяжесть в голове. Мать пугается, когда я на третий день просыпаю свою обычную садовую вахту, не хочу ничего есть и даже чистить зубы не желаю. Выкидываем чудодейственные пилюли вежливого коновала.

В последующие дни боль приходит и уходит, шум усиливается. Щелчки учащаются. Сон от меня бежит, одолевает беспокойство. Нарочно он проткнул мне барабанную перепонку или случайно, по безграмотности? Ухо трещит, я ничего не слышу.

Пытаюсь отвлечься работой в саду. Сквозь дырочку в ухе просачивается пот, туда затекает вода от душа. Я не обращаю на это внимания, а вежливый врач не предупредил меня, что ухо надо беречь, держать в чистоте и сухости во избежание заражения. Щелчки, щелчки…

Ночью не спится, я обхожу Аль-Муртазу. Здесь, как и на Клифтон, 70, столько раз проводились обыски, что все или передвинуто с места на место, или исчезло. Коллекция старинных ружей моего отца, унаследованная от деда, «арестована» и заперта в садовой кладовке, на которую навешена печать. Раз в неделю печать проверяют, как будто опасаясь, что мы с матерью пробьемся на свободу, вооружившись древними мушкетами. Прохожу через пустую оружейную, в которой мы обедали, вхожу в облицованную деревянными панелями бильярдную, в которой братья сражались с посетителями из Оксфорда. На бильярдном столе оставлена керамическая скульптурная группа: толстопузенький китаец, окруженный кучей ребятишек. Ей место в гостиной. Забираю ее из бильярдной, переношу на место. Отцу нравилась эта скульптура. Он часто шутил, что хотел бы иметь детей побольше, чтобы укомплектовать крикетную команду. Но поскольку выучить одиннадцать детей в современном мире — слишком дорогое удовольствие, пришлось ограничиться четырьмя.

Оксфорд, Оксфорд, Оксфорд… Мы то и дело слышали это слово. Оксфордский университет — один из старейших и наиболее уважаемых университетов мира, вросший в историю Англии. Английская литература, церковь, монархия, парламент неразрывно связаны с Оксфордом. Американское образование — очень хорошая штука, никто не спорит. Но оно дается несколько спустя рукава, слишком свободно и непринужденно. Оксфорд открывает новый кругозор и знакомит с дисциплиной. Отец определил нас всех туда с самого рождения. Как старшей, мне посчастливилось завершить курс Оксфорда до перевернувшего наши жизни военного переворота. Брат Мир оставил Оксфорд

фазу после начала второго курса, чтобы бороться в Англии за жизнь отца, Санам вообще туда не попала. Годы, проведенные мною в любимой альма-матер отца, много значили для него.

«Странно, как выпукло я ощущаю твои шаги по моим стопам, по следам, оставленным мною в Оксфорде более двадцати двух лет назад, — писал мне отец из резиденции премьер-министра в Равалпинди вскоре после моего прибытия в Оксфорд осенью 1973 года. — Конечно, я радовался твоим успехам в Редклиффе, но, поскольку в Гарварде я не учился, не мог вообразить себе тебя в той обстановке. Иное дело Оксфорд. Я ощущаю твои шаги по булыжнику мостовых, шаги по обледеневшим ступеням, вижу, как ты входишь в двери, в которые входил я. Твое пребывание в Оксфорде для меня осуществившаяся мечта. Молимся о том, чтобы эта мечта воплотилась в реальность в виде блистательной карьеры на службе твоему народу».

Он в свои первые дни чувствовал себя в Оксфорде гораздо лучше, чем я. В отличие от Гарварда, где у нас на двоих был удобный просторный блок, здесь у меня оказалась крохотная конура в Леди-Маргарет-холле с коммунальными удобствами в конце коридора. О собственном телефоне не было речи, приходилось полагаться на замшелую систему связи, по которой сообщения до тебя доходили за два дня. Англичане оказались куда как более сдержанным народом, в отличие от гарвардских знакомых, с которыми я сошлась мгновенно. Первые недели я только и общалась с теми, кто прибыл со мной из Гарварда. Отец меня, однако, не оставил своим вниманием. Он прислал мне гравюру с видом Древнего Рима, которая висела в его комнате в Крайст-Черче в 1950 году. «До того как ты поступила в Оксфорд, эта гравюра вряд ли имела бы для тебя какое-то значение, — писал он из Аль-Муртазы. — Теперь я посылаю ее тебе, надеюсь, что повесишь на стене в своей комнате». Я так и сделала, согретая ощущением связи времен и пространства, от скрипящей на зубах пыли Пакистана до чисто выметенных улиц Оксфорда.

Отец предупреждал, что Оксфорд в отличие от Гарварда приучит меня работать напряженно. Я быстро поняла, насколько он прав, борясь с положенными двумя рефератами в неделю по политике, философии и экономике. Мне пришлось признать, что он прав. Он был прав также, посоветовав мне вступить в Оксфордское дискуссионное общество. Учрежденное в 1823 году по образцу палаты общин, общество это дает возможность будущим политикам оттачивать зубы для грядущих политических баталий. Я к тому времени уже насмотрелась на «прелести» жизни политиков и сама бросаться в политику не собиралась, намереваясь посвятить себя дипломатической службе. Чтобы

доставить удовольствие отцу, я, однако, вступила в это общество.

Кроме желания моего отца, движущим мотивом к моему вступлению в общество была и испытываемая мною тяга к искусству спора и к ораторскому искусству. Там, где так много неграмотных, как в нашей стране, уверенно звучащее устное слово оказывается решающим фактором в убеждении масс. Миллионы людей приходили в движение, слушая Махатму Ганди, Джавахарлала Неру, Мохаммеда Али Джинну — а затем и моего отца. Повествование, поэтическое и ораторское искусство — часть нашей национальной традиции. Тогда я не сознавала, что опыт, приобретенный в полированных стенах Оксфорда, пригодится в общении с миллионами на полях Пакистана.

В течение трех лет обучения со специализацией на политике, философии и экономике и четвертого последипломного курса международного права и дипломатии Оксфордское дискуссионное общество оставалось для меня как наиболее важной, так и наиболее приятной точкой притяжения. Здание его в центре Оксфорда с садом, подвальным рестораном, двумя библиотеками и бильярдной стало для меня столь же знакомым, как и Аль-Муртаза. В дискуссионном зале перед нами выступали посетители самого широкого спектра, начиная от феминистки Жермен Грир до профсоюзного деятеля Артура Скаргилла. В бытность мою в Оксфорде там побывали двое из бывших британских премьеров, лорд Стоктон и Эдвард Хит. Студенты в темных костюмах и с гвоздиками в петлицах вынудили меня сменить джинсы на шелка Анны Белинды. После мирного ужина при свечах разгорались словесные баталии.

Жизнь часто склонна к иронии. Первой темой, предложенной мне для выступления в главном дискуссионном зале, украшенном бюстами таких государственных мужей прошлого, как Гладстон и Макмиллан, оказалось конституционное ненасильственное удаление от власти избранного главы государства. «Мы учиним импичмент Никсону». Таким замечанием сопроводил предложенную мне тему президент общества.

— Парадокс в том, что человек, выдвинутый кандидатом на пост президента для защиты закона и порядка, на протяжении длительного срока делал все возможное для нарушения закона и порядка в своей стране и за ее пределами, — начала я свое выступление. — Но американская история не лишена парадоксов. Позвольте напомнить вам анекдот о Джордже Вашингтоне и его отце. Отец юного Джорджа обнаружил, что кто-то срубил вишневое дерево в его саду, пришел в ярость и возжелал узнать, чьих рук это проделка. Джордж без колебаний выступил вперед и заявил: «Отец, не могу врать, я это сделал». Итак, американцы

начали с президента, который не мог врать, а пришли к тому, который не в состоянии сказать правду.

С легкостью, типичной для двадцатиоднолетней девицы, я привела перечень подходящих для импичмента преступлений, включающих нарушение прерогатив конгресса на решения по ведению боевых действий во Вьетнаме, тайные бомбежки территории Камбоджи, подтасовку данных с целью обмана налоговых органов и предполагаемое умышленное стирание записей телефонных переговоров с магнитофонной ленты в его офисе.

— Вне всякого сомнения, друзья мои, — заключила я, — обвинения эти тяжки. Никсон последовательно, систематически проявлял пренебрежение к закону. Он считал себя выше закона, полагал, что ему все дозволено. Последний английский монарх, который полагал так же, лишился головы. В нашем распоряжении менее кровожадное, но не менее эффективное средство. Рассказывают, что однажды Никсон однажды обратился к психиатру, который его заверил: «Нет, мистер президент, вы не внушили себе это, вас действительно ненавидят». Но дело даже не в том, что его ненавидят, а в том, что ему не верят. Он потерял доверие народа, а следовательно, потерял и право вести народ страны. В этом трагедия Никсона и Америки.

Законность, порядок, доверие народа, моральная чистоплотность... Все эти демократические принципы, которыми я дышала на Западе, в Пакистане пустые слова. Импичмент президента Никсона в Оксфордском обществе прошел тремястами сорока пятью голосами против двух. В Пакистане моего отца свергли не голоса, а штыки.

Но Пакистан казался таким далеким, когда я училась в Оксфорде... Как и предсказывал отец, эти легкие, счастливые годы оказались лучшими в моей жизни. По уик-эндам друзья приглашали меня на лодочные прогулки по речушке Червел, на пикники в тенистые рощи Бленхейма под Вуд-стоком. Катались в моем желтом спортивном MGB с откидным верхом (подарок отца по случаю окончания Редклиф-фа) в Стратфорд-на-Эйвоне смотреть Шекспира или в Лондон, где открылся филиал «Баскин-Роббинс» и можно было утолить мою страсть к американскому мятному мороженому. Во время «недели восьмерок», когда команды колледжей налегали на весла, мы встречались на лодочной станции своего колледжа, мужчины в «лодочных» канотье и «гребных» куртках, женщины при широкополых шляпах и в цветастых платьях. На экзамены мы бежали в традиционных белых кофточках, черных юбках и черных мантиях, и незнакомые прохожие желали нам успеха.

В отличие от Гарварда, где иностранных студентов можно было по пальцам перечесть, — в моей группе в Редклиф-фе было лишь четверо, если считать девушку-англичанку, называть которую иностранкой у меня язык не поворачивался, — в Оксфорде их оказалось намного больше. Среди них Имран Хан, пакистанский крикетист, Бахрам Дехкани-Тафти, отец которого иранец. Бахрам, убитый в мае 1980-го, вскоре после иранской революции, часами развлекал нас игрой на фортепиано. Репертуар его простирался от несерьезных опереток Гилберта-Салливана и регтаймов Скотта Джоплина до «Реквиема» Форе. Азиатов в Оксфорде рассматривали чаще всего как нечто экзотическое, не подходящее под обобщающие определения, однако не все британцы относились к иностранцам одинаково.

В феврале 1974 года я летала домой, чтобы воссоединиться с семьей по случаю Всеисламского саммита, устроенного отцом в Лахоре. Практически все мусульманские монархи, президенты, премьер-министры и министры иностранных дел прибыли туда, представляя тридцать восемь наций, государств: республик, эмиратов, королевств... Поскольку отец призвал участников признать Бангладеш, прибыл и Муджиб ур-Рахман, доставленный на личном самолете алжирского президента Хуари Бумедьена. Это событие — личный успех моего отца, успех для Пакистана. Протянув оливковую ветвь мира Муджибу, отец подготовил возвращение в Пакистан наших военнопленных без многократно обещанных лидером Восточной Бенгалии судебных процессов.

Я вернулась в Англию, окрыленная чувством солидарности наций, — и впервые столкнулась с проявлением расизма.

—Где вы собираетесь остановиться в Англии? — процедил чиновник службы иммиграции, изучая мой паспорт.

—В Оксфорде, — вежливо ответила я. — Я учусь в Оксфорде.

—Оксфорд? — нос его сморщился, губы скривились. Начиная раздражаться, я полезла за студенческой карточкой.

—Бхутто, — презрительно буркнул он. — Мисс Беназир Бхутто. Карачи. Пакистан. А где ваша полицейская карточка?

—Пожалуйста, — я предъявила должным образом продленную полицейскую карточку, которую в Англии должны иметь при себе все иностранцы.

—А как вы собираетесь оплачивать счета в Оксфорде? — этот вроде бы нейтральный вопрос он тоже задал, мягко говоря, снисходительным тоном. Я с трудом подавила желание ответить, что тетрадки и карандаши везу с собой.

—Родители переводят деньги на банковский счет, — ответила я, предъявляя чековую книжку.

Но этот противный тип все держал меня, снова и снова

мусоля то мои документы, то роясь в толстой засаленной книге.

— И откуда у *паки* деньги на образование в Оксфорде, — пробубнил он, отпихивая наконец документы в мою сторону.

В общем, этот мелкий царек и божок своего конторского стула довел меня до белого каления. Еле сдерживая себя, я развернулась на каблуках и рванулась к выходу. Если они здесь так обращаются с дочерью премьер-министра, то чего могут ожидать простые пакистанцы, которые с трудом объясняются по-английски и, к тому же, лишены моей агрессивности?

Отец предупреждал меня о возможных проявлениях расизма задолго до того, как я отправилась в Оксфорд. Сам он впервые встретился с враждебным отношением к себе как к «цветному» в США, еще студентом, когда служащий в одном из отелей Сан-Диего (Калифорния) отказал ему в комнате, приняв за мексиканца.

Он снова поднял эту тему, когда я сжилась с новой обстановкой и в письмах моих стало проскальзывать отношение к Западу как к родному дому. Пожалуй, он опасался, что я поддамся соблазну и не вернусь домой. «Сейчас они (местные, западные) относятся к тебе как к студентке, которая не собирается оставаться у них в стране, — писал отец. — Они радушно принимают тебя, потому что ты им не помеха. Однако отношение их коренным образом изменится, если они увидят, что ты одна из множества азиатов, пакистанцев, стремящихся осесть в их стране. Они находят несправедливым, что должны состязаться с иммигрантами на пути служебного роста, в борьбе за место под солнцем».

Беспокойство отца не имело под собой оснований, ибо я никогда не собиралась осесть на Западе, не возвращаться в Пакистан. Сердце мое осталось в нашей стране. Моя культура, мое наследие там. И будущее свое связывала я с Пакистаном. Скорее всего с дипломатической службой. Ведь в качестве дочери своего отца я уже набрала определенный дипломатический опыт.

Во время официального визита в США в 1973 году, когда отец добивался отмены эмбарго на поставки оружия Пакистану, во время приема в Белом доме я сидела рядом с Генри Киссинджером. За супом я не могла думать ни о чем, кроме непочтительной карикатуры в студенческом юмористическом журнале «Гарвард лампун» на весь разворот, где госсекретарь дымил сигарой, развалившись на шкуре китайской панды. Экземпляры с этой карикатурой я сразу же выслала домой сестре и Самийе. Моя болтовня с ним за рыбным блюдом полностью посвящалась гарвардскому снобизму и другим столь же легким, с моей точки зрения, темам. Поэтому я безмерно удивилась, когда

за ужином на следующий вечер Киссинджер обратился к моему отцу с фразой: «Господин премьер-министр, ваша дочь еще более агрессивный соперник, чем вы». Отец рассмеялся, истолковав это как комплимент. Я, правда, призадумалась...

Ядерная энергия оказалась главной темой визита во Францию на похороны Жоржа Помпиду в 1974 году. Отец пришел к согласию с Помпиду по поводу помощи Пакистану в строительстве обогатительного завода. Теперь нужно было обеспечить продолжение работы в этом направлении с преемником Помпиду. «Как думаешь, кто станет следующим президентом Франции?» — спросил меня отец за ужином «У Максима». «Жискар д'Эстен», — ответила я, основываясь на прекрасном курсе моего наставника в Крайст-Черче Питера Палсара, посвященном французской политике. К счастью, я не ошиблась. Президент Жискар д'Эстен, вопреки давлению со стороны США и личного нажима Генри Киссинджера, развил и расширил соглашение, достигнутое при его предшественнике.

За три года до этого в Пекине мои президентские прогнозы оказались не столь удачными. Отец послал нас четверых, меня с братьями и сестрой, знакомиться с коммунистическим Китаем. Во время неофициальной встречи Чжоу Эньлай, китайский премьер, спросил меня, кто, по моему мнению, станет следующим президентом США. Я уверенно ответила, что Джордж Макговерн, и настаивала на своем мнении даже после того, как Чжоу сослался на то, что его американские источники склоняются в пользу Никсона. Как антивоенный активист Гарварда и временный житель либерального северо-востока США, я не могла прийти к иному выводу. Чжоу Эньлай попросил меня написать ему о своих свежих впечатлениях по возвращении в США. И я снова пришла к тому же выводу. Это что касается моей политической прозорливости в студенческие годы.

Мои собственные — более успешные — президентские выборы больше занимали меня осенью 1976 года, когда я вернулась в Оксфорд для прохождения годичного аспирантского курса. Хотя мне не терпелось сменить академический мир на дипломатический, отец считал, что дети его, будучи детьми премьер-министра, должны обладать неоспоримой квалификацией, чтобы избежать обвинения в фаворитизме.

Мой брат Мир только начинал обучение в Оксфорде, и я, конечно, хотела бы проводить с ним больше времени. Но основной моей заботой стало завоевание места президента Оксфордского общества. Я уже состояла в его комитете, исполняла обязанности постоянного казначея, но первая моя попытка стать президентом провалилась. На этот раз я победила.

Моя победа в декабре 1976 года внесла сумятицу в «мужской клуб», куда всего десять лет назад женщины допускались лишь на галерею и где на семь мужчин приходится пока что только одна женщина. Удивление было всеобщим, даже отец мой удивился.

«На выборах неизбежно кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, — писал он мне незадолго до президентских выборов 1976 года в Америке, готовя меня к такому же поражению, какое постигло Джеральда Форда в президентской гонке с Джимми Картером. — Ты делаешь, что можешь, но результат следует принимать с достоинством». Послание месяцем позже выдержано в совершенно ином духе. «Безмерно рад твоему президентству в Оксфордском обществе, — прочитала я в телеграмме. — Отлично, прекрасно, прими мои сердечные поздравления с успехом. Папа».

Мой трехмесячный президентский срок начинался с января 1977 года. Когда мы с Миром летели домой на краткие каникулы в Михайлов день, горизонт казался безоблачным.

Познакомиться с Зия уль-Хаком меня пригласил один из секретарей отца. Произошло это в Аль-Муртазе, во время празднования дня рождения отца несколькими днями позже. Я встретилась с человеком, который через полгода отстранит моего отца от власти и впоследствии пошлет его на смерть.

Я слышала, с каким тщанием подбиралась кандидатура на этот пост, поэтому особенно интересно было взглянуть на нового назначенца на должность начальника Генерального штаба армии. Рассматривались кандидатуры шести других генералов, но все они, судя по информации органов армейской разведки, оказались не безгрешными: пьянство, разврат, супружеская неверность, подозреваемая продажность... Не без греха оказался и сам Зия. Он поддерживал связи с *«Джамаат-и-Ислами»,* фундаменталистской религиозной организацией, боровшейся против ПНП и желавшей ввести в стране религиозное правление. Один из послов обвинял кандидата на пост начальника Генерального штаба в примитивном мелком воровстве.

Но были у него и неоспоримые плюсы. В отличие от многих его коллег он не был запятнан зверствами в Восточном Пакистане — его не было в стране во время гражданской войны. Говорили также, что он популярен в армии. А этот критерий, с точки зрения отца, весил более остальных. Слишком уж затянулся поиск нового главы Генштаба,

пора было принимать решение. И на основании положительных откликов разных военных инстанций отец остановился на кандидатуре Зия уль-Хака. «Не следует создавать впечатление, что гражданское правительство навязывает свою

волю армии», — сказал отец с облегчением. И таким образом 5 января 1977 года я впервые лицом к лицу столкнулась с человеком, столь радикально вторгшимся в нашу жизнь.

Помню свое удивление при первом взгляде на него. Уж слишком велико оказалось несходство выпестованного в моем сознании с детства образа высокого, крепкого солдата — типа Джеймса Бонда — со стальными нервами и уверенным взглядом. Генерал, стоявший передо мной, оказался коротышкой, нервным, болезненного вида. Напомаженные волосы разделены на прямой пробор, приклеены к голове. Ну просто ожившая английская карикатура: этакий опереточный злодей. Не таким я представляла бравого генерала, способного воодушевить войска на битву. Он не переставал подобострастно улыбаться и повторять, какая для него честь встретиться с дочерью такого великого человека, как Зульфикар Али Бхутто. Про себя я подумала, что уж генерала, хотя бы внешне более похожего на настоящего боевого командира, найти было бы несложно. Но отцу ничего не сказала.

— Я хочу развить земельную реформу, — поделился отец со мной своими планами, прогуливаясь тем вечером в саду Аль-Муртазы. — И хочу в марте устроить выборы. Конституция не требует выборов до августа, но я не вижу причин ждать. Созданные нами согласно конституции демократические институты функционируют. Работает парламент, действуют правительства в провинциях. Получив мандат от народа, мы можем быстрее и легче продвигаться по пути прогресса, перейти ко второй фазе реформ, к расширению индустриальной базы страны, к модернизации сельского хозяйства. Ирригация, распределение семенного фонда, производство удобрений...

Он шагал по саду, развивая свои идеи, видя новый, современный, процветающий Пакистан будущего.

Многие из реформ уже стартовали. ПНП приступила к выполнению предвыборных обещаний бедным, к перераспределению земли, сосредоточенной в руках горстки феодалов. Воплощалась в жизнь социалистическая политика в промышленности, национализировались целые отрасли, монополизированные «двадцатью двумя семьями» Пакистана, прибыли текли в казну государства. Определили размеры минимальной заработной платы для тех, кто работал за гроши или вообще бесплатно на племенных князьков и промышленников. Рабочих поощряли объединяться в профсоюзы, требовать голоса в управлении предприятиями. Много происходило нового, невиданного в истории нашей страны.

В сельские районы протянулись линии электропередачи. Учреждались школы для бедных, инициировались программы

ликвидации безграмотности. В пыльных городах разбивали парки и сады, строились новые и мостились старые дороги. Совместно с Китаем строили новое шоссе через Гиндукуш, до самой границы Китая. Отец твердо намеревался вывести страну из вековой отсталости к процветанию.

—У моего ишака на этой новой дороге ноги разъезжаются, — пожаловался отцу некий фермер в провинции Белуджистан.

—Есть такие ослы, которые на такой дороге не скользят, а быстро-быстро бегают, — ответил ему отец и прислал фермеру джип.

Были у отца и противники. Конечно, не испытывали к нему теплых чувств хозяева национализированных предприятий. Злились феодалы, земли которых достались тем, кто их поколение за поколением обрабатывал, получая лишь половину урожая. Члены *«Джамаат-и-Ислами»,* многие из которых владели мелкими лавками, выступали против социальных реформ, против наделения гражданскими правами женщин, против поддержки женщин, работающих вне дома, и новых законов, запрещающих дискриминацию по признаку пола. Направленная на консолидацию политика отца раздражала сепаратистов и сторонников отделения от Пакистана в Белуджистане и на северо-западе страны.

Они рвались к независимости. Племенные вожди стремились сохранить власть над сотнями тысяч своих подданных.

Фактически в 1977 году Пакистан существовал в той же структуре, в которой он образовался в 1947-м. Сепаратисты против центрального правительства, капиталисты против социалистов, феодалы и сардары против образованных и просвещенных, бедные провинции против богатого Пенджаба, фундаменталисты против прогрессистов-модернизаторов. И на все это бросала тень армия, единственная хоть как-то организованная и функционирующая структура в кусочно-лоскутном государстве.

Некоторые западные политические аналитики и почти все пакистанские военные считали, что демократия в таком разброде просто немыслима. В стране с таким низким уровнем грамотности и с таким доходом на душу населения! Да в этой стране люди даже не понимают друг друга, ибо в каждой провинции свой язык и свои обычаи. Такое население может держать в узде лишь армия. Так они рассуждали. Но отец развенчал эту теорию, успешно введя демократическое правление, при котором выборы, а не военная сила определяют, кто руководит страной. В начале 1977 года ни у кого не было сомнений в том, что правительство отца победит на выборах в

марте.

* * *

Отец занялся подготовкой выборов в Пакистане, а я вернулась в Оксфорд, заниматься организацией дебатов в дискуссионном обществе. «К вопросу о торжестве капитализма» — тема первых дебатов за мой президентский срок, к которым я пригласила в качестве оппонента Тарика Али, бывшего президента общества, в высшей степени авторитетного и грамотного пакистанского левого. Другая тема, «К вопросу о невозможности дальнейшего существования Запада за счет третьего мира», должна была привлечь внимание к перепаду «Север — Юг».

Политическая оппозиция в Пакистане объединялась против ПНП в коалицию девяти партий из регионалистов, религиозных фундаменталистов и промышленников, выбрав себе общее наименование Пакистанский национальный альянс (ПНА). Я же в это время готовила уже пятый диспут, по традиции смешной, на тему «К вопросу о том, закачается это здание (rock) или покатится (roll)». Впервые за все время существования университетского дискуссионного общества в его степенных стенах зазвучала рок-музыка. Двое студентов Модлин-колледжа во всю глотку проорали дуэт на тему дня на мотив из «Джизас Крайст суперстар» и вынесли меня из аудитории на плечах.

Я увлеченно перекрашивала свой президентский офис в сизо-голубой цвет, печатала программки зеленым и белым (цвета пакистанского флага), а в Пакистане тем временем ставший лидером ПНА бывший командующий ВВС Асгар Хан объявил, что оппозиция не признает результаты мартовских выборов под тем предлогом, что они якобы заранее подтасованы. Я не уделила этому заявлению достаточного внимания, зная, что отец следовал процедурам, принятым в демократических странах, и учредил независимую избирательную комиссию, избирательные суды, избирательные законы для обеспечения честных выборов. Тем не менее тактика Асгар Хана вызывала определенные подозрения. Он готовил страну к непризнанию неизбежной победы ПНП на выборах.

Избирательная кампания также приготовила сюрприз, когда 18 января, в последний день регистрации кандидатов, выяснилось, что ПНА не зарегистрировала ни одного кандидата на участках, где избирателям надлежало голосовать за отца и его министров. Я, находясь в Англии, разумеется, обратила на это внимание. Почему они оставили премьер-министра и четырех главных министров провинций без конкуренции? Может быть, чтобы не позориться, чтобы не потерпеть неизбежного

поражения? Спасти лицо? Но эта мысль оказалась слишком рациональной. Объяснение оппозиции хотя и оказалось смехотворным, но наделало шуму.

— Нас похитили, чтобы не дать зарегистрироваться, — заявили кандидаты оппозиции. Они уверяли, что их, а также их доверенных лиц и помощников якобы арестовала полиния и держала, пока не истек срок регистрации. Для меня в Англии эти обвинения звучали смехотворно. Я ни на секунду не поверила в то, что их кто-то похищал. Не поверил и глава избирательной комиссии, не принявший этих объяснений. Если они и были «похищены», то, без сомнения, подстроили эти «похищения» сами. Но ход хитрый. Похищения всякого рода в ходу в Пакистане, так что многие могли этой лжи ПНА поверить.

Я стала подробнее следить за развитием событий по британским газетам, а также по пакистанским, присылаемым мне еженедельно родителями, и по иным азиатским публикациям. Действия ПНА становились все более разнузданными и возмутительными. Бхутто ни в чем нельзя верить, вопила оппозиция. Он планирует национализировать все дома и конфисковать личное золото и ювелирные украшения всех женщин. Бхутто далек от народа, он богач. Он носит лондонские костюмы из Сэвил-Роу, итальянскую обувь и пьет шотландское виски.

К атаке присоединились министры Айюб Хана. Ответная реплика отца меня восхитила. Он всегда отличался открытостью и не скрывал подробностей своей личной жизни. «Не отрицаю, после 18-часового рабочего дня я иной раз позволяю себе глоток-другой, — заявил он на митинге в Лахоре. — Зато, в отличие от иных других политиков, не пью крови собственного народа».

В исходе выборов я не сомневалась. Лидеры ПНА как политики никуда не годились. Да и вообще люди дрянные. К тому же почти все дряхлые старцы. Ни образованием, ни опытом в управлении и дипломатии не блистали. В Пакистане моему отцу вообще ровни не найти. Политика в стране, управляемой генералами, не привлекала выдающихся умов. Сливки интеллекта снимали гражданская служба, армия, индустрия. Большинство противостоявших отцу горе-политиков — близорукие провинциалы, не знавшие прошлого страны и не видящие ее будущего.

Но во лжи они били все рекорды. Бхутто плохой мусульманин, утверждал Асгар Хан. Он, мол, еще только учится совершать пять ежедневных молитв. Я едва поверила глазам, в феврале прочитав это обвинение в «Фар-истерн экономик ревю». Я часто молилась с родителями дома, и мне понравился ответ

отца и на это вздорное обвинение. Когда репортер спросил его, зачем к нему едет лидер Организации Освобождения Палестины Ясир Арафат, отец ответил: «Чтобы научить меня молиться».

Вооружившись лозунгом *«Низами-и-Мустафа* — Власть Пророка», лидеры религиозных фракций ПНА бессовестно спекулировали религией в политических целях. Голос против ПНА, утверждал глава *«Джамаат-и-Ислами»* на митинге в сельской местности, — это голос против Бога. А голос за ПНА якобы засчитывается «там», на небесах, за сто тысяч лет молитвы.

Более здравомыслящие лидеры оппозиции понимали, однако, что «исламская палка» против моего отца не только о двух концах, но и больно бьет самого ею пользующегося. Слишком широко известна в Пакистане преданность ПНП и ее вождя исламу. Мой отец дал стране исламскую конституцию 1973 года, он создал министерство религиозных дел. Лишь при нем в Пакистане напечатали первый исправленный, лишенный ошибок Священный Коран, он снял ограничения на число паломников, отправляющихся в *хадж* в Мекку. Он ввел *исламийят* — обязательное религиозное образование в начальной и средней школе. Правительство моего отца создало программу обучения арабскому языку — языку Священного Корана — по телевидению, образовало *Руэт-и-Хиллаль,* комитет наблюдения за луной, чтобы покончить с вечной путаницей с началом и концом поста в Рамазан. Даже наименование «Красный Крест» при моем отце изменили на «Красный Полумесяц», чтобы благородные функции этой организации ассоциировалась не с христианством, а с исламом.

Поэтому я не слишком беспокоилась, когда читала о фундаменталистских вывихах в ходе избирательной кампании. Ведь требуемая фундаменталистами трактовка шариата аннулирует все достижения в области прав человека, перечеркнет экономический прогресс и отбросит Пакистан на тысячу лет назад, это увидит любой, даже самый неграмотный пакистанец. К примеру, станет невозможной работа банков, так как банковский процент подпадает под определение ростовщичества. Я уже не говорю о правах женщин. Здесь достижения отца особенно заметны.

Он открыл для женщин дипломатическое поприще, гражданскую службу, полицию. Для поощрения женского образования он назначил женщину на пост вице-канцлера Исламабадского университета. Женщины заняли также должности губернатора провинции Синдх и вице-спикера Национальной ассамблеи. Средства массовой информации тоже открылись для женщин, впервые на телевидении появились

дикторы-женщины.

По инициативе отца мать сделала первые шаги на политическом поприще. В 1975 году она возглавила пакистанскую делегацию на международной конференции женщин в Мехико. К моей великой радости, ее избрали вице-президентом конференции. Она выставила свою кандидатуру и на выборах в Национальную ассамблею, символизируя отношение отца к роли женщин в политике.

По мере приближения дня выборов нападки ПНА становились все более дикими. Асгар Хан пообещал бросить за решетку наиболее ненавистных ему руководителей ПНП после 8 марта, когда он возглавит правительство. И похвалялся, что убьет отца: «Может быть, повешу его на мосту Атток. Или на уличном фонаре в Лахоре».

Меня трясло от подобной разнузданности. Говорили, что феди младших офицеров, устроивших неудачную попытку переворота в 1974 году, были родственники Асгар Хана. Продолжал ли он подрывную работу в армии?

Так далеко от Оксфорда! Отец отдавал все силы насаждению демократии в Пакистане. Но не все научились дисциплине, которую требует демократия. В пригороде Карачи кандидат ПНА изрешетил предвыборный плакат с изображением моего отца автоматными очередями, убив оказавшегося рядом ребенка.

«Оппозиция ведет себя настолько варварски, что даже такая аполитичная фефела, как я, не может не содрогнуться, — написала мне в феврале из Карачи школьная подруга. — Сейчас больше, чем когда-либо, стало ясно, насколько мы нуждаемся в твоем отце. Упаси боже, что случится, если до власти дорвутся эти обезьяны. Мне кажется, тогда конец стране».

В вечер дня выборов я прибыла к Миру в его квартиру напротив колледжа Христа, чтобы дождаться звонка. Посол Пакистана в Лондоне и один из министров отца обещали позвонить, как только они получат новости о выборах. Мир предсказывал победу ПНП с занятием от 150 до 156 мест в Национальной ассамблее. Раздался звонок. У телефона отец. Голос хриплый, но довольный. ПНП выиграла, у нее 154 места из двухсот. «Поздравляю, папа, я так рада, я счастлива!» — заорала я в трубку. Я радовалась победе ПНП, радовалась, что позади осталось напряжение предвыборной гонки. Но я ошиблась.

Оппозиция, как и угрожала ранее, заявила, что результаты выборов подтасованы, объявила, что не примет участия в выборах в ассамблеи провинций, намеченных тремя днями позже. Напряженность возрастала.

Группы молодых людей на мотоциклах вдруг оккупировали

улицы Карачи. Они поджигали кинотеатры, банки, лавки, продававшие алкоголь, здания, на которых развевались флаги ПНП. В одном из домов они сожгли заживо семью из тринадцати человек, а когда один из умирающих от ожогов попросил воды, помочились ему на лицо. Одного из членов ПНП повесили на уличном столбе и оставили тело болтаться на веревке, пока его не срезала полиция. На министров и парламентариев ПНП посыпались угрозы убийств, обещания похитить детей из школы.

В Карачи разыгрывалась трагедия. Каждое утро я спешила в рекреационный зал колледжа Святой Екатерины, чтобы, прежде чем вынуть из почтового ящика пакистанские газеты, ознакомиться с английскими. Мы с Миром просматривали прессу, не веря глазам. Мы видели демократию в Америке и Англии, где политики нечасто прибегают к террористическим методам, и находили тактику ПНА возмутительной. Мы раздумывали о целях оппозиции, о последствиях ее поведения. Видно было, что оппозиция в выборах не заинтересована. Похоже было, что вся эта лихорадочная активность готовит почву для какого-то вмешательства, скорее всего военного переворота.

Армия — самый весомый фактор. Но сомневаться в лояльности вооруженных сил не было оснований. Отец в армии популярен, а предпочтение Зии шести другим генералам должно было обеспечить его поддержку. Не в традициях нашей культуры предавать того, кто тебя облагодетельствовал. Асгар Хан пытался привлечь на свою сторону армию, распространив письмо, в котором открыто призвал вооруженные силы сместить правительство. Однако письмо это не возымело действия. Начальники штабов армии, авиации и флота выпустили заявление, выражающее поддержку возглавляемому отцом гражданскому правительству.

Через три недели бесчинств в Карачи и Хайдарабаде ПНА попытался расширить географические рамки разбойных действий и инициировал погромы в Лахоре. И здесь группы из двух-трех десятков молодых мотоциклистов врывались на рынки, забрасывали покупателей камнями, вынуждали продавцов в страхе опускать жалюзи. Нападали и на банки, обливая их бензином и поджигая перед поспешным бегством.

Читая газеты, мы чувствовали все большее отвращение к попыткам ПНА дестабилизировать страну. Вместо того чтобы признать поражение, эти политики старого типа прибегали к насилию, распускали слухи. «Бегума Бхутто сбежала с чемоданами», — гуляла по ушам сплетня ПНА. «Сам Бхутто тоже собирает чемоданы».

Отец настолько не сомневался в силе ПНП, что предложил, в

случае если оппозиция выиграет провинциальные выборы, повторить всеобщие. Но лидеры ПНА отказались даже от переговоров с ним. Их могло удовлетворить лишь его устранение. Естественно, что отец, получив столь однозначную поддержку населения на демократических выборах, отказался уйти в отставку.

Террористическая тактика ПНА затронула и меня. Однажды вечером в конце марта, вернувшись домой из библиотеки Бодли, я удивилась, застав поджидающего меня детектива Скотленд-Ярда. «Не хотелось бы вас тревожить, мисс Бхутто, но поступили сообщения о том, что вам угрожает опасность», — огорошил меня полицейский офицер.

Разумеется, Скотленд-Ярд не стал бы посылать ко мне в Оксфорд своего служащего, если бы мне не угрожала реальная опасность. В результате с того самого дня и до самого прощания с Оксфордом в июне я тщательно следовала полученным наставлениям: заглядывала под автомобиль, убедиться, не прикреплена ли к днищу взрывчатка, проверяла состояние замков. Изменяла маршруты, расписание. Если занятия начинались в десять, я отправлялась либо намного раньше, в полдесятого, либо впритирку, без пяти. Этим советам Скотленд-Ярда я следую и до сих пор.

В Пакистане к началу апреля разбойная активность оппозиции уже выдыхалась. Казалось, худшее позади, когда ветер подул с другой стороны. Зловещий ветер.

У людей вдруг появились груды американских долларов. Люди покидали работу, потому что могли больше заработать в другом месте. Самийя написала, что уволилась прислуга моей кузины Фахри и еще чья-то. «Нам больше платят на демонстрациях за ПНА», — не таились они. С марта хлынувший в страну поток американской валюты сбил цену доллара на черном рынке на 30 процентов. Ничего не теряя в выручке, вдруг забастовали водители грузовиков и автобусов в Карачи, вызвав сбои в работе промышленности, так как рабочие не могли добраться до предприятий. Те же самые грузовики и автобусы, однако, доставляли демонстрантов ПНА на митинги.

Мы в Азии склонны во всем видеть заговоры. Но в этом случае трудно было не увидеть, откуда дует ветер. Отец и руководство ПНП поняли, что дует он из Вашингтона, из Лэнгли. Для меня тоже было очевидно, что забастовка водителей состоялась в точности по тому же шаблону, что и забастовка в Чили, когда ЦРУ готовило военный переворот, свергнувший демократически избранное правительство президента Альенде. Разведка Пакистана докладывала об участившихся встречах

сотрудников американского посольства и лидеров ПНА.

Гладкость и эффективность забастовок обращала на себя внимание. Когда отец впервые образовал правительство, он узнал, что в 1958 году Соединенные Штаты провели с армией секретные учения по парализации действий правительства с помощью стачек. Назывались они «Операция „Колесо заклинило"». И вот ПНА призывает к общенациональной забастовке. Под каким же девизом? «Операция „Колесо заклинило"». Богатая фантазия, ничего не скажешь.

Не хотелось мне верить, что Соединенные Штаты умышленно дестабилизируют демократически избранное правительство Пакистана, но память подсовывала физиономию Генри Киссинджера и его контакты с отцом во время визита госсекретаря в Пакистан летом 1976 года. Расхождения тогда возникли из-за решимости отца продолжать переговоры с Францией по поводу завода по производству ядерного горючего. Ядерная энергия могла дать Пакистану электричество в период, когда бурный рост цен на нефть потряс даже экономику процветающего Запада. Доктор Киссинджер упорно пытался отговорить отца от продолжения переговоров. Правительство США, очевидно, рассматривало тему переговоров лишь под углом угрозы возникновения «исламской ядерной бомбы», нежелательной для правителей «свободного мира».

Встреча протекала не лучшим образом, отец вернулся домой, пылая гневом. Он сказал мне, что Генри Киссинджер разговаривал с ним грубо и заносчиво. Он недвусмысленно дал понять, что соглашение между Пакистаном и Францией для Соединенных Штатов неприемлемо, от него следует отказаться или отложить его подписание до времен, когда развитие технологии позволит однозначно исключить возможность производства атомной бомбы. Эти требования Киссинджер разбавлял лестью, заверяя, что считает моего отца блестящим государственным деятелем. Однако, тут же добавлял он, желая моему отцу добра, он не мог удержаться от предупреждения: настойчивость в вопросе о договоре с Францией приведет к возникновению прецедента и вызовет весьма неприятные последствия.

Я не могла забыть об этом контакте. Конечно, президентом США стал Джимми Картер, Генри Киссинджера на посту государственного секретаря сменил Сайрус Вэнс, но смена американской администрации не обязательно означает смещение центров власти и влияния. За семь лет обучения в Гарварде и Оксфорде я хорошо усвоила, что Центральное разведывательное управление США часто действует без оглядки на правительство,

что политика его как формируется, так и меняется отнюдь не за день. Значит ли это, что они решили избавиться от отца, если не удалось заставить его отказаться от завода по обогащению ядерного горючего? Сыграл ли отец им на руку, объявив досрочные выборы?

Нетрудно представить себе досье, заведенное в ЦРУ на моего отца. Он выступал против американской политики во время Вьетнамской войны, он «без спросу» налаживал отношения с коммунистическим Китаем, поддерживал арабов во время войны 1973 года, он сторонник независимости от сверхдержав на конференциях стран третьего мира. Не пора ли обратить на него самое серьезное внимание?

Еще сообщение пакистанской разведки. Подслушанный диалог двух американских дипломатов: «Кончен бал! Конец ему», — сказал один из них, имея в виду правительство отца. «Нет, джентльмены, бал не кончен, — ответил отец в обращении к Национальной ассамблее. — Бал не кончен, пока я не завершил свою миссию на службе нашей великой нации». Религиозные фундаменталисты тем временем выпустили очередную утку. «Бхутто индуист, Бхутто иудей!» — скандировали их сторонники, как будто не соображая, что эти две религии, ни одной из которых мой отец-мусульманин не исповедовал, совершенно несовместимы.

«Не знаю даже, что написать об обстановке здесь, — писала мне мать. — Знаю то, что вычитала из газет, но ты тоже получаешь газеты. Наиболее солидная из всех — „Мор-нинг ньюс", она не гоняется за дешевыми сенсациями. В общем, ты знаешь не меньше, чем я.

Написала Санам (сестра моя поступила в Редклифф в 1975 году) и Миру, чтобы они в это лето не приглашали гостей. Не знаю, получили ли они мои письма, почта ненадежна. Если до тебя письмо дойдет, проверь, сообщи им на всякий случай».

Лидеры ПНА по-прежнему отказывались принять предложение отца выработать мирное решение. Чтобы прекратить убийства, грабежи и разбой ПНА, отец вынужден был арестовать ряд руководителей альянса, рассчитывая, что прекращение потока извергаемых ими поджигательских лозунгов приведет к успокоению страны. Но 20 апреля давно готовившаяся «Операция „Колесо заклинило"» парализовала улицы Карачи. Водители бастовали, банки, лавки, рынки, фабрики закрылись. 21 апреля в соответствии с конституцией отец обратился за поддержкой к армии с целью восстановить порядок в главных городах, Карачи, Лахоре, Хайдарабаде. Протесты заглохли. Массовые демонстрации и общенациональная забастовка, назначенная на

22 апреля, не состоялись. Сорванным оказался и «Долгий марш» двух миллионов человек в Равалпинди к дому премьер-министра. Неудача с «Долгим маршем» окончательно выпустила воздух из воздушного шара ПНА. Отец ехал по улицам Равалпинди, приветствуемый толпами народа.

Но подрывная деятельность ПНА принесла результаты. На улицах торчали тысячи остовов сожженных автомобилей, автобусов. Промышленные предприятия не работали или работали вполсилы. Стране был нанесен колоссальный материальный ущерб, погибли люди. Я вздохнула с облегчением, прочитав 3 июня в газетах, что оппозиция наконец согласилась на переговоры с отцом. Отец, казалось, склонялся к идее распустить правительство и готовить новые выборы.

Казалось, здравый смысл торжествует в Пакистане. На четвертый день переговоров отец вернул войска в казармы, еще через неделю выпустил из-под ареста лидеров ПНА и всех остальных задержанных в связи с волнениями. После заявления отца о новых выборах в октябре даже наиболее упрямые из лидеров оппозиции, казалось, настроились оптимистически. Выпуск «Ньюсуик» от 13 июня сообщал, что после встречи с отцом один из них изрек: «Я вижу свет в конце туннеля. Будем молиться, чтобы это не оказался мираж».

И отношения с США, казалось, улучшались. Министр иностранных дел Пакистана Азиз Ахмед встретился в Париже с госсекретарем США Сайрусом Вэнсом и вручил ему пятидесятистраничный доклад с материалами, касающимися попыток дестабилизации американцами пакистанского правительства. Отец рассказал мне, что Вэнс отложил сшиватель в сторону и заверил, что теперь открывается новая глава отношений между США и Пакистаном. «Мы высоко ценим нашу долгую и прочную дружбу», — сказал он.

Роль США в подрывной деятельности против правительства отца выяснить вряд ли удастся. Я пыталась через американских друзей узнать хоть что-то, ссылаясь на Закон о свободе информации, но безуспешно. ЦРУ выслало шесть документов, включая анализ китайской поддержки Пакистану в войне с Индией 1965 года, когда отец был премьер-министром, и телеграмму, сообщающую о движении колонн транспорта с гражданскими лицами через Равалпинди того же года. Лишь один документ касался моего отца и ПНП, в нем же упоминалось сопротивление предложенной им конституции 1973 года.

«Мы не можем ни подтвердить, ни отрицать существование или несуществование в ЦРУ каких-либо данных по Вашему запросу о документах, касающихся Зульфикара Али Бхутто, —

гласило сопровождающее письмо. — Такая информация, в случае ее существования, могла бы оказаться засекреченной по соображениям государственной безопасности. Настоящим мы не подтверждаем и не отрицаем существования таких документов. Таким образом, эта часть Вашего запроса относительно Зульфикара Али Бхутто отклоняется...»

То, что произошло в Пакистане в 1977 году, случилось потому, что существовали люди, которые позволили этому случиться. Если бы вожди ПНА действовали, исходя из интересов страны, а не из своих собственных, если бы начальник Генерального штаба действовал в национальных интересах Пакистана, а не в своих собственных, то правительство отца не было бы свергнуто. Это поучительный урок для нас всех, был и остается. Соединенные Штаты действовали в своих собственных — эгоистических — национальных интересах, но мы свои интересы не блюли. Некоторые выбирают легкий путь и валят всю ответственность за события 1976 года на США. Но если бы среди нас не оказалось коллаборационистов, людей, которые думали, как бы им дорваться до власти, не считаясь с интересами страны, то трагедии не случилось бы. Тогда, будучи студенткой Оксфорда, я этого еще не понимала.

Солнце уже ярко светило, когда я проснулась в свой 24-й день рождения, 21 июня. Днем ожидалась жара, я думала о празднике в саду Квин-Элизабет-хаус по случаю дня рождения и отъезда домой. Я пригласила всех, кто значился в моей оксфордской записной книжке и, судя по количеству присутствующих, похоже, что пришли все приглашенные. Над вазочками земляники со сливками мы обменивались адресами.

Печально, конечно, покидать Оксфорд и такую толпу добрых знакомых. Не хотелось расставаться и с моим желтеньким MGB, который Мир должен был продать для меня осенью. Четыре года автомобиль мой служил «доской объявлений» для записок друзей и подруг, а также для штрафных квитанций рьяных блюстителей правил парковки. С другой стороны, меня возбуждала перспектива возвращения в Пакистан. Отец рассказывал мне о своих касающихся меня прикидках: летняя работа в канцелярии премьер-министра и в совете провинций, чтобы ознакомиться со спецификой интересов провинций; в сентябре он собирался направить меня с пакистанской делегацией в ООН, «себя показать». В ноябре планировалась подготовка к экзамену в министерстве иностранных дел. Упорядоченное, чистенькое, аккуратное будущее.

Отец с таким же нетерпением ждал моего возвращения, как и мне не терпелось вернуться домой. «Сделаю все, что смогу, чтобы

твое пребывание на родине доставило тебе удовольствие, — писал отец. — Освоишься — встанешь на ноги, заживешь самостоятельной жизнью. Конечно, придется тебе потерпеть мой несносный юмор. Что ж делать, не смогу я уже измениться в таком почтенном возрасте, хотя ради своей перворожденной очень и очень постараюсь. Знаю, трудновато придется, ибо твой темперамент моему не уступит; и у тебя слезки закапают, и у меня польются. Что ж, одна кровь в нас...

Но мы попытаемся понять друг друга. Ты ведь особа целеустремленная, с ясным умом, ты понимаешь, что в пустыне жарко, а на вершинах гор лежат снега. Найдешь ты свое солнце и свою радугу; дух твой крепок, мораль устойчива. Все будет наилучшим образом, и вместе мы осилим стоящие перед нами задачи, уверен в этом».

25 июня 1977 года я и Мир вылетели в Равалпинди к родителям. Шах Наваз вернулся из своей швейцарской школы, Санам из Гарварда. В последний раз семья наша собралась в полном составе.

5

ВОСПОМИНАНИЯ В АЛЬ-МУРТАЗЕ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА ЗИИ УЛЬ-ХАКА

За окном февральское солнце сверкает на стволах винтовок наших тюремщиков. Пошел четвертый месяц заключения. Такое впечатление, что и сам дом стал пленником. Здесь отец принимал глав государств, среди которых шах Ирана из соседней Персии, правитель Абу-Даби и президент Объединенных Арабских Эмиратов шейх Зайед, Ага Хан принц Карим, сенатор Джордж Макговерн из США, британский министр Дункан Сэндис. Отец приглашал их на охоту, хотя сам охотиться не любил. Братья же мои одержимы этой забавой и не прочь были иной раз для поддержания авторитета гостя подстрелить за него птицу или оленя.

Даже в обычные дни в Аль-Муртазе не утихали смех и шутки. Отец иной раз взрывался песней, фальшиво, но с энтузиазмом исполняя какую-нибудь народную мелодию синдхи или что-нибудь из запомнившихся ему западных хитов прошлого: «Some Enchanted Evening» из бродвейского мюзикла «Саут Пасифик», виденного им в Нью-Йорке, «Strangers in the Night» Фрэнка Синатры, модного в Карачи в годы, когда он ухаживал за матерью, и особенно «Que sera, sera». Я как будто слышу сейчас его пение: «Что будет, то будет, грядущего не увидать...»

Кто мог предвидеть мрак, поглотивший его столь внезапно в ранние утренние часы 5 июля 1977 года. Военный переворот стал нашей личной трагедией и началом долгой агонии Пакистана.

5 июля 1977 года, 1.45 ночи. Резиденция премьер-министра, Равалпинди.

— Просыпайтесь! Вставайте, одевайтесь! Быстрей, быстрей! Военные! — Мать врывается в мою комнату, проно сится мимо меня, к комнате сестры. — Военный переворот!

Через несколько минут я вхожу в спальню родителей, не понимая, что происходит. Переворот... Почему? Ведь ПНП и оппозиция достигли договоренности о выборах лишь вчера. Если армия взяла власть — то кто именно? Лишь два дня назад генерал Зия и командующие корпусами посетили отца и заверяли его в лояльности армии. Отец садится к телефону, вызывает штаб-квартиру Зия уль-Хака и федеральных министров. Первым откликается телефон министра образования. Там уже побывали. «Солдаты избили отца и увезли его», — плачет в трубку дочь Хафиза Пирзады, который лишь несколько часов назад оставил отца, отпраздновав с ним достижение соглашения. Я видела огоньки их сигар и слышала негромкие голоса, сплетничая на лужайке с сестрой.

— Успокойся, — говорит отец в трубку ровным голо сом. — Не плачь, сохраняй достоинство. Поддерживай честь семьи.

В ходе следующего разговора, с губернатором Граничной провинции, телефон замолк.

Лицо матери бледно. Она шепотом рассказывает, что отец узнал о перевороте от постового полицейского, который увидел, что войска начинают окружать резиденцию премьер-министра. Рискуя жизнью, он пробрался мимо военных, прополз до самой двери. «Скажи господину Бхутто, что армия окружает дом, они убьют его! — зашептал он слуге отца Урсу. — Пусть быстро спасается! Пусть прячется!» Отец принял сообщение спокойно. «Жизнь моя в руках Аллаха, — сказал он Урсу. — Если они хотят меня убить, пусть убивают. Прятаться нет смысла. Сопротивляться — тоже. Пусть приходят». Однако бдительность и находчивость этого полицейского, возможно, спасла нам жизнь.

— Премьер-министр желает говорить с начальником Генерального штаба, — сказал отец по телефону Санам, частному номеру, по которому она вела бесконечные переговоры с подругами. Каким-то чудом этот телефон не отрезали. Зия немедленно взял трубку, удивленный, что отец узнал о перевороте.

— Извините, сэр, я вынужден был это сделать, — как будто оправдывается Зия, ни словом не упоминая о достигнутом вчера соглашении. — Мы будем вас надежно охранять, а че рез девяносто дней назначим новые выборы. Вы, конечно, одержите победу, и я вас поздравлю, сэр.

Теперь отец знает, чьих рук это дело. Глаза отца сужаются, он выслушивает заверения Зии, что он может выбрать себе место пребывания. Например, дача премьера возле Мурри, наш дом в Ларкане или еще где-то. Сам он желал бы, чтобы отец остался на месяц в резиденции в Равалпинди. Военные прибудут за ним в 2.30.

— Я поеду с Ларкану, а семья пусть вернется в Карачи, — отвечает отец. — Здесь резиденция премьер-министра, а я, по всей видимости, более не премьер-министр, так что нечего мне здесь делать.

Отец кладет трубку. Лицо его мрачнеет. Он почти сразу снова снимает трубку, но телефон уже мертв.

В комнату врываются наспех одетые братья, Мир и Шах Наваз.

—Мы должны сопротивляться! — выпаливает Мир.

—Никогда не следует сопротивляться военным, — спокойно говорит отец. — Генералам нужны наши трупы, и они обрадуются любому предлогу, чтобы нас убить.

Я содрогаюсь, вспоминая военный переворот в Бангладеш двумя годами раньше. Вместе с президентом Муджибом военные убили в его доме почти всю его семью. Армия Бангладеш — отколовшаяся часть армии Пакистана, та же самая армия. С чего бы им здесь действовать иначе?

— Зия устроил переворот, — сообщает мать братьям то, что уже известно нам. — Арестованы Асгар Хан и другие лидеры оппозиции. Арестованы министры Пирзада, Мумтаз, Ниязи и Хаар. Зия сказал, что будет судить Асгар Хана за измену, не пощадит Ниязи и Хаара, и что через девяно сто дней устроит выборы.

— Он все это сделает для того, чтобы через девяносто дней устроить выборы? — иронически усмехается Шах, млад ший, который в последние годы провел больше времени дома, чем мы, и лучше ориентируется в местной политике.

Возникает много вопросов, на которые нет ответа. По каким критериям произведены аресты лидеров оппозиции? Может быть, лишь для вида, может быть, Зия с ними в одной упряжке? Мы пытаемся найти логику в этой лишенной всякой логики череде событий, в этом нелогичном мире.

Почему Зия так долго выжидал? Беспорядки начали затихать в апреле, а несколько часов назад достигнуто соглашение.

—Зия просчитался, — поясняет отец.— Он думал, что переговоры с ПНА зайдут в тупик и у него появится предлог для взятия власти. И он ударил в последний момент, пока соглашение еще официально не подписано.

—Бог знает, что с нами случится, — тихо говорит мать. Она выходит в свою туалетную комнату, открывает сейф и возвращается с деньгами. — У вас уже есть билеты в Карачи на утро, — говорит она братьям, вручая им деньги. Мы с Беназир и Санам прибудем позже. Если к вечеру нас не будет, уезжайте за границу.

Почти два часа ночи. Мы ждем военных, которые должны забрать отца. Никто не хочет уходить. Что нас ждет? Может быть, генерал Зия ждал, пока мы все соберемся вместе, чтобы уничтожить одним ударом? Мрачная мысль. Пытаюсь ее отпихнуть от себя, но не получается. Вон, две дочери президента Муджиба пережили резню, потому что оказались за границей. Одна из них возглавила оппозицию. Может быть, пакистанская армия не хочет повторить ошибку бывших братьев по оружию.

Братья, сестра и я прибыли домой раздельно. Шах из Швейцарии, Санам из Гарварда, Мир и я из Оксфорда. Родители не разрешали нам путешествовать вместе, опасаясь непредвиденных ситуаций. «Слава Богу, вы завершили образование и вернулись домой, — радовался отец десятью днями раньше. — Теперь у меня будут помощники».

Мое рабочее место в секретариате премьер-министра, рядом с офисом отца. Я принесла присягу о неразглашении государственных тайн и принялась знакомиться с делами, подмечать тонкости, особенности. Как много может измениться за неделю. За считанные часы.

Мать включает радио, пытается найти какую-то информацию, но в такое позднее — или раннее — время сложно что-то услышать. Никаких новостей. Ждем военных. Отец как будто даже расслабился.

— Теперь с меня снята ответственность, — поясняет он. — Правление — нелегкая ноша, а теперь ее сняли с моих плеч. Пусть ее несут другие.

Мы сидим на диване в спальне родителей, отец привычно перебирает бумаги. Документы в одной из папок, черного цвета, он подписывает не читая.

— Моим первым актом на посту премьера стало подписание актов о замене смертных приговоров. Этим и завершаю. Читать просьбы о помиловании — неприятное занятие.

Я тянусь к нему, чтобы его обнять, но он меня мягко отстраняет:

— Не время для сентиментальности. Надо собраться, взять себя в руки.

Полтретьего, полчетвертого. Никто не появляется. Я беспокоюсь все больше. Что они замышляют? Около четырех

прибывает военный секретарь отца. Глаза красные, вид помятый. Он прибыл из Генерального штаба, прямо от генерала Зия. Тот выражает сожаление в связи с невозможностью доставить отца в Ларкану. Взамен предлагает дачу в Мурри. Со всем надлежащим уважением. Отправление намечено на шесть утра.

—Почему это они так все на ходу меняют? — гадает Санам.

—Мой звонок, очевидно, смутил его, — поясняет отец. — Он, вероятно, еще выясняет, не успел ли я созвониться с верными мне офицерами и принять какие-то контрмеры перед звонком ему.

Снова ожидание. Через час один из слуг сообщает, что нашего управляющего только что разбудили и увезли, чтобы подготовить помещения в Мурри.

— Сначала он обещал визит в полтретьего. Уже шесть. Дача в Мурри не готова. Аресты остальных подготовлены и продуманы, но не мой, — спокойно говорит отец.

Слова его повисают в воздухе.

—Этот мерзавец хотел прирезать нас всех в постелях, — шепчет мне Шах.

—Идите, собирайтесь, — отсылает мать братьев. — У вас вылет в семь.

Мы пробуем поймать утреннюю семичасовую передачу Би-би-си на урду, но слышим лишь скупое сообщение о том, что армия взяла власть в Пакистане.

—Ты вплотную занималась вопросами правления в двух университетах, — обращается ко мне отец. — Как ты полагаешь, сдержит Зия обещание о выборах?

—Думаю, что да, папа, — киваю я, все еще одержимая студенческим идеализмом и академической логикой. — Выборы ему поднадзорны, он не даст оппозиции раскрыть рта насчет их подтасованности и несправедливости, он ничем не рискует.

—Не будь дурой, Пинки, — спокойно отметает мои доводы отец. — Армии не для того берут власть, чтобы ослаблять хватку. Не для того генералы совершают акт государственной измены, чтобы устраивать выборы и восстанавливать демократическое правление.

Повесив нос, я покидаю родительскую спальню и отправляюсь собирать вещи. Отец годами готовил нас к возможности быстро покинуть резиденцию премьера в Равалпинди. Хотя никогда я не думала, что придется это проделать под винтовочным дулом. Отец настаивал, что резиденция — не дом, а официальное правительственное здание, временное жилище. Он хотел, чтобы, проиграв выборы, он с семьей мог покинуть это здание быстро, без проволочек, в отличие, скажем, от его предшественника Яхья Хана, который

месяцы тянул с выездом. «Не держите здесь больше, чем можете упаковать за день», — говорил нам отец. Это правило я, впрочем, нарушила, ибо две недели назад прибыла из Оксфорда со всем своим тамошним имуществом, с кучами книжек и одежек. Я собиралась переправить все это в Карачи, но постоянно откладывала, потому что была занята работой, помощью отцу.

Я собираю вещи, то и дело бегая в спальню родителей, чтобы военные не увезли отца без моего ведома. Под ноги лезет мой персидский кот Сахарок, чувствующий напряженность в настроении хозяйки. Он все время мяукает, трется о ноги. Комната постепенно пустеет.

— Уже восемь, — говорит, входя, мать,— а до сих пор никого. Адъютант отца сказал, что они еще не подготовили дом в Мурри. Но кто может знать... Слава Аллаху, хоть мальчики вырвались.

Дневной свет внес элемент упорядоченности и спокойствия. Я решала сложные задачи, связанные с упаковкой, тоже отвлеклась от мучительных раздумий. Войдя вместе с матерью в комнату к Санам, застала ее швыряющей в сундук одежду, фотоснимки, диски звукозаписи, даже старые экземпляры «Vogue» и «Harper's Bazaar».

—Не хочу, чтобы они лапали мои вещи, — сердито буркнула она, одетая в джинсы и свитер, с еще неубранными длинными волосами.

—Пинки, Санни! Скорей, папа уходит, — кричит мать около девяти утра.

—*Джалди*\ Скорей! *Сахиб* уходит! — горестно вторит ей наш слуга в тюрбане и красно-белой униформе обслуги премьер-министра. В глазах его слезы.

Чувствую, что и мои глаза наполняются слезами. Санам тоже моргает покрасневшими глазами.

—Как мы с такими глазами появимся перед отцом? — вырывается у меня.

—Скорей, у меня есть капли! — Санам разворачивается, я бегу за ней. Мы быстро закапываем друг другу в глаза капли и несемся по парадному белому с золотом коридору в выходу. За дверью, на газоне, хор стенаний прислуги.

Отец уже сидит в черном служебном «мерседесе». Машина трогается, мы с Санам прорываемся сквозь толпу слуг, размахиваем руками.

— До свидания, папа!

Отец поворачивается к нам, улыбается уголками губ, едва заметно кивает. Автомобиль с золотым плетением на номерной табличке премьер-министра исчезает за воротами.

Отца доставляют в Мурри под охраной военной колонны. Там

он находится «под защитой» армии, якобы в интересах его личной безопасности — такой словесной мишурой военные часто прикрывают изоляцию, фактический арест своих противников. Три недели его продержат в особняке, выстроенном еще англичанами в холмах, постепенно повышающихся по мере приближения к Кашмиру. Там мы часто проводили летом выходные всей семьей, играли на белоколонной веранде в «скраббл». Теперь отец направляется туда в качестве узника. Его гражданское правительство более не существует. Снова Пакистаном правят генералы.

Мне, конечно, следовало бы понять окончательность путча, осознать, что арест отца знаменовал поражение демократии в Пакистане. Действие конституции 1973 года приостановлено. Введено военное положение. Но я вопреки здравому смыслу, с глупой наивностью цепляюсь за надуманные возражения, основывающиеся на академической премудрости, усвоенной мною за годы обучения. Зия тоже не устает твердить, что он лишен каких-либо политических амбиций, что армия не отступит от своего воинского долга, что единственная его цель — провести свободные и справедливые выборы, уже назначенные на октябрь того же года. И после выборов военные передадут всю полноту власти представителям народа. «Я торжественно обещаю, что не отступлю от данных целей и указанных сроков», — гладко лгал Зия перед объективами и микрофонами.

Указ военного положения № 5

Любой, организующий или посещающий собрание профсоюза, студенческого общества, политической партии без разрешения военной администрации, наказывается числом ударов до десяти и тюремным заключением до пяти лет.

Указ военного положения № 13

Критикующий армию устно или письменно… числом ударов до десяти и тюремным заключением до пяти лет.

Указ военного положения № 16

Агитация среди служащих вооруженных сил против воинского долга и подчинения главе режима военного положения генералу Зие уль-Хаку наказывается смертной казнью.

О соблюдении заповеди «не укради» заботился указ военного положения № 6, обнародованный в день военного переворота. Грабеж и мародерство наказывались отсечением руки.

Сразу же Зия спустил с поводка религиозных фундаменталистов. Поститься или не поститься во время священного месяца Рамазана всегда было личным делом каждого пакистанца-мусульманина. При режиме военного положения все рестораны, кафе и иные точки общественного питания

закрывались от восхода солнца до заката. В университетах вода отключалась даже в уборных, чтобы кто-нибудь не умудрился напиться в течение дня. Банды фундаменталистов слонялись по улицам, ломясь среди ночи в любую дверь, чтобы убедиться, что люди готовят *сехри,* предутреннюю трапезу. За курение, еду и питье на людях арестовывали. Личного выбора в Пакистане более не существовало, лишь подчинение регулированию псевдорелигиозной военной администрации.

Озабоченные арестом отца и тьмой, навалившейся на страну, сторонники ПНП приходили в наш сад на Клифтон, 70. Мир разговаривал с мужчинами, а к женщинам мать, страдавшая от низкого давления, высылала меня.

— Скажи им просто *«хаусларахо* — не падайте духом».

«Хаусларахо, хаусларахо», — бормотала я, как попугай, обнаружив, что за восемь лет, проведенных за границей, основательно подзабыла урду.

Зия организовал в газетах кампанию по дискредитации отца. «Бхутто покушался на мою жизнь!», «Бхутто похитил меня!» — кричали политические противники отца, живые и здоровые. «Ты должна быть готовой к кампании клеветы, — сухо сказал мне как-то отец во время одного из разрешенных телефонных разговоров. — Это часть операции „Честная игра"». Такое кодовое обозначение, «Честная игра», Зия придумал для переворота. Зия потихоньку сокращал штат обслуживающего персонала в Мурри. «Как будто мне до этого есть дело», — равнодушно заметил отец.

Отец не падал духом, не терял чувства юмора. «Сегодня мне позвонил репортер, спросил, чем занимаюсь. Я сказал, что читаю о Наполеоне. Что особенно интересуюсь, как он держал в узде своих генералов».

Стойкость отца помогала нам не падать духом. Мы оставались бодрыми, держались уверенно. Прежде всего, отец жив. Во-вторых, народ его поддерживает. ПНП популярна, как и прежде. Мир поехал по распоряжению отца в Ларка-ну, а в Карачи с приходившими к нам людьми общались Шах и я. На встречах присутствовали фотограф и репортер нашей семейной газеты «Мусават», единственной, представлявшей точку зрения ПНП. На следующий день газета давала отчет о том, что происходит в кругах ПНП, и опровергала клевету, опрокидываемую на нас прессой, подконтрольной военному режиму.

После ареста отца тираж «Мусават» подскочил с нескольких тысяч до ста тысяч экземпляров в одном только Лахоре. Но и этого не хватало, и цена на газету тоже подскочила. Ловкачи продавали ее из-под прилавка по десять рупий за экземпляр. «Мусават» продают на черном рынке по десять рупий», — с

восторгом сообщила я отцу по телефону. Десять рупий — больше среднего дневного заработка в стране. Цифры тем более поразительные, если учесть низкий уровень грамотности населения и то, что режим не поощрял рекламодателей, пользующихся услугами нашей газеты.

— Зия собирается сегодня ко мне в гости, — сказал отец в телефонном разговоре 15 июля. На снимке в газете на следующий день после встречи отец выглядел озабоченно, лицо его отражало серьезность ситуации в стране. Зия, напротив, сидел с виноватым видом, руку поднял к груди, как будто извиняясь, с заискивающей улыбкой. — Снова повторяет, что собирается устроить выборы и выполнить функцию честного арбитра.

Почему Зия снова и снова заверял, что честно сдержит обещание? Отец мой, разумеется, генералу ни на грош не верил. Мы ему тоже не верили. Да и как ему можно было поверить после истерической кампании травли?

Анализ ситуации затруднялся слишком большим количеством неизвестных. Впервые в истории Пакистана, включая два периода военного правления, под арест попали не только политики, но и государственные служащие, в числе которых секретарь премьер-министра Афзал Саед, советник премьер-министра Рао Рашид, заместитель уполномоченного по нашему округу Ларкана Халид Ахмед, глава насчитывающей 500 человек федеральной службы безопасности Масуд Махмуд и многие другие. Какое отношение к политике имеют государственные служащие? Чего добивались генералы, какие цели преследовали?

Зия в своих интервью выболтал, что у армии имелись планы «на случаи чрезвычайных ситуаций», признав, таким образом, что переворот планировался заранее. Таким образом, арест государственных служащих являлся не спонтанным действием, а пунктом разработанного заранее плана. Но с какой целью? «Военный» план кампании клеветы в средствах массовой информации тоже показателен. Какой в нем смысл, если Зия всерьез собирается провести справедливые выборы?

Журналисты тем временем продолжали звонить на Клифтон, 70, расспрашивая об отце, о ПНП, о выборах, провести которые по-прежнему клялся Зия. «Пригласи их на чай», — предложил отец. Я так и сделала. К моему удивлению, народу в столовую набралось столько, что кондиционеры едва справлялись с нагрузкой. На помощь мне пришли кузины Фахри и Нале, а также Самийя с сестрой. Чай с *самоса* и вопросы, вопросы... Я нервничала, старалась отвечать на все вопросы. Но один из них меня поразил.

—Правда ли, что мистер Бхутто и генерал Зия спланировали

переворот, чтобы повысить популярность мистера Бхутто?

— Разумеется, нет. — Это все, что я смогла ответить, вспоминая страх и неуверенность в ночь ареста отца. Когда я на следующий день повторяла историю посетителям, к моему еще большему изумлению, выяснилось, что слух этот разнесся повсюду, очевидно распространялся генеральской кухней дезинформации.

В стране, полной неграмотных, такой как Пакистан, слухи и базарные сплетни часто затемняют истину. Вне зависимости от степени вздорности слухи производят определенное действие даже и на образованную публику. «Правда, что у тебя в сумочке миниатюрная видеокамера, на которую ты тайком снимаешь свои встречи с политиками?» — спросила у меня однажды старая школьная подруга. Я просто ушам не поверила. «Скажи, а как бы я снимала сквозь сумочку?» — спросила я ее в ответ.

«Ой, правда, я об этом и не подумала, — призналась она. — Знаешь, я об этом в газете прочитала».

Даже в особо интенсивных летних ливнях, разразившихся через две недели после переворота, обвинили отца. «Фундаменталисты распускают слухи, что Бхутто-сахиб наколдовал потоп в отместку за переворот», — сообщил мне один из посетителей. Вызванные ливнями наводнения смывали дома, уничтожали посевы. Кто-то, возможно, и поверил в эти слухи, но только не жители бедных районов Лахора, бастиона ПНП. Эти местности особо тяжко пострадали от наводнения.

— Посети Лахор, — велел мне отец. — Прояви солидарность с пострадавшими. Там последствия паводка сокруши тельные.

Отправиться в Лахор самой, в одиночку? На такое я раньше не отваживалась. Я почувствовала себя неуверенно.

— Объяви программу визита в «Мусават» и возьми с со бой Шаха.

В течение суток мы с Шахом прибыли в Лахор. В аэропорту нас приветствовали сотни наших сторонников, скандировавших лозунги ПНП, несмотря на указ военного положения № 5, грозивший участникам и организаторам несанкционированных политических митингов пятью годами тюрьмы. Энтузиазм встречавших задержал нас с Шахом на пути к машине. Мы с братом — ему было лишь восемнадцать лет — не ожидали такого приема, ведь мы лишь дети премьер-министра, а не политические деятели.

Еще большее скопление народа поджидало нас у бунгало бегумы Хаквани, президента женского движения в Пенджабе. Народ не поместился в ее громадном саду, толпился на улице. Мы с Шахом, ослепленные сверканием фотовспышек, взмокли в

набитом битком зале приема. Во время приема меня пригласили к телефону. «Премьер-министр Бхутто, — пронеслось по толпе. — Председатель Бхутто...» Многие увязались за мной к телефону.

—Как у тебя дела? — спросил отец, еще не зная об оказанном нам здесь приеме. Я сообщила ему о теплой встрече в аэропорту и здесь, в Лахоре. Ему это понравилось. — Передай им от меня несколько слов, — сказал отец. Положив трубку, я повернулась к присутствующим.

—Отец выражает сочувствие всем, понесшим потери от наводнения, — тщательно подбирала я слова на урду. — ПНП призывает оказать помощь пострадавшим.

Столкнувшись с явным сочувствием населения отцу и поддержкой его партии, Зия решил продемонстрировать популярность ПНА и в середине июля объявил о разрешении всем арестованным лидерам партий принимать посетителей. Но эта мера тоже обернулась против него. У правительственного дома отдыха в Мурри собирались растущие с каждым днем толпы желающих встретиться с отцом, в то время как места изоляции вождей альянса никем не посещались. Зия быстро придумал предлог для отмены своего решения. «В связи с многочисленными злоупотреблениями разрешение на посещение изолированных политических лидеров аннулируется», — объявил он 19 июля.

Переворот не дал Зие желанного результата. Обычно народ оставлял потерявшего власть лидера и поддерживал одержавшего победу. Но в этот раз свержение отца привело к обратным результатам. Популярность отца и его партии после переворота многократно возросла. Когда Зия через три недели после переворота выпустил отца и других политических лидеров на свободу, миллионы, буквально миллионы людей в нарушение постановлений военной администрации собирались приветствовать отца, когда он посещал крупные города Пакистана. Вообще толпы в Европе не идут ни в какое сравнение с нашими, азиатскими. Но и по нашим масштабам количество людей, собираемых отцом, оказалось беспрецедентным. Сначала он возвратился в Карачи, где машина его продвигалась от железнодорожного вокзала до дома со скоростью улитки. Получасовой путь занял десять часов. Машина, прибыв на Клифтон, 70, оказалась помятой и исцарапанной множеством тершихся об нее тел. Мы не отважились выйти за ворота, чтобы встретить отца, боялись, что нас раздавят. Вместо этого мы влезли на крышу и следили за происходящим сверху. Конечно, видели мы толпы и раньше, но такую наблюдать еще не доводилось. Такое множество людей стремилось увидеть его, приблизиться, прикоснуться к нему, что двенадцатифутовая

бетонная стена, окружавшая наш дом, не выдержала, рухнула.

—Ох, папа, наконец-то... Как я рада, что ты свободен, — бормотала я, когда мы наконец собрались в семейном кругу в родительской спальне.

—*Пока* свободен, — подчеркнул отец.

—Зия не отважится снова арестовать тебя. Он знает, сколько у тебя сторонников. Он видел толпы.

—Тихо, — сказал мне отец, показывая пальцем на стены, в которых, по его мнению, могли скрываться «жучки» прослушивающих устройств. Но я упрямо продолжала:

—Зия трус и предатель. Он государственный преступник! — отчеканила я громко, обращаясь уже прямо к стенам и надеясь, что мои слова дойдут до ушей преступного генерала. Я наивно надеялась, что народная поддержка защитит отца.

—Ты ведешь себя неумно, — упрекнул отец. — Не забывай, что здесь не западная демократия. Ты дома, а дома военное положение.

Тьма военного положения сгущалась, и это мы поняли, когда вместе с отцом отправились на родину, в Ларкану. Снова толпы окружали наш дом, внушая мне обманчивое ощущение безопасности, усиливая радость от близости отца, от завершенности семейного круга. Мы собрались в спальне родителей в Аль-Муртазе, в обстановке спокойной и нормальной — так мне сначала казалось. Но вот прибыл один из родственников отца с вестью от высокопоставленного исламабадского чиновника. Он сообщил, что против отца фабрикуется обвинение в убийстве.

Убийство! Мы похолодели. Мать и отец переглянулись.

— Готовь детей к отправке за границу, — сказал отец. — Документы, чековые книжки... Чтобы все было в порядке. Бог ведает, что может приключиться. Мать понимающе кивнула, и отец повернулся ко мне. — Пинки, тебе тоже сле довало бы временно покинуть Пакистан. Можешь продол жить образование, пока здесь не прояснится ситуация.

Я ошеломленно смотрела на него. Покинуть Пакистан. Но я ведь только что сюда вернулась!

— Прислуга тоже может пострадать, — продолжал отец. — Никто не может знать, что его ждет завтра.

Утром отец созвал слуг.

— Вас могут ожидать неприятности, — сказал он. — Если вы захотите покинуть это опасное место и временно переселиться в свои деревни, пока все не успокоится, я это пойму. Я не смогу защитить вас от генерала Зии.

Никто из слуг, однако, не выразил желания покинуть свое

место. Осталась и я. И отец отправился в Лахор.

«Джайе Бхутто! *Джайе* Бхутто!» Толпа в Лахоре, столице Пенджаба и оплоте армии, оценивалась в три миллиона человек. Такого Пакистан еще не видел. Зия никакими средствами не мог уменьшить политического влияния отца. Здесь поступило второе предупреждение.

— Сэр, — возбужденно шептал офицер военной разведки, тайком проскользнувший в дом бывшего главного министра провинции, где остановился отец. — Генералы готовятся убить вас. Они пытают заключенных, фабрикуя под ложное дело об убийстве. Ради Аллаха, покиньте страну, — умолял он отца. — Речь идет о вашей жизни. Но отец мой не из тех, кто поддается на угрозы и склоняется перед давлением террористов.

— Возможно, меня скоро снова арестуют, — это все, что он проронил во время телефонного разговора с нами тем вечером.

Возвратившись на Клифтон, 70, он постоянно проводил политические встречи, совещания. Зия назначил выборы на 18 октября, после месяца предвыборной агитации начиная с 18 сентября. Отец работал внизу, а я в обеденном зале второго этажа повторяла урду с репетитором.

— Подучи язык, — велел мне отец. — Может быть, придется тебе за меня выступать.

В августе по два часа ежедневно я читала газеты на урду и занималась с репетитором с уклоном в политический жаргон. Иногда в перерывах между встречами наверху появлялся отец, справлялся у преподавателя:

— Ну, как она?

В конце августа я сопровождала отца в Равалпинди. Чтобы избежать скопления народа, неизбежно стекавшегося на станции по пути следования поезда, Зия особым приказом запретил политикам пользоваться железной дорогой. В Равалпинди он распорядился, чтобы патрули блокировали подходы к аэропорту. Но народ обманывал патрули, выстраивался вдоль шоссе по пути следования машины.

В то время как наш автомобиль пробирался сквозь толпу встречающих в Равалпинди, в Карачи к матери явился сторонник ПНП журналист Башир Рияз. Он принес новую весть об угрозе жизни отца. «Прошу вас, убедите Бхутто-сахиба покинуть страну, — умолял Башир Рияз. — Мой знакомый, вхожий в окружение Зия, сказал: „Можешь забыть о Бхутто, он больше не вернется к власти. Зия решил казнить его за убийство", — сказал он мне. И пытался меня подкупить, но я отказался».

Угроза становилась все более явной, тень ее пала на меня. На следующий день в Равалпинди я присутствовала на чаепитии в

большом семействе Хохар, активистов ПНП. В чаепитии принимали участие около ста женщин. Сестры Хохар, две из которых занимали в ПНП видные посты, а одна выполняла обязанности секретаря моей матери в бытность отца премьер-министром, попросили меня сказать несколько слов. *«Хаусла рахо!* — призвала я собравшихся в двухминутной речи, которую я запомнила наизусть. «Не падайте духом!» Покидая дом Хохаров, я увидела перед воротами множество полицейских, мужчин и женщин. «Они здесь из-за тебя», — шепнула мне одна из сестер.

Еще больше я удивилась, получив от генералов первую весточку, письменное послание, подписанное, если я верно помню, генералом Арифом. Меня предостерегали от занятия политикой. Таким образом, через полтора месяца после введения военного положения я получила первое официальное предупреждение от Зии. Но я не восприняла его с достаточной серьезностью.

—Представь себе, — смеясь, обратилась я к отцу, входя к нему вечером, — они считают мое посещение чаепития угрозой режиму военных.

—Зря смеешься, — совершенно серьезно ответил отец. — От этих военных смертью несет, а не смехом.

И смерть подступала все ближе. Предотвратить победу Пакистанской народной партии на выборах было невозможно. И за две недели до начала предвыборной кампании Зия снова послал своих подручных в наш дом.

* * * 3 сентября, 4 часа утра, Клифтон, 70, Карачи.

Я спала в своей спальне. Проснулась от шагов на лестнице. Поскольку случилось это в Рамазан, я подумала, что кто-то из домашнего персонала несет мне предутреннюю еду. Но в комнату вдруг ввалились пятеро мужчин в белом. По прическам и крепкому сложению я мгновенно распознала в них армейских коммандос. Я часто видела их в резиденции премьер-министра. Но почему они в штатском?

Пятеро направляют на меня дула автоматов, шестой принимается метаться по комнате, смахивая все со столов и столиков, срывая одежду с крюков и швыряя ее на пол, разбивает лампу и вырывает из розетки шнур телефона.

— Что вам нужно? — испуганно восклицаю я. Чтобы мужчины так врывались в комнату женщины в мусульман ской стране! Это неслыханно!

—Хочешь жить — молчи! — бросает главный. Разорив мою комнату, они направляются к двери.

—Вы убийцы моего отца? — в ужасе спрашиваю я того, кто разбойничал в комнате. Он почему-то сжалился надо мной на

секунду.

—Нет, — буркнул он и сразу добавил: — Сиди здесь, не дергайся, не то хуже будет.

Для убедительности шевельнув в мою сторону стволом пистолета, он выскочил за остальными.

Я впопыхах накинула на себя одежду, выхватив вещи из разбросанных на полу куч. Ворвалась перепуганная Санам.

—Куда ты? Куда? Не ходи! Убьют!

—Тихо, — цыкнула я на нее. — Мне надо к папе.

Я выбежала из комнаты и увидела, что в коридорах полно коммандос, все в белом, все с автоматами. Нас сразу же смели вниз в приемную, где тоже толклись белые с автоматами. Я рванулась было мимо, к входной двери, чтобы добежать до маленького флигеля, в котором ночевали братья, но меня под дулом автоматов усадили на диван рядом с Санам. «Белых» тем временем распределили по коридору, попарно перед каждой из дверей.

Я должна прорваться к отцу. Он в опасности. Я должна. Почему они ворвались в дом ночью, в штатском? К чему этот цирк? Отца можно было арестовать в любое время дня, спокойно предъявив ордер или военный приказ на арест. Вместо этого они пытаются оскорбить и запугать нас. С какой целью? Может быть, они и не хотели, чтобы люди узнали, как поступили с моим отцом, но определенно не собирались скрывать это от меня.

— *Кья ап фауджи хаин?* — спрашиваю я урду людей у кухонной двери. — Вы солдаты? — Они переглядываются, но, как и положено по уставу, мой вопрос оставляют без ответа. Я вздыхаю. — Посмотри на них! — громко говорю я се стре. — Откуда у них такая *бешарам,* такое бесстыдство? Их премьер-министр, Зульфикар Али Бхутто, освободил их из лагерей военнопленных в Индии, вернул домой, а они вместо благодарности врываются в его дом, нарушают его покой.

Уголком глаза вижу, что они снова переглядываются.

— *Йех кис ка гор хаи?* Чей это дом? — спрашивает один из них.

Я вдруг понимаю, что многие из них выполняют приказ, не зная, где они находятся и для чего их сюда привезли.

— Вы даже не знаете, что вломились в дом премьер-министра Пакистана? — вопрошаю я, напустив на себя как можно больше высокомерия. Они смущенно опускают оружие.

Мой шанс! Я вскакиваю с дивана, несусь по лестнице в комнату родителей. Меня не задерживают.

Папа сидит на краю кровати. Мама замерла на подушках, одеяло натянуто до подбородка, в руках она держит затычки для

ушей, позволяющие ей не просыпаться, когда отец после напряженной работы поздно ночью возвращается в спальню. Над ними нависли коммандос с оружием в руках. Тот, который прыгал по моей комнате, скачет теперь по комнате родителей. Когда я вошла, он как раз пытался отодрать от стены пару церемониальных скрещенных сабель.

— Зачем? — бросает отец. В голосе его есть что-то авторитетное, ибо «прыгун» одумывается и прекращает свое бесцельное занятие.

Отец указывает мне на кровать рядом с собой. Перед нами какая-то карикатура: жирный, грузный мужчина придавил задом изящный раззолоченный стульчик, затянутый бело-голубой парчой в стиле «Луи Кенз».

—Кто это? — шепчу я отцу.

—Сагхир Анвар, директор нашего Федерального бюро расследований, — отвечает он мне и переключается на толстяка: — А ордера у вас, разумеется, нет.

—Нет, — откликается тот, изучая ковер.

—И по какому обвинению вы меня забираете из дому?

—Согласно приказу доставить вас в Генеральный штаб.

—Чьему приказу?

—Генерала Зии.

— Поскольку я не ожидал вас в этот час, мне нужно полчаса, чтобы собраться, — спокойно говорит отец. — Пошлите ко мне слугу, чтобы собрать вещи. — Анвар отказывает, говорит, что никому не дозволено видеться с премьер-министром. — Пришлите Урса, — спокойно настаивает отец, и Анвар кивает одному из коммандос.

Урс, как я позже узнала, стоял с остальными слугами во дворе.

—Молчать! Руки за спину! — орали им коммандос по-английски. Тех, кто не понимал английского или замешкался, поощряли пинками и ударами. Их обыскали, отобрали деньги и сняли часы, которых, разумеется, не вернули.

—Кто Урс? — гаркнул громила.

—Я, — отозвался Урс и тут же получил удар пистолетом по голове за то, что открыл рот. «Остроумец» продолжил обход слуг, спрашивая каждого:

—Ты не Урс?

Наученные горьким опытом слуги молча мотали головами. Урса схватили за шиворот и приволокли наверх. Под дулами автоматов он собрал вещи отца, так же под прицелом отнес к автомобилю без регистрационного номера и погрузил сумки в багажник.

Отец принял душ, оделся. Я поражалась его невозмутимости. Это оружие сильнее, чем арсенал автоматов и пистолетов, чем кулаки громил, молотившие в наши двери.

— Назад! — крикнул мне один из коммандос, когда я направилась по лестнице за отцом. Я не обратила на него внимания, и меня пропустили.

Внизу отец, направляясь к выходу, кивнул Санам.

— Бесстыжие трусы! — кричит обычно робкая моя сес тра уводящим отца. — Бесстыжие трусы!

Снова я вижу, как увозят отца. Неизвестно куда, неизвестно, увижу ли я его снова. Я в нерешимости, сердце разрывается... леденеет...

— Пинки!

Оборачиваюсь и вижу брата. Шах Наваз стоит в саду вместе со слугами под дулами автоматов.

— *Уско горо!* — кричу я солдатам. — Выпустите его! — Сама пугаюсь новых интонаций, проклюнувшихся в моем голосе. Солдаты пропускают брата.

В спальне видим, что лицо матери белее мела. Давление крови катастрофически упало, я, Санам и Шах Наваз по очереди растираем ей ноги, стимулируя кровообращение. Я хватаюсь за трубку, чтобы вызвать врача, но линии обрезаны. Умоляю охрану, но они не реагируют. Лишь утром, когда прибыл наш управляющий и выведал у одного из солдат, земляка-синдха, что произошло, весть об аресте отца разносится по городу. Дост Мохаммед понесся по Карачи на своем мотороллере, оповещая партийное руководство, родственников, прессу; сообщил брату Миру в Аль-Муртазу и вызвал врача. Но когда доктор Ашраф Аббаси прибыл к воротам, его не пропустили. Военный врач прибыл лишь к полудню и сделал столь необходимую матери инъекцию. После полудня прибыл армейский полковник с чистым листом бумаги.

— Генерал Зия, глава военного режима, приказал, чтобы вы и ваша мать поставили свои подписи вот здесь, — заявил одетый в полевой маскировочный комбинезон полковник, на груди которого значилось: «Фарук».

Я наотрез отказалась.

—Я заставлю вас, — пригрозил он, прищуривая глаза, и без того мелкие и незначительные.

—Вы можете меня убить, но подписывать я не стану. — Снова слышу в своем голосе те новые нотки. — Ваш генерал Зия не заставит меня подписать пустой лист.

—Не чувствуете, чем это грозит. — Он повернулся и вышел.

В пять пополудни военные наконец очистили наш участок. Я

и Шах Наваз немедленно устремились в офис ПНП, где некоторые из партийных чиновников уже трясутся от страха. Одни еще взывают к общенациональной забастовке протеста, к демонстрациям, другие осторожно советуют подождать, установить сначала контакт с отцом. Контакт с отцом... Сколько на это уйдет времени?

То, что узнала мать, еще хуже. Она разговаривала с отцовским адвокатом. Предостережения, полученные отцом, оказались вполне достоверными. Его действительно обвиняли в заговоре с целью убийства.

Три года назад мелкий политик по имени Ахмед Касури, пока что живой и невредимый, вместе с семьей попал в засаду возле Лахора. Отец его, бывший судья, погиб. Но Касури, тогда член Национальной ассамблеи от ПНП, утверждал, что целью покушения был он сам. Касури неоднократно менял ориентацию, примыкал к оппозиции, врагов у него было множество, покушений на него было совершено вроде бы пятнадцать, но каким-то образом он их все пережил. Он обвинил в организации покушения моего отца и подал соответствующее заявление в полицию. При тогдашних демократических порядках в Пакистане можно было предъявить обвинения действующему премьер-министру. Верховный суд признал обвинения несостоятельными, и инцидент забылся.

В 1977 году Касури вернулся в ПНП в расчете стать кандидатом партии на мартовских выборах в парламент. Когда же ему предпочли другого кандидата, он возобновил обвинения против отца. Теперь, за две недели до начала избирательной кампании, Зия решил воспользоваться удобным предлогом для ареста отца. Но снова он просчитался.

Судья, рассматривавший дело, нашел материалы «противоречивыми и недостаточными» и освободил отца под залог через десять дней после ареста. Снова забрезжила надежда. Зия с демонстративной объективностью высказался в прессе, что, поскольку гражданский суд решил освободить премьер-министра, то он не видит основания удерживать его по приказу военной администрации.

Отец вернулся домой в Карачи 13 сентября, чтобы на следующее утро поехать с Шах Навазом в Ларкану и вместе с Миром отпраздновать *Эйд,* конец Рамазана. До начала избирательной кампании оставалось пять дней. За тридцать дней отец планировал провести девяносто митингов. Вечером семья, как обычно, собралась в спальне родителей, где беседа внезапно приняла неожиданный оборот.

— Знаешь, Нусрат, Пинки пора замуж, — вдруг сказал отец,

лежа в постели и куря сигару. — Пожалуй, я подыщу ей мужа.

Я пружиной выпрямилась на диване, чуть не рассыпав разложенный матерью пасьянс.

— Но я не хочу замуж. Я только что вернулась домой.

Санам и Шах Наваз засмеялись и принялись меня поддразнивать.

— Впрочем, у меня уже есть парень на примете, — спокойно продолжал отец.

Мать улыбнулась, возможно уже раздумывая о свадьбе.

— Но я не хочу замуж, и ты не заставишь меня согласиться.

— Но и отказаться от предложения отца ты не можешь. Шах Наваз и Санам поддержали его дружным смехом.

—Нет, нет и нет! — уперлась я на своем. Спасло положение прибытие тележки с поздним отцовским ужином. Тема разговора сменилась, но новая оказалась еще неприятнее.

—Мне сказали, что Зия от меня не отстанет и что мне нужно бежать, — сказал отец, приступая к ужину. — Один из моих заместителей сегодня попросил денег на отъезд. Беги, сказал я ему, но я не крыса, чтобы убегать. Я останусь.

—И победишь на выборах, и будешь судить Зия за измену, — отчеканила я, демонстративно повысив голос.

—Не надо, Пинки, — предостерег отец, указывая рукой на стены. Но я, обрадованная тем, что отец вернулся домой, отбросила всякую осторожность и продолжала клеймить генерала-предателя.

—Прекрати! — резко потребовал отец. — Ты не понимаешь, что болтаешь.

Я уставилась на него исподлобья и выбежала из комнаты.

Теперь я, конечно, понимаю, что он трезво оценивал коварство Зии и безнадежность ситуации. Поэтому он и хотел удержать меня от бесполезных и безответственных высказываний. Много раз я благодарила Бога за то, что отец разбудил меня перед отъездом в Ларкану.

— Не принимай близко к сердцу всего, что я тебе сказал вечером, — сказал он, сидя на краю моей кровати. — Я про сто не хочу, чтобы с тобой приключилась беда.

Он обнял меня.

— Я понимаю, папа. И прошу прощения, — сказала я, целуя его. Отчетливо помню его серый *шалъвар хамиз* и запах «Шалимара». Последний раз я видела его на свободе.

17 сентября 1977 года, 3.30 утра, Аль-Муртаза. Рассказывает Бахавал, один из слуг в Ларкане.

В два часа ночи 70 коммандос и полицейских перелезли через стены, сбили с ног чаукидаров и понеслись к дому.

— Открывайте! — заорали они, колотя в дверь. Мы не открывали.

— Чего вам надо? — крикнули мы сквозь дверь.

— Бхутто.

— Подождите. Мы его разбудим.

Мир проснулся от шума, побежал будить Бхутто-сахиба.

— Скажи им, чтобы не ломали дверь, — сказал ему отец. — Впустите двоих офицеров. Мне нужно время, что бы собраться.

Но он знал, что за ним придут. Чемодан и портфель уже стояли наготове.

Бхутто-сахиба забрали через десять минут. Нас всех вооруженные люди загнали в дом и заперли. В доме и снаружи оставили посты. Мы плакали.

Мир-баба очень рассердился. Он хотел в Карачи позвонить, но телефон не работал. Утром я проскользнул мимо охраны, побежал в другой дом, позвонил бегум-сахибе. В деревне народ узнал, собрались у ворот Аль-Муртазы. Плакали. Кричали: «Джайе Бхутто! — Да здравствует Бхутто!»

Полиция их забрала.

Отца отвезли в тюрьму в Суккур, оттуда в тюрьму в Карачи, затем в тюрьму в Лахор. Зия не отваживался дать людям знать, где его содержат. На этот раз Зия решил полностью покончить с отцом. Снова вытащили тот же случай покушения на убийство. Но в этот раз Зия устроил все иначе.

6

ВОСПОМИНАНИЯ В АЛЬ-МУРТАЗЕ: СУДЕБНОЕ УБИЙСТВО ОТЦА

Март 1980 года. Часы и секунды бесследно исчезают песчинками в бездонных сломанных песочных часах Аль-Муртазы. Ощущаю себя как в могиле, вырытой в пустыне бытия. Мать большую часть времени проводит, раскладывая пасьянсы. Во мне растет беспокойство. Прошло уже пять месяцев. Сколько еще продлится заключение? Все зависит только от одного человека, все определяет Зия.

Правительство США с выбором определилось. С приближением весны стало ясно, что американцам в нашей стране милее военная диктатура, чем демократическое правительство. После советского вторжения в Афганистан и с ростом там военного присутствия СССР президент Картер в марте предложил Пакистану помощь на сумму в 400 миллионов долларов, но Зия отмахнулся от этой суммы, заявив, что это мелочь. Поток беженцев из Афганистана усиливается, а интенсивность гражданской войны там лишь нарастает, что, в свою очередь, обещает дальнейшее нарастание числа беженцев. Беженцы и советские войска у нашего порога вызывают скачкообразный рост иностранной поддержки. Пакистан выходит на третье место в мире по размерам получаемой от США помощи, после Израиля и Египта. Зия получил от Брежнева «рождественский подарок» — так окрестили средства массовой информации советскую оккупацию Афганистана. А мы с матерью остаемся заключенными Аль-Муртазы.

Санам прибывает с редким долгожданным визитом. Как

обычно, ее сопровождает свита из тюремщиков и армейских офицеров. Даже дочери не позволено посетить мать, сестре увидеться с сестрой без надзора. Моя мать больна, у нее пониженное давление, она лежит в постели в спальне. Я прошу, чтобы встреча прошла в присутствии женщины-полицейской. Направляюсь в спальню. За мной шаги. Оборачиваюсь — капитан Ифтикар, один из армейских офицеров. Не верю своим глазам. Ни один мужчина, если он не родственник, не допускается на семейную половину. Некоторые мусульмане предпочитают умереть, чем позволить чужаку нарушить святость личных помещений.

—Даже тюремные правила предусматривают посещение женской камеры только женщиной-надзирательницей, — напоминаю я ему.

—Свидание пройдет в моем присутствии, — категорически заявляет он.

— Тогда не нужно никакого свидания. Я вызову сестру. Санам уже прошла в комнату матери, и я направляюсь по коридору, чтобы позвать ее обратно. Но капитан Ифтикар снова топает за мной.

— Что вы делаете? Вам туда нельзя! Он раздражается.

—Вы знаете, кто я? — восклицает он. — Я капитан пакистанской армии, и иду туда, куда пожелаю.

—А вы знаете, кто я? — не менее громко спрашиваю я. — Я дочь человека, который вытащил вас из плена после позорной сдачи Дакки.

Капитан Ифтикар поднимает руку, чтобы ударить меня. Гнев, который я пытаюсь подавить, вырывается наружу.

— Вы смеете поднять руку в этом доме! Бесстыжая тварь! Вы смеете поднять руку рядом с тенью убитого вами чело века, который спас вас. Вы и ваша армия валялись в грязи у ног индийских генералов. Мой отец вытащил вас домой и вернул честь. И вы поднимаете руку на его дочь!

Он резко отворачивается.

— Ну, погодите! — он резко разворачивается и выходит. Визит Санам отменен.

Я написала письмо в суд, перед которым мы обжаловали наш арест сразу же после того, как нас заперли в Аль-Муртазе. По правилам военного положения 1979 года гражданские суды не утратили права рассматривать законность арестов, произведенных военными властями. Я подробно описала происшествие. Генерал Зия любил распространяться насчет святости *гадор* и *чар дивари,* вуали и «четырех стен», неприкосновенности жилища мусульманина и его семейного

очага. Этот капитан Ифтикар показал, чего стоят эти генеральские излияния. Я вручила письмо тюремщикам, которые обещали его отправить, потребовала расписку, и вскоре мне принесли расписку. Тогда я не имела представления, насколько ценной окажется эта расписка.

* * *

«Cogito, ergo sum» — «Мыслю, следовательно, существую». С этим философским допущением у меня даже в Оксфорде возникали затруднения, а здесь, в заключении, и подавно. Мысли роятся в моей голове, даже когда я не желаю думать, но, наблюдая медленное течение времени, не могу не сомневаться в своем существовании. Тот, кто существует, на что-то влияет, производит действие, ощущает противодействие, наблюдает реакцию окружающего мира. Мне же кажется, что я не воздействую на окружающий мир, не оставляю в нем следов.

Воздействие отца, однако, продолжается и заставляет меня двигаться. Выдержка. Честь. Принципы. В историях, которые отец рассказывал нам, детям, Бхутто всегда выигрывали поединки морали. «И напал на меня Руперт в густых лесах Вудстока, — начинал отец легенду о своей встрече с Рупертом фон Хенцау, злобным персонажем романов Энтони Хоупа. Отец, вскочив на ноги, выхватил воображаемый меч. — Он поразил меня в плечо, рассек бедро. Но я не опустил оружия, ибо честь моя вела меня, человек чести сражается до самой смерти». Мы слушали, разинув рты. Отец отражал удары, нападал, игнорируя кровавую рану в животе. Неотразимым выпадом он прикончил Руперта и, запыхавшись, опустился в кресло. «Вот след благородной раны». Он приподнял рубаху и показал шрам, оставшийся после удаления аппендикса.

Вдохновленная подобными легендами, я после переворота не допускала мысли, что отец не восторжествует над Зиею. Я не научилась видеть различия между воображаемыми препонами, существовавшими в этих сказках, и ожидавшим его реальным злом.

Сентябрь 1977 года.

Массивные кирпичные стены, колючая проволока. Крохотные окошечки высоко в стене, забранные ржавыми толстыми прутьями. Громадные стальные ворота. Тюрьма Кот-Лахпат. Гремит и скрипит дверь в воротах, я шагаю в полумрак. Никогда еще не посещала я тюрем.

Еще одна стальная стена, охраняемая на этот раз полицейскими с автоматами наизготовку. Вокруг меня мужчины, женщины, дети с коробками и узелками, они теснятся перед маленькой дверцей в сплошной стальной преграде. В

пакистанских тюрьмах заключенных не обеспечивают ничем. Одежда, постель, посуда, еда — все это должны обеспечить семьи заключенных. Те, чьи семьи слишком бедны, чтобы обеспечить такую «роскошь», и те, кто содержится по строгому режиму, содержатся в «классе С», в групповых камерах, где пятьдесят человек спят на полу на кишащих вшами подстилках с дырой в углу для естественных потребностей, получая в день по две миски водянистой бурды с чечевицей и по куску хлеба. Стоградусная жара, духота, никакой вентиляции, воды для мытья или для охлаждения перегретого организма не предусмотрено. Меня ведут в кабинет начальника тюрьмы. Туда же приводят отца. Он сразу касается самого существенного.

—На этот раз Зия меня не выпустит. Фальшивка с убийством сфабрикована заново. Санам, Мир и Шах должны покинуть страну, не дожидаясь, пока Зия сделает это невозможным. Особенно парни. В течение суток.

—Да, папа, понимаю, — киваю я, зная, что братьям ненавистна мысль об отъезде. Как они сосредоточатся на обучении, когда отец в тюрьме? Они в Ларкане и в Карачи, оба усиленно готовятся к выборам, которых Зия еще не отменил.

—Ты образование закончила. Но если захочешь вернуться в Англию, я возражать не буду, там жизнь безопаснее, — продолжает отец. — Если решишь остаться, знай, что время предстоит тяжелое.

—Я останусь, папа, и буду тебе помогать.

—Ты должна быть очень сильной.

Мир неохотно уехал в Англию через несколько дней. Отца ему больше не довелось увидеть, как и Шах Навазу, который перед отъездом в швейцарский Лейсин проделал долгий путь к тюрьме Кот-Лахпат.

—У меня разрешение на свидание с отцом, — сказал Шах охраннику, пройдя за первые ворота. — Я должен с ним попрощаться перед отъездом.

—Но у нас нет разрешения вас пропустить, — ответили ему.

Отец в этот момент как раз направлялся вдоль железной стены на встречу с адвокатами. Он услышал перепалку сына с охраной.

— Ты мой сын, не проси их ни о чем, — крикнул отец. — Упорно учись и работай, чтобы я мог гордиться тобой.

Через два дня Шах Наваз отправился в Американский колледж в Лейсине. После него отбыла в Гарвард Санам. Через десять дней, 29 сентября 1977 года, меня впервые арестовали.

Народ. Толпа несметная. Парни в *шалъвар хамиз* оседлали ветви деревьев, влезли на фонарные столбы, на крыши автобусов

и фургонов, на грузовики. Из окон, с балконов, с крыш смотрят целые семьи. Давка такая, что, если кто-то потеряет сознание, то упасть не сможет. Женщины в *бурка* окаймляют толпу, отважились по такому случаю показаться на публике. Дочь их брошенного в тюрьму премьер-министра пришла, чтобы обратиться к народу.

Женщина на трибуне — для публики это не столь странно, как для меня. Другие женщины субконтинента уже подхватывали знамена, выпавшие из рук мужей, братьев, отцов. Передача политического наследия из поколения в поколение по женской линии уже стало традицией в Южной Азии. Индира Ганди в Индии, Сиримаво Бандаранаике в Шри-Ланке, Фатима Джинна и моя мать в Пакистане... Я просто не ожидала, что тоже впишусь в эту традицию. Стоя на импровизированной трибуне в промышленном Фейсалабаде, я замерла от ужаса. Мне двадцать четыре года, я пока не представляла себя в роли политического лидера и оратора, выступающего перед необозримой аудиторией. Но выбора нет. «Дорогая, никуда не денешься, — сказала мне мать неделю назад в Карачи. — Мы должны выдержать график отца. Другие или в тюрьме, или загружены до предела. На нас вся надежда». «Но... что я им скажу?» «Не беспокойся, речь тебе составим».

—Бхутто *кореха каро!* — Свободу Бхутто! — гремело над толпой. Этот клич я слышала лишь днем раньше, в Равалпинди, где выступала мать. Я стояла на подиуме за нею, следила, слушала, училась.

—Ничего, что отец ваш в тюрьме. Мать ваша с вами, она пока еще на свободе, — выкликала она в толпу. — У меня нет танков и вертолетов, но со мной несокрушимая сила угнетенных, которая позволит выстоять и победить.

Голос ее звучал твердо и уверенно, хотя руки слегка дрожали. Хотелось поддержать ее, подбодрить. Она не рвалась к общественной деятельности, не хотела входить в руководство партии даже после ареста отца. Ее не отпускала слабость вследствие пониженного давления. Когда оставшиеся на свободе партийные лидеры, не договорившись между собой, предложили ей пост председателя партии как компромиссной фигуре, она сначала отказалась и согласилась, лишь получив письмо от отца с просьбой занять его пост. До первых обещанных выборов лишь две недели, и народ стремился увидеть у руля государства ПНП.

«Честная игра» военного режима для большинства населения обернулась бесчестным надувательством. Не прошло и двух месяцев после переворота, как Зия вернул бывшим владельцам национализированные правительством отца рисовые мельницы и

пообещал развитие программы денационализации. Промышленники выгоняли на улицу профсоюзных организаторов. В одном Лахоре уволили пятьдесят тысяч рабочих. «Где ваш папа Бхутто?» — дразнили управляющие потерявших право на труд рабочих.

Произвольно срезалась заработная плата, произвольно выбрасывали на улицу рабочих; крестьян, ожидавших продажи урожая по гарантированной цене, вынуждали довольствоваться крохами. Толстосумы раздувались от прибылей. Лук подорожал по сравнению с 1975 годом впятеро, картофель вдвое, яйца и мука на 30 процентов. Возмущение свертыванием реформ отца вывело людей на улицы. Лозунги ПНП выкрикивались по всему Пакистану. Бхутто *ко треха каро!* Бхутто *кореха каро!* — Свободу Бхутто!

Речь для Фейсалабада я многократно репетировала в своей комнате в Исламабаде. Голову выше, не сутулиться, глаз не опускать, обращаться к противоположной стене комнаты. Четко, ясно и последовательно, как в Оксфордском дискуссионном обществе. Передо мной на спортивном поле громадная аудитория. «Не дразни Зию, не дай ему предлога отменить выборы», — предупреждала мать. Но такая толпа... «Что-то невиданное, даже не верится, — говорит местная партийная активистка, утирая лоб платочком. — В жизни такого не видела».

Кто-то вручает мне микрофон, но воспроизводящая аппаратура не заземлена, от проводов сыплются искры. Во время моей речи техники на сцене ковыряются с изоляцией и с аппаратурой. Нет, это не Оксфорд.

— Когда я с отцом была в Индии, во время переговоров с Индирой Ганди, отец отказался спать в кровати. Он спал на полу. «Почему ты спишь на полу?» — спросила я его. «Я не могу в Индии спать в кровати, — ответил он мне. — Наши военнопленные в лагерях спят на земле». — Толпа загудела.

Сегодня Касур, завтра Окара. Мимо зеленых полей, на которых трудятся крестьяне, пропалывают и поливают.

Команда ПНП колесит по сельской глубинке Пенджаба. Продвижение замедляется энтузиазмом приветствующих нас толп. Пенджаб — родина *джаванов,* армейской массы, преданной отцу и благодарной ему. Он заботился о *джаванах,* он обеспечил теплым обмундированием солдат, засевших в заснеженных окопах в горах Западного Пакистана, он повысил их денежное содержание, облегчил выдвижение в офицеры. И теперь семьи солдат в полном составе выходили на митинги в поддержку ПНП. Мы подобрались к чувствительному месту генеральского режима.

—К вам полиция, — сообщила возбужденная хозяйка дома, в

котором я остановилась в Сахивале 29 сентября. Моя третья остановка.

—Этот дом объявляется закрытой зоной, — сообщил мне полицейский чиновник. — Вы изолируетесь здесь на срок в пятнадцать дней.

Хочешь — верь, не хочешь — не верь. Дом окружен полицией. Телефон отрезан, иногда отключают электричество и воду. Перекрыты близлежащие дороги, люди не могут попасть домой. Мои хозяин и хозяйка, которые после этого покинули партию, удерживаются вместе со мной. Три дня я нервно расхаживаю по комнате, а за дверью дежурит женщина в полицейской форме.

На каком основании? Я не нарушила никаких законов, даже закона о военном положении. Я просто замещала отца во время санкционированной самим диктатором избирательной кампании. Плохо же я разбиралась в правилах игры, в которую втянулась. «Моя дочь любит носить ювелирные украшения. Теперь она гордо носит цепи лишения свободы», — заявила мать на митинге в Карачи, где собирала грандиозные толпы. Происходившее окончательно убедило Зию в невозможности справиться с ПНП политическими средствами. Бхутто в тюрьме оказался сильнее, чем Бхутто на трибуне.

На следующий день Зия появился на экранах телевизоров и объявил об отмене выборов.

Я поняла, что законов в стране больше нет.

24 октября 1977 года.

День начала процесса против отца. Обвинение в заговоре с целью убийства. В отличие от обычных уголовных процессов, начинающихся в судах низшей инстанции, этот стартовал в Верховном суде Лахора, лишая отца одной инстанции апелляции. Судью, который шесть недель назад освободил отца под залог, удалили из Верховного суда, а суд «укрепили» пятью специально подобранными новыми судьями. Одним из первых актов этого нового состава стало аннулирование внесенного отцом залога. Теперь против него действовали обвинения уголовного характера и решения военного диктатора.

Мне, однако, не мешали вместе с матерью выполнять работу отца. Меня освободили вскоре после того, как Зия отменил выборы. Один из сторонников ПНП предложил нам необставленный дом в Лахоре, столице Пенджаба, для использования под офис и место совещаний лидеров ПНП на время суда над отцом. Каждый день один из нас посещал судебные заседания, проходившие в изящном особняке, построенном британцами в 1866 году. Весь внутренний декор посвящался правосудию, резьба деревянных панелей стен и

потолка создавала подобающий настрой. Пол покрывал толстый красный ковер. Суд идет — все встают, появляются судьи, перед которыми шествует служитель в длинном зеленом кафтане и белом тюрбане, несущий деревянный жезл с серебряным шаром-набалдашником. Судьи в черных мантиях и белых париках занимают места в креслах с высокими спинками под балдахином красного сатина. Адвокаты отца уже на местах, сияют белоснежными воротничками, поверх черных костюмов на них надеты черные шелковые мантии. Я на своем месте на деревянной скамье для зрителей должна бы ощущать удовлетворение: все выглядит так, будто судебное разбирательство произойдет по доброй английской традиции. Видимость, однако, обманывает.

Обвинение базируется главным образом на признании Масуда Махмуда, генерального директора Федеральной службы безопасности. Масуд Махмуд — один из государственных служащих, арестованных в ходе переворота. Говорили, что его пытали с целью получить фальшивые показания против отца. После двух месяцев в заключении он якобы решил «раскаяться», признать, что был сообщником преступления моего отца, и купить прощение чистосердечным признанием и «свидетельскими показаниями» против «организатора заговора». Масуд Махмуд утверждал, что отец приказал ему убить политического деятеля Касури.

Показания Масуда Махмуда — фактически единственное, на чем базировалось обвинение, так как четверо остальных обвиняемых — служащие Федеральной службы безопасности, получавшие указания от Масуда Махмуда. Как и их начальник, они попали под арест в самом начале переворота. Очевидцев нападения не было.

Четверо обвиняемых служащих ФСБ сидели рядом со своими адвокатами, но отца окружали охранники. Его усадили в деревянный «загон», сооруженный специально для этого процесса. «Я знаю, вы привыкли к комфорту, поэтому вместо скамьи я вам приготовил стул», — насмешливо заявил отцу в первый день разбирательства, тянувшегося пять месяцев, главный судья Маульви Муштак Хусейн. Один из назначенцев Зии, Маульви Муштак происходил из той же местности, что и сам Зия, из Джаландара (Индия), и имел с отцом старые счеты. Он представлял Айюб Хана, когда отец бросил тому вызов. При правительстве ПНП он выставил свою кандидатуру на пост главного судьи, но министр юстиции, генеральный прокурор и мой отец сочли его неподходящим для такого поста. Вскоре после переворота Зия назначил его ответственным за подготовку

избирательной кампании, как бы в насмешку над принципом разделения исполнительной и судебной властей. Конечно, такой судья не мог быть беспристрастным.

Защита запросила копии показаний свидетелей против отца. Главный судья задержал выполнение этого запроса «до более подходящего времени». В ходе процесса главного адвоката отца Д. М. Авана пригласили в офис главного судьи и посоветовали «подумать о будущем». Когда эти советы не возымели действия, главный судья умышленно завел в тупик другие дела, которыми занимался господин Аван. Господину Авану пришлось посоветовать своим клиентам найти другого адвоката.

Я присутствовала в суде, когда Маульви Муштак искажал показания водителя Масуда Махмуда, пытаясь сфабриковать связь между моим отцом и генеральным директором ФСБ.

—Верно ли, что вы доставляли Масуда Махмуда к премьер-министру?

—Нет, — робко ответил водитель.

—Пишите: «Я доставил Масуда Махмуда к премьер-министру», — продиктовал главный судья стенографу.

—Протестую, ваша честь! — поднялся с места защитник.

—Протест отклоняется, — отмахнулся Маульви Муштак, хмуря густые седые брови, и снова повернулся к свидетелю. — Вы хотели сказать, что могли забыть, как вы доставляли Масуда Махмуда к премьер-министру.

—Нет, я ничего не забыл. Не возил я его туда ни разу.

—Пишите: «Масуд Махмуд сам вел машину, когда ездил к премьер-министру».

—Протестую! — снова вскочил защитник.

—Сядьте! — рыкнул на него судья и снова взялся за водителя. — Масуд Махмуд ведь мог сам вести машину?

—Н-нет, сэр, — возразил трясущийся водитель.

—Почему? — крайне удивился главный судья.

—Потому что я не расставался с ключами, сэр.

Королевский адвокат Джон Мэтьюз из Англии, следивший за заседаниями суда в ноябре, пришел в ужас. «В особенности меня шокировало, как суд прерывает свидетелей, когда их показания опровергают версию виновности подсудимого, начинает обработку свидетеля с целью изменения его показаний», — рассказывал он впоследствии английскому журналисту. Каково же было адвокатам защиты! Ни одно из их многочисленных возражений не было учтено на 706 страницах записей свидетельских показаний.

Никто на стороне обвинения даже не старался соблюдать видимость беспристрастности. Однажды утром, прибыв в суд, я

услышала, как заместитель директора Федерального агентства расследований Абдул Халик без всякого стеснения диктовал свидетелям их показания.

—Что это за правосудие! — громко возмутилась я. Народ обратил внимание.

—Убрать ее! — приказал Халик полицейским.

—Я никуда не уйду! — закричала я, вовсе не стесняясь сцены, чтобы привлечь внимание.

—Убрать ее! — завопил Халик. Ему тоже нечего было стесняться.

В коридоре кто-то сказал, что привезли отца, и я, не желая расстраивать его видом потасовки дочери с полицией, ретировалась. Позже я узнала, что после этого инцидента обвинение сняло дом рядом с судом, обеспечило его закусками и напитками, чтобы без помех полировать показания свидетелей.

Рамсей Кларк, бывший министр юстиции США, тоже наблюдал за ходом процесса. Позже он написал статью для «The Nation». «Обвинение основано исключительно на показаниях нескольких свидетелей, находившихся за решеткой до самого начала процесса. Они меняли и дополняли показания, противоречили друг другу и самим себе, пересказывали сказанное другими (за исключением генерального директора ФСБ Масуда Махмуда). Их показания привели к построению четырех различных версий случившегося, абсолютно не подтвержденных ни очевидцами, ни вещественными доказательствами». Так писал он в своей статье.

Я верила в юстицию, в законы, нормы этики. Верила в судебные процедуры, систему свидетельских показаний под присягой. Но всего этого не было в фарсе, которому я оказалась свидетелем. Защита получила доступ к армейскому журналу регистрации транспортных средств, из которого видно, что джипа, якобы использованного для нападения на Касури, в день покушения вообще не было в Лахоре. «В журнал регистрации вкралась ошибка», — объяснило несоответствие обвинение. Хотя появился этот журнал в зале суда и использовался в процессе именно по инициативе обвинения.

Защита раздобыла квитанции, из которых явствует, что офицер ФСБ Гулям Хусейн, якобы ответственный за покушение, находился в это время в Карачи. Более того, он находился в Карачи десять дней до дня покушения и десять дней после. «Эти документы умышленно составлены неверно», — отговорилось обвинение, хотя до этого так вовсе не считало.

Неопровержимое свидетельство сфабрикованности дела всплыло, когда адвокаты отца получили результаты

баллистической экспертизы покушения. Позиции стрелков, указанные «свидетелями», не соответствовали пулевым пробоинам на корпусе машины. Кроме того, оказалось, что стрелков было четверо, а не двое, как утверждало обвинение. Табельное оружие ФСБ, которым якобы пользовались стрелки, не соответствовало найденным на месте происшествия гильзам и пулям.

— Мы выиграли! — ликовала Рехана Сарвар, сестра од ного из отцовских адвокатов, сама юрист.

Я понеслась к отцу во время перерыва, чтобы не терять времени. В то время как «обвиняемым свидетелям» разрешалось без ограничения общаться с членами семей в зале суда, отца чаще всего уводили с внушительным полицейским сопровождением в маленькую заднюю комнатушку.

—Папа, победа, победа! — закричала я и рассказала о данных баллистической экспертизы. Никогда не забуду доброго выражения лица, с которым он наблюдал за моим радостным трепыханием.

—Пинки, как ты не можешь понять, — мягко вставил он в одну из моих пауз. — Они всерьез намерены убить меня. И никакие свидетельства не могут тут ничего изменить. Они убьют меня за убийство, которого я не совершал.

Я онемела. Я глядела на него, не понимая, не желая понять. Я не поверила ему. Что говорить обо мне, даже присутствовавшие в комнате юристы не хотели ему верить. Но он знал, что говорил. Он знал с того момента, когда солдаты среди ночи вломились в его спальню в Карачи. «Беги», — умоляла его сестра, когда впервые услышала о предстоящем процессе. Другие тоже убеждали его, уговаривали уехать. Ответ его всегда оставался одним и тем же. «Жизнь моя в руках Господних, а не в человеческих». И снова я услышала эти же слова. «Я готов предстать перед Господом,

когда Он меня призовет. Совесть моя чиста. Для меня важно мое имя, моя честь, мое место в истории. И за это я готов сражаться».

Отец знал, что можно бросить в тюрьму человека, но не идею. Но Зия этого понять не мог. Он сигнализировал населению: вот, посмотрите, ваш премьер-министр. Он из плоти и крови, как и любой другой человек. И чего стоят его принципы? Его можно убить — и вас тоже можно убить. Посмотрите, как мы это сделаем с ним. И помните, что так же мы можем поступить и с каждым из вас.

Отец пытался сказать мне, что он видел, пытался открыть мне глаза. Но я слышала его слова как будто издалека. И я

поддерживала это расстояние, ибо иначе не смогла бы продолжать борьбу со все новыми обвинениями, отражать все новые атаки против него. Борьба за честь его имени стала моей собственной борьбой.

На следующий день после ареста моего отца Зия издал приказ военного положения № 21, обязывающий всех членов Национальной ассамблеи, сенаторов и членов правительств провинций с 1970 по 1977 год (период правления Пакистанской народной партии) представить военной администрации финансовые отчеты с указанием всех приобретений и всего имущества, включая землевладения, технику и драгоценности, а также страховые полисы и банковские вклады. В наказание за неисполнение военные обещали до семи лет строгого режима и конфискацию имущества.

Судить, какое имущество нажито праведным, а какое неправедным путем, при помощи давления, влиянии, злоупотребления служебным положением, надлежало, разумеется, военным. Естественно, об участии владельцев неправедного имущества в выборах не могло быть и речи.

Военная администрация получила в руки еще один инструмент произвольного давления, ибо выбирать можно было, пользуясь весьма широким набором критериев. Обжаловать решение военных можно было, лишь обратившись к ним же, в учрежденный для этого трибунал. У тех, кто выражал желание сотрудничать с режимом, сложностей, разумеется, не возникало.

Возглавила список дисквалифицированных политиков моя мать, хотя членом парламента она была всего три месяца. Ей пришлось снова и снова появляться в этом пресловутом трибунале, ибо режиму все не удавалось сформулировать убедительных обвинений в ее адрес и слушание дела все время откладывалось. Но самую крупную цель осенью и зимой 1977 года представляла, разумеется, репутация отца.

Бхутто использовал государственные средства, чтобы покупать мотоциклы и велосипеды для сотрудников аппарата своей партии! Бхутто установил кондиционеры в своих домах в Ларкане и в Карачи за счет правительства! Бхутто использовал наши посольства за границей для покупки посуды и одежды для себя и семьи за государственный счет! В адрес отца сыпались обвинения в коррупции, злоупотреблениях, даже в уголовных преступлениях. Естественно, трудно все это опровергнуть, находясь за решеткой, тем более что для пущей гарантии военные арестовали и личного секретаря отца. Однако скрупулезная система учета, которую вел отец, оказалась непреодолимой для шестидесяти с лишним заведенных против него дел.

Я нашла все, что надо, чтобы опровергнуть клевету, возводимую на него подконтрольной режиму прессой. День за днем я рылась в семейных счетах, передавала требуемые копии юристам, получала от них указания, что понадобится на следующий день. Отец учитывал каждую мелочь, вплоть до 24 долларов на одежду в Таиланде в 1973 году или 218 долларов на итальянский обойный клей в 1975-м. Я с удивлением обнаружила, что он даже очки для чтения купил за свой счет, хотя охрана здоровья премьер-министра должна предусматриваться законодательством. Наши опровержения, однако, газеты не печатали вовсе, хотя обвинения появлялись на первой полосе. Мы размножали опровержения и распространяли их среди населения.

Мы также составили брошюру, выросшую в книгу под названием «Бхутто, сплетни и действительность». Здесь сопоставлялись клевета и опровергающая ее реальность. Это, конечно, уже было рискованным занятием, ибо любые положительные отклики о моем отце рассматривались военными как «подрывные» и могли повлечь за собой репрессии. Однако материал наш оказался полезным для пакистанских и иностранных журналистов, затопленных пропагандистскими инсинуациями военных. Дел было много, но хотелось чего-то большего.

—Мы должны воззвать к народу, призвать его к действию. К забастовкам, к демонстрациям... — возбужденно втолковывала я партийным лидерам, которые тайком вечерами являлись в снятый нами дом. Но они только жались и кряхтели.

—Погоди, не спеши, надо сначала выработать партийную линию, — твердили они.

Я теряла терпение, как и другие молодые члены партии.

— Давайте пойдем молиться к *мазарам,* — предложила я, полагая, что режим, который постоянно долдонит: «Ислам, ислам, ислам...» — не осмелится арестовать нас, когда мы молимся над могилами наших святых. Идея понравилась. Члены ПНП стали собираться в мечетях и мазарах по всей стране, чтобы читать Коран и молиться за освобождение моего отца. Но я ошиблась, режим протянул тяжелую лапу и к *мазарам.*

Аресты и публичные порки продолжались, всего к декабрю 1977 года до семисот случаев. Происшедшее с Халидом Ахмедом, заместителем уполномоченного по Ларкане, проливает свет на то, что произошло с Масудом Махмудом и другими государственными служащими, арестованными, чтобы выбить из них показания против моего отца. Жена его, Азра, рассказала мне, что за Халидом Ахмедом пришли двое, предъявили приказ,

подписанный Зией. «Если я тебе завтра не позвоню, значит, что-то неладно», — сказал ей муж, когда его уводили. Звонка не последовало. Когда она обнаружила его наконец через месяц в исламабадской тюрьме, его невозможно было узнать. «Я этого дня никогда не забуду, — говорила она со слезами на глазах. — Лицо серое, губы пересохшие, вокруг рта белый налет запекся. Его пытали электричеством, прикладывали электроды к половым органам. Хотели получить показания на господина Бхутто».

Халид провел в камере-одиночке пять месяцев. Каждый вечер Азра выходила в городской парк, откуда просматривалась плоская крыша тюрьмы. «Ему разрешалась прогулка, полчаса в день. Я часами сидела там, на скамье, чтобы только увидеть, убедиться, что он еще жив».

Жизнь Халида Ахмеда, как, возможно, и многих других, спасла петиция, поданная матерью в Верховный суд вскоре после первого ареста отца, с жалобой на его незаконное содержание под стражей. В ноябре 1977 года Верховный суд подтвердил законность военного положения, заявив, что в этом случае действует «закон неизбежности», соответствующий учению Корана и позволяющий мусульманину употреблять в пищу свинину, если нет иной возможности выжить. Но суд также добавил оговорку о допустимости военного положения лишь на ограниченный период, определив этот период в девять месяцев, необходимых для организации свободных и справедливых выборов.

Судьи также постановили, что гражданские суды высшей инстанции сохраняют право юридического надзора над деятельностью военных трибуналов. Без этих оговорок тысячи людей, включая политических активистов и государственных служащих, арестованных в ходе переворота, не имели бы права обжаловать свое положение. Хотя проходили месяцы, прежде чем жалобы, включая и мои собственные, когда меня арестовывали, рассматривались судом, все же не угасала надежда на спасение, на вмешательство гражданских судов.

Верховный суд приказал выпустить Халида Ахмеда на свободу в декабре 1977 года, поскольку против него не было никаких улик, не было даже ордера на арест. «Мы получаем приказы сверху», — отговаривались армейские офицеры. Но режим обходил судебные решения, выпуская арестованного и вновь хватая его, как происходило с моим отцом. Так же поступили военные и с Халидом. Через неделю после того, как он покинул тюрьму, друзья, имевшие доступ к военным, предупредили, что «сверху» снова поступило указание его арестовать, на этот раз согласно приказу военного положения №

21, под предлогом злоупотребления служебным автомобилем и кондиционером (!). «Я умоляла его бежать», — вспоминала Азра. Тем же вечером он покинул страну, улетел в Лондон. А злоупотребление кондиционером так и висит над ним до сих пор, не давая возможности вернуться в страну. Азра сама воспитывала двоих детей. Преследование этой семьи, как и многих других, лишь разворачивалось в декабре 1977-го, военные входили во вкус. Через два года террор расцвел пышным цветом.

Слезоточивый газ. Вопли. Бегущие люди. Резкая боль в плече.

— Мама, мама, где ты?

16 декабря 1977 года. Годовщина поражения в войне с Индией. Стадион Каддафи в Лахоре. Мы с матерью решили сходить на крикетный матч, отвлечься от мыслей о суде. У нас билеты в женский сектор, однако вход туда перекрыт. Закрыты и другие входы. Проходим на стадион через единственный, оставленный открытым. Нас заметили, раздались приветственные возгласы, началась овация. Но команды внезапно покинули поле. Туда, где только что находились игроки, высыпала масса полицейских.

Что-то тяжелое просвистело мимо моего уха.

— Газ! Газ! — слышу я испуганные крики.

Начинается давка, народ устремился к запертым выходам. Невозможно дышать, глаза ничего не видят. Легкие как будто заполнены расплавленным металлом. Плечо! Я пошатнулась от удара. Полиция безжалостно работает дубинками и бамбуковыми палками.

— Мама! — кричу я. — Мама!

Я нашла ее возле металлического ограждения. Она держится за решетку, чтобы не упасть. На мой голос она поднимает голову. По лицу струится кровь.

—В больницу! В больницу немедленно! — кричу я.

—Нет, — тихим голосом возражает мать. — Сначала к военному администратору.

Кровь стекает по ее лицу, течет по платью. Мы пробираемся сквозь толпу, находим машину,

—К дому военного администратора, — говорит мать. Охрана у ворот ошеломленно пропускает нас. Мать как раз выходит из машины, когда сзади подкатывает генеральский джип.

—Помните этот день, генерал? — говорит мать генералу Икбалу, военному администратору Пенджаба. — В этот день вы позорно сдались в Дакке индийской армии. А сегодня вы снова опозорили мундир, пролив мою кровь. Вы бесчестный человек, генерал.

Генерал замер статуей. Мать презрительно от него

отвернулась, села в машину. Мы приехали в больницу, где матери наложили на рану двенадцать швов.

Тем же вечером меня подвергли домашнему аресту. Мать арестовали в больнице.

На следующий день Зия появился на телеэкранах, поздравить администрацию Пенджаба с «оперативным решением» инцидента. Отца удалили из зала суда за то, что он помянул шайтана, безуспешно пытаясь выяснить, что с нами случилось. «Удалите его из зала, пусть придет в себя», — изрек главный судья. На следующий день отец подал жалобу на неправедный суд. Жалобу отклонили.

Мать в больнице, я заперта в пустом доме в Лахоре. Впервые понимаю, на что готов Зия, чтобы сокрушить наш дух. Ничуть не сомневаюсь в том, что нападение на стадионе запланировано заранее. Полиция специально перекрыла выходы, чтобы можно было травить слезоточивым газом и избивать народ. Выводы зловещие. Женщины еще никогда не выделялись полицией как объект «воздействия». Мы вступили в новый период развития страны. Эти дни вынужденного одиночества в Лахоре, в комнатах, набитых копировальной и множительной техникой, меня многому научили.

Через неделю швы сняли, мать доставили ко мне, теперь тюремщикам проще стало стеречь нас, сосредоточив в одном месте. «Что происходит?» — спрашивали мы себя и не находили ответа. Мы не были готовы понять события дня. Но свалившиеся на нас невзгоды закаляли. Каждая новая жестокость приносила шок — и одновременно вспышку решимости. Я ощущала в себе гнев и непреклонность. Они думают, что могут меня унизить, сломить? Пусть на это не рассчитывают — такие мысли мелькали в моей голове.

Первый пакистанский Новый год в заточении. Всего год прошел с моего прошлогоднего визита домой из Оксфорда, когда я встретилась с Зией на торжествах по случаю дня рождения отца. А теперь отец встречает день рождения в тюрьме. Мы с матерью помечаем в календаре каждый день нашего пятнадцатидневного срока. Мать все сидит со своими пасьянсами. Иногда подсаживаемся к телевизору; часто оставляем его включенным, чтобы слышать хоть чьи-то голоса.

Посещение отца состоялось по графику, но меня не обрадовало. Обычно встречи с ним меня подбадривали. Я получала от него указания, инструкции, расписанные на желтых листках из адвокатских блокнотов, всегда присутствовавших в его камере. Его камера казалась мне тогда в высшей степени неудобной. Пол грязный, водопровод плохой… Знала бы я тогда, в

каких камерах ему еще придется сидеть!

Его разместили вблизи от камеры с душевнобольными, которые выли, орали ночи напролет. Позаботились и о том, чтобы он слышал вопли избиваемых во дворе. К их ртам иногда подносили микрофоны. Но сломить его оказалось невозможно.

— Я крепкий орешек, — заверил меня отец. — Меня не так просто расколоть.

За стенами тюрьмы режим свирепствовал все разнузданнее и в начале января 1978 года решился на массовую бойню. Еще до того, как меня и мать арестовали, ПНП призвала отметить 5 января, день рождения отца, как День демократии. Рабочие Колониальной текстильной фабрики в Мултане, бастовавшие за повышение зарплаты и утраченные привилегии, собирались устроить в этот день демонстрацию. Но армия нанесла упреждающий удар.

За три дня до Дня демократии военные заперли ворота фабрики и, взобравшись на крышу, расстреляли собравшихся во дворе рабочих. Столь жестокой бойни давно не случалось на всем субконтиненте Индостан. Говорили, что погибли сотни рабочих. Точно никто так и не узнал. Сообщали о двухстах погибших, о трехстах. В течение нескольких дней тут и там неожиданно обнаруживались тела расстрелянных: в окрестных полях, в придорожных канавах. Зия предупредил рабочий класс Пакистана, главную опору ПНП: кто не согнется — сломаем.

Этот День демократии стал одним из наиболее тяжких преступлений военного режима. По всей стране тысячами арестовывались сторонники Пакистанской народной партии. Жить в Пакистане становилось все опаснее.

Порка стала повсеместным явлением. К ней могли приговорить любого, кто выкрикнул лозунг «Да здравствует Бхутто!» или «Да здравствует демократия!», у кого обнаружили флаг ПНП. Приговор тут же, часто в течение часа, приводился в исполнение, потому что гражданские суды еще рассматривали апелляции. В тюрьме Кот-Лахпат приговоренных привязывали к специальному станку, рядом стоял врач, следил, чтобы наказываемый не умер во время порки. Часто потерявшему сознание подносили к носу нашатырный спирт, чтобы он очнулся и смог дополучить предписанное число ударов, обычно от десяти до пятнадцати.

Телесные наказания применялись и вне стен тюрьмы. По городу разъезжали мобильные суды, часто состоявшие из одного уполномоченного на то офицера. Он, к примеру, колесил по рынку, единолично решая, кто из продавцов обсчитывает, обвешивает покупателей или продает недоброкачественный

товар. В Суккуре дошло до того, что офицер, приехав на базар, потребовал кого-нибудь, все равно кого, для порки. «Мне надо кого-нибудь отодрать», — заявил он. Лоточники мялись, жались и выдали ему одного, который якобы торговал сахаром по ценам черного рынка. Как будто хоть кто-то из остальных этим не занимался!

Я оказалась неподготовленной к такому варварству. Всю сознательную жизнь я провела в рамках общества западных демократий, Америки и Европы, в демократическом Пакистане, жившем по конституции 1973 года.

Наш срок заключения подошел к концу, ворота дома открылись и впустили судебного исполнителя, который, однако, не объявил нам об освобождении, а предъявил новый ордер на задержание в течение еще пятнадцати суток. Еще один прецедент. При гражданском правительстве отца случаи внесудебного содержания под стражей строго регламентировались, общий срок не должен был превышать трех месяцев в году. Жалобы рассматривались судами в течение суток. Теперь же история Пакистана переписывалась заново.

Задержали. Выпустили. Задержали. Выслали. Задержали... Во время суда над отцом режим использовал силу, чтобы произвольными арестами сбить нас с матерью с ритма, не дать возможности планировать работу. В первые месяцы 1978 года меня то и дело арестовывали. Они и сами, пожалуй, толком не знали, когда я была на свободе, а когда под арестом.

В середине января нас с матерью освободили из-под ареста в Лахоре. Я немедленно вылетела в Карачи, где меня вызвали в налоговое управление. С какой целью? Чтобы дать отчет об имуществе и имущественных обязательствах моего деда, который умер, когда мне было четыре годика. Которому я вовсе не наследовала, то есть ни по какому закону, военному или гражданскому, даже и права не имела отвечать на вопросы, касающиеся его имущества. Но все это не имело значения, с точки зрения начальства. В повестке указывалось, что в случае неявки автоматически последует решение ex parte не в мою пользу. На Клифтон, 70, я прибыла в полночь.

Но уже в два ночи грохот в ворота вырвал меня из постели.

—Что случилось? — спрашиваю я, вспоминая, как коммандос ворвались в мою комнату четырьмя месяцами ранее.

—Полиция окружила дом, — докладывает мне Дост Мохаммед по внутреннему телефону.

Я оделась и спустилась вниз.

—Ваш рейс в семь утра, вылетаете в Лахор, — сообщает мне офицер. — Вы высылаетесь из провинции Синдх.

—Почему? Я только что прибыла по вызову, чтобы отбиваться от обвинений, которые ваш режим выдвигает против нашей семьи.

—Генерал Зия собирается посетить с премьер-министром Каллагэном крикетный матч.

Я онемела.

—А при чем тут я? Я даже не знала, что тут состоится крикетный матч.

—Главный военный администратор не хочет рисковать. Мало ли, а вдруг вам тоже захочется на крикет. Вот он вас и высылает.

В шесть утра меня с полицейским эскортом доставили в аэропорт и посадили в самолет на Лахор. Почему нельзя было блокировать меня на день в Карачи?

Двумя днями позже я со знакомыми сижу за ланчем в Лахоре. Снова прибывает полиция, окружает дом.

—Вы задерживаетесь на пять дней, — сообщает офицер.

—На каком основании?

—Годовщина смерти Дата-сахиба. — Это я и без него знаю. Дата-сахиб — один из наиболее почитаемых наших святых. — Чтобы вы не смогли пойти помолиться на его могиле.

Снова мы с матерью взаперти. Она раскладывает пасьянсы, я расхаживаю по комнате. Почту не доставляют, телефон не звонит, отключен. Когда в начале февраля меня выпускают, сразу же направляюсь к отцу. Из-за всех этих арестов я пропустила три свидания. Не пропускаю заседаний суда.

Несмотря на заверения главного судьи, что процесс будет открыт для репортеров, пройдет «при свете дня», 25 января, когда начал давать показания отец, зал оказался закрыт для доступа наблюдателей. Всему миру разрешалось слушать доводы обвинения. Но никому не разрешили выслушать другую сторону. Раздраженный пристрастностью суда, отец уже отстранил защитников от участия в процессе. Теперь он вообще отказался давать показания и безучастно сидел в своем боксе. Главный судья из Пенджаба воспользовался закрытым характером заседания для расистских наскоков против синдхов, населяющих юг Пакистана, к которым принадлежит отец. Как отец, так и руководство ПНП призывали к пересмотру дела на этом основании, но безуспешно.

Я помогала с процессом, мать посещала города Пенджаба, включая Касур, где она молилась в усыпальнице мусульманского святого Бубы Буллы Шаха.

— Съезди в Синдх, — сказал мне отец на очередном свидании. — Вы с матерью сосредоточились на Пенджабе. Мобилизуй активистов, пусть организуют тебе поездку.

Поездку из Карачи в Ларкану подготавливали с достаточной осторожностью. Предлог —помолиться на могилах предков. Мать прислала мне записку. «Не ругай и не критикуй Зию, сосредоточься на высоких ценах. Постарайся высоко держать флаг нашей партии», — писала мне мать из Лахора по возвращении из засекреченной поездки в Мултан к семьям погибших на текстильной фабрике рабочих. Она прислала мне списки арестованных, семьи которых нужно посетить, сколько кому выдать денег, в зависимости от числа детей. «Если арестован единственный кормилец, пометь адрес, чтобы высылать деньги ежемесячно, до освобождения, — писала она и заключила следующим советом: — Возьми „мерседес". Большая машина, прочная и надежная. С любовью — твоя мама».

Наша семейная газета «Мусават» сообщила о моем отъезде и маршруте, и 14 февраля я отправилась в первую поездку в Синдх, взяв с собою спичрайтера, репортера и фотографа из «Мусават». Сопровождала меня бегума Сумро, руководительница женского крыла ПНП Синдха.

Тэта, в которой останавливалось на отдых войско Александра Великого, Хайдарабад с древними ветроуловителями на крышах домов, направляющими прохладный воздух в дом. Автомобиль продвигается сквозь громадные толпы. Общественные политические митинги запрещены военной администрацией, поэтому выступаю во дворах и садах самых крупных семейных домовладений. Стоя на очередной крыше, смотрю на плотно набившихся внутрь людей.

— Братья мои, уважаемые старейшины! — ору я во весь голос, ибо микрофоны и громкоговорители военными властями запрещены. — Позвольте передать вам *салам* — приветствие — от председателя Зульфикара Али Бхутто. Преступление против него — это преступление против всего народа...

Терпаркар. Сангар. Где представляется возможность, посещаю пресс-клубы и гильдии юристов, и не устаю обличать незаконность режима и несправедливость в отношении к отцу и ПНП.

На выезде из Сангара машину неожиданно блокируют спереди и сзади военные грузовики. Нас провожают в дом, в котором приходится провести ночь под штыками военных.

—Ваше путешествие окончено, — сообщает мне окружной судья.

—На каком основании? Я хочу увидеть соответствующий документ.

У него нет документа.

— Его послали, чтобы нас припугнуть, — решает Махдум

Халик, сопровождающий нас член руководства ПНП. — Едем дальше.

На следующий день мы отправились в Навабшах, где предполагался митинг с самым большим числом присутствующих. Но на границе Хайрпура и Навабшаха нас остановил блок-пост сил безопасности. На этот раз они запаслись документами.

18 февраля меня выслали из Навабшаха в Карачи и запретили покидать город. И снова я пропустила разрешенное раз в две недели свидание с отцом.

Март 1978 года.

— Из близких к Зие источников просочилась информация, что Верховный суд Лахора приговорит вашего отца к смертной казни, — сказал мне один журналист в Карачи. Действуя механически, по привычным шаблонам, я пере дала информацию матери в Лахор и руководству ПНП в Синдхе и в Карачи, однако сама не поверила в нее. Не смогла поверить, хотя все вокруг подтверждало эту зловещую новость.

Трех уголовников, не имеющих никакого отношения к политике, приговорили в начале марта в Лахоре к публичной казни. К публичной казни в XX веке! Газеты и телевидение взахлеб, обсасывая и расписывая детали, подавали пикантную новость. Рекламную шумиху подняли, как вокруг оперной премьеры. Поглядеть на кошмарное зрелище, на болтающиеся на веревках трупы в черных балахонах, собралась двухсоттысячная толпа. Теперь я понимаю, что режим проводил психологическую подготовку страны к смертному приговору моему отцу, но тогда восприняла лишь как еще один штрих к портрету диктатуры. Хотя и помнила о предвыборных высказываниях Асгар Хана годичной давности: «Может быть, повешу Бхутто на мосту Атток. Или на уличном фонаре в Лахоре».

Подготовка к заранее заданному судебному приговору набирала силу. Солдаты в штатском дежурили во всех правительственных зданиях и банках. По улицам Равалпинди разъезжали бронетранспортеры, в Синдхе курсировали джипы с установленными на них пулеметами. Началась охота на членов ПНП, виновных лишь в том, что правительство подозревало их в способности причинить ему ка кое-то беспокойство. Обвинение формулировалось следующим образом: «В силу того, что вы, (вписать фамилию и имя) склонны к противоправным действиям при объявлении приговора по делу Бхутто, вы подлежите задержанию и изоляции...» Откуда режим заранее знал приговор, если суды независимы и разбирательство дела велось бес пристрастно, как неоднократно заявлял Зия?

80 000 арестованных в Пенджабе, 30 000 в Граничной провинции, 60 000 в Синдхе. Немыслимые числа. Куда девать арестованных? По всему Пакистану открывались концентрационные лагеря. Ипподромы и стадионы превратились в тюрьмы под открытым небом, в чистом поле натягивалась колючая проволока. Не щадили и женщин, в том числе с грудными детьми.

15 марта 1978 года, рассказывает Кишвар Кайюм Низами, жена бывшего члена провинциальной ассамблеи.

Нас с мужем арестовали в час ночи. Полиция окружила дом. Грудного ребенка пришлось взять с собой. Увезли нас на открытом грузовике. В тюрьме Кот-Лахпат сказали, что для женщин-политических помещений нет, заперли меня в крохотной кладовке с шестью другими женщинами, включая Рехану Сарвар, сестру одного из адвокатов господина Бхутто, и бегуму Хаквани, президента женского крыла Пенджаба.

«Почему нас задержали?» — спросила бегума Хаквани полицейского. «Ждут приговора Бхутто», — ответил тот. «А откуда они знают, когда объявят приговор?» Полицейский только поморщился и ничего не ответил.

Нас обыскали надзирательницы, с меня сняли обручальное кольцо и часы. При освобождении они сказали, что потеряли эти вещи. Туалета в конуре не было, только куча кирпичей в углу. Постелей тоже не было, хотя заснуть мы не смогли бы. В полночь во дворе началась порка политзаключенных. На спинах их обозначалось краской число ударов. Палач в набедренной повязке, смазанный жиром, разбегался, чтобы удар получился сильнее. Рядом сидел офицер, считал удары. За сеанс били двадцать-тридцать человек. Всю ночь мы слышали крики. Каждый удар они встречали криком: «Джайе Бхутто! — Да здравствует Бхутто!» Я зажала уши ладонями и молилась, чтобы среди них не оказалось моего мужа. Он уже пережил такое в сентябре 1977-го.

На второе утро нашего пребывания в тюрьме нас вдруг выпустили. Как только мы вышли из ворот, нас снова арестовали, на этот раз за «нарушение общественного порядка». Кто-то наверху сообразил, что превентивный арест в ожидании приговора выглядит слишком дико. И мы вернулись в ту же каморку. Господин Бхутто — мы видели окно его камеры из своего окна — узнал, что мы здесь, и его адвокат принес нам корзину фруктов. «Видите, как Зия обходится с женщинами из почтенных семейств?» — написал он в сопроводительной записке.

Меня выпустили из тюрьмы через две недели, потому что ребенок мой в тюрьме сильно заболел, а остальные женщины провели там месяц.

Приказ о моем аресте созрел через три дня после доставки в тюрьму этих женщин, и в ранние часы 18 марта я услышала привычное: «Полиция хочет вас видеть». Полпятого утра. Зачем меня хочет видеть полиция, я поняла, хотя и не хотела понимать. Хотелось побежать к матери — но мать удерживают в Лахоре. Хотелось побежать к отцу. Куда угодно, к Самийе, к адвокатам, к Миру и Шах Навазу, к Санни. Я не могла вынести изоляции. Не могла. «Помоги мне, Господи!» — шептала я, вымеряя шагами пустые комнаты и коридоры дома.

Плач я услышала к вечеру. Он доносился с кухни, из сада, от ворот дома. Сердце бешено билось, я думала, оно вот-вот взорвется. Вдруг распахнулась дверь, вбежала кузина Фахри, бросилась на пол.

— Убийцы! — кричала она, колотясь лбом об пол. — Убийцы!

Судьи Зии нашли отца виновным и приговорили его к смертной казни. Фахри, прорвавшейся сквозь охрану у ворот, в течение часа предъявили документ о ее задержании здесь же, вместе со мной. Ее держали неделю. Мне пришлось просидеть взаперти долгих три месяца.

Железные ворота, еще одни. Длинные грязные проходы, коридоры. Меня обыскивают тюремные надзирательницы, шарят в прическе, ощупывают. Еще стальная дверь. За ней три крохотные камеры с решетками вместо дверей.

— Пинки, ты?

Я вглядываюсь в камеру, но ничего не вижу, ослеплена ее мраком. Надзиратели открывают дверь, я вхожу в смертную камеру отца. Помещение влажное, вонючее. Солнечного света бетонные стены этой камеры не видели никогда. Кровать занимает больше половины площади пола, прикована к нему толстыми стальными цепями. Первые двадцать четыре часа отец провел прикованным к кровати, его лодыжки стерты до крови, шрамы еще не зажили. Рядом с кроватью дыра в полу, единственная гигиеническая возможность для приговоренных к смерти. Вонь невыносимая.

— Папа!

Я обнимаю его, легко обхватывая тело. Он катастрофически похудел. Когда глаза мои привыкли к полумраку, я разглядела следы укусов насекомых. Комары обильно плодятся во влажной духоте этого подвала. Все тело его покрыто распухшими красными волдырями.

В горле своем чувствую комок, пытаюсь проглотить его, не заплакать. Нельзя плакать в его присутствии! А он улыбается. Улыбается!

—Как ты сюда попала?

—Я подала заявление в провинциальную администрацию, жалуясь, что меня как члена семьи лишают законного права еженедельного свидания. Сослалась на их же тюремные правила. Министр внутренних дел разрешил.

Рассказала отцу, как меня доставил к тюрьме Кот-Лах-пат военный конвой, целая колонна грузовиков, джипов и легковых машин.

—Психуют они, — сказала я ему и сообщила, что знала о волнениях в деревнях провинции Синдх, вызванных вестью о смертном приговоре. 120 человек арестовано в деревушке под Ларканой, состоящей из 146 глиняных хижин. Полиция забрала лавочника, вывесившего на стене рядом с плакатом своего любимого киноактера портрет председателя Бхутто.

—Невероятное число стран обратилось к Зие с просьбами о помиловании, — сказала я отцу. — По Би-би-си сообщили, что Брежнев прислал письмо, Хуа Гофен сослался на твой вклад в дело укрепления дружбы с Китаем. Президент Асад из Сирии, Анвар Садат из Каира, президент Ирака, Индира Ганди, сенатор Макговерн... Практически все, кроме президента Картера. Канадская палата общин приняла единогласную резолюцию, 150 членов британского парламента призывают свое правительство предпринять шаги.

Греция, Польша, «Эмнисти Интернэшнл», генеральный секретарь ООН, Австралия, Франции. Папа, Зия не сможет...

—Это все хорошо, — прервал мои излияния отец. — Но от нас просьбы не будет.

—Папа, ты должен подать апелляцию!

—В этот суд? В карманный суд генерала Зии? Весь процесс — жалкий фарс, к чему затягивать...

Мы разговариваем, и я замечаю легкое движение его головы, приглашающее меня придвинуться. Тюремщики в камере не помещаются, они стоят за моей спиной в коридоре, внимательно слушают, но не слишком хорошо видят происходящее в зловонном каменном мешке. Я ощущаю в руке обрывок бумаги.

—Нет, папа, ты не должен сдаваться! — говорю я громко, чтобы отвлечь внимание надзирателей.

—Господь знает, что я не виноват. Я подам Ему свою апелляцию в Судный день. Теперь иди. Время почти истекло. Лучше идти, когда ты решишь, не дожидаться, чтобы решение принимали они.

Я обнимаю его.

—Смотри, чтобы записку не нашли, не то больше не пустят, — быстро шепчет он мне в ухо.

—До встречи, папа.

Меня обыскали при выходе из тюрьмы. Ничего не нашли. Еще раз обыскали при посещении матери под Лахором, на входе и на выходе, и снова не нашли. Иногда обыскивающие явно относились ко мне благосклонно, лишь обозначая необходимые движения. Но я никогда не знала, что меня ждет. В аэропорту перед возвращением в Карачи три часа пришлось просидеть в машине, окруженной автомобилями конвоя.

Наконец объявили посадку. Пассажиры заняли места. Взвыли двигатели самолета, загорелись огни освещения и маркировки взлетной полосы. Полицейские выудили меня из машины и быстро, торопясь, повели к трапу; один спереди, другой сзади, с пистолетами в руках. В такт шагам потрескивали их рации. Но вдруг они развернулись и направили меня обратно к автомобилю.

До сих пор вижу ее жирное тело, ее упертые в толстые бока руки. Ее я уже хорошо запомнила. Эта сотрудница аэропорта почему-то всегда оказывалась на службе, когда я проходила через аэропорт Лахора. Она внушала мне такое отвращение, что я даже воображала, что ее специально для меня держат. Выглядела она как раз так, как должны были, по моему мнению, выглядеть те надзирательницы, у которых куда-то бесследно исчезают изъятые у обыскиваемых вещи. От нее не ускользнет ни пылинки. Она выковыривала из оправы губную помаду и не пропускала ни одной страницы записной книжки. Она наслаждалась своей активностью.

— Не буду я у нее обыскиваться! Не буду! — встрепенулась я и подалась прочь от автомобилей, уткнувшись в стволы автоматов стоявших у машин солдат. — Меня обшарили в тюрьме при входе, в тюрьме при выходе. Обшарили у матери при входе и выходе. Вам все мало?

Военные, полиция, разносортное стреляющее железо направлено на меня со всех сторон.

—Перед отлетом положен обыск, — пытается вразумить меня полицейский офицер. — Не то опоздаете на самолет.

—И пусть! — я не изображаю истерику, я на самом деле близка к истерике. — Куда мне лететь? Вы обрекли моего отца на смерть! Вы разбили сердце моей матери! Вы похоронили меня заживо в Карачи, мать в Лахоре, отца засунули в камеру смертников! Мы не можем друг друга утешить, обнадежить. Лучше убейте меня здесь, чем так жить дальше!

Истерика моя действует не только на меня. Многие из мужчин смущены. Обыскных дел мастерица тоже почему-то увяла. Но если ей доведется наложить на меня лапы, мигом оживет, в этом-то я уверена. И обязательно найдет записку отца.

—Да пусть ее идет, — слышу я чье-то бормотание.

—Ладно, идите.

В самолете я близка к обмороку. Тогда-то и зазвучало впервые мое ухо. Тик-так... Теньк! Щелк, щелк! Все громче и громче. Вернувшись на Клифтон, 70, я даже заснуть не могла. Военные прислали врача, врач принялся меня обследовать.

Прочла записку отца. Он советовал, что предпринять, чтобы оспорить мой незаконный арест. Я попыталась сочинить заявление, но настолько разболелась, что оказалась неспособной даже на это.

Животные. Странное что-то с ними происходило, с нашими домашними любимцами. В день объявления смертного приговора умер один из пуделей отца. Только что он выглядел совершенно здоровым — а через минуту уже замер без движения. На следующий день умер второй, снова непонятно почему. А на третий день скончалась моя сиамская кошка.

Некоторые добрые мусульмане полагают, что домашние животные отводят беду от хозяина. Например, могут и умереть вместо него. Больная, лежа в постели, я с горечью думала, что опасность, угрожавшая отцу, оказалась столь грозной, что убила не одного, а сразу трех наших питомцев. Каждое утро, включая в шесть часов Би-би-си, я молилась, желая услышать весть о смерти Зии. Но он все жил да жил.

Пользуясь подсказкой отца, я подала заявление о незаконности моего домашнего ареста. Суд отложил слушание в апреле, затем еще раз в мае. И каждый раз приходилось снова подавать заявление. 14 июня мой адвокат преподнес мне лучший подарок ко дню рождения. Оснований для моего содержания под домашним арестом нет, постановил судья Фахр уд-Дин в первом чтении. Я свободна! И могу уделить внимание своему здоровью.

Первую операцию на ухе и пазухах сделали мне в больнице «Мид Ист» в Карачи в конце июня. Приходя в себя после наркоза, я остро ощутила свои страхи.

— Убивают! Отца убивают! — услышала я свой крик. Нос все еще был забит чем-то медицинским, затрудняющим дыхание. Матери позволили навестить меня, привезли из Лахора под полицейским надзором.

Мир, в котором я жила, лучше не стал. Наша газета «Мусават» потеряла в апреле свой филиал в Карачи. Печатные станки военные конфисковали. Редактор и печатник попали в тюрьму за опубликование «нежелательных» материалов — так военные обозначили сведения о процессе моего отца. Журналисты других газет в знак солидарности объявили забастовку. Девяносто человек арестовали, четверых приговорили к порке, в том числе старшего редактора газеты «Пакистан таймс», инвалида.

Международная общественность наконец зашевелилась. Летом 1978 года редактор и печатник «Мусават» попали в число пятидесяти политзаключенных, над которыми взяла шефство «Эмнисти интернэшнл», расследовавшая дела еще тридцати двух человек — преодолевая препоны со стороны военного режима, естественно. Хотя Зия пообещал всяческое содействие двум представителям «Эмнисти», на выпущенный в марте доклад этой организации реакции не последовало.

Я встретилась с ними во время их визита в январе. Рассказала о вопиющих нарушениях основных прав человека военным режимом, о пытках, о произволе военных судов, о варварских методах наказания, включающих отсечение левой руки у правшей и правой у левшей за воровство. Разумеется, не умолчала о несправедливости суда над отцом, об условиях его содержания в тюрьме. Естественно, они захотели это проверить, запросили разрешения на посещение тюрьмы, но им отказали.

28 апреля 1978 года. Тюрьма Кот-Лахпат. Рассказывает доктор Зафар Ниязи, дантист моего отца.

Когда я посетил господина Бхутто в тюрьме Кот-Лахпат в апреле, я обнаружил резкое ухудшение состояния его полости рта. Условия содержания в тюрьме в высшей степени антисанитарны, диета крайне неудовлетворительна. Десны господина Бхутто воспалены, болезненны, но тюремные условия не позволяли мне оказать ему помощь в полной мере. Я не уверен в эффективности какой-либо помощи в таких условиях. После посещения я направил военным властям доклад, констатируя, что не смогу принести господину Бхутто помощь в качестве его дантиста, если условия содержания его не будут улучшены. Понимаю, что военным властям этот доклад может не понравиться. Я часто оказываю помощь иностранным дипломатам, и военные, конечно, будут опасаться, что я поделюсь с ними тем, что узнал. Из предосторожности я дал копию доклада жене, попросив передать иностранным корреспондентам, если меня арестуют.

Полиция появилась в доме доктора Ниязи через два дня. Его арестовывали дважды, в первый раз его оторвали от пациента под наркозом. «Дайте мне час, чтобы закончить», — попросил он полицейских, но ему отказали, он вынужден был оставить пациента в кресле. Во время первого ареста полиция устроила в доме ночной обыск, все перерыла в поисках чего-нибудь криминального. Нашли бутылку вина, подаренную американским коллегой доктора Ниязи, протезистом, наезжавшим в его клинику каждые три месяца. Доктора Ниязи обвинили в хранении дома алкогольных напитков.

Доктор Ниязи провел в заключении полгода — по «алкогольному» обвинению. Он не член ПНП, вообще политикой не занимался. Когда его выпустили, отца уже перевели из Кот-Лахпат в камеру смертников Центральной тюрьмы Равалпинди. Доктор Ниязи подал заявление на посещение отца, но ему отказали.

21 июня 1978 года. Центральная тюрьма Равалпинди. Мой 25-й день рождения.

Я сижу в маленькой комнатке в отеле «Флэшман» в Равалпинди. Сегодня день свидания с отцом. То и дело поглядываю на часы. Мать задерживается. Адвокаты отца добились судебного разрешения на совместное посещение отца в мой день рождения. Уже полдень. С девяти утра я жду, когда полиция доставит ее на самолете из Лахора. Вечно у них все не так.

Я обеспокоена состоянием здоровья матери. У нее ужасные головные боли, она очень быстро устает. Свалившиеся на нас невзгоды оказали разрушающее воздействие, она заметно сдает, давление все падает. Дважды в самолете, при полетах между Лахором и Равалпинди, мать теряла сознание. Адвокаты ходатайствовали о переводе ее в Исламабад, откуда легко доехать до Равалпинди по шоссе, но ее по-прежнему удерживают в Лахоре. Снова она одна. Чуть скрашивает ее одиночество котенок Чу-Чу, которого я контрабандой пронесла в кармане. Мама говорит, что с ним жизнь не кажется такой противной. Котенок держит лапку на ее руке, когда она возится со своими пасьянсами.

Разглаживаю свой *шальвар хамиз*. Хочу в свой день рождения выглядеть поприличнее, показать родителям, что я не пала духом. Час дня. Два часа. Это одна из их любимых уловок. Сколько уже раз так было за время моего заключения: подготовлюсь к указанному ими же часу, и жду, жду час за часом, томлюсь в безвестности. Свидания с отцом раз в две недели помогают мне держаться, и военные это знают. И потому опаздывают, и мне остается лишь полчаса, чтобы увидеться с отцом. А то и вообще могут не приехать. Распоряжение суда... Что им суд!

Три часа. Полчетвертого. Тюремные правила определяют время свидания до заката, с заходом солнца все посетители должны покинуть тюрьму. Вспоминаю мой прошлый день рождения. Праздник на газонах Оксфорда кажется событием столетней давности. Да и было ли это вообще...

Четыре. Наконец-то узнаю, что мать прибыла в аэропорт.

— С днем рождения, Пинки! — Она обнимает меня у входа в тюрьму.

Нас обеих ведут к камере отца.

— Нам повезло, что ты родилась в самый длинный день в году, Пинки, — улыбается отец, когда мы наконец до него добрались. — Даже всемогущие защитники отечества не могут приказать солнцу уйти за горизонт раньше.

Его перевели в другую камеру, выходящую во внутренний двор. По периметру двор окружают армейские палатки. У входов расставлены солдаты-часовые. Это у них называется беспристрастным гражданским судом. Настоящая военная операция! Мы в военном лагере.

Камера размером шесть на девять футов. Дверная решетка комнаты надзирателей затянута москитной сеткой,

здесь же в воздухе носятся стаи мух и кровососущих насекомых. Под потолком висит вниз головой спящая летучая мышь. По стенам шмыгают бледные, как будто выцветшие ящерки.

Мать показывает на голую металлическую койку.

—Я две недели назад послала тебе матрас. Не дали?

—Нет, не дали.

Спина отца в ссадинах и синяках. Тонкая тюремная подстилка не защищает тело от ребер кровати. Два раза отец переболел в тюрьме гриппом, окончательно испортил желудок — вода некипяченая. Его несколько раз рвало кровью, случались кровотечения из носа. Крайне исхудал.

Но по-прежнему бодр! Он никогда не терял присутствия духа.

—Пинки, ты должна на *Эйд* съездить в Ларкану, помолиться на могилах предков.

—Но, папа, тогда я пропущу следующее свидание с тобой.

—Мать под арестом. Остаешься ты.

Для меня это испытание. Я ни разу не молилась на семейном кладбище в *Эйд* и не принимала традиционных визитов родственников и односельчан в Наудеро. Эта обязанность всегда лежала на плечах мужчин. Братья сопровождали отца, если Рамазан совпадал со школьными каникулами. Я поникла духом.

— И помолись у Лал-Шахбаза Каландера. Я в послед ний *Эйд* не успел.

Лал-Шахбаз Каландер — один из наиболее почитаемых святых. Моя бабушка молилась над его могилой, когда отец, еще грудным ребенком, тяжело заболел и едва не умер. Услышит ли Бог молитву дочери о спасении того же человека?

Мы сидим во дворе в течение целого драгоценного часа, рядом, голова к голове, три тюремщика, следящих за нами, не слышат того, что мы тихо шепчем друг другу. Но сегодня они почему-то к нам благосклонны и делают вид, что не замечают

нарушения.

— Тебе двадцать пять, уж и на выборах выставляться можно, — шутит отец. — Только вот Зия выборы запретил.

— Ох, папа... — Мы смеемся. Как это у нас получается? Где-то в этой тюрьме находится виселица, тень которой накрыла наши жизни. Отец рассказывает, что его провоцируют, хотят вызвать вспышку неконтролируемого гнева. Каждую ночь на крышу над его камерой взбирается кто-то в тяжелых башмаках и топает там всю ночь. Ту же самую подлость они использовали против Муджиба ур-Рахмана во время гражданской войны в Бангладеш. Они надеются, что заключенный не выдержит, разразится руганью, и какой-нибудь «нервный» солдат, якобы потеряв над собою контроль, пристрелит его. Отец, однако, лишь регистрирует эти издевательства и использует их в суде.

Я вернулась в отель «Флэшман» в привычном сопровождении военных машин. Иногда их две-три, иной раз конвой вспухает до семи-восьми, даже до десятка. Народ провожает колонну взглядами. Некоторые смотрят с симпатией, некоторые опускают взгляд, как будто не хотят верить глазам.

Над городом висит пелена молчания. Вся страна притихла. Говорят, что арестовано свыше ста тысяч человек. «Зия не приведет в исполнение приговор премьер-министру, — шепчутся люди. — Это невозможно». Всеобщая тема разговоров — процесс моего отца, приговор ему, его апелляция в Верховный суд.

Несмотря на возражения отца, мы подали апелляцию в Верховный суд в Равалпинди. «Я обязан уважать мнение жены и дочери не только из родственных соображений, но и по причинам более возвышенного свойства, — писал отец Яхья Бахтияру, бывшему генеральному прокурору и руководителю юристов отца при Верховном суде. — Обе они играли героические роли в этой опасной игре в это опасное время. Они заслужили право влиять на мое решение».

Суд начал рассмотрение дела в мае. Хотя обычно обвиняемому предоставляют месяц на обжалование приговора, отцу дали лишь неделю. Юристы отца остановились во «Флэшмане», где мы устроили импровизированный офис и следили за ходом слушания дела. Мне помогали несовершеннолетняя дочь доктора Ниязи, Ясмин Ниязи, Амина Пирача, поддерживавшая связи адвокатской команды с иностранной прессой. Приехала на помощь и моя старая подруга из Оксфорда Виктория Скофилд, ставшая после меня президентом Оксфордского дискуссионного общества.

Иногда я принуждала себя вставать по утрам. Быстро вон из постели! Встать, одеться — и за дела. Встречи с немногими

оставшимися на свободе активистами партии. Интервью репортерам, которые роятся в Равалпинди. Контролируемые военными печатные издания лишь поливали отца грязью. Надежда на объективное освещение процесса — «Мусават» в Лахоре, все еще выходящая, несмотря на закрытие филиала в Карачи, и иностранная пресса. Питер Нисванд из «Гардиан» и Брюс Лаудон из «Дейли телеграф» стали добрыми знакомыми.

Пропагандистская машина военной диктатуры выпустила в конце июля первую из своих «Белых книг» с клеветой на организацию выборов 1977 года. Мы во «Флэшмане» усиленно работали над отцовским опровержением грязных измышлений военных. Подготовленные нами материалы мы собирались предъявить Верховному суду. Трудно было разбирать отцовский почерк на листках, исписанных им с обеих сторон, но каково было ему писать, голодающему в душной камере в палящую августовскую жару Рамазана! Мы распечатывали написанное отцом, адвокаты относили ему для редактирования, затем мы печатали на машинках набело. Получилась целая книга, которую мы между собой называли «Реджи». Материал отправили в секретную типографию в Лахоре.

Но прежде чем материал успели представить Верховному суду, тираж арестовали. Чтобы воссоздать документ для Верховного суда, активисты ПНП всю ночь копировали три сотни страниц. Эта операция требовала строгой конспирации, местонахождение фотокопира и имена людей, этим занимавшихся, сохранялись в строгой тайне.

Естественно, за «Флэшманом» наблюдали. Однажды вечером полицейский кордон у входа в отель арестовал одного из наших помощников. Его оперативно осудили военным трибуналом. Мы работали, не зная, что нас ожидает на следующий день.

Постоянно ходили толки, что решения Верховного суда следует ожидать с минуты на минуту. В начале слушания главный судья Анвар уль-Хак объявил, что задержек в ходе разбирательства не предвидит. Настрой адвокатов отца тоже отличался оптимистичностью. Пятеро из девяти судей задавали вопросы и комментировали показания с нескрываемым скептицизмом в отношении решения своих лахорских коллег. Но неожиданно в июне Анвар уль-Хак объявил перерыв и улетел на конференцию в Джакарту. Мы поняли, что рассмотрение апелляции откладывается до момента, когда самый опытный из судей уйдет в отставку в июле. Нашу просьбу дать этому судье довести до конца слушание Анвар уль-Хак отклонил. Другой независимо мыслящий член суда выбыл по болезни в сентябре. У него случилось кровоизлияние в области глазного яблока,

неработоспособность временная, но его просьбу еще раз отложить рассмотрение до его выздоровления отклонили. В суде сложился баланс четыре к трем не в нашу пользу. Сам главный судья не скрывал своей антипатии к отцу, как и его лахорский аналог и друг, он тоже родом из индийского Джаландара. И снова мы увидели, что исполнительная и судебная власти спаяны между собой. Когда Зия в сентябре 1978 года направился в паломничество в Мекку, Анвар уль-Хак был приведен к присяге как исполняющий обязанности президента. Между офисами обоих уль-Хаков действовала горячая телефонная линия.

Подтверждение предрешенности решения Верховного суда я получила через несколько лет, в изгнании, из уст одного из бывших верховных судей. Сафдар Шах рассказал, что Анвар уль-Хак в доверительном «инструктаже» заявил ему во время рассмотрения апелляции отца: «Конечно, причастность Бхутто к этому заговору — полная чушь. Но Бхутто следует устранить ради спасения страны. Или он погибнет, или Пакистану конец». Несмотря на оказанное на него давление, Сафдар Шах проголосовал за оправдание отца и поплатился за это. Его преследовали и вынудили эмигрировать. Во время слушаний, однако, и Зия, и Анвар уль-Хак продолжали утверждать, что дело отца подвергается независимой судебной оценке. «Наши глаза и уши открыты истине», — высокопарно заявлял Анвар уль-Хак.

Что мы могли сделать? Генералы контролировали суды, армию, газеты, телевидение. Они выпустили еще одну «Белую книгу», заполненную фальшивками, пятнающими репутацию отца. Книгу отпечатали на четырех языках и распределили по иностранным посольствам. Обвинитель отца Раза Касури разъезжал по Европе и Америке, останавливаясь в дорогих отелях и проводя пресс-конференции, восхваляя «справедливое воздаяние», которое мой отец получает в Пакистанском суде. Касури утверждал, что оплачивает путевые расходы сам, но, согласно финансовым отчетам, которые он, как и все другие члены ПНП, включая бывших, обязан был предъявлять контрольным органам, у него не было на это средств. Из какого источника в этом случае получал он деньги, если не от военного режима?

— Тебе нужно съездить на границу, — сказал отец в сентябре. — Нужно морально поддерживать людей. Возьми мою кепку Мао. Она в гардеробной дома на Клифтон. Вы ступай в ней, а потом снимай и клади наземь. И говори: «Отец мой сказал, что шапка его всегда будет у ног народа».

Слушала я его внимательно, но не переставала беспокоиться о его здоровье. Он с каждым разом выглядел все изможденнее.

Десны покраснели, видно было, что полость рта инфицирована. Часто его бил озноб. Мы с мамой всегда приносили ему бутерброды с курятиной и пытались заставить его есть. Заворачивали их во влажную ткань, чтобы сохранить свежими и мягкими.

Но отец не думал о еде. Он использовал время для инструктажа, он учил, что и как следует говорить.

— Военное положение не устранит злободневности вопросов автономии. Напомни людям, что я демократическими средствами дал им веру в объединенный Пакистан.

И только возвращение к демократии удержит страну от развала.

Когда я уходила, лицо его выглядело озабоченным.

—Пинки, не хочу подвергать тебя опасности. Тебя могут арестовать, от них всего можно ожидать. Эта проблема мучает меня с самого начала. Но я думаю и о других, арестованных, гниющих в тюрьмах, исхлестанных и пытаемых за наше дело...

—Папа, прошу тебя... Я понимаю твое беспокойство, заботу отца о дочери. Но ты для меня больше чем отец. Ты мой политический вождь, такой же, как для других наших сторонников, рискующих жизнью за наше дело.

—Соблюдай осторожность, Пинки. Имей в виду, ты отправляешься в племенные земли. Не забывай, насколько они консервативны. В ораторском пылу ты иногда роняешь с головы *dupatty* — не забывай тут же вернуть ее обратно.

—Обязательно, папа.

—Всего наилучшего, Пинки.

Северо-Западная пограничная провинция, и территории ее племен граничат с Афганистаном на западе и с Китаем на севере. Туда со мной отправилась Виктория. Поехала с нами и Ясмин — смелый поступок совсем еще юной девушки, выросшей в тесном кругу семьи, под защитой строгих исламских законов. Однажды она заночевала у меня в отеле, допоздна задержавшись за срочной работой. Бабушка ее долго колебалась, прежде чем это позволила, и не из-за военных, а из-за неслыханности такого происшествия — чтобы незамужняя женщина ночевала вне дома!

Но Ниязи, как и многие другие семьи, с отвращением воспринимали тиранию военного режима. Люди, ранее не интересовавшиеся политикой, не могли оставаться в стороне. Сознавая, чем это им грозило, Ниязи настояли, чтобы я остановилась у них, в семейной атмосфере, вместо холодной анонимности отеля. Это навлекло на них немилость режима. Доктором Ниязи заинтересовались налоговые органы. Перед его домом всегда дежурили военные автомобили,

сопровождавшие госпожу Ниязи на рынок и его детей в школу. Военная разведка донимала пациентов Ниязи и свела его практику почти к нулю.

Сопровождаемые местным руководством ПНП, мы поехали в Мардан, когда-то центр буддийской цивилизации Гандхаран, посетили Абботабад, бывший британский укрепленный пункт, Пешавар, столицу Северо-Западной провинции, охряные кирпичные стены которой в течение веков выстаивали против натиска завоевателей из Центральной Азии. Слова без усилия истекали из моего сердца на каждой остановке на территории провинции и в автономных племенных областях, живущих по строгому кодексу патанов, требующему мести за каждое оскорбление и радушного гостеприимства.

—Для патанов честь — не пустое слово. Мой отец борется не только за свою честь, но и за честь страны, — взывала я к слушателям, черты лиц которых напоминали мне рельеф высившихся неподалеку гор Хайберского перевала. Мы посетили Сват, где склоны бороздят зеленые террасы рисовых делянок, Кохат, в котором ветер бросает в лицо едкую соляную пыль с непроходимых солончаков. Говорила я на урду, не зная местного языка пушту, но патаны все равно внимательно слушали. Не встречала я и недоверия из-за того, что я женщина, даже в местностях, славящихся строгой охраной своих женщин. Страдания страны, страдания моей семьи преодолели половой барьер. *«Раша, раша,* Беназир, *раша*\ — Добро пожаловать, Беназир!» — кричали мне люди.

—Браво! — приветствовал меня отец, стоя на пороге своей камеры и аплодируя, когда я пришла к нему по возвращении с северо-запада и перед отправлением в Пенджаб.

Сотни активистов ПНП собрались, чтобы послушать меня, в доме одного из членов партийного руководства в Лахоре. Несмотря на угрозу суровых репрессий, люди проявляли решимость и настоящий энтузиазм. «Суд несправедливый. Мы можем протестовать, провоцируя арест, — говорили мне. — Зия должен будет арестовать всех, прежде чем утвердит приговор». Много народу собралось и в Саргодхе, где сильны позиции крупных землевладельцев. Темп движения нарастал, и режим отреагировал усилением репрессий. После моего отъезда из Саргодхи военные арестовали десятки человек, среди них и хозяина дома, в котором я остановилась. Единственная вина этого человека в том и состояла, что я остановилась в его доме. Он поплатился за это годом заключения строгого режима и штрафом в 100 тысяч рупий, или в 10 тысяч долларов.

«Они психуют. Не езди в Мултан, выжди немного», —

предостерегали одни партийные активисты в Лахоре. «Мы как раз набрали скорость, нельзя останавливаться, — возражали другие. — Пусть даже за счет нашего ареста». «Если сейчас выждать, выдержать тактическую паузу, потом можно добиться большего, — настаивали первые. — Мы сможем посетить больше мест и достучаться до большего количества народу». Спорили бурно, но в конце концов вторая тактика победила, и я ненадолго вернулась в Карачи, чтобы отбить новые придирки военного режима.

Тем временем преданность людей демократии начала проявляться новым, необычным способом. Один за другим люди в разных городах принялись сжигать себя заживо в знак последней меры протеста против судебной травли их вождя. Глядя на их фото в «Мусават», я вздрогнула: с двумя из них я встречалась. Один, Азиз, пришел ко мне в отель «Флэшман» с простой просьбой: сфотографироваться вместе с ним. Помню, я тогда очень устала, но все же согласилась. И вот каким образом он отблагодарил меня за эту мелкую услугу!

Другой, христианин по имени Первез Якуб, — именно он положил начало этой серии самосожжений — пришел ко мне сразу после ареста отца в сентябре 1977 года с отчаянным предложением. Он собирался захватить самолет и держать пассажиров заложниками, пока военные не согласятся выпустить отца. «Ни в коем случае, — сказала я ему. — Невинные люди не должны подвергаться опасности. Кроме того, мы поставим себя на одну доску с этими преступниками и палачами в военной форме. Мы должны бороться по своим правилам, и не опускаться до их грязных методов». И вот он изменил метод борьбы. Он сжег себя в Лахоре.

Первеза могли спасти, толпа бросилась к нему, чтобы сбить пламя, но военные не позволили никому подойти к живому факелу. Они хотели, чтобы всех напугала эта мучительная агония, хотели застращать народ. Но накал страстей лишь усилился. В течение последующих недель еще пять человек обрекли себя на смерть, чтобы ценой своей жизни спасти жизнь избранного ими премьер-министра.

«Военные правители утверждают, что люди, совершившие самосожжение, куплены нашей партией, — писала я в тезисах для выступления в Мултане. — Есть ли цена человеческой жизни? Нет. Эти храбрые люди были идеалистами, ценившими верность идеалам демократии и свои принципы выше жизни. Мы преклоняемся перед ними». Эту речь мне не пришлось произнести.

4 октября 1978 года, аэропорт Мултана.

Вылет из Карачи в Мултан оттягивался снова и снова. Я

прибыла в аэропорт в сопровождении Ясмин в семь утра. Взлетели аж в полдень. Прибыв в Мултан, поняли причину задержки. Вместо того чтобы вырулить к терминалу, самолет подкатил к краю летного поля, и его мгновенно окружили армейские автомобили. На борт взобрались двое в штатском.

—Где сидит мисс Беназир Бхутто? Стюард указал на меня.

—Пройдемте! — приказали они.

—На каком основании?

—Не задавайте вопросов.

Мы с Ясмин спустились на бетон летного поля и увидели рядом маленький самолет.

— Вы в «цессну», — приказали мне эти в штатском, — а она останется здесь.

Я глянула на Ясмин. Глаза ее расширились от ужаса. Молодая девушка, почти ребенок, одна в чужом городе... Бог знает, что с ней тут случится. «Собаки!» — вопят фундаменталисты и их униформированные покровители, видя женщин, покинувших святилище домашнего очага, чтобы принять участие в демонстрациях против ареста моего отца, против ареста моей матери, против ареста собственных мужей и сыновей, даже — и все чаще — дочерей. Ясмин также переживает за меня. Нет, вдвоем вернее.

—Без нее никуда не пойду, — заявляю я.

—Живо в самолет!

—Нет! — и я вцепилась в руку Ясмин. Невероятно, но они схватили меня и поволокли.

—Держись, Ясмин! — ору я.

Вопит и Ясмин, мы крепко сцепились, не разорвать. Пассажиры самолета с ужасом прилипли к иллюминаторам и к распахнутой двери. Нас пытаются растащить, мой *шаль-вар* лопается, нога расцарапана, кровавит бетонное покрытие летного поля, но мы не сдаемся.

Полицейские, опасаясь переусердствовать, решили запросить «дальнейших указаний», как они обычно делают в таких ситуациях. Потрескивают и попискивают их рации, ведутся переговоры, а мы пользуемся замешательством и вместе прыгаем в распахнутую дверь четырехместной «цессны». Тут встревает пилот и сообщает полицейским, что если они еще час провозятся, то сгустятся сумерки, а машина его для ночных полетов не предназначена. Полетов... Куда этот полет?

Командующий Мултанским корпусом затруднению вовсе не обрадовался, однако разрешил полицейским отпустить нас обеих. Но пилот не торопится на взлет.

—Я с семи утра ни крошки и ни капли во рту не держал, —

задушевно сообщил он полицейским. Те мгновенно обеспечили его ланч-подносом с самолета, и мы наконец взлетаем. Уже в воздухе пилот повернулся к нам. Он слышал мое требование воды, которое начальство игнорировало, и вручает поднос нам.

—Я им наврал. На самом-то деле я весьма плотно пообедал. Это вам.

Прошло пять часов, и мы снова приземлились в Равалпинди. Я узнаю, что это Пинди лишь по знакомой физиономии одного из аэропортовских полицейских, встречающих самолет. Слава Богу, Ясмин дома. Покидая самолет, вижу озабоченные глаза пилота. «Я синдхи», — негромко произнес он. И все. И этого достаточно.

Мать в первый момент обрадовалась, увидев меня в доме, где ее держали взаперти уже десятый месяц.

— Какой сюрприз... — начала она и тут же все поняла, увидев, в каком я виде: рваная одежда, исцарапанные ноги... Радость сменилась озабоченностью. Вновь мы обе под арестом.

Я написала письмо брату Миру в Америку, куда он отправился, чтобы привлечь внимание ООН и призвать эту международную организацию усилить давление на пакистанский режим.

«Папа попросил меня кое-что тебе передать, не в порядке критики, а в качестве добрых советов. Итак, по порядку:

1. «Жена Цезаря выше подозрений». Здешняя пресса расписывает, как вы там роскошествуете, ведете разгульную жизнь. Папа понимает, что это не так, но попросил меня напомнить, чтобы вы вели себя осмотрительнее. Никаких походов в кино, никаких экстравагантностей, чтобы люди не могли сказать, что вы там бонвиванствуете, в то время как отец гниет в тюрьме.

2. Никаких интервью Индии и Израилю, и вообще держитесь от них подальше. Твое интервью индийской газете здесь постарались истолковать как акт предательства...»

И далее в таком же духе. Разумеется, мне не хотелось выписывать Миру такие наставления. Я знала, что он упорно работает. Он продал мой маленький MGB и использовал деньги на издание в Лондоне разоблачительных брошюр к процессу отца. Он встречался со всеми министрами иностранных дел, до которых мог добраться, организовывал демонстрации протеста пакистанской общины в Лондоне в защиту отца и за отмену смертного приговора. Конечно, мне хотелось вести борьбу вместе с братьями, но ни Мир, ни Шах, оба оставившие учебу, чтобы сражаться за освобождение отца, не могли ступить на пакистанскую землю, их бы тут же арестовали. Приходилось бороться вдали друг от друга.

* * *

18 декабря 1978 года. Верховный суд. Равалпинди.

Зал суда забит до отказа, люди стремятся хотя бы бросить взгляд на своего премьер-министра. После долгой борьбы отец и его адвокаты добились для подсудимого права выступить перед Верховным судом в качестве собственного защитника. В помещение, предназначенное для сотни человек, набилось от трехсот до четырехсот. В течение трех или четырех дней они готовы сидеть на радиаторах, жаться в проходах; забито и обычно свободное пространство перед судейским подиумом. Тысячи тех, кому проникнуть в суд не удалось, теснятся снаружи, перед полицейским заслоном, чтобы увидеть, как отца в девять утра доставят из тюрьмы и в полдень увезут обратно.

Конечно, я рвалась туда, но мою просьбу о посещении суда отклонили. Однако мать, освобожденная из-под ареста в ноябре, после почти года содержания под арестом, смогла туда попасть. Как-то сумел добиться пропуска в зал суда и Урс, слуга отца. Попали туда госпожа Ниязи и Ясмин, а также Виктория и Амина. Виктория позже написала книгу о мучениях отца под названием «Бхутто: процесс и казнь». Ее следовало бы назвать «Судебное убийство».

Мать определила выступление отца как блестящее. Свыше четырех дней, отведенных ему судом, он опровергал выдвинутые против него обвинения в организации заговора с целью убийства, выявлял нестыковки и противоречия в показаниях так называемых «свидетелей» в лахорском процессе. Он опроверг утверждения, что он «мусульманин только по названию», что он лично манипулировал результатами выборов. «Я не могу нести ответственность за мысли и умыслы каждого официального и неофициального лица в нашей плодородной долине Инда», — сказал он. В ходе выступления он не пользовался никакими бумажками, тезисами, как обычно, сверкая интеллектом и полностью овладев вниманием аудитории.

«Все живущие на свете должны его покинуть, таков непреложный закон жизни. Я не цепляюсь за жизнь как таковую, но требую справедливости… Вопрос даже не в том, что я настаиваю на своей невиновности, вопрос в том, что обвинение должно доказать свои доводы в пределах хоть какого-то правдоподобия. Я требую признания себя невиновным не ради личности Зульфикара Али Бхутто, но в целях высших соображений, чтобы избежать гротескной пародии на правосудие. Этот процесс затмевает дело Дрейфуса.

Поведение отца еще более поразительно, если учесть, в каких условиях он существовал в тюрьме. Ему не давали спать по

ночам. Он не видел солнца более полугода, двадцать пять дней ему не давали свежей воды. Бледный и слабый, он, казалось, становился сильнее с каждым произнесенным им словом. «Голова слегка кружится, — признался он в зале суда. — Не могу привыкнуть к пространству, к движению, к народу. — Он оглядел зал и улыбнулся. — Приятно видеть людей».

Присутствующие в зале суда вставали, когда он появлялся и когда его уводили. Он настоял, чтобы ему разрешили выступать в суде в своем обычном виде, одетым безупречно, как и положено премьер-министру Пакистана. Урс доставил ему одежду с Клифтон, 70, и он появился в зале в сшитом на заказ костюме, в шелковой рубашке и при галстуке, с цветным платочком в нагрудном карманчике. По тому, как сидел на нем костюм, видно было, насколько он исхудал.

Сначала ему разрешили войти в зал самостоятельно и пройти к своему месту по центральному проходу. Но теплая реакция зала, стремление людей пожать руку своему премьеру, прикоснуться к нему, обменяться улыбкой заставили окружить его живым барьером. Вокруг отца образовалось кольцо из шестерых сцепившихся руками агентов, проводивших его на место и обратно к выходу.

23 декабря слушание завершилось. Мы с матерью подали заявление на свидание на 25-е, день рождения основателя Пакистана Мохаммеда Али Джинны, но нам отказали.

Не разрешили свидание ни в Новый год, ни пятью днями позже, в его 51-й день рождения.

6 февраля 1979 года Верховный суд четырьмя голосами против трех оставил смертный приговор в силе.

Мы с матерью узнали о решении суда в одиннадцать утра, почти сразу после его объявления. Мы ждали чуда от подтасованного Зией состава суда, но четверка судей из Пенджаба, гнезда пакистанской военщины, — двое из них назначены специально для данного случая и впоследствии оставлены в составе Верховного суда в награду за примерное исполнение задания — проголосовала за подтверждение приговора низшей инстанции. Против голосовали трое судей из провинций меньшинств. Реальность смертного приговора схватила меня за горло.

Вторник, мать как раз собиралась в тюрьму на свидание с отцом, когда прибыли военные с приказом о ее аресте. Но она не стала их слушать. Оставив ошеломленных офицеров с разинутыми ртами, она выбежала во двор и прыгнула в свою машину, мощный «ягуар».

— Открывайте ворота! — крикнула она полицейским,

выставленным стеречь меня после полета в Мултан.

Не зная об изменении ситуации, полицейские послушались, и машина матери рванулась вперед. На высокой скорости мать полетела к Центральной тюрьме Равалпинди, оставив далеко позади преследующие ее армейские джипы. Поскольку в тюрьме ее ожидали, то и пропустили без задержки.

Она прошла одни стальные ворота, другие. Она торопилась, стремясь опередить военных, пока приказ о ее аресте не дошел до администрации тюрьмы. Внутренний двор тюрьмы, армейские палатки, вооруженные солдаты... Наконец открылась последняя дверь.

Отец в камере смертников.

— Апелляцию отклонили, — успела она сказать отцу, прежде чем ее настигли тюремные чиновники и армейские офицеры.

Вернулась домой она поразительно спокойной.

— Успела, — сказала она мне. — Я не хотела доставить этим извращенцам удовольствия сказать отцу о приговоре.

Снова мы обе взаперти. И на апелляцию всего неделя.

В отеле «Флэшман» адвокаты работают от зари до зари. Они запросили четыре копии полутора тысяч страниц решения Верховного суда и свыше восьмисот страниц писанины Анвара уль-Хака, но получили лишь одну. Поставили секретаря копировать. Не успел он сделать и половины работы, как его самого и собственника фотокопировального аппарата арестовали.

Защита каким-то образом добыла еще один фотокопир и доставила его во «Флэшман». Большой риск. С начала года военные резко ограничили продажу пишущих машинок и копировальной техники, чтобы ПНП или иная политическая организация не могли распространять «антигосударственную» печатную продукцию. Любой, продавший нам копировальное устройство, подлежал аресту.

Адвокаты работали, а мы с матерью сидели взаперти, в мучительном бездействии. После решения Верховного суда по стране прокатилась новая волна арестов. Школы и университеты закрылись. Зия применил превентивное насилие, стремясь задавить любое волнение, прежде чем оно возникло.

Репрессии военного режима приносили плоды. Когда над людьми нависает угроза, они как будто немеют. В бездействии, в молчании безопасность. Людьми овладевает апатия. Никто не хочет стать следующий жертвой.

Но мне это не дано. Надвигающаяся смерть отца давит на меня. Глядя в зеркало, я не узнаю себя. Лицо от переживаний пошло красными пятнами. Похудела так, что выступают брови, челюсти, подбородок; торчит нос. Щеки впалые, кожа натянута.

Пытаюсь каждое утро бегать по двору, но вдруг теряюсь и замираю, как будто забыв, чем занималась. Сон от меня бежит. Мать дает валиум. Принимаю два миллиграмма, но толку никакого. Продолжаю просыпаться, мысли путаются.

—Попробуй ативан, — советует мать.

—Хоть плачь. Пробую могадон. Не помогает.

12 февраля 1979 года, полицейский лагерь Сихала.

С утра нам с матерью объявлено, что нас переводят в учебный лагерь полиции в нескольких милях от тюрьмы отца в Равалпинди. Нас разместили в обособленно торчавшем на вершине холма здании, окруженном забором из колючей проволоки. Здесь нас ждали голые стены. Ни пищи, ни одеял. Двое из наших слуг из Аль-Муртазы, Ибрагим и Башир, каждый день привозили нам пищу из города.

В пять часов утра 13 февраля адвокаты завершили работу над петицией, как раз уложившись в срок. Суд согласился на отсрочку казни на период рассмотрения петиции. 24 февраля началось ее рассмотрение. Военных правителей Пакистана затопила новая волна просьб о помиловании. «Политики все, как один, просят за своего коллегу-политика, но мало кого из неполитиков слышно», — презрительно проронил Зия, отметая просьбы глав государств как «клановую солидарность».

В начале марта я посетила отца из Сихалы. Как только он выдерживал! Он отказался от всякой медицинской помощи со дня подтверждения смертного приговора, прекратил прием лекарств. Он отказался также от приема пищи, и не только из-за боли в воспаленных деснах, но и в знак протеста против несправедливого обхождения с ним. Его держали теперь взаперти в одной камере, а в туалет выводили.

Как обычно, я с нетерпением ждала встречи с ним, особенно потому, что приготовила ему сюрприз. Перед последним своим арестом мать съездила в Карачи и привезла оттуда отцовскую собаку Хэппи, чтобы хоть слегка развеять тоску заточения. Я очень любила Хэппи. Мы все любили эту пушистую белую полукровку, подаренную моей сестрой отцу.

— Теперь помалкивай, — шепнула я Хэппи перед входом в тюрьму, спрятав его под полой.

Перед первым барьером в помещении для обыска я с облегчением обнаружила, что комендант тюрьмы отсутствует. Не было и полковника Рафи, командира расквартированных в тюремном дворе солдат. Тот тоже обычно внимательно следил за всем происходившим вокруг. Мы с Хэппи двинулись ко второму барьеру. К счастью, надзирательницы разом заулыбались, увидев собаку.

— Собак обыскивать у меня нет приказа, — сказала мне женщина, обшаривая меня в поисках неведомо чего недозволенного.

Мы с Хэппи вошли в тюремный двор.

—Ищи, ищи, — шепнула я Хэппи, выпуская его из рук. Пес понесся по двору, от двери к двери, и вот уже возбужденно затявкал у решетки камеры отца.

—Собаки более верные существа, чем люди, — сказал отец, когда я подошла к ним.

Начальство, разумеется, разозлилось, когда узнало о визите собаки, и на дальнейшее «такие фокусы» запретило. Но я смогла доставить отцу маленькое удовольствие, напомнила ему о нормальной жизни нормальной семьи: отец, мать и четверо детей в доме, собаки и кошки в саду.

В течение первых недель марта наши юристы затопили суд заявлениями с обоснованиями необходимости пересмотра дела. Они валились с ног от усталости. Включив однажды радио в Сихале, мы услышали, что Гулям Али Мемон, член команды адвокатов отца, один из наиболее авторитетных юристов Пакистана, скоропостижно скончался за своим рабочим столом в гостинице «Флэшман». Не выдержало сердце. Еще одна жертва военного режима. Он диктовал очередное послание в Верховный суд, как вдруг прервал его восклицанием: «Аллах! Йа Аллах!» — и умер. Что тут сказать? Мы молча выключили приемник.

23 марта, в годовщину провозглашения основателем Пакистана Мохаммедом Али Джинной независимого исламского государства, Зия объявил, что на осень назначает выборы. На следующий день Верховный суд объявил о своем решении. Хотя петиция отца отклонялась, суд единогласно рекомендовал заменить смертную казнь пожизненным заключением. Снова забрезжила надежда. Теперь решение должен был принять Зия.

Семь дней. Осталось семь дней, в течение которых еще можно убедить Зию не убивать отца. Казалось бы, причин для помилования предостаточно. Решение суда не единогласное, четыре к трем, — почти поровну разделились голоса судей. Такое решение никогда еще в Пакистане не оборачивалось смертью осужденного. Ни одно правительство за всю историю юриспруденции не отказывалось удовлетворить единогласную рекомендацию высшего суда страны по отмене смертного приговора. И никто за всю историю субконтинента не приговаривался к смерти за организацию заговора с целью убийства.

Снова возросло давления из-за границы. Премьер-министр Великобритании Каллагэн обратился к Зие в третий раз.

Саудовская Аравия, оплот фундаменталистов, вступилась за отца. Даже президент Картер в этот раз прислал соответствующее письмо. Но Зия молчал. Время истекало.

Дату казни никто не назначал, и народ надеялся. Никто не хотел верить в то, что отец знал с самого начала, все верили в силу рекомендации Верховного суда и в многочисленные заверения Зии мусульманским правительствам, что он заменит смерть пожизненным заключением. Зия дал знать, что прошение отца и его семьи предоставит ему возможность спасти лицо и отменить казнь. Но отец, давно уже принявший мысль о смерти, отказался. «Невинному не подобает просить снисхождения за преступление, которого он не совершал». И отец запретил нам подавать прошение о помиловании. Его старшая сестра, одна из моих хайдарабадских теток, нарушила его запрет и все же привезла свою петицию, отдала ее у ворот дома диктатора за час до истечения срока. Но Зия продолжал хранить молчание.

Обстановка складывалась зловещая. Из камеры отца в тюрьме Равалпинди удалили вообще всю мебель, постель его теперь лежала на полу. Отобрали бритву, и обычно тщательно выбритые щеки отца покрылись седой щетиной. Отец очень ослаб, разумеется, он был не здоров.

В Сихале я получила очередной ордер на продление ареста на основании того, что я могу «заняться подрывной агитацией в попытке добиться освобождения отца и смутить мир и спокойствие, затруднить работу военной администрации».

Никто не знал, чего ожидать. Неужели Зия пренебрежет мировым общественным мнением и рекомендациями собственного Верховного суда? Если так, то когда?.. Ответ стал ясен 3 апреля, когда нас привезли на последнее свидание.

—Ясмин! Ясмин! Они убьют его сегодня!

— Амина! Ты тоже здесь... Сегодня! Сегодня! Адвокаты составили еще одну апелляцию на пересмотр дела. Амина и Хафиз Лахо, один из адвокатов отца, полетели в Карачи, чтобы передать ее в суд. Канцелярия отказалась принять документ, регистратор посоветовал обратиться непосредственно к судьям, которые тоже уклонились от ответственности. Один из судей тайком выскользнул из здания, чтобы с ними не встретиться. Амина и господин Лахо отправились к дому главного судьи, но тот отказался их принять. Им пришлось вернуться в Исламабад ни с чем.

Третье апреля 1979 года.

Тик-так... Военные блокируют наше семейное кладбище, перекрывают дороги на Гархи-Худа-Бахш. Тик-так... Амина направляется из аэропорта в дом Ниязи, не желая оставаться в одиночестве. Тик-так... «Сегодня...» — снова и снова повторяет в телефонную трубку доктор Ниязи. Ясмин и Амина лежат без сна в притихшем доме. Тик-так...

Ранним утром из ворот Центральной тюрьмы Равалпинди выезжает армейский грузовик. Вскоре после этого Ясмин слышит над Исламабадом гул небольшого самолета. Она убеждает себя, что это самолет одного из арабских лидеров, что он вывозит моего отца из страны, в безопасность изгнания. Но этот самолет несет тело моего отца домой, в Ларкану.

7

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ АЛЬ-МУРТАЗЫ: ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Близится 4 апреля 1980 года. Первая годовщина со дня казни отца. Люди направляются мимо Аль-Муртазы к могиле отца в Гархи-Худа-Бахш. Шестой месяц нашего очередного ареста, и мы с матерью подаем заявление с просьбой разрешить посещение могилы отца, прекрасно зная, что нашу просьбу отклонят. Режим по-прежнему боится любых проявлений симпатии к памяти отца, к его партии. Дороги, ведущие к нашему кладбищу, перекрыты за сотню миль от него.

Несмотря на все свои пушки и пулеметы, Зия продолжает трястись перед именем отца. При жизни Зульфикара Али Бхутто уважали как государственного и общественного деятеля, как мудрого провидца. Но убийство сделало из него мученика, в глазах некоторых даже святого, а в мусульманской стране это могучая сила.

Потекли слухи о чудесах, происходящих у места захоронения отца. Мальчик-калека вдруг пошел. Бесплодная женщина родила здорового сына. К могиле отца весь год тянулись паломники, ее

посетили тысячи людей, молящиеся клали на язык увядший лепесток с могилы или песчинку, произнося заветные слова. Местный военный администратор приказал снести дорожные указатели к затерянному в пустыне кладбищу, но народ находил дорогу без дорожных знаков.

Полицейские и армейские патрули запугивали людей, записывали их имена, номера автомобилей, адреса пришедших пешком. У них отнимали еду, разбивали кувшины с водой, оставляемые для них крестьянами. Но люди шли и шли, оставляя на могиле отца его фотоснимки в рамочках, гирлянды роз и ноготков.

Через восемь дней после годовщины смерти отца в Карачи состоялось наконец заседание суда, рассматривающего наше содержание под стражей. Когда наш адвокат упомянул письмо, в котором я протестовала против недостойного поведения капитана Ифтикара во время неудавшегося визита Санам за месяц до того, суд заявляет, что о письме таком ничего не знает. Но у меня осталась расписка, и адвокат требует отсрочки на день, чтобы предъявить суду эту расписку. Утаить письмо, направленное в суд, — за это полагается до полугода заключения. Они знают, что у меня есть доказательство. Им не хочется, чтобы это доказательство увидело свет.

Этим же вечером нас с матерью вдруг освободили. Капитана Ифтикара я больше не видела. Слышала, что по головке его за промах не погладили, что его вместо очередного повышения в звании назначили на какой-то «штрафной пост».

Свобода. Надолго ли. После освобождения мать осталась в Карачи, а я полетела в Равалпинди, чтобы наверстать упущенное за полгода изоляции. Ухо болезненно реагирует на перепады давления при полете, особенно при приземлении в Пинди. Проснувшись на следующее утро в доме Ясмин, я обнаружила, что подушка испачкана зловонным гноем и кровью. Друзья мгновенно доставили меня в больницу.

— Вам очень повезло, — утешает меня врач скорой помощи, очистив ухо. — Давление воздуха в самолете вызвало разрушение гнойника наружу. Если бы он открылся внутрь, все было бы гораздо хуже.

Я не знала, что и подумать. Сначала врач в Аль-Муртазе, доставленный военными, врет мне, что я вообразила боли в ухе, затем обвиняет в том, что я сама себе его проткнула. Теперь этот врач, заверив меня, что я счастливица, просто советует проверяться каждые две недели в Карачи. Они ничего не понимают в медицине или просто им на меня наплевать? Ни один не сказал мне, что у меня мастоидная инфекция, что медленно

разрушается нежная костная ткань среднего уха, что я могу частично оглохнуть. Позже я узнала, что без операции хроническое воспаление может привести к постоянной утрате слуха и параличу лицевых мышц. Но тогда мне ничего этого не сказали.

Мать, когда я вернулась в Карачи, очень обеспокоилась.

— Напиши *этим,* попроси разрешения уехать для лечения за границу. Здоровье вне политики.

Я написала *этим.* Письмо осталось без ответа. *Эти* предпочитали, чтобы я оставалась там, где за мною легче присматривать.

Фургоны военной разведки постоянно торчали возле нашего дома в Карачи. Когда я или мать покидали дом, они следовали за нами. Каждого, кто к нам прибывал, фотографировали, записывали регистрационные номера автомобилей. Телефоны прослушивались, в них постоянно слышались щелчки. Иногда их отключали.

— Почему бы тебе не съездить в Ларкану? Надо бы про верить, как там дела, как ведется хозяйство, — сказала как- то мать, когда я оправилась. — Вот уже два года никто из семьи не имел возможности заглянуть в наши счета.

Когда я окунулась в книги учета, мне показалось, что мне снова восемь лет, что я снова сижу на кухне с Бабу и пытаюсь свести потраченные рупии с приобретенными товарами. Но это весьма приземленное занятие оказалось полезным средством, отвлекающим мои мысли от бесплодных метаний. Каждое утро, до того как жара стала невыносимой, усевшись в джип, я объезжала плантации гуайявы, рисовые поля, заросли сахарного тростника, знакомилась с кругом новых обязанностей. В кроссовках и с платком или соломенной шляпой на голове для защиты от палящего солнца я знакомилась с системой ирригации, с каналами и колодцами, с летними посадками риса и хлопка, с проблемами заболачивания и засоления почв в натуре и читая о них. Эти занятия оказались действенным лекарством.

Фермеры-арендаторы, *ксшдары* (управляющие), *мунши* (учетчики-бухгалтеры) встречали меня с энтузиазмом.

«Хозяйский шаг золото чеканит, — говорили мне. — Теперь мы не чувствуем больше себя сиротами».

Мне очень нравилась эта работа, хотя странное ощущение не оставляло меня: встречалась я исключительно с мужчинами. Женщины в сельских местностях крайне консервативны, редко покидают дом без темных *бурка,* и уж ни в коем случае не увидишь их за рулем автомобиля. Но у меня не оставалось выбора. Мужчин наших в Пакистане не осталось. Отец убит,

братья в Афганистане, они не могут ступить на землю родины, их немедленно арестуют. И поэтому я с утра ношусь по полям. В жизни нашей семьи не остается места традициям.

Я, можно сказать, перешагнула границу между полами. Обстоятельства, вынудившие меня сделать это, общеизвестны. Обычно молодые женщины в семьях землевладельцев сидят взаперти, дома, а если и покидают его, то лишь в сопровождении кого-либо из мужчин семейства. Наша традиция почитает женщину как гордость семьи, и хранит ее, как и полагается хранить сокровище, в женской части дома, в *пурда,* за стенами и занавесями.

Мои четыре тетки, дочери деда от первого брака, выросли именно в этой традиции. Подходящих женихов-кузенов им не нашлось, и пришлось им скучать в своей обширной и комфортной *пурда* в Хайдарабаде. В семье они пользовались авторитетом и уважением. Все понимали их положение, понимали, почему они остались незамужними. Не зная иной жизни, они казались вполне довольными жизнью. «Лица их не бороздят морщины озабоченности», — изрекала мать, вернувшись от них.

Скучной их жизнь казалась мне, но не им самим. Они выучились арабскому, читали Священный Коран, надзирали за кухней, мариновали овощи и колдовали над сластями, шили и вязали, гуляли в обширном своем саду. Иной раз торговцы оставляли у их дверей рулоны тканей или иные товары, давая возможность выбрать. Они принадлежали к старому поколению, я — к новому.

Вечерами ко мне в Аль-Муртазу приезжали гости, посетители, делегации студентов; привозили вести от томящихся в застенках и от избежавших ареста, сообщения о сопротивлении режиму. Составлялись списки, кого посетить, кого утешить, кого поддержать. Под моим наблюдением соорудили *шамиану* над могилой отца, чтобы затенить ее. Я занималась и домом, по просьбе матери заменила старые окна с деревянными ставнями на стеклянные. «Прохлада — хорошо, но видеть — лучше, — сказала мать, памятуя о частых отключениях электричества во время нашего вынужденного затворничества в Аль-Муртазе. — Кто знает, когда нас снова там запрут. Лучше подготовиться заранее».

Столкнулась я и еще с одной восточной традицией. Единственная Бхутто в округе, я сразу стала своего рода «старейшиной», и окрестные селяне потянулись ко мне решать свои давние тяжбы и проблемы. Отголоски старых времен, когда глава племени решал все наиболее важные внутриплеменные проблемы, еще звучат в головах этих людей. В сельских

местностях фактически еще существуют старые племена и, соответственно, племенное правосудие. И хотя я вовсе не глава трибы Бхутто, народ потянулся ко мне. Юстиция в Пакистане всегда где-то за тридевять земель, она слишком неповоротлива, медлительна, слишком дорога и считается коррумпированной. Полиция слывет охочей схватить кого попало фактически за выкуп, чтобы только денег побольше получить. Вот народ и склоняется в пользу *фейслы,* суждения своего хозяина. Однако, проведя восемь лет на Западе, я обнаружила, что не слишком хорошо подготовлена к решению специфических местных проблем.

— Его двоюродный брат сорок лет назад убил моего сына, — шамкает однажды утром беззубый старикан, стоя пе редо мной, восседающей на «судейском» гамаке. — *Фейсла* твоего двоюродного дедушки гласила, что он отдает мне первую родившуюся дочь в жены, если она родится. И она родилась. Вот она. А он не отдает ее мне.

Я смотрю на восьмилетнюю девочку, жмущуюся к своему отцу.

— Он ни слова не сказал, когда дочь родилась, как воды в рот набрал, — возражает отец. — Я думал, он простил нас за такое давнее преступление, столько лет ведь прошло! Если бы он сразу сказал, я бы и воспитывал дочь так, чтобы отдать ему. А сейчас ее хочет другая семья. И мы обещали ее другой семье. И теперь нарушать обещание?

Я содрогнулась при мысли, что эта маленькая бедняжка стала предметом торга. Судьба женщины в сельской местности далека от буколической идиллии. Редко кто из них распоряжается своей судьбой. Их никто даже и не спрашивает, чего им самим хочется.

— Получишь вместо девочки корову и 20 тысяч рупий, — сказала я старику. — Сам виноват, надо было сразу заявить, прежде чем ее пообещали другому.

Корова и девочка... Уравнений такого порядка не приходилось решать академическим девам Редклиффа. Но здесь Пакистан. Старикашка оказался моим мудрым решением крайне недоволен.

Но гораздо более катастрофичной оказалась, с моей собственной точки зрения, моя *фейсла* на следующий день.

—Жену украли! — мужчина передо мной в отчаянии. Рядом с ним еще более возбужденный отец украденной жены.

—Небеса пали на головы наши! Жизнь наша пропала! Дети дочери плачут, мамочку зовут. Помогите нам вернуть ее.

Конечно же, я в первую очередь обеспокоилась судьбой украденной женщины.

— Кого-нибудь подозреваете?

Да, они знали, где искать похищенную. Я послала в ту деревню гонцов на переговоры со старейшинами. Молодую женщину вернули. И что же дальше?

«Я не хочу жить с моим мужем! Я люблю другого, — такую весть я получила от нее. — Третий раз я сбежала, и третий раз меня вернули. Я думала, что вы, как женщина, поймете меня...»

Я кляла себя на чем свет стоит. Ведь кому не известно, что единственный способ для женщины покинуть постылого мужа при существующих строгих правилах племенных традиций — фиктивное похищение, фактическое бегство. Не может, не имеет права жена покинуть мужа по собственному желанию. Насколько мне известно, больше этой женщине не удалось сбежать. Не в первый раз я столкнулась с конфликтом между племенными традициями и человеческими ценностями равенства и свободы выбора.

Разница между Пакистаном демократическим и Пакистаном под гнетом военной диктатуры становилась все более разительной. Я провозглашала свои *фейслы* в полях Ларканы, а Зия учредил военные суды в провинциях. Судья и два офицера, не получивших никакой юридической подготовки, распоряжались жизнью и смертью людей. Несправедливость сеяли и многочисленные мобильные суды, где один офицер на месте мог по своему произволу отвесить подозреваемому до года тюрьмы или до пятнадцати ударов. Мои *фейслы* носили рекомендательный характер, спорщики могли ими пренебречь или обратиться в суд, а приговоры военных судов обжалованию не подлежали, никаких адвокатов не предусматривали. Жертвы могли избежать наказания, лишь подкупив «судью» в форме. И такса предусматривалась: 10 000 рупий за удар, около 100 долларов. Петля военного положения все туже затягивалась на горле страны.

Указ военной администрации № 77 от 27 мая 1980 года: юрисдикция гражданских судов в таких правонарушениях, как государственная измена и подрывная деятельность, направленная против вооруженных сил, переходит от гражданских судов к военным. Наказание — смертная казнь через повешение или порка и пожизненное заключение.

Указ военной администрации № 78: подтвержден 12-месячный период задержания без суда и следствия как мера пресечения для политических противников, однако с новым нюансом. Теперь не требуется более никакого обоснования для ареста. «Причины и основания не должны сообщаться задерживаемым», определяется в указе. Срок содержания в

тюрьме или под домашним арестом может продлеваться «по потребности».

Теперь кого угодно можно задержать где угодно без права апелляции, по произвольному поводу, и упрятать за решетку на неопределенно долгий срок.

19 июня в Лахоре вышли на улицу юристы, призывая отменить эти новые указы и вернуться к гражданскому правлению. Восемьдесят шесть юристов избили и арестовали. То же случилось и с двенадцатью другими, арестованными в числе участников демонстрации за восстановление конституции 1973 года. Арестовывали студентов и профсоюзных активистов. Террор военного режима усиливался.

Когда я летом вернулась в Карачи, мать умоляла меня проявлять повышенную осторожность. Но режим не желал рисковать. Когда мы в августе отправились в Лахор на свадьбу наших знакомых, наш отель окружила полиция, и нас тут же выслали из провинции Пенджаб. Полиция под усиленным конвоем доставила нас в аэропорт и усадила в самолет, направляющийся в Карачи.

Становилось ясно, что за три года после переворота Зия так и не смог добиться поддержки населения. Он терял почву под ногами. Политической поддержки у него практически не было, лишь штыки армии. Даже члены ПНА, альянса партий, противостоявших партии отца на выборах 1977 года, ставшие на какое-то время министрами при военном положении, оставляли Зию. Когда через полгода после казни отца Зия разделался с их министерствами и запретил все партии, ПНА оказался в политической пустыне.

В результате вскоре после того, как в октябре 1979 года нас с матерью изолировали в Аль-Муртазе, некоторые фракции ПНА стали зондировать возможность сотрудничества с ПНП в борьбе против Зии. Мы восприняли эти их движения как политическое маневрирование с целью оказания давления на военный режим. «Не хотите нас в министрах, — как бы говорили они диктатору, — тогда мы обратимся к ПНП». И вот, осенью 1980-го их авансы возобновились. На этот раз мы решились подойти к ним серьезно.

Отчаянно пытаясь расширить политическую поддержку режиму, Зия не гнушался взятками. Каждый день приносил новости о «кампании соблазна». Дхоки, сыну одного из бедных лидеров ПНП, работавшему в велосипедной мастерской за несколько рупий в день, предложили 1000 рупий, чтобы он оставил ПНП и примкнул к Мусульманской лиге, фракции ПНА, все еще поддерживавшей военный режим. Столь мощный член ПНП как Гулям Мустафа Джатой, президент Синдха и бывший

главный министр, получил от Зии предложение — и обдумывал его — стать премьер-министром в правительстве военного режима. Возникла реальная опасность оркестрованной режимом политической неразберихи. Население обманным путем пытались уверить, что возможен политический выход из ненавистного военного режима.

— Надо перехитрить Зию, прежде чем он перехитрит нас, — сказала мне мать в сентябре, после того как Джатой получил предложение стать премьер-министром. — Как мне ни претит эта мысль, нам, возможно, следует пожать щупальца, протянутые нам ПНА.

Я ужаснулась:

—Это вызовет бурю возмущения среди рядовых членов партии. Как можно забыть, что ПНА обвинил нас в подтасовке результатов выборов! ПНА расчистил дорогу военным. Они прислуживали Зие, ходили в министрах, когда казнили отца.

—А богат ли у нас выбор? — вздохнула мама. — Вот, пожалуйста, полюбуйся: Джатой. Завтра другие. Если не представляются приятные возможности, приходится выбирать из неприятных.

Мать созвала на секретную встречу более тридцати ведущих членов Центрального исполнительного комитета ПНП. Конечно, мы рисковали, ведь политические собрания попали под запрет. Но если сидеть сложа руки, режим не рухнет. Эта встреча, как и другие, состоялась на Клифтон, 70. Прибыли люди со всех концов страны, даже из северо-западного Приграничья и из Белуджистана. Как и ожидалось, споры разгорелись нешуточные.

—Переговоры с ПНА, с этими убийцами? — вспылил один из активистов из Синдха. — Если сегодня с ними, то завтра, конечно, с самим Зией?

— Но председатель Мао сотрудничал с Чан Кайши, когда японцы напали на Китай, — сослался на исторический прецедент шейх Рашид, наш партийный марксист. — Если он пошел на это в национальных интересах, я не вижу, почему мы не можем сотрудничать с ПНА. Споры продолжались семь часов.

— Конечно, они эгоистичные оппортунисты, — высказалась я. — Но какой у нас выбор? Мы можем или ждать, пока инициатива ускользнет из наших рук, или проглотить горькую пилюлю и захватить инициативу в свои руки. Я предлагаю пойти на компромисс и обдумать некую форму сотрудничества, не поступаясь нашими принципами и оставаясь отдельной партией.

В конце седьмого часа прагматизм восторжествовал и каждый из присутствовавших согласился на контакты с ПНА. Так возникла концепция ДВД, Движения за воссоздание демократии.

— Нет резона нам обеим одновременно оказаться за решеткой, — в который раз повторяет мне мать. — Так что сиди тихо и не высовывайся. Останешься на свободе и сможешь руководить партией.

Мне нечем крыть. Нехотя соглашаюсь. Хотя не могу не чувствовать некоторого облегчения. Разумеется, в пользу образования ДВД можно привести веские доводы, но мне все же неприятно общаться с бывшими врагами отца. Лидерам оппозиции тоже нелегко преодолеть себя и вести переговоры с ПНП. А друг с другом — и того не легче. Все друг друга подозревают, прямых встреч на этапе предварительных переговоров избегают, общаются через курьеров.

Общение осложняется ожесточенными спорами, переходящими в перепалку. То и дело спотыкаемся о несогласие по сути и в формулировках: махинации с выборами 1977 года, смерть отца — «убийство» или «казнь»? Четыре месяца продолжается эта возня, с октября 1980-го по февраль 1981-го, пока вызрел наконец проект соглашения, приемлемый для всех десяти партий.

«Мусульманская лига» Мохаммеда Хана Джунеджо, отобранного Зиею в премьеры, в последний момент изменила свои планы, лидеры остальных партий со своими заместителями наконец решились на первую встречу лицом к лицу. Все собрались вечером 5 февраля 1981 года на Клифтон, 70.

Я оглядела собравшихся, бывших заклятых врагов отца, сидящих в его доме, чтобы заключить политическую сделку с его вдовой, возглавляющей после него Пакистанскую народную партию, и его дочерью. Странная штука — политика. Справа от матери восседает увенчанный своей неизменной феской Насралла Хан, вождь Пакистанской Демократической партии. Напротив меня толстоликий Касури, представитель более умеренной асгархановской ветви «Ге-*хрик-и-Истикляль».* Завешенные бородами лидеры религиозной партии *«Джамаат-улъ-Улема-и-Ислам»* с одной стороны, с другой — Фатехьяб, глава мелкой левацкой группы «Маздур»; на нем белая накрахмаленная *чуридар-курта,* свободная рубаха, прижатая плотно сидящей пижамой. Всего около двух десятков персон, большей частью из бывшей коалиции ПНА. Я пыталась заставить себя сосредоточиться на цели собрания: свергнуть Зию, забыть на время непримиримость позиций, объединить усилия с врагами, чтобы принудить военную диктатуру назначить выборы. Плохо мне это удавалось.

Табачный дым струился вдоль затянутых бархатом стен гостиной, вился вокруг светильников, страсти кипели, дискуссия

затягивалась, пришлось прервать заседание, чтобы продолжить утром. Один из лидеров ПНА принялся было оправдывать свое поведение в избирательной кампании 1977 года.

—Мы собрались для того, чтобы объединить силы в борьбе за демократию, а не для выяснения отношений, — холодно перебила его я.

—Да-да, давайте думать о будущем, отложим прошлые счеты, — спешно вмешался, чтобы разнять нас, Насралла Хан.

Мне все же претило зрелище этих людей, пьющих кофе из фарфора отца, сидящих на его диване, пользующихся его телефоном, чтобы возбужденным голосом оповестить друзей в других городах: «Я на Клифтон, 70. Да, да, в доме господина Бхутто!»

Ясмин, Амина и Самийя утешали меня:

—Они явились сюда к тебе на поклон.

—Это доказательство силы нашей партии!

—Тебе нужна эта коалиция, так что придется с чем-то и смириться.

И я проглатывала готовые сорваться с языка горькие слова, как воздерживались от взаимных обвинений и другие присутствующие. В итоге все подписали Объединительную хартию, и 6 февраля 1981 года увидело свет Движение за воссоздание демократии.

Новость о создании движения, облетевшая весь мир на волнах Би-би-си, всколыхнула Пакистан, встряхнула людей. Многие истолковали это событие как сигнал к проявлению своего недовольства режимом. Первыми вышли на улицы студенты Граничной провинции. Нас с матерью тут же удостоили приказом «о непосещении», чтобы не дать позаботиться о раненых.

Волнения быстро перекинулись на Синдх и Пенджаб, где к движению присоединились преподаватели высшей школы, юристы и врачи. Вспыхнули студенческие волнения в Мултане, Бахвалпуре, Шейкупуре, Кветте. «Хвала Аллаху за ДВД, — отваживались шептать таксисты, лавочники и лоточники. — Кончается Зия». Повар наш вернулся с базара «Эмпресс маркет» в Карачи с известием, что даже мясники готовы бастовать по призыву ДВД.

Зия понимал, что попал в тупик. Он закрыл университеты по всему Пакистану и запретил скапливаться группами более пяти человек. Но демонстрации продолжались. Журнал «Тайм» определил их как «наиболее серьезную волну сопротивления, которую встретил генерал Зия».

27 февраля в Лахоре предстояла секретная встреча лидеров ДВД. Зия отреагировал, арестовав многих лидеров движения 21-

го. Остальные получили предписания не появляться в Пенджабе. «Ваше появление в Пенджабе противоречит соображениям общественного порядка и безопасности», — сообщал мне губернатор провинции Пенджаб. Мать еще раз напомнила мне о нашем соглашении, ограничивающем мою политическую активность.

— Ничем не бросайся в глаза. Если меня арестуют, будешь действовать, возьмешь управление партией в свои руки.

Ситуация накалялась, пахло свержением Зии. Мне было трудно сдерживаться, но я крепилась. Мать отправилась в Лахор на встречу лидеров ДВД. На всех дорогах к городу машины обыскивали патрули армии и полиции. Участники встречи добирались самыми причудливыми маршрутами и способами. Мать отправилась поездом, превратившись в бабулю, облаченную в *бурка,* сопровождающую «внучка», тринадцатилетнего сына одного из наших активистов.

Полиция выследила собравшихся, арестовала участников встречи, мать выслали обратно в Карачи. Однако ДВД успело выпустить ультимативный призыв к снятию военного положения и проведению выборов в течение трех месяцев. «Мы требуем немедленного ухода генерала Зии, во избежание свержения его неодолимой волей народа», — провозгласил Лахорский ультиматум.

23 марта определили как дату начала демонстраций и забастовок по всему Пакистану. Некоторые советники ПНП, избранные на местных выборах 1979 года, согласились во время забастовок уйти в отставку и призвать к отставке Зии. Пошел обратный отсчет времени до свержения диктатора и восстановления гражданского правления в Афганистане.

2 марта 1981 года.

Я сидела в гостиной на Клифтон, 70, с группой партийный активистов, когда зазвонил телефон. Звонил Ибрагим Хан, представитель агентства «Рейтер» в Карачи.

— Что вы скажете о последней новости?

—Что за новость?

—Угон самолета Пакистанских международных авиалиний.

—Кто угнал? — Я знала, что пакистанских самолетов еще никто никогда не угонял.

—Пока неизвестно. Никто не знает, ни кто угнал, ни куда они направятся, ни чего они потребуют. Обещаю держать вас в курсе. Но хотел бы услышать ваше мнение.

—Любое похищение следует осудить, как самолета, так и нации.

Я кладу трубку под ожидающими взглядами присутствующих:

— Угнали один из наших самолетов. Это все, что я узнала.

8

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТЮРЬМЕ СУККУРА

Суккур, Центральная тюрьма, 13 марта 1981 года.

Почему я здесь? Нет, не понимаю. Тюрьма. Теперь тюрьма. Далекая тюрьма в пустыне Синдха. Холодно. Слышу, как тюремные часы бьют час, затем два. Заснуть не могу. Холодный ветер свистит в толстых прутьях решетки. Все четыре стены камеры — прутья. Камера представляет собой скорее громадную клетку, пустую, лишь с веревочной койкой.

Я ворочаюсь в подвесной койке, стуча зубами. Ни свитера, ни одеяла, ничего. Только *шалъвар хамиз,* в котором меня пять дней назад арестовали в Карачи. Одна из надзирательниц меня пожалела и дала носки, но утром, боясь наказания за неуставное милосердие, забрала обратно. Все кости ломит. Было бы хоть что-то видно, можно было бы ходить. Но электричество выключено на ночь. С семи часов вокруг холодная тьма.

Полиция пришла за мною 7 марта на Клифтон, но меня не обнаружила. Я переночевала у Самийи, чтобы не участвовать в совещании матери с лидерами ДВД, чтобы не бросать на себя тень участия в политике. Не обнаружив меня, полицейские озадачились, бросились в дом моей кузины Фахри, а на Клифтон, 70, арестовали мать и принялись искать меня в доме. Искали они столь рьяно, что Санни заметила одному из них, полезшему проверять спичечные коробки: «Думаете, она превратилась в муравья?»

Следующий ход — рейд по семьям моих школьных подруг, включая семейство зороастриицев Пантаки. Их 25-летнюю дочь Пари забрали в полицию и допрашивали семь часов. Поскольку Пари и ее семья принадлежат к религиозному меньшинству, а политика военного режима направлена на исламизацию, каждый немусульманин автоматически попадает в число чужеродных, подозрительных элементов. «Мы знаем, что делать с такими отщепенцами, — сказали родителям Пари в полиции, когда они забеспокоились о дочери. — Лучше не суйтесь в политику нашей страны, вам до нее нет дела».

Обыскав еще два дома, семейств Пучи и Хумо, полиция нашла меня наконец в доме доктора Ашрафа Аббаси, бывшего вице-спикера Национальной ассамблеи и одного из врачей моей матери в Карачи.

— Полиция собирается обыскивать дом, — сообщил сын доктора Аббаси Сафдар.

Я как раз собиралась воспользоваться их домашним телефоном, имевшим прямой набор междугородной связи, чтобы

позвонить в Исламабад. Мы удивленно повернулись к Сафдару. Так как я о вчерашних рейдах полиции еще не знала, а сама от политической деятельности воздерживалась, то подумала сначала, что полиция ищет доктора Аббаси или старшего сына Мунаввара.

— Попроси их подождать с обыском, — сказала я Сафдару. — Спроси, кто им нужен.

Он вышел и тут же снова вернулся.

-Вы.

Этот арест ужасающим образом отличался от всех остальных. Я сразу это почувствовала, когда мне предложили влезть в кузов джипа, забитого полицейскими, не похожего на автомобили, в которых меня перевозили раньше. Я наотрез отказалась, и они в конце концов усадили меня рядом с водителем. Машин, сопровождавших меня по пустынным улицам, было, как обычно, немало, а привезли меня в полицию, что тоже не радовало. Такого со мной прежде не случалось. Что происходило? Никто ничего не говорил, я пять часов просидела в пустой комнате, наблюдая, как полицейские дымят дешевыми сигаретами да плюют в никогда не мывшиеся стены бетелевой жвачкой. И на всех лицах застыл страх. На этот раз, как мне вскоре предстояло узнать, Зия побил свои прежние рекорды жестокости.

Я еще не знала, что по всему Пакистану прокатилась самая мощная за все время военного положения волна арестов. По данным «Эмнисти Интернэшнл», оценки которой всегда занижены, в марте 1981 года власти арестовали 6 тысяч человек. Через пять дней после угона самолета Пакистанских международных авиалиний 2 марта Зия решил использовать этот предлог для расправы с ДВД. Арестовали всех, хоть как-то связанных с ДВД и ПНП.

В Исламабаде арестовали Ниязи. Приехали за Аминой, но, увидев, что она беременна, на девятом месяце, вместо нее забрали ее мужа Салима. От потрясения у нее начались преждевременные роды. Яхью Бахтияра, главу команды адвокатов отца и бывшего генерального прокурора Пакистана, арестовали в Белуджистане. Фейсал Хайят, бывший член Национальной ассамблеи, племянник изгнанного из страны главного уполномоченного по Ларкане, был арестован в Лахоре; арестовали многих женщин, состоявших в женском крыле ПНП. В Равалпинди в третий раз арестовали Кази Султана Махмуда, заместителя управляющего отелем «Флэшман». Схватили Иршада Рао, редактора «Мусават» в Карачи, Первеза Али Шаха, ведущего члена ПНП в Синдхе. Всех не перечесть. И обхождение с арестованными на этот раз оказалось беспрецедентно

варварским.

—Где моя мать? — спросила я у группы полицейских, дежуривших в комнате.

—В Центральной тюрьме Карачи.

—В «доме отдыха»? — Домом отдыха называли относительно комфортабельную гостиницу, в которой останавливались посещающие тюрьму официальные лица. Там вначале содержали отца.

—В камере.

Я ахнула. Моя мать, вдова бывшего премьер-министра, в камере класса С без водопровода, без постели, без воздуха!

— Куда вы меня отправите?

— К матери. Но они лгали.

Пять дней меня продержали в «доме отдыха» Центральной тюрьмы Карачи. Никто не говорил мне, где мать,

прикидывались незнающими, не желали даже сказать, в Карачи ли она. Мне отказали в свидании с адвокатом. У меня не было с собой никакой одежды, лишь то, в чем меня арестовали. Ни расчески, ни зубной щетки и пасты — ничего. Я лечилась от проблем женского характера, вызванных напряжением, мне нужны были лекарства, но ни врача, ни женщины, с которой я могла бы поделиться, сказать, в чем я нуждаюсь, не было.

— Сегодня ночью, в полтретьего, вас заберут. Будьте готовы, — сообщил, входя ко мне, начальник тюрьмы вече ром 12-го. Выглядел он испуганным.

—Куда? Никакого ответа.

—Где моя мать? Снова молчание.

Впервые я испугалась. Слышала я толки, что тюремное начальство иногда вывозит ночью неудобных узников в пустыню и тайком убивает их. Тела спешно закапывали, а родственникам сообщали, что они либо убиты при попытке к бегству, либо нежданно-негаданно скончались от сердечного приступа. Прибыв в «дом отдыха», я сразу же написала письмо в Верховный суд Синдха, обжалуя свой арест и требуя либо провести суд, где я смогу защищаться сама, либо допустить ко мне адвоката. Теперь я лихорадочно искала возможность переправить это письмо.

— Отошлите это письмо в суд, — шепнула я тайком од ному из надзирателей, дожидаясь, когда за мной прибудут. Он без слов спрятал письмо в карман. И то слава богу. У меня появилась надежда. По крайней мере, если письмо дойдет, можно будет проследить, откуда меня вывезли.

В полтретьего прибыл фургон, набитый женщинами-полицейскими, а также несколько грузовиков с полицейскими и солдатами. Меня на большой скорости повезли в машине с

затемненными стеклами, как будто боялись засады. Вдруг машина остановилась, я услышала переговоры по радио.

Сопровождающие получали инструкции, что со мной делать дальше, и я поняла, что нахожусь в аэропорту. Куда меня отправят, оставалось, однако, неясно. Но если это регулярный рейс... Расписание полетов я помнила целиком,

но в это время вообще никаких вылетов. Может, в Ларкану, утешила я себя. Может быть, специальный военно-транспортный самолет ради секретности. Может быть, ждут его приземления. Но моторов не слышно. Так я сидела и ждала, сидела и ждала, пока не начало светать.

В 6.30 на летном поле появился рейсовый самолет. Меня загнали в салон, одна надзирательница села рядом, две сзади, две через проход.

—Куда мы летим? — спросила я стюардессу. Надзирательница не дала той ответить.

—Вы под арестом, не имеете права ни с кем разговаривать.

Что происходило? Газет я не видела все пять дней, проведенных в тюрьме в Карачи, не имела представления о причинах столь жесткого обхождения со мной и с матерью. Понятно, что основная причина — образование Движения за воссоздание демократии и брошенный генералам вызов, именно это вызвало волну арестов. Но в течение недели перед моим арестом в газетах ничего экстраординарного я не заметила. Что дало толчок этим новым бесчинствам режима? И почему на лицах сопровождающих меня женщин в форме такой страх? И на лицах пассажиров.

Стюардесса передала мне газету. Большинство материалов не о ДВД, а об угоне самолета. Угонщики потребовали освобождения пятидесяти пяти пакистанских политических заключенных и приказали лететь в Кабул, столицу Афганистана, где они расстреляли одного из пассажиров. Названо имя: майор Тарик Рахим, бывший адъютант моего отца. Затем пилота заставили лететь в Дамаск, столицу Сирии.

Читала я, затаив дыхание. Не верила прочитанному, но в то же время опасалась, что это правда. Угонщики назвались членами группы сопротивления аль-Зульфикар. Группа базировалась в Кабуле, где жили мои братья. Газета утверждала, что мой брат Мир — глава группы.

Тридцать один, тридцать два, тридцать три... Еще семь движений щеткой для волос. Девяносто семь, девяносто восемь... Сто движений зубной щеткой. Теперь пятнадцать минут прогулки в открытом дворе. Дисциплина. Рутина. Не отвлекаться. Туда и обратно вдоль сточной канавы, пересекающей пыльный тюремный

двор, вдоль пустых клеток-камер, забранных решетками, напротив моей камеры в замкнутом объеме. Тюремщики сообщили мне, что ради меня опустошили всю тюрьму. Мне обеспечили полную изоляцию.

Кроме надзирателей, отпирающих утром мою камеру, снабжающих меня слабым чаем и хлебом на завтрак, жидким чечевичным супом да вареной тыквой на ланч и ужин, не вижу никого. Дважды в неделю полагается какая-то крохотная рыбка. Если изредка и слышу человеческий голос, то ничего доброго он мне не поведает. «Сегодня арестовали еще пятьдесят человек, — сообщает тюремное начальство при еженедельной инспекции. — Сегодня как следует отхлещут политического».

Как и советское вторжение в Афганистан, похищение самолета сыграло на руку Зие. Еще чуть-чуть — и его бы вышвырнули, и тут такой подарок! Зия связал похищение с ПНП, обвинив партию в террористических методах. Такое везение очень многих натолкнуло на мысль, что Зия сам каким-то образом устроил этот угон. Если это так, то затея удалась. Через тринадцать дней после захвата и в последние минуты перед истечением ультиматума угонщиков и обещанного ими взрыва самолета Зия согласился на их требование выпустить пятьдесят пять политических заключенных. Пятьдесят пять! В то время как схвачены многие тысячи противников режима и огульно обвинены в терроризме. ДВД в газетах вообще не упоминалось. Весь материал посвящен угону.

Запертая в своей клетке в Суккуре, я сначала не знала, что Зия пытается связать ПНП, а в особенности меня и мою мать, с группой аль-Зульфикар. Все усилия я посвятила попыткам выйти на свободу. К моему гигантскому облегчению, я вскоре увидела своего адвоката господина Лахо. Он приехал ко мне в тюрьму, и мы составили жалобу на мое задержание. Тюремный надзиратель, которому я передала письмо, оказался порядочным человеком. Письмо дошло до Верховного суда Синдха. Но усилия его, как и усилия моего адвоката, к сожалению, оказались бесплодными.

23 марта, через три или четыре дня после визита господина Лахо, военным режим учредил «Временный конституционный порядок». Население «настоящим уведомлялось», что генерал Зия уполномочен вносить по своему усмотрению коррективы в конституцию страны. И немедленно Зия отменил полномочия гражданских судов рассматривать жалобы на действия военных, обжаловать приговоры военных судов. Жалоба, которую внес в суд господин Лахо, как и любая другая жалоба любого другого заключенного, потеряла всякое значение. Военные суды получили возможность арестовывать, судить, приговаривать людей по

своему произволу, не опасаясь вообще никаких последствий.

Зия воспользовался также этим случаем, чтобы провести чистку составов гражданских судов. Каждый судья приносил теперь присягу на верность военному режиму и лично генералу Зие. Судей, отказавшихся от присяги, увольняли. Многих увольняли, даже не допуская до присяги. В результате корпус юристов Пакистана сократился на четверть. В первую очередь увольняли судей, обжаловавших смертные приговоры и приговоры к заключению строгого режима политическим противникам. «Я не собираюсь делить власть с судейским сословием, — заявил Зия, как сообщала газета «Гардиан». — Их задача — толковать закон». Международные ассоциации юристов и «Эмнисти интер-нэшнл» заявили протест, однако без толку. Гражданское право в Пакистане прекратило существовать. И более господину Лахо войти со мной в контакт не позволили.

Время тянулось медленно, монотонно. Чтобы стимулировать деятельность мозга и себя чем-то занять, я вела записи в тонкой тетрадке, тайком подаренной мне одной из надзирательниц. Это занимало какое-то время. Давали мне одну газету в день, новое издание «Дон». Я старалась читать медленно, вникая в каждое слово, вдумываясь, анализируя, заставляла себя перечитывать. Вникала в детские головоломки по пятницам (мусульманский день отдохновения), изучала кулинарные рецепты. Но все равно хватало мне газеты на час.

—Можете принести мне «Тайм» или «Ньюсуик»? — спросила я начальника тюрьмы во время его очередного еженедельного визита.

—Коммунистические публикации не дозволяются.

—Какие же они коммунистические? Их издают в самом сердце капитализма.

—Нет, они коммунистические.

—А какие у вас книги в библиотеке?

—У нас нет библиотеки.

Закончился март, начался апрель. Я стала бояться момента появления газеты. Угон самолета на первых полосах. Угонщики тоже. И мой брат Мир. В одном прочитанном мной интервью Мир брал на себя ответственность за захват самолета, в другом отрицал свое участие. Все правительственные газеты, однако, в один голос лгали, что аль-Зульфи-кар представляет собой боевую организацию нашей партии.

Полнейшая клевета. Принципы, на которых базируется вся деятельность ПНП, требуют достижения изменений общественного устройства исключительно мирными средствами, при помощи легальной политической активности. Именно

поэтому мы всеми силами настаиваем на проведении выборов, несмотря на все уловки генералов; продолжаем настаивать на выборах под давлением военного положения, несмотря на репрессии, несмотря на армейские штыки. Сердца людей не покорить силой, даже Зия мог бы это сообразить. И все же Зия продолжал всячески искажать истину, используя информацию об аль-Зульфикар во вред ДВД, ПНП и Бхутто.

Взаперти в клетке тюрьмы Суккур, я постепенно убеждалась, что режим собирается избавиться от меня. Один из тюремных чиновников озабоченно сообщил мне, что меня собираются здесь, в тюрьме, судить военным судом и приговорить к смерти. Другой сказал, что камеры смертников в соседнем дворе тюрьмы освобождаются для меня, что охрана тюрьмы Суккур усилена из-за слухов, что братья собираются предпринять попытку моего освобождения после вынесения мне смертного приговора. Говорили мне и что меня собираются перевести в отдаленный лагерь в Белуджистане, специализирующийся на пытках, чтобы принудить меня признаться в соучастии в похищении самолета.

— Ужасные дни вас ожидают, госпожа, — сочувственно причитала надзирательница. — Молитесь, чтобы Аллах со хранил вам жизнь.

Генеральный инспектор тюрем посетил меня в Суккуре и подтвердил эти слухи.

—Они пытают людей, чтобы запятнать вас участием в деятельности аль-Зульфикар, — шептал мне седовласый чиновник с добрыми глазами, искренне озабоченный моей судьбой.

—Но я ни в чем не замешана. Им нечем меня запятнать, — наивно уверяла я.

Генеральный инспектор печально покачал головой.

— Я видел парня из вашего дома в Ларкане, ему вырвали ногти с пальцев ног. Многие ли выдержат такое, не со знавшись в чем угодно, что было и чего не было?

Я не хотела верить его словам, словам тюремных чиновников и надзирательниц. Чтобы выжить, нельзя было принимать существующую действительность. Примешь реальность — осознаешь угрозу. Тело мое, однако, отзывалось на напряжения, выявились внутренние проблемы. Так как клетка моя просматривалась насквозь, надзирательница скоро заметила мои затруднения, вызвала врача. Врач меня осмотрел, мне, однако, о своих соображениях ничего не сказал.

Я перестала как следует питаться, становилось все труднее глотать. Не ела почти ничего, но не проходило ощущение, что я пухну, толстею. Казалось, растет живот, расширяется грудная

клетка. Теперь я понимаю, что страдала анорексией.

Я худела и худела, и тюремное начальство, уверявшее, что предстоит мне скорая казнь, забеспокоилось, как бы я не умерла раньше времени.

—Собирайтесь, вас переводят в Карачи, — приказала мне надзирательница одним апрельским утром, через пять недель после прибытия в Суккур.

—Зачем?

—По состоянию здоровья. В Карачи разберутся.

В аэропорту Карачи полицейские сказали, что везут меня домой.

Клифтон, 70! Я возликовала. Чистая холодная вода взамен мутной тепловатой тюремной жижи! Моя собственная постель после провисшего гамака. Четыре родных стены вместо продуваемой песчаной пылью клетки. Конец физическим мучениям — так я думала. Оказалось, что я ошиблась.

— Но это не мой дом, — удивилась я, оказавшись в совершенно неизвестном мне помещении.

— Сначала вас осмотрит доктор, потом отвезем домой. Ко мне подошла незнакомая женщина.

— Почему нельзя было отвезти меня домой, где меня осмотрели бы наши семейные врачи? — спросила я, но ответа не получила.

Лицо женщины-врача доброе. И то слава богу.

— Врачи из Суккура сообщили мне, что у вас рак матки, — тихо сказала она мне после осмотра. — Я не уверена. Придется сделать операцию для проверки.

Рак? Это в двадцать восемь-то лет? Что-то мне не верилось. Может быть, они пытаются запутать меня, сбить с толку? Как я могу верить врачу, которого прислали мне военные?

Во время разговора она настрочила что-то в блокноте, вырвала листок и передала его мне. «Не бойтесь меня. Я ваш друг, можете мне довериться», — прочитала я набросанные наспех строчки. Довериться... Какие у меня основания доверять здесь кому-нибудь?

—Вы сказали, что отвезете меня домой, — обращаюсь я к полицейским, снова везущим меня куда-то в своем вонючем джипе. — Но мы едем в другую сторону.

—Домой — потом. Сначала к матери в Центральную тюрьму Карачи.

К матери! Мать я не видела и не слышала о ней ничего целую вечность, больше месяца, с самого моего ареста. Я жаждала увидеть мать, обсудить свое состояние, дела движения, обвинения в государственной измене, которые, как я была уверена,

предъявит нам военный режим.

— Мама, мама! — закричала я, врываясь в «дом отдыха». — Мама, это я, Пинки! Я здесь, мама!

Тишина. Еще одна ложь. Позже одна из надзирательниц по секрету выдала мне, что мать содержали в другом месте. Я немедленно попросила свидания с матерью, но мне просто не ответили. На следующий день вместо обещанной доставки домой меня отвезли в большую социальную больницу. В больнице никого, никаких обычных здесь толп посетителей, больных и персонала. Я никого не увидела до самой двери операционной. Без поддержки семьи я ощутила себя одинокой и заброшенной. Очнувшись после наркоза, я с облегчением увидела над собою лицо сестры Санам. Удивительно, как это они допустили ее ко мне... Она взбудоражена, обеспокоена.

Рассказывает Санам:

Больница громадная, я не ожидала попасть в лечебное учреждение таких масштабов. Куда идти, где спросить? Как только упомяну ее имя, спрошенные сразу как воды в рот набирают. Все чего-то боятся. Я тоже боюсь. Месяцами из дому не выпускали. Пакистан превратился в какой-то заповедник ужасов, особенно для того, кто носит имя Бхутто. Но сбежать из него не удастся.

«Прошу вас, пожалуйста, послушайте, подскажите...» — обращаюсь к одному, к другому, к третьему.

«Идите туда... сюда... не знаю куда...» — толку не добиться.

Вдруг я услышала крик.

«Бог мой, это моя сестра!»

«Нет, что вы, это не ваша сестра. У вашей сестры маленькая операция, а это кричит женщина, рожает», — вдруг проклевывается «глубокое знание» у какой-то дамы вида скорее полицейского, чем медицинского.

Но я знаю, что это Пинки. Даже не по голосу узнала, а просто знаю. Я несусь на крик и натыкаюсь на каталку, которую везут по коридору от операционной. Вокруг каталки намного больше полицейских, чем медперсонала. От рук и носа Пинки отходят трубочки. Пинки бредит, она еще не пришла в себя после наркоза. Они кричит:

— Они убьют меня! Они убьют папу! Они всех убьют! Остановите их! Кто-нибудь, остановите их!

Мне бросается в глаза седой волос на ее голове. Для меня это последняя соломинка, переломившая спину верблюда. Столько времени взаперти, столько дней рождения... И вот — черта подведена. Седой волос. Награда за страдания.

Сижу рядом с ней, жду, пока она очнется. Надеюсь, что

пробуду до вечера, но нам дают побыть вместе лишь полчаса. На обратном пути разыскиваю ее врача.

«Передайте сестре, что у нее все в порядке», — говорит доктор.

Но передать сестре я ничего не смогла. Тем же вечером ее вернули в тюрьму.

В ушах как будто танки ревут. Черный дым клубится перед глазами. Неясно вижу надзирательницу, роющуюся в моей сумке. Она вынула тетрадку с записями, сделанными вСуккуре.

— Что вы делаете? — спрашиваю ее, еле ворочая непослушным языком.

Она вздрагивает, сует тетрадку обратно в сумку, оборачивается:

— Ничего-ничего, не беспокойтесь, все нормально. Выходит. Какое-то шестое чувство подталкивает меня,

поднимает на ноги. Шатаясь, бреду к сумке, забираю тетрадку, сжигаю ее в туалете. Проходит около часа, надзирательница возвращается с полицейским:

— Ваша сестра вам что-то передала. Где это?

Значит, они воображают, что тетрадку оставила мне Санам.

—Не имею представления, о чем вы...

—Неправда!

Они перерыли сумку, обыскали все, что можно обыскать, ничего не нашли и ушли, страшно разозлившись.

— Быстро вставайте, поднимайтесь! — враз закричали утром две надзирательницы.

Я чувствую себя не лучшим образом.

— Врач сказал, что мне сорок восемь часов нельзя вставать, — пытаюсь я протестовать. Но они не слушают, швыряют мои вещи в сумку.

Меня суют в машину, затем в самолет. Волнами накатывает тьма, голоса звучат откуда-то издали. Нет, не хочу тонуть в беспамятстве, не хочу... Но тьма затопила меня, и лишь через несколько часов я пришла в сознание, уже в моей клетке в Суккуре. Снова голоса.

—Жива.

—Нельзя было ее перемещать так сразу.

Снова погружаюсь во тьму, но на этот раз не столь мучительно. Выжила.

Я еще не знала, насколько мне повезло. Джам Садык Али, бывший министр правительства ПНП, живущий в изгнании в Лондоне, через несколько лет рассказал мне, как получил из Пакистана отчаянный звонок, когда меня направили в больницу.

— Сделайте что-нибудь, они убьют ее на операционном

столе!

Он тут же устроил пресс-конференцию и рассказал об опасности, угрожающей моей жизни, нанеся таким образом упреждающий удар по режиму.

Поправлялась я медленно, несколько недель оставалась вялой, неподвижной, не хотелось ничего: ни есть, ни ходить, ни жить. Младший надзирательский состав не скрывал своей симпатии. Они снабдили меня ручкой и тетрадкой, пронесли несколько экземпляров журнала «Ньюсуик». Однажды я даже получила свежие фрукты. Много времени я проводила, записывая в тетрадке свои впечатления от прочитанного о происходящем за стенами тюрьмы. Писала я в тетрадке, на страницах журналов, на любом клочке бумаги. Вечером надзирательницы забирали тетрадку и журналы, чтобы их не обнаружили при возможном неожиданном обыске — в таком случае они потеряли бы работу, — утром приносили обратно.

Отрывки из дневника:

20 апреля 1981 года. Издающийся на урду официоз «Джанг» подал на первой полосе сообщение об интервью Би- би-си. Мир Муртаза Бхутто якобы признал, что находился в Кабуле во время угона самолета, но заявил, что не имел представления о происшествии до момента появления обще доступной информации о нем. Мир Муртаза сказал, что его оставшиеся в Пакистане мать и сестра не давали согласия на создание организации алъ-Зулъфикар. С Пакистанской на родной партией он не сотрудничает и контактов с сестрой и матерью не поддерживает.

21 апреля. «Дон» пишет, ссылаясь на радио Австралии, что Мир сообщил недавно в Бомбее, что его организация алъ-Зулъфикар, известная также как Пакистанская освободи тельная армия, может «перевернуть Пакистан вверх дном» и готова к насилию, чтобы свергнуть существующий режим. Мир якобы сказал, что организация алъ-Зулъфикар провела по меньшей мере 54 операции внутри Пакистана, включая взрыв на стадионе в Карачи перед прибытием Римского Папы. Относительно местоположения штаб-квартиры его организации в Кабуле он якобы ответил: «У нас есть определенные органы в Афганистане, но штаб-квартира наша в Пакистане».

Сердце мое усиленно билось, когда я писала эти строчки. Если бы мне представилась возможность встретиться с братом, поговорить с ним! Пять лет прошло. Я знала, как выглядят Мир и Шах, лишь по газетным снимкам. Насколько я понимала, гнев и возмущение брата, его высказывания, реальные либо искаженные пакистанской правящей кликой, представляли грозную опасность для меня и других членов ПНИ Зия мог использовать их как предлог

для расправы с нашей партией. Мои братья вне его досягаемости, но мы под рукой.

28 апреля Мир внесен в список наиболее опасных преступников, разыскиваемых пакистанскими правоохранительными органами. И в тот же день ко мне в камеру неожиданно вошли заместитель главы режима военного положения в сопровождении начальника тюрьмы и еще какого-то чиновника. Мы с ним заняли оба стула — более в помещении стульев не было.

—Почему меня здесь держат? — спросила я. Он иронически поднял брови:

—Вам имя аль-Зульфикар ни о чем не говорит?

—Я не имею никаких связей с аль-Зульфикар.

—В вашем доме, в вашей комнате, нашли листок с подробным изложением планов аль-Зульфикар. — Я не понимала, о чем он говорит.

—Я вообще не слышала об организации аль-Зульфикар до угона самолета.

—Суд будет решать, что вы слышали и об аль-Зульфикар, и о взрыве на стадионе, и о Лала Асаде.

Лала Асад — президент студенческого крыла в Синдхе. Я знала его. Он студент технического вуза в Хайрпуре. Что он причастен к взрыву на стадионе, для меня звучало полной чушью. Я не могла поверить в его связь с организацией аль-Зульфикар, если такая организация вообще существовала, а не выдумана военными для того, чтобы разделаться с возможно большим числом сторонников ПНП. Развалившийся на стуле гость сообщил мне, что по делу об угоне самолета арестован также Насер Балуч. И с ним я знакома. Он представитель партии на громадном сталеплавильном комбинате в Карачи.

«Из сегодняшнего разговора могу заключить, — записывала я в дневник после их ухода, — что они полагают, что я вместе с Лала Асадом и другими членами группы аль-Зульфикар подстроила взрыв на стадионе. Совершеннейшая чушь. Они, разумеется, сами в это не верят. Таков этот мир. Невинные страдают, преступники правят бал».

Через два дня мир этот показался мне еще более зловещим.

«ОБНАРУЖЕНЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА! ЖЕНА И ДОЧЬ БХУТТО ВСЕ ЗНАЛИ!» — заманивал читателей аршинный заголовок газеты «Джанг». Сердце мое замерло, по спине пробежал холодок. Наверное, тот самый листок, о котором говорил заместитель диктатора в моей камере. Режим, очевидно, готовил страну к следующему процессу Бхутто.

«Кошмар следует за кошмаром, — записывала я в дневнике

30 апреля. — Сначала новости о группе аль-Зульфикар и Мире, затем попытки режима представить нас теми, кем мы не являемся. На первый взгляд полнейшая чушь, но здесь теперь все возможно. Разве не проделали они то же самое с отцом? Теперь они снова хотят прибегнуть к фальшивке. И тогда весь мир знал, что это фальшивка, и сейчас будет знать то же самое. Кого интересует правда? Тем более, что военный суд правды не потерпит и в свет ее не пропустит. Не в состоянии победить нас политически, Зия стремится к нашему физическому уничтожению».

Но я еще не знала, к каким жестокостям прибегнет режим в своих попытках нас уничтожить.

Центр Балдия и расположение 555-й дивизии в Карачи, форт и казармы «Бердвуд Барракс» в Лахоре, форт Атгок на севере Пенджаба, авиабаза Чакала под Равалпинди, тюрьма Мач и лагерь Халли в Белуджистане... Наименования этих пыточных застенков вползли в жизнь сторонников ПНП и во все более озабоченные доклады «Эмнисти Интернэшнл» и других правозащитных организаций. Во всех этих филиалах ада пособники режима пытались выдавить из людей, сфабриковать «факты», порочащие ПНП, связать партию, связать нас с матерью с группой аль-Зульфикар.

Прошли годы, прежде чем я узнала, что там происходило. Цепи. Лед. Стручки жгучего перца, вводимые в заднепроходные отверстия узников. Становилось плохо от рассказов друзей и коллег, от того, что способны человеческие существа причинить себе подобным. Однако нельзя забыть страданий людей, ставших жертвами бесчеловечного военного режима генерала Зии уль-Хака.

Рассказывает Фейсал Хайят, землевладелец, бывший член Национальной ассамблеи от Пенджаба.

Четыреста полицейских во главе с начальником полиции и полковником армейской разведки окружили мой дом в Лахоре 12 апреля 1981 года в 3.30 утра. Они ворвались в дом и избили слуг. Сестру, оправлявшуюся после операции на печени, выволокли из спальни, вышвырнули мою мать из ее спальни и вышибли двери моих помещений.

«Это штаб-квартира аль-Зульфикар, — огорошили они меня, схватив за горло. — Сейчас мы начнем вывоз всех ваших базук, минометов, пулеметов, боеприпасов, которые вы храните в подвалах».

«Ищите, если хотите, — ответил я. — Только это не штаб, а мой дом, и в нем нет не только базук, но даже и подвалов».

Отговорки мне не помогли, они меня арестовали и увезли с

собой.

Первые сутки я провел в тюрьме без пищи и воды. Затем мне завязали глаза и перевезли в лахорский форт, 450-летнюю кирпичную крепость Моголов. Там построил роскошный Дворец Зеркал создатель Тадж-Махала Шах Джехан. Я прогуливался там в былые времена с семьей, любовался прудами водных лилий. Но после переворота лахорский форт получил печальную известность как пыточный застенок, запоздалый ответ Пакистана на парижскую Бастилию.

Нас, арестованных, находилось там одновременно от двадцати пяти до тридцати. Среди тех, кого я встретил, Джехангир Бадар, резервный генеральный секретарь ПНП Пенджаба; генеральный секретарь Шаукат Махмуд финансовый секретарь Мухтар Аван один из бывших министров много правительственных чиновников. Условия там царили кошмарные.

Каждые два дня меня таскали на допрос. Время произвольное. То в шесть утра, то вечером, то среди ночи, непредсказуемо. Несмотря на то что мы находились в тюрьме, нас держали в наручниках. Допрашивали бригадный генерал Рахиб Куреши, начальник штаба администрации военного режима Пенджаба, и генерал-майор Абдул Кайюм, глава разведки Пенджаба. Имена и физиономии этих людей я никогда не забуду.

«Мы вам предоставляем уникальный шанс, — говорили они мне, стоявшему перед ними час за часом. — Вы еще молоды. Вам еще жить да жить. Все, что от вас требуется, это дать показания против госпожи Нусрат Бхутто и ее дочери Беназир Бхутто в деле угона самолета».

Я отказался. Их это не смутило.

«Вы политик, вы не мыслите жизни без политики. Нам ничего не стоит сделать вас министром». От политики перешли к экономике. «Вы занимаетесь текстилем. Разрешение на строительство вашей новой фабрики отменено из-за ваших политических заблуждений. Мы обеспечим вам разрешение. Вы станете богатым человеком». Я не соглашался, и они сменили тактику.

«А не желаете ли провести двадцать пять лет за решеткой? Военное положение, знаете ли. Нам не надо долгих разбирательств. Раз, два — и готово».

Три месяца я провел в каменном мешке размером четыре на пять футов. А ведь я ростом шести футов! Ни днем ни ночью не выпрямиться. Моя камера — одна из четырех в блоке, решетки отгораживают эти ниши от двора, но не закрывают солнца. С полудня и до вечера оно безжалостно припекало нас, температура доходила до 115 градусов по Фаренгейту. На подставках

напротив наших камер установили электрические вентиляторы, гнавшие в нас со двора раскаленный, обжигавший, как пламя, воздух. Губы у меня распухли, болели так, что невозможно было пить. На коже образовались нарывы, она шелушилась, по всему телу ото лба до пят пошли темные пятна и круги. Все болело внутри и снаружи. Однажды я привязал к решетке рубашку, чтобы заслониться от солнца и вентилятора, но надзиратель сорвал ее, и три дня я оставался еще и без рубашки.

Соседи мои один за другим теряли силы и падали, сраженные солнечным ударом, я слышал их бессознательный бред. Они все были старше меня, тогда тридцатисемилетнего. Но через два месяца не выдержал и я. Через два дня я очнулся в прохладе импровизированного подвального медпункта. Убедившись, что я пришел в себя, тюремное начальство вернуло меня обратно в мою клетку.

Ночью тоже не было отдыха от мучений. Ни у меня, ни у соседей не было никакого белья, даже ни одной простыни. Приходилось сворачиваться калачиком на растрескавшемся цементном полу рядом с открытой вонючей дырой, служившей туалетом. По нам ползали муравьи, тараканы, бегали ящерицы, крысы, кусали все, у кого были челюсти. А жара не убывала, об этом тоже позаботилась предусмотрительная администрация. В семифутовый потолок каждой клетки вделали 500-ваттную лампу, лампы горели всю ночь. Светильники были устроены таким образом, чтобы предотвратить доступ к патрону, чтобы не дать возможности отчаявшемуся узнику покончить с собой. Мне кажется, что я был к тому близок.

Здоровье... О каком здоровье в таких условиях может идти речь? Удивительно, что все мы остались живы. Жалкая еда, которую мы должны были схватить с подставляемого к решетке на десять секунд подноса, состояла из куска хлеба с мелкими камушками и песком, смазанного соусом кар-ри, покрытым месивом мух. Я переболел там дизентерией, малярией и холерой. Температура однажды поднялась до 105 градусов. Голова раскалывалась от боли, свет резал глаза, я не мог удержаться от стона. Тело то жгло, то леденело, меня неоднократно тошнило, и я валялся в собственных рвотных массах.

— А посмотрите-ка, кто вас навестил, — елейным тоном обратился ко мне однажды в начале допроса один из моих мучителей. Я заморгал, прищурился... У стены допросной комнаты стояла моя мать.

— Двадцать пять лет ваш сын отсидит в тюрьме, — повернулись они к матери. — Двадцать пять лет, если не даст показаний против Бхутто.

По лицу матери катились слезы. Немало ей пришлось перестрадать. Муж сестры после пыток в изгнании, сын доведен до состояния полутрупа, а наследственные земли засыхают, потому что военные власти отрезали водоснабжение. Но несмотря на то, что она всегда была женщиной доброй и мягкосердечной, она проявила неожиданную для меня силу характера.

— Не дай себя запугать, Фейсал, — обратилась она ко мне так, как будто мы с ней остались наедине. — Не иди против своей воли. Поступай, как велит совесть.

— На Бога полагаюсь, матушка, — ответил я ей. — Эти двое — всего лишь люди, как и я. Если Богу угодно, чтобы я провел двадцать пять лет в тюрьме, я ничего не могу сделать. Но предавать семью Бхутто я не буду.

И не только я не мог их предать. Ни один из заключенных в лахорском форту не мог. Мы все из добрых семей, с давними традициями религиозной и правительственной службы. Все получили образование. У нас имена в обществе, мы ими дорожим. Мы не могли однажды солгать и затем жить в бесчестии. Несмотря ни на какие посулы или угрозы.

Ни один из бывших правительственных чиновников не согласился лжесвидетельствовать против вдовы и дочери Бхутто. Через три месяца начальство пошло на попятный и перевело всех нас в местные тюрьмы. Я оказался в тюрьме Гуджранвала в сорока милях к северу от Лахора, где провел еще два месяца. В таком состоянии, до которого нас довели, вернуть нас в общество режим не решился.

Рассказывает Кази Султан Махмуд, бывший служащий отеля «Флэшман», генеральный секретарь секции ПНП в городе Равалпинди.

Я уже провел год строгого режима в Центральной тюрьме Мианвали за организацию демонстраций и маршей против смертного приговора председателю Бхутто. Администрация отеля вынуждена была уволить меня за участие в работе ПНП. После угона самолета меня снова арестовали и упрятали сначала в тюрьму Равалпинди, затем перевели в Гуджранвалу, а оттуда в лахорский форт. Это кошмарное заведение.

«Расскажите нам о связях мисс Бхутто с группировкой аль-Зульфикар», — требовало от меня тюремное начальство в каждой из тюрем. Я отвечал, что она мне об этих связях не рассказывала и что об угоне я ничего не знаю. После чего меня били кожаными бичами и бамбуковыми палками. Последними по голове. Но это оказалось лишь началом.

Я ростом невелик, всего трех футов, и вешу лишь сорок восемь фунтов. Это открывало перед тюремным персоналом

широкие перспективы. Видя мое нежелание сотрудничать, они надели на меня очень тяжелые наручники и велели поднять руки над головой. Руки у меня короткие, я падал от напряжения, и они, безмерно веселясь, «нечаянно» на меня наступали. Частенько, схватив меня за кожу живота, играли мною «в мяч», швыряя друг другу, или, опять же «нечаянно», роняли на пол.

Они завязали мне глаза и куда-то повели, не знаю куда. «Сейчас ты издохнешь, если не расскажешь о связи этих Бхутто с террористами», — заявили они мне. Потом схватили за одну ногу и свесили со стены тюрьмы, с высокой стены. «Значит, не хочешь жить? Давай подписывай признание». Но я ответил, что они могут меня убить, но рассказать того, что я не знаю, не могу.

Тридцать пять дней они постоянно мучили меня, избивали, издевались надо мной. «Что-то в тебе мистер Бхутто разглядел, — говорили они. — Ты у нас великий вождь. Что-то в тебе особенное. И красавец хоть куда. Без тебя аль-Зульфикар никак не справится». Раны на теле воспалялись, гноились, но врачу меня не показали ни разу.

Потом, еще тридцать пять дней в одиночном заключении. Камерой это не назовешь, меня бросили в какую-то грязную могилу. Почти не кормили, бросали в дырку в двери сухарь да иной раз чапатти. Дырка высоко, я не доставал, и пища падала в грязь. В ту же дырку совали раз в день чашку чаю. Чашку я пытался ловить, но почти всегда проливал, оставался лишь глоток-другой. При этом почти всегда обжигал руки и голову.

Через два месяца меня выпустили, и я выступил на собрании политических заключенных в Равалпинди, рассказал, как издеваются в тюрьмах над политическими заключенными. Первой напечатала текст моего выступления газета «Гардиан», а агентство Ассошиэйтед Пресс разнесло его по всему миру. Меня сразу арестовали снова и продержали в тюрьме Кот-Лахпат в одиночном заключении два года и четыре месяца. После этого военный суд приговорил меня к трем годам тяжелых каторжных работ. Этот срок я отбывал сначала в тюрьме Мултан, потом в тюрьме Атток. Освободили меня 15 июня 1985 года.

Мне помогают племянники, потому что я все еще в черном списке. Но я продолжаю работать для ПНП. Пока я жив, я не оставлю Беназир Бхутто.

Рассказывает Первез Али Шах, сейчас старший вице-президент ПНП Синдха, тогда ведущий член ПНП Синдха; бывший издатель и главный редактор еженедельного журнала «Джавед».

24 марта 1981 года, когда я играл с сыновьями в крикет, к дому подъехала машина без номерных знаков, и люди в штатском

приказали мне сесть в эту машину. Они назвались полицейскими, но ордера не предъявили.

До этого меня арестовывали трижды, впервые вместе с моим 62-летним отцом 1 октября 1977 года, в день, когда Зия впервые отменил выборы. Тогда машины и джипы с полицией подъехали к нашему дому в Хайрпуре во внутреннем Синдхе, где я баллотировался в члены провинциальной ассамблеи от ПНП. Полицейские сковали меня с отцом наручниками за руки и повели по улицам пешком, а машины двинулись следом. Народ с тротуаров с удивлением наблюдал за нашим продвижением по проезжей части под конвоем полиции. Сначала я не знал, куда деваться от стыда, накинул на наручники платок. Но потом заметил сочувствие на лицах людей и убрал платок. Двадцать пять суток мы с отцом провели в полицейском участке, спали там же, на полу, после чего какой-то армейский майор меня освободил, а отца приговорил к году заключения в суккурской тюрьме.

Через год, когда многим в Хайрпуре угрожал арест за призывы к освобождению председателя Бхутто, меня снова арестовали. На этот раз они не застали меня дома, устроили обыск и вторглись на женскую половину нашего дома, куда еще никогда не заходил ни один посторонний мужчина. Они опустошили шкафы, ящики столов и комодов, учинили настоящий погром. Схватили меня на свадьбе друга и упрятали в камеру размером семь на десять футов, в которой я стал двадцать первым узником. Обвинили меня в поджоге. Ни доказательств, ни свидетелей они не обнаружили, потому приговорили к году тюремного заключения за подстрекательство толпы на беспорядки.

Но арест 1981 года оказался хуже всего, что со мной в жизни приключалось. Мне завязали глаза и везли шесть часов из Карачи в Хайрпур, в тамошнюю тюрьму. Там мне три дня не давали ни крошки еды. Оттуда увезли в Хайдарабад, а потом среди ночи вдруг снова в Карачи, в полицейский участок Фрер. «Дайте мне хоть чашку чаю», — попросил я полицейских. «Все, что тебе положено, получишь в 555-м», — отвечали они. Это звучало зловеще. 555-й — штаб Пакистанского ЦРУ в Карачи.

Снова меня впихнули в полицейский фургон. В этот раз я оказался в совершенно темной камере, об потолок которой сразу стукнулся макушкой. «Осторожно!» — раздался заставивший меня вздрогнуть крик. Оказалось, я наступил в темноте на чьи-то ноги. Сколько нас всех там мариновали, не имею представления.

Через какое-то время я предстал перед полковником Салимом, начальником межведомственной разведки. Он вручил

мне карандаш и бумагу. «Напишите, что Беназир Бхутто организовала взрыв на стадионе, а ее мать связана с угоном самолета», — приказал он мне. «Как я могу писать о том, о чем ничего не знаю?» — спросил я. Он повторил приказ. Я отказался. Тогда он позвонил и вошел Лала Хан, знаменитый пыточных дел мастер 555-го. Он закрепил мои ноги в специальном станке типа колодок и принялся колотить по коленям длинной палкой. Боль нарастала, вскоре по лицу моему потекли слезы. Я повторял, что ничего не знаю ни о взрыве, ни об угоне, но Лала не обращал на мои слова внимания, его они просто не интересовали, он продолжал свое дело. Когда он наконец закончил, я не мог пошевелить ногами. «Вставай, если не хочешь на всю жизнь остаться парализованным», — холодно посоветовал мне специалист.

Меня перевели в другую камеру. Туда ко мне поочередно являлись представители четырех управлений разведки, допросы сводились к приказам написать, что Беназир и бе-гум-сахиба причастны к взрыву на стадионе и угону самолета. Я отказывался, и приходил Лала.

Иногда меня заставляли наблюдать, как других подвешивали вниз головой и били, я с содроганием сердца слушал их крики. Иногда меня самого подвешивали к потолку так, что пола можно было лишь коснуться кончиками пальцев ног, и оставляли висеть часами. Часто ночами приставленные к дверям стражники не давали мне спать, задавая идиотские вопросы, спрашивая, как меня зовут. Если я молчал, меня тут же тыкали длинной палкой. Когда я совершенно отощал — ежедневный рацион мой состоял из двух стаканов воды да чечевичной жижи, — меня начали приглашать на ланч к допрашивающим. «Посмотрите на себя, — говорили мне, сидящему рядом с аппетитной едой и горячим чаем, — образованный человек из хорошей семьи, а до чего себя довел. Зачем усложнять ситуацию? Сознайтесь, что Беназир Бхутто и ее мать вовлечены в предосудительную деятельность, и дело с концом». Я отказывался, и мучения мои возобновлялись.

Через три месяца меня перевели в Центральную тюрьму Карачи, а оттуда в Хайрпур, где семье разрешалось раз в месяц меня навещать. Семь раз меня таскали в суд, я представал перед военным трибуналом, который так и не смог мне предъявить ни толковых обвинений, ни свидетелей, ни доказательств. В феврале 1985 года меня удостоили наконец приговором на год тюремного заключения за «распространение политических взглядов, противных идеологии, целостности и безопасности Пакистана». Без зачета тех четырех лет, что меня держали в тюрьмах, и мучений, которые я там испытал. У жены моей случился нервный

срыв от напряжения, вызванного необходимостью управлять нашим скромным бизнесом в Карачи и воспитывать троих наших детей.

Первез Али Шах признан узником совести организацией «Эмнисти Интернэшнл». Многим суждено было стать узниками совести в тот страшный период формирования ДВД и угона пакистанского самолета. В течение 1981 года, сообщала «Эмнисти Интернэшнл», число пытаемых в Пакистане политических заключенных резко возросло. Большинство из них — студенты, партийные руководители и активисты, профсоюзные деятели и юристы, интересовавшиеся политикой. Но появилась в это время и новая категория заключенных, невиданная в стране ранее. «В 1981 году мы впервые получили сообщения о пытках, которым подвергались четыре арестованные по политическим мотивам женщины, — говорится в докладе «Эмнисти Интернэшнл». — Это Насира Рана и бегума Бхатти, жены сотрудников аппарата ПНП, Фарханда Бухари, член ПНП, и госпожа Сафуран, мать шестерых детей».

Я знала всех четверых.

Рассказывает Насира Рана.

13 апреля, Лахор.

Муж мой, член ДВД, с начала апреля находился в Карачи, когда в дом наш неожиданно ворвалась полиция. «Кто вы такой?» — в страхе спросила я человека, направившего на меня ствол своей винтовки. Формы на нем не было, лишь рубашка с расстегнутым воротом и черные брюки. Мне запомнился блеск золотой цепи на его шее. «Кто я? Я тебе скажу, кто я. Я майор пакистанской армии». Он больно ткнул меня дулом винтовки в лоб. Я оттолкнула оружие, и он перехватил свою винтовку и ударил меня прикладом, сломал кости ладони и палец. Двенадцатилетняя дочь моя в ужасе закричала. «Где муж?» — рычал этот майор. Остальные в это время громили наше жилище. «Нет его дома», — ответила я. Он снова занес надо мной приклад. «Где дверь в подземный ход?» — «Нет у нас никакого подземного хода». Меня с дочерью заперли в одной из комнат, еще погремели в наших помещениях и наконец удалились.

Они вернулись через пятнадцать дней.

«Поедете с нами. Вы арестованы», — заявили мне заместитель начальника полиции и местный судейский чиновник.

«У вас есть ордер?»

«Мы сами ордер».

Они доставили меня в тюрьму, где поставили посреди комнаты и держали так, стоя, всю ночь. Следователи менялись каждый час.

«Ваш муж член группировки аль-Зульфикар, которой руководят Беназир Бхутто и бегума Бхутто. Мы знаем это, это достоверный факт. От вас требуется лишь подтверждение».

Час тянулся за часом, колени мои подгибались, но я не сдавалась. Я шатнулась к стоявшему рядом стулу, но на меня гаркнули: «Стоять!»

Через два дня меня отвезли в лахорский форт, где заперли в крохотной клетушке с другой политической заключенной, бегумой Бхатти, муж которой был министром правительства провинции и министром государственных доходов Пенджаба.

Бегума Бхатти рассказывает.

Нас допрашивали представители одиннадцати правительственных управлений и ведомств. «Где мужья? — вопили они. — Ваши мужья преступники, террористы, они прислужники этих Бхутто!»

Три ночи нам не давали спать. «Не спать, госпожа Рана! — орали надзиратели, колотя дубинками по прутьям решетки. — Проснитесь, бегума Бхатти!»

На следующий день нас поставили перед генерал-майором Кайюмом, начальником разведки. Те же вопросы. Те же ответы. Генерал-майор в ходе допроса рассвирепел, схватил меня за волосы и ударил затылком о стену.

«Где муж?» — завопил он, брызжа мне слюной в лицо.

«Не знаю».

Он поднес сигарету мне к носу, прижег руку. Запахло паленым мясом.

«Где мужья?» — орал генерал.

У меня потемнело в глазах. Как будто издалека донесся крик Насиры.

«Я вас сломаю!» — под этот генеральский вопль я потеряла сознание.

Рассказывает Насира.

В лахорском форте нас продержали пять недель, самое жаркое время года. Солнце пекло немилосердно. «Пора бы вам признаться», — сказали нам, оставляя на середине двора под охраной. Мы стояли на солнцепеке, перед глазами метались темные пятна, головы раскалывались, язык не помещался во рту. Охранники рядом, в тени, наслаждались прохладительными напитками, веселились, смеялись над нами. Час, другой… Не знаю, сколько мы там стояли. Охрана менялась каждые три часа.

Три раза они заводили нас в особую комнату. К запястьям нашим привязывали мокрые губки с пропущенными сквозь них проводами. С интервалом в несколько секунд включали ток, нас трясло, тело становилось как будто парализованным. Моя

сломанная рука, загипсованная, особо чувствовала удары электричества. Я не смогла вытерпеть, закричала.

«Мы приведем сюда вашего отца, будем пытать здесь при вас, — пригрозили мне. — Мы займемся вашей дочерью».

Эта пытка длилась два часа.

Бегума Бхатти.

В камере ни кровати, ни постели. Они бросили нам дерюжный мешок. Я попыталась расстелить этот мешок на полу, и из него выскользнула трехфутовая змея. «Тише!» — зашипела я Насире, а больше самой себе. Почему-то змея меня разозлила больше всего. Я схватила ее сложенным мешком, ударила головой о стену и свернула ей шею. Надзирательница, увидев эту схватку, завопила от страха.

Администрация попыталась заставить нас подписать акт, утверждающий, что змея забралась в камеру сама, а не прибыла в мешке. Мы наотрез отказались.

Дайте показания против Беназир, дайте показания против ее матери, дайте показания против своих мужей... Допросы продолжались.

«Если бы ваша жена была на моем месте, она показала бы против вас?» — спросила я однажды своего мучителя.

«Конечно».

«Значит, она недостойная женщина», — припечатала я.

Насира.

Одна из надзирательниц шепнула мне, что мужа моего схватили и тоже доставили в форт. Не знаю, что они с ним делали, не хочу узнать. В результате пыток у него случился сердечный приступ. Они спешно отправили его в больницу, не хотели, чтобы он у них умер. Но он каким-то чудом выжил.

Оставаясь в изоляции в Суккуре, я не знала о мучениях этих мужчин и женщин, об этих пытках. Я не знала, что доктор Ниязи по настоянию жены и семьи покинул Пакистан сразу после угона самолета, буквально за минуты до того, как полиция ворвалась в его дом, чтобы схватить его. В Кабуле он перенес сердечный приступ, едва выжил, и чуть не умер в Лондоне на операционном столе во время операции на сердце. В Лондоне он оставался до 1988 года.

Ясмин тоже чудом избежала ареста.

«Ясмин Ниязи дома?» — спросили полицейские из-за ворот.

«Нет», — сообразила ответить Ясмин. Тогда полиция решила забрать ее мать. За запертыми воротами между матерью и дочерью вспыхнула краткая перепалка.

«Я скажу, что я дома», — настаивала Ясмин.

«Ясмин, если они тебя возьмут, я умру, — горячо шептала

мать. — Выбирай, или у тебя живая мать в тюрьме, или мой труп дома».

Ясмин молча следила, как уводят ее мать. В тюрьме госпожу Ниязи поместили с тремя женщинами в крохотной камере напротив той, в которой ждал казни отец. Пять дней мать Ясмин провела в этой камере. Спали женщины по очереди из-за недостатка места.

Ясмин пряталась три месяца. Полиция усиленно искала ее. Доктор Ниязи, едва державшийся на ногах, купил дочери билет на самолет в Лондон. Но как ей покинуть страну? Выйдя из тюрьмы, мать Ясмин созвонилась с британским посольством. К счастью, Ясмин родилась в Англии, и посольские служащие сообщили, что в сорок восемь часов могут выдать ей британский паспорт, если госпожа Ниязи сможет найти дорожный паспорт дочери, по которому она прибыла в Пакистан. Паспорт 18-летней давности обнаружили на дне коробки со старыми бумагами в подвале.

«Провожать ее в аэропорт я не пошла, боялась, что меня опознают. Накинула на нее *бурка* и отправила с сестрой, — рассказывала мне госпожа Ниязи уже по прошествии нескольких лет, но голос ее все еще дрожал при воспоминании о расставании с дочерью. — Ясмин разыскивали по личному указанию Зии. На ее арест имелись все документы. Ее искали по всей стране, в каждой провинции. Не было розыскного списка, в котором бы не встречалось ее имя. Лишь по воле Господа смогла она оставить эту страну».

«В вашем паспорте нет въездной визы», — насторожился иммиграционный чиновник в аэропорту.

«Странно, — «удивилась» Ясмин. — Наверное, забыли поставить», — сблефовала она.

Служащий полез в список, но тут, как часто случается в Пакистане, в аэропорту погас свет, пассажиры забеспокоились, возник хаос. Когда электричество дали снова, контролеру уже не до поисков было, он в спешке штамповал паспорта и пропустил беглянку на посадку.

Ясмин благополучно прибыла в Лондон, где впоследствии вышла замуж за моего кузена Тарика, тоже политического изгнанника. Так они и остались в Англии, и теперь воспитывают двоих детей.

Жара достигла Суккура в мае. Горячий ветер продувал мою клетку, нагревая воздух жаром пустынь внутреннего Синдха до 110, даже до 120 градусов по Фаренгейту. Пыль и песок, приносимые ветром, прилипали к моей взмокшей от пота коже, скрипели на зубах. Кожа трескалась, шелушилась, полосками

слезала с ладоней. На лице вспухали и лопались нарывы, пот и песок попадали в них, разъедали, жгли огнем. Мои обычно густые волосы вылезали горстями. Зеркала у меня не было, но, ощупывая скальп, я обнаруживала очередные разрушительные последствия нового образа жизни, пальцы скользили по шершавому лысеющему черепу. Каждое утро я оставляла на подушке клочья волос. Насекомые не замечали различия между моей камерой и окружающим миром. Кузнечики, комары, оводы, пчелы, осы жужжали, ныли, вертелись вокруг, садились на лицо ноги, руки... Я отмахивалась, но при таком их количестве ничего не могла сделать. Ползли тараканы, большие черные муравьи и тучи маленьких красных. Пауки и паучки. Ночью, чтобы спастись от укусов, я натягивала на лицо простыню, но тогда становилось нечем дышать.

О чистой, прохладной воде я могла только мечтать. В тюрьме давали какую-то коричневую, рыжую, в лучшем случае, желтую жижу. Отдавала она тухлыми яйцами, на воду не походила и жажду не утоляла. Однако жившему неподалеку Муджибу, моему адвокату, не разрешили передать мне чистую воду.

«Все делается ради вашего блага, — с серьезным видом уверял меня начальник тюрьмы. — Эти люди ваши враги.

Руководство вашей партии хочет убрать вас с дороги. Но мы не позволим им этого добиться».

В другой раз он сообщил мне, что лично съел свежие апельсины, переданные мне Муджибом.

«Ради спасения вашей жизни пришлось рискнуть своей. Он мог впрыснуть в апельсины яд». — Какое-то абсурдное действо.

«Можно мне получить баллончик против насекомых?»

«Нет-нет, ни в коем случае. Это ведь яд. Мы не хотим, чтобы с вами что-то стряслось».

С чего они все время твердили о яде? Я вдруг поняла, что им хочется внедрить в мою голову идею самоубийства. Чего лучше — объявить, что Беназир Бхутто, припертая к стенке справедливыми обвинениями, покончила с собой! Изящное решение проблемы. Подтверждением моей гипотезы оказалась бутыль фенила, «забытая» в моей клетке. Этикетку на этой бутылке перекрывала наклейка с изображением черепа и скрещенных костей.

«Смотрите не забудьте эту бутыль у нее в камере! — строго — и громко, чтобы я расслышала, — предупредил начальник тюрьмы уборщицу, заходившую ко мне перед его еженедельным визитом. — И вообще следите за фенилом. Не то ей еще вздумается таким образом положить конец своему заключению».

Но, несмотря на его наставление, — или благодаря ему — бутылка каждый раз оставалась со мной наедине, и череп с

.наклейки буравил меня пустыми глазами.

Значит, таким образом они пытались внушить мне мысль о самоубийстве. Насколько эффективно?

Снова начало беспокоить ухо, состояние его ухудшили песчаные ветры, постоянное потоотделение, при котором пот обильно стекал по лицу, затекал и в ушную раковину. Но тюремный врач продолжал уверять меня, что все в порядке.

«Вы в одиночном заключении. Разумеется, постоянно ощущаете немалое напряжение, прекрасно понимаю, — втолковывал он мне. — Люди часто склонны воображать в таких условиях боли, которых на самом деле не ощущают».

Я даже склонялась к его точке зрения. Может быть, я и в самом деле выдумываю? Если б только не жара...

«Дорогая Пинки, — писала мне мать 23 мая из Центральной тюрьмы Карачи. — Чтобы спастись от жары, я три-четыре раза в день обливаюсь водой. Попробуй. Сначала я наклоняю голову и лью воду на затылок и голову, потом на одежду. Затем сажусь на койку под вентилятор, сушусь и охлаждаюсь. Даже после того, как одежда полностью высохнет, еще некоторое время не покидает ощущение прохлады. Чудесный метод, приносит колоссальное облегчение.... С любовью, твоя мама».

Я последовала совету, принялась по утрам опрокидывать на себя по ведру воды. В Суккуре намного жарче, чем в Карачи, и у меня в камере не было вентилятора, но в течение часа, пока одежда высыхала, я чувствовала себя намного лучше, не задумываясь, однако, о том, что вода попадала в ухо, увеличивая опасность занесения инфекции и ухудшая состояние уха. Тюремный врач по-прежнему меня успокаивал. «Вам это лишь кажется». Разумеется, он не был специалистом. Я так и не узнаю, лгал он умышленно или по невежеству.

250 шагов бега на месте. Сорок наклонов. Размахивание руками. Чтение газет. Пропускаю клевету на меня и мать, откладываю газету. Сосредоточиваюсь на вышивке. Муджиб и его жена Альмас передали мне набор: ткань, нитки, книжка с узорами-образцами.

«Закончила скатерочку для сервировочной тележки и две салфетки, — пометила я в дневнике в середине мая. — Когда меня выпустят, я смогу показывать это и говорить: „Вот это я вышила в тюрьме". А если серьезно, то вышивание помогает сосредоточиться, не дает бродить мыслям. Более того, в вакууме одиночного заключения это занятие дает точку опоры, организует время и занимает его, помогает построить день. В общем, производит явно благотворное воздействие».

Принуждаю себя как минимум час заниматься записями,

сидеть над дневником.

«Франсуа Миттеран — первый социалист, избранный президентом в послевоенной Франции, — отмечаю я 11 мая. — Англо-американские средства массовой информации развернули свирепую антижискаровскую кампанию. Эти выборы окажут сильное влияние на европейскую политику. Франция глубже погрузится во внутренние проблемы, в социальную политику. Соответственно, внешняя политика ее утратит прежнюю агрессивность. Кто заполнит оставленную ею нишу в Азии и Африке? Как будут развиваться отношения между Францией и ФРГ? Партнерству „технократов" и „друзей" Жискара и Шмидта пришел конец. Как скажется результат выборов во Франции на Италии?»

В тот же день я записала в дневнике о смерти Бобби Сэндза, ирландского политического диссидента: «Он скончался после шестидесятишестидневной голодовки в британской тюрьме. Для британцев Бобби Сэндз террорист. Но для своей страны он останется борцом за политическую свободу и права ее населения. Такова история мира». Но часто я пропускала дни, ничего не оставив в дневнике. «Какое-то время ничего толком не записываю, — ругала я себя 8 июня. — И не надо оправдываться тем, что не о чем писать, ведь всегда можно анализировать газетные материалы. Не обращаясь к перу, теряешь контакт со словами, с речью, с потоком мыслей, теряешь способность выражать свои идеи и замыслы».

Медленно, но уверенно я вписывалась в тюремный образ жизни. «Каждый час тянется дольше дня или недели, но я его одолеваю, — заметила я 11 июня — „Приспособление" — неверное слово. Нельзя подладиться к столь ужасной ситуации. Подладиться означает поддаться. Я справляюсь. Каждое мгновение тянется, но проходит. Бог помогает мне в этом кошмаре. Без Него я не выдержала бы».

Конец моему заключению в Суккуре предвиделся в полдень 12 июня. Я не имела представления, выпустят они меня, задержат дольше, отправят в суд, убьют... «Смерть неизбежна, и я ее не боюсь, — написала я в дневнике. — Это правящее зверье может истребить людей, но против идей они бессильны. Концепция демократии неистребима. И в неизбежной победе демократии мы воскреснем. По крайней мере, смерть освободит от монотонности одиночного заключения, когда ты живешь, но не живешь».

В одиннадцать утра в последний день моего срока поступил документ из военной администрации страны. Заместитель главы режима «имел удовольствие», как он выразился, продлить срок моего заключения до 12 сентября.

21 июня 1981 года, мой 28-й день рождения. Центральная тюрьма Суккур.

Рассказывает моя сестра Санам.

Мне разрешили посетить сестру в ее день рождения, уже третий в заключении. Рейс из Карачи задержался, у меня остался лишь час на свидание. До ее клетки я добралась в слезах. Меня обыскивали и обыскивали. Рылись в волосах, в которых ничего не спрячешь, я коротко остриглась. Рылись в сумке, пролистали каждую страницу журнала «Космополитэн», который я захватила для Пинки. Заставили попробовать пищу, которую я несла сестре, чтобы убедиться, что она не отравлена. «У меня же совсем не останется времени!» — жаловалась я, а они нарочно еле шевелились, чтобы досадить ей даже в день рождения.

Она встретила меня с изяществом хозяйки, принимающей долгожданного гостя. В этот день начальство разрешило кому-то передать ей апельсины, и она угостила меня, извиняясь, что нет ни тарелки, ни ножа, чтобы очистить плод.

«Они боятся, что я взрежу вены», — усмехнулась сестра.

Я почувствовала себя виноватой. Я пришла в слезах, жалуясь на судьбу, а сестра в этой кошмарной раскаленной клетке ни на что не жаловалась. Выглядела она больной, исхудала. Я с ужасом заметила сквозь волосы на голове кожу черепа.

«Давай посплетничаем», — сказала она, как будто мы встретились дома. С нас, однако, не спускал глаз мрачный надзиратель, сидевший вплотную к решетке и что-то записывавший в блокнот, а в камере находилась надзирательница, вслушивавшаяся в каждое слово. Я села рядом с сестрой и прошептала:

«Насер хочет на мне жениться».

«Пусть не шепчутся!» — крикнул надзиратель надзирательнице. Та придвинулась к нам, всунув физиономию чуть ли не между нашими головами.

«Но я не хочу выходить замуж, пока вы с мамой в тюрьме. Я сказала Насеру, что надо подождать, пока вы выйдете на волю».

«Как раз наоборот! — сказала мне Пинки. — Кто знает, сколько еще ждать придется. А так ты будешь под защитой мужа. И мы будем за тебя спокойны».

«Ох, Пинки, почему все так нескладно...» — я обняла сестру.

«Но-но!»— встрепенулся надсмотрщик снаружи. Надзирательница распихнула нас, встав одной ногой на тюремную постель.

«Да ради бога, — сказала Пинки. — Мы же не говорим о политике. Чисто семейные новости. Что тут страшного?»

Надзиратель строчил в блокноте, а надзирательница все

оставшееся время свидания стояла между нами. Я едва сдерживала слезы, покидая сестру, одну в этой ужасной конуре, с этими ужасными субъектами.

«Желаю вам с Насером счастья!» — крикнула мне вдогонку сестра.

«С днем рождения. Пинки», — пискнула я в ответ, подпираемая сзади охраной.

Мисс Беназир Бхутто в Центральную тюрьму Суккур От бегумы Нусрат Бхутто, Центральная тюрьма Карачи, 9 июня 1981 года.

Дорогое мое дитя!

Мое второе письмо придет к тебе как раз перед твоим днем рождения. Я хорошо помню, как мы с отцом радовались, узнав в Англии, где он тогда учился, что я беременна. Мы были вне себя от счастья. Ты была нашей первой дочерью, нашей общей любовью. Ты была нашим праздником. Позже, в больнице в Карачи, когда ты только что родилась, я не могла ночью заснуть, хотела держать тебя в руках, любоваться твоими золотыми кудряшками, розовым личиком, прекрасными ручками с длинными пальчиками. Сердце замирало, когда я тобой любовалась.

Когда папа прибыл из Англии, тебе было уже три месяца. При родителях своих он стеснялся, но, когда мы оставались одни, не мог от тебя оторваться; трогал твои ручки, щечки, носик, удивлялся гуду, такому прелестному ребенку. Он спросил меня, как тебя нужно держать, и я показала: одну руку под голову и другую вокруг тельца. Ему так нравилось носить тебя по комнате, он ходил и ходил, все любовался тобою. Не буду больше об этом, слезы мешают.

Помню твой первый шаг — тебе лишь десять месяцев тогда исполнилось. Помню, когда ты впервые заговорила за неделю до своего первого дня рождения, в Кветте. В три года и шесть месяцев ты пошла в садик, в новом милом платьице, которое я сама сшила и украсила вышивкой, с любовью и усердием, после каждой из пяти ежедневных молитв молясь о твоем здоровье, благополучии, долгой и счастливой жизни.

Снова подходит 21 июня, и я желаю тебе счастья и многих, многих дней рождения. К сожалению, не могу прислать тебе даже маленького подарка, не могу поцеловать, запертая так далеко от тебя еще на девяносто долгих дней.

Надеюсь, ты хорошо питаешься и достаточно пьешь. Не забывай о фруктах и овощах. Всего тебе наилучшего в будущем.

Твоя любящая мама

Фрукты и овощи. Вода. Да-да. Конечно, мысли матери о благе ребенка… Боюсь за нее. Ей тоже продлили срок заключения.

Сколько они еще будут ее мучить?

У меня изменения в статусе. Меня повысили до класса А, который предусматривает радио, телевизор, холодильник, в который я в воображении своем уже поместила много-много чистой охлажденной воды. И кондиционирование воздуха. Сердце екнуло, но сразу проклюнулись сомнения. Что проку от кондиционера в открытой всем ветрам камере? Да, я могла бы не беспокоить воображение. Единственная привилегия, до которой сжался весь букет льгот класса А, — возможность ночью гулять по двору. Меня больше не будут запирать в клетке на ночь, сообщил мне комендант тюрьмы, как о великой милости.

«Отклоняю ваш класс А, — написала я ему. — Не хочу быть участницей вашей лжи».

Снится свобода. Снится бифштекс с грибами в ресторане «Сорбонна» в Оксфорде. Снится свежий яблочный сидр в Новой Англии и мятное мороженое от Бригама. Отец мой в камере смертников проводил время, вспоминая кого-либо из тех многих, кого знал или встречал за годы жизни, и восстанавливая возможно большее число деталей внешности и характера вспоминаемого. Я вспомнила Иоланду Коджицки, с которой делила комнаты в Оксфорде. Она, насколько мне было известно, трудится экономистом в Массачусетсе. Подумала о Питере Гэлбрайте, ставшем сотрудником аппарата сенатского комитета по иностранным делам в Вашингтоне и женатом на давней его подруге Энн О'Лири, с которой я его и познакомила в Гарварде. Время бежало. «Дни наши пройдут, — говорил мне отец в тюрьме. — Важно провести их с честью».

Я не отличалась терпением отца. «Надо выбраться отсюда, надо!» — думала я. Генерал Аббаси, глава военной администрации Синдха, заявлял — так мне сказала Санни, — что собирается уничтожить нас физически, морально и экономически. Они налегли на последний пункт, возбудив в суде иск к нам с целью пустить с молотка всю нашу собственность: Клифтон, 70, Аль-Муртазу, земли и иное имущество. Я не имела представления, насколько продвинулся этот процесс, будет ли мне где преклонить голову, если я выживу и выйду из тюрьмы. С усилением летней жары я все больше заболевала мыслью вернуться на Клифтон или в Аль-Муртазу. Мне казалось, что мое присутствие не даст режиму наложить лапу на наше семейное имущество. Мои неоднократные просьбы, однако, неизменно отклонялись под предлогом, что у военных не хватает охраны. Как будто для того, чтобы удержать дома женщину, нужен целый полк!

Начальник тюрьмы сменил применяемую ко мне тактику

деморализации. «Ваши партийные боссы вас предают, — сочувственно покачивал он головой, рассказывая, как ведущие члены ПНП ведут переговоры с политическими противниками, а то и с самим режимом. — Все вас покинули. Зачем вы попусту убиваете здесь время? Плюньте на политику, и все ваши хлопоты позади».

Я преклоняла колени, умоляя Господа послать мне силы. «Если я останусь одна, то и в одиночку буду сопротивляться режиму, — отвечала я начальнику тюрьмы. — Я вам не верю. Но даже если все остальные капитулируют, я не сдамся». Я действительно не верила, что лидеры ПНП, выпущенные на свободу в июле, предадут партию. Я не позволяла себе в это верить.

Одна из надзирательниц научила меня специальной молитве об освобождении из тюрьмы. *«Кул Хувва Аллаху Ахад* — Скажи, Он есть Бог единый...» — начинала я 112-ю суру Корана, повторяя ее 41 раз. Затем следовало подуть над кружкой с водой и брызнуть водою во все четыре угла камеры. Я молилась за каждого заключенного, молилась за мать. Перед четвертой средой эта надзирательница сказала мне, что ворота тюрьмы откроются. И они открылись.

В четвертую среду четвертого месяца моего заключения в Суккуре меня выпустили из камеры и свозили в Карачи на свидание с матерью. Еще четыре среды ритуала, и открылась дверь камеры моей матери. Ее освободили в июле после того, как ее начало рвать кровью. Тюремные врачи поставили диагноз: язвенная болезнь. Кроме того, она сильно кашляла, так что подозревали и туберкулез.

О состоянии здоровья матери я не знала, узнала от надзирательницы лишь об освобождении. Конечно, я обрадовалась, что молитва моя произвела такое действие, и удвоила усилия, добавив дополнительные молитвы и разбрызгивая все больше воды по углам. Молилась о других, молилась о себе. «Аллаху *Самад* — Бог Предвечный...» В четвертую среду августа опять открылась дверь камеры.

«Вас выпускают», — сообщила надзирательница.

Я пошвыряла вещи в сумку и молила Бога, чтобы меня отвезли на Клифтон, 70.

Но меня доставили не на Клифтон, а в Центральную тюрьму Карачи и заперли в камере, освобожденной матерью.

9

В КАМЕРЕ МАТЕРИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЮРЬМЕ КАРАЧИ

Карачи, центральная тюрьма, 15 августа 1981 года.

Облупленный, растрескавшийся цемент, железная решетка. И тишина. Снова в полной изоляции. Камеры, находящиеся рядом в замкнутом дворе, пусты. Напрягаюсь, пытаясь услышать хоть что-то, хоть отдаленный человеческий голос, — ничего.

В этой клетке жарко и влажно, климат в Карачи иной. Потолочный вентилятор не работает, нет электричества. Каждый день его отключают часа на три, а то и дольше. Мне говорят, что аварии на электростанции, но, как всегда, врут. Ночью я вижу в небе световое зарево, вижу, что и в соседних помещениях тюрьмы светятся огни. Лишь мой блок камер темен.

Меня разместили в классе А, предназначенном для высокопоставленных политических заключенных, но никаких обычных для этого класса привилегий не предоставили. Камеры слева и справа, обычно используемые как кухня и гостиная, пусты и заперты. Моя камера маленькая и грязная. В туалете нет смыва, зато множество тараканов и мух. Вонь параши смешивается со зловонием, исходящим от пересекающей двор открытой сточной канавы. Поверхность воды в единственном ведре покрыта толстым слоем мертвых насекомых.

По утрам слышу звяканье ключей и замков, мне несут пищу. Бессловесная надзирательница, серое существо в серой форме, спящее ночью в углу двора, приносит коробки с едой, с разрешения администрации тюрьмы доставленной из дому. В первые дни у меня замирало сердце, когда я открывала их и видела заботливо приготовленную курицу под соусом с грибами, кебабы и куриные *шики*. Аппетит у меня, правда, так и не появился, осилить всего присылаемого я, разумеется, не могла, но живо представила себе, как все это готовилось в нашей домашней кухне под заботливым оком матери.

Мучило беспокойство за мать. Ей разрешили навестить меня на вторую неделю после моего перевода в Карачи, и, хотя я обрадовалась, увидев ее живой, сердце щемило от происшедших с нею изменений. Бледная изможденная женщина, нервные движения, седые волосы, разделенные на пробор и схваченные сзади в косицу... — и, в памяти моей, стройная, элегантная, уверенная в себе дама прежних лет...

Глаза матери наполнились слезами, когда она увидела меня в своей прежней камере. Но мы обе старались улыбаться, не обращая внимания на толкущихся вокруг тюремщиков, вслушивавшихся в каждый звук, вынюхивавших возможные неосторожно вырвавшиеся слова. Мать, колеблясь, рассказала о своем пошатнувшемся за время заключения здоровье. В тюрьме она приобрела устойчивый кашель, сказала она тихо. Сначала полагала, что из-за пыли, но потом начала кашлять кровью. После

нескольких осмотров тюремный врач и начальство стали подозревать туберкулез. Неудивительный диагноз. Многие в Пакистане обречены на туберкулез из-за постоянно висящей в воздухе пыли, раздражающей легкие, и из-за недоедания, от которого страдает значительная часть населения. Пыль и песок приносит ветер из пустынь, а нищета в Пакистане пышным цветом цветет повсюду. Антисанитарные условия тюрьмы способствуют развитию этой, да и любой другой, болезни. Заключенные и персонал постоянно харкают на стены, на пол, наземь; все вокруг заплевано, микробы парят в воздухе.

Ее собственный врач, сказала мать, предположил еще худшее. Хотя она все еще слишком слаба для бронхоскопии, необходимой для подтверждения диагноза, он не исключил рак легких. Рак легких! Я обняла мать, стараясь не проявить охватившего меня ужаса, стараясь быть сильной как ради матери, так и для всей надоедливой свиты, в обязанности которой входило отчитаться в увиденном и услышанном в ходе нашего свидания, подготовить доклад для господ из военной разведки и генералов правящей клики.

—Может быть, еще и не рак, подожди до бронхоскопии, — пытаюсь я утешить мать по возможности бодрым голосом.

—Он думает, что на этой стадии болезнь излечима, — продолжает мать. — Если возникнет необходимость, я смогу выехать для лечения за границу.

—Как только сможешь, поезжай, — подхватываю я, хотя сердце мое разрывается от мысли, что она оставит Пакистан.

—Но как же я оставлю тебя здесь одну?

Я заверила ее, что не пропаду, но невольно пала духом. Три дня после ее визита я безвольно валялась на койке, уставившись в потолок, подавленная, обездвиженная сильнейшей депрессией, логически необъяснимой. Не могла заставить себя проделать свой привычный комплекс гимнастических упражнений, не мылась, не меняла белье. Не ела и не прикасалась к воде. Боже, думала я, я потеряла отца, теперь теряю и мать. Понимая, что погрузилась в предосудительную жалость к самой себе, я ничего не могла с собою поделать. Даже радостные известия, принесенные матерью, о предстоявших в сентябре бракосочетаниях Санам и Шаха, лишь углубили мое отчаяние. Из тюремной камеры отец предостерегал нас от всяческих внешних проявлений радости. «Если идете в кино, надевайте *бурка»,* — поучал он меня. А теперь семья, казалось, смирилась с моим постоянным пребыванием в тюрьме, жизнь продолжается обычным чередом, они там себе женятся, замуж выходят, как будто меня и на свете нет.

После трех дней без воды я ослабла, ощущала утрату

ориентации. Возьми себя в руки, не играй на руку Зие, внушал мне внутренний голос. Я заставила себя проглотить полкружки воды из ведра и взяла газету из посылаемых мне матерью ежедневно, открыла отдел головоломок и загадок. Но буквы расплывались перед глазами. Начиналась приобретенная в этой тюрьме мигрень. Болели зубы и десны, болело ухо. Волосы продолжали выпадать.

Позже какой-то врач объяснял мне, что проблемы со здоровьем возникли из-за нарушения гармоничности взаимодействия систем организма. В нормально функционирующем организме, говорил он, взаимодействуют сердечно-сосудистая, мышечная, пищеварительная, дыхательная и нервная системы; каждая потребляет положенную ей долю вводимой с пищей энергии. Но в периоды стресса нервная система доминирует, забирая себе более положенной ей доли и ослабляя весь организм. Особенно в этом случае ранимо сердце, что и объясняет столь частые случаи сердечных приступов среди политических заключенных. Воля наша может оставаться несгибаемой, но тело расплачивается за ее напряжение.

Приближалось 13 сентября, день окончания срока заключения. Несколько раз надзирательница шептала мне, что она слышала об освобождении все новых политических заключенных. Если режим освобождал людей, схваченных в связи с угоном самолета, то почему бы им не выпустить и меня?

Пресса перестала упоминать нас с матерью в связи с группой аль-Зульфикар. Несмотря на пытки и иные подлости, режим не смог сфабриковать достаточно материала против нас с матерью, чтобы оправдать суд над нами перед мировой общественностью. А Зия не мог зарываться, рискуя потерять благосклонность Запада, в особенности Соединенных Штатов.

Пакистан вообще не получал помощи от США с 1979 года, когда администрация Картера, заподозрив, что Пакистан разрабатывает или уже имеет атомную бомбу, подчеркнула свою приверженность политике нераспространения ядерного оружия и прервала субсидирование нашей страны. Но это случилось до советского вторжения в Афганистан. Теперь же Зия успешно спекулировал на присутствии русских у наших границ и заставил американцев отбросить свои сомнения по поводу ядерных амбиций пакистанской армии.

Администрация Рейгана предложила Пакистану рассчитанную на шесть лет программу экономической и военной помощи на сумму в 3,2 миллиарда долларов, более чем вдвое превышающую объем программы, отмененной президентом Картером. США даже включили в поставки то, к чему Зия рвался

более всего: 40 истребителей F-16. Этот пакет предстояло утвердить Конгрессу США осенью 1981 года. Прекрасный подарок диктатору, но большое разочарование для тех, кто полагал, что желание Америки сдержать коммунистическую угрозу должно сочетаться с желанием ее способствовать соблюдению гражданских прав и восстановлению демократии.

Укреплению позиции Зии способствовали и сотни миллионов долларов помощи, предназначенной беженцам. Средства поступали из США, Саудовской Аравии, Китая, из фонда верховного комиссара ООН по делам беженцев, от Всемирной продовольственной программы и многих других организаций. Счет беженцам из Афганистана, прибывавшим по горным торговым путям и по тропинкам контрабандистов, шел уже на миллионы. Они оседали в Пакистане, чтобы переждать войну, или присоединялись к боевым отрядам *муджахидин.* Вдоль границы возникали их поселки, лагеря, строились больницы, школы, давая пакистанским властям возможность снимать пенки с потока международной помощи. По умеренным оценкам сотрудников ООН, до беженцев доходила лишь треть от всего объема направляемых средств и материалов. В книге Ричарда Ривза «Проход в Пешавар» я впоследствии прочитала, что оружие, направляемое Западом моджахедам, тоже пополняло как арсеналы пакистанской армии, так и карманы пакистанских военных, кравших что только можно и облагавших все, что удавалось, комиссионными поборами. Другой американский журналист в разговоре со мной оценивал объем доходившего по назначению оружия тоже примерно в треть.

Конечно, я подозревала, что ЦРУ вовлечено в события, происходящие в Пакистане и в Афганистане, но не подозревала, насколько родным и близким стал для этой организации генерал Зия. Узнала я это лишь через несколько лет, прочитав книгу американского журналиста Боба Вудворда «Вуаль: тайные войны ЦРУ». «Редко кто управлял страной в столь щекотливой ситуации, — писал мистер Вудворд. — Самым существенным для ЦРУ была готовность президента Зии пропустить через территорию Пакистана военные грузы для афганских повстанцев. Директор ЦРУ Кейси, его организация и президент Рейган поддерживали Зию и желали знать, что происходит в его правительстве. Филиал ЦРУ в Исламабаде разросся до беспрецедентных размеров».

Не знала я и о том, насколько тесным стало взаимодействие директора ЦРУ и пакистанского диктатора. «Конгресс запретил американским бизнесменам давать взятки заграничным деятелям для продвижения своих интересов, — тоже из книги Вудворда. — Но плата и всевозможные привилегии иностранным лидерам или

поставщикам информации представляла собой исключение, представляла собой легализованные взятки. Кейси это прекрасно понимал. Своего пакистанского знакомца он посещал дважды в год и стал членом администрации Рейгана, поддерживавшим самые тесные отношения с Зией».

Все это помогло Зие отполировать свой имидж, трансформироваться из кровавого палача и жестокого диктатора в «государственного деятеля мирового масштаба». Забылись его знаменитые перлы вроде высказывания перед корреспондентом «Дейли мейл»: «Да, у нас вешают людей. Но не много». Пакистан стал «фронтовым государством», принимающим первый удар безбожников-коммунистов в священном, *джихаде.* Американцы с особенной готовностью, если не с наслаждением, глотали новую риторику пакистанского диктатора. Дошло до того, что я увидела в одной из местных газет перепечатку статьи из «Интернэшнл геральд трибюн», в которой Зия именовался «снисходительным диктатором».

Я с раздражением отбросила газеты и принялась вышагивать взад-вперед по узкому коридору перед камерами. Час ходьбы каждый день, неплохое упражнение. Игнорируя отсутствие аппетита, заставляла себя глотать присланную из дому пищу. Август закончился, начался сентябрь, свадьбу Санам назначили на восьмое, я подала заявление на разрешение посетить бракосочетание сестры. Может быть, даже и освободят, надеялась я втихомолку.

Фантазия разыгралась, я представляла, как услышу шаги, несущие мне свободу. Но шаги по-прежнему означали, что мне несут пищу или прибывает смена надзирательниц. По понедельникам шаги мелкого невзрачного человечка, начальника тюрьмы. Иногда он при заместителе, иногда один. И твердит все время одно и то же.

— К чему вам губить свою жизнь за стенами тюрьмы, когда остальные члены вашей партии наслаждаются жизнью на свободе? Оставьте политику, хотя бы временно, и вас сразу освободят.

Я понимала, что этот человек не скажет ничего, что шло бы вразрез с требованиями военного режима. Чего им теперь нужно? Я понимала, что если Зия вздумает меня освободить, то освободит. Если нет, то нет. Но в чем цель этих попыток шантажа, компрометации? Неужели они полагают, что можно меня купить столь дешевыми уловками? Или просто пытаются сломить мою волю, как Айюб Хан пытался сломить волю отца?

— Вас хоть завтра могут освободить, — продолжал начальник тюрьмы. — Вы сами себя держите в заключении. Вы можете

улететь в Лондон, в Париж. Непостижимо, молодая женщина гробит свою жизнь в тюрьме! И чего ради? Ваше время придет, просто нужно подождать, проявить тер пение.

После его ухода я всегда чувствовала себя выбитой из колеи. Конечно, и в мыслях у меня не было взвесить всерьез его соблазны, но каковы их мотивы? Нужно им, чтобы я заболела? Или устраиваю и здоровая? Меня раздражала приобретенная привычка — необходимая, надо признать, — всех подозревать. Но без этой привычки не выживешь. Скорее всего они хотят сбить меня с толку, подозревала я. Еще одной попыткой дестабилизации стали таинственные ночные шумы.

Шепот. Двое мужчин и женщина переговариваются вполголоса. Иногда будят меня еще затемно. Никого в мой блок не пускают, никто здесь не может оказаться без ведома тюремного начальства. Я пожаловалась, что мне умышленно мешают спать.

— Никого в вашем блоке нет и быть не может, — заверил начальник тюрьмы. — Это игра воображения.

Шаги. Тяжкие мужские шаги, ближе и ближе к моей камере.

— Кто там? — окликаю я из-под простыни. Тишина. — Слышали шаги? — спрашиваю надзирательницу.

— Нет, ничего не слышала. Я снова жалуюсь.

— Игра воображения, — уверяет начальник.

Динь-динь-динь... Новый звук. Как будто звенят колокольчики ножных женских браслетов. И снова шепот. Я просыпаюсь все раньше и раньше и наконец вообще не могу заснуть. Когда прежнюю надзирательницу замещают новой, я обращаюсь к ней.

—Вы слышите по ночам звуки? — спрашиваю я сморщенную, беззубую патанскую старуху, спящую во дворе.

—Ш-ш-ш... Притворяйтесь, что ничего не слышите, — шепчет она, быстро оглядываясь по сторонам и нервно разглаживая тонкую серую ткань своей форменной одежды.

—Но кто это? — настаиваю я, наконец получив подтверждение реальности своей «игры воображения».

—Это *чур-айле.*

Чур-айле, дух женщины, со ступнями, вывернутыми задом наперед...

—Но *чур-айле* не существует, — убеждаю я ее, придерживаясь современных взглядов на мистику и народные предрассудки.

—Еще как существует, — не дает себя убедить старуха в форме. — И все в женском крыле ее слышали. А вы делайте вид, что не слышите, и она вам не навредит.

Динь-динь... Мои прогрессивные убеждения мало помогают.

Почему она бродит возле меня, что, мало ей всего женского крыла? Я дрожу в постели, шумы продолжаются.

Дзынь! Дзынь! Бряк! Кто-то, что-то, нечто как будто рылось в мусорном контейнере снаружи моего блока камер. Снова приблизились шаги, хотя звука отпирания двери я не слыхала. *Йа Аллах,* что это! *Йа Аллах,* помоги мне! Новый звук, как будто кто-то открыл мою продуктовую коробку, стоявшую снаружи, возле двери, крышка ее стукнулась о стенку. Аллах! Я собралась с духом и прыгнула к двери. Коробка перевернута, скинута в грязь, а вокруг никого.

—Да, да, конечно, нервы у вас шалят, вы все время в напряжении, — сочувствует мне начальник тюрьмы во время следующего посещения. Потом, немного помявшись и покряхтев, как бы преодолев себя, рассказал, что мой блок камер выстроен на месте *фанси гхат,* где еще британцы вешали осужденных. — Может, какая-нибудь душа не находит покоя, — предположил он. Меня его объяснение вовсе не умиротворило. Еще меньше понравилось мне сказанное старухой надзирательницей.

—Муж мой работал ночным сторожем. Его воры убили. Убийцу так и не нашли. Наверно, душа его мается.

Я не суеверна и склонялась к мнению, что нервы мои испытывают не беспокойные духи мертвых, а вполне реальное тюремное начальство, точно так же, как они не давали покоя отцу в тюрьме Равалпинди. Но ради предосторожности я начала молиться за убиенных в *фанси гхат.* Через несколько месяцев голоса затихли. Я так и не знаю, что это были за голоса.

Я вернулась к молитвенному ритуалу, предложенному надзирательницей в Суккуре. Выдыхала суру Корана над ведром воды и брызгала по углам. С углами вышло осложнение: камера оказалась сложной формы, и я боялась, что ритуал не подействует. Смогу ли я хотя бы присутствовать на свадьбе Санам? Ответа на свою просьбу я так и не получила.

— *Кул Хувва Аллаху Ахад,* — молилась я.

После второй среды и перед третьей старуха надзирательница подошла к моей камере утром.

— Ночью я слышала голоса, — сказала она. — Они говорили: «Она сегодня выйдет».

«Совсем рехнулась», — подумала я. Через два часа появилось начальство.

— Собирайтесь, вам разрешено посетить сестру по слу чаю свадьбы.

Клифтон, 70. Латунные таблички все еще сияют у ворот. Сэр Шах Наваз Хан Бхутто. Зульфикар Али Бхутто, адвокат. Напряжение, державшее меня в тисках последние шесть месяцев,

слегка ослабло, когда полицейский конвой подкатил к воротам. Я уже не надеялась снова увидеть этот дом. Думала, что он конфискован, опасалась и того, что меня потихоньку убьют в Суккуре. Но вот я снова здесь, живая. И дом цел, повсюду цепочки лампочек, гирлянды в честь праздничного события. Мы выжили.

Я почувствовала прилив жизненных сил, когда открылись знакомые ворота. *Чаукидар* приветствовал меня, конвой въехал во двор. Бог послал мне вторую жизнь. С Его помощью я не дам врагам себя победить, покорить. Я почувствовала новую силу, как будто возродилась.

Барабаны, танцы. Гирлянды жасмина и роз. Прислуга перед крыльцом, бьют в *дхолак* и танцуют народные танцы, поводя руками в ритме танца. *Чаукидары,* камердинеры, секретари... Вот Дост Мохаммед, наш управляющий, обогнавший тюремщиков, добежавший до отца. Урс, личный слуга отца, избитый военными при аресте любимого хозяина. Башир и Ибрагим, помогавшие нам с матерью в Сихале, когда отца казнили. Назар Мохаммед из Ларканы, принявший и похоронивший тело отца.

Они улыбаются, поют, танцуют. Чудесная атмосфера, чудесный, уникальный праздник — свадьба. Вот они увидели меня и, не успела я еще выбраться из машины, как все понеслись ко мне с гирляндами, накидывая их мне на шею. Я мигом оказалась покрытой ворохом цветов.

—Оставьте цветы для гостей, — улыбаюсь я.

— Нет, нет, мы так рады, мы так рады, что вы снова дома-Дома. Даже не верится. С приветственными возгласами из резных дверей посыпалась родня. Сестры матери... тетушка Бехджат из Лондона, кузина Зеенат из Лос-Анджелеса, кузина Фахри, делившая со мной заключение после вынесения приговора отцу. Сестра отца тетушка Манна и три его сводных сестры их Хайдарабада, которые нарушили приказ отца и подали безуспешную петицию о помиловании. Родственники из Индии, Америки, Англии, Ирана, Франции... В доме не осталось ни одной свободной кровати, заняты и садовые постройки, в которых жили братья, последние четыре года пустовавшие. Лейла! Нашилли! Мы обнимаемся, смеемся и плачем. Я не ожидала увидеть их снова, да и они тоже не ожидали увидеться со мной. О страхе перед моей возможной гибелью мы умалчиваем.

Горячая ванна... Забытая роскошь. Мягкий ковер под ногами. Чистая прохладная вода. Семейный праздник, его особая атмосфера... Двое суток я провожу без сна, впитывая впечатления, наслаждаясь каждым мгновением свободы. Мать ложится рано, и я до зари болтаю с Санам. Сестра засыпает, просыпается мама. Я не могу нарадоваться общением с обеими, с остальными

родственниками, ближними и дальними. В оставшиеся незаполненными редкие паузы роюсь в номерах «Эйша уик», «Фар истерн экономик ревью», «Тайм», «Ныосуик». Отскребаю стены своей спальни. Я обнаружила, что во время последнего налета военные украли письма отца, написанные мне во время моего обучения за границей, уникальные фото братьев, мои, моей сестры, а также мои ювелирные украшения, включая мой любимый перстень, подаренный матерью, и золотую коробочку для *коль,* подарок бабушки. Но главное, что меня раздражало, — дух их нечистого присутствия. Я оттирала стены, стремясь истребить налет их антигуманной психики, запятнавший мои стены. Благодари Бога за то, что он оставил тебе эти стены и этот дом, напоминала я себе. Еще недавно у меня не было в этом никакой уверенности.

— Они ведь не заберут тебя обратно в тюрьму? — спросил кузен Абдул Хусейн, забыв, что он не в Сан-Франциско, а в Пакистане. Я не позволила себе разделить его надежду, хотя и очень хотелось.

Все на Клифтон, 70, казалось обычным, нормальным, успокаивающим. Персонал и дополнительные помощники сновали взад-вперед, устанавливали столы для угощения под цветастым навесом, подносили мягкие кресла для гостей. Руку Санни следовало расписать хной узором *менди;* узор наносился заостренной палочкой типа зубочистки и закреплялся лимонным соком с сахаром.

Свадьба Санам по пакистанским меркам довольно скромная, гостей всего пятьсот человек. И не все обычаи удалось соблюсти. Я, к примеру, не смогла надеть новый *шальвар хамиз,* потребный для церемоний *менди* и *ника* (самой свадьбы), но мне это и не казалось важным. Я так долго не видела своей одежды, что и старый розовый *шальвар хамиз* показался мне — и всем окружающим — новым.

—Мама хочет, чтобы я накрасилась, — горько жаловалась мне Санам. — И чтобы сари накрутила. А по мне бы, вообще в джинсах лучше остаться.

—Санни, свадьба не каждый день случается, — урезонивала ее я.— Мама так много перенесла, не расстраивай ее, послушайся.

—Она прекрасней, чем луна, невеста наша, да, да, да! — Вместо удручающей слух тюремной тишины мой слух услаждали голоса поющих. Родственницы и подруги Санам, хлопая в ладоши, исполняли традиционные танцы и напевы *менди.* Я слушала лишь краем уха, ибо вместо участия в церемонии, не желая терять драгоценного времени, не зная, сколько мне еще остается пробыть на свободе, общалась с родственниками и

друзьями. Мир мой изменился. Дважды я поймала себя на том, что употребляю слово «дом» применительно к тюремной камере. Какой же из миров реален?

Санни и вправду выглядела прекрасно. Она присоединилась к своему будущему мужу Насеру Хусейну на зеленых подушках меж зеркал для церемонии *менди.* Поскольку свадьба их во многом расходилась с традициями, ее не устроили без их ведома родственники, то и обычной напряженности между ними не существовало. Однако она, как положено, старательно прикрывала лицо *дупаттой,* чтобы не открывать его перед женихом до свадьбы. В то же время, чтобы поговорить со мной, когда я села рядом, она небрежно открывала лицо.

— Насер-джи, Насер-джи, родственник наш будущий! Семь условий ты исполни, чтобы в жены взять Санам! — пели хором подруги и родственницы невесты. — Наше пер вое условие — не томить Санам на кухне...

—В кухне будут повара! — спел им в ответ Насер.

—Мыть белье Санам не будет!

—Прачки будут мыть белье! — продолжалась напевная перепалка жениха и хора.

Родственники жениха и невесты внесли блюда с хной, украшенные горящими свечами и сверкающей фольгой. Родственники Насера вдавливали щепотки хны в лист бетеля, лежавший на ладони Санам, засовывали ей в рот сладкие крошки и махали над ее головой деньгами, отгоняя злых духов. Мы во главе с матерью проделывали то же самое с Насером.

Праздничное настроение вдруг исчезло, когда прибежал один из слуг и сообщил, что у ворот снова появилась полиция. Все замерли, замолкли. Я подумала, что пришли за мной, но тут вернулся наш управляющий и сказал, что они к матери. Все ужаснулись. Еще одного ареста мать не переживет.

— Позови их, Дост Мохаммед. Не хватает только, чтобы они ворота снесли, когда у нас гости, — спокойно сказала мать. Полицейские вошли, явно смущаясь. — Что вам угодно, господа? — спросила мать твердым голосом, несмотря на болезнь. Они вручили ей новое распоряжение. Слава богу, не арест, а всего лишь запрещение посещать Пенджаб. Зия прекрасно знал, что мать и не собирается в Пенджаб, он просто хотел сделать еще одну мелкую гадость семейству Бхутто.

Мелкие гадости, впрочем, на этом не закончились. На следующее утро прислали записку с извинением свадебные музыканты. Им отказали в разрешении использовать звукоусилительную аппаратуру, запрещенную военным режимом. Мы так и не поняли, режим нам нагадил или музыканты сами

испугались, как бы чего не вышло.

Придирки посыпались и на наших гостей, номера автомобилей которых аккуратно фиксировали дежурившие перед воротами агенты. Они уже пытались получить список приглашенных. Секретарь матери в слезах признался ей, что ему угрожали тяжкими последствиями, если он не представит список всех гостей.

Стране о свадьбе дочери убитого премьер-министра, по мнению администрации военного положения, сообщать не следовало. Упоминание имени Бхутто в неругательном контексте оставалось табу. Журналисты, однако, научились обходить тупоумные запреты военных. Для них не составляло тайны, что дед Насера, как и наш дед, был одно время премьер-министром штата Джунагад. Вот и готов кричащий интригующий заголовок:

СВАДЬБА ВНУКА И ВНУЧКИ ДВУХ БЫВШИХ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОВ ШТАТА ДЖУНАГАД.

Нашелся и для меня подходящий заголовок:

СЕСТРА ПРИСУТСТВУЕТ НА БРАКОСОЧЕТАНИИ СЕСТРЫ.

Мы в семейном кругу решили отпраздновать свадьбу сестры как сугубо внутреннее дело семьи. Санам достаточно настрадалась, будучи втянутой против своей воли в политические бури, сокрушившие наше семейство. Она окончила Гарвард через два месяца после убийства отца. Ее приняли в Оксфорд, но она не могла сконцентрироваться на науках и вернулась в Пакистан. Для чего? Чтобы стать узницей или заложницей своей фамилии и своих родственных связей? Чтобы запереться на Клифтон, 70, любоваться, как ее мать и сестру таскают по тюрьмам и ссылкам? Чтобы жить одной, ибо братья остались в изгнании. Она никогда не стремилась расширять круг знакомств, ей не нравилось повышенное внимание, уделяемой ей потому, что она тоже Бхутто, ей досаждали постоянные толки о политике, праздные расспросы об отце. Она общалась лишь с горсткой друзей, которых знала с детства. К числу этих друзей принадлежал и Насер, учившийся в той же школе, что и Шах Наваз и Мир.

«Не женись на Санам, *они* тебя разорят», — предостерегали его дядья, когда он попросил их выступить в роли сватов. «Нет, я принял решение, — твердо заявил он. — Я люблю эту девушку и, какова бы ни была цена, не отступлюсь». И ему пришлось платить за свою верность. У властей множество средств давления на непослушных: налоговые проверки, необоснованные придирки, произвольные запрещения и отказ в разрешениях, внезапные отключения воды и энергоресурсов. Насер тоже оказался для *них* уязвимым. Он занимался телекоммуникационным бизнесом, продавал современное техническое оборудование —

преимущественно правительству! Естественно, его мгновенно исключили из числа поставщиков, бизнес свернулся на три четверти. Они с Санам переехали в Лондон, где он фактически начал снова с нуля. Зато свадьба их удалась на славу.

Подняв над головами книгу Священного Корана, мы с матерью свели Санам вниз по лестнице на сооруженный в холле подиум *ника.* На Санам зеленое сари, цвета счастья.

— Принимаешь ли ты Насера Хусейна, сына Назима Аб-дул Кадыра в мужья себе? — спрашивает наш кузен Ашик Али Бхутто. Санам улыбается нам с матерью и ничего не отвечает, так как Ашик Али должен задать этот вопрос трижды в присутствии не менее чем двух свидетелей, чтобы быть уверенным, что женщина поняла и обдумала свой ответ. Вопрос повторяется еще раз. Ислам требует, чтобы женщина выходила замуж по своей доброй воле. Еще раз звучит вопрос, Санам выражает согласие и подписывает брачный контракт. Ашик Али выходит в соседнюю комнату, несет весть о согласии собравшимся там мужчинам. *Маулъви* читает Насеру брачные молитвы. Так моя сестра стала первой в роду Бхутто женщиной, вышедшей замуж по своему выбору.

Двое ближайших друзей Насера ведут его на помост к невесте. Друзья и кузины Насера держат над молодыми шелковый платок, как навес, им подносят зеркало. Я сдерживаю слезы, когда Санам и Насер глядят друг на друга в зеркало. По традиции в этот момент им следовало бы увидеть друг друга впервые в жизни.

Помост увит розами, ноготками, жасмином, воздух напитан ароматом цветов. Санам и Насер уселись на низенькую скамеечку, с синей бархатной подушкой, перед ними блюда с засахаренным миндалем, вызолоченными яйцами, грецкими орехами и фисташками, обернутыми серебристой фольгой. В серебряных канделябрах горят свечи, символизируя свет их жизни. Счастливо вышедшие замуж кузины Санам мелют над головами новобрачных сахар, чтобы жизнь их не теряла сладости. В воздухе звучат здравицы. Начинается праздник.

Мы с матерью сидим рядом с новобрачными, гости подходят с поздравлениями. Многие тоже побывали в заключении, еще носят следы перенесенных мучений: исхудавшие, бледные. Все они говорят мне, что я прекрасно выгляжу. Надеюсь, они не приукрашивают, хочу казаться несгибаемой, несломленной и ни на дюйм не сдавшей позиций. Хочу выглядеть так же, как выглядел отец, отправляясь в суд. Бормочу, что очень рада их видеть. Голову, конечно, держу гордо, но внутри трясусь.

Неужели придется вернуться в тюрьму? Мне ничего не

сказали насчет их планов. Присутствует среди гостей и адвокат Муджиб, уже сообщивший мне, что на следующее утро у него назначена встреча с министром внутренних дел провинции Синдх. Так как мой срок заключения истекает на следующей неделе, то он собрался просить позволить мне остаться дома, на Клифтон, 70.

Гости отбыли, а я набрала журналов и газет, чтобы попробовать протащить их в камеру, если за мной приедут. Захватила бумажных платочков и средства против насекомых. Опять не спала всю ночь, беседовала с родственниками, с Самийей, написала письмо Питеру Гэлбрайту, старому своему знакомому по Гарварду и Оксфорду. Питер ведал делами Южной Азии в сенатском комитете по иностранным делам, как сообщила мне мать. Он недавно приезжал в Пакистан в служебную командировку, пытался посетить меня в тюрьме, но ответа на свой запрос не получил. Позже он рассказал мне о том, что произошло.

Рассказывает Питер Гэлбрайт, август 1981 года.

Я захватил с собой в Пакистан письмо от лидера меньшинства в комитете по иностранным делам сенатора Клэйборна Пелла с просьбой разрешить мне свидание с Беназир. В пакистанском министерстве иностранных дел и в посольстве США я слишком не церемонился, однако толку не добился. Посольство наше тогда занимало в отношении Бхутто явно враждебную позицию. Военная администрация даже не ответила за запрос сенатора Пелла, как и на мои запросы. Хотя американское посольство всячески пыталось меня отговорить от контактов с Бхутто, я отправился на Клифтон, 70, чтобы навестить бегуму Бхутто. Выглядела она слабой, нездоровой, лицо бледное. Она очень беспокоилась за Беназир, уже пять месяцев удерживаемую в тюрьмах Суккура и Карачи.

Бегума Бхутто пригласила меня вместе с собою, Санам и Фахри посетить яхт-клуб. Когда мы покидали ее дом, она показала мне агентов службы безопасности, фотографирующих нас с помощью телеобъективов из припаркованных напротив фургонов. Я одарил их наиболее чарующей дипломатической улыбкой и помахал им рукой. Во время ланча думалось о Пинки, о ее судьбе, о том, каково ей в здешней тюрьме. Последний раз я видел ее в январе 1977 года, когда она, новоизбранный президент Оксфордского общества, задирала нос перед разинувшими рты студентами-новичками.

И вот, такой оборот событий, с трудом верится. Вернуться домой, чтобы увидеть, как отца свергли, арестовали, приговорили к пожизненному заключению и убили! И сама она в тюрьме, да

еще в такой ужасной. Я часто занимался проблемами репрессированных правозащитников и знаю, что сними случается, но еще труднее это переварить, когда такое случается с личным другом. Покидая яхт-клуб, я передал бегуме Бхутто довольно длинное письмо неофициального характера, написанное предыдущим вечером.

Вернувшись в Штаты, я подготовил доклад для комитета по иностранным делам по перспективам помощи Пакистану. В докладе я подчеркнул, что поддержка этой страны свяжет нас с непопулярной военной диктатурой и может привести к повторению ситуации с Ираном. Я призвал выделить аспект соблюдения прав человека, чтобы принести пользу не только правителям, но и стране в целом. В частном порядке я сообщил сенатору Пеллу и главе сенатского комитета сенатору Чарльзу Перси о том, как обходятся с дамами семьи Бхутто. Оба реагировали эмоционально и обещали помощь. Хотелось бы, чтобы Беназир знала, что ее не забыли.

Едва солнце поднялось над Карачи, как я принялась читать и перечитывать письмо Питера, содержавшее множество сведений частного порядка, в том числе о жене его Энн и о рождении сына. Вспомнились старые времена, и я написала ему ответ.

10 сентября 1981 года

Дорогой Питер!

Вчера вечером мы сыграли свадьбу Санни. Сейчас 6 утра, все в доме спят, у меня осталось еще несколько часов свободы, которой хочу воспользоваться, чтобы сообщить тебе, как меня обрадовало твое письмо, полное новостей. Очень рада, что вы живете полноценной, насыщенной жизнью. Мои молитвы с тобой и твоим братом Джейми.

Невольно мысли обращаются к Гарварду, к временам невинности. Готовили нас к тому, что жизнь преподнесет такие кошмарные сюрпризы, опасности и трагедии? Может быть, мы что-то просмотрели, чего-то недопоняли, когда корпели над рефератами для наших преподавателей, для зачетов, для завершения курса обучения. Свобода и справедливость. Слова и их значения. Понятия, драгоценные, как воздух, которым мы дышим, как вода, которую пьем. Суровая реальность казалась столь далекой в снегах Вермонта, в идиллии гарвардских дворов.

Несколько позже я с чаем вошла в спальню матери.

— Посиди со мной, — сказала она. — Может быть, сейчас и Муджиб придет, дождемся вместе.

Действительно, очень скоро появился наш адвокат, однако нерадостный. Министр отклонил ходатайство, поскольку я по-прежнему не желала подписать обязательство отказаться от

запрещенной политической активности. «Пока не подпишет, будет сидеть в тюрьме» — таков, вкратце, ответ властей.

Полиция прибыла в десять утра. Родственники и прислуга собрались во дворе провожать меня. Побежали за машиной, быстро рванувшейся с места и унесшей меня вдоль по Клифтон мимо парков, где дети запускают воздушных змеев, мимо советского посольства, ливийского посольства, итальянского посольства... Как обычно, свернули на полупустые боковые улицы и на полной скорости домчались до тюрьмы.

Знакомый скрежет ключей тюремщиков в ржавых висячих замках приветствовал меня в проходах и блоке камер. Иду прямо, гордо выпрямившись, чтобы никто не подумал, что два дня свободы меня размягчили. Надеюсь, что не обыщут, так как сумка набита журналами и газетами.

Электричество, конечно, отключено. Привычно, автоматически жалуюсь. Следующие два дня меня все время тошнит, несколько раз вырвало желчью и желудочными соками. Не знаю, от еды или на нервной почве.

На третий день, 13 сентября, чувствую себя сильнее. Тюремщики пришли с неприятной, но едва ли неожиданной новостью: срок пребывания в тюрьме продлен еще на три месяца.

Свою «молитву по средам» я распространила на все остальные дни недели. Она действовала раньше, должна же подействовать и сейчас! Может быть, при ежедневном повторении она откроет передо мной двери тюрьмы после второй среды и перед третьей. Моя цель — 30 сентября, третья среда. Когда этот день прошел, я перенесла контрольную дату на визит Маргарет Тэтчер в Пакистан в начале октября.

Я считала, что Зия все равно должен меня когда-то освободить, и связывала свои надежды с определенными датами. С Маргарет Тэтчер я встречалась во время ее визита в Равалпинди, когда она была еще лидером оппозиции. Я виделась с ней в доме премьер-министра. Вторая встреча состоялась за чаем в ее офисе в палате общин, когда меня выбрали президентом Оксфордского общества. Но если меня не освободят во время визита Тэтчер, то, может быть, выпустят на *Эйд,* который в этом году пришелся на девятое октября. В конце Рамазана военные всегда устраивали амнистию, уважая религиозные чувства верующих.

Но меня не выпустили ни в одну из этих дат. 25 сентября 1981 года в Лахоре застрелили Чаудхури Захура Элахи, одного из министров военного кабинета Зии, выпросившего в подарок ручку, которой диктатор подписал приказ на убийство отца, и раздававшего сласти в ознаменование этого столь радостного для

него злодеяния. В той же машине ехал и отделался ранением Маульви Муштак Хусейн, бывший главный судья Верховного суда Лахора, вынесший отцу смертный приговор. С ними находился и М. А. Рахман, государственный обвинитель в процессе отца, отделавшийся испугом.

Я восприняла это событие как божественное воздаяние. «Теперь его жена, его дочь, семья поймут, что такое печаль, — пометила я в своем дневнике. — Я не радуюсь, мусульманину не надлежит радоваться смерти. Жизнь и смерть в руках Господа. Но какое-то утешение есть в том, что негодяи хоть иногда получают по заслугам».

Мое удовлетворение быстро улетучилось. Режим обвинил в покушении группу аль-Зульфикар, и снова начались аресты. Брат мой Мир лишь усугубил положение, от лица аль-Зульфикар взяв на себя ответственность. Обсуждение нападения могло выявить неприглядную роль, которую Элахи сыграл в убийстве отца, но теперь все внимание сосредоточили на выслеживании предполагаемых членов аль-Зульфикар.

Террористы! Убийцы! Политические гангстеры! — вопили заголовки. Снова режим использовал удобный повод для подавления политической оппозиции. Одного за другим хватали молодежных вождей ПНП, ордера выписывались на арест сотен и сотен. Четверых молодых людей пытали в тюрьме Хайрпура. Как я узнала позже, отец одного из них, Ахмед Али Сумро, заплатил немыслимую взятку полицейским только за то, чтобы глянуть издали на истерзанного сына и убедиться, что тот жив. Согласно сообщениям прессы, в тюрьме Хайрпура томились 103 молодых человека, еще 200 в соседнем городе.

В очередной раз оказались за решеткой женщины, среди них Насира Рана Шаукат, которую опять доставили в лахорский форт. Снова ее пытали электричеством, допрашивали 23 дня, лишая сна. «Дайте показания против мужа. Дайте показания против женщин Бхутто». Уму непостижимо, что вынесли эта храбрая женщина. Семь месяцев ее содержали в клетке без туалета, дважды в неделю меняя поддон. Зиму она провела без постели, без одеял, чуть не умерла от пневмонии. Ей заменили тюрьму домашним арестом, лишь когда она уже не могла ни ходить, ни говорить.

И в разгар этой волны жестокостей в Пакистане появилась Маргарет Тэтчер. Би-би-си отметило в обзоре прессы, что два года назад визит главы западного правительства в Пакистан был бы немыслимым — после того как Зия пренебрег мнением всего мира и убил моего отца. Но советское вторжение в Афганистан заставило Запад на многое закрыть глаза, и теперь, отмечало

радио Би-би-си, Британия вовсю отмывает кровь с лап диктатора, вовсю ретуширует его истинный облик, создавая портрет чуть ли не мужественного борца за демократию. Обнадеживало лишь, что мировая пресса не желала соучаствовать в потугах правительств, в ее изображении Зия так и остался презренным убийцей, задержавшимся у власти лишь благодаря удачному стечению обстоятельств и поддержке западных доброжелателей. Все же меня шокировало сообщение о том, что Тэтчер после посещения лагерей афганских беженцев наградила диктатора титулом «последнего оплота свободного мира».

Возмутило меня и то, как извращала политическую ситуацию администрация Рейгана, пробивая в конгрессе восстановление программы помощи Пакистану.

«Пусть ПНП Бхутто возражает против нее (против помощи), но громадное большинство населения, оказавшееся перед лицом грозного врага без средств защиты, кроме устаревшего оружия, с этим не согласно», — заявил в сентябре назначенный послом в Пакистане Рональд Спирс на слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам. Ни слова правды. Во-первых, ПНП представляет именно «громадное большинство населения» Пакистана. Во-вторых, мы вовсе не против помощи как таковой, ни тогда, ни теперь. Мы против помощи, направленной на увековечение военной оккупации страны. Заместитель государственного секретаря США Джеймс Бакли, ответственный за организацию пакета помощи, договорился до того, что выборы «не в интересах безопасности Пакистана». Как будто враг мы, демократическая партия, а не диктатор.

Заголовки не вскрывали всего механизма взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти США, и я не знала, что некоторые американские политики причиняли администрации определенные неудобства. Питер Гэлбрайт вернулся в Вашингтон, полный решимости поднять вопрос о нарушении прав человека в Пакистане и добиться моего освобождения. Взаимодействуя с сенатором Пеллом, Питер разработал простую тактику. Каждый раз, когда в американском сенате заходила речь о Пакистане, непременно поднимался вопрос о нарушении гражданских прав и о моем тюремном заключении. Ни американская администрация, ни Зия не могли, таким образом, забыть о проблеме репрессий в нашей стране.

Позже я читала, как сенатор Пелл, противник оказания поддержки Пакистану, применял эту тактику. «F-16 — наиболее наглядный символ американской поддержки военному режиму Пакистана, — цитировало издание «Индия тудэй» сенатора Пелла, нападающего на заместителя госсекретаря Бакли в сенате.

— „Эмнисти интернэшнл" считает нарушения прав человека в Пакистане систематическими... Вы согласны с этим заключением?» Когда Бакли попытался ответить уклончиво, сенатор Пелл выразился конкретнее. «К примеру, создается впечатление, что президент Зия травит вдову и дочь казненного — фактически убитого — бывшего премьер-министра Бхутто». Заместитель госсекретаря пообещал предпринять шаги «по частным дипломатическим каналам». Это означало в переводе на простой человеческий язык, что никто и пальцем не шевельнет, однако капля камень точит, а сенатор Пелл сделал, что было в его силах. Традиционная благожелательность американского конгресса к запросам новой администрации и озабоченность ситуацией в Афганистане перевесили указания сенатора Пелла и некоторых его коллег на нарушения гражданских прав и на ядерную программу Пакистана, однако сенатор Пелл провел поправку, гласившую: «Принимая эту программу помощи, конгресс США подчеркивает необходимость восстановления гражданских свобод и гражданского правления в Пакистане». Разумеется, практический эффект этой поправки невелик, но все же она представляла щелчок по носу зарвавшегося диктатора.

Закончился Рамазан, а я так и осталась в своей камере. Старая надзирательница сказала, что среди освобожденных в *Эйд* были и политзаключенные. Я порадовалась за них и за их семьи. Многие из служащих тюрьмы стали ко мне относиться мягче, в *Эйд* проявляли теплые чувства. Жена одного из них попросила мой хамиз, чтобы сделать мне одежду по случаю праздника. Другой надзиратель пообещал добиться наконец принятия мер по приведению в порядок электропроводки. «Надеюсь вспомнить этих людей в добрые времена», — отметила я в своем дневнике.

Однако на одного освобожденного в *Эйд* политического заключенного десяток новых попадал за решетку. Газеты сообщили, что объектом охоты стал студенческий лидер Лала Асад. Он был активистом нашей партии, и я молилась о его безопасности. К концу моего пребывания на свободе, в 1981 году, когда я ездила в Хайрпур, вручала сертификаты студентам, арестованным за протесты против военного положения, я использовала в качестве предлога день рождения сына Лала Асада Зульфикара, названного в честь моего отца. Отец Лала Асада, бывший министр Западного Пакистана, вместе с Мохаммедом Али Джинной боролся за независимость Пакистана, во время моего посещения попросил меня убедить сына бросить политику.

«Жить мне осталось недолго, — сказал он мне. — Я не мешал политической деятельности сына, когда господин Бхутто

находился в заключении, но теперь, когда он умер, я хочу, чтобы сын мой позаботился обо мне, о своих жене и детях. Когда я умру, пусть возвращается в политику, если пожелает. Но сейчас я нуждаюсь в сыне».

Я пообещала поговорить с его сыном и сдержала обещание. Однако потом я уехала, попала в Суккур. А теперь, годом позже, Лала Асад разыскивается как лидер группы аль-Зульфикар. И я не имею представления, верно ли это утверждение.

Терроризм и насилие. Замкнутый круг. В течение нескольких месяцев убиты три президента. Зия Ур-Рахман в Бангладеш, Раджаи в Иране и последний — Анвар эль-Садат в Египте 6 октября. Я жалела президента Садата, жалела его семью. Его предшественник, Гамаль Абдель Насер, служил для меня образцом еще в мои юные годы. Я восхищалась его борьбой против британского колониализма и американского империализма в ходе Суэцкой войны. Насер казался мне колоссом, обещавшим построить новый мир равных возможностей на развалинах старых королевств и иных монархий. В отцовской библиотеке на Клифтон, 70, я часами читала о Насере, в том числе и его собственную книгу «Философия революции».

Я отнюдь не поклонница Садата, фактически изменившего своему учителю и коренным образом пересмотревшего политику Египта после того, как он стал президентом в 1970 году. Но, читая о смерти Садата в своей камере, я неожиданно для самой себя растрогалась. Хотя папа очень резко отзывался о сепаратном мире, заключенном Садатом с Израилем, Садат призывал сохранить ему жизнь. Он дал приют изгнанному иранскому шаху и его семье, несмотря на непопулярность этого шага. А когда шах умер от рака, Садат устроил покойному государственные похороны, показав широту духа, редкую в прагматическом мире «реальной политики». Он не поступался в угоду политике тем, что считал верным. И вот, он тоже мертв.

На меня накатила депрессия. Сидя за своей вышивкой, я боролась с головной болью. Вечером 21 ноября, в день рождения брата Шаха, я почувствовала, что из глаз текут слезы, в горле застрял комок. Я прилегла, но не могла остановить слез. Где сейчас мои братья? Что с ними? Как Мир, так и Шах сразу после *Эйда* женились на сестрах Фаузие и Ре-хане из Кабула. Эти девушки — дочери афганского государственного служащего — вот и все, что я о них знаю. Но ведь хорошо, что братья нашли наконец любовь, тепло и эмоциональный комфорт в эти трудные времена. Почему же я так подавлена?

Пришел сон, беспокойный, циклический. Брат Мир тайно,

горными тропами, вернулся в Пакистан. Через горы, долины, реки, через Инд переправился, добрался до Карачи и спрятался в шкафу на Клифтон, 70. И тут нагрянули военные. Как раз, когда они распахнули шкаф, в котором прятался Мир, я проснулась в холодном поту.

Не ту жертву я видела во сне. На следующее утро я прочитала в газете, что Лала Асад застрелен полицией. Головная боль усилилась. Его убили в перестрелке с полицией в федеральной зоне «В» в Карачи. Газета сообщала, что он застрелил полицейского. Правду я узнала лишь через месяцы после события. Лала Асад, оказывается, не был вооружен. Полицейского убил какой-то другой полицейский в процессе бестолковой пальбы, открытой стражами порядка. Так что студент был безоружным.

Лала Асад мертв. Теперь и его кровь пятнает мундир генерала. Что чувствует престарелый отец Лала Асада? Вместо заботы сына — его мертвое тело. Закончится ли это когда-нибудь?

«В ходе охоты на террористов аль-Зульфикар полиция арестовала несколько сот человек», — прочитала я в газете 26 ноября. Полиция устраивала налеты на жилища, молодежные общежития, облавы в аэропортах по всей стране. На всех выходах из Карачи — морем, воздухом, на дорогах — устанавливались блок-посты. Газеты сообщали, что применялись специальные бинокли, видящие сквозь тонированные стекла автомобилей. Проверялись гримеры, чтобы обнаружить «злоумышленников, попытавшихся изменить внешность».

Меня мучили угрызения совести. Я чувствовала на себе ответственность за смерть Лала Асада, молилась, чтобы он простил меня за вырывавшиеся иной раз в пылу полемики резкости. Я мучилась, вспоминая фотоснимки, хранившиеся дома. На них Лала Асад и другие студенческие лидеры. Полиция изъяла их и использовала для опознания, думала я.

Взгляд опустился к сеточке морщин на руках, зеркало отражало паутинку вокруг глаз, на щеках и на лбу. Реакция на сухость воздуха и на песчаные ветры Суккура, полагала я. Но нет, они не исчезли и в Карачи. Преждевременно подступает старость.

11 декабря закончился очередной срок моего содержания под стражей, и я приготовилась услышать ставшее привычным сообщение о его продлении. Я понимала, что не выпустят они меня в такой обстановке. Пищу принесли на час раньше — с ожидаемым приказом. Но сенатор Пелл, очевидно, нашел способ пробить брешь в броне упрямства пакистанских военных. Через две недели ко мне поздно вечером неожиданно явился дежурный заместитель начальника тюрьмы.

— Собирайтесь, вас переводят в Ларкану. Отправляетесь с полицией в 5.45.

Плакала дневная надзирательница, плакала старая па-танка, просила прощения за свою, как она выразилась, «глупость и непонятливость». И я плакала. Хотя я и рисовала в воображении соблазнительные картины пребывания в комфортных условиях домашнего ареста, вдруг стало жалко покидать привычную обстановку тюрьмы. Время от времени благосклонные надзирательницы проносили мне контрабандой драгоценные экземпляры «Интернэшнл геральд трибюн» или «Ньюсуик»; рядом, в том же городе, мать и сестра. В далекой северной Аль-Муртазе я окажусь в изоляции от них.

Полиция прибыла на рассвете 27 декабря 1981 года. Я бросила последний взгляд на мрачную, сырую камеру. Как можно испытывать печаль, покидая такие условия? Но я печалилась, как и ранее, покидая Суккур. Годы изоляции оказывали воздействие на психику. Я приучилась бояться любых изменений.

10

ЕЩЕ ДВА ГОДА ОДИНОЧНОГО ЗАТОЧЕНИЯ

Знакомая обстановка. Домашние удобства. Комфорт. Если отвлечься от присутствия заблаговременно размещенной на участке полувоенной пограничной стражи да ежедневных визитов тюремного персонала, контролирующего мое поведение, — рай земной. Мне пообещали, что будут допускать в дом слуг, что я смогу пользоваться телефоном и, что самое ценное, принимать трех гостей раз в две недели. После десяти месяцев одиночного заключения — все равно, что отель пятизвездный. Прибытие домой я отпраздновала долгим возлежанием в горячей ванне и наманикюрила ногти.

Но первая радость рассеялась быстро. Разрешенные телефонные звонки ограничивались беседами с родственниками, причем меня предупредили, чтобы я в разговорах не затрагивала политику. Телефон работал через пень колоду, часто разговор обрывался на полуслове. Позже я поняла почему. Все телефонные линии проходили через военный связной пост, установленный за границей участка.

Не так просто обстояло дело и с посетителями. Оказалось, что допускаются ко мне лишь трое: мать, Санам и тетушка Манна. Все они жили в Карачи, оттуда час лететь, причем рейсы в неудобное время и, как водится у нас в Пакистане, то и дело отменяются, откладываются, задерживаются. Санам теперь хозяйка дома с домашними заботами, с мужем, за которым нужен уход, она выкроила время лишь для одного-двух визитов. Мать фактически больна, она не может навещать меня часто. Конечно,

у меня в Ларкане много знакомых, много политических сторонников, им легко было бы заехать ко мне, но их сюда ни за что не пустят. По сути, я снова оказалась в одиночном заключении. Посетителями чаще всего оказывались тюремные инспектора, и появлялись они настолько нечасто, что после их визитов болели натруженные неожиданными речевыми упражнениями челюсти. Может быть, следовало бы разговаривать с самой собою, чтобы только слышать человеческий голос, но до этого я почему-то не додумалась.

Приказы о моей изоляции поступали с завидной регулярностью, каждые три месяца, с одинаковой текстовкой. Содержание я выучила наизусть. «Поскольку заместитель главного администратора режима военного положения полагает, что в целях предотвращения действий госпожи Бхут-то Беназир, направленных против целей, для достижения коих и было учреждено военное положение, и на подрыв безопасности Пакистана, общественного порядка в нем, а также интересов населения страны, означенную госпожу Бхутто Беназир следует изолировать...» и все в том же духе.

Время снова начинало давить на меня. Никаких газет я не получала, не говоря уж об «Интернэшнл геральд трибюн». Телевидение дает лишь уроки арабского языка, да причесанные военными цензорами новости на синдхи, урду и английском, да затхлые получасовые пьески-интермедии. Меня одолевают приступы жалости к собственной персоне, перемежающиеся угрызениями совести. «Не греши! — одергиваю я себя. — Неблагодарная, Господь ниспослал тебе пищу, одежду, прочную крышу над головой. Есть на свете несчастные, лишенные всего этого». Эмоциональный маятник раскачивается у меня в голове.

Я научилась готовить, пользуясь старой книгой рецептов, найденной на кухне. Печи не работали, кухонной утвари не хватало, не нашлось даже миксера, нечем было яйца взбить. Каждое приготовленное мною блюдо — соусы, рис, *даль* — представляло в моих глазах маленькую победу. Так же как «дамские пальчики» и стручковые перцы на грядках матери три года назад здесь же, в Аль-Муртазе, моя стряпня приобретала особое значение. Я глядела на миску приготовленного мною риса и видела в этом рисе доказательство моего существования. Я сделала этот рис съедобным. Coquo ergp sum — Готовлю пищу, следовательно, существую.

Беспокоюсь о матери. Четыре месяца назад, посещая меня в тюрьме в Карачи, она сказала, что врачи подозревают у нее рак легких. Если у нее действительно рак, то время не терпит. Обнаружение и лечение рака легких на ранней стадии развития

может остановить болезнь. Если оставить его без лечения, рак очень быстро убьет свою жертву. Для того чтобы окрепнуть для проведения дальнейшей диагностики и лечения, мать следовала специальной диете, прописанной врачом. Последующие тесты показали, что затемнение в левом легком, вполне вероятно, носят злокачественный характер. Врачи заключили, что матери требуется CATSCAN и лечение, недоступное в Пакистане. Однако запрос матери на восстановление ее паспорта с целью выезда за границу для лечения военные проигнорировали. Говорили, что министерство иностранных дел ничего не может сделать, потому что Зия забрал дело матери с собой в Пекин.

Прошел месяц проволочек, затем другой. Врач матери в Карачи, потеряв надежду, приступил к химиотерапии. Я возмущалась и горевала, но что я могла поделать? То, что мать сообщала по телефону, внушало опасения. Волосы у нее выпадали, она худела, теряла вес. Сожалела, что в таком состоянии не может меня посетить. Я упрекала себя за то, что не могу оказаться рядом с нею и помочь.

Несмотря на свирепую цензуру, информация о ее состоянии распространялась по стране.

—Люди не забыли маму, — сообщала мне по телефону Санам. — Нам все время звонят, справляются о ее здоровье. И Фахри звонят. О болезни мамы говорят на дипломатических приемах и на чаепитиях, в кино и на автобусных остановках.

— Зия вынужден будет ее отпустить, — ответила я не вполне уверенно. И действительно, Зия, несмотря на оказываемое на него давление, не спешил выпустить мать за границу. Вместо этого через три месяца после сообщения врачей о затемнении в легком Зия созвал федеральный медицинский консилиум, чтобы определить, требуется ли матери лечение за границей.

Федеральный медицинский консилиум — еще одна придирка, еще одна проволочка. Как будто вернулись времена Айюб Хана, когда граждане не могли свободно выехать за границу. При моем отце каждый гражданин Пакистана имел право получить паспорт и вместе с ним право свободно путешествовать. Генералы из клики Зии, разумеется, свободно разъезжали по планете — причем, за счет государства — для лечения даже пустячных недомоганий, с которыми вполне могли справиться квалифицированные пакистанские врачи. Но политическим противникам чинились препоны. Теперь Зия использовал медицинский совет, чтобы помешать матери выехать за рубеж.

Совет этот укомплектовали «нужными» врачами. Так же как на решение Верховного суда Зия влиял уменьшением численного

состава суда, здесь он увеличил число врачей в совете от прежних трех до семи, причем все семеро оказались служащими военного режима. Возглавлял консилиум генерал-майор медицинской службы.

«Бегум-сахиба кажется мне в неплохом состоянии», — безответственно заявил этот генерал-майор после краткого заседания.

Консилиум потребовал, чтобы мать прошла сеанс из 14 облучений и анализ крови, процесс столь изнурительный, что она в результате заболела, у нее вновь открылось кровохаркание. Хотя опухоль явно увеличилась, а содержание гемоглобина в крови понизилось, медицинский генерал потребовал повторения бронхоскопии, что не только не вызывалось необходимостью, но и не могло не вызвать осложнений. Врач матери, доктор Сайд, которого тоже включили в совет, возмутился и отказался подписать заключение генеральских медиков. Его поддержал анестезиолог, настаивавший, что мать не вынесет общего наркоза, необходимого для введения трубки в легкие.

Я молилась за мать в Аль-Муртазе. Что я могла еще сделать? Но в стране началось движение за спасение матери. Люди боялись, что Зия убьет и ее. «Мы не смогли спасти господина Бхутто, — шептались люди. — Что же, теперь будем бездеятельно глядеть, пока и вдова его зачахнет?» Возмущение бездушной черствостью режима пересекло партийные границы и распространилось на семьи генералов и на высшие круги властных структур.

—Представляешь! — клокотал в телефонной трубке возбужденный голос Фахри. — Жена и сестры военного администратора Синдха вышли на демонстрацию за спасение жизни тетушки!

—Как! — ахнула я. — А полиция? Их что, арестовали? — четыре военных администратора провинций после Зия — самые могущественные люди в стране.

—Не получилось. Когда прибыла полиция, все демонстрантки убежали в дом военного администратора и закрыли за собой ворота.

Позже я узнала, что мучения моей матери вызвали отклик и за рубежом. В Англии группа моих старых друзей присоединилась к доктору. Ниязи, которому помогала Амина Пирача и другие активисты. Они организовали кампанию «Спасите женщин Бхутто». Прежде всего они стремились освободить мать, для чего, в частности, лоббировали парламент при поддержке лорда Эйвбери, члена палаты лордов. Два члена парламента, Джоан Лестор и Джонатан Эйткен, откликнулись, поставив на

рассмотрение палаты общин вопрос «о разрешении бегуме Бхутто выехать за границу для лечения от болезни легких». 4 ноября лорд Эйвбери устроил в палате лордов пресс-конференцию, на которой британский врач подчеркнул опасность состояния моей матери.

Звучали голоса в поддержку матери и в Соединенных Штатах. «Уважаемый господин посол, — написал сенатор Джон 1ленн, член сенатского комитета по иностранным делам, Эджазу Азиму, послу Пакистана в Вашингтоне, 8 ноября. — Более двух месяцев назад миссис Нусрат Бхутто, вдова бывшего премьер-министра, запросила разрешения на выезд из страны для лечения злокачественной опухоли легких... Из соображений человеколюбия я прошу ваше правительство безотлагательно согласиться на просьбу миссис Бхутто о выезде для лечения. Ваше согласие будет рассматриваться нами как акт сострадания и укрепит отношения между нашими странами».

Зия, однако, привык игнорировать запросы с Запада. Находясь вне страны, с визитом в Юго-Восточной Азии, он настолько не сомневался в решении своего медицинского органа, что опередил его заключение. В день вынесения вердикта консилиумом он заявил в интервью прессе (Куала-Лумпур, 11 ноября): «С бегумой Бхутто все в полном порядке, она пребывает в добром здравии. Если она желает выехать за границу поразвлечься или на отдых, пусть так и напишет, а мы рассмотрим».

Но не все подвластно генералам. Врач матери доктор Сайд твердо заявил: «Я ваше заключение не подпишу. Моя совесть врача не позволяет мне ставить под угрозу жизнь пациента».

«Я тоже не подпишу», — неожиданно заявил еще один член консилиума, нарушая субординацию и явно нарушая полученный ранее приказ. Доктор Сайд запустил цепную реакцию. Генерал-майор с ужасом слушал, как его подчиненные один за другим отказывались подписать сфабрикованное заключение. Более того, они подписали заключение доктора Сайда, призывавшее немедленно отправить больную для лечения за рубеж. «Господин генерал, вам тоже следует подписать, — обратился доктор Сайд к главе комиссии. — Ведь все ваши офицеры подписались, как может их командир отказаться?»

И генерал действительно поставил подпись под документом! Разумеется, Зия отомстил ему за неисполнение приказа и сместил со всех военных и гражданских постов.

На следующий день после столь неожиданного решения военных медиков власти выдали матери разрешение на выезд. Я прыгала от радости, прочитав об этом в утренней газете, и тут же

настрочила заявление на разрешение повидать мать перед отъездом. После почти года заключения в Аль-Муртазе мне вдруг велели собираться. Колонна из дюжины военных грузовиков, джипов и легковых машин доставила меня в аэропорт Моенджодаро. Там полиция принялась отбирать фотоаппараты у репортеров и публики, пытавшихся запечатлеть мое первое за одиннадцать месяцев появление «в миру». В самолет меня усаживали под дулами полицейских автоматов и армейских штурмовых винтовок. Когда в Карачи меня везли на Клифтон, 70, над машиной летел вертолет. Весь этот переполох ради того, чтобы дочь могла попрощаться с матерью.

Мать я застала в постели, бледную и слабую, постаревшую несообразно с реальным ее возрастом. Снова я переживала борьбу с самой собою: хотелось, чтобы она выздоровела, чтобы ее вылечили, но одновременно сердце сжималось от предстоящего ощущения одиночества. Я старалась подавить свои страхи, когда ворвалась Фахри с новостями от генерального секретаря ДВД и от других партийных лидеров и активистов. «Что будет, когда бегума Бхутто уедет?» — таков преобладающий настрой этих вестей. Но выбора у матери не было.

«С тяжелым сердцем, принужденная к этому болезнью, я временно покидаю мою страну и мой народ, — писала мать в прощальном обращении. — Мысли мои постоянно с вами, с борющимся народом, со страдающими, притесняемыми, эксплуатируемыми, голодными массами населения, с вами мои мечты и видения грядущего, процветающего и прогрессивного Пакистана...»

Власти умышленно оглашали противоречивые сведения о времени отъезда матери, чтобы сбить с толку желающих ее проводить. Народ, однако, привык к вечной лжи и уловкам режима, возле Клифтон, 70, постоянно толклись люди, гадая и выискивая признаки, по которым можно было бы определиться точнее. До нас доносились из-за стен крики: *«Джайе* Бхутто! Бегума Бхутто *зиндабад!»*

Вечером 20 ноября 1982 года я поцеловала маму и вручила ей медальоны, заполненные землей с могилы отца для передачи братьям, а для новорожденных племянниц брелки с выгравированными охранительными изречениями из Корана. Мы обе плакали, не зная, что нас ждет впереди.

— Береги себя, — просила меня мать.

Мы покинули дом через резные деревянные двери, перед которыми она тринадцать лет назад, провожая меня в Гарвард, возносила над моей головой Священный Коран. И она вышла из ворот дома, где ожидала масса провожающих.

Рассказывает Самийя Вахид.

Дост Мохаммед вел машину с бегумой Бхутто, которую сопровождали сидящие на заднем сиденье Санам и Фахри. Толпа у ворот Клифтон, 70, собралась громадная. Попытки режима утаить время отъезда бегумы Бхутто провалились. Для того чтобы ее видели, бегума Бхутто включила в своей машине свет. Автомобиль, в котором ехала я с госпожой Ниязи, Аминой и моей сестрой Сальмой, следовал вплотную за машиной бегумы Бхутто. К нам постоянно присоединялись машины провожающих, так что очень скоро образовалась мощная автоколонна. На вершине виадука перед аэропортом я оглянулась: колонна сопровождающих занимала семь полос автострады, оставив встречному потоку лишь одну полосу.

В аэропорту уже собралась грандиозная толпа. Они бросились к нашим автомобилям. Я вдруг увидела чьи-то босые ноги перед ветровым стеклом нашей машины. Раздавались благословения и восхваления в адрес бегумы Бхутто, призывы к Аллаху сохранить ее и тому подобное. Партийные активисты с трудом расчистили место для ее инвалидной коляски. Коляска, однако, не поехала, а поплыла над густой толпою на поднятых вверх руках. Экипажу «Эр Франс» пришлось пробираться сквозь толпу, перекидывая друг другу сумки. Покрыв стоярдовое расстояние, стюардессы выбрались к самолету в помятой форме, со сбитыми набок пилотками. Такого сумбурного прощания в Пакистане еще не было. Ведь люди не знали, увидят ли они снова вдову своего премьер-министра и любимого лидера ПНП.

Мама прошла процедуры CATSCAN и весь положенный курс лечения в Западной Германии. Она хорошо перенесла лечение, распространение опухоли удалось остановить. Я тем временем оставалась под охраной на Клифтон, 70. Внутри дома несли вахту одиннадцать тюремных надзирателей. Снаружи посты военизированных пограничников окружали дом с интервалом в два фута. Фургоны военной разведки дежурили круглосуточно у передних и задних ворот. Мне предстояло провести в окружении превосходящих сил противника четырнадцать долгих месяцев.

* * *

Не отрываясь, взахлеб прочла я книгу Хакопо Тимерма-на «Узник без имени, камера без номера», дневник издателя-газетчика, проведшего два с половиной года в застенках военного режима Аргентины. «Зеркало наших душ, — записала я в своем дневнике, — отражение наших скорбных глаз в переполненных скорбью глазах с другого континента». Когда я читала его описание пытки на электрическом стуле, слова прыгали со страницы в мои глаза. Тело разрывается на части, пишет

Тимерман, но каким-то чудом на коже не остается ни следа. Политического заключенного после пытки спихивают со стула, сам он двигаться не в состоянии. Чуть отдышится — и снова начинается мучение. Об Аргентине он пишет или о допросных камерах военного режима Пакистана?

Президентский указ № 4 от 24 марта 1982 года. Судопроизводство специальных военных трибуналов отныне проводится секретно, in camera. Трибунал не обязан никого информировать, когда состоится процесс, кто обвиняемый, какие предъявлены обвинения, каков приговор. Чтобы предотвратить утечку информации, предусмотрены наказания для адвокатов и всех, как-либо связанных с процессом, за передачу данных тем, «кого это не касается».

Указ военного положения № 54 от 23 сентября 1982 года с обратным действием вплоть до даты переворота, 5 июля 1977 года. Смертная казнь отныне грозит каждому, совершившему действия, «грозящие вызвать неуверенность, страх или иные негативные реакции населения». Смертная казнь также полагается каждому, кто знал о таких действиях и не донес военной администрации. При этом обвиняемый предполагается виновным, «пока не докажет обратного».

В октябре в Карачи встретились две тысячи юристов, чтобы потребовать восстановления гражданских свобод. Организаторов конференции арестовали и приговорили каждого к году заключения строгого режима. Через две недели арестовали господина Хафиза Лахо, бывшего адвоката моего отца, и секретаря ассоциации юристов Карачи.

В декабре газеты сообщили о визите Зии в Вашингтон, о его встречах с президентом Рейганом и членами конгресса. В том же самом декабре в Пакистане состоялось более двадцати казней. Знали члены конгресса о нарушениях прав человека в Пакистане? Интересовались ли они этим?

Ответ на этот вопрос я получила лишь через три года. Зия ожидал, что его визит в Вашингтон обернется триумфом, но вместо этого попал под огонь критики во время встречи с членами сенатского комитета по иностранным делам.

«Присутствующие хорошо заметили, что генерал сохранял спокойствие и уверенность, пока сенатор Пелл не вручил ему письмо, выражающее озабоченность комитета состоянием некоторых политических противников режима, — писал Джек Андерсон в «Вашингтон пост». — Открывало список имя Беназир Бхутто».

Зия, как сообщают, вспылил, когда сенатор Пелл не захотел оставлять вопрос о политических заключенных открытым.

«Вот что я вам скажу, сенатор, — начал Зия, заявил, что я нарушила «закон» и сообщил: — Она живет в доме, какого никакой сенатор не имеет». Он также утверждал, что я принимаю гостей, и заключил тем, что я могу пользоваться телефоном.

Питер Гэлбрайт, услышав об этом заявлении, снял трубку и позвонил на Клифтон, 70. Ответил мужской голос, и Питер сообщил, что хочет говорить со мной.

«С ней нельзя говорить. Она заключенная».

«Я звоню из сената Соединенных Штатов, — не сдавался Питер. — Тут только что побывал ваш президент и рассказывал нам, что мисс Бхутто может пользоваться телефоном».

«Нет, нет, не позволено. Запрещено». — И собеседник Питера Гэлбрайта прервал связь.

25 декабря, день рождения основателя Пакистана, я провела в изоляции на Клифтон, 70. Одна оставалась и в Новый год, и в день рождения отца. В начале 1983 года я осознала, что с 1977-го лишь один год встретила на свободе. Ночью начала скрипеть зубами, утром просыпалась, настолько плотно сжав пальцы, что не сразу могла их разжать.

«Искренне благодарна я Господу за все, чем он меня благословил, — записала я тогда в дневнике. — Мое имя, честь, репутация, жизнь, отец, мать, братья, сестра, образование, свободная речь, действуют обе руки и обе ноги, зрение, слух, никаких уродующих шрамов...» Список этот я продолжала и продолжала, чтобы истребить все время возникавшую во мне жалость к самой себе. Другим узникам режима приходилось куда хуже в их холодных зимних камерах.

Один из наших старых семейных слуг похвастался однажды новым шерстяным шарфом. Такие шарфы, сказал он, дешево продают афганские беженцы на черном рынке. Я тайком передала сообщение на волю, заказать шарфы с красно-зелено-черными концами — цвета ПНП. Тысячи таких шарфов в комплекте с носками и свитерами мы разослали по тюрьмам Синдха.

Снова задергало в ухе, заболели зубы, десны, а теперь еще и суставы.

— Ничего с вашим ухом не происходит, — сообщил мне врач в военно-морском госпитале в Карачи.

Их стоматолог оказался столь же «квалифицированным». Он спросил меня, какой зуб у меня болит, чтобы снять с него рентгенограмму.

—Я не знаю конкретно, какой зуб, — ответила я ему. — Вы дантист, не я. Болит вот тут, в этой области, все болит.

—Но мы не можем впустую гонять рентген!

Британская пресса начала обсасывать тему моего здоровья.

Министр информации в пакистанском посольстве тут же отреагировал.

— Когда она жалуется на здоровье, ее тут же доставляют в лучший госпиталь Карачи, — заявил Кутубуддин Азиз репортеру «Гардиан». — Из-за интенсивного курения у нее возникли проблемы с деснами, и ее лечит квалифицированный дантист, которого она сама выбрала.

Снова ложь. Ни одного врача не дали мне выбрать. Кроме того, я вообще не курю.

Мне катастрофически не хватало информационных контактов, обмена идеями, собеседников. Счастье, что в доме на Клифтон со мной остались кошки, но беседа с кошками носит несколько односторонний характер. Режиму на руку, если я засохну без живого общения. И потому я несказанно удивилась, когда в марте 1983 года получила повестку на явку в суд в качестве свидетеля по делу некоего Джама Заки, коммуниста, обвиняемого в целой куче ужасных преступлений, среди которых подрывная деятельность против идеологии Пакистана и распространение настроений неудовлетворенности в вооруженных силах.

С Джамом Заки никогда не встречалась. Он по определению противник отца. Как оказалось, он вызвал нескольких видных политиков в суд для определения справедливости выдвинутых против него обвинений. Естественно, я горела желанием обсудить степень законности — то есть незаконность — военного положения, хотя и не понимала мотивов, по которым военные позволяли мне лично выступить в суде. Может быть, им хотелось представить меня сочувствующей коммунистам. Более важным для меня было право каждого обвиняемого на свободный и открытый процесс. Суд мог оказаться платформой для первого за два года изложения моих политических воззрений.

Когда пришла первая повестка на 25 марта, я написала в суд, что нахожусь под арестом и потому не могу сама появиться в назначенное время. Если я нужна суду в качестве свидетеля, то следует отдать соответствующие распоряжения.

Из министерства внутренних дел почти тут же велели мне подготовиться к семи утра на следующий день. Я подготовилась. В 11 утра пришло новое сообщение. Мое выступление перенесли на то же время на следующий день. 27 марта я снова приготовилась к выходу. И опять прождала впустую четыре часа, опять мне сообщили, что доставят в суд на следующий день. Я утешалась, думая, что таким образом режим желает запутать моих сторонников, которые, конечно, не преминут собраться, чтобы меня увидеть. Когда меня забрали наконец на третий день,

то приняли все меры, чтобы я не соприкоснулась с публикой.

Везли меня по пустым, блокированным полицией улицам. Блок-посты запирали все перекрестки на Кашмир-ро-уд, по которой меня транспортировали. Перекрестки украсили рогатки из густо намотанной колючей проволоки. Можно было подумать, что военные приготовились к уличным боям. Прибыв в суд, заседавший в плохо приспособленном для судебных функций спортивном комплексе, я обнаружила, что и здесь помещения почти безлюдны. Родственники Джама Саки и других обвиняемых сидели в комнатах ожидания, им строго-настрого запретили ко мне обращаться. Но я блаженствовала. Я все же увидела новые лица. Увидела нескольких адвокатов, а главное, сквозь блокаду каким-то образом удалось пробраться Самийе, Сальме и моей кузине Фахри. И конечно, радовала возможность поработать наконец языком.

Зал заседаний оказался весьма невелик. За столом восседал армейский полковник, с обеих сторон его фланкировали майор и гражданский судейский чиновник. Мы сидели на стульях, установленных в три ряда перед ними. Джам Саки оставался в течение всего суда в наручниках. Он сам задавал вопросы, потому что военные суды не разрешали адвокатам защищать обвиняемых.

На мой допрос график суда отвел один день, но ответы мои на вопросы Джама Саки отличались таким объемом,

что заняли более двух дней. На его вопросы нельзя было ответить кратко. Вот они:

—Нас обвиняют в подрыве идеологии Пакистана; существует ли идеология Пакистана?

—Что вы думаете об Иранской революции?

—Подпадает ли военное положение и военное правление под ислам?

Я знала, что подпольная литература расцвела пышным цветом, что по рукам более образованной части населения разгуливают светокопированные листовки, что передаются тайком из рук в руки брошюрки и целые книги, — некоторые типографии рискуют, печатая «в сверхурочные часы», по ночам, недозволенную литературу, сразу же переплавляя печатные формы. Эта линия поведения и для меня оставалась единственной для разъяснения позиции партии и обличения варваров в форме, и я не могла ею пренебречь.

— Чтобы определиться с отношением ислама к военному положению, мы должны уяснить себе концепцию военного положения и концепцию ислама, — начала я ответ на третий вопрос. — Ислам есть покорность воле Всевышнего, а военное положение есть покорность воле военного командира.

Мусульманин безоговорочно покорен лишь воле Аллаха.

Термин «военное положение», если я не ошибаюсь, сложился во дни Бисмарка и возникновения Прусской империи. В целях скорейшего объединения покоренных территорий Бисмарк заменял правопорядок на этих территориях своим собственным, основанным на его желании, подкрепленном штыками. Уже перед Второй мировой войной термин «военное положение» относился также к правлению оккупирующей армии. Слово войскового командира заменяло на оккупированной территории закон.

В колониальную эпоху местное население колоний рассматривали как граждан второго сорта, отстраняли от участия в управлении, не давали формировать собственную судьбу согласно их чаяниям, к их собственной выгоде. После Второй мировой войны колониальные державы постепенно оставили бывшие колонии, и их население в течение краткого времени наслаждалось свободой. В это время такие руководители народов, как Насер, Нкрума, Неру и Сукарно, стремились к социальной справедливости и равенству возможностей для населения своих стран. Но бывшие колониальные державы, реструктуризировавшись и желая в первую очередь удовлетворять материальные потребности своего населения, сознательно или нет, не могу сказать, способствовали укреплению военно-религиозного комплекса бывших колоний. Муллы и милитаристы отрицали право народа на решение своей судьбы, не дали воспользоваться плодами обретенной независимости. Ситуация еще больше осложнилась обострением соперничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Многие бывшие колонии теперь управляются военной администрацией. Но форма правления, базирующаяся на силе, а не на согласии, несовместима с основными принципами ислама, в котором отсутствует концепция узурпации власти. Поэтому не может быть и речи о совместимости военного положения и ислама.

Листовки с этим моим выступлением вскоре нашли путь в пресс-центры, ассоциации юристов, даже в тюремные камеры политических активистов.

Журналистов в суд не допускали, однако один ушлый британский корреспондент умудрился проникнуть в комнату заседаний. Его присутствия никто не замечал, пока вдруг в комнату не вошел некий серенький господин. Вошедший подошел к полковнику, пригнулся и прошептал что-то ему на ухо.

—Где? — встрепенулся полковник. Серенький господин повел носом в задний угол.

—Полагаю, вы журналист, — прогремел полковник. —

Журналистам вход в зал суда воспрещен. Немедленно покиньте помещение.

Я увидела, как из зала провожают мужчину, одетого в *шальвар хамиз,* судя по виду, светлокожего патана, на которого вначале никто не обращал внимания. Часть истории он все-таки успел схватить. «Мисс Бхутто казалась собранной, в добром здравии, и продемонстрировала, что заключение не сказалось на ее остром уме и остром языке», — написал впоследствии корреспондент «Гардиан».

Здоровье мое, однако, не соответствовало внешнему облику. Ко всем невзгодам добавилось и своеволие некоторых лидеров ПНП в апреле 1983 года. В это время Зия снова попытался сколотить своему режиму политическую базу, которой недоставало ему с самого момента переворота. Собираясь в августе возвестить об очередном шаге в «исламизации» страны, он запланировал поездку по Синдху, первую после свержения правительства отца и попрания конституции 1973 года. Не удивительно, что народ реагировал на его приезд с гневом и возмущением.

Во время правления моего отца синдхи добились больших успехов, заняли важные посты на государственной службе в администрации, в таможне, в полиции. Уничтожили квоты в университетах. Синдхи получали земельные наделы, хорошо зарабатывали во вновь учреждаемых больницах, на сахарных и цементных заводах. Пришел Зия — и положение резко изменилось. Снова началась дискриминация синдхов. Государство владело в Синдхе большим количеством земли, и Зия принялся раздавать эту землю армейским офицерам, а не безземельным крестьянам. В промышленности отставные офицеры вытесняли синдхов с руководящих позиций. Несмотря на то что 65 процентов доходов Пакистана поступает от находящегося в Синдхе порта Карачи, мало что из этих доходов возвращается в провинцию. Это притеснение синдхов, в первую очередь экономическое, настраивало народ против военной диктатуры, и возмущение резко возросло после убийства отца. Многие в провинции были уверены, что, не будь он синдхом, его бы не уничтожили.

После выборов в местные органы самоуправления 1979 года избранные советниками члены ПНП в Бадине и Хайдарабаде вынесли резолюции, осуждающие казнь моего отца и высоко оценивающие его заслуги. В отместку Зия начал процесс дисквалификации советников ПНП по всему Синдху. Теперь же, стремясь продемонстрировать «единение», Зия запланировал посещение оставшихся на своих постах советников из ПНП. К

моему ужасу, из газетных сообщений следовало, что это желание диктатора находит отклик у некоторых из них.

Что мне делать, как послать весть из заточения? Слуг обыскивают при входе и выходе, по городу их сопровождают агенты разведки на мотоциклах. В конце концов я попросила одного члена нашего домашнего штата сказаться больным и отправиться домой, в Ларкану, якобы для лечения и отдыха.

«Надеюсь, ваш сын не примет Зию. Как вы понимаете, это противоречило бы нашим целям. Прошу оповестить остальных», — такое сообщение выучил наизусть мой посланник для передачи лидеру ПНП в Синдхе, сына которого избрали советником.

Передала я сообщение и самому советнику в Ларкане. «Вы и ваши коллеги — укладывайтесь в больницы, уезжайте из Ларканы — что угодно, но не встречайтесь с Зией».

Я кипела от бессильной ярости, когда включила телевизор и увидела, что некоторые все же встретились с диктатором. Очевидно, они решили, что партия ничего против них не предпримет. Я глубоко переживала предательство. Снова политики разрушают единство партии, преследуя свои шкурные интересы. Возможно, я слишком склонна к идеализму, но я ожидала иного. Выбора у меня не оставалось, пришлось позвонить председателю ПНП.

— Исключите из партии советников, принявших Зию. Они нарушили партийную дисциплину! — выпалила я скороговоркой, понимая, что телефон немедленно умолкнет. И действительно, сразу после этой фразы в трубке щелкнуло и телефон умер. Более он не оживал.

Так я лишилась звонков от родственников. Прекратились и их посещения. Обыски входящих и выходящих слуг стали тщательнее, их заставляли снимать обувь и стаскивать носки. Обыскивали корзины с мясом и овощами, приносимые поваром с рынка. Перерывали даже вывозимый с участка мусор.

Оказавшись снова в полной изоляции, я опять заболела. Усилилась боль в ухе, возобновились шумы. Левая щека онемела, почти не ощущала прикосновения.

Однажды вечером, проходя по залу для приемов, я вдруг почувствовала, что пол резко поднялся к потолку. Чтобы устоять на ногах, я схватилась за подлокотник дивана, ожидая, пока схлынет волна головокружения, но облако тьмы окутало меня, и я рухнула на диван.

К счастью, я не оказалась одна в этот момент.

—Скорей, скорей! *Мисс-сахиба* плохо! Врача, врача! — с таким криком выбежал к тюремщикам один из наших слуг. И снова как будто вмешался сам Господь. Вместо обычных

проволочек с вызовом медика от военных или через министерство внутренних дел с ожиданием в несколько дней, а то и в две недели, полицейские вызвали врача скорой помощи из больницы «Мид Ист». И снова нарыв в ухе прорвался наружу, а не внутрь.

—Ваше состояние очень опасно, — сообщил мне врач, осмотрев ухо. — Требуется вмешательство специалиста.

—Если вы особо не укажете, что мне нужен специалист, они не перестанут прикидываться, что со мной все в порядке, — сказала я ему.

Молодой врач оказался не из трусливых. Не скупясь на медицинские термины, он выписал заключение о необходимости осмотра пациентки отоларингологом. Военные все-таки согласились вызвать специалиста, который обрабатывал мои пазухи три года назад. Человек скромный, он не пожелал, чтобы я упоминала его имя в книге. Но именно ему я обязана стабилизацией моего здоровья и, возможно, даже жизнью.

— Барабанная перепонка перфорирована, — констатировал этот врач, подтверждая мои подозрения о «чудо-докторе» военных в Аль-Муртазе четырьмя годами раньше. Перфорация привела к инфицированию среднего уха и мастоидной кости. — Мое состояние требовало регулярного дренирования для снятия давления с лицевого нерва, пережатием которого и объяснялось онемение щеки. Затем, по снятии воспаления, требовалась операция. — Вам следует отправиться за границу для микрохирургического вмешательства. Мы этой технологией не располагаем, нам пришлось бы распиливать вам череп, а это опасная процедура. Для вашей безопасности намного лучше выехать за границу.

Я молча уставилась на него. Он явно намекал на иные риски, не связанные с медицинскими аспектами операции. Я знала, что к одному из моих врачей обращались в 1980 году, оказывали на него давление, чтобы он заявил о моих проблемах с внутренним ухом, а не средним. И что в связи с этим я нуждаюсь в помощи психиатра. «Мы созовем десять консилиумов, которые подтвердят ваш диагноз», — говорили ему. Прекрасное решение проблемы для режима! Списать меня как психически больную. Но врач отказался. Теперь другой врач подчеркивает, что лучше бы мне из Пакистана уехать.

— Я мог бы выполнить эту операцию, но боюсь, что на меня начнут давить, чтобы я сделал что-то сверх положенного, пока вы под наркозом. А если я откажусь, они найдут способ сделать это сами. В любом случае, лучше вам вы ехать из страны.

Я обратилась к властям с просьбой выехать из страны для лечения. Ответа долгое время не получала, но меня это не

расстраивало, ибо все равно я нуждалась во времени, чтобы набраться сил.

— Вам понадобится не один месяц, чтобы окрепнуть для общего наркоза, — сказал мне мой врач. И меня посадили на высококалорийную протеиновую диету: бифштексы, молочные продукты, цыплята и яйца мелькали в моем меню.

Ухо, однако, не отпускало. Левая сторона лица немела. В голове гулко стучало, ухо трещало так, что трудно было что-либо еще расслышать. Врачу разрешили еженедельно посещать меня для дренирования уха. И он немедленно почувствовал на себе повышенное внимание.

— Часто ездите в Хайдарабад? — спросил его вдруг со сед, высокопоставленный полицейский чин. — А видели «Пожелание смерти»?

На следующий день врачу подкинули в дом упомянутый соседом видеофильм. Начались телефонные звонки с угрозами. Пришла бумага из налогового управления о внеплановой проверке. Режим постарался бросить тень на профессиональную репутацию врача, ему пригрозили увольнением из больницы. Но этот мужественный человек не сдался, за что я ему глубоко благодарна. Он оставался почти единственным представителем внешнего мира, с которым я имела возможность общаться, хотя власти утверждали противоположное, как я узнала позже от Питера Гэлбрайта.

Рассказывает Питер Гэлбрайт.

В конце июня пакистанское правительство наконец ответило на письмо группы сенаторов во главе с сенатором Пеллом, переданное генералу Зие в декабре. В письме шла речь о положении ряда пакистанских политических заключенных. О Беназир в письме повторялось примерно то же, что уже рассказывал Зия во время визита в Вашингтон.

«Она находится в настоящее время под домашним арестом в своей резиденции в Карачи для предотвращения вмешательства в нелегальную политическую активность. Она, однако, живет в довольстве и удобстве, используя для лечения врачей по своему выбору. Ей разрешены контакты с друзьями и родственниками. Восьмерым близким родственникам разрешено оставаться с нею группами по три человека. Ей разрешено пользоваться прислугой по своему выбору, она также может пользоваться телефоном».

Вскоре после этого мне позвонила кузина Беназир. Я спросил ее о фактическом положении дел.

— Все наглая ложь! — возмутилась она. — Никого к ней не пускают. Родную сестру Санам, и то за последние три месяца впустили только один раз. Кузина Фахри с трудом прорвалась. Ее

даже в сад не выпускают. Она одинока и больна. Я за нее беспокоюсь.

Я составил докладную записку сенатору Пеллу. Момент как раз оказался удачным, в город приехал Якуб Хан, министр иностранных дел Пакистана, бывший посол в Вашингтоне. Он в Вашингтоне обзавелся друзьями, знавшими его как человека, не склонного к лицемерию и мелким пакостям. Сенатор Пелл обратился к нему за разъяснениями по поводу расхождения между информацией официальной и полученной из первых рук, и Якуб сразу посерьезнел. Казалось, его это задело, и он пообещал по возвращении разобраться в ситуации лично.

21 июня 1983 года. Самый длинный день в году и мой 30-й день рождения. Будучи по природе оптимисткой, я написала министру внутренних дел заявление, в котором, ссылаясь на то, что в течение нескольких месяцев ко мне вообще никого не пускали, попросила разрешить в честь дня рождения посещения нескольких старых друзей. К моему удивлению, просьбу эту удовлетворили.

Вечером появились Самийя, ее сестра и Пари. Они принесли шоколадный торт, который испекла Пари. Под бдительным оком полицейской надзирательницы мы шумели, обнимались и целовались.

— Слава Богу, торт цел остался, — радовалась Самийя. — Они так тщательно все обыскивали, что мы боялись, они и торт раскромсают.

Не забыла меня и Виктория Скофилд. Незадолго до моего дня рождения она написала действующему президенту Оксфордского общества, напомнила, что я уже третий день рождения провожу под арестом. 21 июня Оксфордское общество почтило мои невзгоды минутой молчания. Такой чести бывший президент обычно удостаивается лишь в случае кончины. Другой старый мой друг, бывший президент Кембриджского общества, Дэвид Джонсон, присутствовавший на том заседании, заказал за меня молитвы в следующее воскресение в Вестминстерском аббатстве и в соборе Святого Павла в Лондоне. Трогательные проявления дружеской заботы.

Другие проявления внимания примерно в это же время вызвали у меня озабоченность.

—Пожалуйста, подготовьтесь к выезду в семь вечера, — обратился ко мне один из старших надзирателей. — Поедете в правительственный дом отдыха.

—Зачем?

—На встречу с администратором.

—С администратором? Я не желаю видеть ваших генералов.

Надзиратель озадачился:

—Но вы обязаны подчиняться. Ведь вы арестованная.

—Все равно, — заартачилась я. — Не хочу и не буду. Можете меня тащить насильно, а я буду визжать, вырываться и кусаться.

Собеседник мой, бормоча что-то насчет того, что я не вижу собственной выгоды, что беседа с генералом Аббаси явно мне на пользу, удалился. Но мне было все равно. Для таких непримиримых противников военного режима, как я, встреча с ненавистными представителями его верхушки равнялась предательству. Встреча с ними означала признание законности их действий. Я тут же принялась собирать вещи, уверенная, что в наказание за строптивость меня немедленно вернут в тюрьму. Уложила привычный комплект: ручки, тетрадки, средства против насекомых, туалетная бумага... Однако тюремного конвоя я так и не дождалась. Вместо него, несказанно удивив меня, на Клифтон, 70, прибыл генерал Аббаси.

Чтобы всевластный заносчивый диктатор провинции, привыкший распоряжаться, одним своим словом менять судьбы тысяч людей, прибыл с визитом к пленному лидеру оппозиции — нет, неслыханно... Я не верила своим глазам, глядя на седовласого генерала в полевой форме цвета хаки, сидевшего в нашей гостиной во время первого из своих нескольких посещений. Тематика бесед наших разнообразием не отличалась.

— Я понимаю, вы больны, — повторял он. — То, что я военный, не означает, что мне нет дела до судеб людей. Не забывайте, ведь наши семьи связаны на протяжении многих поколений. Я от всей души желаю, чтобы вы лечились за границей. Но мы не можем допустить политических осложнений.

Я всеми силами держала себя в узде. «Оставайся вежливой, — твердила я себе. — И не выдавай себя». Генерал Аббаси прибыл, чтобы по возможности вникнуть в мои намерения и понять, чего от меня можно ожидать, если я окажусь за границей. Я постаралась внушить ему, что очень хочу вылечиться и вернуться обратно. До некоторой степени так оно и было, ибо в то время у меня не было намерения оставаться за границей надолго. Однако уже тогда я собиралась использовать любую возможность для борьбы с ненавистным военным режимом.

Тогда я не осознавала, в какое положение поставил военных диагноз моего врача. Он указал, что я нуждаюсь в лечении за границей, из чего следовало, что, если меня не выпустят и со мной что-то случится, бремя вины падет на режим. К этим соображениям добавилось давление со стороны сенатора Пелла и сенатского комитета по иностранным делам, возможно, также и со стороны Якуб Хана. В течение лета 1983 года я стала обузой

для военного режима, мое удержание работало против них. Тогда, на Клифтон, 70, я еще этого не знала. И я поставила под угрозу возможность освобождения, снова окунувшись в политику.

Волнения в Синдхе во время визита Зии не ослабевали. Приближалось 14 августа, День независимости Пакистана и дата, в которую Зия собирался объявить об еще одних фиктивных выборах. В преддверии этих событий ДВД инициировало массовое движение за восстановление демократии. Я внимательно следила за кампанией по газетам и слушая Би-би-си. Соблюдая крайнюю осторожность, я обменивалась сообщениями с правлением ПНП. К этому времени партия учредила подпольную ячейку в близлежащей больнице «Мид Ист». Я также посылала инструкции в свой домашний округ Ларкану и получала оттуда информацию.

Эта инициатива Движения за воссоздание демократии развивалась иначе, чем предыдущие. Раньше одно упоминание слов «движение протеста» вызывало бешеную активность режима. Лидеров и активистов арестовывали тысячами, чтобы оставить народ без руководства. Теперь же руководителей ДВД лишь пугали арестом. Полиция даже не препятствовала сбору людей в толпы. В движение включились крупные землевладельцы Синдха, выделявшие трактора и грузовики для доставки людей на демонстрации.

Некоторые руководители ПНП, однако, колебались. Полагали, что один из них, Джатой, вел переговоры с американцами и армейскими офицерами с целью свержения Зии. Имелось в виду, что власть перейдет к Джатою, а ПНП останется в стороне. Я все же убедила руководство ПНП присоединиться к движению, подчеркивая, что сейчас важно объединить все силы, чтобы свергнуть Зию, а после этого можно будет и выйти из союза, если будет в том необходимость.

Движение медленно набирало силу, я переправила контрабандой несколько писем руководству партии, советуя, что сказать дипломатам и что сказать прессе, призывая не ослаблять усилий, не дать режиму уничтожить нас. Я сознавала, что в случае обнаружения этих писем я поеду не за границу, а обратно в тюрьму. Но необходимость политической эмансипации пакистанского народа преодолевала все опасения. Чтобы рассеять возможные подозрения проверяющих меня чиновников, я старалась казаться более слабой, озабоченной лишь болезнью. Раньше в их присутствии все было наоборот: злость придавала мне силы и энергию. Теперь же я скромно опускала глаза в пол, слабым голосом бормотала ответы на вопросы, чтобы они прочувствовали мою удрученность плачевным состоянием здоровья и сосредоточенность на своих хворях.

Тем временем Джатой напирал на меня, требуя, чтобы мать обратилась к народу. С превеликими трудностями кому-то из руководства удалось с ней связаться. «Пусть Беназир выпустит обращение от моего имени», — ответила она. Я села за электрическую пишущую машинку и между отключениями электроэнергии, как джинн, бушевала над клавишами; слова молниеносно соскакивали с пальцев и выстраивались на бумаге.

«Дорогие мои сограждане, героические патриоты Пакистана! Братья и сестры мои, сыновья и дочери! — так начала я обращение матери к народу, которое впоследствии перевели на урду и синдхи и распространили по всей провинции. — ...Цель нашего движения — гражданское неповиновение. Шесть долгих лет мы терпим преследования и притеснение. Наши призывы к восстановлению демократии остаются без внимания, наших товарищей кидают в застенки и убивают. Довольно! Владельцы автобусов, оставьте машины в гаражах! Железнодорожники, остановите поезда! Полицейские! Следуйте примеру ваших братьев в Даду, отказывайтесь стрелять в своих невинных сограждан! Не надо бояться нашего движения, цель его — благо народа, улучшение положения бедных, достойное воспитание наших детей, борьба с бедностью, голодом и болезнями. Боритесь за свой парламент, за свое правительство, за свою конституцию, за то, чтобы власти принимали решения в пользу неимущих, а не ради блага хунты и ее приспешников...»

Движение переросло в волнения, выразившие недовольство режимом Зия уль-Хака. Разрушались железнодорожные станции, грузовики и автобусы прекратили выход на линии. Горели полицейские участки. Погибли сотни людей. Зия сам чудом избежал гибели от рук предполагаемых его сторонников, участников митинга в его честь. Вертолет, в котором, как предполагалось, летел диктатор, сел в Даду и мгновенно подвергся нападению многотысячной толпы. Зия, однако, находился во втором вертолете, который приземлился в другом месте. Однако местонахождение диктатора открылось, и он снова едва успел унести ноги.

Восстание в Синдхе перекинулось на другие провинции. Ассоциации юристов в Кветте (Белуджистан) и Пешаваре (Приграничье) вопреки запрету на политическую активность призвали к проведению выборов. В Лахоре полиция перекрыла все выходы Верховного суда, чтобы помешать юристам выйти на демонстрацию, затем забросала их камнями. Но процессия все равно двинулась вперед, ведомая одной из адвокатов — защитниц отца, Талаат Якуб. «Вы, кто хочет отсидеться дома, возьмите эти побрякушки!» — крикнула она толпе, состоявшей в основном из

мужчин, бросив им свои стеклянные браслеты и разворачивая над головой пакистанский флаг. — Я призываю к свободе!» Сотни юристов последовали за ней, скандируя лозунги и вызывающе направляясь в лапы полиции.

Общенациональное восстание подавили танками лишь к середине октября, оставив особенно жгучую боль в сердцах синдхов. Сообщалось о гибели восьмисот человек. Армия разрушала деревни и сжигала урожай. Сообщалось о случаях насилия над женщинами, что вызывало в памяти злодеяния пакистанской армии в Бангладеш 12 лет назад. Рождались и распространялись националистические и сепаратистские чувства. Непрочные связи внутри пакистанской федерации за шесть лет военного правления напряглись до предела из-за административной недееспособности генеральской верхушки.

Администрация Рейгана, однако, держалась за «своего человека». «Ньюсуик» сообщал, что Вашингтон считает Зию козырной картой в глобальной стратегической игре. Я записала в своем дневнике 22 октября: «Западные разведывательные источники сообщают, что ЦРУ существенно расширило свое присутствие и активизировало активность в Пакистане. На прошлой неделе „Ньюсуик" подтвердил, что ЦРУ вовлечено в поддержание шатающегося режима пакистанских генералов. Американцы не хотят, чтобы Зия разделил судьбу иранского шаха. За последние полтора года большое число американских шпиков из Каира переведено в Пакистан. Журнал делает вывод, что Зия добровольно власть не уступит».

А я уже пятый год взаперти, сижу на Клифтон, 70.

Тьма и грохот в голове. Тьма накатывает волнами. Вскоре после восстания в Синдхе прихожу в сознание в своей спальне, вижу склонившегося надо мной врача. Он проверяет мой пульс и сообщает мне, что местный наркоз вызвал у меня реакцию отторжения, а скорую помощь вызвать возможности не было, так как телефон не работает. Через месяц у меня случился острый приступ головокружения с полной потерей ориентации и сильнейшей рвотой — и снова не оказалось доступа к медицинской помощи из-за отсутствия телефона.

Через несколько дней после обработки уха у меня поднялась температура, появился сильный кашель, прошиб пот. После аудиограммы врач определил потерю слуха в 40 децибел. «Не могу нести ответственности за состояние пациентки, продолжая лечить ее в домашних условиях, — сообщил врач в своем заключении, прося разрешения направить меня в стационар. — С наступлением зимы даже легкий насморк или кашель могут катастрофически повлиять на ее слух. Если откладывать

хирургическое вмешательство, возрастает опасность осложнений в виде паралича лицевых нервов и механизма равновесия».

Разрешение на лечение в больнице было в итоге получено, лечение протекало гладко. Но психологически и физически я готовила себя к лечению за границей.

Столь долгая жизнь под арестом развила во мне подозрительность ко всему окружающему. Меня настораживала необходимость довериться кому-то чужому, будь то даже британский врач. Чтобы проверить, нужна ли мне операция, я переслала данные медицинских обследований доктору Ниязи в Лондон. Он подтвердил диагноз коллеги.

И все равно меня мучили сомнения. По всему Пакистану томились за решеткой тысячи политических узников, многим грозила смертная казнь. Находясь под арестом, я была для них источником надежды и вдохновения, примером. Я делила их несвободу, вызов, брошенный ими режиму. И они, в свою очередь, подкрепляли мою решимость. А если я покину их? Не осиротеют ли они?

Декабрь подходил к концу, и я чувствовала, что скоро меня отпустят. Во время восстания в Синдхе я ничего от властей не слыхала. Я понимала, что они не выпустят меня во время мятежа, чтобы не допускать утечки информации за границу. Но теперь, когда волнения утихли, у них нет причин держать меня долее.

Здоровье тоже позволяло мне совершить путешествие. Сначала врач хотел ввести мне дренажную трубку на время полета, но затем, ввиду улучшения моего состояния, он решил, что достаточно принять противоотечное средство и жевать при взлете и посадке жевательную резинку. Стресс и беспокойство, обостряющие болезнь, почти исчезли с тех пор, как власти разрешили ежедневные визиты Санам. В этом тоже заслуга моего врача, который подчеркнул, что отсутствие контактов пагубно влияет на здоровье пациентки.

В конце декабря у нас с Санам запросили паспорта и визовые документы. «Приготовьтесь», — сказали нам. Но день отлета пришел, прошел, за нами никто не явился. Я использовала время, улаживая дела, устраивая управление домами на время моего отсутствия, проверяя налоговые документы. И еще один полет пропустили.

Следующий рейс в ранние часы 10 января 1984 года. Полдвенадцатого ночи за нами прибыли без добавочного предупреждения. «Готовы? В аэропорт...» Я не верю ушам. Спешно печатаю последнее послание: «Дорогие соотечественники, храбрые товарищи по партии! Перед отлетом из страны, в связи с необходимостью лечения, прошу ваших молитв, благословений,

прощаюсь с вами...» Как во сне собираюсь, сажаю кошку в переносной контейнер. После всего, что случилось со мною за десять лет, даже добрым вестям не веришь.

Санам уже ждет меня в машине без номерных табличек. На дорогах пусто, машина мчится в аэропорт, нас ведут в изолированную комнату. Я не позволяю себе волноваться, что получается не очень удачно. Только что закончила я книгу Орианы Фаллачи «Человек». За самолетом, который уносит героя этой повести, посланы истребители, чтобы вернуть его обратно.

Полиция провела нас к самолету «Свисс Эйр». Поднимаюсь по трапу, вижу перед собою стюардессу. Она улыбается. Я никогда не забуду ее лицо. Улыбались мне и тюремщики, и военные, и полицейские. Здесь передо мной улыбка другого существа, штатского, вне политики. Мы заняли места, и в 2.30 самолет поднялся в воздух, взял курс на Швейцарию. Полученные от американцев F-16 за нами не погнались. Почему Зия отпустил меня именно в этот момент, я не знала, пока не побеседовала с Питером Гэлбрайтом.

Рассказывает Питер Гэлбрайт.

В конце декабря по поручению сенатского комитета по иностранным делам я направился на юг Азии для подготовки доклада к обзору комитета по вопросам региональной безопасности. Я запасся письмом Якуб Хану, подписанным главой комитета Чарльзом Перси и сенатором Пеллом. В письме ему напоминалось об утверждении его правительства, что Беназир Бхутто разрешено принимать друзей. «Мистер Гэлбрайт является личным другом мисс Беназир Бхутто со времен совместного их обучения в Гарвардском университете», — говорилось в письме. Сенаторы просили, чтобы мне дозволили навестить мисс Бхутто.

Я спланировал посещение Пакистана таким образом, чтобы завершить его в Карачи. В этот раз американское посольство мне с готовностью помогло. Решение, можно ли мне посетить опальную Беназир, сказали мне, принимает лично генерал Зия.

Прибыл я в Карачи поздно вечером 9 декабря. Не получив ответа на запрос о свидании с Беназир, я решил на следующий день повидаться с Санам. Конечно, я был разочарован и написал Беназир длинное письмо.

На следующее утро мне позвонили из генерального консульства США и пригласили приехать. Когда я прибыл, заместитель генерального консула сообщил, что Беназир увезли в аэропорт сразу после полуночи и усадили в самолет «Свисс Эйр». Санам улетела вместе с ней.

Мне не верилось. В автомобиле консульства я направился на Клифтон, 70. Полицейских пикетов не было. Дом оказался заперт,

а Беназир свободна.

БОРЬБА С ДИКТАТУРОЙ

11

годы ссылки

—Мама!

—Пинки! Ты на свободе. Как я мечтала об этом дне!

Выходя из женевского аэропорта, оглядываюсь по сторонам. Далекий горизонт. Бесконечное пространство после четырех стен. Глазам сразу не привыкнуть. Не верится. Я на воле.

Входя в квартиру матери, мы услышали звонки. У телефона Мир и Шах, они услышали по Би-би-си о моем вылете из Пакистана.

— Да, да, — заверяет их мама. — Она уже здесь. — Би-би-си можно верить.

Мир. Шах Наваз. Наши возбужденные голоса сталкиваются, сплетаются эмоции.

—Как вы там? — надрываюсь в трубку, прижимая ее к здоровому уху.

—Слава Богу, ты жива, — кричит Мир. — Завтра прилечу на тебя глянуть.

—Останься на недельку, я тоже прилечу, — просит Шах.

—Ох, Шах, к сожалению, не могу. Надо в Лондон к врачам.

Договариваемся увидеться, как только представится возможность.

Телефон звонит не переставая. На проводе Лос-Анджелес, Париж, Лондон — друзья и родственники матери поздравляют ее с прибытием дочери, с моим освобождением. Я от волнения едва шевелю языком, беседую только с Ясмин и доктором Ниязи, они позвонили из Лондона. Ардешир Захеди, друг родителей и бывший посол Ирана в Соединенных Штатах, прибывает с черной икрой. Вчера еще пленница, сегодня я свободна, рядом со мной мать и сестра. Мы вместе. Мы живы.

Брат Мир! Крошка с каштановыми волосами тянется ко мне, дергает за одежду.

— Позволь представить тебе твою тетушку, Фатхи, — обращается к дочери Мир, стоя передо мной в квартире матери на следующий день. Мне не чудится, он действительно рядом, я вижу, как шевелятся его губы, я слышу свой голос, я с ним разговариваю. Шумели мы много, но ничего не могу вспомнить из того, что наговорили друг другу. Брату двадцать девять, он чрезвычайно хорош собою. Глаза его то радостно сияют, то затуманиваются нежностью, когда он поднимает на руки и протягивает мне восемнадцатимесячную дочь. — Погоди, вот Шаха увидишь, — смеется Мир. В последний раз я видела Шаха

восемнадцатилетним, почти мальчиком. Теперь ему двадцать пять, физиономию его украшают те самые усы, о которых он страстно мечтал в детстве.

Гляжу на поднимающееся над Альпами солнце, вдыхаю чистый холодный воздух. Прекрасно себя чувствую, несмотря на гудящее ухо и онемевшую щеку. По улице начинают сновать автомобили, опускаю взгляд на город, на участок перед домом. Никаких фургонов разведки и полиции, никакого «недреманного ока», ни застав и постов. Не чудится ли мне все это? Боль в ухе напоминает о реальности бытия и о цели моего приезда.

Тем временем весть о моем освобождении пронеслась над Европой, всколыхнула пакистанскую общину Англии. Там проживали в то время 378 тысяч пакистанцев. Когда мы с Санни прилетели вечером в Лондон, в аэропорту Хитроу собралась толпа. Раздавались политические призывы. Как будто я снова оказалась в Карачи.

Рассказывает Ясмин Ниязи, аэропорт Хитроу.

Трудно представить себе количество собравшихся в аэропорту. Пакистанцы, пакистанцы... конечно же, британские репортеры. Все стремились ее увидеть, пробиться к ней поближе. Она как будто восстала из мертвых, никто не ожидал увидеть ее снова. «Она что, ваша кинозвезда?» — спросил меня английский полицейский, вместе со своим коллегой пытавшийся сдержать напор толпы. «Она наш вождь, политический руководитель», — ответила я. «Политик?» — удивился «бобби».

«Вас депортировали?» — первый вопрос прессы. Ответ Беназир успокоил пакистанцев, собравшихся в аэропорту, и миллионы тех, кто услышал его затем по радио и прочитал в газетах. «Ни в коем случае. Я прибыла в Англию на лечение. Я родилась в Пакистане и умру в Пакистане. Дед **мой** похоронен там, отец похоронен там. Я не оставлю свою страну».

Ее ответ внушил надежду многим землякам, особенно бедным. «Я не оставлю вас, я буду с вами до последнего своего дыхания. Бхутто не нарушают обещаний» — только так можно было понимать ее слова.

Букеты цветов и корзины фруктов заполнили небольшую квартирку тетушки Бехджат в лондонском районе Найтс-бридж, где нам с Санни отвели на двоих гостевую комнату. Звонили из редакций, звонили друзья из Оксфорда, все желали меня видеть. Звонили партийные лидеры и сторонники партии. Лондон стал центром политической активности членов ПНП, изгнанных из страны. И братья мои жили здесь, и многие из бежавших от репрессий членов партии. Телефон звонил не переставая, все хотели меня видеть.

—Я отниму у вас не более десяти минут, — говорил каждый, входивший в квартиру. Другие пакистанцы, живущие в Англии, просто звонили в дверь или толпились на улице. Тетя Бехджат и ее муж дядя Карим стойко переносили неудобства, но ситуация сложилась невозможная. Встревожило появление возле дома автомобиля, набитого пакистанцами.

—Здесь свободная страна, и ты не обязана с этим мириться, — сказала тетушка, когда автомобиль этот начал следовать за мной по улицам, куда бы я ни направлялась. Она позвонила в Скотленд-Ярд, и автомобиль чудесным образом куда-то исчез. Маленькая победа над агентами Зии порадовала, но опасения не исчезли.

Конечно, я оказалась на свободе, но из квартиры выходить боялась. Каждый раз, выходя на улицу, я внутренне сжималась, напрягалась, ноги деревенели. Я то и дело оборачивалась, чтобы проверить, нет ли за мной слежки. После долгих месяцев и лет, проведенных в заточении, оживленные улицы Лондона казались полными опасностей. Я не привыкла к многолюдью, к голосам, к уличным шумам. Вместо того чтобы воспользоваться подземкой, я прыгала в такси, чтобы добраться до врача. Прибыв на место, я делала над собой усилие, чтобы шагнуть из машины на тротуар и пройти несколько шагов до двери, сердце колотилось учащенно, а дыхание замирало. Трудно давалось мне привыкание к реальной жизни.

Я прикрывалась личиною самоуверенности, скрывала свои страхи от окружающих. А как же иначе! Годы заточения, вся история моей семьи возвышали меня в глазах многих пакистанцев, превращали в символьную фигуру. Шумиха, сопровождавшая мое прибытие, подтвердила мой общественно значимый статус. Вряд ли подобало мужественному борцу, бесстрашно бросившему вызов военной диктатуре, боязливо оглядываться на Гайд-Парк-корнер. Я приказывала себе дышать глубоко и спокойно, не паниковать.

Через несколько дней по прибытии в Лондон в квартире тети Бехджат раздался неожиданный звонок. Питер Гэлб-райт прибыл из Карачи и приглашал меня на ланч, передала мне тетушка. Тогда я еще не знала о роли, которую он сыграл в моем освобождении, и просто обрадовалась встрече со старым другом. Набравшись храбрости, я нырнула в такси и направилась к отелю «Риц».

Рассказывает Питер Гэлбрайт.

Набирая номер ее квартиры, я не ощущал уверенности. Ситуация не вполне обычная: мы не виделись семь лет, и судьбы наши развивались весьма по-разному, ее жизнь осложнялась

невзгодами, выпавшими на долю ее страны. Поэтому я нервничал, поджидая ее в холле отеля, наблюдая за народом, подтягивавшимся к чаю.

Против ожидания, она выглядела прекрасно. Мы уселись за столик. Я не анализировал, соответствовала ли она моим представлениям о ней, но, несомненно, она сильно изменилась. Она и ранее была весьма уверенной в себе особой, но теперь эта уверенность выражалась как-то естественнее и свободнее, чем в Оксфорде в 1977 году. Она и тогда отличалась привлекательной внешностью, но сейчас просто поражала эффектностью облика. Как и сосредоточенностью. Ни малейшего оттенка какого-нибудь «ах, даже не верится, что все это со мной случилось!». Любую тему она схватывала на лету. Я проинформировал ее о вашингтонских событиях, сообщил об усилиях сенаторов, в первую очередь Пелла. Рассказал также о том, чем занимаются наши общие друзья, показал фото своего сына.

Провожая ее после ланча домой, я по-дружески посоветовал ей оставить опасную жизнь политика. «В Пакистане тебя могут не только арестовать, но и уничтожить, — сказал я ей. — Почему бы тебе не переехать в Америку, не заняться личной жизнью? Скажем, в качестве научного сотрудника международного центра в Гарварде».

«Мне было бы очень интересно изучить то, что другие написали о годах Бхутто, и о военном положении в Пакистане, — ответила она мне. — Но я слишком многим обязана партии. С точки зрения политической прагматики мне полезнее остаться здесь, где сосредоточено множество пакистанцев».

Мое предложение прибыть в Америку с рабочим визитом ее, однако, привлекло. Она понимала, что возбужденное таким образом внимание к судьбе политических заключенных Пакистана облегчит их положение. Но при всех этих соображениях нельзя было не учитывать состояния ее уха. Я постоянно о нем забывал, то и дело обращаясь к ней с «глухой» стороны.

Микрохирургическая операция на ухе состоялась в последнюю неделю января и заняла пять часов. Когда я очнулась после наркоза в университетской клинике, мой хирург, доктор Грэхем, тут же потребовал:

— Улыбнитесь.

Я подумала, что он хочет меня подбодрить и послушно, хотя и несколько сонно, улыбнулась. Он вручил мне стаканчик фруктового сока.

—Как на вкус?

—Прекрасно, — улыбнулась я уже увереннее.

Он тут же сделал соответствующие пометки в моей истории болезни.

— Вы хорошо перенесли операцию, — улыбнулся наконец и он. — Лицевые нервы левой стороны не повреждены и вкусовые ощущения не утрачены.

Выздоровление на квартире матери в живописной зеленой зоне Колинхэм-Гарденз протекало медленно. Неделями я пластом лежала в постели, не в состоянии высидеть даже в течение десяти минут: голова гудела, одолевали головокружение и тошнота. Когда наконец вернулась способность сидеть, невозможно было наклонить голову, чтобы читать или писать; гул в голове возникал вновь, казалось, что череп вот-вот взорвется.

— Такая реакция тоже встречается, — констатировал врач при проверочных осмотрах.

И он огорошил меня сообщением, что, возможно, потребуется еще одна операция через срок от девяти месяцев до года. От девяти месяцев до года... Я не собиралась оставаться в Лондоне так долго, и уже планировала возвращение в Пакистан, вызывая оживленную реакцию матери, тетушки Бахджат, Санни и Ясмин, в один голос уговаривавших меня остаться в Европе.

—Оторвись от политики, поживи со мной, — настаивала мать. — В следующий раз Зия упечет тебя так, что живой не выйдешь.

—Даже находясь в тюрьме, я оказываю давление на режим,

—Кто тебе мешает оказывать давление отсюда? — возражали мне. Решающим аргументом в пользу их соображений оказалось сообщение врача о повторной операции, но колебаний не устранили. Девять месяцев... Как лучше с пользой провести это время?

Я решила организовать международную кампанию, чтобы разоблачить жестокости режима в отношении сорока тысяч политических противников, удерживаемых в тюрьмах Пакистана. Страна получала помощь из Западной Европы и США, но мало кто в западных демократиях обращал внимание на нарушения прав человека в Пакистане. Как заметная фигура и только что вырвавшийся на волю политический узник, я могла обратить внимание на безобразия, творимые военным режимом. Может быть, тогда демократические страны смогут использовать финансовые рычаги, чтобы остановить произвольные аресты, удержание людей в неволе годами без предъявления обвинений, казни людей, виноватых лишь в том, что они политические противники режима.

В Равалпинди как раз готовился процесс против восемнадцати политических заключенных, обвиняемых в заговоре

с целью свержения правительства. Еще пятьдесят четыре человека содержались в тюрьме Кот-Лахпат в Лахоре; их обвиняли в заговорах, подстрекательстве и сотрудничестве с группой аль-Зульфикар. Член ПНП, профсоюзный лидер металлургического комбината в Карачи Насер Балуч с четырьмя товарищами подлежали суду военного суда в Карачи за участие в угоне. Эти насквозь фальшивые обвинения влекли за собой смертную казнь. Как всегда в случае военного «правосудия», мало кто в Пакистане и за его пределами знал, что идут или готовятся эти процессы, в чем суть обвинения и какие улики обличают обвиняемых.

Об аресте Насера Балуча я узнала в 1981 году от начальника суккурской тюрьмы. Два года потребовалось, чтобы довести дело Балуча и его товарищей до суда. Соответственно президентскому указу № 4, по которому обвиняемый считался виновным, если не доказано обратное, рассмотрение дела проводилось тайно, и я узнала детали, когда через сочувствующего надзирателя получила в тюрьме Карачи записку от Насера Балуча.

«Суд уже заготовил приговор, и нам пообещали, что скоро мы навсегда затихнем в могиле, — написал он мне в мае 1983 года. — Во время восьмичасового заседания мы не можем ничего записывать, нам не дают пить, не отпускают по естественным потребностям организма и не разрешают молиться. Когда наш защитник не мог явиться в суд, они продолжали рассмотрение, пометив, что для ведения процесса требуется присутствие обвинителя и подсудимых, а без адвоката можно обойтись». К февралю 1984 года процесс еще не довели до конца.

Вызывала озабоченность и судьба Аяза Саму, арестованного в декабре 1983 года, облыжно обвиненного в убийстве политического противника, сторонника генеральского режима. Его процесс вот-вот должен был начаться. Как и Ба-луча, Саму арестовали, намереваясь обезглавить рабочее движение в индустриальном центре Карачи. И ему тоже грозила смертная казнь. Следовало действовать, и действовать быстро.

Как только я смогла сидеть в постели, я приступила к составлению перечня преследуемых на основе своих записок и сообщений от наших сторонников из Пакистана. Я уже убедилась в действенности усилий «Эмнисти Интернэшнл», привлекавшей внимание общественности и правительств к нарушениям прав человека. Еще один пример — действия этой международной организации в деле Разы Казима, пакистанского юриста, в январе арестованного у себя дома в Лахоре и бесследно исчезнувшего. Призыв «Эмнисти» по делу Казима широко освещался в международной прессе.

«Недавнее исчезновение Разы Казима в Лахоре (Пакистан)

вызывает тревогу, — писала в марте «Нэшнл» в статье о резком увеличении нарушений прав человека по всему земному шару. — Соединенные Штаты, поддерживающие пакистанский режим немалой суммой в 525 миллионов долларов в год, проявляют в этом отношении черствость и безразличие... Государственный секретарь США, очевидно, забыл букву американского закона об иностранной помощи, в частности, гласящего: „Не оказывать поддержку правительству страны, повинному в систематических нарушениях международно признанных прав человека, к числу которых относятся пытки... длительное содержание под стражей без предъявления обвинений и иные нарушения права на жизнь, свободу и личную безопасность"».

Статья появилась в свет весьма вовремя. В марте меня пригласили выступить в фонде Карнеги за мир между народами в Вашингтоне. Собрав стопки материала о политических заключенных Пакистана, прихватив старую записную книжку с адресами, я вместе с Ясмин вылетела в Америку.

Снова шагаю по длинным коридорам Конгресса. Студенткой Гарварда я пользовалась демократическими традициями Америки, чтобы протестовать против американского вмешательства в войну во Вьетнаме. Теперь я прибыла, чтобы заявить протест против убийства демократии в собственной стране. Во время первого визита я должна была хранить молчание, чтобы меня не выслали из страны как иностранку, прибывшую учиться, но занимающуюся политикой. Теперь же я могу говорить без ограничения.

Неделю я ораторствовала, дискутировала, разъясняла, взывала не переставая, выступала за прекращение нарушений прав человека и за восстановление демократии в Пакистане. Встретилась с сенатором Эдвардом Кеннеди, с сенатором Клэйборном Пеллом, которого поблагодарила за содействие моему освобождению; встречалась с каждым, кто готов был меня выслушать. Питер Гэлбрайт помог мне установить еще ряд контактов на Капитолийском холме. Я встретилась с сенатором Аланом Крэнстоном от Калифорнии, конгрессменом Стивеном Соларзом от Нью-Йорка, с членами Госдепартамента и Совета национальной безопасности. Говорила с бывшим министром юстиции Рэмси Кларком, который следил в Пакистане за процессом отца, с сенатором Макговерном, которого когда-то, студенткой Гарварда, поддерживала в президентской гонке. Теперь я надеялась на его поддержку в деле восстановления гражданских прав в Пакистане.

Пакистан и без меня занимал умы вашингтонских законодателей. Пакет американской помощи весом в 5,2

миллиарда долларов, принятый в 1981 году, оказался под угрозой из-за не поддающейся проверке ядерной программы Пакистана. Сенат обычно обходил эту загвоздку, связывая помощь не с тем, что у Пакистана «не было» бомбы, а с тем, что он ее не испытывал. Ко времени моего визита эту лазейку заткнула поправка, предложенная сенаторами Джоном Гленном и Аланом Крэнстоном, связывающая помощь Пакистану с условием, что президент США письменно подтвердит отсутствие у Пакистана ядерного взрывного устройства, а также материала для производства такого устройства. 28 марта сенатский комитет по иностранным делам единогласно принял эту поправку.

Я не собиралась обсуждать ядерную проблему, и во время встречи с главой комитета по иностранным делам сенатором Чарльзом Перси несколько опешила, когда он спросил, не следовало ли заблокировать помощь Пакистану из-за спора о ядерной бомбе.

— Сенатор, прекращение помощи приведет к возникновению проблем между нашими странами, — ответила я после краткого колебания. — Несомненную пользу обеим нашим странам принесла бы увязка помощи с восстановлением гражданских прав и демократии в Пакистане. — Сенатор Перси, знавший моего отца, улыбнулся и поблагодарил меня за выраженное мною мнение. И я отправилась на встречу со следующим собеседником.

Между капитолийскими контактами я заходила в офис Питера в комитете по иностранным делам.

— Слишком быстро тараторишь, — урезонивал меня Питер, старавшийся, чтобы я получила как можно больше пользы от моих кратких встреч. — Говори медленнее, выделяй главное и подчеркивай его.

Конечно, я старалась следовать его советам, но за годы изоляции сдерживаемые слишком долго слова рвались наружу.

«Беназир Бхутто говорит, как будто наверстывая упущенное, — отмечала Карла Холл в моем политическом портрете в газете «Вашингтон пост» в начале апреля. — Она как будто выстреливает фразами, слегка окрашенными британским акцентом, ладно скроенными, но спешащими догнать одна другую. Речь она сопровождает оживленной жестикуляцией, касается руками лба, проводит пальцами по волосам...»

Карла Холл совершенно верно описала мою манеру речи. Я действительно наверстывала упущенное. Переживала, нервничала. Память моя, до начала мытарств безупречная, начала меня подводить. Забывались имена и даты, иногда вспоминались, а иногда и нет. И к обществу я все никак не могла привыкнуть. С одной стороны, я стремилась встретиться с как можно большим

числом чиновников, законодателей, журналистов, с другой же стороны, боялась контактов сними, пересиливала себя. Однажды в разговоре с сенатором Кранстоном я почувствовала, как щеки мои ни с того да с сего вдруг налились краской. Жар распространился по лицу, на лбу выступили капельки пота.

—Что с вами, вам плохо? — забеспокоился мой собеседник.

—Нет-нет, ничего, я в полном порядке, — заверила я его, не вполне уверенная в этом сама.

Перед выступлением в фонде Карнеги я особенно волновалась. Аудитория состояла из сотрудников Госдепартамента, министерства обороны, членов конгресса, бывших послов, журналистов. Западные средства массовой информации теперь рядили Зию чуть ли не в тогу миротворца и «отца народа», прославляли его в качестве «стабилизирующего фактора» в Пакистане и в регионе. На мои плечи ложилась задача привлечь внимание к массовым репрессиям, к нарушениям гражданских прав в стране и к отрицательным долгосрочным последствиям военного правления. Влиятельная публика, собравшаяся в зале, могла способствовать созданию давления на режим, освобождению узников военной тирании, восстановлению свободных выборов, демократии. Мне важно заручиться их поддержкой.

«Успокойся! — приказываю я себе, направляясь к трибуне. — Представь, что ты в Оксфордском обществе». Но трудно себе это внушить. Дебаты в Оксфорде — интеллектуальные игры, а здесь на плечи мои давят судьбы тысяч пленников военного режима, политическое будущее моей страны.

— Мы в Пакистане смущены и разочарованы вашей поддержкой незаконному режиму генерала Зии, — заявила я своей авторитетной аудитории. — Мы понимаем ваши стратегические соображения, но просим не отворачиваться от нужд народа Пакистана...

В середине речи я отвлеклась на аудиторию — и сбилась. В зале повисла тишина. Я ожесточенно рылась в своих бумажках, желала, чтобы земля разверзлась и поглотила меня. Найдя наконец выход из затруднения, я продолжила выступление, обращая внимание на необходимость увязывания вопросов помощи с соблюдением прав человека. С вопросами публики я справилась легко и в конце меня наградили аплодисментами. Да, я уже не та, что прежде. Но сдаваться нет причин.

Из Вашингтона мы с Ясмин перелетели в Нью-Йорк. К неудовольствию пакистанского посольства, меня пригласило на встречу руководство журнала «Тайм». До меня, пожалуй, никого из лидеров пакистанской оппозиции туда не приглашали. У меня,

однако, имелось существенное преимущество перед другими. В Гарварде я обучалась вместе с Уолтером Изаксоном, ставшим редактором «Тайм», и я позвонила ему из Вашингтона, чтобы обсудить возможности нью-йоркской программы. Прибытие мое в сопровождении Ясмин в здание «Тайм-Лайф» произвело на присутствующих странный эффект.

Лифт доставил нас на 47-й этаж, и мы вошли в обеденный зал руководства. Собравшиеся вылупили на нас глаза с видом крайнего изумления и, пожалуй, даже испуга. Я тоже испугалась, подумав, что мы ошиблись дверью.

—Вы с Уолтером, похоже, разминулись, — обрел наконец дар речи один из редакторов. — Он внизу вас ждет.

—Я его не заметила.

—А как же охрана?

—Пакистанская действительность научила нас водить за нос охрану, — усмехнулась я.

Вопросов мне задавали столько, что не осталось времени на прекрасный фруктовый салат с сельским сыром, столь любимый мною еще с гарвардских времен.

— Американскую помощь Пакистану многие пакистанцы рассматривают как помощь Зие, — сказала я им. — Вы могли бы рассеять это заблуждение, сфокусировав внимание на правах человека. Для политических заключенных в Пакистане освещение их участи в прессе буквально может стать решающим фактором в спасении от неминуемой гибели.

Эффект от посещения Америки получился больший, чем я ожидала. Через две недели мы с Ясмин собирались возвращаться в Лондон. Третьего апреля сенатский комитет по иностранным делам изменил свою позицию по вопросу оказания помощи Пакистану. Вместо категорического антиядерного вето они внесли новую поправку, разрешающую продолжение программы помощи при условии заверения президентом, что Пакистан не владеет ядерной бомбой и что американская помощь «значительно сократит риск появления в Пакистане ядерного взрывного устройства».

Хотя я подозревала, что истинной причиной изменения Позиции комитета оказалось давление администрации президента Рейгана, сенатор Перси любезно сослался на меня в качестве причины такого решения.

Вернувшись в Лондон, я обосновалась в Барбикане, «смахивающем на крепость здании близ собора Святого Павла. Там я чувствовала себя в безопасности. Внизу при моде дежурила охрана, оповещавшая жильцов о посетителях, а квартира, расположенная на десятом этаже, не предполагала посещения

агентов пакистанского режима через окно для размещения взрывных устройств или всякого рода «жучков». В этом же доме жили доктор Ниязи и Ясмин, и мы постоянно сновали из квартиры в квартиру.

Барбикан очень скоро превратился в лондонскую штаб-квартиру ПНП для всей заграничной эмиграции. Сюда посыпались документы из США, Франции, Канады, Германии, Швейцарии, Дании, Швеции, Австрии, Австралии, а также из Саудовской Аравии, Бахрейна и Абу-Даби. Нашлись и добровольцы-помощники. Сумблина, девушка, живущая в Англии постоянно печатала на машинке. Башир Рияз, журналист, помогавший моим братьям в организации кампании по Спасению жизни отца, исполнял обязанности пресс-секретаря, организовывал интервью. Доктор Ниязи совместно с другим изгнанником, Сафдаром Хамдани, и с бывшим министром информации Назимом Ахмадом обеспечивал контакты с членами британского парламента. Как всегда, Ясмин помогала везде и во всем. В запасной спальне, превращенной в офис, мы работали с письмами о нарушениях прав человека в Пакистане.

Мы посылали фото политических заключенных и краткое описание их дел генеральному секретарю ООН, заместителю госсекретаря США по правам человека Элиоту Абрамсу, министрам иностранных дел, в синдикаты юристов и международные профессиональные организации. Мы встречались с членами британского парламента, с представителями «Эм-нисти Интернэшнл», с сотрудниками посольств разных государств. Жизнь Насера Балуча висела на волоске, как и жизни многих других. Но похвастаться успехами мы не могли.

Несмотря на протесты юристов по всему Пакистану, троих молодых людей, ложно обвиненных в убийстве полицейского, повесили в августе после секретного процесса военного трибунала. «Недавнее убийство троих молодых людей, три года содержавшихся в цепях, могло бы быть предотвращено, если бы политические круги и средства массовой информации Европы и Северной Америки проявили интерес к их судьбе и к судьбе тысяч других заключенных, — писала я в пресс-релизах, отправляемых во все большее число адресов. — Западные страны должны использовать свое влияние и возвысить голос, чтобы спасти жизни политических заключенных, которым грозит виселица. Просим вас уделить самое серьезное внимание полученной от нас информации».

Тони Бенн, член парламента от лейбористов, направил письмо протеста в посольство Пакистана в Лондоне. Он направил мне копию своего письма и приложил копию ответа министра

информации военного режима Кутубуддина Азиза. «Утверждения мисс Бхутто, что в Пакистане более сорока тысяч заключенных и что они содержатся в неприемлемых условиях, не основаны на фактах, — говорится в этом ответе. — Разумеется, в пакистанских тюрьмах содержатся заключенные, как и в тюрьмах любой другой страны, но эти заключенные либо осужденные преступники, либо подозреваемые. Условия в наших тюрьмах не хуже, чем в тюрьмах большинства развивающихся стран... Хотя правительство Пакистана не церемонится с преступниками, совершающими акты терроризма, с убийцами, но каждый случай рассматривается с соблюдением должных процедур в рамках действующего законодательства». О непрекращающихся протестах пакистанских юристов этот правительственный чиновник даже не упомянул.

Ожидая вынесения пакистанскими военными трибуналами очередных смертных приговоров, мы работали, забывая о времени. Конверты, марки, письма в офисе, в жилых помещениях. Львиную долю времени, день и ночь, занимает работа с почтой. Добавляются новые помощники-добровольцы, среди них бывший майор пакистанской армии и бывший начальник полиции. Мы удерживаемся на ногах с помощью бесчисленного количества чашек чая и кофе. Зия стремится скрыть свои жестокости от окружающего мира, не допуская в страну наблюдателей извне, замалчивая происходящее. Мы в меру сил и возможностей стараемся не дать ему этого сделать, взываем к совести мира от лица жертв режима.

Очень важно получить конкретную информацию об обстоятельствах ареста и условиях содержания конкретного заключенного, о котором мы хлопочем. В Пакистане, где уровень грамотности низок, а цензура свирепствует вовсю, трудно получить такую информацию. Зачастую ею владеют лишь сами узники.

Преодолевая множество затруднений, мы создали секретную сеть сбора информации из тюрем, распространяя среди заключенных анкеты и собирая их Лондоне. Для этого мы использовали сочувствующих нам тюремных надзирателей, нейтральные адреса, родственников, летающих в Пакистан и возвращающихся обратно, симпатизирующих нам сотрудников авиалиний, явки в Саудовской Аравии и Абу-Даби, где письма меняли конверты и марки, чтобы обмануть бдительность военных цензоров. И информация поступала. Прислал рукописный ответ Сайфулла Халид из Центральной тюрьмы Карачи, 23-летний студент из Ларканы, один из «подельников» Насера Балуча. Он сообщил, что его арестовали в 1981 году за «политические воззрения», жестоко пытали, чтобы получить признание,

обличающее «главу ПНП» в соучастии в угоне самолета. Как и большинство других узников, его часто переводили из тюрьмы в тюрьму, месяцами не дозволяя контактировать с родственниками.

«Меня держали два дня в форту Аразвали, по неделе в трех неизвестных местах, четыре дня в форту Балахизар, Десять дней в военном городке Варсак, один день в Центральной тюрьме Пешавара, шесть дней в полицейском центре в Карачи, месяц в пакистанском ЦРУ в Карачи, месяц в центре пыток Балдия в Карачи», — писал нам студент политологии, через три года после ареста все еще содержавшийся в тюрьме без приговора и ожидавший судебного убийства. В настоящее время его держали в Центральной тюрьме Карачи, «десять дней в карцере, били трижды в день, во время допроса слепили глаза мощными лампами, испортившими зрение и вызвавшими тяжелые головные боли. Тяжелые ножные кандалы воздействовали на яички. По настоянию тюремного врача меня возили в госпиталь на лечение; теперь, три месяца спустя, предстоит операция по поводу паховой грыжи».

Как и остальные политические заключенные, Сайфулла Халид оставался в полном распоряжении режима. «Жизнь моя и тех, кого обвиняют вместе со мною, в опасности, так как обвинение требует смертного приговора, — добавил студент в постскриптуме. — Призываю „Эмнисти" вмешаться для нашего спасения».

Ноттингем, Глазго, Манчестер, Брэдфорд. Я объезжаю Англию, выступаю перед пакистанцами, вербую помощников. Германия. Дания. В Швейцарию езжу ежемесячно, чтобы навестить мать. И везде со мной список политзаключенных. В Дании встретилась с бывшим премьер-министром Анкуром Йоргенсеном, который лично знал отца, во Франции с голлистами, в Германии с «зелеными». С тяжелым сердцем написала рядом с именами троих повешенных в августе: «погибли мученической смертью».

Каждый раз, возвращаясь в Англию, я опасалась, что иммиграционные власти не впустят меня в страну. Тогда визы пакистанцам проставляли в Британии в аэропорту прибытия, действовали визы лишь на одно пребывание. Когда я впервые прилетела в Англию, клерки иммиграционной службы три четверти часа допрашивали меня, где я остановлюсь, да чем собираюсь заниматься. «Прибыла в туристическую поездку», — заверила я, и каждый раз при новом возвращении у меня сжималось сердце, и каждый раз ноша сваливалась с плеч, когда я видела, как в паспорте появлялась новая визовая отметка. Но вскоре виз накопилось столько, что уже не хватало страниц.

Конечно же, Зия ни за что не выдаст мне новый паспорт, понимала я и молилась, отвечая на вопросы иммиграционных служащих, с замиранием сердца наблюдала, как они роются в своей громадной черной книге. Слишком больших успехов добились мы в нашей кампании протеста, чтобы потерпеть такую неудачу.

«Я намерен использовать любую парламентскую и внепарламентскую возможность, чтобы заставить британское правительство призвать пакистанское правительство прекратить разнузданную кампанию по искоренению оппозиции, в первую очередь политических противников из Пакистанской народной партии», — писал мне в ноябре член палаты общин Макс Мэдден. Получила я ответ и от Элиота Абрамса, заместителя госсекретаря США по гражданским правам, которому писала о судьбе Насера Балуча и Сайфулды Халида. «Разделяю Вашу озабоченность неизбежной несправедливостью закрытых военных судебных процессов против гражданских лиц, а также, в данном случае, обоснованное подозрение, что признания получены при помощи пыток, — писал мистер Абраме. — Заверяю Вас, что наши дипломаты в Пакистане продолжат внимательно следить за этим и подобными случаями».

В Барбикане я каждое утро вставала ровно в семь, наводила порядок в квартире, мыла, мела, готовила простую чечевичную похлебку на день, поджидая Башира Рияза с мясной продукцией-*халал*, разделанной с соблюдением мусульманских обычаев в населенном пакистанцами пригороде. И принималась за работу. Почта поглощала много средств. Я старалась вести хозяйство экономно. Две трети средств уходило на аренду помещения, остальное на оплату почтовых расходов, телефона и на накладные расходы. Мать выделила мне небольшую сумму на украшение квартиры, и я купила подержанный ковер, несколько ваз, блюд и ламп без абажуров. Деньги в первую очередь шли на политическую активность. Мы решились на издание собственного ежемесячного журнала «Амаль» («Действие») на урду с несколькими страницами на английском. Тираж распространялся по международным организациям, посольствам и среди пакистанской эмиграции. Деньги приходилось экономить, Башир Рияз совмещал редакторские обязанности с функциями рекламщика, Нахид вербовал подписчиков. Контрабандой журнал проникал в Пакистан, где активисты копировали и размножали из него статьи и заметки, расходившиеся по стране, проникавшие даже в тюрьмы, и узники понимали, что они не забыты. «Амаль» поддерживал волю к борьбе, не давал людям в оккупированной собственной армией стране падать духом.

—Я сегодня не выйду на работу, — неожиданно позвонил Баширу наш каллиграф.

—Что случилось? — обеспокоился Башир. Печать на урду — процесс непростой, для этого требовался каллиграф, сначала наносивший текст на вощаную бумагу.

—Посольство предложило мне больше денег, чтобы я на вас

не работал, — смущенно признался каллиграф.

Когда о нажиме посольства Пакистана сообщил и владелец типографии, мы отчаялись, думая, что «Амаль» обречен. Но типограф оказался убежденным сторонником нашей партии и не только не поддался на шантаж, но и увеличил отводимое нам время. Башир договорился с каллиграфами, работавшими для других пакистанских изданий в Лондоне, и они выручили нас в сверхурочные часы. Режим подкупал одного, Башир находил другого. И «Амаль» держался.

В Пакистане Зия снова поигрывал мускулатурой военного положения, демонстрируя, кто в стране хозяин. Продолжая печатать статьи о жестоком и несправедливом обращении с Насером Балучем и его товарищами по несчастью, мы стали получать все более зловещие известия о готовившемся приговоре. Наши худшие опасения подтвердились, когда холодным и ветреным утром 5 ноября 1984 года военный суд в Карачи вынес приговор. Насер Балуч и остальные подсудимые подлежали «повешению за шею до умерщвления».

Мы в Барбикане перешли на режим чрезвычайного положения, выпуская воззвание за воззванием, чтобы при помощи международного сообщества спасти жизни приговоренных. Наше возмущение возросло, когда один из активистов в Пакистане раздобыл — и переслал нам — документ, свидетельствующий о том, что Зия лично приложил руку к приговору. Выяснилось, что военный суд сначала приговорил к смерти одного лишь Насера Балуча, с чем и согласился военный администратор Синдха. Но вдруг он изменил свое мнение и вернул дело суду для пересмотра. Лишь Зия, его единственный начальник, мог заставить его изменить мнение.

Более того, к нам попал документ на бланке главного военного администратора, который Зия подписал, утверждая эти смертные приговоры 26 октября, то есть на целых десять дней раньше, чем его марионеточный суд их огласил. После этого единственным шансом для этих людей оставалось прошение о помиловании, адресованное тому же самому Зие в качестве президента. Гнусный фарс! Обращаться к человеку, утвердившему их смертные приговоры еще до вынесения?!

У людей выступали слезы на глазах при виде этих документов, но меня переполняло возмущение. Впервые в наши руки попало подтверждение того, о чем мы многократно слышали: приговоры политическим узникам определяются самим Зией. Мы уселись за обработку документов, чтобы как можно скорее их опубликовать. Если что-то и могло обличить пакистанские суды как органы обнародования заранее принятых

решений, то именно эти документы. Лорд Эйвбери, оказавший помощь в деле освобождения матери, устроил для нас пресс-конференцию в британском парламенте. Наша кампания набирала обороты.

Снова люди доброй воли откликнулись на наш призыв, откликнулись правозащитные организации, профсоюзы. «В то время как мы в нашей стране боремся за права рабочего класса, не следует забывать о борьбе наших братьев и сестер в других странах, — писал профсоюзный организатор Лоренс Плат из Ноттингема редактору «Ти-энд-джи рекорд», крупного профсоюзного журнала. — Возможно, мы еще успеем спасти жизни профсоюзного вожака Насера Балуча и его троих товарищей, ожидающих казни. Нам следует обратиться с протестом к правительству Пакистана через его здешнее посольство».

Возвысили голос юристы. «Эти четверо осуждены особым военным судом, учрежденным режимом военного положения Пакистана, — гласил документ, выпущенный группой авторитетных британских юристов. — Такие суды возглавляются офицерами, не имеющими юридической подготовки, заседания их проходят за закрытыми дверями. Доказательство невиновности ложится на плечи обвиняемых, не имеющих возможности воспользоваться услугами защитников... Мы призываем правительство Пакистана прекратить такие процессы и казни. Мы особо обращаемся к генералу Зие уль-Хаку с просьбой не утверждать приговоры, вынесенные этим четырем лицам, и сохранить им жизнь. Мы призываем британское правительство, оказывающее экономическую и военную помощь режиму Зии, использовать свое влияние на правительство Пакистана, чтобы предотвратить предстоящую казнь и прекратить судебные процессы подобного рода».

Мы отдавали все силы спасению этих политических пленников Зии. Но другие члены руководства ПНП в изгнании больше внимания уделяли достижению своих целей, внутрипартийной борьбе. Телефон звонил не переставая, эти господа, чаще всего бывшие министры в правительстве отца, добивались встреч со мной. К счастью, режим Барбикана допускал лишь 15 посетителей в день, хотя мне иногда удавалось стискивать их в группы по пять-шесть человек. Встречи я старалась не затягивать, поскорее от них отделываться, чтобы вернуться к более важной работе.

ПНП всегда была партией плюралистической, многоклассовой, коалицией разных социоэкономических слоев. Марксисты и сельские феодалы, бизнесмены, религиозные

меньшинства, женщины, бедняки... При жизни отца естественные межфракционные противоречия перекрывались и сглаживались авторитетом его личности, но в Лондоне напряжение ссылки и опасения, что о них забудут дома, мешали некоторым помнить об общих целях. Тлела и вспыхивала необъявленная война за лидерство в партии. Старая гвардия понимала, что, если они примут меня, то уж потом от меня не отделаются. «Сначала отец, потом мать, а теперь вот уже и дочь будет меня на поводке водить», — ворчал один из них, выражая, очевидно, не только свое мнение.

—Вы должны определиться, на чьей вы стороне, — требовали от меня лидеры разных фракций, стремясь пробиться к рулю и не допустить к нему конкурентов.

—Я ни на чьей стороне, — отвечала я им. — Если партия выступит единым фронтом, вместо грызни за привилегии, мы скорее добьемся успеха. — Я старалась сохранять спокойствие и не дразнить старую гвардию, хорошо сознавая слабость моей политической позиции. Хотя центральный исполком партии подтвердил мое положение как действующего председателя партии, они все старые волки, а я молодая женщина, в возрасте их дочерей. Они в Лондоне обосновались с момента переворота, укоренились, обросли связями. Я стремилась сглаживать разногласия, уравновесить центры сил ради пользы общего дела. Когда я вернулась из Америки, на меня тут же набросились самые горластые, марксисты.

—Вам не следовало летать в Америку, — заявил мне их лидер, почему-то не возразивший ни словом перед моим отлетом. — Американцы — друзья Зии. Мы должны объединиться с русскими, чтобы покончить с Зией.

—С чего вы взяли, что американцы чьи-то друзья? Или что русские чьи-то друзья? — возразила я. — Американцам Зия нужен, вот они его и поддерживают, не из дружеских чувств, а из стратегических соображений. Советы поддержат нас сегодня, а завтра предадут, когда обстановка изменится. Нам вообще не следует ввязываться в соперничество сверхдержав, у нас есть свои национальные интересы, о которых и следует заботиться. Мы не можем себе позволить совать нос в мировую политику.

С другой стороны меня трепали регионалисты.

—Не забывайте, что вы синдхи. Вы должны прежде всего блюсти интересы родной провинции, иначе народ вас не простит.

—Зачем давать козыри военному режиму угрозой отделения, зачем подчеркивать роль армии как объединяющей силы, не дающей стране развалиться? — возразила я. — Во всех четырех провинциях есть люди, верящие в демократию. Репрессии не

знают границ. Не лучше ли направить энергию против общего врага, а не друг против друга?

Шовинисты внутри ПНП, люди с ориентацией на элиту, ищущие компромиссов с режимом, — все они вплели свои голоса в разноголосицу эгоистического хора. Я возмущалась, эти споры меня раздражали. Здесь, рядом, в соседней комнате добровольцы выбиваются из сил, выполняют черновую партийную работу, стараются спасти жизни четверых обреченных, а старые эгоисты за счет общего дела заботятся о своих шкурных интересах.

Терпение мое лопнуло, когда один из стариков-«дядюшек» прибыл с визитом, расположился поудобнее на диване и потребовал, чтобы я назначила его президентом ПНП в Пенджабе. У него уже и команда подобрана, заверил он.

—Я не могу так сразу вас назначить, — растерянно развела я руками. Я знала, что он не слишком популярен в Пенджабе. С самого момента переворота он не вылезал из Лондона, отсиживался в безопасности. — Это вызовет недовольство в партии и подорвет наши принципы продвижения согласно заслугам и по общему согласию.

—У вас все равно нет выбора, — улыбнулся он. — Марксисты на вас злы, регионалисты образовали собственную организацию. Вы не можете себе позволить поссориться еще и со мной.

—Но это противоречит нашим принципам, — пробормотала я, еще не опомнившись от его нахальства.

—Принципы, — фыркнул он.— Принципы — это очень хорошо. Но люди идут в политику ради власти. Если вы не назначите меня с моей командой, то, боюсь, вынудите меня рассмотреть иные варианты. К примеру, основать собственную партию. Буду вашим ожесточенным и мощным противником.

Я ощущала растущий гнев, сожаление о часах, потерянных в подобных дрязгах. Такова пакистанская политика. Тащи на себя, хватай, до чего можешь дотянуться. Шантажируй, угрожай. Как мне надоели эти древние обычаи! И как мне надоел этот...

—Дядюшка, — сказала я ему, подавшись вперед, — если вы оставите партию, то вам даже места в парламенте не видать.

—Вы так думаете? — искренне удивился он, пораженный моим выпадом. И вышел из комнаты. И из партии.

Я всегда испытывала сожаление, если кто-то выходил из партии. Но в политике нет ничего постоянного. Люди приходят и уходят, ссорятся и мирятся. Важно, чтобы политическая партия могла уловить настроение поколения. Наша работа в Лондоне имела целью активизацию работы в Пакистане, поддержание боевого духа членов партии. Это прежде всего. Особенно в декабре 1984 года, когда выяснилось, что ПНП должна напрячь

все оставшиеся силы.

Под давлением США Зия решился на выборы в марте 1985 года. Но сначала он объявил об общенациональном референдуме 20 декабря. Поставленный на «исламском референдуме» вопрос был бы смехотворным, не будь он столь хитроумным. «Одобряет ли пакистанский народ процесс, инициированный генералом Зией уль-Хаком, президентом Пакистана, по приведению законов страны в соответствие с учением ислама, изложенным в Коране и Сунне Святого Пророка (Да пребудет с ним мир!)?» Как может кто-то в стране, состоящей на 95 процентов из мусульман, голосовать против? Голос против — голос против ислама. Но и голос «за» не лучше. Зия объявил, что положительный исход означает его «избрание» президентом на следующие пять лет.

Вся эта инсценировка имела целью дать Зие столь необходимый ему мандат. Ни один военный диктатор на субконтиненте не правил так долго без мандата. И Зия не хотел рисковать. Агитация за отрицательный ответ на референдуме, объявил он дополнительно, является преступлением, карающимся тремя годами строгого режима и штрафом в 35 тысяч долларов. Более того, подсчет голосов будет производиться тайно, армией, и обжалованию в гражданских судах подлежать не будет. Не воображал же он, что сможет добиться чего-то в условиях честной борьбы.

«Бойкот!» — объявили мы в «Амаль», в интервью, в речах и пресс-релизах. К бойкоту призывали организации ДВД в стране. Даже две религиозные партии объявили этот референдум «греховной политической спекуляцией на исламе». «Голосуйте! Вам не надо даже предъявлять документы», — гремели громкоговорители, развешанные военными на всех перекрестках Карачи. Автобусы доставляли афганских беженцев из лагерей в Белуджистане и жителей деревень на участки для голосования.

Как и можно было предположить, подконтрольная режиму пакистанская пресса объявила, что проголосовало 64 процента избирателей, свыше 20 миллионов человек. Но по прикидкам репортера «Гардиан» в Исламабаде фактическое число участников не превысило десяти процентов. Так же оценило явку избирателей и агентство Рейтер. Наш призыв к бойкоту сработал. «Если бы генерал Зия честно и смело, не пользуясь завесой религии, выставил себя на суд избирателей, он бы скорее всего проиграл, — говорилось в редакционной статье лондонского выпуска «Таймс» от 12 декабря. — Очевидно, он и сам это прекрасно сознавал».

Я ждала благоприятного момента для возвращения в Пакистан с остальными ссыльными лидерами ПНП. Возможно,

этот момент настал.

— Самое время для акций протеста против режима, — согласился один из партийных баронов на встрече в доме одного из бывших министров на севере Лондона. — Референдум продемонстрировал непопулярность Зии всему миру.

Некоторые не соглашались.

— Страна не ответит. Люди слишком долго прозябали в бездействии. Нужна подготовительная работа.

Дискуссия продолжалась еще некоторое время, пока один из «дядюшек» не повернулся ко мне.

—Я знаю, что делать. Мы пошлем туда мисс Бхутто. Она всех зажжет.

—Очень хорошо, — сразу согласилась я. — Но политическая корректность требует, чтобы я вернулась не одиночкой. Надо возвращаться группой, скажем по одному каждый день, по нарастающей.

В помещении сразу повисло молчание.

— Возвращаться? Я не могу возвращаться, — забормотали, потом загудели они один за другим. Все вспоминали преследования, приговоры, угрозы. Я удивилась. Меня отослать они согласились сразу, но об организованном наступлении речь вести не желали.

— Нет уж, если браться за дело, нужно делать его должным образом, основательно, или же не браться вовсе, — заявила я.

Снова молчат.

Всех нас, однако, объединяет радость от того, что Зия опозорился с референдумом. В День демократии, в день рождения моего отца, 5 января 1985 года, ПНП устроила митинги по всей планете. Я выступала в Лондоне на синдхи, урду и английском. Мы организовали семинар и *мушаира,* поэтический конкурс. Мероприятия проходили в приподнятой атмосфере, при большом стечении народа, зал был набит битком. Я закончила свое выступление стихами революционного поэта. Размахивая флагами ПНП, аудитория единодушно подхватила рефрен: «Мятежник я, мятежник я, что хочешь, со мной делай!»

В ходе семинара до меня дозвонилась мать. Она сообщила, что Санам благополучно родила дочь.

— Когда-то в Симле слова «родилась девочка», означали бы недобрую весть, — объявила я, не скрывая радости. — Сегодня они несут весть благую. Моя сестра родила дочь в день рождения *шахида* Бхутто. Имя моей племянницы Азаде, что на фарси означает «мир».

... Присутствующие с энтузиазмом восприняли эту новость. Семинар засняли на видеоленту, десятки копий которой

нелегально проникли в Пакистан.

Тремя днями позже, когда я гостила у матери и Санам, Зия объявил, что выборы в национальную и провинциальные ассамблеи состоятся в конце февраля. Вопрос бойкота выборов не был столь же ясным, как в случае референдума. Военное положение оставалось в силе, партии по-прежнему были под запретом. Наши кандидаты должны были бы выставляться как частные лица, а не представители партии. Но все же это первые выборы с 1977 года. Следует ли нам принять в них участие?

Члены ПНП в Лондоне и Пакистане настаивали на бойкоте, но меня мучили сомнения. Нельзя оставлять поле без ухода, все время повторял отец. Я не знала, что делать, не знала, как собираются поступить члены ДВД, оставшиеся в Пакистане. Столь многое происходило дома, а мне приходилось сидеть в Европе. Зия, как водится, постоянно менял правила. 12 января он выступил с заявлением, что ведущие члены ПНП и ДВД к выборам не допускаются и в качестве кандидатов регистрироваться не будут. Еще через три дня он снова выступил и пообещал большинство из них все же допустить. Я не знала, к чему готовиться.

— Похоже, мне следует вернуться домой, — сказала я матери под плач новорожденной племянницы. — Нужно обсудить тему выборов с центральным исполкомом. Нужно взвесить, что выгоднее, участие или неучастие.

Я ожидала, что мать не одобрит моего решения. Кто знает, чего ожидать от Зии? Но она подумала и согласилась:

— Ты права. Самая пора обсудить тему с партийными боссами в Пакистане.

Мы сели за телефон, сменяя друг друга попытались прозвониться к заместителю председателя партии в Пакистане, пытались долго, но безуспешно. Я дозвонилась, однако, до кузины Фахри.

— Скажи, чтобы Клифтон, 70, отперли и приготовили, — сказала я ей. — Я через три-четыре дня прибуду.

Я как раз дозвонилась до аэропорта и уточнила расписание, когда снова зазвонил телефон.

— Дом на Клифтон окружен армией, — сообщил доктор Ниязи. — Мне только что сообщили из Карачи, что отдан приказ о задержании вас с матерью. Все аэропорты страны блокированы, и всех женщин, прибывающих в *бурка* из Англии и Франции, проверяют.

Что пользы лететь домой, если сразу по прибытии тебя схватят? Если не будет возможности обсудить вопрос участия в выборах. Из Европы можно хотя бы звонить. Во мне крепло

убеждение, что мы должны противопоставить Зие сильную оппозицию, и я хотела довести свое мнение до сведения членов ДВД.

—Это мисс Беназир Бхутто? — спросил удивленный голос, когда я дозвонилась наконец до Абботабада.

—Да, да, да! — нетерпеливо подтвердила я. — ДВД определилось с выборами?

—Да, определилось.

—Ну, и как?

—Бойкот.

Раз так решила партия и объединенная оппозиция, значит, быть по сему. Я вернулась в Лондон и записала еще одну пленку на синдхи и урду с призывом бойкотировать выборы. Ее тоже тиражировали, тайно доставили в Синдх, Пенджаб и другие части страны, распространяли среди ее населения.

25 февраля я сидела в Лондоне у телевизора как приклеенная. Программы новостей освещали выборы в Национальную ассамблею, а тремя днями позже — в провинциальные ассамблеи. Обычно выборы в Пакистане слегка напоминают карнавал, проходят в суматошной, оживленной обстановке. На улицах полно народу, мелкие торговцы толкают тележки с прохладительными напитками, мороженными леденцами, сластями, пирожками *самоса* и *пакора.* Люди собираются перед избирательными участками громадными толпами, толкаются и пихаются, чтобы пролезть первыми. В Пакистане не увидишь упорядоченных очередей. Однако на телеэкране я увидела совершенно иную картину. Какие-то статисты рысили перед камерами, выстраивались жидкими цепочками в аккуратную скучную очередь чуть ли не по стойке «смирно», в затылок один другому, и никаких тележек, никаких лоточников.

То, что Зия называл выборами, не представляло собою даже злой пародии на демократическую процедуру. «В отсутствие политических партий, — сообщал азиатско-тихоокеанский выпуск журнала «Тайм», — не было представления платформ кандидатов, не было предвыборных лозунгов или дебатов по злободневным вопросам. Кандидатам не разрешалось проводить встречи с избирателями под открытым небом, использовать аудио усилительную аппаратуру, радио- и телевещание. Разрешалось ходить от дома к дому и встречаться в помещении с таким количеством людей, которое может без давки разместиться в среднего размера жилой комнате. Некоторые отважились использовать в качестве залов для выступлений мечети — их быстро дисквалифицировали».

Режим объявил о явке в пятьдесят три процента. Мы оценивали ее между десятью и двадцатью четырьмя процентами, в зависимости от региона. Призыв ДВД к бойкоту сработал снова, хотя и не столь успешно, как в случае референдума. В этот раз Зия для гарантии выпустил указ, гласящий, что призыв к бойкоту подлежит суровому наказанию. Не было и политических лидеров, способных эффективно призвать к бойкоту. «В последние дни перед выборами, — писал «Тайм», — режим изолировал около трех тысяч политических противников, фактически всех сколько-нибудь заметных политиков страны, и держал их в тюрьмах или под домашним арестом до окончания голосования».

Несмотря на все потуги режима, выборы эти прозвучали очередной суровой отповедью военному положению и предложенной Зией политике исламизации. Шесть из девяти министров, выставивших свои кандидатуры в Национальную ассамблею, потерпели поражение, как и многие другие его сторонники. Столь же тускло выглядели религиозные фундаменталисты. Лишь шестеро из шестидесяти одного кандидата «Джамаат-и-ислами» добились избрания. Напротив, кандидаты, связывавшие свои платформы с ПНП, несмотря на бойкот, объявленный выборам нашей партией, взяли пятьдесят мест из пятидесяти двух. «ПНП, руководимая ныне 31-летней дочерью Бхутто Беназир, остается сильнейшей партией страны, несмотря на почти восьмилетний период ее запрета», — бесстрастно констатировал «Тайм».

Менее чем через неделю после выборов исчезли последние надежды, что Зия сделал какие-то шаги к демократии. Прежде чем новоизбранная Национальная ассамблея успела даже собраться, Зия объявил о внесении изменений в конституцию. Поправки подтверждали его президентство еще на пять лет и не только давали ему право лично назначать премьер-министра, командующих родами войск и губернаторов провинций, но и по своему произволу распускать Национальную и провинциальные ассамблеи.

Чем отличалось новое правительство? Да ничем. Хотя Зия и сделал показной жест в угоду своим западным покровителям, но военное положение оставалось в силе. На себя он навесил более приемлемый ярлык «президента», но так и остался главным военным администратором и начальником Генерального штаба, что обеспечивало «карманное» положение Национальной ассамблеи. Зия заявил в интервью журналу «Тайм», что «через несколько месяцев» после того, как он присягнет в качестве президента, он отменит военное положение и уйдет с поста начальника Генштаба.

«Когда я 23 марта принесу присягу, я скорее всего сменю форму на штатский костюм», — сказал он, как будто собираясь кого-то одурачить своим новым бурнусом.

Первого марта, через четыре дня после выборов, Аяза Саму приговорили к смертной казни. - Пятого марта повесили Насера Балуча.

Весть о смерти Насера Балуча опечалила нас чрезвычайно. Зия не обратил внимания на просьбы о помиловании от девяти новоизбранных членов законодательных органов страны и провинции. Еще несколько политических заключенных Центральной тюрьмы Карачи ухитрились направить петиции о помиловании Насера Балуча, на что Зия ответил переводом их в другие тюрьмы. После того как мы обнародовали попавшие к нам в руки секретные документы, он вынужден был уступить международному давлению и отменить смертную казнь троих приговоренных, но Насер Балуч получил «черную метку». Корреспондент «Гардиан» сообщал из Исламабада, что профсоюзный вожак мужественно прошествовал к месту казни, «выкрикивая антивоенные лозунги и здравицы Бхутто».

Печально перебирала я листки накопившейся по делу Насера Балуча переписки, держала в руках обрывок сигаретной пачки, на чистой стороне которого он, уже находясь ожидании казни в камере смертников Центральной тюрьмы Карачи, набросал несколько строк: «Да ниспошлет Господь Вам и *бегум-сахибе* здоровья и долгих лет жизни на благо беднякам Пакистана. Мы в наших клетках храбро противимся невзгодам, берем пример с *шахида* (мученика) председателя Бхутто, не склонившего головы перед военной Хунтой. Мы не станем унижаться перед военным режимом, умолять о помиловании... Честь нашей партии дороже нам, чем жизнь. Молимся за вашу победу. Да поможем Вам Бог». Я месяцами молилась о спасении Насера Балуча. Теперь погрузилась в скорбную молитву о его душе. Мы объединились в поминальной молитве о Насере Балуче в доме одного из изгнанных военными партийных лидеров. Я переживала его смерть, как потерю брата. Проживал Насер Ба-луч в Малире, в районе Карачи, заселенном беднотой. Он с женой и детьми делил дом с родителями и многодетной семьей брата. Насер Балуч гордился своими дочерьми, часто рассказывал о них. Одна из них вышла замуж в 1983 году, когда я находилась в заточении на Клифтон, 70, и я в силу своих возможностей помогла их семье, попросив кузину Фахри выделить им деньги на покрытие связанных со свадьбой издержек. Глубоко сочувствуя его семье, я села за составление соболезнующего послания его близким. Многие переживали за судьбу этого замечательного человека.

Британские газеты сообщали, что в ночь его убийства режиму пришлось бросить к тюрьме дополнительные наряды полиции, чтобы справиться с собравшейся там толпой. Когда тело выдали семье для захоронения, полиции пришлось применить слезоточивый газ, чтобы рассеять собравшихся. Новое «гражданское» правительство хунты начало правление с бойни. Неужели Аяз Саму станет следующей жертвой?

«Прошу Вас помочь нам в деле спасения жизни Аяза Саму, представителя рабочих заводов „Найя Даур моторз", приговоренного к смерти военным трибуналом 1 марта 1985 года в ходе закрытого судебного процесса». Так начинались письма в рассылке доктора Ниязи, представляющего комитет по гражданским правам ПНП. «Дорогие товарищи/сотрудники... — начинались обращением письма Сафдара Хамдани, проживавшего в хостеле Христианского молодежного сообщества. — В свете зловещего развития дела Аяза Саму прошу Вас умножить усилия путем: a) личных встреч с вашим местным делегатом парламента или аналогичного выборного органа; b) организации делегаций для встреч с вашим местным делегатом парламента или аналогичного выборного органа; c) сбора подписей под петицией; d) контакта с правозащитными организациями; e) контакта со средствами массовой информации».

Детали сфабрикованного дела Аяза Саму выяснились, когда наши сторонники в Пакистане сумели довести до нашего сведения информацию из полицейских досье. Саму обвинили и приговорили к смертной казни за преступление, которого он не совершал, за убийство сторонника режима, некоего Захура уль-Хасана Бхопали, в его офисе в Карачи в 1982 году. Одного из нападавших убили тут же, второго, сбежавшего с места происшествия, свидетели описывали как высокого, мускулистого, сравнительно светлокожего мужчину возрастом между двадцатью пятью и тридцатью годами. Из раны в его плече обильно текла кровь, когда он прыгнул в машину и скрылся. Аяз Саму ничем не напоминал скрывшегося раненого.

Никаких ран на теле его при аресте не было. Ему было двадцать два года, он худощав и весьма смугл. Но режим не интересовался такими «мелочами». Убийцу Бхопали настолько важно было изобличить и осудить, что три военных суда рассмотрели дела троих разных задержанных по этому делу и признали их всех виновными в совершении одного и того же преступления!

Но нам требовалось доказательство невиновности Саму. Несокрушимое доказательство. И такое доказательство мы волучили. Один из адвокатов тайком вынес из камеры Саму

кусочек ткани, пропитанный кровью подсудимого. Полиция при расследовании дела подняла большой шум вокруг крови, найденной в брошенной преступником машине. Результаты анализа крови, проведенного неким доктором Шервани, прилагались к делу. Анализом крови Саму суд себя не затруднял. Мы проверили доставленный образец у нейтрального патологоанатома в Лондоне, и у нас появилось неопровержимое доказательство невиновности Аяза Саму, которое мы и приводили в рассылаемых повсюду письмах. Кровь Саму не соответствовала крови, найденной в использованной для покушения машине. Но смертный приговор так и остался в силе.

«Дорогая сестра, — писал Аяз Саму из Центральной тюрьмы Карачи 23 марта. — Радуюсь возможности послать тебе весточку. Наша решимость крепче гор, выше Гималаев. Революционеры никогда, никогда не сдадутся диктаторам. Жизнь дает Аллах, а не Зия. Я предпочту быть повешенным, чем влачить рабское существование под гнетом диктатуры.

Приспосабливаться — не в моем характере, из страха перед военным положением я не назову осла конем, а черное — белым. Сестра, дорогая, заверяю тебя, что террорист Зия уль-Хак может сломать шею твоему брату, Аязу Саму, но не заставит его склонить голову... Мы, мученики борьбы за правое дело, готовы пролить кровь. Однажды новая заря взойдет нашей кровью, *Иншалла!* Мы будем жить вечно. Брат твой, Аяз Саму».

Материалы по делу Аяза Саму я постоянно держала при себе. В апреле я ездила в США, выступала в Гарварде (меня пригласили прочитать лекцию о Раме Мехте) и перед сенатским комитетом по иностранным делам, в июне в Страсбурге обращалась к членам европейского парламента. «Аяз Саму, лидер рабочего движения и сторонник нашей партии, томится сегодня в тюрьме в ожидании казни за преступление, которого он не совершал. Его кровь не соответствует группе крови, оставленной разыскиваемым преступником, раненным в перестрелке... — рассказывала я на пресс-конференции в Страсбурге. — Если совесть мирового сообщества справедливо возмущается преступлениями апартеида и повсеместными нарушениями гражданских прав, то нельзя оставлять без внимания и убийства, совершаемые военными судами в стране, получающей существенную помощь от Запада».

Как раз перед тем, как я покинула Америку весной 1985 года, все 54 заключенных, содержавшихся в Лахоре по поводу их мнимого участия в деятельности группировки аль-Зульфикар, были приговорены к пожизненному заключению, как и еще 40 других, заочно. В число последних попали и мои братья, Мир и Шах. Снова режим использовал жупел терроризма в своих

политических целях. ,,Эм-нисти интернэшнл" уже длительное время озабочена огульным использованием в качестве предлога принадлежности к группировке аль-Зульфикар для репрессий против политических противников, непричастных к насильственной активности», — отмечалось в докладе этой правозащитной организации в 1985 году. Более семидесяти человек казнено, более ста приговорены к пожизненному заключению...

Пакистанская народная партия
Лодердейл-Тауэрз, 111 Барбикан
Лондон EC2 - 18 июня
СПАСИТЕ ЖИЗНЬ АЯЗА САМУ!!!

Дорогой товарищ, просим Вашего безотлагательного вмешательства для спасения жизни невинного 22-летнего молодого человека в Пакистане... Обращайтесь к каждому из перечисленных в прилагаемом перечне. Призыв о помиловании Аяза Саму следует отправить немедленно. Просим Вас не медлить, ибо время на исходе.

В адрес военного диктатора полетели письма, телеграммы, дипломатические послания. Усилилось давление со стороны Запада... Аяза Саму повесили 26 июня 1985 года.

* * *

Я вздрогнула от какого-то резкого звука. Что-то упало? На кухне? Наверное, кто-то оставил открытым окно, порыв ветра ворвался в помещение. Я заглянула на кухню, чтобы навести порядок, — ничего не случилось, окно закрыто, все на месте. Может быть, это дух Аяза Саму? Я вознесла молитву за упокоение его души.

На следующее утро я погрузилась в работу. Со мной в помещении Нахид, Башир Рияз, Сафдар, Сумблина, Ясмин и господин Ниязи. Мы работаем над письмами всем тем, кто принял участие в судьбе Аяза Саму, отвечаем на соболезнования многих заинтересованных лиц, в числе которых лорд Эйвбери из палаты лордов, Элиот Абрамс из США, Карел ван Мирт из Брюсселя, поставивший перед Европарламеном вопрос о заблокировании подготавливаемого договора об экономическом сотрудничестве с Пакистаном.

«С прискорбием узнал о казни господина Аяза Саму, хотя такого исхода и следовало ожидать, — прочитала я в письме лорда Эйвбери. — Происшедшее показывает, что Зия совершенно не принимает во внимание призывы к человечности. Боюсь, он уверен, что, что бы он ни предпринял, это не повлияет на благосклонность США, на решимость администрации Рейгана рассматривать Пакистан как часть „свободного мира"».

В помещении тишина, мы работаем, погруженные в печальные мысли, как вдруг из холла, где на полках, столах, подоконниках хранятся стопки папок, сшивателей, конвертов, доносится глухой стук.

—Наверное, папка со стола свалилась. — Башир поднимается, выходит в холл.

—Нет, ничего там не падало, — вздыхаю я, вспоминая вчерашний стук на кухне.

—Да, верно, там все в порядке, — подтверждает Башир, вернувшись.

—Может быть, мятущаяся душа Аяза, — бормочу я.

—Да благословит его Господь! — откликается госпожа Ниязи, женщина глубоко религиозная. — Давайте устроим для него *Куран Хани.* Это даст мир его душе.

Нахид оперативно организовал на тот же вечер несколько женщин из пакистанской общины; час за часом мы читали вслух суры из Священного Корана, пока несколько раз не прочитали полностью всю Святую Книгу. После этого дух Аяза Саму более не проявлял беспокойства.

Первого июля я планировала отправиться на юг Франции, отдохнуть с матерью и другими членами семьи. Но то одно, то другое обстоятельство задерживало меня: политические контакты, переговоры, прием посетителей, которые не могли изменить даты визита...

Мать звонила, сообщила, как Шах Наваз горевал, что я пропустила барбекю на свежем воздухе, устроенное им в мою честь. Звонил и сам Шах. Редко доводилось нам встречаться после моего освобождения. Конечно же, мне очень хотелось с ними встретиться, увидеть всех: Мира Шаха, маленьких Фатхи и Сасси, афганских жен моих братьев Фаузию и Рехану. Но до середины месяца я так и не смогла освободиться для встречи с семьей.

Утром 17 июля я решительно собрала чемодан и отправилась в аэропорт. Впереди две недели мира и покоя в Каннах, свободных от трагедий, от напряжения последних месяцев. Я спешу прочь. Я устала от смерти.

12

СМЕРТЬ БРАТА

Где же они? Неужели не приехали встречать? Пройдя иммиграционного служащего, бросаю обеспокоенные взгляды по сторонам. — Ага, попалась! — Шах Наваз выскакивает из-за колонны и хватает меня в охапку. Глаза его сияют озорством. — Его идея спрятаться, — улыбается мать, целуя меня.

Шах поднимает мой чемодан и с притворным ужасом снова опускает его. — Ну и тяжесть! Ограбила британское

казначейство?

Смеясь, покидаем аэропорт. Веет легкий ветерок, пальмы французской Ривьеры лениво шевелят мягкими зелеными опахалами. Так приятно расслабиться после постоянного напряжения, снова оказаться в лоне семьи, увидеть этого шалуна, всегда задорного, всегда смеющегося, с которым меня связывают особые узы. Он среди детей младший, я старшая, и это нас всегда как-то объединяло. Я улыбаюсь и покачиваю головой, замечая взгляды, которыми провожают Шаха встречные женщины. Он строен, спортивен, и, если идешь с ним рядом, не можешь не заметить повышенного внимания, оказываемого ему представительницами слабого пола».

- Шах и мать садятся впереди, я устраиваюсь на заднем сиденье, автомобиль направляется в Канны. Шах непрерывно болтает, чаще бросает взгляды на меня, в зеркало заднего вида, чем на дорогу, глаза его под длинными густыми бровями сверкают, лоб осеняет шапка темных волос.

На нем аккуратная белая рубашка, белые брюки. Красавец! Я рада его прекрасному виду и состоянию. При наших прежних редких встречах я помню его каким-то отощавшим, изможденным. Теперь он не беспокоится о моей судьбе заключенной военного режима, и я тоже не слишком опасаюсь за участь братьев. Уже долгое время аль-Зульфи-кар не дает о себе знать, и я полагаю, что непосредственная опасность семье нашей не угрожает. Зия далеко от солнечных берегов Средиземного моря, где теперь живет Шах с семьей, и разговор в автомобиле ведется не о политике, а о манго.

—Что за манго ты нам везешь? — спрашивает Шах, в очередной раз бросая на меня взгляд в зеркальце заднего вида. — Уже две недели мы только о них и мечтаем.

—«Синдхри», — отвечаю я. — Хотя мне больше нравится сорт «чосер». Они мельче, но слаще.

—Ужас, ужас! — Шах на мгновение отпускает рулевое колесо и в притворном возмущении хватается за голову. — Акт государственной измены! Синдхи не любит «синдхри». Пренебрегаете своей родиной, мадам!

Смеемся. Шах всегда меня смешит, да и не только меня, всю семью веселит он своими шутками. Забываю усталость, не действует разница во времени. Жизнерадостность моего младшего брата заразительна. Как у него это получается? Он был еще младенцем, когда нас поглотил мир политики. Когда он родился, папа стал министром. Мама постоянно сопровождала отца на официальных мероприятиях, а дедушка и бабушка умерли. Казалось, Шаха некому было так баловать, как баловали

нас, троих старших детей. Может быть, поэтому он особенно привязался ко мне, старшей. Еще детскими каракулями писал он мне письма в Гарвард. Когда он подрос, мы летом вместе играли в сквош. Спорт его интересовал больше, чем науки. Он был лучшим игроком школьной баскетбольной сборной, дома занимался бодибилдингом. Но в глазах отца спорт — не главное в школе и университете.

Чтобы дать сыну какое-то понятие о дисциплине, отец отдал его в кадетское училище «Хасан Абдал». Разумеется, его соученики ожидали, что сынок премьер-министра окажется слабым и изнеженным, но Шах, к всеобщему удивлению, превзошел товарищей по всем физическим параметрам и на муштре по «выживанию». Однако в кадетской школе ему не нравилось, и он уговорил мать убедить отца за-брать его обратно и отдать в Международную школу в Исламабаде.

Шах Наваз на языке урду означает «царь доброты». Щедрость его иной раз неразумна. Годом раньше в Париже дважды случилось с ним, что нужно было разменять деньги, чтобы купить «Геральд трибюн». Он выскакивал из кафе, оставив меня «на минутку» за столиком и оба раза возвращался через некоторое время без газеты и без денег. Разменяв купюры, он раздал деньги нищим, повсюду подставлявшим шляпы для доброхотного даяния. Он буквально рубашку с тела мог подарить. «Бери, бери», — настаивал он, когда кто-то восхитился купленной ему матерью новой спортивной курткой. Беднякам он сочувствовал с детства. В саду на Клифтон, 70, он смастерил соломенный шалаш и спал в нем неделями, чтобы прочувствовать лишения, Ощущаемые бедняками.

Единственный из нас, он не окончил Гарвард. Вместо этого он поступил в Американский колледж в швейцарском Лейсине. Там он влюбился в прекрасную турчанку и завел множество разномастных друзей. К неудовольствию отца, успехи его в учении оставляли желать лучшего. Вместо скучных лекций Шах и его друзья предпочитали «прошвырнуться» в Париж «к Режин». В 1984 году он почти силком затащил нас с Ясмин в это злачное ночное заведение — и, к моему изумлению, хотя он там семь лет не бывал, его сразу узнали и встретили с восторгом.

Я не без оснований подозревала, что как политик Шах наиболее способный из нас четверых. Отец охотно брал его с собой на митинги. Первую пресс-конференцию он провел в 12 лет. Политическим чутьем отличался безошибочным, угадывал мысли людей, их потаенные желания, чувствовал биение их пульса. Бывает, люди рождаются одаренными музыкальным талантом, художественным чутьем. Так Шах, можно сказать,

родился политиком.

«Глядя на Шаха, частенько вспоминаю себя в его годы», — иногда говорил мне отец.

Наша вторая встреча в Каннах.

«Занимайтесь чем хотите, но в июле все приезжайте ко мне», — напоминала нам мать. Прошлогодний семейный отдых в доме тетушки Бехджат в Каннах удался на славу. Из-за многочисленных общественных обязанностей и несовпадения возможностей вместе удалось провести меньше времени, чем хотелось. Я и брат Мир постоянно воевали из-за несходства точек зрения на пути устранения Зии.

—Зия превратил Пакистан в государство, управляемое террором. На насилие следует отвечать насилием, — уверенно заявлял Мир.

—Насилие порождает ответное насилие, — возражала я. — Такого рода противодействие режиму не даст народу четких ориентиров. Любое изменение, если ты хочешь, чтобы оно стало долгосрочным, должно производиться мирным путем, политическими средствами, при помощи демократических выборов, чтобы ты обладал мандатом народа.

—Выборы? Какие выборы даст тебе провести Зия? Его надо выгнать силой. Вооруженная борьба! — настаивал Мир.

—У армии в любом случае больше оружия, чем у партизан. Возможности государства больше, чем возможности любой группы энтузиастов-диссидентов. Вооруженная борьба не просто непрактична, она приносит непоправимый вред.

Мы спорили до хрипоты, ругались, Шах ускользал купаться или в кафе — куда угодно, чтобы спастись от наших споров.

— Не могу выносить ваших склок, ребята, — улыбался он. К облегчению Шаха, в этом году мы с Миром заранее договорились вести себя смирно, не задирать друг друга, просто признать, что мы не согласны друг с другом, и на этом успокоиться.

Политические интересы Шаха перешагнули границы Пакистана. Покинув нашу страну, он жил в нескольких других на Ближнем и Среднем Востоке, вникал в сложности политики Ливии, Ливана, Сирии.

— У тебя слабость к госпоже Тэтчер, — частенько поддразнивал он меня.

—Неправда, Шах! — горячилась я. — Она правая, меня ни в коем случае правой не назовешь. У нее в Британии высокая безработица, — обличала я британских консерваторов во главе с пресловутой «железной леди».

—Правда, правда, — лукаво улыбался Шах и грозил мне пальцем. — У тебя слабость к ней, потому что она женщина.

В опасный теневой мир аль-Зульфикар Шаха толкнуло не внутреннее убеждение, а обстоятельства. В Кабуле он занялся обучением добровольцев-боевиков группы. Как и все, чем занимался Шах, эту работу он вел с увлечением и не без озорства. Однажды, пренебрегая установленным советскими оккупационными властями комендантским часом, он в ночные часы отправился по улицам Кабула, чтобы к утру добраться до лагеря и присоединиться к своим «войскам» за завтраком. Утром, обнаружив, что брат исчез, Мир всполошился.

— Сам посуди, — оправдывался Шах, с улыбкой глядя на разозленного брата, — как я смогу учить своих людей тактике скрытности, если не покажу личного примера?

Жизнь Шаха, как и жизнь всей семьи, резко изменилась после убийства отца. Связь его с красавицей турчанкой прервалась по инициативе ее родителей, узнавших, что Шах связался с группой аль-Зульфикар. Пришлось ему отложить и свои мечты о предпринимательской активности. Он планировал сколотить капитал и заняться строительством многоквартирных домов во Франции.

— Вы с Миром занимайтесь политикой, а я буду зарабатывать деньги для семьи, — сказал он во время одной из наших встреч.

Интересовался он и деятельностью разведки, изучал соответствующую литературу.

— Когда вы с Миром вернетесь в Пакистан, вспомните о своем младшем братике, который разбирается в разведке, — говорил он нам. — Большие бонзы не могут, не в состоянии вникнуть во все аспекты жизни общества, современное общество для этого слишком сложно и громоздко. Вам нужен кто-то, на кого вы сможете положиться, кто сможет просветить вас о тенденциях, настроениях, чаяниях, о том, в какой кухне что заварилось. Так что, когда придет время, я вам пригожусь.

* * *

Сейчас, в автомобиле, Шах спросил меня:

—Долго у нас пробудешь?

—До тридцатого июля.

—Ну нет! Так не пойдет. Останься подольше. Мир тридцатого уезжает, и ты тоже. Ты просто должна остаться еще на недельку.

—Но меня ждут в Австралии.

—Подождут. Останешься со мной.

—Хорошо, хорошо, — согласилась я.

Конечно, я понимала, что не смогу остаться. Но не хотелось портить брату настроение отказом. Из всей семьи он наиболее настойчиво рвался меня увидеть. Весной 1984 года он без предупреждения прилетел в Париж, где я вовсю занималась

своими политическими делами. «Редактор „Красной звезды" хочет взять у вас интервью», — прочитала я на одной из записок стола регистрации о телефонных звонках. «Красная звезда»? В жизни не слыхала о таком печатном органе, но это меня не удивило, ибо тогда я получала много звонков и виделась со многими, о ком раньше не имела представления. Когда редактор «Красной звезды» позвонил в третий раз, я взяла трубку.

— Легче пробиться к президенту, чем к тебе, — смеялся в наушнике трубки голос Шаха. — К Валиду Джумблатту в штаб-квартире друзов в Бейруте точно проще попасть, чем к мадемуазель Беназир Бхутто в Париже.

Каждое утро Шах будил меня в моем номере в 6 часов.

— Все еще спишь? — ужасался он. — Вставай, давай вместе позавтракаем.

Политические трапезы для Шаха не были проблемой.

— Когда ты от него отделаешься? — спросил он, когда я сказала, что обедаю с господином Назимом Ахмадом, бывшим министром информации. В упомянутый мною час я услышала рядом шаги и увидела подходящего к нам стройного молодого человека. Мой собеседник побледнел. Он знал, что Шах не только сын главы его правительства, но и прослыл опасным террористом. Шах раскурил сигару, и через несколько минут господин Ахмад уже хохотал над его анекдотами. Затем Шах водил меня и Ясмин по булыжным мостовым Парижа. До трех ночи мы болтали, пили кофе за выставленными на тротуары столиками.

—В семь утра за тобой заеду, — предупредил Шах, высаживая меня с матерью у снятой им на месяц квартиры С двумя спальнями на Круазетт. — Сначала покажу тебе свою квартиру, потом барбекю на пляже. У меня все уже налажено, тебе останется лишь наслаждаться.

—И Рехана будет?

— Да. — Выражение его лица не предполагало каких-то изменений в отношениях с молодой женой. И он отбыл, чтобы завершить последние приготовления к пикнику.

В одной квартирке с матерью и со мной разместились Санам с крошкой Азаде, мужем Насером и еще пятнадцатилетняя кузина из Лос-Анджелеса. Нехватка места нас, однако, не беспокоила, ибо восточные семьи по обычаю живут весьма плотно. Мир, со своей семьей остановившийся у Шаха, приехал к нам в гости с Фатхи. Я привезла для Фатхи вырезные аппликации и несколько книжек с картинками, которые и принялась ей читать. Кондиционер в квартире отсутствовал, жара выгнала нас на балкон, где мы прекрасно провели время до вечера. Афганских

жен своих братьев я едва знала. Уже год прошел, как они женились в Кабуле.

Мир, кажется, прекрасно уживался со своей Фаузией, но у Шаха с Реханой дело обстояло сложнее.

—Я тебе хочу кое-что сказать, но обещай со мной не спорить, — обратился ко мне как-то Шах во время одной из наших встреч в Париже.

—Попытаюсь, — пообещала я.

— Я, кажется, разведусь. Я разинула рот.

— С ума сошел, Гоги? — Я назвала брата его детским семейным именем. — Ни в коем случае! В нашей семье никогда не было разводов. Твой брак к тому же не договорный, ты сам себе жену выбрал, так что не можешь сослаться на то, что тебе подсунули невесть что. Ты должен сохранить семью.

—Тебя больше заботят приличия, чем я, — вполне справедливо упрекнул меня Шах.

—Да что у тебя не ладится? — спросила я, воображая, что сейчас, не сходя с места, найду мудрое решение всех семейных проблем брата. То, что я услышала, однако, убавило у меня уверенности в благополучном разрешении семейного кризиса.

Рехана радикально изменилась после замужества, сказал брат. Сначала она пылала любовью, сама готовила пищу и напитки, терпеливо дожидалась, когда он вернется из лагеря после тренировок. Но вдруг она оказалась не в состоянии подать ему даже чашку чаю. Он возвращался домой и видел, как она красится, мажется, румянится и куда-то исчезает. И он остается один дома.

— Я почувствовал себя одиноким, как никогда. Как бездомный. Ни поговорить, ни даже телевизор вместе посмотреть... Я думал, ребенок исправит положение, но получилось еще хуже.

—Шах и Рехана расходились дважды. Ради дочери Шах мирился с женой, надеясь, что она станет такой же, как прежде. Но теперь он решился, и по возвращении в Париж разведется с ней наконец. Так сказал мне Шах. А я, как дура, его отговаривала.

— Может быть, она тоже чувствует себя одинокой, скучает, — подыскивала я оправдания поведению его жены. —Вы разъезжали по арабскому миру из одной страны в другую, у нее ни друзей, ни родственников на новых местах, ни языка не знает, ни телевизор посмотреть, ни в кино, ни на рынок. У нее и жизни-то не было. Добавь семейную нагрузку, ребенок в столь раннем возрасте.

—Шах, казалось, слушал меня с интересом.

—Она хочет, чтобы я занялся бизнесом в Америке. Даже говорит, что сможет устроить, чтобы американцы удалили меня

из списка нежелательных элементов. Но жить в Америке... — лучше сдохнуть.

—Может быть, тогда вам лучше пожить в Европе, пока нельзя вернуться домой? Во Франции, например, она свободно может ходить в гости или в кино, когда тебя нет дома. Здесь не исламская страна, где на женщину без мужского сопровождения выпяливают глаза. Мир с семьей в Швейцарии живет, значит, и сестра должна быть недалеко. Может быть, если создать ей подходящую обстановку, она станет прежней. Если хочешь, я поговорю кое с кем, если повезет, добудем для вас французский вид на жительство. Сказанное мною Шаха заинтересовало.

— Во Франции опасно, — сказал он. — Если жить здесь, то мне понадобится разрешение на оружие.

— Не знаю, но могу и об этом спросить.

— Наш разговор улучшил его настроение. Но мое несколько упало, когда Шах взял меня с собою покупать бронежилет.

— В Европе мне нужно носить его постоянно, — сказал он и купил один себе и один для меня, сидевший посвободнее. — Неизвестно, что взбредет в голову Зие.

— Я постаралась его разуверить, хотя и сама постоянно размышляла о вопросах безопасности. Но его оказалось трудно разубедить.

— Мне неоднократно сообщали, что меня приказано убрать.

— Но, Гоги, аль-Зульфикар оставила Кабул, и уже годы не проявляла себя.

— Он только улыбнулся:

— У меня надежные источники информации.

Находясь за решеткой в суккурской тюрьме, я постоянно испытывала страх за жизнь братьев. Они были занесены режимом в список смертников и жили под угрозой гибели. Конечно, они сознательно выбрали эту опасную тропу, но я, их сестра, не могла за них не переживать. Потеряв отца, я тем более беспокоилась о безопасности близких. А жизни братьев угрожала реальная опасность.

Я узнала, что в Кабуле один из старых слуг семейства его жены пытался отравить моих братьев. К счастью для братьев, их пищу первой отведала собака, издохшая в страшных судорогах. Слуга после этого каялся, ползая на коленях, умолял пощадить его. Он сознался, что ему заплатили моджахеды, желавшие угодить Зие. Братья оставили его в живых по ходатайству жены Мира Фаузии.

Другой попытки убийства они избежали, когда, сидя в автомобиле, Шах что-то уронил на пол и они оба резко нагнулись за оброненным предметом. В этот момент там, где только что

находились их головы, вжикнула пуля.

Главной целью мог оказаться Шах, а не Мир. Когда братья еще жили в Кабуле, к ним пришел какой-то патан и сообщил, что Шах значится в списке смертников раньше Мира. «Сначала убить Шаха, потом Муртазу».

—Вполне вероятно, — объяснял мне Мир. — Я больше политикой занимаюсь, а Шах все время проводит с боевиками, учит их, наставляет. Шах имеет боевую подготовку и боевой опыт. Шах для них более непосредственная угроза.

—Боже упаси вас лететь когда-нибудь рядом с Пакистаном, — сказала я как-то Шаху. — Если самолет угонят, то вы пропали.

Шах рассмеялся:

— От смерти не убежишь. Если она тебе суждена, то вертись, как хочешь, она тебя найдет. Но Зия нас живыми не получит. У нас при себе яд. Если схватят — секунда, и нет меня. Я предпочитаю смерть плену или предательству.

Вечер в Каннах. Приятная погода, живописная дорога в холмах в фешенебельную «Калифорни», где Шах и Рехана поселились полгода назад. Шах воспрянул духом, когда я обеспечила ему разрешение на проживание во Франции. Он помирился с Реханой и отправился с ней в поездку по Франции. Сначала они хотели поселиться в Монте-Карло, но затем выбрали Канны. Шах гордо демонстрировал мне квартиру, похвастался детской с клоунами на стенах и множеством плюшевых игрушек, заполнивших книжный шкаф; провел в столовую и гостиную, из которой дверь вела на балкон, откуда вдали можно было наблюдать поблескивавший горизонт Средиземного моря. Очень приятная квартира, образцовое райское гнездышко из идиллического фильма.

Я тепло приветствовала Рехану, надеясь, что путешествие ее развеяло, что она стала чувствовать себя свободнее и с ней удастся завязать дружеские отношения. Одета она была, как обычно, по последней моде, хотя, скорее, для ресторана, а не для семейного пикника. Впрочем, наша семья всегда относилась к одежде несколько неформально и предпочитала прежде всего удобство. Шах предложил напитки, я попыталась с Реханой поговорить, но безуспешно. Робость ей мешала или нежелание со мной сближаться, я не поняла. Вскоре она уединилась с сестрой в дальнем углу комнаты. Афганские сестры внешне отличались несомненной красотой, но, что они из себя представляли как люди, я так и не смогла понять.

Я передала маленькой Сасси подарки и поиграла с нею. Шах вышел на кухню готовить корзину для пикника. Подъехали тетя Бехджат и дядя Карим. Я сидела у стола Шаха, следила за

семейством, разглядывала фотоснимки на столе: мы, Сасси... На столе аккуратно лежит папка из красной кожи. На стеклянном кофейном столике ваза со свежими цветами. Жизнь Шаха, похоже, наладилась.

Впервые я чувствую себя как будто на вершине мира, — сказал мне Шах, подсев рядом. — Дела обстоят блестяще.

—Поймай меня, *Вади!* Догони! — кричат мне наперебой мои маленькие племянницы, убегая по увлажненному набегающими волнами песку пляжа. Я неуклюже топаю за ними, делая вид, что прилагаю неимоверные усилия, но не могу догнать. Шах наконец заставил древесный уголь дать требуемый жар, и, когда все уже проголодались, цыплята наконец зажарились.

—Тебе в первую очередь! — Шах протянул мне пол цыпленка.

—Ох, Гоги, мне столько не одолеть.

—Никаких разговоров! Все съешь.

Я сидела со своей порцией, глядела на присутствующих. Смеются, болтают. Давно не устраивало наше семейство пикников на пляже. А ведь когда-то мы выезжали на берег за городскую черту Карачи. Во время тех пикников приходилось следить, как бы смелые птицы-хищники не вырвали еду из рук зазевавшегося. Кто мог тогда подумать, что поредевшее семейство встретится на иных берегах, столь далеко от родины. Что ж, во всяком случае, напряжения в отношениях не наблюдается, все чувствуют себя свободно и непринужденно. Рехана и Фаузия сидят несколько обособленно, погруженные в разговор. Мир живет в Швейцарии, а Шах во Франции, сестры видятся редко, им, конечно же, есть о чем поговорить, как и нам с Санни.

— Поехали в казино, — предложил вдруг дядя Карим. Я не чувствую в себе достаточно сил для таких развлечений, но Шах поворачивается ко мне с улыбкой:

— *Гап-шап* на всю ночь! Едем, Пинки! Не могу ему отказать, соглашаюсь.

— Отлично! И не забудь о завтрашнем дне. — Он имеет в виду планы совместных покупок. — Я эксперт по кожгалантерее Луи Вюитона. Как только глаза продерем, так сразу в Ниццу.

Мечты и планы. Много разных планов. Шах и Рехана уехали к себе с тяжелой пикниковой корзиной, тетушка Бехджат и дядюшка Карим подвезли Санам и Насера, Мир и Фаузия подбросили до дома меня с матерью и кузиной и отправились обратно к Шаху укладывать спать Фатхи.

— Мы с Шахом заедем за тобой через полчаса, — сказал мне Мир, уезжая.

Он вернулся один.

От радостного Шаха, который развлекал нас на пляже, не

осталось и следа, сказал мне Мир. Шах выглядел очень рассерженным, когда Мир вошел в его квартиру.

—Я спросил у него, что случилось, но не успел он ничего ответить, как Рехана завопила: «Убирайся! Убирайся из моего дома!» Она явно не в себе. Гоги сказал, чтобы я остался, но я не хотел встревать между ними. Я подумал, может, она скорее успокоится, если мы с Фаузией уедем.

—А где Фаузия? — спросила мать.

—Внизу, в машине. Очень расстроена. Говорит: «Поедем домой, в Женеву». Я ей говорю, что середина ночи, куда ехать! И сестра только что прибыла, столько не виделись. Тогда, говорит, поехали в отель. Но я не согласился.

Не слишком-то часто я вижусь с семьей. Давайте не будем портить вечер, поступим, как и собирались.

— Вы езжайте, — сказала я Санам, Насеру и Миру. — Я устала за день.

* * *

— Почитай мне, Вади, почитай! — пристает ко мне Фатхи на следующий день. Санам, Насер и Мир вернулись почти в шесть утра, поэтому утро сильно затянулось. Уже час дня, а я все еще не одета. Раздается звонок в дверь.

— Вади нужно быстро одеваться и бегом за покупками, — отговариваюсь я, полагая, что прибыл Шах, чтобы ехать со мной в Ниццу.

Вместо Шаха в мою спальню врывается Санам.

— Быстро! Нам нужно бежать, быстро! — она сует мне своего ребенка.

— Что случилось?

— Рехана говорит, Гоги что-то выпил. — И Санам выбежала из комнаты. У меня затряслись коленки. Заставила себя глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться.

—Он болен? Это серьезно? — кричу вслед.

—Не знаю! Ничего не знаю! — И она выбежала из квартиры.

—Я стою с одним ребенком на руках и со вторым рядом.

—Полиция. Вызвать полицию. Номер чрезвычайных ситуаций записан на телефонном аппарате. Неуклюже перехватываю ребенка, набираю и слышу запись. Французский. В нем я не сильна. Хватаюсь за телефонную книгу, и тут вбегают Санам и мать. Мир и Насер с Реханой уже уехали, а они не смогли поймать такси на улице и решили вызвать по телефону.

—Мама, твой французский лучше. Полицию не вызвать, вызови медпомощь.

—Лучше самим поскорей туда добраться, — возражает мать.

— Нет, мама, так верней. Вспомни Тони.

Случай этот произошел с девушкой, которая умерла из-за передозировки наркотиков. Ее не успели своевременно доставить в больницу. Вспомнился и еще один урок, когда полиция окружила Клифтон, 70. Тогда тоже нужно было быстро соображать. Не время спрашивать, зачем прибыла полиция. Сначала сожги документы, потом спрашивай.

Мать взяла телефонную книгу. Позвонила в одну больницу — ее отослали во вторую. Вторая отослала ее дальше. Она дозвонилась до третьей, когда вернулся Мир.

Он выглядел совершенно разбитым. Безмолвно произнес то, что отказывался произносить голос. Я поняла по движению губ.

—Умер.

—Нет! — крикнула я. — Нет! Трубка выпала из руки матери.

—Да, мама. Я видел покойников. Шах уже остыл. Мать взвыла.

— Вызови реанимацию! — крикнула я. — Ради бога, вызови реанимацию! Может, еще можно оживить. — Я не знала, что делать... Фатхи испуганно прижалась к моей ноге.

Мать подобрала трубку с пола. Больница была все еще на линии. Оператор, слышавший наши крики, без всяких расспросов потребовал адрес. И мы рванулись к двери.

Шах Наваз лежал на ковре в тех же белых брюках, что и накануне. Рука вытянута в сторону, прекрасной формы ладонь, точеные пальцы, совершенной формы ногти.

—Гоги! — вырвался из моей груди хриплый вопль. Я хотела разбудить его. Но... Нос его... Как будто из мела, он выделялся на фоне смуглой кожи лица.

—Дайте ему кислород! — крикнула я медикам, которые зачем-то щупали у него пульс. — Массируйте сердце!

—Он умер, — тихо сказал один из них.

—Нет! Нет!

—Пинки, он уже остыл, — сказал Мир. — Уже не один час, как он умер.

Я огляделась. Кофейный столик сбит в сторону. На боковом столе блюдце с коричневатой жидкостью. Подушка наполовину сползла с дивана. Ваза с цветами упала. Красная папка со стола исчезла. Я перевела взгляд на террасу. Папка валяется там, открыта...

Ужасно. Случилось ужасное. Тело его остыло. Бог знает, сколько времени Шах пролежал здесь умирая. Никто ничего не видел. Но кто-то успел спокойно порыться в его бумагах. Я посмотрела на Рехану. Не похоже, что ее постигло горе, что она только что потеряла мужа. Безукоризненно выглядит, одежда идеальна, прическа — волосок к волоску. Она немигающим

взглядом смотрела мне в глаза. Слез в ее глазах я не заметила. Губы ее зашевелились. Что говорит, не слышно.

— Яд, — повторяет ее сестра. — Он принял яд.

Я ей не верю. Никто из нас ей не верит. С чего бы Шах прибегнул к яду? Накануне вечером он был веселее, чем когда-либо, лучился энтузиазмом, говорил о планах на будущее, включая возвращение в Афганистан. В августе он собирался вернуться в Афганистан. Может быть, в этом дело? Зия решил нанести упреждающий удар? Или ЦРУ преподнесло подарок своему любимому другу?

—Ради бога, прикройте тело, — сказала Санам. Кто-то принес белую пластиковую пленку.

—*Вади, Вади,* что случилось? — спрашивает Фатхи, дергая меня за руку.

—Ничего, ничего, дорогая, — успокаиваю я рассеянно ее и Сасси, подошедшую к телу отца.

—Уведи детей, — говорит мне мать. Я отвела их в детскую и устроила там с книжкой.

Вошли полицейские, и Мир вывел меня в кухню.

— Не надо тебе смотреть на это.

Я смотрю на сковородку, стоящую на плите. На ней разрезанный на половинки помидор и жареное яйцо. Кто и для кого это готовил? Бутылка молока вынута из холодильника. День жаркий, молоко свернулось. Почему оно не в холодильнике?

— Забрали Шаха, — сообщает Мир, вернувшись в кухню. — Говорят, что выглядит, как будто умер от сердечного приступа.

Он отвернулся, чтобы стереть с глаз слезы. Когда выбрасывал бумажный платочек в мусорное ведро, там что-то блеснуло. Пустая бутылочка из-под яда.

Французская полиция долго не отдавала нам тело Шаха. Ожидание в скученной обстановке в небольшой квартирке матери давалось нелегко. Правоверным мусульманам следует предать тело покойного земле в течение суток после кончины, но полиция все исследовала тело, проводила тест за тестом. Мы не знали, что с собою делать. Плакали, сидели, тупо глядя в пол, друг на друга. Пищей никто не интересовался, но за детьми следовало ухаживать. У нас младенец Санам, дочь Мира, часто Фаузия привозила Сасси, когда Ре-хану вызывали на допрос в полицию.

— Хотим в *джхола!* — просили девочки, и я водила их на качели в близлежащий парк. Иногда ко мне присоединялся Мир. Девочки играли, а мы сидели на скамье, молча глядели на море.

Душа болела за Сасси. Она очень сблизилась с отцом. Шах вставал утром, готовил ей завтрак, усаживал на горшочек. В свои три года ребенок остро ощущал потерю отца.

— Папа, — требовала она, когда Мир приезжал за Фатхи. Когда машина проезжала мимо «Ля Напуль», пляжа, где Шах устроил пикник, малышка кричала:

— Папа Шах! Папа Шах!

Полиция вырезала кусок ковра, на котором лежало тело Шаха. Когда Рехана заменила ковер, Сасси указывала на то место, где в последний раз видела тело отца, и лепетала снова и снова:

— Папа Шах... папа Шах...

Она не хотела расставаться со мной и с Миром, когда за ней приезжала Фаузия.

— Иди, деточка, иди... — шептала я ей, а она прижималась ко мне, обхватив ручонками мою шею, и приходилось разжимать ей пальцы, чтобы отправить домой.

Это ожидание выдачи тела в Каннах выводило нас из себя. Все вокруг напоминало мне о покойном брате, везде я видела его. Сидящим на скамейке перед отелем «Карлтон», фланирующим по Круазетт. Боль утраты усугубляла клевета, распространяемая о Шахе подконтрольной военному режиму прессой. Там авторитетно сообщалось, что Шах был склонен к депрессии и мыслям о самоубийстве, злоупотреблял азартными играми. Утверждали, что в ночь самоубийства Шах напился. Полицейская экспертиза опровергала последнюю клевету, но наше опровержение не привлекло внимания пакистанской прессы. Враги делали все, чтобы посмертно запятнать имя моего брата. А тут еще приходилось ждать выдачи его тела.

— Я отвезу его в Пакистан, чтобы похоронить дома, — сказала я однажды вечером, сидя в семейном кругу.

Мать сразу ударилась в истерику:

— Пинки, ты с ума сошла! Нельзя тебе туда. Я только что потеряла сына и не хочу потерять дочь.

— Шах все делал для меня, и никогда не просил меня сделать что-то для него. Он жаждал вернуться домой, в Ларкану, расспрашивал, где и как похоронен папа, чтобы точнее представить себе это место. Я должна вернуть его домой.

— Мир, скажи ей, что это невозможно, — настаивала мать. Что мог сказать Мир?

— Если ты поедешь, то я поеду с тобой, — сказал он, чтобы меня отпугнуть. Все знали, что появление в Пакистане для Мира равнозначно самоубийству.

—Тебе нельзя. Я поеду, — сказала тетушка Бехджат.

—Я поеду, — сказала Санам.

—И я, — тут же добавил Насер.

—Вот и отлично, — подвела я итог. — Но я тоже поеду. Поедем вместе. И я не хочу, чтобы Шаха похоронили скромно и

незаметно. Он получит все должное уважение, которого заслуживает.

Французская полиция все никак не могла определиться с анализами тканей тела Шаха, и я на несколько дней вернулась в Лондон, чтобы не упускать из-под контроля ведение дел. Сотни людей приходили в офис, звонили, чтобы выразить соболезнование. Кончина Шаха вызвала искреннюю печаль пакистанской общины и всеобщее подозрение, что причиной его смерти послужил Зия. Еще больше скорбел народ в самом Пакистане. По всей стране проводились в память Шаха молитвенные собрания. Тысячи людей приходили молиться на Клифтон, 70. Люди сжигали газеты, клеветавшие, что Шах погиб по причине невоздержанности и злоупотребления наркотиками и спиртными напитками. В Синдхе в знак почтения к погибшему закрылись предприятия и торговые заведения. Несмотря на июльскую жару, люди ехали в Ларкану, забив до отказа все отели. Народ располагался на ночлег на железнодорожных платформах.

Вернувшись в Канны, я научилась усмирять свою скорбь, чтобы успевать поддерживать связь с Лондоном и с Карачи, устраивая поездку и перевозку тела к месту захоронения. Многие пакистанцы желали вместе с семьей Шаха принять участие в его последнем путешествии к месту успокоения. Пакистанская пресса по наущению властей создавала неясность, сбивала с толку противоречивыми сообщениями о времени нашего возвращения, и я организовала регулярный выпуск бюллетеней, чтобы информировать наших сторонников.

Скорбь наша не утихала. По неизвестной причине кто-то вдруг взломал автомобиль матери, единственный из множества припаркованных вдоль улицы. Украли только почту, неосторожно оставленную мною на короткое время на заднем сиденье. Этот знак внимания усилил наши опасения. Ведь существовала реальная возможность, хотя так и не доказанная, что Шах убит агентами пакистанского режима. Вряд ли они покинули Канны. Мы сообщили о своих опасениях французским властям и нашли у них понимание, нам обещали защиту.

Когда наконец полиция отдала нам тело Шаха, мы собрались, чтобы помолиться над ним. Я ожидала увидеть своего младшего брата таким же стройным, загорелым, симпатичным, в белом костюме, который мы заблаговременно передали в морг, потому что Шах любил белое. Но лежавшее в гробу тело невозможно было узнать. Лицо стало совершенно белым и раздулось от множества разрезов, сделанных патологоанатомами и впоследствии припудренных.

Бедный мой Гоги, что они с тобой сделали! В помещении

раздался плач. Не сознавая, что делаю, я стала бить себя по лицу, дыхание мое судорожно прерывалось. Нас пришлось вывести. Немного опомнившись, мы направились мимо поджидавших фотографов прессы к автомобилю.

Я привезла Шаха домой, в Пакистан, 21 августа 1985 года. Режим в конце концов согласился разрешить его похороны в Ларкане. Возможно, помня возмущение, вызванное тем, что, вопреки мусульманскому обычаю, ни матери, ни мне не разрешили присутствовать на похоронах отца. Но и в этот раз режим не скупился на попытки утаить от народа похороны очередного Бхутто.

Опасаясь проявления эмоций народными массами, руководство режима разработало план, по которому тело Шаха из Карачи направлялось воздушным путем в Моенджодаро, а оттуда вертолетом сразу на семейное кладбище, возле которого уже оборудовали посадочную площадку.

Военные хотели похоронить Шаха быстро и скрытно, не привлекая внимания, не поднимая шума.

Я отказалась. Шах восемь лет мечтал о возвращении домой, на родину. И я решила, что последний путь его должен пролечь сквозь двери его дома на Клифтон, 70, в Карачи и его дома Аль-Муртазы в Ларкане. Я хотела, чтобы на пути к могиле Шах миновал земли, на которых он охотился вместе с папой и Миром, наши поля и пруды, проследовал мимо наших людей, которых он искренне желал защитить.

И людей этих нельзя было лишить возможности оказать честь храброму сыну страны перед тем, как он ляжет в землю рядом с отцом своим в Гархи-Худа-Бахш.

— Скажите им (пакистанским генералам), что они могут делать со мной что хотят, но я не позволю, чтобы моему брату отказали в праве мусульманина вернуться в собственный дом для последнего омовения собственной семьей и доверенными слугами домохозяйства, — сказала я доктору Ашрафу Аббаси, координировавшему контакты с администрацией в Ларкане. В итоге достигли компромисса. Нам не разрешили доставить Шаха на Клифтон, 70, но оставили Аль-Муртазу. Власти посчитали, что наш дом в Ларкане находится так далеко, что мало кто, кроме местных, туда доберется, особенно в адскую августовскую жару.

Для гарантии армия перекрыла блок-постами и патрулями дороги, ведущие в провинцию Синдх. Задерживались и обыскивались автобусы, грузовики, легковые машины, поезда. В Синдхе армию привели в повышенную готовность, лидеров ПНП изолировали, упрятав под домашний арест. Аэропорт Карачи усиленно охранялся, патрули разъезжали по улицам города.

Кроме кнута показали и перспективу на пряник, в очередной раз назначив срок отмены военного положения. Накануне моего отлета с телом брата из Цюриха в Пакистан назначенный Зией премьер-министром Мохаммед Хан Джунеджо объявил, что военное положение закончится в декабре.

Черное. Черные повязки, черные *шалъвар хамиз, дупатта.* Посадка в Карачи, перегрузка из лайнера сингапурской авиакомпании в небольшой чартерный «фоккер» и полет в Моенджодаро. Накрытый запрещенным флагом ПНП гроб с телом Шаха выгрузили на тележку, и наши слуги, которым разрешили прибыть с Клифтон, 70, рыдая, окружили тележку, припали к гробу. Плакали слуги, плакали родственники из Карачи, Пари, Самийя и ее сестра. И самолет понес нас в Л аркану, навстречу самым невообразимым похоронам, когда-либо виданным Пакистаном.

Скорей, скорей, скорей в Ларкану! Знаешь, Шах Наваз сегодня прилетит. Шах Наваз, сын Зульфикара Али Бхутто, Шах Наваз, воин, отдавший за нас жизнь, Отдавший жизнь свою за тебя и за меня. Вставай, вставай, идем встречать героя...

По всему Пакистану распевали прекрасную песню, сложенную в честь моего брата. Несмотря на угрозы и препоны, народ потек в Ларкану за недели до нашего прибытия, ночуя под открытым небом, на тропах и в полях.

Черное. Море черного. «Фоккер» приземлился в Моенджодаро чуть позже десяти утра. При заходе на посадку я заметила громадную черную толпу возле аэропорта, вытянувшуюся вдоль дороги, сколько захватывал глаз. Дорожные блок-посты не смогли удержать народ, собравшийся, несмотря на невообразимую жару, чтобы выразить скорбь, почтить павшего сына отчизны. Мусульманам надлежит выражать печаль перед лицом смерти, забывая о вражде, но такого стечения скорбящих не ожидал ни режим, ни даже мы. Пресса оценивала количество собравшихся более чем в миллион.

«Аллах акбар! — Велик Господь!» — Под эти крики толпы гроб Шаха перегрузили в машину скорой помощи на лед. После бесчисленных вскрытий и освидетельствований я не хотела, чтобы с телом случилось еще что-то.

«Инна ли Аллах, ва Инна илайхи раджи-ун. — Господу мы принадлежим и к Нему мы возвратимся». Машина с гробом тронулась с места под слова молитвы по покойному. Люди распевали эту молитву, воздев руки, открыв ладони небу.

Не думаю, что многие президенты удостаивались такого почетного и внушающего трепет прощания, каким почтил народ двадцатисемилетнего Шаха. Две тысячи драпированных черным

автомобилей, автобусов, мотоциклов, гужевых повозок с людьми растянулись на десяток миль. Машину с телом осыпали лепестками роз на всем двадцативосьмикилометровом пути от аэропорта до Ларканы. По обочинам дороги стояли люди, прибывшие издалека, в расшитых тюбетейках, в племенных тюрбанах и чалмах.

Портреты Шаха в черном обрамлении. Шах Наваз *шахид* — мученик Шах Наваз. Мои портреты, моей матери. Незабываемый снимок: Шах Наваз с отцом. *«Шахид ка бета шахид.* — Мученик, сын мученика» — гласит подпись. Накопившаяся скорбь народа, не нашедшая выхода после убийства отца, вырвалась на волю после смерти сына. Люди плакали, стенали, били себя в грудь, лезли на дорогу в стремлении прикоснуться к машине с телом, раскачивали ее.

Солнце уже поднялось высоко, а сделать перед ритуальными молитвами еще предстояло много. Нужно было обмыть тело, предъявить его семье; женщины, которые не пойдут на кладбище, молятся возле тела дома. Молитву для мужчин организовали на близлежащем футбольном поле. Похоронить Шаха следовало до заката солнца, а мы с Санам еще не определились с местом для могилы. Ведь я не смогла выбрать место захоронения отца. В этот раз я собиралась все как следует продумать, похоронить Шаха на достаточном удалении от отца, чтобы можно было над обеими могилами воздвигнуть мавзолеи. Но по мере приближения к Аль-Муртазе толпа густела и наконец превратилась в монолит.

— Едем прямо в Гархи, — сказала я водителю нашей машины. Он как-то умудрился вывести машину целой. Фургонс гробом вполз сквозь толпу во двор Аль-Муртазы. У кладбища народу было почти столько же, но они все же держались снаружи, у ограды. Мы с Санам выбрали место в левом дальнем углу, на некотором расстоянии от отца, похороненного рядом с моим дедом. Произнеся краткую молитву над могилой отца, мы поспешили в Аль-Муртазу.

Плач, горестные вопли, стенания, завывание... Несметная толпа снесла стены участка и наводнила не только двор, но и дом, где нас встретили женщины-родственницы, женщины — члены ПНП и домашний персонал. Гроб в гостиной, еще не открыт, что-то сделать в этой толчее невозможно.

— Прошу вас, посторонитесь! — умоляю я, но без особого толку. Люди совершенно невменяемы.

Я хотела открыть гроб перед родственниками — ритуальное открытие лица покойного, — но, когда наши люди понесли гроб к помещениям дедушки, где ждал *маульви,* приготовивший все для омовения тела, некоторые женщины, включая и нашу прислугу,

полностью потеряв контроль над собой, принялись колотиться головами о гроб. К ним присоединились и мужчины. Из разбитых голов потекла кровь.

— Ради бога, оттащите их, пока они себе не навредили! — взмолилась я. — Несите, несите, скорее в дедушкину комнату!

Наконец гроб изолировали, в тишине и покое *маульви* со слугами совершил омовение, облачил в *каффан,* бесшовный мусульманский саван. Жара подавляющая, 110 по Фаренгейту, нужно торопиться.

—Ай-яй, все тело разрезали, ай-яй, — горюет один из старых слуг, принимавших участие в омовении. Мне эти причитания режут слух.

—Прекрати! — прошу я его. Но он как будто оглох.

—А-а-яй! Носик его разрезали, ротик его разрезали, щечки его разрезали...

—Хватит! — ору я. — Хватит. Шах вернулся домой, все позади.

Подходит Насер Хусейн:

— Время на исходе, надо торопиться.

Учитывая толпу, решили тело на кладбище доставить не в *каффане,* а в прочном деревянном фобу. Я отпускаю слуг с гробом в гостиную, где о душе покойного должны помолиться родственники. Затем вдруг вижу, что Шаха уже несут сквозь толпу к машине. Все впопыхах, я чуть не опоздала к отправлению машины. Под шум толпы и молитвенный речитатив бегу за гробом.

Прощай, Шах Наваз, прощай. Столь быстро ты ушел, так мучительно расставание. Хотелось бежать за машиной, кричать, остановить ее, вернуть... О, Гоги, не покидай меня, останься! Вопль сотен молившихся в саду женщин проводил машину с гробом. Брат мой ушел навсегда.

Мусульмане-шииты верят, что в каждом поколении повторяется своя Карбала, происходит трагедия, постигшая семью пророка Мохаммеда, да пребудут с ним мир и благословение Аллаха, после смерти пророка в 640 году.

Многие в Пакистане убеждены, что жертвы, понесенные семьей Бхутто и нашими сторонниками, — Карбала нашего поколения. Не пощадили отца. Не пощадили мать. Не пощадили братьев. Не пощадили дочь. Не пощадили сподвижников. И так же, как не дрогнули последователи внука пророка, неколебимыми остались и мы.

Застыв на пороге Аль-Муртазы, я услышала женский голос, возвысившийся над плачем и стонами, поминавший трагедию Карбалы в современном контексте.

— Гляньте, гляньте на Беназир! — напевно декламировала женщина в традициях культуры Индостанского субконтинента. — Она принесла домой тело брата своего. Молодая, красивая, невинная. Брат ее пал от руки тирана. Поглядите, как скорбит сестра. Вспомните Зейнаб, пришедшую ко двору Язида. Вспомните, как Зейнаб смотрела на Язида, играющего головою брата ее. Вспомните о сердце бегумы Бхутто, о разрывающемся сердце матери, потерявшей рожденное ею дитя, с которым она когда-то играла. Она видела его первые шаги, она растила его с любовью. Вспомните о ней. Вспомните о Муртазе. Он потерял свою правую руку. Он потерял половину себя самого. Не быть ему прежним...

Женские стоны отражались от стен Аль-Муртазы, женщины плакали и били себя в грудь.

— А-и-и-й-е-е-е!!! — протяжный долгий вопль прощания. Я медленно вернулась в дом. Брат мой уже на кладбище предков. Что мне теперь делать?

Рассказывает Насер Хусейн, Гархи-Худа-Бахш.

Когда мы после молитвы прибыли на семейное кладбище Бхутто, толпа казалась непроходимой. Гроб вынули из машины, я подставил плечо под передний угол. Кто шел за мною, не имею представления. Я старался удержаться за вдруг потерявший вес и поплывший сам по себе неведомо куда гроб, к которому тянулось множество рук, старавшихся пронести тело хотя бы секунду, разделить нашу скорбь и облегчить нашу ношу.

Я не видел, куда идти, гроб качался, и то и дело становился как будто вдвое тяжелее из-за беспорядочного движения толпы. Мы толклись на месте, двигались вбок, кругами и десять ярдов от машины до входа на кладбище одолели за три четверти часа, если не больше.

Вдруг передо мною из толпы вынырнула рука, показывающая направление. Это оказался сын кого-то из домашнего персонала Аль-Муртазы. Я последовал за ним, толпа помогала нести гроб, и наконец мы добрались до подготовленной могилы. Знаменательно, что при таком скоплении народа люди умудрились не наступить ни на одну из могил остальных Бхутто.

Прибыв на место, я рухнул от жары, толчеи и нервного напряжения. Кто-то протянул мне ржавую кружку с водой, я залпом осушил ее. Расчистить место, чтобы поставить гроб и извлечь из него тело, не удалось, пришлось наклонить его и, передвигая тело, дать ему соскользнуть в могилу. Раздавались призывы к последнему прощанию, лицезрению покойного, но Беназир велела обойтись без этого. Произнесли последнюю молитву и все воздели руки в фатеха, молитвенном акте

покорности. Я оставил кладбище, когда старейшины приступили к исполнению долгого молитвенного бдения из 24-х молитв. Я выполнил свой печальный долг. Шах Наваз нашел последний приют и вечный покой.

Через пять дней меня арестовали. Арест меня не удивил.

Хотя Зия уверял репортеров, что меня не арестуют по возвращении в страну с телом Шаха, хотя главный министр провинции Синдх заявил, что я вольна прибыть в страну и покинуть ее, режим содрогнулся от проявленной народом солидарности с семейством его злейшего врага. Народный траур по члену семьи Бхутто заставил правителей опасаться восстания.

Хотя смерть моего брата заставила их объявить дату отмены военного положения, смерть и страдания тысяч жертв режима остались неотомщенными.

На встрече вечером после похорон Шаха некоторые руководители ПНП предлагали смести Зию, воспользовавшись волной народного возмущения. Другие опасались, что мы дадим режиму предлог не отменять военное положение. Даже перед лицом смерти политика не отходила на второй план. Я выступила с позиции сдержанности:

— Военное положение — зло для страны, и мы должны добиться его отмены. Шах отдал за это жизнь. Но если мы сейчас начнем агитацию, они заявят, что, мол, хотели отменить военное положение, но теперь... Нельзя забывать об этом аспекте.

Имея в виду возможность репрессий со стороны военного режима, я приняла соответствующие меры. Церемония *сойем* проводится на третий день после похорон, *гехлум* — на сороковой. Но поскольку я сомневалась, что смогу сорок дней пробыть на свободе, то после ожесточенных споров смогла убедить религиозное руководство исчислять сорокадневный срок со дня смерти Шаха во Франции в июле, а не со дня похорон в августе. Таким образом, *сойем* и *гехлум* почти совпали.

Еще одна могила Бхутто. Еще один холмик свеженасыпанной земли. Я добавляю свои цветы к массе цветов, скрывших могилу Шаха.

— *Бисмиллях рахман-и-рахим!* — Во имя Господа всемилостивейшего и милосерднейшего! — молюсь я, молятся со мною еще сотни людей на пылающем от зноя кладбище. Сердце мое разрывается при виде холма цветов, холма земли. Шах Наваз...

Санам вечером нужно возвращаться в Карачи. С ней уезжает Фахри. Я не хочу оставаться в Аль-Муртазе наедине со своей скорбью, поэтому собираюсь с ними. Какое-то утешение — быть рядом с Санам. Все-таки что-то вроде маленькой семьи. Но снова

в личную жизнь вмешивается политика.

В аэропорту Карачи нас встречает многотысячная толпа. Нам не пробраться к машине. Наконец наши активисты проталкивают нас вперед, окружив кольцом и образовав живой клин. До дома на Клифтон машина ползет не один час, пробираясь сквозь толпу. Люди на мотоциклах и джипах выставляют пальцы знаком победы. Лозунгов никто не выкрикивает, лозунги несовместимы с трауром.

Сад на Клифтон, 70, забит людьми. Я выхожу, чтобы поблагодарить людей за участие, сочувствие, солидарность. Вижу знакомые лица: здесь присутствуют мужчины и женщины, несколько раз побывавшие за решеткой за свои убеждения.

— Пусть мы не соглашались с Шахом в выборе методов борьбы, — говорю я им, — но он был человеком, бросившим вызов тирании. Совесть не позволяла ему молчать перед лицом страданий отчизны.

Насер Балуч, Аяз Саму. Еще двое молодых людей, отдавших жизнь за дело торжества демократии, еще две жертвы военного террора. Они тоже братья мне, они вставали на мою защиту, как и надлежит защищать сестру заботливым братьям. На следующий день я вошла в контакт с их семьями. Так же как люди приходили на Клифтон, 70, чтобы утешить меня, я хотела выразить сочувствие их семьям, разделить скорбь их матерей и сестер, потерявших братьев. Но мне не дали этого сделать.

Полиция окружила участок ночью 27 августа. Снова дом мой превратили в импровизированную тюрьму, охраняемую полицией со слезоточивым газом и армией. Режим объявил о моем 90-дневном аресте. Я якобы игнорировала их «предупреждение» не посещать «террористов» и «взрывоопасные территории». Никаких предупреждений я не получала. Под «взрывоопасными территориями» режим подразумевал Малир и Лиари, районы бедноты, обитатели которых, среди них и семьи Насера Балуча и Аяза Саму, больше всего пострадали от военного положения. И уж кому толковать о терроризме! Если под терроризмом понимать использование силы меньшинством для навязывания своей воли большинству, то Зия и его армия как раз и есть террористы.

В Вашингтоне администрация Рейгана выразила «беспокойство» по поводу моего задержания. «Пакистан предпринял многообещающие меры по восстановлению конституционного правления... — расшаркивался с диктатором Госдеп и слегка журил его: — Помещение мисс Бхутто под домашний арест кажется несовместимым с этим процессом». Реакция британских парламентариев была более резкой, к Зие обратились член палаты общин Макс Мэдден и лорд Эйвбери. Но

я так и осталась взаперти без телефона, без возможности контакта с окружающим миром. Санам и Насер оставались со мной первые несколько дней, а также моя кузина Лале, оставшаяся ночевать и застигнутая «доблестной» акцией режима, невольно попавшая в сеть. Но 2 сентября власти принудили моих родственников покинуть меня, я осталась совсем одна с моей печалью.

Дни складывались в недели, я все переживала смерть Шаха. Пыталась читать старые журналы, вела записи в дневнике, не пропускала передач Би-би-си. Вынужденное бездействие безмерно меня раздражало. Удрученная скорбью, я все же не хотела терять времени, оказавшись снова в Пакистане. В свете предстоящего через три месяца снятия военного положения следовало заблаговременно организовать политическую оппозицию. Перед арестом я запланировала встречи с партийным руководством всех четырех провинций, теперь этим планам не суждено было осуществиться. Хотя марионеточная пресса вовсю дудела о предстоящей 31 декабря — теперь Зия назначил и день — отмене военного положения, репрессии продолжались. Митинги, запланированные в Лахоре в честь моего освобождения, власти запретили. Лидеров ДВД, направлявшихся в Карачи на встречу 21 октября, под разными предлогами завернули по домам, а некоторых арестовали. И все время Зия бессовестно заявлял, что представляет народ Пакистана.

Политика, политика, политика... Мои слабые плечи сгибал тяжкий гнет руководства, чувство ответственности не ослабевало и во время ареста. Политика удаляла от семьи. Шах Наваз, лежащий теперь под пыльною почвой Ларканы, в Лондоне звонил мне, заклинал: «Найди же наконец для меня время. Неужели не можешь урвать часок?» И я снова и снова ахала и охала: «Ох, Гоги, рада бы, но надо в Америку...» В Америку, в Данию; важные встречи в Брэдфорде, в Бирмингеме, в Глазго... Если бы я остановила эту гонку, задержалась, нашла бы для него время... Но, нет, от судьбы не уйдешь, судьбу не изменишь. Ему выпала его доля. Но примириться с этой неизбежностью все-таки нелегко.

Его комната во флигеле через двор осталась без изменений, какой он покинул ее восемь лет назад. На книжной полке книжка-ежегодник, приключенческие романы, до которых был он большой любитель, Священный Коран, подаренный ему отцом. И комната Мира без изменений. На стене пылится непременный Че Гевара, в ящике стола ежегодник Гарвардского университета. Комнаты братьев теперь под замком, как и помещения сестры, отца и матери. В часы, когда режим не прерывает электроснабжения, лампа светится лишь в моей комнате, в

единственном помещении громадного дома.

Хотелось увидеть Сасси, показать дочери Шаха дом семьи ее отца, познакомить с нашим наследием. Она не должна забыть Шаха, должна узнать, за что он боролся и чем пожертвовал ради торжества своего дела. Может быть, все было предопределено. «Почему Шах хочет назвать ее Сасси? — спросил меня однажды доктор Аббаси. Мы ехали в Хайдарабад. — Печальное имя, печальная легенда. Помнишь, как Сасси влюбилась в Панну, но их разлучили. Она искала его в горах и в пустынях. „Сасси, Сасси!" — услышала она его голос в пустыне, но, когда побежала на зов, пески разверзлись и поглотили ее». Но Шах любил это имя, любил свою дочь, и назвал ее Сасси.

Узнаем ли мы когда-нибудь, кто стоял за убийством Шаха? Запертая на Клифтон, 70, я снова и снова возвращалась к рассказу Самийи, услышанному мною от нее в самолете, когда мы сопровождали тело Шаха в Моенджодаро. Месяц назад некто посетил редакции нескольких газет в Карачи, интересовался последними снимками Шаха. Слушая 22 октября новости Би-би-си, я вдруг окаменела. Французская полиция арестовала в Каннах Рехану и предъявила ей обвинения по статье «о неоказании помощи лицу, подвергающемуся опасности». В подробности диктор не вдавался.

Через несколько дней я прочитала в пакистанских газетах, что меня тоже вызывали на допрос по делу Шаха, но я отказалась явиться. Кто меня вызывал? Никаких повесток я не получала. Я тут же написала письмо в министерство внутренних дел. «Неправда, что я уклоняюсь от расследования. Я хочу способствовать выяснению истины, но это зависит от вас, а не от меня. Прошу вас сообщить французскому суду, что я желаю принять участие в следствии, но вы мне препятствуете в этом».

Меня освободили 3 ноября. «Сегодня я отправляюсь в трудный путь, в печальное путешествие в чужую страну, чтобы в иностранном суде разбираться в обстоятельствах смерти любимого брата, — начала я письмо своим сторонникам. Печатать пришлось на ручной пишущей машинке, потому что электричество на Клифтон, 70, отключили, причем не только сеть, но и автономную систему электроснабжения во флигеле. — Я полна решимости вернуться, как только представится возможность. Видит Бог, я надеюсь снова быть с вами через три месяца... независимо от последствий».

Легко дышать воздухом Франции, «воздухом свободы», но на душе у меня тяжесть. И тяжесть эта возросла, когда я узнала новые подробности о смерти Шаха и аресте Реханы.

Двадцать второго октября Рехана пришла в полицейский

участок, чтобы получить свой паспорт, изъятый французской полицией сразу после смерти Шаха. Ее неоднократно допрашивал Интерпол, допрашивала французская полиция, и на всех допросах она повторяла, что ничего не видела и не слышала, не имела никакого представления о том, что мой брат — ее муж — умирает. В конце концов ее французский адвокат потребовал вернуть ей паспорт и добился удовлетворения этого требования. Рехана пришла в полицию, чтобы получить паспорт и покинуть Францию. Вместо этого она оказалась в тюрьме Ниццы.

Изменив свои прежние показания, Рехана призналась в том, что полиция уже знала из результатов вскрытия: что Шах не умер мгновенно. Результатом допроса Реханы оказалось предъявление обвинения. Был выдан ордер на арест, она предстала перед судьей и переселилась в тюрьму.

Для нас новые обстоятельства смерти Шаха оказались тяжелым ударом. Мне Шах говорил, что яд, который он и Мир носили при себе, действовал мгновенно. Яд из бутылочки Мира исследовали полицейские эксперты Франции и Швейцарии. Они подтвердили слова Шаха. Если принять яд неразбавленным, то смерть наступает мгновенно. То, что Шах умер быстро, не мучился долго, хоть как-то нас утешало. И вот, выяснилось, что это не так.

Неделю мне снились кошмары. «Помоги! — кричал мне Шах. — Помоги!» В другом сне его бил мучительный озноб, и я укутывала его одеялами. Днем меня рвало. Меня терзала неизвестность, донимали вопросы, на которые я не знала ответов. Почему Рехана не позвала на помощь? Почему она продолжала утверждать, что Шах покончил с собой? Самоубийство — тяжкий грех для мусульманина, который верит, что лишь Бог может дать жизнь и отнять ее. Все знали силу Шаха и его жизнерадостность. Не мог он совершить самоубийства. Да и кто выберет для самоубийства такой медленный, мучительный способ?

Убежденные, что Шах пал жертвой убийства, мы возбудили дело об убийстве против неизвестного преступника. В «Карлтоне» ко мне неофициально обратился один из полицейских следователей. Он просил меня помочь разобраться с ядом, который не удалось обнаружить в организме убитого Шаха. Соответственно его просьбе я запросила информацию и до сих пор с содроганием вспоминаю детали.

«В неразбавленном виде яд действует мгновенно, — говорилось в описании. — Характер действия разведенного яда резко меняется. Через тридцать минут жертва теряет - равновесие, ее мучают головные боли, жажда, охватывает чувство истощения. В течение часа тело начинает бесконтрольно

трястись, боли распространяются на сердце и желудок, начинаются судороги. Трупное окоченение наступает еще при жизни, постепенно парализуется дыхание и речь. Еще не теряя сознания, жертва ощущает холод. От момента принятия яда до смерти проходит от четырех до шестнадцати часов».

Агония Шаха бросила тень на всю семью. Распался брак Мира. Мы потеряли Сасси. Когда я прибыла для дачи показаний в Ниццу, Рехана находилась в тюрьме, а Фаузия отказалась допустить нас к Сасси. Мы сильно переживали. Сасси наша кровь и плоть. Она очень похожа на Шаха, особенно глаза. Сасси — все, что от него осталось. И мы теряли ее.

Мы попытались урегулировать отношения с Реханой, предложили, чтобы девочка жила с ней девять месяцев в году, а на три месяца приезжала к нам. Мы обещали оплачивать все ее расходы и образование. Но Рехана отказалась. Ее отказ принудил нас обратиться в суд. В феврале 1988 года суд дал моей матери право видеться с Сасси еженедельно по выходным дням, но выполнить решение суда не представлялось возможным, так как Рехана послала девочку в Калифорнию к своим родителям. Кто знает, где она теперь, что с нею произошло? У меня болит сердце, когда я о ней думаю. Хочется быть уверенной, что у нее все в порядке, что она здорова, счастлива. Но нам ничего не сообщают. Я не оставляю надежды, что однажды Сасси придет к нам. Как и ее тезка, она преодолеет горы и пустыни, чтобы найти любящих ее людей, свою семью. Мы всегда будем ей рады.

В июне 1988 года, после более чем двухлетнего разбирательства, французский суд постановил, что Рехана виновна в неоказании помощи пострадавшему. Преступление это наказывается тюремным заключением сроком от одного до пяти лет. К нашему разочарованию, суд не нашел достаточно доказательств, чтобы поддержать наше дело об убийстве. Но во всяком случае, с Шаха сняли клеймо самоубийцы. Вскоре после суда радио Би-би-си сообщило, что, по словам адвоката Реханы, она теперь тоже полагает, что Шаха убили.

Сасси, как и мы, возможно, никогда не узнает правды о смерти отца. В июле 1988 года нам сообщили, что Рехана покинула Францию и отправилась к семье в Америку. Оказалось, французские органы вернули ей паспорт «из гуманитарных соображений». Наши юристы сообщили нам, что она без всякого труда получила американскую въездную визу в консульстве США в Марселе. Процесс ее назначен на 1989 год, если он вообще состоится. Во всяком случае, вряд ли она вернется во Францию, чтобы на нем присутствовать.

Еще один Бхутто погиб за свои убеждения. Еще одному

заткнули рот. Но мы продолжим наш путь. Скорбь не заставит нас уйти с поля политической битвы за демократию.

Мы верим в Бога и в Его суд.

13

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛАХОР И БОЙНЯ 1986 ГОДА

Военное положение отменили 30 декабря 1985 года. Я в Европе получала новости с телетайпа отеля. Но особенной радости эта декоративная акция военного режима у нас не вызвала. Зия просто-напросто кинул Западу кость, ничего не изменив по сути. Он остался как начальником Генерального штаба армии, так и президентом, так что даже формально этот камуфляж не отстранял армию от политического процесса. Гражданским правлением и не пахло, роль политических партий оставалась неопределенной, отражая страх режима перед демократией.

Новое «гражданское правление» военных оказалось таким же фарсом, как и все прежние «правовые инициативы». Незадолго до отмены военного положения парламентские пешки послушно проштамповали подсунутый им скандальный «акт о восьмой поправке», снимающий с генералов всякую ответственность не только за прошлые злодеяния, но и за все, что им еще предстояло натворить в стране за оставшиеся три месяца. Освобожденные таким образом от опасности юридической оценки их действий, военные суды удвоили усердие, спеша отправить за решетку как можно большее число реальных политических противников и всех, чем-либо им не угодивших — в том числе и по личным, неполитическим мотивам, — и оставить там осужденных на долгие годы после прекращения преступного хозяйничанья в стране преступной генеральской шайки.

Отменяя военное положение, Зия постарался укрепить его наследие. С 1977 года он систематически разрушал и подавлял достигнутое правительством отца: независимость судов, структуризацию экономики, парламентскую систему законотворчества, свободу прессы, свободу вероисповедания для всех, согласно конституции 1973 года, в корпусе которой он пробил зияющие бреши. Военные, «наводя порядок» в стране, выпестовали атмосферу вседозволенности и беззакония. Взяточничество и преступность проникали во все сферы жизни, выросли в отрасли национальной экономики, превратились в образ жизни. Наиболее желанной для молодежи стала работа на таможне, через которую кроме легальных грузов проходила и почти вся контрабанда. Возник — и продолжает процветать — новый класс «предпринимателей», нелегально ввозящих в страну все что угодно, по большей части кондиционеры и электронную

бытовую технику, и реализующих товары на черном рынке. Недавний отчет государственного банка определяет долю контрабанды в экономическом росте в одну шестую. Теневая экономика больно бьет по государственным доходам.

Советское вторжение в Афганистан — еще одна черная тень над нашей страной. Американское оружие, предназначенное для моджахедов, бойцов афганского сопротивления, попадает на пакистанский черный рынок. «Калашниковы» с советских военных складов в Афганистане — отнюдь не добытые в боях с советскими войсками, даже не украденные, а просто-напросто купленные у советских военных разного ранга — тоже без труда попадают в руки пакистанских торговцев. Благодаря своей простоте, эти орудия убийства легко копируются в непромышленных условиях, пакистанские ремесленники наладили их подпольное производство, и теперь они продаются на черном рынке по сорок долларов за штуку! В Карачи «Калашников» можно взять напрокат на почасовой основе. Кое-где во внутреннем Синдхе опасно выйти на улицу после наступления темноты, не говоря уже о разъездах по сельским дорогам. Там хозяйничают шайки разбойников, вооруженных автоматами и гранатометами. Крупные землевладельцы и промышленники Пакистана содержат собственные «армии», вооруженные отряды, используя их не только для охраны собственного имущества, но и для захвата чужого, для расправы с конкурентами. Некоторые из этих «армий» признаны режимом и пользуются их поддержкой. Войска племенных вождей снабжаются из арсеналов пакистанской армии, в качестве ответной услуги терроризируя сторонников ПНП, иногда уничтожая целые деревни и не обращая внимания на священную традицию неприкосновенности мечети.

Еще одним тяжким наследием советской оккупации Афганистана стала контрабанда наркотиков и наркомания. До того как в Пакистан хлынул поток афганских беженцев, в стране фактически не существовало наркоманов. Теперь же их число оценивается более чем в миллион, а по дорогам с севера, из лагерей беженцев, на юг, в Карачи, течет поток героина и опиума на сотни миллионов, если не на миллиарды долларов, без труда находя дорогу в дома зарубежных покровителей отечественных генералов. К 1983 году Пакистан вошел в число главных поставщиков героина на мировом рынке. В Карачи, Лахоре, на территориях племен как грибы растут шикарные особняки наркоторговцев. Генералы получают свою долю прибылей и всего творящегося у них под носом «не замечают». Более того, существенная часть наркотиков перевозится армейскими грузовиками, возвращающимися по Хайберскому перевалу после

доставки в Афганистан оружия.

Интерпол неоднократно арестовывал в Америке и других западных странах членов семей министров Зии, организаторов наркобизнеса. В Пакистане, однако, аресту подлежат лишь мелкие уличные наркоторговцы. Военный губернатор Приграничья небрежно открещивается от известных всем в стране слухов о том, что он является ключевой фигурой наркоторговли. Он в течение семи лет занимает свой пост, хотя всех остальных Зия тасует, как карты в колоде, опасаясь за свою позицию и личную безопасность, не доверяя никому. Не меньше прославился Абдулла Бхатти, один из двух наркобоссов, арестованных в Пакистане за восемь лет военного положения. Осужденный военным судом, Бхатти вдруг «сбежал». Через семь лет после «побега», когда из-за плохой погоды самолету этого наркобарона пришлось приземлиться в Карачи, «беглеца», скрепя сердце, арестовали снова. На этот раз вмешался сам генерал Зия, использовавший президентские полномочия для освобождения кормильца от ответственности. Для помилования политических заключенных Зия своими президентскими полномочиями не воспользовался ни разу.

Проводимая генералами политика «исламизации» деморализовала и разделила страну. Политика моего отца способствовала веротерпимости, «исламизация» же означала преследование всех религиозных меньшинств. Большинство пакистанцев исповедует суннитский ислам школы Хана-фи, весьма умеренное религиозное направление. Наша страна основана на принципах единства, взаимопомощи, терпимости. Ахмади следуют указаниям своего религиозного руководства из Англии, мирно живут в стране индуисты, христиане, парси, зороастрийцы-огнепоклонники. «Свободно посещайте свои храмы, мечети, любые другие места молитвы в государстве Пакистан. Ваша религия, каста, мировоззрение не регулируются государством», — провозгласил в 1947 году основатель государства Пакистан Мохаммед Али Джинна в день, когда его избрали президентом Учредительного собрания.

Зия же узколобо выдвигал на первый план ваххабитов, секту, близкую к реформистам Саудовской Аравии, основавшую фундаменталистские группы типа *«Джамаат-и-ис-лами».* Ваххабиты с пеной у рта проповедуют нетерпимость, жесткость, жестокость. С момента переворота в 1977 году режим провозгласил курс на исламизацию, и фундаменталисты принялись навязывать свои изуверские воззрения населению страны. Христиане, индуисты и парси, проснувшись однажды утром, обнаружили подсунутые под двери жилищ листовки.

«Убирайтесь вон, вы здесь не нужны!» И люди продавали имущество, покидали страну, в которой жили их отцы, деды и прадеды. Оставшиеся старались не обращать на себя внимания. Женщины парси, разгуливавшие при правительстве отца в джинсах, сменили их на *шальвар хамиз,* чтобы не дразнить выискивающих повсюду крамолу мулл. Муллы при Зие стали орудием исламизации. Они прикрывали его людоедский режим вуалью ислама, а он их подкормил введением «исламского налога» в два с половиной процента от всех доходов. Стоит ли говорить, что львиная доля этого сбора оседала в карманах непогрешимых блюстителей ислама, не доходя до тех нуждающихся, в пользу которых якобы этот налог взимался.

Все больший вес приобретала *фатва,* суждение о том, что есть добро и что есть зло, что верно и что неверно, провозглашаемое муллой в мечети во время пятничной проповеди. Трагикомический инцидент с *фатвой* в 1984 году затронул актерскую супружескую пару, которая «повздорила» на экране, согласно сценарию. Актер-«муж» трижды подряд заявил своей экранной «жене», которую изображала его реальная жена: «Я с тобой развожусь». По исламской традиции это все, что требуется для развода. Муллы в своей *фатве* заявили, что эта пара отныне не только считается реально разведенной, но и что жена подлежит *раджму* — варварской древней казни, побиванию камнями. Науськанная муллами чернь среди ночи напала на дом супругов-актеров. И инцидент этот практически не вызвал отклика, прошел незамеченным в накаленной охотой за ведьмами атмосфере страны.

Зия постоянно использовал исламскую риторику для оправдания репрессий, без конца расширяя их и ужесточая. В 1979 году, через две недели после возвращения в Иран Хомейни, шариатский суд Зии ввел *худуд,* согласно которому такие преступления, как воровство, прелюбодеяние и изнасилование карались в строгом соответствии с шариатом, законом, оставленным Священным Кораном и *хадитами,* высказываниями пророка, мир и благословение Аллаха да пребудут с ним. Для того чтобы доказать факт изнасилования, теперь требовались четыре взрослых мусульманина мужского пола в качестве свидетелей. Если же женщина, жалующаяся на изнасилование, не наберет такого количества свидетелей, ее надлежит обвинить в прелюбодеянии и соответственно покарать. Можете себе представить, чтобы насильник озаботился обеспечить жертве столько свидетелей? Случай Сафии-биби, слепой девушки-служанки, изнасилованной нанимателем и его сыном, стал типичным, показательным для тупоумной системы судебной

несправедливости фундаменталистов. Поскольку насильники сознаться не пожелали, а Сафия-биби не смогла представить суду четырех свидетелей-мужчин, преступников освободили, а жертве вынесли приговор — три года тюрьмы и публичная порка за прелюбодеяние.

Сафию-биби спасло заступничество сочувствующих ей женщин; дело вызвало нежелательный международный резонанс. Власти поспешили оправдать молодую женщину. Меньше повезло тринадцатилетней девочке, изнасилованной собственным дядей и забеременевшей. Где уж ей было убедить «праведный» суд, что ее изнасиловали! Ее тоже приговорили к трем годам тюрьмы и десяти ударам палкой. Суд «великодушно» отсрочил исполнение приговора до исполнения ребенку девочки двух лет.

В выпестованной моим отцом конституции 1973 года особо оговаривается недопустимость дискриминации женщин. Статья 25, пункт 2, оговаривает недопустимость дискриминации по половому признаку. Исламизация Зии не только разрешила дискриминацию, но всячески ей способствовала. В университете Карачи, мечеть которого превратилась в склад оружия для студенческого крыла «Джамаат-и-ислами», студенты-фундаменталисты начали кампанию за то, чтобы селить студентов мужчин и женщин отдельно. «Женщины подвергаются опасности рядом с мужчинами», — утверждали они. Они преследовали студенток, не носивших *бурка,* нескольких облили кислотой, причинившей обширные ожоги. Энтузиасты «нравственности» остались безнаказанными.

Дискриминация женщин проводилась на всех уровнях общества. Даже женщины, занимавшие высокие посты, отделялись от коллег-мужчин. На телевидении женщинам-модераторам категорически предложили прикрыть волосы *дупаттой.* Не пожелавших подчиниться удаляли. Спортсменкам женских хоккейных команд было велено перед выходом на поле закрывать ноги. Их практически отстранили от участия в международных состязаниях. Рвение ислами-заторов доходило до абсурда. «Тут на фото голые женские ноги», — строго указывал цензор редактору на фото с Кубка мира по теннису. «Эту „женщину" зовут Бьерн Борг», — сардонически усмехнулся редактор.

Женщины Пакистана протестовали против ущемления их достоинства. Когда в феврале 1983 года шариатский суд объявил, что свидетельские показания женщины весят вдвое легче мужских, женщины вышли на улицы Лахора. Полиция напала на демонстрацию университетских преподавателей, женщин-предпринимателей, женщин-юристов, осыпая их ударами палок-

латхи и забрасывая шашками со слезоточивым газом. От шестидесяти до семидесяти участниц демонстрации задержали. Их хватали за волосы, затаскивали в полицейские фургоны; муллы тут же объявили браки этих женщин недействительными, ибо «агрессивность женщины не укладывается в ислам». На благоглупости мулл женщины еще могли не обращать внимания, но режим давил на них все сильнее. Парламент Зии проштамповал закон о свидетельских показаниях в 1984 году.

Затем последовали законы о женщинах как свидетелях в делах об убийствах, о срезании вдвое компенсации семье убитой. Исходя из того, что женщина «стоит» вполовину меньше мужчины, семья жертвы женского пола, естественно, должна и возмещение получить лишь половинное.

Не прекращая болтовни об отмене военного положения, Зия продолжал политику репрессий и разделения общества. Деморализация бедных. Деморализация женщин. Этнические группы населения Пакистана, раньше мирно обсуждавшие и улаживавшие спорные вопросы, теперь прибегали к террору, похищениям, хватались за оружие. Особенно заметным стал разгул насилия в провинциях меньшинств, в Синдхе, Белуджистане и Приграничье, где проводимая Зией политика «разделяй и властвуй» привела к этнической поляризации и усилению сепаратистских устремлений.

С самого начала Зия запретил общенациональные политические партии, но всячески поощрял лидеров-сепаратистов. Сецессионистам никто не преграждал доступ к средствам массовой информации. Зия использовал их в качестве подсобного средства для раздувания вражды между провинциями меньшинств и Пенджабом, для оправдания и увековечения мифа о том, что для поддержания единства страны необходима армия — и только армия. Непартийные выборы лишь усугубляли раздробленность страны. Запретив агитацию на базе партийных платформ, Зия поставил кандидатов в положение, когда они волей-неволей должны были подыскивать для избирателей этнические и региональные приманки. «Голосуй за меня. Я шиит, как и ты!» Или: «Отдай свой голос мне. Я — пенджаби!»

Страна платила за эти вывихи правителя. В 1985 году в Карачи вспыхнули этнические бои между патанами и *мухаджирами,* эмигрантами из Индии. Поводом послужил дорожный инцидент: автобус, управляемый водителем-патаном, случайно сбил девочку-мухаджирку. И вот уже разъяренные толпы жгут автомобили, мотоциклы, автобусы. Сразу после начала конфликта погибло пятьдесят человек, ранены сотни. Бои распространялись с ураганной скоростью, власти ввели войска,

установили комендантский час, не отменявшийся в течение месяца. Но эти меры лишь загнали противоречия внутрь, не угасив их. Конфликт не утихал в течение трех последующих лет, гибли люди, уничтожались материальные ценности. Новые политические партии возникали на этнической основе, лишь разжигая межнациональную рознь. Единство страны разрушалось на глазах.

* * *

— Кажется, пора домой, — заявила я активистам партии, собравшимся в барбиканской квартире в январе 1986 года, вернувшись из Франции. Они смотрели на меня, ожидая продолжения, разъяснений, не вполне уяснив, что я имею в виду.
— Может быть, сначала в Лахор или в Пешавар, — продолжила я.

Их глаза загорелись. «Домой» не означало на Клифтон, 70. «Домой» означало всю страну, от океана до Гималаев, от края до края. Пришла пора бросить вызов диктатору от лица нашей партии.

—Я с вами! — в один голос воскликнули Нахид и Саф-дар Аббаси.

—И я, — тут же присоединился Башир Рияз.

—Не торопитесь, — урезонила я их.

Против Нахида и Башира в Пакистане возбудили судебное преследование, дела их остались не закрытыми. Но они стояли на своем. Решено было возвращаться вместе.

Момент, казалось, вызрел. Мы можем проверить, чего стоит фанфаронство диктатора, его разглагольствования о возврате к гражданскому правлению. Мое появление окажется явной провокацией для Зии. Если он меня арестует, то разоблачит себя перед всем миром. Если не арестует, я впервые за девять лет смогу от лица партии воззвать к народу Пакистана. Психологически момент удачен еще и в том отношении, что недавно рухнули две диктатуры: Фердинанда Маркоса на Филиппинах и «Папы Дока» Дювалье на Гаити. Богу угоден третий.

Решение серьезное. Но верное ли? После многих лет ареста и изгнания я не уверена, что в состоянии правильно оценить политический климат страны. Поэтому я встретилась с находящимися в Лондоне членами центрального исполкома ПНП.

— Полагаю, момент настал, — сказал я им. — Но предоставляю вам принять решение. Велик риск того, что со мной что-то случится или что меня арестуют. Что тогда предпримет ПНП? Пора ли протестовать и бросить вызов Зие, потребовать реальной демократии, или следует еще выждать? Решайте.

Решение оказалось единодушным.

— Возвращайтесь. Мы с вами. Что бы Зия ни предпринял против вас, мы будем считать это акцией против нас всех.

И вот я сижу с некоторыми из них в своей лондонской квартире, за маленьким обеденным столом; мы набрасываем возможные маршруты моих поездок по Пенджабу, Приграничью, Синдху. Как всегда, планы наши исключают насилие, ограничиваются работой внутри системы дозволенными средствами. Мы должны подрывать основы режима, не давая ему повода нас арестовать. Организовав массовые демонстрации по всей стране, мы надеялись заставить режим ускорить проведение выборов, рассчитывая на осень 1986 года.

Я все добавляла и добавляла города в график поездки. Проведению демонстраций одновременно в нескольких крупных городах я предпочитаю последовательные демонстрации в одном, другом, третьем... Такая последовательность действий будет постоянно подпитывать активность народа, разрушать страх перед диктатором с его виселицами и публичными порками.

— Не слишком ли много? — спрашивают меня.

— Справлюсь, — уверенно отвечаю я.

Мы мирно ужинаем, на столе простая еда, цыплята и *даль,* среди нас царит редкое единодушие. Все согласны, что поездку по стране следует начать в Лахоре, столице Пенджаба, кузнице кадров армии, но одновременно и бастионе Пакистанской народной партии.

Мы детально проработали маршрут, и лидеры ПНП стали возвращаться в Пакистан, чтобы начать подготовку к моему прибытию. Дату моего возвращения пока держали в секрете, не желая дать Зие возможность основательно подготовиться. Этот элемент секретности сыграл нам на руку, привлек дополнительное внимание публики. Народ и журналисты наперегонки строили догадки. «Она вернется 23 марта, в День Пакистана», — считали одни. «Нет, ее надо ждать 4 апреля, в годовщину смерти отца», — возражали другие. Пресса сопоставляла и анализировала слухи и толки.

Начались угрозы. Наш сторонник из Пакистана процитировал предупреждение некоего офицера из Синдха: «Скажи ей, пусть она не приезжает. *Они* собираются ее убить». Приходили предупреждения из Пенджаба, из Приграничья, из других местностей страны. «Женщина в политике ранимее, чем мужчина. Не возвращайся!» Мой личный телефон вдруг принялся названивать в неурочные часы, ранним утром и поздно ночью. Снимая трубку, я ничего не слышала. Мне сообщили, что в аэропорту Хитроу задержали пакистанского майора в штатском с моим фото. Его завернули назад в Пакистан.

Были угрозы реальными или же режим просто пытался меня запугать, заставить отказаться от мысли о возвращении? Этого я

не знала, но один сигнал оказался поистине зловещим. Доверенный слуга моего отца Нур Мохаммед трагически погиб в Карачи в январе. Незадолго до этого я получила письмо от его юной племянницы и воспитанницы Шахназ. Она сообщала, что Нур Мохаммед очень хочет со мной поговорить, и просила меня ему позвонить. Он сказал своей племяннице, что военные ему угрожают, потому что он «слишком много знает». Я немедленно позвонила ему, но опоздала. Не только Нур Мохаммед, но и Шахназ, одиннадцатилетняя девочка, уже погибли от ножевых ранений неизвестных убийц. Вскоре после этого я получила письмо от самого Нур Мохаммеда, отправленное им перед убийством. Он тоже просил ему позвонить. Что он знал и что ему не дали мне сообщить?

Я полетела в Вашингтон, стремясь возбудить за океаном внимание к нашему зондажу глубины «демократических преобразований» диктатора. Девять лет народ Пакистана ждал выборов, восстановления гражданского правления. Кто знал, чем отзовется в стране мой приезд и какой реакции ждать от режима? Премьер-министр Зии Мохаммед Хан Джунеджо публично и официально заверил, что меня не арестуют. Но кто мог знать, какой фокус выкинет его хозяин?

В Вашингтоне я встретилась с сенатором Пеллом, с сенатором Кеннеди и конгрессменом Стивеном Соларзом, ярким, энергичным членом палаты представителей, наблюдавшим за ходом недавно состоявшихся на Филиппинах выборов, демократическим путем приведших к власти Корасон Акино, с которой мне довелось лично познакомиться. Эти американцы по мере своих возможностей помогли мне. Они активно выступали за свободные выборы, за восстановление гражданских свобод в Пакистане, обещали не ослаблять внимания к ситуации в стране. Существенную помощь оказал мне Марк Сиджел, политический консультант, с которым я уже встречалась в 1984 году. Он убеждал выборных чиновников администрации и других влиятельных лиц писать пакистанским официальным лицам и предупреждать о неприятностях, связанных с чинимыми мне препонами. В качестве «сувенира» Марк подарил мне бронежилет.

Американская пресса рассуждала о сходстве моей предстоящей битвы с Зией и вызовом, брошенным Корасон Акино диктатору Фердинанду Маркосу на Филиппинах. Как водится, журналисты впадали при этом в популистскую романтику. Конечно, мы обе женщины, обе принадлежим к известным семьям землевладельцев, обе получили образование в США. Обе потеряли любимых членов семьи, убитых диктаторами: у госпожи Акино погиб муж, у меня отец и брат. Госпожа Акино

противопоставила власти диктатора «власть народа» и совершила мирную революцию. На то же самое я надеялась в Пакистане. Но этим сходство исчерпывалось.

На Филиппинах Корасон Акино пользовалась поддержкой военных и церкви, чем в Пакистане и не пахло. Генералы не желали обо мне слышать, ибо боялись за свои привилегии, обеспечиваемые коррумпированной системой, за награбленные ими земли, даровые автомобили, налоговые и таможенные послабления. Умеренное духовенство, правда, поддерживало меня, но крикливые и агрессивные фундаменталисты прочно держались за Зию.

Главное же, заокеанский Дядюшка Сэм сам выслал диктатору Маркосу «весточку» о том, что его время истекло, — и даже обеспечил диктатора, его семью и свиту транспортом. Зия же как будто сросся с администрацией Рейгана, проталкивавшей через конгресс очередной шестилетний пакет военно-экономической поддержки режиму на сумму в 4,2 миллиарда долларов. Из Америки я могла ожидать помощи лишь от сравнительно немногочисленной группы законодателей, а также от американских средств массовой информации.

— Мы будем там с вами, — то и дело оптимистически заверяли меня корреспонденты. — Присутствие репортеров — лучшая защита!

Я улыбалась, благодарила их, стараясь не вспоминать, что Бениньо Акино застрелили в аэропорту на глазах у всего корреспондентского корпуса, не дав даже ступить на родную землю. И под мою дверь в Барбикане чья-то услужливая рука просунула записочку: «Помни Акино!»

Я не знала, долго ли суждено мне прожить по возвращении в Пакистан. Да и раздумывать об этом не хотелось. То, что Господь заготовил человеку, неизбежно наступит, летай иль ползай. А вот что непременно следует совершить перед возвращением в Пакистан, так это *умра,* религиозное паломничество, посвященное моему отцу. И почти сразу по возвращении из Вашингтона я в сопровождении нескольких друзей отправилась в Мекку. Каждый мусульманин, имеющий на то физические и финансовые возможности, обязан хотя бы раз в жизни предпринять большое религиозное паломничество в месяц *хадж. Умра* же, занимающая, в отличие от четырехдневного *хаджа,* всего несколько часов, может совершаться в любое время года.

С 1978 года я намеревалась посетить Мекку. Дважды псевдоисламский режим Зии отказывал мне в моем благочестивом намерении. Не зная, что меня ждет, я решила не рисковать и более не откладывать.

В Мекке я и мои друзья облачились в белые бесшовные одежды пилигримов и приступили к ритуалу.

«Аллах, Ты Мир, и от Тебя Мир исходит! О, Господь наш, почти нас Миром», — молились мы по-арабски у Врат Мира, входа в громадный беломраморный двор Святой Мечети. Семь раз обошли мы Каабу, почти кубическую структуру пятидесяти футов высотою и сторонами в тридцать пять футов, которая, как считают мусульмане, отмечает место, где Авраам воздвиг первый храм, посвященный Единому Богу. «Аллах акбар! — Велик Господь!» — провозглашали мы каждый раз, проходя мимо Черного Камня, вмонтированного в юго-восточный угол Каабы. Пророк, да пребудет над ним мир и благословение Аллаха, поцеловал этот небольшой камень, помогая разместить его в кладке Каабы в седьмом столетии.

Во время исполнения ритуала *умры* я ощущала, что на душе становилось легче. При каждой остановке я молилась за отца, за других мучеников, загубленных режимом, за брата, за мужчин и женщин, все еще томящихся в тюрьмах. Воодушевленная пережитым, я на следующий день повторила ритуал *умры* и вернулась в мир политики, полетела в Советский Союз по приглашению женской организации. Отправляясь в Россию, я намеревалась ослабить критику в мой адрес, ответить на упреки товарищей по партии в излишне проамериканской ориентации. Я хотела как можно основательнее подготовить почву для возвращения на родину.

Двадцать пятого марта мы объявили, что возвращение мое в Пакистан планируется на десятое апреля. В Лондон повалила международная пресса. Журналистов меньше интересовала наша точка зрения на предстоящую борьбу за торжество правого дела, чем драматическая и несколько лубочная версия конфронтации молодой женщины и военного диктатора, современный феминистский вариант истории Давида и Голиафа. «60 минут» сняли меня для американской Си-би-эс, «Вэнити фэйр» уполномочил короля фотографов лорда Сноудона сотворить мой тематический портрет. Я вынырнула на утренних телеэкранах Лондона и по спутниковой связи в Нью-Йорке. Би-би-си записало интервью со мной по-английски для всемирной службы и на урду для Пакистана; в квартире тетушки Бехджат я дала интервью Ассошиэйтед Пресс, ЮПИ, «Четвертому каналу» и британской прессе. Тетушка Бехджат суховато отметила, что наконец-то ее квартира пользуется большей популярностью, чем квартира проживавшей в том же доме актрисы и певицы Петулы Кларк.

Журналистский интернационал, разумеется, ожидал от ПНП оглушительных успехов в борьбе с диктатурой, но я не имела

представления, что меня ожидает на родине. Годы репрессий могли сломить волю людей, истощить их энергию. В уже упоминавшейся книге «Узник без имени, камера без номера» Хакопо Тимерман проследил стадии изменения настроения угнетенных масс: гнев — страх — апатия. Откликнется ли народ на призыв ПНП, или удары диктатуры подавили его, загнали в нору молчания, в которой можно хоть как-то выжить? Целое поколение пакистанцев выросло во мраке военного положения. Десятилетние ребятишки 1977 года выросли в девятнадцатилетних молодых людей, не имея представления о том, что имеют право на какие-то права. Захотят ли они вернуть себе то, чего никогда не имели?

Мы сделали серьезную заявку, объявив о возвращении. Привлекли к себе внимание планеты.

—Как полагаете, сколько народу придет нас встречать? — спросила я Джехангира Бадара, президента ПНП Пенджаба, вылетающего непосредственно перед нами.

—Полмиллиона, — уверенно ответил он.

—Ой ли? Слишком оптимистично оцениваете, — осторожничала я.

—Полмиллиона и еще чуть-чуть, — настаивал он.— Вы еще не покинули Лондон, а оттуда уже поступали сообщения, что народ отправился в Лахор, чтобы вас приветствовать.

—Но на всякий случай, если пресса будет спрашивать, сколько мы ожидаем, отвечайте, что сто тысяч. В этом случае, если придет 470 тысяч, никто не сможет упрекнуть нас, что мы зря расхвастались.

Прямого рейса из Европы в Лахор не учредила ни одна авиакомпания, так что девятого апреля я вылетела из Лондона с Баширом Риязом, Нахидом, Сафдаром, моей школьной подругой Хумайрой и многими другими сначала на восток Саудовской Аравии, в Дахран, чтобы там пересесть на пакистанский самолет, отправляющийся в Лахор. Экипаж самолета пакистанских международных авиалиний принял нас радушно, разрешил украсить машину запрещенными в течение девяти лет флагами, плакатами и наклейками ПНП. На борт поднялись около тридцати членов нашей партии и сопровождающие нас репортеры, так что рейс напоминал заказной, чартерный.

Атмосфера приподнятая, настроение бодрое, хотя и с оттенком опасения. Никто не доверяет военным. Во время остановки в Дахране местное саудовское начальство поместило меня в доме отдыха, а остальных изолировало в аэропорту. Позже я узнала, что одновременно с нами в Дахран прилетал посол Пакистана, и саудовцы опасались, «как бы чего не вышло». Угрозы

и предостережения из Пакистана усилились. Нахид, Башир и еще один член нашей команды получили уведомления, что по прибытии в Лахор их сразу арестуют. Получила и я свою порцию адресованных лично мне угроз.

Постаравшись вытеснить из головы мысли об опасности, я углубилась в подготовку своего выступления. Самолет взлетел и направился навстречу заре, курсом на Лахор. Как нам сообщили, режим заворачивал автотранспорт, направлявшийся в Лахор из Синдха, Белуджистана, Приграничья. Никто из нас не имел представления, чем встретит родина.

Лахор, 9 апреля. Рассказывает Амина Пирача.

Лахор в ночь прилета Беназир выглядел как столица карнавала или крупного фестиваля. Госпожа Ниязи и мы с мужем Салимом приехали встречать ее из Исламабада, и, скажу откровенно, такого я никогда не видела и видеть не ожидала. Город похож был на какой-то лагерь, везде тьма народу, повсюду торговали съестным, лотки и на всем пути в аэропорт. Студенты в фургонах «судзуки» распевают песни о Бхутто, мне особенно понравилась одна на пенджаби: «Аадж те хо гаи Бхутто, Бхутто... — Сегодня, сегодня только Бхутто, Бхутто...» Народ все прибывает, в легковых машинах и в грузовиках, в автобусах и скотовозах, пешком. Автобусы с лозунгами с надписями: «Этот автобус из Бадина», «Этот автобус из Сангара». Транспорт увязает в толпе. После стольких лет мрака и безобразия везде веселье, все возбуждены...

Никто не спал целую ночь. Мы ходили по городу, к аэропорту и обратно. Рядом с нами некоторое время шагал старичок, на глазах слезы. Потом старушка, тоже плакала, потом смеялась. Никому ведь не дали горевать по господину Бхутто, траур объявлен не был. Теперь у людей появилась возможность и об отце печалиться, и радоваться прибытию дочери. Лахор в ту ночь — одно из самых ярких воспоминаний моей жизни.

Доктор Ашраф Аббаси.

Как будто Эйд наступил. Народу бесплатно раздавали рис, мясо и фрукты. Люди пели и танцевали, тут и там барабаны, бубны, а ладоши хлопают. Песни о господине Бхутто, о ПНП, о Беназир поют, с кассет слушают. Слова легко схватываются, поданы на популярные мелодии, так что все быстро запоминают. И откуда-то флаги ПНП на каждом балконе, на всех фонарных столбах. Люди тайком припасли зеленую, красную и черную ткань к возвращению Беназир. Даже фундаменталисты из «Джамаат-и-ислами» торгуют на улицах флагами и портретами Беназир, зарабатывают для себя деньги на нашей популярности.

Госпожа Ниязи.

Хотела б я, чтобы муж и дочь Ясмин увидели Лахор, но против них в Исламабаде серьезные обвинения, и им пришлось остаться в Лондоне. Народ вовсю веселился, праздновал окончание своих страданий. Мне вспомнилось, как одна знакомая горевала во время репрессий, что все кончено, что Пакистанская народная партия пропала, что имя господина Бхутто больше вслух никто не осмелится произнести. Нет, сказала я ей, Народная партия жива, потому что она — народ. И придет еще день, когда имя Бхутто будет у всех на устах, И вот, этот день настал, и все радуются.

Самийя.

Перед аэропортом мощные решетки, заборы из колючей проволоки, чтобы сдерживать толпу. Маршруты прибытия и вылета изменены. В четыре утра мы собираемся вместе. Администрация пропустила в аэропорт только двести человек, нам выдали пропуска и провели внутрь через боковой служебный вход. У меня комок в горле от счастья, не знаю, куда себя деть.

Доктор Ашраф Аббаси.

Но наша радость омрачается опасениями. Боимся за Беназир. Решаем образовать вокруг нее живой щит. Такая масса народу, мало ли кто в нее может затесаться.

Около семи утра бортовая трансляционная система донесла до нас голос пилота: «Подлетаем к Лахору, начинаем снижение. Экипаж приветствует мисс Беназир Бхутто в Пакистане». Ко мне подходит стюардесса.

— Пилот только что получил сообщение, что в аэропорту миллион человек, — говорит она мне.

Миллион... Выглядываю в окно, но внизу лишь зеленые поля Пенджаба.

— Пройдите в кабину, гляньте в ветровое стекло, — приглашает стюардесса. Но и через ветровое стекло я вижу впереди лишь крохотные фигурки вдоль взлетно-посадочной полосы и на крыше аэропорта.

Когда самолет подрулил к зданию аэропорта, я поняла, что это полицейские и силы безопасности. Оказалось, что из предосторожности изменено расписание.

—Нахид, Башир, Дара, держитесь рядом, вплотную, — подзываю я тех, кого ожидает арест. Ирония судьбы: мои сторонники окружали меня ради моей безопасности, а я подзывала их к себе ради их безопасности.

—Мы ваша защита! — твердили репортеры. Но истинной нашей защитой оказался напор народа, собравшегося возле аэропорта. Иммиграционные чиновники, нервные и взъерошенные, торопящиеся выставить нас за зону своей

ответственности, молниеносно проштамповали наши паспорта, поднявшись для этого на борт самолета.

Дом. Я дома, наконец. Ступив на почву Пакистана, я на мгновение замерла, чтобы ощутить землю под ногами, чтобы вдохнуть воздух, составляющий тело мое. Много раз прилетала я в Лахор, в горе и в радости, В этом городе моему отцу вынесли смертный приговор, и я вернулась, чтобы бросить вызов убийце, генералу, поправшему присягу, государственному изменнику, растоптавшему основной закон страны, ее конституцию.

Самийя! Амина! Доктор Аббаси!

—Не знаю, как мы отсюда выберемся, там такая масса народу! — опасливо шепчет Самийя, навешивая на меня еще одну гирлянду роз.

—Проплывем на крейсере, — улыбается Джехангир, подводя меня к яркому, раскрашенному и разукрашенному автомобилю.

Я сжимаю в ладони заметки к моему выступлению, недоверчиво глядя на шаткую лесенку, ведущую к платформе, возвышающейся над кузовом грузовика. Вспоминаю ночные кошмары, сны о лестнице, внушающей мне смертный ужас, по которой мне предстоит неизбежный подъем в неизвестность. И вот эта лестница из сна вдруг материализовалась, и надо подняться по ней под взглядами сотен пар глаз. Что делать? В Лондоне мы договорились о таком средстве доставки к Минар-и-Пакистан, к монументу, воздвигнутому в Лахоре моим отцом в честь декларации, приведшей к независимости Пакистана. Поздно менять планы.

За воротами ждет миллионная толпа. Со вздохом ступаю на нижнюю перекладину лестницы.

— *Бисмилля,* — шепчу я неслышно. — С Богом, приступим!

Бывают в жизни моменты неописуемые. Таков и мой прилет в Лахор. Человеческое море вдоль улиц и дорог, забитые окна и балконы, люди на деревьях и на фонарных столбах, в полях, поток, текущий за машиной, — человеческий океан. Восемь миль от аэропорта до Минар-и-Пакис-тан в Икбал-парке автомобиль обычно одолевает за четверть часа. Но в этот невероятный день десятого апреля 1986 года у нас ушло на дорогу десять часов. Число собравшихся возросло за это время до двух, а потом и до трех миллионов. Наш автомобиль, выехавший из ворот аэропорта, приветствовали сотни всплывших над головами собравшихся воздушных шаров. Воздух наполнился не слезоточивым газом, а лепестками роз, покрывших ноги мои по щиколотку. В воздух взлетали гирлянды цветов, падали в машину. Я увидела среди встречавших сестру убитого военными активиста, бросила ей гирлянду. В машину летели также *дупатты,* вышитые платки и

шарфики. Я набросила на голову одну *дупатту,* другую, третью... перекинула несколько через плечо. Я кидала цветы и наиболее красивые из изделий пострадавшим от репрессий, которых я узнавала в толпе, членам их семей, девушкам и пожилым женщинам.

В тот день в Лахоре доминировали черный, зеленый и красный, цвета ПНП. Флаги и транспаранты партии реяли на сухом жарком ветру, почти сплошным навесом прикрывая толпу сверху. В тех же цветах выдержаны мужские и женские одежды, покровы, головные уборы. Рога волов, хвосты и гривы ишачков украшали ленты цветов ПНП. Тех же цветов и рамы портретов моих отца, матери, братьев и моих собственных, колышущихся над толпой.

— *Дживай, дживай,* Бхутто, *дживай!* — Да живет Бхутто! — гремит над головами призыв на пенджаби, которыйеще три месяца назад стоил тюрьмы и порки. — *Мунджхебхен, тунджхе бхен* Беназир! — Беназир моя сестра, твоя сестра! — слышу я возгласы на синдхи. Над головами плакаты с лозунгами на урду, на пушту — на всех языках и диалектах Пакистана. «Беназир *ай джи, инкилаб лай джи.* — Беназир придет — революция придет», — говорили наши сторонники в Англии перед моим отъездом. Теперь они видоизменили лозунг: «Беназир *ай хаи, инкилаб лай хаи.* — Беназир пришла — революция пришла».

Люди махали мне руками, я махала в ответ; я хлопала ладонями над головой, как это делал отец, — и над толпой взметался лес рук, люди повторяли мое движение; как будто громадное поле пшеницы приходило в движение.

Случалось мне в Исламабаде, когда меня удерживали в почти пустом доме под домашним арестом, просыпаться по утрам под гул толпы. Я напрягалась, стараясь определить, что это за люди, что за сборище, по какому поводу. Ради чего они кричат? Каким тоном? Может быть, они гневно проклинают Зию? Может быть, радуются освобождению моего отца из тюрьмы в Равалпинди? Нет, невозможно. Слышала я гул толпы и в тюрьме Суккура, преследовал он меня и в Центральной тюрьме Карачи, в домашних полутюрьмах Аль-Муртазы и на Клифтон, 70. Я гадала и анализировала, но так и не могла определиться. Продвигаясь по звуковому туннелю сквозь Лахор десятого апреля, я поняла, что всегда слышала именно этот гул.

Все десять часов я стояла на платформе, сооруженной в кузове грузовика, медленно ползущего к Минар, мимо резиденции премьер-министра, мимо особняка губернатора, где иногда останавливалась наша семья и где, как рассказывали, генерал Зия слонялся бессонными ночами по коридорам с

фонарем в руках, как будто изображая собою леди Макбет. Миновали навес над местом, где когда-то стояла статуя королевы Виктории, единственное сохранившееся ее скульптурное изображение, остававшееся в Пакистане, ибо фундаменталисты уничтожали всякие изображения людей. А вот и Замзама, пушка Кима, увековеченная Редьярдом Киплингом. Настроение мое все улучшалось, я чувствовала, как со мною незримо шествуют сквозь радостную толпу тени героев, мучеников, отдавших жизнь в борьбе за демократию. Я чувствовала, что настал момент, в который осуществилось то, за что они боролись, страдали, погибали. «Зия уль-Хак, ты нам не нужен! Нам не нужен твой карманный парламент, не нужна твоя пародия на конституцию. Нам не нужна твоя диктатура. Наш дух сильнее, чем твой слезоточивый газ, твои палки и пули. Нам нужны свободные выборы». Вот что кричала толпа.

Я возвышалась над людской массой без всякого прикрытия, но за свою безопасность не опасалась. Здесь, перед лицом такого скопления народа, причинить мне вред мог бы решиться лишь самоубийца, не боящийся того, что его заживо разорвут на тысячу кусков. Не угрожала опасность также от полиции или армии. Военных я видела или за запертыми воротами их казарм, или среди демонстрантов, приветствующих меня вместе с народом. Единственное, о чем я беспокоилась, — не подвел бы голос, хриплый после недавней простуды. Еще в самолете я полоскала горло дисприном и теплой водой, пила раствор глюкозы, доставленный из Карачи верным камердинером отца Урсом.

Солнце уже снижалось к горизонту, когда мы прибыли к Минар-и-Пакистан. Площадь перед монументом уже забита битком, ни дюйма места для сотен тысяч пришедших со мной не осталось. Мы сами с трудом пробрались к монументу. Охраны, которая помогла бы мне пробраться сквозь толпу, еще не было, подвести грузовик вплотную, чтобы сразу с него перейти на импровизированную трибуну, тоже не удалось. Я слезла с грузовика с четырьмя-пятью соратниками, и нам предстояло пробраться сквозь чрезмерно воодушевленную толпу.

Никто, разумеется, не замышлял против меня ничего дурного, но возбуждение достигло вершин экзальтации. Народ напирал, грозя раздавить нас, задушить, растоптать. Некоторые, казалось, потеряли рассудок, и в их числе оказался один из местных партийных боссов. Мне пришлось чувствительно пихнуть его, чтобы он опомнился. Каким-то чудом мы взобрались на подиум, где помятый президент пенджабской организации ПНП потерял сознание от утомления и возбуждения.

— Пожалуй, надо обсудить вопрос о телохранителях, —

сказала я, обходя его.

Какой вид открылся передо мной! Просторы Икбал-парка, пылающий в закатном свете красный песчаник мечети Бадшахи, одной из крупнейших в мире. Справа маячит темная громада лахорского форта, крепости Моголов, в застенках которой пытали и убивали наших товарищей. И бесчисленное множество людей, пришедших приветствовать меня в родной стране.

— Некоторые советовали мне оставить политику, — выкликаю я на урду. — Мне пророчили участь отца и брата. Многие считают, что политическая арена Пакистана не для женщин. Но товарищи защитят меня от опасностей. Я без страха ступила на торную дорогу политики, проходящую по долине смерти.

Система усиления работает кое-как и, разумеется, не рассчитана на обеспечение аудитории, вдесятеро более многочисленной, нежели мы ожидали. Но по одному движению моей руки народ замер.

«Здесь и сейчас я клянусь, что пойду на любые жертвы, чтобы обеспечить соблюдение прав народа, — заявляю я. — Хотите свободы? Хотите демократии? Хотите революции?» «Да!» — синхронно гремят три миллиона голосов в ответ на каждый из моих вопросов. «Я вернулась, чтобы служить народу, а не искать мести, — говорю я. — Не мести я хочу, я хочу строить страну. Но прежде я должна убедиться, что вы желаете того же. Хотите, чтобы Зия остался?» — «Нет!» — «Хотите, чтобы Зия ушел?» — «Да!» — «Значит, ваше решение — Зия *джахве!* — Зия вон!» — *«Джахве, джахве, джахве!»* — гремят три миллиона голосов под темнеющим небом.

За весь день в громадной толпе не произошло ни одного инцидента, никакого насилия. Вызов режиму брошен однозначный, но ненасильственный. Толпа была столь взвинченной, что, как считали многие, достаточно было одного намека, чтобы сокрушить здания Национальной ассамблеи, дома министров, резиденцию Верховного суда, приговорившего моего отца к смерти. Но мы не хотели идти к власти кровавой дорогой. Наша цель — демократия, установленная при помощи мирных, законных, свободных выборов. Насилие для достижения своих целей применял режим, но не мы. И ночью режим снова нанес удар.

Я как раз погружалась в сон, впервые за двое суток, когда в двери спальни постучали. В целях безопасности местные партийные деятели распространили информацию о трех разных местах моего ночлега. По одному из этих адресов, в дом семьи Халида Ахмеда, в котором я после выступления у Минар-и-

Пакистан беседовала с иностранными журналистами, ворвался армейский майор. Зловещее напоминание о том, что я вернулась в страну, в которой хозяйничает Зия. Майор искал меня.

Рассказывает Азра Халид:

Я уже спал, когда меня разбудил один из слуг. Взъерошенный, раненый, из раны текла кровь. Группа военных напала на дом, избила слуг. Слуга сообщил мне, что пятнадцать или шестнадцать военных перелезли через наружную стену участка, избили охрану, ворвались в дом, искали Беназир. Запертую входную дверь они взломали, стекла в окнах разбили, кидая в них выставленные в саду горшки с цветами. «Где Беназир?» — орал главный, некий майор Кайюм, размахивая пистолетом. Один из наших наружных охранников подкрался к майору сзади и ударил его крикетной битой по голове. «Я офицер разведки, коммандос!» — орал майор.

Я вызвал полицию, хотя не был уверен, друзей вызываю или врагов. Прибытие полиции спугнуло военных, они удрали, но майора удалось задержать. В его машине полиция нашла ящик с пивом и виски, который он, очевидно, собирался потом «найти» в нашем доме. В его записной книжке оказалось множество телефонных номеров генералов и министров режима.

Майор Кайюм прикинулся сумасшедшим. Военные власти тоже сразу же заявили, что он вдруг сошел с ума и они за действия бедного умалишенного ответственности не несут. Но мы знали, что это не так. Встреча, оказанная Беназир населением страны, настолько испугала власти, что они не смели открыто выступить против нее. Вместо этого «сумасшедшему» майору поручили убрать ее или сделать так, чтобы она не смогла продолжить поездку по стране. Полиция очень скоро отпустила его, а, когда он вернулся в свою деревню, его вдруг застрелили. Мы считаем, что режим убрал неудачливого майора как опасного, знающего слишком много свидетеля.

Гуджранвала. Фейсалабад. Саргодха. Джелум. Равалпинди.

«Прием в Лахоре — исключение, — заявляли наши критики и некоторые газеты. — В других городах ничего подобного не повторится». Они ошиблись. Мы оставили Лахор в полдень 12 апреля, намереваясь к пяти вечера прибыть на митинг в Гуджранвалу. Но дороги оказались настолько забитыми людьми, что до Гуджранвалы мы добрались к пяти утра следующего дня. «Никого там не будет», — решила я, но ошиблась. Народ ждал всю ночь, на площади негде было яблоку упасть.

«Надо попробовать передвигаться быстрее», — обратилась я к одному из добровольных организаторов-телохранителей. Но ничего не вышло. Слишком много народу и в промежутке

Гуджранвала — Фейсалабад, восемьдесят километров мы преодолели за шестнадцать часов, двигаясь в сопровождении конвоя из грузовиков, автобусов, мотоциклов, рикш, сметавших встречное движение на обочину. Тысячи людей шагали рядом с нашим грузовиком всю ночь, как своеобразный почетный караул. Я по-прежнему бодро махала руками, стоя на сооруженной в кузове платформе. «Усыпайте все вокруг цветами, устилайте жемчугом дорогу, по которой едет Беназир!» — распевали сопровождающие меня люди. Мы в грузовике, в свою очередь, молились: «О, Господь, верни те дни, в которые страдающие и бедняки были счастливы. Дай нам храбрость и мудрость оправдать чаяния народа».

Солнце поднималось над Фейсалабадом, когда мы въезжали в этот промышленный центр, снова с полусуточным опозданием. Митинг здесь планировался на том самом стадионе, где я девять лет назад, ужасно переживая, вся на нервах, выступила с первой речью. Я снова была уверена, что все разошлись по домам и спят, но, когда грузовик наш вполз в ворота стадиона, раздался рев сотен тысяч глоток: *«Ком ке такдир?* — Беназир, Беназир! — Кто судьба народа? — Беназир, Беназир!» Возбуждение не улеглось и когда мы после митинга покинули стадион. Рабочие промышленных предприятий не забыли партию, уважавшую их, обеспечившую им право на труд. Хотя многие из владельцев заперли ворота своих предприятий, чтобы воспрепятствовать рабочим продемонстрировать поддержку своей партии, люди просто перелезали через заводские заборы, чтобы присоединиться к толпе.

Джелум, поставляющий рекрутов для армии; Равалпинди, город правительственных чиновников, — даже здесь, где население верно служит генералам, народу на митингах не убавилось. Иностранные журналисты и телеоператоры глазам не верят, обозревая людские массы и нацеливая на них объективы, показывая происходящее своим землякам. Мои земляки на своих домашних экранах этого не увидят. Хотя военное положение якобы отменено, режим запретил показ моего лица по пакистанскому телевидению.

Пресс-конференции, звонки соболезнования, встречи с членами партии, с партийным руководством. Не знаю, откуда я черпаю энергию. Конечно же, подпитывает поддержка народных масс, но иногда охватывает печаль. Вспоминаю распростертого на ковре в Каннах Шаха, вспоминаю отца в камере смертников. Хоть на момент бы оживить их, показать, что страдали они не зря. В детстве нас учили, что нет жертвы, слишком высокой, чтобы не принести ее на алтарь родины. Но жертвы нашей семьи все же

удручают.

Чтобы не усугублять личную печаль, прошу изменить маршрут следования так, чтобы он не проходил мимо Центральной тюрьмы Равалпинди, в которой казнили отца. Но не могу забыть трагедий и жертв товарищей по борьбе. В Гуджранвале я посетила могилу Первеза Якуба, первого, совершившего самосожжение в знак протеста против смертного приговора отцу. В Равалпинди навестила семью одного из троих молодых людей, повешенных в августе 1984 года.

Столько потерь, столько трагедий... Парню было лишь шестнадцать, когда его арестовали, и девятнадцать к моменту казни. «Посмотрите, сколько народу, — сказала мне его мать. — А было время, когда с нами боялись встречаться».

Мы направились в Пограничную провинцию, в Пешавар, на границе провинций президент пенджабской ПНП торжественно «сдает» меня с рук на руки президенту ПНП Приграничья. Снова дорога забита, прибыли мы к ночи. Власти приказали выключить уличное освещение, чтобы меня никто не смог видеть, но люди зажгли факелы, экраны домашних видеоплееров, чтобы меня осветить.

Мой «шеф безопасности» выглядит озабоченным. Не без причины, ведь машина медленно ползет по узким улицам древнего торгового города всего в часе езды от Хайберского перевала. Рядом Афганистан, здесь, возле границы, возле Пешавара, сосредоточено три миллиона афганских беженцев, которых поддерживал Зия. Мы слышали зловещие толки, что режим подбивал афганских моджахедов разделаться со мной. Без моего ведома «шеф безопасности» подговаривает сопровождающих меня женщин, в числе которых и его жена, как бы ненароком окружить меня плотнее, чтобы затруднить задачу снайперам. Мера не слишком эффективная в ночном мраке, однако, к счастью, никто на мою жизнь не покушался.

—Приветствую храбрых пахтунов, которых приветствовал и отец мой, — обращаюсь я к хлопающей в ладоши аудитории на стадионе, освещенном светом от наших собственных генераторов. Здесь мое выступление осложнилось тем, что один из помощников потерял тезисы речи. Но представиться здешней общине, реально угрожающей отделиться от Пакистана и образовать свою собственную страну, Пахтунистан, крайне необходимо. Не менее важно убедить консервативных патанов, что женщина способна руководить ими.

— Говорят, что я слабая женщина, — выкликаю я в аудиторию, на 99 процентов состоящую из мужчин. — Но я женщина-мусульманка. Мусульманские женщины гордятся

традициями, гордятся славным наследием, терпением биби Хаиджи, жены пророка, мир да пребудет с ним, гордятся упорством биби Зейнаб, сестры имама Хусейна, храбростью биби Айши, любимой жены пророка, верхом на верблюде возглавившей воинов-мусульман. Я дочь мученика Зульфи-кара Али Бхутто, сестра мученика Шаха Наваза Хана Бхутто, я ваша сестра. И я вызываю своих противников встретиться со мной на поле боя, на демократических выборах. — Хлопанье перерастает в приветственные возгласы. — Зия *за!* — восклицаю я, используя пуштунское слово, означающее «вон!». — *За, за!* — подхватывает аудитория.

После встречи на следующий день в пешаварской ассоциации юристов, мы вернулись в Пенджаб, посетили Лахор, Окару, Пакпаттан, Вехари и Мултан, где я почтила сотни жертв бойни на текстильных фабриках восемь лет назад. Затем домой, в Синдх, в Карачи, где жители моего города постарались перекрыть рекорд Лахора. После этого Кветта в Белуджистане и снова Синдх: Татта, Бадин, Хайдарабад и, наконец, Ларкана, уже в Рамазан. *«Марави малир джи,* Бе-назир, Беназир!» — кричали люди, называя меня именем народной героини синдхов, отказавшейся уступить требованиям местного тирана, который держал ее в плену, запер в крепости, но не смог сломить ее воли, подкрепляемой любовью к своему народу.

В Ларкане царила такая жара, что перед тем, как направиться из аэропорта на стадион, я покрыла голову и плечи под *дупаттой* кубиками льда. Здесь, на этом стадионе, десять месяцев назад люди молились за душу моего брата Шаха. На подходе к стадиону толпилось столько народу, что мы изменили маршрут, чтобы добраться до заката. Все время меня припекало солнце, сначала сквозь потолочный люк моего джипа «Паджеро», потом, когда я стояла на грузовике. Я попеременно сосала лимон и соль. Президента ПНП Ларканы солнце свалило с ног. Я молилась, чтобы со мной на радость нашим врагам не случилось то же самое. Однако я все же выдержала.

Вся поездка по девятнадцати городам сопровождалась постоянными угрозами убийства и обещаниями всяческих провокаций. Особенно встревожились мои телохранители в Белуджистане, где они заметили троих афганских моджахедов, сидящих на корточках перед аудиторией, спрятав под собою автоматическое оружие. Встревожил телохранителей не факт наличия оружия — в Белуджистане большинство взрослых мужчин открыто носит оружие, — а то, что они это оружие прятали. Мне мои охранники об этом ничего не сказали, но встали вплотную перед подозреваемыми, чтобы в случае

необходимости принять пули на себя.

Главной моей заботой было не почувствовать головокружения на вращающейся сцене, предназначенной для того, чтобы меня можно было увидеть в лицо со всех сторон. Но, увидев перед собой массу людей, большинство из которых бросалось в глаза крайней худобой и вопиющей, нескрываемой бедностью, я забыла о своих заботах и опасениях. Белуджистан —отсталая окраинная провинция. Племенные вожди не заинтересованы в прогрессе, могущем подорвать их власть. До вступления отца в должность премьер-министра здесь не было иных дорог, кроме грунтовых, не было электроснабжения, не хватало пресной воды. Скудные пустынные земли не орошались, урожаи с них снимали низкие. Большинство населения провинции живет в крайней нужде.

Прежде я лишь однажды посетила Белуджистан, сопровождая мать. Она отошла под дерево, в тень, и ее тут же окружили местные женщины и дети. Охранники принялись отгонять любопытных, но мать их остановила. Самые смелые тянули руки к волосам матери, гладким, чистым, в то время как их собственные волосы представляли собою какую-то спутанную запыленную неразбериху. Они не знали, что такое расческа. Правительство отца многое сделало для улучшения участи народа Белуджистана, несмотря на сопротивление племенной знати, поднявшей мятеж против законной власти.

— Пакистанская народная партия считает, что благополучие страны определяется благополучием ее народа, — обращалась я к аудитории с медленно поворачивающейся платформы. — Если каждому гражданину гарантирована работа, забота о его здоровье и образование для его детей, если каждый гражданин преуспевает, то и страна преуспевает. Нет на то воли Божьей, чтобы народ наш жил в бедности. Судьба нации не в трущобах. Мы имеем возможность преобразовать страну, используя ее ресурсы, и мы должны это сделать.

Народ поднялся, принялся аплодировать. Поднялись и захлопали в ладоши и три сидевших впереди афганца. Охранники мои облегченно вздохнули. Опасность миновала.

Но не везде. Борьба только начиналась. Менее чем через две недели после моего возвращения в Карачи полиция проникла в студенческое общежитие в Хайдарабаде, устроила там засаду и убила председателя студенческой организации ПНП Синдха Факира Икбала Хисбани, отвечавшего за безопасность в провинции. Его друг, тоже член ПНП, Джехангир Патан, раненный полицейскими пулями, остался на всю жизнь парализованным.

Помню, как у меня кровь застыла в жилах, когда Дост

Мохаммед разбудил меня рано утром известием об убийстве Икбала Хисбани. Снова черные повязки, черные платки, черные *дупатты,* черные флаги. Снова похороны молодого человека, которому я в буквальном смысле вверяла свою жизнь. Снова посещение скорбящий матери, потерявшей единственного сына. Она вручила мне молитву, выписанную ею взамен потерянной им в толчее моей поездки в Хайдарабад.

— Возьмите, — сказала его мать. — Пусть это будет подарком от Икбала.

Я по сей день храню эту молитву в своей сумочке. «Сколько еще хороших людей погибнет от рук этого режима?» — думала я.

Мирные демонстрации в память Икбала Хисбани и в знак протеста против его убийства прокатились по всему Пакистану. Но режим не мог без насилия. На митинге протеста в Кашморе член провинциальной ассамблеи открыл по толпе огонь из «Калашникова». По счастью, он никого не убил, но этот инцидент послужил сигналом, указанием режима: управляйте территорией при помощи пуль. Сейте смерть и увечья. Но не упускайте управления из рук.

И вот убиты еще двое членов ПНП: президент ПНП Докри и активист партии в Тандо, Мохаммед Хан. В смерти первого подозревался еще один член провинциальной ассамблеи, второго убил полицейский инспектор из нештатного оружия. «Министр вручил его мне, чтобы убивать собак из ПНП», — похвалялся он в чайхане. Режим вооружал политиков низшего ранга и мелких исполнителей, чтобы их руками выполнять грязную работу.

Дело шло к столкновению с режимом, мы понимали это. Они тоже это знали. Политических решений не принималось, вся энергия режима направлялась на борьбу с ПНП. Когда в июне правительство выпустило свой бюджет, мы противопоставили ему свой Народный бюджет. Полагая, что мы начнем действовать в Синдхе после Рамазана, они объявили в провинции чрезвычайное положение. Не дождавшись нашей реакции, отменили. Видя, что режим выбит из колеи, мы решили, что пора начать вторую фазу нашей кампании, чтобы заставить Зию устроить выборы той же осенью.

Пятое июля 1986 года, девятая годовщина путча военных. Мы назвали эту дату «Черным днем» и запланировали памятные акции во всех населенных пунктах, где имелись окружные советы ПНП, от Хунжрабского перевала на китайской границе до берегов Аравийского моря. Никто из нас не знал, достаточно ли крепка структура партии, чтобы осилить эту задачу, организовать одновременные демонстрации в таком масштабе. «Черный день» можно было рассматривать как своеобразную пробу сил,

проверку, осилит ли партия организацию массового движения одновременно по всей стране. Именно таким способом мы хотели заставить режим провести осенью выборы. Для обеспечения эффективности осенних демонстраций нам нужны были 100 тысяч «голубей демократии», наших сторонников, готовых подвергнуться аресту за организацию голодовок и сидячих демонстраций. Для успеха мероприятия следовало согласовать и проработать множество деталей. И мы провели «Черный день» очень удачно. В Карачи участвовали в акции 150 тысяч человек, в Лахоре 200 тысяч.

Следующая важная дата в календаре — 14 августа, День независимости. Уязвленный успехом ПНП во время моей поездки по стране, назначенный Зией премьер-министр Пакистана Мохаммед Хан Джунеджо объявил, что партия «Мусульманская лига» проведет четырнадцатого августа митинг у Минар-и-Пакистан в Лахоре. Как только Джунеджо объявил о своих намерениях, мы объявили, что ПНП тоже проведет демонстрацию в Лахоре, зная, что соберем намного больше народу. Чтобы лишить нас необходимого для доставки участников транспорта, режим зарезервировал для себя все автобусы Пенджаба. «Пользуйтесь их автобусами, — посоветовали мы своим сторонникам. — А приехав в Лахор, идите к нам».

В стычку включилось Движение в защиту демократии. С момента моего возвращения в Пакистан мы вели переговоры с лидерами ДВД, коалиции партий, организованной незадолго до угона самолета в 1981 году, и согласились вновь объединить силы для оказания давления на правящий режим. Десятого августа девять лидеров ДВД впервые за три года появились на Клифтон, 70, чтобы согласовать наши совместные действия. Один из них пришел в белой одежде *хаджи.* Режим задержал его в аэропорту, не дав совершить паломничество в Мекку.

Зия же, напротив, удрал из страны. Предвидя неизбежное унижение режима в День независимости, он седьмого августа отбыл в Саудовскую Аравию, забрав с собой всю семью. Наши сторонники в аэропорту сообщили, что Зия прихватил с собою также три контейнера с мебелью и раззолоченный «роллс-ройс», подаренный ему одним из глав арабских государств по поводу утверждения в должности президента.

Снова важное значение приобретал фактор времени. В ходе встречи мы единодушно согласились организовать совместные мирные выступления в рамках закона, направленные на организацию выборов. На следующий день ДВД объявило, что ПНП и другие входящие в него оппозиционные партии и группы организуют в День независимости массовые мероприятия в

Карачи и в Лахоре, и призвало Зию назначить выборы на двадцатое сентября. Тут нервы Джунеджо не выдержали.

Двенадцатого августа я беседовала с журналистами и партийными работниками, когда нам сказали, что Джунеджо собирается выступить по радио и телевидению с экстренным заявлением. Мы обратились к телеэкрану и увидели «карманного» премьера Зии, рассуждающего о возможной конфронтации между сторонниками «Мусульманской лиги» и партий оппозиции. В ханжеской заботе о мире и покое граждан страны Джунеджо объявил об отмене митинга «Мусульманской лиги» и призвал к тому же оппозиционные партии. Официального запрета на демонстрации, однако, не последовало.

Попыткам Джунеджо спасти лицо я не удивилась, однако разозлили его потуги подтолкнуть нас к насилию. Режим постоянно подстрекал нас к проявлению насилия во время наших публичных акций, но мы столь же неустанно подчеркивали свое намерение добиться перемен мирным, ненасильственным путем, политическими средствами. Мои телохранители даже не носили оружия. Но марионетка Зии нуждалась в предлоге для запрещения всякой политической активности в Пакистане через восемь месяцев после отмены военного положения. Джунеджо только что вернулся из Соединенных Штатов, где президент Рейган осыпал его хвалою за «заметные шаги в переходе к демократии». В интервью журналу «Тайм» Джунеджо и сам себя нахваливал за решение пакистанских проблем после отмены военного положения. «Мы добились этого, — резюмировал он. — Что еще могут решить выборы?»

—Еще одна наша победа, — сказала я соратникам, скептическими взглядами изучавшим вместе со мною экранную версию физиономии Джунеджо, с декоративным мужеством отзывавшего в стойла своих политических сторонников. — Джунеджо хвастается, что он демократический премьер, но где его поддержка? Он отменил митинг своей партии, потому что боится сопоставления с ПНП. Противник бежит с поля боя.

—Таким образом, нам не нужна демонстрация 14 августа, — сказал один из присутствующих. — Мы уже победили.

—Нет-нет, нельзя отступать, — тут же возразил второй. — Давайте устроим демонстрацию 15.

—Нельзя. День независимости Индии, — напомнил третий.

—Тогда 16.

—Завтра я буду на митинге ПНП в Фейсалабаде, — сказала я. — Тогда и решим.

Сразу же после этого разговора я направилась на экстренную встречу лидеров ДВД. Там царило совсем иное настроение. Резко

негативную реакцию присутствующих вызвало уже мое упоминание намерения проконсультироваться по поводу переноса демонстраций.

— Вы ничего не понимаете в политике, — заявили мне они. — Мы должны идти своим курсом. Демонстрации в День независимости должны состояться. Время приспело. Мы не должны отступать, колебаться, менять планы.

Я возразила. Я знала, что ПНП не готова бросить вызов с полной силой. Мы только что провели акции в «Черный день», времени для организации следующей акции явно недостаточно. Что более важно, наша стратегия основана не на прямом противостоянии режиму, а на постоянном и постепенном наращивании темпа и мощи демонстраций в течение некоторого периода с целью подрыва и истощения режима. Если парализовать правительство постоянными забастовками, сидячими демонстрациями, то окажется затронутой экономика, вся жизнь страны и правительство ощутит недовольство населения. Прямая конфронтация с режимом в данный момент противопоказана, контрпродуктивна, утверждала я. Последуют аресты лидеров партий. Аресты активистов. И завоеванные позиции придется оставить.

— Нет-нет, только вперед! — настаивали лидеры ДВД.

Я стояла перед выбором. Или я соглашаюсь, или же рухнет коалиция с ДВД. Согласие мое означает участие в демонстрациях. Мой голос — один против девяти.

— Хорошо, — не без колебаний согласилась я. — Но ради бога, не объявляйте об этом сразу. Подождите до завтра.

Мне нужно было время, чтобы предупредить лидеров партии, чтобы дать им возможность уйти в подполье. Если нас всех арестуют, то все планы на осень рухнут.

ДВД поспешило объявить о своем решении немедленно.

13 августа 1986 года.

Я направляюсь в аэропорт, чтобы согласно планам вылететь в Фейсалабад. Полиция ждет меня у входа в здание аэропорта.

— У нас указания выдворить вас из Пенджаба, но, если желаете, можете лететь.

Новая тактика. Заставить меня действовать вопреки официальным решениям, чтобы затем обвинить в провоцировании властей. Я отказываюсь играть по их правилам. Вместо этого я тут же совещаюсь с теми товарищами, которые провожали меня в аэропорт. Я стопроцентно уверена, что на Клифтон, 70, меня уже ждет полиция, и даю последние указания, спешные инструкции по координации действий руководителей и активистов в разных частях страны на случай моего ареста.

Вернувшись на Клифтон, 70, снова удивляюсь, полиции там не обнаружив. Но радио Индии уже поспешило сообщить о моем аресте. Непрерывно звонит телефон. В Лиари вспыхнули спонтанные протесты. Народ, собравшийся в аэропорту Фейсалабада меня встречать, разогнала полиция, использовав палки и слезоточивый газ. Таковы восхваляемые президентом Рейганом «заметные шаги в переходе к демократии».

Сижу, жду полицию. Никого. Но все остальные лидеры ПНП и ДВД арестованы. Меня не беспокоят. Режим намерен парализовать партию, не трогая меня, чтобы избежать грозящего указательного пальчика Запада, в особенности американской администрации, где осенью предстоит голосование по вопросу военно-экономической помощи Пакистану. Я вижу в происшедшем возможность отложить противостояние с режимом до более подходящего времени.

Вместо полиции на Клифтон, 70, повалила пресса: Росс Манро из журнала «Тайм», телесъемка Би-би-си, знакомая мне со времен Рэдклиффа Энн Фэдиман из «Лайф», прибывшая с фотографом Мэри Эллен Марк, чтобы осветить мое возвращение в Пакистан; Махмуд Шам и Хазур Шах, корреспонденты-ветераны из «Джанг» и «Дон». К вечеру арестованы более тысячи лидеров и активистов ПНП и ДВД. Но не я.

Из пресс-клуба Карачи прибывает еще один корреспондент. Один из лидеров ДВД сообщил ему, что намеченная на завтра демонстрация в Карачи состоится и что я на ней должна присутствовать. Я в замешательстве. Никто со мной не консультировался об изменении планов. Но новость подтверждается из других источников. Би-би-си трижды сообщает в своих новостях, что я собираюсь на демонстрацию в Карачи 14-го. Я не хочу быть насильно втянутой в провокацию ни режимом, ни ДВД. Но что я могу сделать? Если я не появлюсь на демонстрации, противники объявят, что я струсила.

Я поручаю одному-другому из нижнего звена руководства партии собрать всех, кто смог спастись от полиции, на Клифтон, 70, на следующий день утром, чтобы вместе отправиться на митинг.

14 августа, День независимости Пакистана.

— *Джайе,* Бхутто! — Моя сестра, твоя сестра Беназир! Проснувшись утром, я слышу за стенами Клифтон, 70, эти крики, политические лозунги, шум толпы. Тысячи сторонников ПНП собрались у дома, отозвавшись на призывы ДВД, подтвержденные сообщениями Би-би-си. Слышу и объяснение того, почему я не арестована. Не рискнув принять решение самостоятельно, здешнее начальство запросило указаний у Зии. Тот ответил лишь

утром, в 9 часов. Приказал арестовать. Но полиция не отважилась. «Сквозь толпу у ваших ворот? Да от меня бы клочков потом не нашли», — невесело усмехаясь, сказал мне позже один из полицейских. Открыть огонь полиция тоже не решилась. Рядом дома дипломатов, посольства, консульства, которые, как опасались власти, возмущенная толпа могла бы и запалить.

Не было у полиции уверенности и в том, где я находилась в то время. У меня на Клифтон, 70, заночевала подруга Путчи, рано утром отправившаяся по своим делам в своем автомобиле. Сквозь тонированные стекла полиция не смогла разглядеть, кто находится в машине, и почему-то решила, что я направилась в Фейсалабад, пренебрегая запрещением. Вскоре, однако, они поняли, где я находилась.

— Когда вас ждать? — спросил по телефону один из представителей ДВД.

— В два, — ответила я ему. Почти тут же поступило сообщение, что в два полиция все-таки за мною прибудет. Неизвестно, на каких основаниях, ведь запрета на демонстрации министерство внутренних дел так и не объявило.

Мы решили выехать в час. И журналисты с нами. В Гарварде, вспоминала я давно минувшие идиллические времена, приходилось мне почитывать в «Лайфе» колонку «„Лайф" идет в кино». Сейчас «Лайф» отправлялся на нерадостную встречу с пакистанской полицией и навстречу моему неизбежному аресту. Я больше беспокоилась за Энн Фэдиман. Росс Манро, руководитель бюро «Тайм» в Нью-Дели, к превратностям политической чехарды привык. Никто не может знать, что ждет нас за воротами дома.

—*Кул хувва Аллаху ахад.* — Скажи, Он Бог единый, — произношу я в дверях изречение из Священного Корана. В один джип грузятся Энн Фэдиман, Росс Манро, оператор Би-би-си, несколько человек из ПНП и моя подруга Питчи. Я влезаю в свой, разукрашенный лозунгами, оснащенный громкоговорителями, усилителем, кассетным плеером для транслирования песен ПНП. На капоте его флажок нашей партии. Со мною Самийя, несколько активистов партии и фотограф Мэри Эллен Марк. Ворота открылись, я поднялась на заднем сиденье, высунулась в обширный потолочный люк.

—*Мараин гаи, мар джаин гаи,* Беназир, *ко лахаин гаи.* — Побьем их, умрем, но не выдадим Беназир, — скандируют люди на урду, окружая автомобиль. Мой почетный караул в составе пяти тысяч человек.

Первая шашка слезоточивого газа влетела в толпу возле больницы «Мид Ист». Всего полиция использовала в этот день три

тысячи таких шашек, триста из них на дороге, ведущей от Клифтон, 70. Новая встреча с полицией — снова газ. На этот раз полиция врезалась в толпу с намерением меня арестовать. Они направлялись к моему дому, но опоздали. Меня сдернули вниз, захлопнули люк. Мы кашляем, задыхаемся. Сосем лимоны, соль, закрываем лица припасенными заранее мокрыми полотенцами. Беспокоюсь за Энн Фэдиман и остальных во втором джипе.

Рассказывает Энн Фэдиман,

Сквозь дым полицейского слезоточивого газа едва можно что-то разглядеть. Пытаемся захлопнуть потолочный люк нашего джипа, но его заклинило. Когда наконец разобрались с люком, его долго не давали закрыть энтузиасты, взобравшиеся на крышу, чтобы потрогать собственными руками если не Беназир, то хоть кого-то, кто был подле нее. Слезоточивый газ, как мы впоследствии узнали, произведен в Соединенных Штатах, на заводах «Смит-энд-Вессон».

Росс у нас парень бывалый, ему дышать газом не впервой. Подражая ему, промываем глаза водой, прижимаем мокрые платки к глазам, но ощущение, не могу не отметить, самое неприятное. Путчи, у которой астма, как только вокруг начали взрываться дымовые гранаты, выскочила из джипа и смогла убежать домой, мы же чувствовали последствия действия этой гадости еще по нескольку недель. Мне пришлось дома лечиться стероидами. Врач сказал, что я получила «повышенную дозу при глубоком вдыхании». Но мне еще повезло. Башир Рияз, как я узнала позже, мучился несколько месяцев.

В толчее и неразберихе водители джипов решили, чтобы сбить с толку полицию, разделиться и направиться в Лиари, беднейший район Карачи и оплот ПНП, двумя разными путями. Полиция, однако, без труда выслеживала наши кавалькады, выросшие в длинную вереницу автобусов, грузовиков и автомобилей иного типа, и каждый раз мы упирались в блок-пост. Мы опять встретились и решили направиться к мавзолею Мохаммеда Али Джинны. Но и это не получилось. Игра в прятки и догонялки с полицией продолжилась. Развернувшись, направились обратно в Лиари, но тут вдруг лопнула покрышка. На возню с домкратом времени не было, да и нужды в нем тоже. Люди подняли бок машины, и множество рук помогло водителю заменить колесо. И снова наперегонки с полицией.

Рассказывает Росс Манро.

На площади Чакивара Чоук в Лиари толпилось не менее десяти тысяч человек. Прибыв туда, Беназир одержала символическую победу, ибо она произнесла там непродолжительную речь, говорила в течение нескольких минут,

используя бортовую громкоговорящую систему своей машины. «Вы все мои братья и сестры, — начала она на урду, а завершила призывом: — Зия должен уйти!» Она сказала, что День независимости в Пакистане носит оттенок горькой иронии, ибо пакистанцы не имеют достаточной политической независимости, чтобы выразить свое мнение. Выступала она на фоне дыма, валившего от полыхавшего в двух сотнях ярдов от нее автобуса.

Энн Фэдиман.

Я не заметила ни одного проявления насилия со стороны сторонников ПНП. А вот полиция не скупилась на насилие. Полицейские нещадно колотили людей. Молодые люди прикрывались от ударов полицейских палок руками. Когда мимо проезжал джип Беназир, они прижимали окровавленные руки к стеклам, показывая готовность жертвовать за нее собою. Внезапно я увидела корреспондента Би-би-си в Карачи Икбала Джаффери. Он подбежал к нам, огибая толпу. «Полиция озверела, — сказал он. — Я видел, как они били десятилетнего мальчика за то, что у него эмблема ПНП». Газ полиция применяла особенно интенсивно, когда появлялась Беназир.

—Вниз, вниз! — закричали мои спутники, стаскивая меня на сиденье. Мне вспомнилось нападение полиции на нас с матерью на стадионе Каддафи. Над головой свистели газовые шашки. Стражи порядка применяли их не только как источник газа, но и как поражающее оружие. Полиции становилось все больше.

—Нельзя позволить им арестовать вождя партии! — услышала я крик одного из активистов.

— Держи полицию! — откликнулись голоса вокруг. Мгновенно выросли баррикады. Запылали покрышки и горючий мусор. Мы рванулись прочь проулками Лиари. В преследующие нас автомобили полиции полетели камни.

—Сюда, сюда! — направляли нас, не давая сворачивать в тупики. Оторвавшись на какое-то время от полиции, останавливаем такси. В воздухе клубится вонючий дым горящей автомобильной резины, разъедающий глаза и горло слезоточивый газ. Кричат люди, завывают полицейские сирены. Мой джип снова рванулся вперед, на переднем сиденье его Самийя в моей *дупатте,* для введения в заблуждение полиции. Водитель такси впопыхах дергает машину с места при открытых дверцах.

—Не спешите, не спешите, — успокаиваю я его.

Такси несется по узким улочкам, но стряхнуть увязавшийся за нами одинокий полицейский мотоцикл никак не удается. Я на ходу совещаюсь с лидерами ПНП. Нужна пресс-конференция, но где? Предлагаются различные решения, но я настаиваю на своем доме. Назад, на Клифтон, 70. Пусть я направлюсь в лапы

полиции, но я обращусь к журналистам в собственном доме, и меня уведут из собственного дома. Мотоцикл все еще на хвосте. Надо от него отделаться.

— Здесь вправо! — ору я водителю, указывая в проезд, ведущий к отелю «Метрополь». Взвыли тормоза, машина свернула, обогнула отель, вынырнула с другой стороны — мотоцикл исчез.

Мы почти прибыли, но на Клифтон и в ее окрестностях тьма полиции. Водитель в панике тормозит.

—Не обращайте на них внимания, езжайте нормально, спокойно, как будто ничего не случилось, — снова поучаю его. — Уж желтую «тойоту»-то полиция явно не ищет. Бедняга направляет машину мимо полицейских патрулей. Я надвигаю на лицо *дупатту* Самийи, чтобы уменьшить шанс опознания. Возле дома одного из партийных деятелей задержались, чтобы смыть осадок слезоточивого газа.

—Сколько с нас? — спрашиваю я водителя, доставая бумажник.

—Я, знаете ли, не таксист, — неловко улыбается он, все еще дрожа от пережитого страха и возбуждения. — Это моя машина.

—Вы не таксист? — недоверчиво переспрашиваю я, вспоминая, как бесцеремонно командовала этим человеком.

— Нет. Но я ваш сторонник. Деньги принять он отказался.

Представители СМИ прибыли на Клифтон, 70, раньше нас. Степенно провожу пресс-конференцию, когда наконец к воротам чинно прибывает полиция. Я столь же чинно приняла троих женщин в форме, безупречно вежливых в присутствии иностранных журналистов. Они вручили мне ордер о задержании на тридцать суток по поводу организации незаконных сборищ. Я собрала вещи, прихватила зубную щетку и направилась в полицейское управление в сопровождении могучего полицейского эскорта, окруженного столь же многочисленными машинами членов и сторонников ПНП.

В полиции я узнала, что в Лахоре убиты в этот день шестеро, множество раненых. Снова показали зубы палачи режима. Людей убили члены парламента, открывшие огонь из «Калашниковых». К ответственности их за это никто не привлек, как и полицейских, ворвавшихся в приемный покой больницы и избивавших раненых, лежавших на носилках и пристегнутых к койкам наручниками. Избили одного *маульви,* в мечети промывавшего глаза пострадавшему.

В Синдхе жертв оказалось еще больше: шестнадцать убитых и сотни раненых. Полиция нападала на демонстрантов не только в Карачи, но и в других городах по всей провинции. За участие в

мирных демонстрациях в честь Дня независимости страны.

Меня заперли в одиночной камере в тюрьме для несовершеннолетних Ландхи-Борстал в пригороде Карачи. Полиция так усердствовала, что Центральная тюрьма Карачи оказалась забитой до отказа. По стране прокатилась волна протестов против моего ареста, самая сильная с волнений ДВД 1983 года. В Синдхе горели полицейские участки, правительственные учреждения и железнодорожные станции. В Лиари бои с полицией продолжались в течение недели. Армия присоединилась к полиции для подавления волнений. Тридцать человек погибли. Фотоматериалы Мэри Эллен Марк, обличающие зверства полиции и армии, конфисковали.

Из Англии и Германии тут же последовали протесты против зверств режима. В Соединенных Штатах выступили сенаторы Кеннеди и Пелл, а также член палаты представителей Соларз, особенно тесно со мной сотрудничавший. «Если пакистанское правительство продолжит удерживать под арестом политических противников и отказывать в разрешении мирных политических демонстраций, друзьям Пакистана в конгрессе США нелегко будет отстоять необходимость оказания Пакистану дополнительной помощи», — предупреждал Соларз, председатель подкомитета палаты представителей по азиатско-тихоокеанским делам. Администрация Рейгана, однако, горой стояла за Зию и его «гражданского» премьер-министра Джунеджо, который «имел смелость противостоять оппозиции и критике из-за рубежа», как выразился представитель Госдепартамента США.

Зия, вернувшись из Мекки в конце августа, с ходу отмел всякую критику. «Мисс Бхутто не представляет проблемы, — заявил он корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Стивену Вейсману 26 августа. — Но излишние политические амбиции мисс Бхутто и ее отношение к борьбе за власть заслуживают осуждения».

Мой случай должен был рассматриваться в Верховном суде Синдха десятого сентября. Держали меня без предъявления обвинения. Обвинять оказалось не в чем. День независимости — государственный праздник. Когда же демонстрации проводить, если не в этот день? Никаких законов я не нарушила. Тысячи людей из Внутреннего Синдха, подтянувшиеся к зданию суда, заставили власти уже девятого сентября сменить «гнев на милость». Вечером, в полдесятого, ко мне в камеру вошел начальник тюрьмы.

— У меня для вас приятная новость, — сказал он, лучась улыбкой. — Вы свободны.

Но сюрприза не получилось. Я была уже готова к выходу.

На заседании руководства ПНП после моего освобождения

разыгрались эмоции. Некоторые горели желанием отомстить режиму за пролитую кровь. Они указывали на то, что впервые режим убил людей ПНП в Пенджабе. Нельзя больше выжидать, нужно свергнуть Зию немедленно.

— Мы всегда обещали придерживаться курса на мирное изменение власти политическими средствами, — напоминала я. — Режим прибег к силе. Протесты означали бы новое кровопролитие, хаос, чем могли бы воспользоваться экстремисты. Август — наша моральная победа, и нам следует придерживаться мирного курса.

В канун 1987 года я чувствовала себя уверенно. Мне всегда казалось, что новый год принесет что-то лучшее, чем уходящий, к тому же многое это предвещало. Впервые за шесть лет я в Пакистане на свободе. После длительного запрета политической активности партия наращивает силу. За четыре месяца мы приняли миллион новых членов, невероятная цифра для страны со столь низким уровнем грамотности. В Пенджабе мы провели партийные выборы — неслыханное явление на субконтиненте, — в которых приняли участие четыреста тысяч человек. Мы открыли диалог с противниками «Мусульманской лиги» в парламенте и продолжали обличать нарушения прав человека, творимые режимом по-прежнему.

Зия везде твердил, что мы рвемся к мщению, особенно обращаясь к армии, которую он стремился запугать возвратом к власти нашей партии. Но мы стремились не к мщению, а к развитию страны. И все это знали.

Я призывала к созданию профессиональной, высококвалифицированной армии, не вмешивающейся в политику. За примерами некомпетентности Зии как воинского командира далеко ходить не надо: я продолжала критиковать его подход к конфликту с Индией из-за Сиаченского ледника, где Пакистан за последние три года потерял более 1400 квадратных миль территории. Нас слушали внимательно, нам верили все больше. В декабре, при посещении в Лала-Мусса семьи убитого в День независимости активиста партии, меня неоднократно приветствовали военные, махали вслед нашей машине. Я приближалась к нервным центрам генерала Зии.

— Я получил информацию, что на вас готовится покушение, — сообщил мне наш сторонник, бывший бригадный генерал армии, в Ларкане, в день рождения отца. — Нужно провести проверку надежности вашей безопасности.

На день рождения отца, 5 января, прибыли тысячи человек. Праздник прошел гладко, я не чувствовала никакой угрозы.

—В Аль-Муртазе с безопасностью все в порядке, — заверила я

его.

—Лучше проверить, — настаивал он, но я так и не обеспокоилась.

— Нет нужды, генерал, — отмахнулась я. Сигнал из Равалпинди. Затем из Лахора.

— Режим практически проверил возможность вашего устранения, — сообщил мне симпатизирующий чиновник. — Проверяющий «убийца» приблизился к вам вплотную и доложил начальству, что «нет ничего проще, к ней любой может подойти».

Я старалась не поддаваться тревоге. Смерть всегда возможна, но нужно решать политические вопросы, сосредоточить на них все внимание.

Предупреждения поступали одно за другим, как и требования от членов партии, чтобы я усилила охрану и пересмотрела подход к безопасности. При посещении Приграничья ко мне хотели приставить охрану из пяти человек с «Калашниковыми», но я отказалась. Не нравилось мне жить среди стволов. Мои охранники-добровольцы по моему настоянию не носили оружия. Вскоре я засомневалась в мудрости такого подхода.

В течение одной недели января 1987 года двое из связанных со мной людей подверглись нападениям. Одного из моих телохранителей обстреляли, когда он находился в машине, вынудив его свернуть в один из бесчисленных тупиков в Карачи. Муннарвар Сухарварди остался в живых лишь потому, что люди, находившиеся с ним в его автомобиле, оказались вооружены и отпугнули нападавших ответным огнем. Для одного из лидеров ДВД, Фазиля Раху, все закончилось трагически. Одиннадцатого января его зарубили топором в родной деревне. Тогда же начались ночные угрожающие телефонные звонки в квартире Башира Рияза, бывшего редактора нашей лондонской газеты «Амаль», ставшего моим пресс-секретарем. Нужно ли все это воспринимать как угрозы, направленные в мой адрес? Я поручила своему юристу обратиться с официальным заявлением к властям.

— Предупредите их, что, если что-то произойдет, ответственность ляжет на них.

Нападение состоялось тридцатого января. Я собиралась вернуться в Ларкану, но мой отъезд задержался из-за неожиданной встречи в последний момент. Обычно я езжу в Ларкану в своем джипе «Паджеро», но всегда предусматриваю непредвиденную возможность изменения планов. Мало ли что может произойти. Я часто планирую несколько вариантов, иногда бронирую два-три адреса, чтобы запутать агентов Зии. Зачастую я не сообщаю о своих планах даже ближайшим сотрудникам, чтобы избежать неумышленной утечки информации.

—*Биби-сахиба,* — напомнили мне в полдень, — если хотите добраться до Ларканы дотемна, пора выезжать.

—Езжайте, — сказала я Урсу.— После встречи я отправлюсь за вами.

Автомобили так и не добрались до Ларканы.

В середине встречи ко мне подошли с запиской. Я сразу ухватила два слова: «стреляли» и «Паджеро». Интересно, что речь во время встречи шла как раз о нападении на моего охранника и об убийстве Фазиля Раху из ДВД. Время как по заказу.

— Прошу прощения, я на минуту, — попросила я гостей подождать и вышла, чтобы отдать распоряжения позвонить в полицию и моим юристам. Собрав нервы в кулак, я вернулась и возобновила прерванный разговор.

В течение следующих дней я узнала подробности этой безобразной истории. Две машины быстро катили по шоссе возле Манджханда, среди бела дня, когда стоявший на обочине человек дал сигнал и мгновенно появились еще четверо, открывших стрельбу по пассажирской стороне моего джипа. Урс нажал на педаль газа, машина, и без того шедшая со скоростью 70 миль в час, ускорила ход, пронеслась сквозь град пуль. Сидевшие в ней видели, что, не прекращая стрелять им вслед, нападающие остановили второй джип и взяли на мушку сидящих в нем охранников и персонал моего домохозяйства.

Явная попытка хладнокровно спланированного убийства. Режим заявил, что это всего лишь обычное для Пакистана нападение дорожных разбойников, *дакойтов,* но это объяснение — явная чушь. Слишком много нестыковок с обычным шаблоном проведения «обычных» дорожных ограблений. Общеизвестная зона действия *дакойтов* начинается в сорока милях от места нападения. *Дакойты* всегда действуют по ночам, а не в полчетвертого дня, при ярком свете. *Дакойты* бережно относятся к своей добыче, не изрешечивают ее пулями, их цель — остановить машину.

Возмущение этим нападением оказалось столь велико, что режим отрядил для расследования случая и освобождения захваченных людей генерального инспектора полиции. Выяснялись новые детали. На месте происшествия видели человека с рацией, то есть нападавших оповестили заблаговременно, когда мои джипы покинули Клифтон, 70. Сидящих внутри агент властей, находившийся за воротами, рассмотреть сквозь тонированные стекла не мог, но предполагалось, что я нахожусь в машине.

Даже если исполнителями были *дакойты,* то они явно выполняли чей-то заказ. *Дакойты* всегда останавливают

несколько машин, а ехавший перед передним джипом автомобиль оказался пропущенным беспрепятственно. *Дакойты* считали бесчестным нападать на женщин. Нет, это не было «простой», «обычной» попыткой ограбления.

Информация продолжала поступать. Кто-то из близких к разбойникам кругов рассказал, что в ночь перед нападением к явке банды подкатил автомобиль, приехавший беседовал с главарем, затем уехал. После отъезда гостя атаман оповестил свою банду, что предстоит им «большое дело». Рассказывали и иные истории о «кнуте и прянике», которыми режим склонял *дакойтов* взять на себя задачу моего устранения. Тем временем «разбойники» захватившие моих людей, не спешили выставлять требования о выкупе, всегда поступающего в первые же часы в случае любого разбойного похищения.

Захваченных освободили через несколько дней так же внезапно, как и захватили. Слава Богу, им не причинили никакого вреда. Но то, что они рассказывали, никоим образом не вязалось с официальной версией разбойного нападения. «Мы люди госпожи Беназир», — сообщил мой персонал похитившим их бандитам, заметившим, разумеется, флаг ПНП, лозунги и громкоговорители на крыше. «А мы люди генерала Зии», — без запинки парировали похитители. Арестованных по этому нападению так и не оказалось. Еще один пример насилия, показанный режимом в становившемся все более насильственном пакистанском обществе. Режим вооружал афганских моджахедов, студентов-фундаменталистов, сепаратистов и «Мусульманскую лигу». Возглавлявший «гражданское» правительство Зия создавал и пестовал частные армии, выполнявшие заказы на истребление политической оппозиции. Еще не завершился первый месяц 1987 года, а в тюрьме был подвергнут порке активист ПНП, нескольких диссидентов убили. Мне становилось все труднее сдерживать молодых членов ПНП от проявления ответного насилия.

Ситуация в Пакистане быстро становилась неуправляемой, отмечалось в редакционной статье февральского выпуска лондонского журнала «Саут». «Военные исчерпали все резервы доверия... Правительство теряет административное присутствие на территории страны. Его учреждения, армия, полиция, органы юстиции в стране, конечно, присутствуют, но вращаются, как волчки, каждое вокруг своей оси. Страна напряжена, раздроблена по партийно-фракционным, религиозно-приходским, местно-этническим признакам. Закон и правопорядок рухнули, страной фактически правят наркомафия и торговцы оружием.

Пакистан подошел к кромке анархии. Зия разрушал страну лучше, чем это сделал бы любой внешний враг. Время шло к

обещанным в 1990 году всеобщим выборам, но все меньше народу верило, что выборы эти окажутся свободными и справедливыми.

Выборы в местные органы осенью 1987 года оказались гнусным фарсом. Сорок процентов кандидатов, противостоявших правящей «Мусульманской лиге», выбранные тайно первичными организациями, чтобы избежать дисквалификации, были отвергнуты правительственными чиновниками, боявшимися, что их отправят в отставку. Объявив о выборах, Зия почти сразу объявил о разрешении увольнять правительственных чиновников, прослуживших долее десяти лет продолжительности военного положения. Оставшимися 60 процентами мест бесстыдно манипулировали согласно заданным Зией директивам. Фальшивые списки голосования не только ни разу и нигде не исправляли, но и меняли не по одному разу вплоть до самого дня голосования. Перекраивали и границы избирательных участков, численностью жителей от 600 до 2600 человек, в зависимости от того, какое количество принесет победу «Мусульманской лиге», поддерживаемой режимом. Правила постоянно менялись. Последний срок отказа кандидата от участия в выборах сначала назначили на 19 ноября. Вечером 19 ноября его продлили до двадцать пятого — еще шесть дней для запугивания конкурентов, чтобы только объявить победу «Мусульманской лиги» за отсутствием иных кандидатов.

Вовсю жульничал режим непосредственно на выборах. Всегда во всем мире пункты проведения голосования устраивают в удобных, доступных для избирателей местах, там, где живет большинство из них. На этих выборах режим в последнюю минуту объявлял, что голосование будет проводиться в малонаселенных труднодоступных точках, а то и в домах членов «Мусульманской лиги», куда нормального человека на аркане не затащишь, куда многие боялись заходить из соображений личной безопасности. В самый день выборов внезапно меняли места проведения голосования, не сообщая об этом оппозиции, делая невозможным доступ к избирательным урнам для наших сторонников. За два дня до выборов избирательная комиссия реквизировала весь транспорт, принадлежащий членам ПНП и их сторонникам, «не заметив», разумеется, транспортных средств «Мусульманской лиги».

Даже несмотря на все вопиющие подтасовки, нарушения и преступления, «Мусульманская лига» далеко не всегда добивалась желаемых результатов. В нашем избирательном округе в Ларкане, где, кстати, жили и родственники Джунеджо, «Мусульманская лига» особенно усердствовала, чтобы иметь возможность заявить, что Бхутто, мол, и в собственном доме не

пользуются поддержкой. Увидев, что все попытки запугать и запутать население не увенчались успехом, они не засчитали 600 голосов жителей жилищ для бедных, выстроенных моим отцом. Но даже в этих условиях мы победили в этом округе.

За первым кругом голосования последовал второй, в котором избранные советники выбирали председателей своих округов. Поведение властей, разумеется, изменений не претерпело. Где мы обеспечили себе большинство, режим пускал в ход грязные методы и силовое давление, наших советников дисквалифицировали, чтобы изобразить «большинство» в пользу «Мусульманской лиги». В Ларкане председателем был избран кандидат ПНП. После подсчета голосов председатель окружной избирательной комиссии молча вышел из помещения. Вернувшись, потребовал пересчета. Несколько бюллетеней таинственным образом за краткое время его отсутствия «испортились», не были засчитаны. Представителя «Мусульманской лиги» объявили победителем. Когда советники ПНП уличили его в жульничестве, он очень извинялся и сожалел, что «поезд ушел», что теперь уже поздно и ничего изменить нельзя.

В муниципалитете Шахадкот режим применил иной метод. Накануне выборов председателя, двоих советников, избранных от ПНП, похитили, вломившись в их дома. Члены местной полувоенной группировки «Сила Магси» врывались в дома других советников и угрожали: «Если завтра посмеешь высунуть нос против «Мусульманской лиги», сгинешь без следа, и никакая Беназир тебя не спасет». Запуганные советники воздержались от участия в голосовании, «Мусульманская лига» одержала верх.

Режим вовсю трубил о своей «славной победе» на местных выборах 1987 года. Когда мы обвинили власти в злоупотреблениях, нам ответили: «Зелен виноград...»

«Обстоятельства меняются», — говорил отец с трибуны Организации Объединенных Наций в 1971 году, когда индийские войска подошли к Дакке в Восточном Пакистане.

Войска нацистской Германии дошли почти до Москвы, а Наполеон ее даже захватил; Франция оказалась оккупированной германской армией, Китай захватила Япония, а Эфиопию итальянские фашисты. Но народы этих стран не смирились, не приняли «изменившиеся обстоятельства». Они боролись и изменили ход истории. Речь отца в Совете Безопасности произвела на меня, тогда восемнадцатилетнюю студентку, глубокое впечатление. Его слова поддерживали меня, не давали сдаться, смириться с обстоятельствами в мрачные годы тирании и преследований. «Обстоятельства меняются», — повторяла я снова

и снова.

Видения можно воспринимать как пустые мечты. Но они могут оказаться пророческими. Человек, любящий Пакистан, не может не мечтать о великом будущем для своей страны и для своего народа. Но какие усилия требуются, чтобы воплотить мечты в жизнь! К началу двадцать первого столетия население Пакистана, ныне стомиллионное, возрастет до ста пятидесяти пяти миллионов человек. Добрых сорок процентов от этого числа составят дети до пятнадцати лет.

По самым осторожным оценкам городское население втрое превысит по численности теперешний уровень. В середине восьмидесятых годов двадцатого века от 85 до 90 процентов населения Пакистана не имело доступа к чистой питьевой воде. Такая же часть населения проживала в негигиенических условиях, в жилищах, лишенных водопровода и канализации, в набитых битком хижинах, в трущобах и бидонвилях. Кое-где в Белуджистане и в Приграничье люди до сих пор живут в пещерах. Однако лишь полпроцента годового бюджета Зии направляется на жилищное строительство.

Вместо просвещения масс режим их просто не замечает. Согласно одному из международно признанных определений грамотности, 90 процентов населения Пакистана неграмотно. По другому стандарту, согласно которому грамотными считаются и те, кто способен собственноручно нацарапать свое имя, неграмотны 73 процента взрослых пакистанцев. Однако лишь 45 процентов детей от пяти до десяти лет посещают школу. И 80 процентов от этого количества вынуждены из-за экономических трудностей оставить обучение,

не достигнув десятилетнего возраста. Статистика устрашающая, но положение к тому же усугубляется. Каждый год армия неграмотных увеличивается на полтора миллиона человек. При Зие уровень грамотности неуклонно ползет вниз. Приоритеты правительства искажены до полной бессмыслицы. Военные расходы страны при Зие удвоились, на душу населения Пакистан тратит на «оборону» больше любой другой страны в Южной Азии, тогда как по расходам на жилищные программы и здравоохранение страна плетется в хвосте. По данным Детского фонда ООН, около 600 тысяч из четырех миллионов ежегодно рождающихся в Пакистане детей обречены на смерть в течение первого года жизни, еще 750 тысяч — до достижения пятилетнего возраста. Если сравнить с тем же числом рождений на Западе, в Пакистане погибает на 700 тысяч больше детей. Но люди в Пакистане лишены возможности влиять на свою судьбу.

Свободные и справедливые выборы. Мы стремимся к тому

дню, когда Пакистан их увидит. Отец мой посвятил свою жизнь этой цели, он стремился обеспечить равные права, обещанные конституцией бедным и богатым, мужчинам и женщинам, всем этническим группам и религиозным меньшинствам. Он принес реальную пользу стране, способствуя развитию экономики и образования, дал почувствовать вкус демократии жаждущему ее населению. За свои устремления он заплатил по самой высокой цене.

«С тиранией, как и с адом, нелегко справиться, но утешает нас то, что чем ожесточенней борьба, тем слаще миг победы» (Томас Пэйн, «Американский кризис», 1776 год). Мы прошли ад военной диктатуры в Пакистане и готовились встретить любые ожидавшие нас репрессии. Мы страдали, приносили жертвы, видели гибель близких, соболезновали друзьям, потерявшим близких людей, детям и родителям погибших соратников. Ждет ли нас повторение этого ада? Не ведаю, но, что бы ни случилось, мы будем поддерживать огонь в очаге демократии. И наступит славный день, когда диктатура рассеется как дым и мечта о демократии станет реальностью в Пакистане.

14

ЗАМУЖЕСТВО

Личная жизнь моя радикально изменилась 29 июля 1987 года, когда я согласилась выйти замуж по выбору моей семьи. Столь традиционный брачный союз оказался неизбежной платой за мой личный выбор образа жизни, за вступление в политическую борьбу. Мое чрезмерно заметное положение как лидера партии исключало возможность нормального развития событий: знакомство с мужчиной, сближение, брак. Любой «внеслужебный» контакт с лицом мужского пола неизбежно вызвал бы взрыв сплетен и домыслов, без которых и так-то не обходится жизнь никакого человека.

Для весьма и весьма многих жителей Востока такая форма брака и по сей день, скорее, норма, чем исключение. Однако мои родители заключили брак по любви, на основании собственного взаимного желания, и я поначалу не сомневалась, что последую их примеру. Зондаж насчет моих планов об устройстве личной жизни начался, когда я училась в Рэдклиффе. Родом я из одной из древнейших и известнейших семей Пакистана, а тогда стала к тому же дочерью премьер-министра.

Студенткой американского колледжа во времена пышного цвета «женского движения» я, разумеется, не сомневалась, что брак и карьера совместимы и ничуть не мешают друг другу. Я верила — как верю и сейчас, — что женщина может совмещать профессиональную жизнь, жизнь с мужем и воспитание детей. И

представляла себе, что брак заключу с человеком, столь же заинтересованном в своей карьере, как и я в своей.

Военный переворот все изменил. Хотя мне не перестали напоминать о необходимости вступить в брак, в первые годы военного положения я отказывалась даже разговаривать на эту тему. Как могла я наслаждаться счастьем личной жизни, когда отец томился за решеткой, а жизнь его висела на волоске.

После убийства отца я даже слышать не хотела никаких намеков на брак. По традиции после смерти старшего или уважаемого члена семьи Бхутто браки членами семейства не заключаются в течение года. Но меня смерть отца настолько потрясла, что, когда мать в 1980 году затронула тему моего замужества, я попросила ее подождать еще два года. И дело не только в уважении к памяти отца, а в том, что меня переполняла личная скорбь.

Отец часто затрагивал тему нашего будущего брака в разговорах со мною и Санам, когда мы еще были малыми детьми. «Нет-нет, не хочу я вас замуж отдавать, — смеялся он. — Да ведь придется, никуда не денешься. Но если вы придете ко мне в гости из дома мужей ваших и я увижу хоть одну слезинку в ваших глазах, услышу, что голос у вас дрожит, — сразу поеду к вашим мужьям и отлуплю их толстой палкой, а вас заберу обратно домой». Конечно, он шутил, но сцены эти запомнились и тоже наполняли меня печалью. О замужестве думать не хотелось.

Когда прошли обещанные мною матери два года, я оказалась в тюрьме. Тоже неподходящее место для брачных мечтаний. Через три года меня выпустили, в Англии мать возобновила старые разговоры о браке, но я отговаривалась тем, что после одиночного заключения трудно схожусь с людьми, что надо мне сначала привыкнуть к нормальной жизни с окружающими вообще, а уж потом думать о столь близких контактах, как супружеские. И действительно, с трудом давались беседы даже с близкими людьми, малейший шум заставлял меня иной раз подпрыгнуть. «Надо сначала определиться с собой, — говорила я матери. — Надо войти в колею нормальной жизни».

Свободный воздух Англии и все исцеляющее время приводили меня в норму, а народ по-прежнему обсуждал моих потенциальных женихов. Родственники то и дело подсовывали «идеальные» кандидатуры, коллеги и подруги тоже не переставали советовать с разной степенью серьезности и доверительности. Незадолго до встречи семьи в Каннах в июле 1985 года мама и тетушка Манна завели разговор о предложении семьи землевладельцев Зардари, желавшей женить своего сына Асифа. Тетушка Манна, как я узнала позже, весьма ответственно

отнеслась к своей задаче, выспросив Зардари насчет образования, полученного их сыном (кадетский колледж Петаро и Лондонский центр экономики и политики), его занятий (недвижимость, сельское хозяйство, строительный бизнес), досуга (плавание, сквош и поло — собственная команда, «Четверка Зардари») и даже поинтересовавшись что он читает и читает ли вообще!

— Ну, до Беназир ему далеко, но читать он любит, — ответил на последний вопрос Хаким Али, бывший член Национальной ассамблеи, а ныне вице-президент Национальной партии Авами, состоящий в ДВД. Тетя Манна — давняя знакомая семьи Зардари, однако пожелала лично ознакомиться с потенциальным женихом. Доставленный к ней в гости, о ней приглянулся: ладный, стройный, спортивный. Удовлетворенная во всех отношениях, тетя Манна, не откладывая делав долгий ящик, тут же позвонила в Лондон матери. Но очередная трагедия сорвала матримониальные планы.

Убийство Шаха потрясло нас всех. Матери я заявила, что замужество откладывается на год, а то и на два. Я даже не поинтересовалась, как зовут моего предполагаемого жениха из клана Зардари.

Тетушка Манна, однако, не поступилась своим кандидатом. Когда я вернулась в Пакистан в 1986 году, она тут же принялась меня уговаривать, склонять к браку с сыном семьи Зардари, наследником вождя стотысячного племени. Несколько столетий прошло с той поры, как племя Зардари переселилось из иранского Белуджистана и осело в Синдхе, в округе Навабшах. Именно здесь Асиф Зардари и осуществлял общий контроль работы управляющих семейными фермами и угодьями.

— Очень, очень хорош. Милейший молодой человек. И по возрасту подходит, — ворковала тетя Манна. — Семья на земле, как и мы. И политикой занимаются. Ко мне промышленники да финансисты сватались из Лахора и Пешавара, но лучше наш, из Синдха. Он и обычаи наши знает, людей наших лучше поймет.

Я, однако, плохо вникала в щебетанье тетушки. Вновь обретенная свобода пьянила меня. В любое время можно покинуть дом, отправиться куда пожелаешь, можно работать, встречаться с друзьями, путешествовать...

— Дай мне немного прийти в себя, — просила я ее.

Но тетя Манна не унималась. Не предупредив меня, она договорилась с кузиной Фахри, и та пригласила Асифа в гости в ноябре 1986 года, через семь месяцев после моего возвращения в Пакистан. А Асифа, чтобы он произвел на меня наилучшее впечатление, она убедила облачиться в европейский костюм вместо экзотического наряда белуджей, предпочитаемого Асифом

даже на улицах Лондона. Дождавшись наиболее подходящего, по ее мнению, момента, она представила нас друг другу. Поскольку я не удосужилась узнать имя предполагаемого жениха раньше, то и не поняла, кого мне представляют. Первый наш разговор в качестве единственной зацепки в памяти оставил лишь спор, тут же вспыхнувший между нами, не помню даже, на какую тему. Тетушка Манна, однако, бдительно следила за соблюдением приличий и не дала нам общаться слишком долго, чтобы не возбудить излишних сплетен. Она послала кого-то за Асифом, и я облегченно вздохнула. Проведя весь день в ожесточенных дискуссиях с товарищами по партии, я не хотела и вечер тратить на пререкания.

В то же время меня одолевали сомнения, найдется ли вообще мужчина, который в качестве моего мужа сможет вытерпеть мой образ жизни. Дома мои политические встречи затягиваются допоздна. То и дело я отправляюсь в поездки по просторам страны. Какой муж примет как должное, что мое время не принадлежит мне, а следовательно, и ему? Существует ли вообще на свете мужчина, способный достаточно отрешиться от традиций, чтобы примириться с фактом, что жизнь моя и мое время в первую очередь принадлежат народу Пакистана, а не ему?

Учитывала я и чувства людей. Мне все время говорили, что моя молодость, годы заключения, трагическая судьба близких заставляют людей воспринимать меня как некую святую. Жертвы на алтарь демократии, принесенные нашей семьей, оставили меня без защиты отца, матери, братьев, и люди подсознательно считали себя моей семьей, отвечающей за меня, за мою безопасность. И эти человеческие чувства людей усиливали позиции партии. А если я выйду замуж, они подумают, что я в них больше не нуждаюсь.

Но, с другой стороны, спорила я сама с собой, незамужний статус одновременно и подрывает мои позиции как внутри страны, так и за границей. Мы живем в эгоистическом мужском мире, в котором неженатый мужчина почему-то вызывает к себе гораздо меньше внимания, чем незамужняя женщина. «Почему вы не замужем?» — то и дело спрашивали меня репортеры. Я едва удерживалась от вопроса, зададут ли они аналогичный вопрос одинокому мужчине. Журналисты не привыкли встречать в традиционном мусульманском обществе незамужних женщин, и необычные обстоятельства диктовали им необычный вопрос.

В этом вопросе скрывалась выпестованная всем этим управляемым мужчинами миром уверенность, что с незамужней женщиной непременно «что-то не так». И может ли она внушать

доверие в качестве лидера? Как она поведет себя в тех или иных обстоятельствах? Как она выдержит нагрузку? Вместо того чтобы вникать в мою деловитость, квалификацию, рассматривать политическую платформу партии, пускались в рассуждения, а не поведет ли себя эта дама непредсказуемо? Не сорвутся ли у нее нервы в критической обстановке? Не проявит ли она излишней агрессивности? Или, наоборот, робости? Все эти вопросы обостряются в мусульманском обществе, где брак рассматривается как реализация мужчины и женщины, цель их жизни, с естественным следствием — детьми.

Асиф Зардари. Асиф Зардари. Асиф Зардари. Прошло два года с момента предложения, но ни он, ни семья его от замысла своего не отказались. В прошлом, получив очередное предложение, я обычно тянула до тех пор, пока потенциальный партнер не терял интереса или не приходил к выводу, что наша сторона не заинтересована в его предложении. Но Зардари не отступились. В феврале 1987 года я прибыла в Лондон для участия в телевизионной дискуссии по Афганистану. Неожиданно одновременно со мной в Лондоне появилась мачеха Асифа и, как бы пользуясь случаем, нанесла визит своей старой школьной подруге — моей тетушке Бехджат. «Асиф такой добрый, такой вежливый, щедрый, — передавала мне тетя Бехджат слова своей бывшей соученицы. — Уговори Беназир с ним встретиться». Тетя Манна подключилась к натиску: «Он тебя уже видел, не понаслышке судит. Ты для него живая женщина, а не просто образ туманный. Он искренне хочет на тебе жениться».

Мать во всем соглашалась с тетушками. «Семью мы знаем, хорошая семья, — убеждала она меня. — Ему тридцать четыре, как раз твой возраст. Он из Синдха, знает наши обычаи, наши традиции. Не какой-нибудь городской перекати-поле, который упаковал чемоданы и поминай как звали. С земли он, с обязательствами перед семьей, перед общиной, с корнями. Так что он и твои обязательства способен понять и принять».

Уговоры матери меня, однако, не убедили. Напротив, я настроилась скептически. Мать обычно склонялась к кандидатурам с характерами спокойными, мелкими, иначе говоря, к бесхарактерным личностям, считая, что только они и могут стать преданными и заботливыми мужьями, в то время как всякие сорви-головы непременно свяжутся с другими женщинами и разрушат супружество. Я же понимала, что умру со скуки с бесхарактерным мужем.

Тетя Бехджат умоляла меня появиться у нее к чаю и встретиться с мачехой Асифа, но я отказалась. Такая встреча могла рассматриваться в качестве обнадеживающего жеста, а я,

хотя постепенно и смирялась с мыслью о необходимости выйти замуж, ужасно паниковала и всеми силами стремилась отодвинуть страшный момент.

—Дайте мне время до июня, — отнекивалась я. — Я пока не созрела.

—Расскажи, как это — выйти замуж за человека, которого совершенно не знаешь? — спросила я одну из подруг в Лахоре по возвращении в Пакистан.

— Выйдя замуж, видишь человека совсем другими глазами, — ответила мне она.

Я задала тот же вопрос другой знакомой.

— Даже не видя его, чувствуешь, что начинаешь любить его, потому что он твой муж, — ответила она. — Ты ведь знаешь присказку: сначала приходит брак, потом любовь.

Я разузнала кое-что сама. Кто-то сказал, что Асиф во время игры в поло упал с лошади, повредил ногу и теперь обречен хромать всю оставшуюся жизнь. Это оказалось неправдой, к тому же дефект физический меня не мог оттолкнуть, в отличие от дефекта духовного. Еще один близко знакомый с Асифом человек сообщил, что Асиф неумеренно щедр и всегда снабжает деньгами попавших в затруднение друзей. Это свойство характера лишь располагало меня к нему. Еще один мой общий с Асифом знакомый использовал традиционное определение сильной воли и преданности на языке урду: он друг друга и враг врага. И я сразу вспомнила своих братьев.

При всей падавшей на мои плечи нечеловеческой нагрузке я иногда чувствовала себя бесконечно одинокой. Клифтон, 70, — очень большой дом, выстроенный для размещения одновременно нескольких поколений семейства Бхутто. Аль-Муртаза тоже обширное строение. Но очень часто свет во всем доме горел лишь в одной моей комнате. Да я и не чувствовала себя здесь хозяйкой. Мир снова женится, вернется в Пакистан с новой женой. Стоит ли мне оставаться в доме с новой хозяйкой, новой женой брата? Мне нужен собственный дом.

Еще один фактор: пора обзаводиться собственной семьей. Сестра вышла замуж, у нее уже есть ребенок. И у братьев родились дети. Мы были членами тесной семьи, а теперь основали собственные семьи. Все, кроме меня. Почему я должна оставаться исключением? Думала я и о смерти. До смерти Шаха я воспринимала семью как большую, но теперь нас осталось трое, семья сжалась. Только один брат, баланс нарушен. Собственные дети... Все больше хотелось иметь собственных детей.

Я пообещала родственникам, что встречусь с Асифом в Англии в июне, но поездку пришлось отложить из-за встречи с

группой парламентской оппозиции в Исламабаде. Вернувшись в Карачи, я нашла дома записку от мачехи Асифа. Она просила ее принять. В панике я бросилась к телефону.

—Фахри, Фахри, что мне делать?

—Пригласи, конечно. Если хочешь, и я приеду. Сможешь сама спросить у нее обо всем, развеять свои сомнения.

—Мы будем польщены, если вы подумаете о нашем Асифе, — сказала мне безупречно одетая выпускница Кембриджа, сидящая напротив меня в гостиной на Клифтон, 70. — Замужество откроет перед вами новые горизонты.

Я воздержалась от изложения своих соображений по поводу того, что замужество не лучший способ открыть перед женщиной новые горизонты, и вместо этого раскрыла без утайки все причины, по которым жизнь со мною для любого нормального мужчины покажется кошмаром.

—Жизнь моя неразрывно связана с политикой, — поведала я ей. — И я не могу позволить себе роскоши сидеть пять лет и спокойно дожидаться следующих выборов. Политика занимает львиную долю моего времени и внимания. Как мужчина воспримет то, что жизнь его жены не сосредоточена на нем?

—Дорогая моя, на Асифа можно положиться. Он понимает, что к чему.

—Я часто разъезжаю по стране и за границей, не всегда могу взять с собой мужа, — продолжила я натиск.

—Но у Асифа и своей работы хватает, он и не сможет вас сопровождать.

—Говорят, Асиф любит общество, вечеринки, приемы. Мне же в те немногие минуты, которые урываю для отдыха, больше по душе дом и узкий замкнутый круг подруг и родственников.

—О, это не представит проблемы. Когда мужчина женится, он чаще всего предпочитает оставаться дома, в обществе жены и детей.

Чувствуя себя увереннее, я вздохнула и коснулась наиболее трудной, как мне казалось, темы.

—Вопреки традициям я не смогу жить с родителями мужа. У меня дни напролет и допоздна в доме коллеги, партийное руководство, партийные активисты, чиновники. Мне просто придется жить отдельно.

—Разумеется, — улыбнулась она, вопреки моим опасениям.— Мать и сестры Асифа тоже не хотели бы, чтобы их покой нарушали бесчисленные гости.

«Необычный мужчина!» — подумала я, перекраивая свой график так, чтобы встретить Асифа в Лондоне, вдали от фургонов разведки и бдительных глаз ищеек Зии и его «гражданского»

режима.

Благодарение Богу за напряженный график политических встреч, свалившихся на меня 22 июля 1987 года. До самого вечера меня не мучило беспокойство, не сосало под ложечкой от робости перед встречей, избежать которой уже невозможно.

Тетушка Манна нервно сжала в руке чашечку с кофе, когда в лондонской квартире моего кузена Тарика раздался звонок. Прибыли Асиф и его мачеха. Я глубже вжалась в подушки кресла, стараясь выглядеть уверенной, но сердце колотилось все чаще с каждым шагом приближающегося Асифа. Очевидно, сам он ощущал нечто похожее, несмотря на свой солидный и уверенный вид. Разговор велся о чем угодно, только не о сватовстве, о котором никто не напомнил ни словом, ни взглядом, ни жестом. Мы с Асифом друг с другом не обменялись ни словечком. Он пришел в дымчатых очках, так что я и глаз-то его не разглядела. В тот вечер я его совершенно не ощутила, не почувствовала учащенного сердцебиения и при виде дюжины роз, которые он мне прислал на следующий день, но манго от «Фортнам-энд-Мэйсон» и засахаренные каштаны, мое любимое лакомство, оказались великолепными, как и упаковка вишни, адресованная Санни.

— Пинки, Пинки, решайся, — торопили меня мать, тетушка Бехджат и тетушка Манна на следующее утро... И еще на следующее... И еще...

— Не знаю пока, — нерешительно тянула я.

Меня мучили противоречивые чувства. Конечно, западным моим друзьям трудно постичь обстоятельства культурного и политического характера, толкавшие меня на традиционный брак. Ведь даже феминизм на Востоке и Западе понимают по-разному. На Востоке религиозные и семейные соображения всегда берут верх над личными. И еще одно обстоятельство личного плана... В моем положении лидера главной оппозиционной партии страны я не смогу позволить себе такого скандала, как разрыв после помолвки или, тем более, развод, разве что в крайних обстоятельствах. Я должна была принять решение, обязывающее меня на весь остаток жизни. Решение жить или не жить с человеком, которого я лишь три дня назад впервые встретила в присутствии представителей наших семейств.

Я познакомила его с моими оксфордскими знакомыми. Он их всех очаровал. Познакомила со школьной подругой из Пакистана. «Выходи за него», — без колебаний посоветовала она. Асиф пригласил мою семью к обеду, я сидела рядом с ним, для гарантии безопасности усадив с другой стороны не закрывавшую ни на минуту рта племянницу.

На следующий день мой кузен Тарик и Асиф встретились, поговорили «по-мужски».

—Если женишься на Беназир, все время будешь на виду, ни малейшая деталь ни от кого не скроется. Даже чуть с друзьями задержишься — сразу толки, — пугал Тарик. Но Асиф покорил и Тарика.

—Он прекрасно все понимает, — убеждал меня Тарик. — Он уже давно хочет на тебе жениться. И давно обдумал все последствия.

—Пинки, Пинки, ну как? — напирала Ясмин. Мама и Санни каждое утро спешили к моей постели и тормошили меня.

—Пинки, в чем дело? О чем ты думаешь?

—Пока не знаю.

Судьба вмешалась в образе пчелы. На четвертый день после визита Зардари меня ужалила пчела. К обеду пораженная ладонь распухла, на следующее утро опухоль не спала, а разрослась еще больше.

— Немедленно в больницу, — решил Асиф, прибывший к нам на квартиру. Не слушая моих протестов, он вызвал машину, позаботился о враче и о прописанных им лекарствах. «В кои-то веки я не сама несу ответственность, — подумала я. — Обо мне заботятся». Очень непривычно, но чрезвычайно приятно.

И снова судьба вмешалась на следующий день, когда мы искали спрятавшийся от нас пакистанский ресторан. В машину вместе с Асифом набились мы с матерью и Санам и еще пара пакистанских знакомых. Мы заблудились. Но Асиф вовсе не раздражался, не проявлял нетерпения. Напротив, он проявил редкое чувство юмора, шутил и поддерживал настроение. Это я тоже отметила с удовольствием.

— Пинки, решишься ты, наконец? — спросила меня мать на следующее утро.

Я глубоко вздохнула и решилась:

— Хорошо, мама.

Через семь дней после первой встречи с Асифом мы обручились.

«Сознавая свои религиозные обязательства и долг перед семьей, я рада сообщить, что приняла брачное предложение, одобренное моей матерью, бегумой Нусрат Бхутто, — говорилось в моем оглашении в прессе. — Предстоящий брак никоим образом не повлияет на мою политическую активность... Народ Пакистана заслуживает лучшей судьбы, обеспеченного будущего, и я останусь с народом в борьбе за это будущее».

В Пакистане реагировали по-разному. Вопреки моему заявлению прихвостни режима, не теряя времени, принялись

сеять слухи, что я оставляю политику. Организованные банды останавливали на шоссе автобусы и срывали с них мои плакаты, ссылаясь на то, что они потеряли всякий смысл в связи с моим замужеством.

— Чего вы трясете своими тряпками? — насмехались они над партийными активистами. — Беназир больше нет, она вас бросила.

Страхи наших сторонников возросли, когда газеты режима опубликовали фальшивое интервью, данное якобы матерью Асифа. «Я приглашу на свадьбу генерала Зию» — такие слова приписали ей эти шакалы пера.

Но многие просто радовались за меня; радовались, что я заживу более нормальной жизнью. В городах в три дня раскупили все кондитерские изделия. «Десять лет печалились, наконец порадуемся», — говорили люди. Радостная встреча ожидала Асифа на его землях в Навабшахе, где пятнадцать тысяч соплеменников вышли встречать его с песнями, танцами, с флагами ПНП.

По возвращении в Пакистан я сразу пустилась в поездку по стране, разъясняя людям, что я их сестра и всегда останусь их сестрой, что мое замужество не скажется на политической активности. Асиф звонил мне каждый вечер, и я лучше узнала его во время этих телефонных разговоров. У нас оказалось больше общего, чем я полагала. Его семья тоже пострадала от военного положения. Отцу его Хакиму Али военный суд запретил в течение семи лет заниматься политикой, 1800 акров семейных угодий засохли, когда режим отключил водоснабжение. После помолвки национализированные банки заморозили кредитование строительных проектов Хакима Али.

—Ваш единственный сын хочет жениться на Беназир. На вас ополчится вся армия и вся бюрократия.

—Мне все равно, — ответил Хаким Али. — Для меня счастье сына дороже.

Я с самого начала знала, что Асиф не интересуется политикой. «Одного политика в семье достаточно», — заявил он репортерам в Лондоне. Но, как и все феодалы с вековыми корнями, он не мог избежать вмешательства в местные дела, и на выборах 1985 года подал свои документы. Затем он по призыву ДВД принял участие в бойкоте выборов. И почувствовал на себе, что означает произвол военных.

Его арестовали дома среди ночи якобы за ношение неразрешенного оружия. К счастью для Асифа, история оказалась настолько нелепой, что даже военный суд выпустил его. «Я только две ночи провел в тюрьме. Но мне хватило. Представляю, что

перенесла Беназир!» — передали мне потом слова Асифа.

Он подарил мне перстень с сердечком из бриллиантов и сапфиров, каждый день посылал розы. Мы подолгу беседовали, всегда находя общие темы для разговора. Он убеждал меня, что я для него вовсе не представляюсь такой незнакомой, как может показаться. Когда мы были еще подростками, он видел меня в кинотеатре, которым владел его отец. И через два десятка лет идея брака пришла в голову ему самому, а не родителям. «Если считаешь, что пора мне жениться, сосватай мне Беназир», — сказал он отцу пять лет назад, и с тех пор терпеливо ждал. «Вы любите ее?» — спросил его в лоб один из журналистов. «А кто ее не любит?» — с улыбкой ответил Асиф.

Конечно, наше тогдашнее чувство нельзя всерьез назвать любовью, но мать уверяла, что настоящая любовь обязательно придет. Однако у нас обоих сложилась уверенность, что мы принимаем друг друга в качестве супругов полностью и на всю жизнь. И я понимала, что эта связь прочнее, чем узы любви. Хотя я не хотела и не хочу, чтобы меня рассматривали как сторонницу традиционных «договорных» браков, я понимала и то, что взаимное приятие несет в себе нечто рациональное, необходимое для супружеского союза. Мы вступали в брак без всяких предвзятых мнений, без повышенных ожиданий чего-то чудесного друг от друга, лишь согласно доброй воле и взаимному уважению. В браке по любви, как я понимала и понимаю, от партнера ожидают чего-то нереального, и это может привести к разочарованию. К тому же любовь может умереть, а наша любовь могла лишь расти.

В декабре 1987 года за неделю до свадьбы перед домом на Клифтон, 70, начал собираться народ, у ворот складывали подарки: простые рукодельные *шальвар хамиз* из Синдха, пенджабские расшитые *дупатты,* сласти, фрукты, свадебных кукол, напоминавших меня и Асифа. Время от времени мои родственники выходили и присоединялись к плясавшим перед воротами людям. Женщины и дети входили в сад, садились под деревьями.

Согласно традиции невеста проводит время перед свадьбой в уединении, показываясь на люди лишь за одну-две недели до свадьбы. Все это время она одевается в желтое, не применяет косметики, чтобы не привлечь «дурного глаза». Но у меня нет возможности соблюдать этот старинный обычай, который носит название *майюн.* Я не могу позволить себе оторвать от дела две недели. Даже в свадебное путешествие не уехать, не отпраздновать медовый месяц.

Мы нарушили множество традиций, пытаясь создать

прецедент, показать пример для подражания. Свадьба замышлялась простая, достойная, но скромная, не море разливанное на целую неделю. Многие семьи в Пакистане, чтобы поддержать честь семьи, тратят сбережения всей жизни, влезают в долги, с которыми затем не могут расплатиться долгие годы. Вместо традиционного набора от 21 до 51 изысканных нарядов, преподносимых невесте женихом, я потребовала ограничиться двумя, одним для свадьбы, другим для приема в семье Зардари через два дня после свадьбы. Вместо сплошного золотого шитья, я поставила условие ограничить золотой декор лишь верхом либо низом платья.

Еще одна традиция — изобилие ювелирных украшений, семь ожерелий, от тугих, плотно охватывающих шею, до свисающих ниже пояса. Я попросила Асифа ограничиться двумя, одним для свадьбы и одним для приема в доме его родителей. Моя жизнь не требует украшений. Сколько бриллиантовых ожерелий наденешь в партийный офис? «У тебя вся жизнь впереди, чтобы покупать мне ожерелья», — утешила я Асифа, стремившегося осыпать меня дождем драгоценностей. Конечно же, не обошла я вниманием и традиционные наручные браслеты. Обычно руки невесты от запястий и по локоть усажены золотыми браслетами. Я же решила надеть лишь несколько золотых, а остальные стеклянные. Я хотела, чтобы люди могли сказать: «Если Беназир может носить стекляшки в день свадьбы, то и моя дочь может ими обойтись». И имя я удержала свое семейное. Тридцать четыре года я была Беназир Бхутто и хотела подчеркнуть, что суть моя не изменится.

Вот лоб возлюбленного моего, сияют волосы его. Вот лоб возлюбленного моего, сияют волосы его. Хну несите, хну несите, руки украсим ему.

Три дня перед церемонией нанесения хны 17 декабря Санам, наши кузины и подруги на Клифтон, 71, во флигеле, используемом для приемов и церемоний, репетируют песни и танцы для дружеского соревнования с семьей жениха в рамках *менди.* Здесь Самийя, Сальма, Путчи, Амина, прилетела из Лондона Ясмин. Еще и еще прибывают друзья из-за границы. Конни Сейферт, много сделавшая для того, чтобы заставить Зию выпустить мать из страны для лечения; Дэвид Соскинд, Кит Грегори и другие оксфордские товарищи; Виктория Скофилд, визу которой пакистанские власти не выдавали до последнего момента; Энн Фэдиман; моя соседка Иоланда Коджицки из Америки. Энн прибыла «с серьезными намерениями», она даст материал о моей свадьбе в «Лайф».

— Ты приезжала подышать дымом горящих машин и слезоточивым газом в восемьдесят шестом, — смеюсь я вместе с

Энн. — Зато теперь сможешь повеселиться и потанцевать.

Чудесно, что собираются вместе люди, связи между которыми не просто не прервались, несмотря на тиранию и репрессии военного положения, но и окрепли. Прибыли юристы моего отца, прибыли бывшие политические заключенные. Вот приветствуют доктора Ниязи. Несмотря на то что с дантиста моего отца не сняты облыжные обвинения, выдвинутые военным режимом, он вернулся после шестилетнего изгнания, чтобы присутствовать на моей свадьбе. В Карачи он в безопасности, но кто знает, что ждет его в Исламабаде, куда он вернется для возобновления своей врачебной практики! То и дело мимо проходит мать, во все вникая, все проверяя, как и положено матери невесты. С 1982 года не была она в Пакистане, не удивительно, что ей по ночам плохо спится.

Семья и друзья собираются в доме на Клифтон, 70, а тысячи людей тем временем направляются в Лиари, к центру Карачи. Свадьба будет праздноваться в двух местах: здесь, дома, в присутствии семьи и друзей, и в беднейшем районе Карачи, оплоте ПНП. Мы разослали 15 тысяч приглашений нашим сторонникам, в годы военного положения упрятанным Зиею в тюрьмы, и членам семей погибших мучеников. Для них запланирован народный прием *авами.* Для приема оборудуется Какри-Граунд, большой стадион в Лиари, где мой отец выступил первым из политических деятелей, обращаясь к обездоленным и обсуждая с ними их нужды, где во время демонстрации 14 августа 1986 года полиция убила шесть человек, а многих других избила и отравила слезоточивым газом. Часть стадиона Какри-Граунд отвели также для общего доступа.

Вечером перед церемонией нанесения хны », закутавшись в *бурка,* отправилась в Лиари проверить приготовления. Представители морского профсоюза с помощью других союзов завершали последние штрихи в сооружении сцены размером сорок на пятьдесят футов из дерева и восьмидесяти тонн стальных конструкций. Установили и проверили аварийные генераторы на случай, если прислужники режима решат отключить электроэнергию. По окружности стадиона смонтировали большие экраны для демонстрации происходящего. Стадион украшен розами, жасмином, ноготками, сцена устлана коврами. Там разместятся наши семьи. Для жениха и невесты установлены два кресла. По фасадам пятиэтажных домов, окружающих стадион, развешены длинные гирлянды разноцветных лампочек, прожекторы освещают громадный портрет: отец мой благословляющим жестом возлагает руку на мою голову. В Какри-Граунд мы ожидали сто тысяч человек. По

меньшей мере десять тысяч уже здесь, некоторые добирались пешком или на велосипедах из Внутреннего Синдха. Как мои братья и сестры, они не нуждаются в приглашении. Они прибыли на семейную свадьбу.

Зазвучали барабаны, посыпался дробный перестук деревянных палок. Поют женщины, моя родня громко приветствует прибывшую для церемонии *менди* процессию жениха. Свита жениха несет вместилище хны, вырезанное из дерева в виде павлина. Хвост резного павлина из настоящих павлиньих перьев. Моя свита возлагает на плечи прибывших гирлянды роз. Асиф шагает в центре, сестры его несут над ним платок. Я облегченно вздыхаю: он прибыл пешком, хотя в шутку грозился прискакать верхом на пони.

Мы сидим рядышком на скамье с зеркальной спинкой, инкрустированной перламутром, скамья венчает лестницу на Клифтон, 71. Я поглядываю сквозь вуаль на свою родню и подруг, на друзей, на семью и свиту Асифа. Они расположились друг против друга по обе стороны закрытых ковром ступеней. Начинается пение. Сомневаюсь, что кто-то в Пакистане слышал ранее такую текстовку предсвадебного песенного диалога. Асиф должен следить за детьми, пока я занимаюсь политикой, и не должен возражать против моего пребывания в тюрьме, дружным хором требуют Ясмин, Санам, Лале и другие участницы хора, заливаются соловьями на урду, требуя, чтобы Асиф не мешал Беназир служить родной стране. И тут же сами воодушевленно отвечают за Асифа:

— Это все приятно мне,

Буду я служить жене,

Пусть жена служит стране...

Гости, две сотни наших ближайших друзей и родных, хлопают в ладоши, беседуют под цветастым навесом, наконец, направляются к столам. На лице матери слезы. То ли это признак умиления, то ли она возмущена количеством репортеров, умудрившихся пролезть в сад, несмотря на усиленную охрану, и берущих жениха и невесту под прицел фотообъективов. Менди — церемония сугубо семейная, но извещение в газетах о двухдневной «свадьбе века» субконтинента не могло не привлечь прессу арабских стран, Германии, Франции, Индии, Соединенных Штатов, Британии, международных информационных агентств и, разумеется, местные средства массовой информации.

Хотела бы я, чтобы брат Мир тоже был на моей свадьбе, особенно следующим вечером, на церемонии *ника,* в кульминационный момент свадьбы. Он не смог присутствовать и на свадьбе Санам. И мы не смогли участвовать в его свадьбе в

Афганистане. Брат грозился проникнуть в страну тайком, но мать строго-настрого запретила ему это. Слишком велик риск.

—Спокойно, не беги, не на партсобрание, не опоздаешь, — шипит сквозь мою розовую вуаль прямо мне в ухо Санни, придерживая меня. Она и мама сопровождают меня к помосту в саду.

—Невесте надлежит выступать степенно, — поддакивает сзади несущая над моей головой Священный Коран тетушка Бехджат, стараясь не отстать.

Я сдерживаю свой порыв, ступаю размеренно, потупив взор, занимаю свое место на помосте. Подходит улыбающийся Шад, мой кузен.

—Где мужчины? — спрашиваю я его, от волнения позабыв все о ритуалах, о том, что *маульви* из нашей семейной мечети сейчас читает над женихом брачные молитвы и обеты.

—*Манзур аххай?* — Принимаешь? — спрашивает Шад на синдхи.

Я полагаю, что он интересуется, готова ли я, можно ли приглашать жениха со свитой.

— *Аххай,* — киваю я. Конечно же готова. — Куда они подевались?

Но Шад, шире расплывшись в улыбке, еще дважды задает тот же вопрос.

— *Аххай, аххай,* — отвечаю я дважды, и до меня постепенно доходит, что, не осознав торжественности момента, я стала замужней женщиной, трижды сказав традиционное «да» свидетелю-мужчине.

Вокруг меня семь вещей, названия которых начинаются на «с», а также сласти на блюдах, орехи в серебристой и золотистой фольге, серебристые свечи в серебряных подсвечниках. Сад подсвечен тысячами белых огоньков, серебристая мишура, окаймляющая помост, отбрасывает световые блики. Мои родственницы держат над моей головой прозрачный зеленый с золотом платок, под сенью которого ко мне присоединяется Асиф. Мы вместе глядимся в подставленное нам зеркало, впервые видя друг друга в качестве супругов. Звучат здравицы в честь новобрачных; мать и тетки мелют над нашими головами сахар, чтобы совместная жизнь оказалась сладкой, нас мягко сталкивают лбами, чтобы подчеркнуть наш союз.

Шумной выдалась эта ночь в Карачи. Перед домом на Клифтон, 70, несметная толпа, каждый хочет хоть краешком глаза глянуть на новобрачных, направляющихся к находящемуся в квартале ходьбы Клифтонскому парку на частный прием. Добровольцы ПНП, прилагая неимоверные усилия, пробивают

узкую тропу для гостей, которым предстоит преодолеть путь в несколько сотен ярдов. Когда мы часом позже отправились на прием *авами* в Лиари, народу на улицах не убавилось. Из аудиосистем автомобилей разносились свадебные песни, написанные к нашему бракосочетанию и вынырнувшие практически одновременно по всему Пакистану. Повсюду цвета ПНП, огни и флаги, свободно развевающиеся там, где год назад полиция топтала их ногами, избивая и убивая людей, отравляя их слезоточивым газом.

Толпа на Какри-Граунд выросла до двухсот тысяч человек, все на стадионе не уместились. Здесь Асиф впервые ощутил масштаб популярности ПНП, любовь к нашей партии со стороны народных масс. Он озабоченно следил, как телохранители прокладывали путь нашему джипу. На стадионе негде было яблоку упасть, полностью забила публика и балконы окружающих домов. Женщины — члены ПНП в течение четырех дней паковали сласти в коробки цветов партии для раздачи в Лиари. Сорок тысяч коробок разошлись в течение часа.

Джайе, Бхутто, *джайе,* Бхутто! Звучит народная музыка, люди танцуют, веселятся. В воздух взмывают воздушные шары и шарики, вспыхивают всеми цветами радуги фейерверки, взлетают ракеты. Я машу людям руками, они отвечают мне. Мое замужество не изменило их надежд и чаяний.

Разумеется, были среди толпы и агенты Зии. В их задачу входило обнаружить признаки уменьшения поддержки населения нашей партии, вызванного моим замужеством. Но надежды режима рухнули. «Теперь Зия будет тянуть с выборами до тех пор, пока Беназир не примется увеличивать семейство», — смеется Самийя, когда мы вернулись домой для позднего ужина. Все реагируют на шутку дружным смехом. Асиф хочет стать главой многочисленного семейства, но мы согласились подождать с детьми, пока притремся друг к другу, выработаем общий стиль совместной жизни. И политические приоритеты мои не претерпели изменений. «Сегодня, по случаю, столь торжественному для меня лично, я хочу подтвердить свою преданность интересам народа Пакистана, заверить каждого гражданина страны, что жизнь свою посвящаю борьбе за благо нашей родины, за ее свободу от диктатуры, — говорилось в моем обращении, выпущенном на утро после свадьбы. — Так же как и в прежние годы, я без колебаний принесу любые жертвы во имя этой великой цели. Так же, как и в прежние годы, я буду бороться плечом к плечу с моими братьями и сестрами, с народом Пакистана, за создание общества равных прав и возможностей, свободного от тирании, коррупции и насилия. Такова цель моей

жизни в прошлом, такова наша общая мечта, и такой останется эта цель во все время моей жизни».

15

НОВАЯ НАДЕЖДА

Двадцать девятого мая 1988 года генерал Зия внезапно распустил парламент, уволил своего «карманного» премьер-министра и пообещал новые выборы. Я проводила на Клифтон, 70, встречу с представителями партийной организации Ларканы, когда мне передали эту сногсшибательную новость. Я не верила ушам своим, подозревала, что сообщивший мне эту новость что-то напутал. «Вы не ошиблись? — переспросила я. — Генерал Зия не назначает выборов. Он их избегает». Но меня заверили, что Зия выступил в семь с четвертью вечера по радио и телевидению с именно таким заявлением. «Невероятно, — все еще не могла я опомниться. — Как будто вы страну перепутали»

Я почти тут же получила подтверждение этого совершенно неожиданного хода Зии. На Клифтон, 70, непрерывно звенел телефон, я принимала поздравления; у ворот зашумели репортеры. Некоторые восприняли новость с подозрением. Четырьмя днями раньше одна из газет Карачи сообщила, что я собираюсь стать матерью. «Я же говорила, что Зия назначит выборы, когда ты соберешься рожать», — торжествовала Самийя. Не знаю, повлияло ли на решения генерала мое состояние, но у нас с Асифом оно вызывало радостные надежды. А теперь еще и мелодраматическое выступление главы режима... 1988 год становился годом знаменательных событий.

Об этом ходе Зии никому не было известно заранее, не исключая и его премьер-министра. Джунеджо как раз вернулся из поездки по Дальнему Востоку и в шесть вечера проводил пресс-конференцию. Не прошло и часа, как секретарь премьера, внимавший президентскому заявлению, оповестил своего начальника о лишении должности. Называли четыре причины отставки правительства: неудачи правительства Джунеджо в его попытках ввести в стране исламское право, провал расследования причин взрыва гигантского арсенала Оджри, при котором ракеты и бомбы посыпались на головы гражданского населения, вопиющая коррумпированность государственного аппарата и полный крах системы правопорядка Пакистана.

Причин для сочувствия ручному премьеру диктатора у меня не было, но способ его устранения все же не мог мне импонировать. Джунеджо усердно служил Зие, проштамповал искореженную диктатором конституцию, снял с военных ответственность за совершенные ими беззакония, утвердил Зию в качестве президента и начальника штаба армии до 1990 года.

Впрочем, как я скоро выяснила, ему вообще никто не сочувствовал. «Не хочешь, чтоб покусали — не лезь к собакам», — гласил один из комментариев. В качестве политической эпитафии для бывшего премьера предлагали фразу: «Как он влетел в историю кувырком, так кувырком из нее и вылетел».

Заявление Зии вызвало всеобщий взрыв эмоций. Его собственная конституция призывала к выборам через 90 дней после роспуска правительства. Многим победа казалась неизбежной. «Никто и ничто теперь не в силах остановить ПНП», — то и дело слышала я от своих. Я призывала к благоразумию, к осторожности, но тщетно. Хотя публично я, выражая свою неуверенность сослагательным наклонением, проявляла должный оптимизм («Мы приветствовали бы эти выборы, если бы они проводились на основе равенства, справедливости, на партийной основе и в предусмотренный 90-дневный срок»), сомнения меня ни на миг не покидали.

Свободные и справедливые выборы означали бы возвращение ПНП и Бхутто. Зия уже публично заявил, что он «не вернет власть тем, у кого ее отобрал». Если он не смог ужиться с господином Джунеджо, которого сам выбрал и назначил, то как он сможет принять в качестве премьер-министра дочь человека, которого лично приказал казнить? «Зия не для того выгнал Джунеджо, чтобы позволить ПНП захватить парламент», — урезонивала я своих энтузиастов. К сожалению, — чего и следовало ожидать — действия Зии подтвердили мои худшие подозрения.

Пятнадцатого июня Зия объявил о введении шариата (исламского права) в качестве верховного закона страны. В своем телевизионном обращении Зия не определил значения сказанного им, и никто толком не знал, что сие должно означать. Значило ли это, что будут изъяты из обращения банковские билеты с портретами Мохаммеда Али Джунны, основателя Пакистана? Ведь иные толкования ислама не допускают никаких изображений человеческого лица. Значило ли это, что государственные облигации с присвоенными им процентными ставками будут объявлены ростовщическими? Ведь буквальное толкование ислама воспрещает ростовщичество, фактически объявляет незаконной всю деятельность банков и, следовательно, функционирование экономики. Ни на какую, даже самую общую конкретизацию, не было и намека в заявлении Зии. И почему он тянул до 1988 года с провозглашением шариата?

Многие полагали, что дата этого бегства диктатора в ислам выбрана с учетом моей скромной особы. Пресса урду обсасывала мысль, что Зия может использовать узколобое толкование ислама, чтобы отстранить от участия в выборах женщину, а то и

оспорить мое положение как главы победоносной партии. Но я сомневаюсь, чтобы это могло у него получиться. Ведь конституция 1973 года, одобренная религиозными партиями, признает право женщин на участие в выборах и на занятие поста главы правительства. Даже собственная конституция Зии в редакции 1985 года этого права не оспорила. Чего же он добивался?

Сомнения в том, что выборы окажутся честными, свободными, справедливыми, возрастали. ПНП не ослабляла усилий, хотя мы и не имели представления, допустят ли вообще к выборам политические партии, да и состоятся ли сами выборы. Несмотря на свое обещание назначить дату после установления исламского права, ни о какой дате он по-прежнему даже не заикался. Зия не отказался от своих старых фокусов. Но на этот раз у нас был свой порох в пороховницах.

В феврале мы обратились в Верховный суд с протестом против постановления Зии о регистрации избирателей от 1985 года. Согласно этому документу, все политические партии, желающие участвовать в выборах, подлежали регистрации с обязательным представлением своих банковских счетов и списков должностных лиц назначенным режимом уполномоченным по выборам. На основании представленной информации эти назначенцы могли запретить зарегистрированной партии участвовать в выборах на таком, к примеру, расплывчатом основании, как противоречие идеологии ислама — несмотря даже на то, что никто эту идеологию не определял. Уполномоченный режимом глава избирательной комиссии мог запросто упрятать за решетку партийных чиновников из списка на семь лет или отстранить от участия в выборах на четырнадцать лет.

Направленное конкретно против ПНП, это постановление не только нарушало право свободного объединения граждан, но и давало Зие возможность решать, какой партии разрешить дышать свободно, а какую удушить. К счастью для нас, бывший министр юстиции Пакистана, защищавший моего отца, господин Яхья Бахтияр, взялся оспорить это постановление перед Верховным судом. Дело слушали одиннадцать судей, беспрецедентное количество в истории Верховного суда. Их единодушное решение, вынесенное 20 июня 1988 года, означало моральную и судебную победу народа Пакистана: постановление Зии объявлялось недействительным, не имеющим юридической силы.

«Парламентарное правительство есть правительство партийное; партийность правительства есть выражение его представительности… — говорилось в разъяснении главного судьи Верховного суда. — Выборы реализуют законные средства

осуществления права на управление. Именно партийная система позволяет на основании результатов выборов в парламент сформировать правительство». В полном согласии с главным судьей другой член Верховного суда заметил: «Личность как таковая в выборной парламентской системе может вообще не учитываться. Индивидуум на политической арене, что лодка без руля и без ветрил. Лишь объединившись в группу, в партию, личности приобретают достаточно возможностей, чтобы оказывать влияние на ход событий. Лишь как члены политических партий, а не как индивиды, могут они добиться осуществления своих целей».

Верховный суд, отвергший генеральское постановление о регистрации, ясно заявил: никакой партии, зарегистрированной или нет, не должны чиниться препятствия на пути к выборам. Постановление Верховного суда читалось ясно и понималось однозначно. Каждый гражданин обладает неотъемлемым правом участвовать в выборах и избрать партию, за которую он желает голосовать. Выборы должны проходить на партийной основе. Иного варианта не предусматривала даже конституция, откорректированная самим Зией. Однако Зия, как всем было известно, не относился к тем, кто обращает внимание на законы.

Я продолжала поездки по стране. Из Ларканы в Джакобабад, оттуда в Навабшах, везде мне оказывали горячий прием, в ПНП вступали бывшие члены «Мусульманской лиги». Затем я вернулась в Карачи, где к нам присоединился ряд парламентариев от «Мусульманской лиги». Процесс присоединения перебежчиков начал напоминать бегство с тонущего корабля. Желающие выставить свои кандидатуры на выборах искали поддержки ПНП, рассчитывали на наш мощный электорат.

Резкий выпад Зии вызвал непредвиденные последствия. До нас доходили сообщения, что Зия, всегда похвалявшийся показным спокойствием, выдержкой, растерял свою пресловутую собранность. «Генерал Зия проявляет нестабильность, действует хаотично», — сообщил мне один из политических аналитиков. Другой политик, отставной офицер, сказал: «Зия всегда учитывал риски, но теперь он превратился в какого-то азартного игрока. В его решениях отсутствует логика».

Зией овладевала неуверенность, а поддержка ПНП росла. Несмотря на обжигающую жару и летние ливни, наша партия собирала на митинги многие тысячи сторонников. Пресса сравнивала толпы, собиравшиеся, чтобы меня послушать, с массой народа, встречавшей меня из ссылки в 1986 году. Генеральские нервы не выдержали. На одном из приемов мне

передали весточку от некой персоны из ближайшего окружения Зии. «Генерал Зия подавлен, деморализован. Он хватается за соломинку и не знает, что предпринять. Мой собеседник сказал, что он посоветовал Зие назначить выборы, принять их результаты и покинуть страну. Мой собеседник интересуется вашим мнением».

Эта попытка сближения со стороны Зии, за которой последовали другие, имела целью достижение компромисса. Последовали и детали предлагаемой диктатором сделки: выборы взамен личной безопасности для Зии и его семьи. Оговаривались и гаранты: некоторые зарубежные страны.

Я отказалась. И не только потому, что ни в чем не верила диктатору. Я не видела смысла в компромиссе.

— Зия хочет запятнать мое имя контактами с ним, — ответила я. — Кроме того, не понимаю причин его страхов. Если он проведет выборы, у народа не будет оснований для гнева. Зачем нужны зарубежные гаранты? Вот если он откажется от выборов, народ разгневается.

Зондаж со стороны Зии этим и завершился, и я продолжила поездку по стране.

Благодарение Господу, я чувствовала себя бодрой и энергичной. «Я бы не подумала, что вы беременны, — сказала мне женщина-врач, встреченная во время одной из поездок. — Собственно, мы так и не думали. Мы полагали, что это ваш предвыборный маневр с целью надавить на Зию». К моему удивлению, многие в стране разделяли этот скептицизм. «Меня заели вопросами, как ты умудряешься сохранять такой темп, если у тебя ожидается прибавление в семействе?» — пожаловалась мне как-то Фахри. Но не до отдыха было, слишком многое поставлено на карту. По конституции Зии выборы полагалось провести в конце августа.

Двадцатого июля я завтракала на Клифтон, 70, с послом Австралии, когда мне принесли листок с сообщением: Зия только что объявил дату выборов. Шестнадцатое ноября. Признав, что согласно конституции выборы должны состояться в 90-дневный срок со дня роспуска Национальной ассамблеи, Зия обосновал свое решение отложить выборы наступающим сезоном дождей, мусульманским месяцем траура *(мухаррам)* и месяцем паломничества *(хадж)*. Напряженность, неизбежная в *мухаррам,* сделает выборы невозможными, озабоченно констатировал Зия. И ни в коем случае нельзя лишать возможности участия в выборах 90 тысяч пакистанских паломников. А ливни уже вызвали наводнения в некоторых районах страны. Я восприняла эти генеральские доводы весьма скептически. Истинной причиной

задержки выборов, конечно же, явилось мое состояние. Зия не хотел видеть меня на выборах.

Но по крайней мере, Зия объявил дату, и мы вздохнули с некоторым облегчением, весьма, впрочем, умеренным, ибо диктатор уже нарушил конституцию, перенеся срок на ноябрь. Нет гарантии, что он не отыщет в ноябре какую-нибудь отговорку, чтобы вообще отменить выборы. Не знали мы, допустит ли Зия выборы на партийной основе. Множились признаки паники в лагере диктатора. Увольнение правительства Джунеджо и роспуск парламента нанесли чувствительный удар по «Мусульманской лиге». Зие предстояло теперь снисходить до заискивания перед уволенными министрами, которых он только что заклеймил как прожженных воров и полных бездарей. Эти господа, включая и самого Джунеджо, — единственные факторы, которые смогли бы прекратить разброд в «Мусульманской лиге», снова сплотить ее перед лицом грозного противника — Пакистанской народной партии.

В попытках залатать прорехи, склеить им самим разбитые горшки, Зия восстановил в должностях девятерых министров из разогнанного им кабинета. В числе семнадцати министров его временного правительства (плюс один государственный министр вне кабинета) оказалось семеро членов разогнанного сената и десять бывших членов Национальной ассамблеи. Зия даже публично принес извинения униженным и оскорбленным им бывшим законодателям за обвинения в продажности и злоупотреблениях. Это извинение по умолчанию распространялось и на изгнанного с позором Джунеджо. Через неполных два месяца Зия осознал, что не может обойтись без этого человека.

Избирательный штат Зии тоже испытывал страх и неуверенность перед лицом неослабевающей угрозы со стороны нашей партии. Когда я послала представителя в избирательную комиссию в Ларкану за списком избирателей, ему велели зайти на следующий день. На следующий день он услышал в точности то же. Тот же ответ и на позаследующий. На вопрос, чем вызвана задержка, ему ответили, что послали телеграмму в Исламабад, чтобы получить разрешение, но до сих пор не получили оттуда ответа.

Двадцать первого июля страх Зии перед ПНП проявился со всей очевидностью. Заявив, что выборы по партийным спискам противоречат духу ислама, ибо решения партий и их курс часто не совпадает с чаяниями индивида и противоречат его совести; сославшись на то, что большинство населения якобы придерживается его, Зии, точки зрения, диктатор объявил выборы

внепартийными и запретил использование партийных символов. Таким образом, громадное большинство населения лишалось ориентиров на выборах, вводилось в заблуждение. Кроме того, эта система выделяла влиятельных особ и уменьшала шансы тех преданных нам сторонников, сила которых основывалась лишь на принадлежности к партии.

Зия в очередной раз презрел конституцию, пренебрег решением Верховного суда страны. Причины раскрывались в одной из газет от 31 июля. Незадолго перед принятием последнего своего антидемократического решения Зия созвал в Исламабаде совещание высшего руководства всех четырех провинций. Тема: можно ли допустить выборы на партийной основе. Газета сообщала, что руководители Белуджистана, Синдха, Пенджаба и Северо-Западной Граничной провинции оказались едины во мнении, что с учетом разброда в «Мусульманской лиге» ПНП без труда победит на выборах. Газета цитировала руководителя Приграничья: «госпожа Бхутто выйдет в бесспорные лидеры и заберет подавляющее большинство мест». Через три дня Зия объявил о том, что выборы будут непартийными.

Мы снова обратились в суд с жалобой на противоречие решения Зии конституции. Но поможет ли нам победа в суде? Зия уже пренебрегал решениями Верховного суда. Как диктатор он обладает обширными полномочиями. Может объявить чрезвычайное положение, и все решения суда потеряют силу. Мы полагали, что он уже готовится к этому. Четвертого августа, в канун мусульманского месяцы траура, в Пешаваре застрелили шиитского лидера. Ходили упорные толки, что Зия сам устроил это убийство, чтобы вызвать беспорядки, которыми можно оправдать введение чрезвычайного положения.

Говорили также о новых законах, новых правилах проведения выборов, по которым избранного кандидата можно дисквалифицировать за использование поддержки партии. Этот закон должен был войти в силу в начале октября, чтобы у оппозиции не осталось времени для обжалования его в суде. С полной ясностью определилась цель диктатора: ни в коем случае не дать нам возможности победить. Для этого он был готов на подтасовки, на угрозы, на репрессии.

На пути к ноябрьским выборам Пакистан топтался на распутье между возрождением демократии и продолжением диктатуры. Народ страны жаждал самоопределения. Голос народа — Пакистанская народная партия. И Зия это знал. Даже через одиннадцать с половиной лет правления он не мог допустить проведения свободных выборов, сознавая, что ПНП одержит на

них убедительную победу.

Для победы в непартийных выборах мы нуждались в хорошо известных народу личностях. Я надеялась, что мать вернется в страну и выставит свою кандидатуру, даже сестру Санам хотела уговорить. Несмотря на все препоны, на все уловки врага, ПНП намеревалась бросить диктатору вызов мирными, демократическими средствами, придерживаясь действующих законов, как это и положено в цивилизованной стране. Утопив народ в крови, забив его дубинками, можно вызвать послушание, отказ от сопротивления, но завоевать душу невозможно. Зия знал, что никогда не добьется поддержки населения, и рассчитывал на террор.

Как не может цветок распуститься в пустыне, так и политические партии не могут действовать в условиях диктатуры. Если они выживают, несмотря на одиннадцать лет репрессий, то этим мы обязаны людям, принесшим себя в жертву за демократию, обязаны народу Пакистана, осознавшему, что его попранные права могут быть восстановлены и защищены лишь его партией. И наша партия всегда с народом, всегда оставалась и останется совестью страны, ее надеждой и руководящей силой.

16

НАРОД БЕРЕТ ВЕРХ

Бывают в жизни моменты столь поразительные, столь неожиданные, что их трудно осмыслить даже впоследствии. Я как раз закончила работу над первым изданием этой книги, в которой обрисовала жизнь партии при жестоком режиме военного положения, введенном генералом Зией уль-Хаком, когда наступил один из таких моментов.

Генерал Зия погиб в авиакатастрофе 17 августа 1988 года, возвращаясь с военной базы в Бахавалпуре на востоке Пакистана. В том же самолете летели и погибли вместе с ним еще тридцать человек, среди которых председатель объединенного комитета начальников штабов родов войск, заместитель начальника Генштаба, восемь генералов пакистанских вооруженных сил, посол Соединенных Штатов в Пакистане Арнольд Рейфел и сопровождавший американского посла бригадный генерал армии США.

Новости просачивались постепенно, по нарастающей.

— Журналист (она назвала имя) только что сообщил по телефону, что диспетчеры потеряли с экранов самолет со сверхважными персонами, — прошептала мне на ухо Фарида, мой секретарь. — Он на проводе.

Я в это время проводила вечернюю встречу с работниками аппарата партии.

—А точнее? — спросила я ее. Сверхважные — такое может относиться к главе государства.

—Самолет генерала Зии, — еле слышно выдохнула Фарида, как будто в испуге и сама себе не веря.

Мысль о гибели Зии ни на миг не возникла в моем сознании. Как будто не верилось, что он смертен. Вместо этого я подумала, что это какой-нибудь фокус для прикрытия его бегства из страны. Вспомнился зондаж с предложением сделки: выборы за иммунитет. Не верилось. Неужели окончилась эра Зии?

— Соедини меня с ним, — попросила я Фариду. Журналист взволнованно повторил уже сказанное, но добавить ничего существенного не мог.

—Самолет Зии исчез. Контакт с ним потерян. Радиосвязь отсутствует.

—Что значит «исчез»? — напирала я. — Куда исчез? В Иран, в Индию, в Афганистан? Добровольно исчез или угнали? Подробности известны?

Но бедняга при всем желании ничего, кроме своих столь же смутных догадок, добавить не смог.

— Самолет не вернулся в Исламабад. Взлетел три часа назад. И пропал.

Тут же позвонил бывший генерал, ныне наш человек в Приграничье.

—Что-то стряслось. Армия зашевелилась.

—Что значит «зашевелилась»? — не поняла я. — Из-за чего зашевелилась и каким образом? За нас или против нас?

Я подумала, что Зия, покидая страну, мог отдать какие-то последние приказы. Скажем, объявить чрезвычайное положение.

— Пока неясно. — Мой собеседник в Приграничье тоже, таким образом, не мог пока ничего добавить.

Еще звонок.

— Крушение самолета. Зия погиб и с ним куча генералов, все, кто находился на борту, погибли.

Но даже услышав это, я не смогла сразу вникнуть в новость. После стольких лет террора казалось невероятным, что вот, только что был Зия, и нет его больше. В моих планах действий такого исхода я не учитывала. Хотя, если подумать, вероятность внезапной смерти существует всегда и для любого живущего. Тем более, что Зия и насилие — понятия неразрывно связанные. Если начал он свой путь с насилия, то вполне резонный конец... — мелькали мысли в моей голове.

И все же не верится. Я вполне представляла себе, что Зия сбежит из страны. Логичный конец диктатуры. Маркоса вывезли с Филиппин. Шах покинул Иран. Дювалье удрал с Гаити. Не думала

я, что Зия составит исключение. Самолет, взлет… но не крушение, а посадка в дальнем зарубежье, под какими-нибудь чужими, хоть и похожими на наши, пальмами…

— Только что говорил с командующим армейским корпусом, — сообщает следующий звонящий. — Самолет рухнул почти сразу после взлета в Бахавалпуре. Выживших нет.

Я наконец поверила. Осознали новость и мои товарищи по партии, оказавшиеся в эти минуты со мной на Клифтон, 70. Они гнили заживо в тюрьмах, их пытали, избивали, страдали их семьи, родственники теряли работу, лишались источников дохода, хоронили своих мертвых, не видя их. Поручив секретарю оповестить наших представителей в суде, войти в контакт с партнерами по ДВД, я поднялась в свою спальню и позвонила сестре в Лондон. Санам не оказалось дома. Оставляя ей сообщение, я ощутила, что слова застревают в горле.

— Передайте ей, что генерал Зия… покойник.

Произнеся это, я ощутила, что с плеч свалилась громадная тяжесть. После одиннадцати лет репрессий — свобода. Нет его больше. Можно больше не ждать от него пакостей.

В Пакистане новости растекаются скорее, чем бурные потоки при наводнении. На узких улочках и рынках Карачи уже вспыхнуло безудержное веселье. В Лахоре опустели кондитерские прилавки. В Карачи бесплатно раздают листья бетеля. В течение получаса после того, как мы услышали новость о гибели диктатора, у ворот Клифтон, 70, уже выросла толпа. Люди поют, выкрикивают политические лозунги.

—Откуда вы узнали? — спрашиваю я.

—Пацаны-газетчики носятся по улицам и вопят: «Зия покойник! Зия покойник!» — охотно ответил мне один из собравшихся.

—Водители дудят, кричат из машин: «Зия покойник! Зия покойник!» — добавил другой.

Это всеобщее ликование вызвало у меня озабоченность. Не пристало нам вести себя так, как вел бы себя в подобных обстоятельствах Зия. Кроме того, мусульманам не подобает радоваться смерти. В том же самолете погибли и другие люди, и ради их семей не следует столь нечестиво проявлять радость. Я подумала о Нэнси, молодой жене посла Рейфела. Муж ее, с которым я встречалась и оценила его отзывчивость и демократические устремления, погиб в той же катастрофе. Мы разослали циркуляр лидерам ПНП на местах, призывая к сдержанности. Ни в коем случае нельзя было давать повода военным захватить власть и объявить военное положение.

Мы впервые услышали о гибели Зии в шесть вечера. Но официального подтверждения пришлось дожидаться долго. Ни по радио, ни по телевидению. Я всерьез опасалась возвращения военного положения. Министры-назначенцы Зии могли отменить выборы, запланированные на 16 ноября, могли отложить их. Они вполне могли склонить армию к вмешательству.

Напряжение возрастало. Пошли слухи, что всех лидеров оппозиции арестуют. Муж мой тут же ввел у нас «военное положение» и запретил мне покидать дом. Я все-таки его не послушалась. Наблюдала в городе фейерверки. Дома тоже без фейерверков не обошлось. Обиженный Асиф сложил с себя диктаторские полномочия и отменил «осадный режим».

Лишь после восьми вечера мы со вздохом облегчения узнали, что военное положение стране не угрожает. Радио Пакистана объявило, что бывший председатель сената Гулям Исхак Хан в соответствии с конституцией взял на себя обязанности президента страны. Когда он и сам появился на телеэкране и заверил, что выборы состоятся согласно утвержденному плану, мы снова облегченно вздохнули. Верный признак того, что армия решилась восстановить демократию. Исхак Хан, бюрократ до мозга костей и послушный исполнитель воли Зии, не решился бы на такие заявления, не прозондировав намерений армии.

Опасения очередного военного переворота, однако, возникли не без оснований. На первом после смерти Зии чрезвычайном заседании главных министров и главных военных, на последних оказывалось давление с целью введения военного правления. К чести военных, они отказались предоставить штыки армии в распоряжение министров, имевших в виду прежде всего свои

политические цели. «Если состоятся выборы, Беназир выиграет и перевешает всех генералов», — пугали министры. «Ее отец не трогал армию. С чего нам опасаться дочери?» — резонно возразили генералы.

Смерть Зии вызывала отклики из самых неожиданных мест. Нам звонили из таких оплотов армии, как Хариан и Вазирабад, сообщали, что люди издалека прибывают к домам членов ПНП, поздравляют с окончанием эпохи Зии. Я поняла, что, хотя Зия и был начальником Генерального штаба и рассматривал армию как свою вотчину, армия подчинялась ему лишь по уставу, а не по убеждению.

Зия всячески пугал военных приходом к власти нашей партии и сокрушительными его последствиями, но наш призыв к примирению не остался неуслышанным. «Армия ни правая, ни левая. Она не принадлежит генералу Зие. Она не принадлежит Беназир Бхутто. Армия принадлежит народу Пакистана», — неустанно повторяла я в своих публичных заявлениях.

Зия, однако, полагал, что армия принадлежит ему лично, и вел себя соответственно. Он не спрашивал своих подчиненных, хотят ли они вмешиваться в политику, подавлять народ, согласны ли они с тем, что он вытворяет. Пока Зия не погиб, я не сознавала, в каком напряжении он держал вооруженные силы. Втянув армию в политический процесс, Зия подорвал ее боеспособность и профессиональную гордость. Мне сообщали, что в армейских столовых Карачи отнюдь не царил траур по умершему главе режима. В то же время я помнила, как мне говорили после убийства отца, что солдаты в Кветте, Хариане и на других армейских базах в знак скорби по три дня не принимали пищи.

Семнадцатое августа подходило к концу, в воздухе носились толки о возможной причине катастрофы. Сначала на первое место по популярности вышла сплетня о ракете, запущенной с индийской территории. Военная база Бахавалпур находится лишь в восьмидесяти милях от индийской границы, а трения с Индией снова возросли за последние месяцы. Обвиняя Пакистан, среди прочего, в подготовке в Пенджабе радикальных сикхов-сепаратистов и засылке их в Индию, премьер-министр Индии Раджив Ганди заявил в речи 15 августа, что если Пакистан не будет вести себя «как следует», то следует его проучить.

Мне эта «ракетная» теория казалась маловероятной, так как пограничные системы наблюдения Пакистана весьма надежны. Однако в целом предположение о вмешательстве сил из-за границы нельзя было исключить. Кроме Индии Пакистану угрожал Советский Союз, раздраженный поддержкой,

оказываемой Пакистаном силам сопротивления Афганистана. В дипломатическом корпусе и среди иностранных журналистов имела хождение версия «длинной руки» Хада, разведслужбы поддерживаемого Москвой кабульского режима. Без Зии затрещал американо-пакистанский проект помощи. Прежний-то выполнили, но что дальше? Если теория вмешательства из-за границы верна, то можно было ожидать ее развития.

Страна в этот момент оказалась чрезвычайно ранимой. Ни парламента, ни президента, ни премьер-министра. Уничтожена вся верхушка вооруженных сил. Возник вакуум власти, создались условия для подрывных действий как снаружи, так и изнутри. Некоторые коллеги из ДВД всерьез подумывали, не воспользоваться ли ситуацией, пока последыши Зии не произвели перегруппировку. Но я отказалась. Вместо этого я через генерального секретаря ПНП генерала Тика Хана послала властям конфиденциальный меморандум, в котором обращала внимание на то, что ПНП, как партия патриотическая, ни в коем случае не примет участия в заговорах, направленных на нарушение стабильности страны.

«Ракетная» теория быстро сменилась теорией диверсионного акта. И тут все взгляды автоматически устремились на армию. Если самолет погиб в результате акта саботажа, то кто, кроме армейского персонала, смог бы совершить этот акт? Инцидент произошел с военным самолетом, взлетевшим с военного аэродрома, охраняемого военными. Никто, кроме военных, не знал, откуда полетит Зия. Эта теория получила наибольшее распространение в течение последующих дней. Даже в традиционно военных областях никто не сомневался, что Зию убрали «свои».

Я находила эти слухи чрезвычайно опасными, не желая, чтобы армия снова стала объектом политических споров — как раз когда она показала готовность уйти из политики. Впервые я обнаружила, что разговор с репортерами вызывает затруднения. От меня ждали восторгов по поводу гибели врага и согласия с теорией об армии в качестве причины его гибели. Как я могла такое сказать?

Теории о гибели Зии становились все более фантастичными. Кто-то с пеной у рта утверждал, что пилот патриотично пожертвовал жизнью, чтобы избавить страну от тирана, кто-то широким жестом засовывал взрывчатку в упаковки с манго, погруженные на борт в Бахавалпуре. Но коробки с манго проходили контроль охраны Зии, как и все грузы самолета, как и сам самолет. А пилот не мог быть уверен, что Зия полетит именно с ним. В распоряжении Зии всегда было два самолета.

Труднее было опровергнуть теорию о технической неисправности машины. Хотя С-130 — один из наиболее надежных и стабильных летательных аппаратов, свидетели сообщали, что самолет около двух минут вилял, пытаясь удержать равновесие, после чего завалился на нос и спикировал в землю. Это, конечно, наводило на подозрение о техническом дефекте. «Шанс один на миллион, но, похоже, он и выпал», — говорил друг Асифа, служивший в военно-воздушных силах. Но и этой теории подтверждений не найдено. Комиссии американских и пакистанских экспертов, исследовавшие обстоятельства крушения, так и не пришли к определенному заключению. Большинство пакистанцев, включая меня, решили, что смерть Зии произошла в результате Божественного вмешательства.

Мусульман с детства учат верить в гнев Господень, поражающий внезапно, без предупреждения. Многие в Пакистане увидели в смерти тирана именно такую кару свыше. Действительно, пример Господнего гнева весьма устрашающий.

Самолет полыхал в течение пяти часов. Зия так злоупотреблял именем ислама, что Бог не оставил ни следа от его тела. Последние мусульманские ритуалы: омовение, молитвы над повернутым головою к Мекке телом — оказались невозможными. Гроб, зарытый в мечети «Шах Фейсал», не содержал ничего из останков Зии.

На совещании центрального исполкома ПНП на следующий день после смерти Зии решено было принять слова президента Исхака Хана за чистую монету и надеяться, что дела не разойдутся со словами. Мы согласились поддерживать нынешнего президента, если он будет действовать в соответствии с конституцией и проведет первые за 11 лет выборы в стране.

Однако к нашему глубокому сожалению, Исхак Хан составил временное правительство из прихвостней Зии. Вместо нейтрального непредвзятого кабинета мы увидели тех же представителей коррумпированной системы Зии, для которых честные выборы означали бы потерю власти и всех привилегий. Мы призвали к их отстранению, что сделали и многие другие политические партии, однако наш призыв остался неуслышанным.

Первым действием нового правительства оказалось приглашение всех желающих на похороны Зии с оплатой дорожных издержек в обе стороны и с бесплатным размещением на месте. Мало кто из пакистанцев воспользовался этой возможностью, мало кто из глав государств появился на похоронах. Никто по Зие не горевал. На церемонии *чехлум* (сороковины) отмечено лишь около трех тысяч присутствующих.

В первые дни после смерти Зии можно было слышать толки — а особенно читать в иностранных газетах, — что моя решимость и народная поддержка ПНП ослабнет после смерти Зии. В течение многих лет люди трактовали мою политическую позицию как желание отомстить за убийство отца. Но они ошибались. Нельзя жить горечью. Горечь разъедает, она не может вести вперед. Моей движущей силой все эти годы оставалось стремление вернуть Пакистан на путь демократического развития при помощи свободных и справедливых выборов.

После смерти Зии мы жили предстоявшими выборами. Каждый день я встречалась с прессой, с аппаратом и активом собственной партии, с партнерами по ДВД. Мы определялись с кандидатами на 207 мест Национальной ассамблеи для всеобщих выборов 16 ноября и на 483 места провинциальных парламентов, выборы в которые назначались на 19 ноября. Приходилось готовить четыре списка. На случай выборов на партийной основе мы предлагали менее известных кандидатов, поддерживаемых партийной символикой, а на случай непартийных выборов — более узнаваемых, более известных.

Карачи наводнили толпы желающих попасть в кандидаты по списку ПНП. В городе не осталось свободных номеров в отелях. Почти 18 тысяч человек предложили свои кандидатуры на семь сотен центральных и провинциальных мест. Чтобы сломать политическую машину Зии. ПНП открыла двери для бывших членов «Мусульманской лиги». Возвращались и собственные беглые, покинувшие партию в 1985 году. Меня просили выставиться на три места — от Ларканы, Лахора и Карачи. Мать должна была вернуться в Пакистан, чтобы представлять меня, когда я буду оправляться от родов. Ее выставили на два места, одно от Ларканы и одно от Читрала в Приграничье.

В конце августа после особенно долгого заседания ДВД я почувствовала дурноту, акушеры провели ультразвуковое обследование плода. Мне казалось, что ребенок во мне почти не двигается. Я же слышала, что плод в утробе должен постоянно шевелиться. Когда я поделилась наблюдением с подругой, она успокоила: «Значит, сын. Мальчики ленивые, малоподвижные». Высказала свои опасения врачу, но тот тоже успокоил: «Ребенок двигается, просто вы очень заняты и не замечаете».

Обследование показало, что в матке слишком мало околоплодных вод, поэтому ребенок стеснен в движениях. Врач сказал, что это следствие малоподвижного образа жизни, долгих заседаний. Кровообращение замедленное, плоду не хватает питания. По настоянию врача я провела следующие четыре дня в постели, читая Асифу в алфавитном порядке детские имена на

урду. После этого врач велел мне лежать по часу каждое утро и каждый вечер, концентрируясь на движениях ребенка. В противном случае он пригрозил госпитализацией. Раз в четыре дня я должна была появляться в больнице для проверки состояния плода. «И приготовьтесь: в любой момент, возможно, придется прибегнуть к кесареву сечению». Видя обеспокоенность медиков, я тоже забеспокоилась, пригласила мать, и через две недели она прибыла в Карачи.

Состояние ребенка внесло дополнительное напряжение в мою и без того напряженную жизнь. Каждый четвертый день я в сопровождении Асифа направлялась в клинику, выбирая более спокойные вечерние часы. Я быстро привыкла к изменению привычного графика жизни. Медики не находили отклонений, и я тут же возвращалась домой. В течение трех недель я вела размеренную жизнь, проводя дни в партийной работе, вечером возвращаясь в наш новый дом.

Во время рутинного обследования 19 сентября врач сказал мне, что ждать мне еще три недели, поэтому я не ожидала ничего необычного в следующий вечерний визит в клинику. Но доктор Сетна сказал, что мне следует остаться на ночь, потому что с утра предстоит операция.

Я даже почувствовала некоторое облегчение оттого, что ожидание наконец завершилось. Однако внезапность решения врача затруднила мне задачу оповещения родственников. Моя подруга Путчи рванулась по пустынным улицам Карачи, сообщить матери, захватить мой детский набор и специальную молитву, подаренную Ясмин для благополучного разрешения от бремени. Путчи доставила в клинику также *Мириам панджа,* подарок друга Асифа. Это засушенный цветок, который опускают в воду, и, как верят многие мусульмане, впитывая влагу, он впитывает и боль, облегчает роды. Асиф всю ночь провел в больнице, беспокойно расхаживая по коридору, охраняя меня.

Утром появился доктор Сетна.

— Не будем тянуть, — сказал он. — Перед входом уже собралась толпа.

Как они узнали? Я выбрала для родов демократичную больницу в Лиари вместо дорогих элитных клиник Карачи. Здесь практиковал врач, который мне нравился, кроме того, Лиари много значит для меня лично, это место связано с нашими радостями и печалями, с последними выступлениями отца. Здесь режим травил меня слезоточивым газом, здесь мы с Асифом устроили свадебный прием. Бедняки Лиари много перенесли за годы господства Зии, меня с ними многое объединяет. Кроме того, я полагала, что мои роды в здешней больнице помогут

населению преодолеть страх перед медициной, уделять больше внимания своему здоровью. Но как они проведали? Неужели разведка все еще следит за каждым моим шагом и докладывает своему начальству о всех моих передвижениях... Меня уложили на каталку и укрыли с головой, чтобы кто-нибудь случайно не узнал в коридоре; повезли в операционную. В соседней комнате мать Асифа и еще несколько родственников читали из Корана суру Мириам, традиционное «обезболивающее средство».

Асиф очень хотел сына. Почти все, с кем я в последние месяцы разговаривала, предвещали мне сына. Скорее всего потому, что сын в Пакистане считается добрым знаком. У отца моего три внучки и ни одного внука. Мой ребенок — первый из его внуков, рожденный на земле Пакистана. Я, однако, разговоров о мальчике не поддерживала. «А чем плоха девочка?» — парировала я обычно. Но разговоры не прекращались.

За несколько месяцев в доме кузины Фахри после *Куран хани* я почувствовала на лице какие-то брызги.

—Что это? — спросила я, стирая влагу с лица.

—Поздравляем с сыном! — закричали женщины. — У тебя будет сын!

—С чего это вы взяли?

—Мы спрыснули тебя сзади солью. Ты стерла с губ, что означает усы. То есть мальчик. Если бы девочка, то ты бы лоб вытерла или глаза.

Вот такая диагностика.

Но 21 сентября всякое дальнейшее гадание стало излишним.

— У нас сын, — услышала я гордый, довольный голос мужа, очнувшись от наркоза. — И вылитый я. — Больше я ничего не разобрала, снова погрузившись в забытье.

В следующий раз пришла в себя от взрыва петарды или какой-то шутихи под окном. Там фейерверк, барабаны, пение, крики *«Джайе* Бхутто!» Народ празднует рождение наиболее политически «нагруженного» младенца Пакистана.

Мы умышленно держали в тайне предполагаемую дату рождения ребенка, чтобы не дать возможность Зие манипулировать датой выборов. Медицинский персонал сообщал, что агентура военных пыталась получить доступ к моим медицинским документам, но я с согласия врача держала их при себе. Ошибочные прикидки придворных мудрецов Зии выдали 17 ноября, и Зия назначил выборы на 16-е.

Мы обманывали Зию, а ребенок обманул нас всех. По нашим расчетам ему положено было появиться на свет в середине октября, но Господь благословил нас им на пять недель раньше. Таким образом, сын мой предоставил мне достаточно времени,

чтобы более или менее оправиться к началу предвыборной кампании, к середине октября.

Ребенок родился меньшего роста, чем я и мои братья, однако, благодарение Богу, крепким и здоровым. Сразу после его рождения Асиф прошептал ему в ухо *азан,* мусульманский призыв к молитве. Асиф не мог оторваться от сына, и я радовалась, что мой ребенок, как и я, узнает счастье отцовской любви.

На Клифтон, 70, посыпались поздравительные телеграммы, письма, открытки. Цветочные и кондитерские лавки города не успевали подвозить товар. Дом завалили тортами с глазурью цветов ПНП. Мы отправляли их, а также и цветы, политическим заключенным в тюрьму Карачи, персоналу и пациентам больниц и в дома наших мучеников. Асиф послал сласти в сиротский приют, находящийся возле его ипподрома. В газетах статьи, статейки и карикатуры: «Младенец одурачил президента!» Я откладываю их для сына, когда подрастет, ознакомится.

Все хотят получить фото нашего ребенка, включая и иностранных репортеров. Асиф, однако, колеблется, протестует, возмущается тем, что ничего в нашей жизни не остается личного. Но запросы множатся, Асиф соглашается, и мы выпускаем официальное фото. Когда я впервые после рождения ребенка летела в Ларкану, один из пассажиров подошел и заговорил о моем малыше. Он вынул бумажник и продемонстрировал мне этот наш семейный снимок.

Поскольку ребенок оказался «досрочным», с именем мы не успели определиться. Я получила множество писем с предложениями назвать сына в честь моего отца. Но в Пакистане право назвать ребенка в честь деда переходит по мужской линии, и я не хотела нарушать устоявшейся традиции.

Сначала я хотела выбрать имя погибшего брата, Шах Наваз. Но когда кто-то сказал мне: «В следующий раз увидимся, когда Шах Наваз уже родится», — у меня замерло сердце. Я вдруг увидела распростертого на полу мертвого брата и поняла, что не смогу жить, каждый раз вспоминая эту сцену, когда при мне назовут имя моего сына. Асиф предложил имя, его мать, моя мать. Все три хорошие, я не возражала. Предложила проконсультироваться со специалистом по религии, чтобы выбрать наиболее весомое и значимое. Нам ответили, никого не обидев, что все три имени хорошие, знаменательные и весят совершенно одинаково.

И вдруг мне в голову пришло имя Билавал, производное от Бил Авал, что означает «нет ему равных». В Синдхе жил когда-то святой Махдум Билавал, боровшийся против притеснителей. Одного из предков Асифа звали Билавал. Кроме того, значение

этого имени сопоставимо с моим, означающим «нет ей подобных, несравненная». Таким образом, имя несло в себе связь с отцом, с матерью, а также с культурой и историей страны. Все со мной согласились, и ребенка назвали Билавал.

Пролежав после операции пять дней, я вернулась к работе, хотя вверх и вниз по лестнице меня приходилось носить на стуле. Нас, однако, не оставляли сомнения, что выборы состоятся в срок. Да и что они вообще состоятся.

Неожиданные опустошительные наводнения поразили окраины Лахора 27 сентября, смывая людей, дома и скот. Всеобщее возмущение вызвали преступные действия назначенной еще Зией провинциальной администрации, без всякого оповещения взорвавшей плотину, защищавшую густонаселенную беднотой местность, чтобы уберечь от наводнения гораздо менее населенные богатые районы города.

Вода, однако, все равно продолжала подниматься, отрезав Лахор и другие местности Пенджаба почти на две недели, погубив 200 тысяч голов скота и урожай на полумиллионе акров в четырнадцати округах. ПНП Пенджаба обеспечила временными убежищами, пищей и водой тысячи пострадавших, потерявших все имущество. Перед лицом стихии и преступной халатности администрации можно было ожидать отсрочки выборов и введения военного положения, но армия снова отказалась выполнить заказ последышей Зии и настояла на проведении выборов согласно плану.

Еще один удар по выборам нанесли 29 сентября террористы. В Хайдарабаде тридцать бандитов с закрытыми физиономиями, вооруженных пистолетами-пулеметами и штурмовыми винтовками АК-47, одновременно открыли огонь по гражданскому населению в нескольких пунктах районов, населенных преимущественно *мухаджирами* (синдхами, патанами и пенджаби). Убивали всех без разбора, не интересуясь личностями убитых, бойня имела целью разжигание этнического конфликта. Через девять часов то же самое повторилось в Карачи. Здесь убийцы прочесали район, населенный синдхами, убивая всех встречных. Они остановили автобус и перестреляли всех пассажиров. Убитых оставили после себя 240, раненых 300. В Хайдарабаде и в Карачи был объявлен комендантский час, школы и торговые точки прекратили работу.

Мне стало нехорошо, когда я об этом узнала. Кто стоял за бандитами? Пакистан — традиционная жертва международных интриг, нельзя исключить провокацию извне с целью дестабилизировать страну. Однако и внутренних противоречий у нас чрезмерное множество. В частности, никак не могли мы

исключить — а многие в этом и не сомневались — наем *дакойтов* временным правительством с целью ввергнуть страну в хаос этнической резни и вынудить армию ввести военное положение. Но армия снова проявила завидную выдержку, лишь патрулируя оба пострадавших города с целью сохранения стабильности и предотвращения беспорядков.

Пятого октября Верховный суд признал справедливость моей конституционной петиции, оспаривающей директиву Зии о проведении выборов на беспартийной основе. Полный состав суда, двенадцать судей, в присутствии забившей зал публики принял решение, согласно которому все политические партии имели право на участие в выборах и политические символы на пунктах для голосования сопоставлялись именно с партиями, а не с индивидами. Временная администрация приняла это решение суда без возражений. Что еще могли они сделать без своего хозяина и перед лицом всей мировой общественности? По всей стране прокатились спонтанные демонстрации, люди радовались своей победе.

Однако чувство личной безопасности, охватившее меня после смерти Зии, вскоре угасло под воздействием возобновившихся с приближением выборов угроз. Перехватили письмо, написанное вроде бы одним из лидеров афганских моджахедов Гульбеддином Хекматьяром. В письме он давал указание своим людям устранить Беназир Бхутто. Известно было, что Хекматьяр поддерживает тесные контакты с пакистанской разведкой, так что по ее настоянию, разумеется, мог отдать приказ о моем убийстве. С другой стороны, фальшивое письмо могло быть подброшено противниками Хекматьяра, чтобы снять с себя ответственность за мое убийство и бросить тень на Хекматьяра.

Поступали сигналы и изнутри страны. Устранить меня собирались члены временной администрации Пенджаба в союзе со своими коллегами из Синдха. Я поняла, что с исчезновением Зии угроза не миновала. Поскольку в победе ПНП никто не сомневался, противники нашей партии не видели иного шанса на успех, кроме моего физического устранения.

Истекал срок подачи документов, активность партий и группировок становилась все более лихорадочной. Чуть ли не ежечасно возникали и распадались союзы, заключались соглашения «по интересам». Перегрызлись между собою и наши главные противники, лидеры «Мусульманской лиги» Зии. Тринадцатого августа, за четыре дня до крушения самолета Зии, центральный исполнительный совет «братьев-мусульман» собрался в Исламабаде для выборов руководящего состава. Выборы вылились в обмен претензиями и оскорблениями, в

воздух взметнулись стулья, жалобно зазвенели, разбиваясь, чашки изысканного китайского фарфора.

Через две недели «Мусульманская лига» распалась официально. Одну ветвь возглавили наиболее верные прихвостни Зии, бывший губернатор Приграничья и действующий главный министр провинции Пенджаб Наваз Шариф. Эти продолжили курс мертвого диктатора. Другая ветвь, под руководством бывшего премьер-министра Мохаммеда Хана Джунеджо, порвала с курсом Зии. Этот раскол в стане врага, разумеется, играл на руку Пакистанской народной партии.

К сожалению, распалась и коалиция между ПНП и ДВД. Во время обсуждения кандидатур для общих списков все более ясным становилось, что многие кандидаты ДВД слишком слабы, чтобы составить серьезную конкуренцию противнику. Кроме того, ДВД наотрез отказывалось гарантировать вход в правительственную коалицию с ПНП после победы на выборах, оставляя этот вопрос открытым. Нам пришлось выйти из альянса, однако мы пообещали ДВД не выставлять своих кандидатов в «домашних» округах лидеров ДВД. От них мы такого обещания не дождались.

Наличие такой мощной силы, как ПНП, заставляло наших противников маневрировать, искать какие-то решения. Ветвь «Мусульманской лиги», верная курсу Зии, образовала коалицию с семью другими религиозными и политическими партиями, названную «Ислами джамхури иттихад» (ИДжИ), под единым лозунгом, символом и знаменем. Буквально в последние часы перед пятнадцатым октября, последним днем подачи списков, к ИДжИ присоединился и Джунеджо со своей ветвью «Мусульманской лиги». Сложилась курьезная ситуация: партия власти собирала сторонников, созывала союз против оппозиционной ПНП. Обычно коалиции образовывает оппозиция, чтобы свалить правящую партию, а перед этими выборами сторонники правительства лихорадочно искали голоса, чтобы удержаться у власти.

Все их потуги оказались тщетными. Тогда власть применила еще один трюк. Действующий президент снова нарушил конституцию и в одностороннем порядке издал указ, меняющий избирательные законы и имеющий целью ограничить избирательные права населения — в подавляющем большинстве наших сторонников. Указ требовал, впервые за всю историю выборов в Пакистане, предъявления избирателем «национальной идентификационной карты», своеобразного удостоверения личности. На наши протесты администрация ответила отговоркой, что идентификационные карты выданы «ста трем

процентам» избирателей.

Если оставить в стороне неуместную абсурдность цифры 103 применительно к процентам, поражала вопиющая ложь администрации. Мы-то знали, что в сельских местностях, где проживало множество сторонников ПНП, лишь 5 процентов женщин и 30 процентов мужчин получили идентификационные карты. На местах не хватало бланков этих документов. Кроме того, как нам сообщил служащий, проводящий регистрацию, он физически не в состоянии выдать более трехсот этих карточек в день. Таким образом, за две недели до выборов каждый чиновник мог выдать не более 4000 карт. К тому же многие выданные карты-удостоверения оказывались бесполезными, ибо часто на выдаваемых сторонникам ПНП картах ретивые прислужники властей обозначали дату начала действия документов календарным днем *после* выборов.

Разумеется, это нововведение не имело ничего общего с честностью и справедливостью проведения выборов. Идентификационных карт не требовали во время референдума 1984 года, во время беспартийных выборов 1985 года и во время выборов в местные органы власти в 1987 году. Тогда обходились отметками в списках зарегистрированных избирателей. Разумеется, требование предъявления карт являлось умышленным ударом по позициям ПНП. Если при Зие политическая активность подавлялась запрещением партий, то теперь его наследники запрещали голосовать населению. Зия боролся с избираемыми, а эти набросились на избирателей.

Мы снова обратились в суд с протестом. А я отправилась в агитационный вояж. Отец обычно пользовался железной дорогой, и я отправилась в путь на Хайберском почтовом поезде. В качестве еще одной придирки избирательная комиссия запретила нам применять известный всем избирателям символ партии, меч, и мы избрали новое оружие, стрелу.

Администрация запретила предвыборную агитацию на радио и телевидении, и я использовала каждую остановку поезда для того, чтобы подбодрить наших сторонников. В пути завязывались контакты с местным руководством и активом ПНП. Люди подсаживались в поезд на остановке и после беседы со мной выходили на следующей. *«Залем о кед ил май тир,* Беназир, Беназир! — Стрелу в сердце тиранов, Беназир, Беназир!» — скандировала возбужденная толпа, усыпая поезд розами, передавая сопровождающим меня партийным работникам пищу и воду. Я после каждой остановки глотала горячий чай и лекарства: в начале поездки подхватила какую-то почечную инфекцию. Асиф, никогда ранее со мной не ездивший, решил ознакомиться с

моей работой поближе и сопровождал меня на начальном этапе поездки. Сопровождали и энтузиасты — жители населенных пунктов, которые мы проезжали. Они взбирались на крыши вагонов, и мы видели на зеленых полях Пенджаба тени пляшущих над нами людей, слышали их пение. Во время ночной стоянки в глухой сельской глубинке, на станции Мьян-Чану, я чуть не отстала от поезда. Машинист тронул состав чуть раньше, и, если бы люди не легли на рельсы перед локомотивом, я могла бы отстать.

Через неделю, когда наша команда в составе более сорока человек колесила по Синдху, после ночевки в доме семейства Асифа в Навабшахе я услышала наконец добрую весть. Восьмого ноября Верховный суд в Лахоре объявил требование предъявления идентификационной карты противоречащим праву участия граждан в выборах. Суд отметил, что число выданных идентификационных карт в одном из округов Лахора, к примеру, чуть ли не вдвое превышает число зарегистрированных избирателей, что способствует не упорядочению процедуры выборов, а, напротив, злоупотреблениям. Женщинам идентификационные карты выдаются без фотоснимков, что тоже создает условия для нарушений. Таким образом, заключил суд, указ об идентификационных картах не способствует справедливости выборов, а, наоборот, исключает ее возможность. Последыши Зии моментально обжаловали приговор лахорского Верховного суда в Верховном суде страны.

Решение Верховного суда в Лахоре подняло настроение народных масс. «Али-Баба ушел, но сорок разбойников остались, — таким образом мать моя обрисовала ситуацию в обращении к массам на митинге в Ларкане десятого ноября. — Вы этих разбойников знаете. Голосуйте шестнадцатого ноября за стрелу!» В тот же день на митинг с моим участием в Равалпинди прибыло рекордное число народу, больше, чем меня встречало в 1986 году. Улицы города забили народные толпы, дорожное движение застопорилось на долгие часы. Мы одолели километр за три часа. «Выбирайте между теми, кто за диктатуру, и теми, кто за демократию! — взывала я к собравшимся. — Выбирайте между реакционерами, стремящимися к подавлению народа, и ПНП, стремящейся порвать цепи порабощения».

Возбуждение и напряжение росли с каждым часом. Последние дни перед выборами мы посвятили поездке по Пенджабу. За всю сорокаоднолетнюю историю Пакистана всеобщие выборы страна пережила лишь трижды. Первые выборы привели к власти моего отца и ПНП в Западном Пакистане. В 1977 году ПНП добилась переизбрания. Эти, третьи выборы

оказались самыми сложными.

Лидеры «Мусульманской лиги» публично объявили, что, независимо от исхода выборов, они не признают правительства Бхутто. Фундаменталисты из «Джамаат-и-ислами» оглушительно дудели, что женщина во главе чего угодно — это неслыханно, это «не по-исламски», это против ислама и против здравого смысла, — хотя они сами и объявили, что это «по-исламски» в конституции, дарованной стране Зией в 1985 году. Лига Зии снова откопала мелкого политикана Ахмеда Резу Касури, соучастника убийства моего отца, который на пару с Иджазом уль-Хаком, старшим сыном Зии, в интервью прессе утверждал, что кампания ПНП организуется и направляется «жидовской лавочкой из Лондона».

Тем временем Верховный суд страны начал рассмотрение вопроса об идентификационных картах, которые могли лишить участия в выборах 55 процентов зарегистрированных избирателей. Настрой суда не предвещал ничего доброго. «Мы видели, сколько народу собирается на ваши митинги, — доверительно сообщал один из верховных судей одному из наших адвокатов накануне рассмотрения. — Мы не можем позволить вам забрать себе весь парламент». Двенадцатого ноября 1988 года суд оставил в силе указ об идентификационных картах.

«Везир-и-азам Беназир! — Премьер-министр Беназир!» — кричали мне люди во всех четырех провинциях. «Семья Бхутто короли, остальные все нули!» — скандировала толпа на выступлениях матери, четко выдержавшей график кампании, несмотря на недавний сердечный приступ и простуду. Вместе с ней мы направились в Аль-Муртазу, проголосовали шестнадцатого, после голосования посетили могилу отца, единственного до той поры премьер-министра Пакистана, избранного непосредственно народом.

Несмотря на то что больше половины всех зарегистрированных избирателей не были допущены к урнам, 16 ноября оказалось нашим днем. В провинции Синдх Пакистанская народная партия не уступила ИДжИ ни одного места! В Пенджабе мы получили уверенное большинство. ПНП оказалась единственной партией, выигравшей во всех четырех провинциях. Мы забрали 92 места, а включая членов парламента, избранных от племен и меньшинств, 108 мест против 54-х, избранных от ИДжИ.

Все деятели, связанные с режимом Зии уль-Хака, оказались отвергнутыми избирателями, включая и Мохаммеда Хана Джунеджо, которого наши оппоненты прочили в премьер-министры. Не избрали председателя ИДжИ Гуляма Мустафу,

провалился духовный лидер «мусульман» Пир Пагара. Действующий губернатор Пенджаба Наваз Шариф проиграл два из четырех оспариваемых им мест. Мы с матерью выиграли все пять в Синдхе, Пенджабе и Приграничье при небывалом за всю историю Пакистана отрыве от ближайшего соперника.

Девятнадцатого ноября ПНП выиграла и выборы в провинциальные ассамблеи, обеспечив себе 184 месте против 145 ИДжИ. И здесь бывшие министры и парламентарии, запятнавшие себя сотрудничеством с Зией, потерпели поражение.

Естественное возможное следствие победы партии на выборах — звонок президента страны лидеру этой партии с предложением сформировать правительство. Меня затопил поток поздравлений со всех концов страны и из зарубежья, но президент молчал. Ни поздравления, ни предложения. Вместо этого генералы принялись зондировать среди членов моей партии, соблазняя и выискивая дезертиров, обещая каждому кресло премьера, если он приведет с собой еще десятерых победителей.

Время шло, президентский покер продолжался. Президент Гулям Исхак Хан огрызался, что вовсе не обязан обращаться к главе самой большой партии. Я подтвердила свое большинство, когда состоялись непрямые выборы женщин-парламентариев. ПНП обеспечила для себя 14 из двадцати мест. В любой демократической стране победитель без всяких проволочек приступает к формированию правительства, но не в Пакистане. Здесь действуют иные правила, иные силы.

Шли дни, назревал конституционный кризис, и я обратилась к международному сообществу, объясняя ситуацию. Я поставила перед собой цель вызвать давление на действующего президента извне, и я этой цели добилась. Мое письмо вручили каждому из членов обеих палат конгресса США, об этом позаботился мой друг Марк Сиджел. Копии письма получили парламентарии Соединенного Королевства и других стран Европы, дипломатические представители исламских государств. ПНП выиграла выборы, и я не соглашалась ни на что другое, кроме руководства правительством. Демократический мир отреагировал. Западные страны, в числе их и США, оказали давление на президента Исхака и, не найдя иного выхода, он вынужден был уступить воле народа.

17

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР - И ПОЗЖЕ

Второго декабря 1988 года я принесла присягу в качестве премьер-министра, первой в исламском мире женщины, ставшей в результате выборов главой правительства. Одетая в белое и зеленое, цвета пакистанского флага, я прошествовала по

красному ковру президентского дворца, освещенного яркими лампами люстр. Этого момента ждала не только я, этот момент знаменовал торжество всех, кто боролся за победу демократии.

Народ Пакистана презрел ханжество и лицемерие, избрав женщину премьер-министром. Высокая честь, колоссальная ответственность. Мне этот момент казался магическим, чудесным, нереальным. Я думала о силах судьбы, о тех, кто прошел этот путь со мною, о тех, кто страдал, кого убивали, терзали, бросали за решетку, изгоняли из страны. Я вспоминала отца.

Не я рвалась к этой роли, судьба вела меня по жизни, судьба выдвинула вперед, и я благодарила судьбу. Этот миг знаменателен для всего мусульманского мира. Отброшены со своих позиций обскурантисты, твердящие, что место женщины в четырех стенах, в заточении собственного дома. Пакистан и весь мусульманский мир увидели возникновение нового порядка, соблюдающего принцип равенства полов.

Вспомнила я и слова диктатора Зии, сказанные год назад одному из старых друзей нашей семьи: «Моя самая большая ошибка — что я оставил в живых Беназир». Я видела, что вся моя карьера вытекала из велений судьбы. Мое избрание усилило роль женщины, облегчило жизнь сторонникам современной интерпретации ислама, дало народу Пакистана надежду на лучшее. Мой успех совпал с выводом советских войск из Афганистана и победой популистских движений в нескольких странах, с крушением диктатур. Впоследствии я встречалась с несколькими лидерами — в том числе из Таиланда, Южной Кореи, Нигерии и Марокко, — читавшими мою книгу, вдохновлявшимися ею за решеткой в тюремной камере, на привале у костра, в повстанческом лагере.

Многие как в Пакистане, так и вне его, недооценивали силу народа, вулканическую энергию, подавленную гнетом диктатуры. Принося присягу в качестве премьер-министра, я полагала, что правительство мое сразу же и без помех сосредоточится на решении насущных проблем страны и народа. Очень скоро я поняла, что ошиблась. Противники мои, включая президента, настроились на противодействие правительству и дестабилизацию его. Это видно было и на церемонии принесения присяги. Президент принялся читать присягу каким-то невообразимым способом, как пьяный, то быстро, то медленно, без пауз, диктуемых запятыми. Он провоцировал меня перед обширной аудиторией. Я поняла, на что он рассчитывает, и произнесла свой текст четко, с подчеркнутым достоинством, чтобы народ мог слышать, что я ему обещаю.

Окончив чтение присяги, я увидела мрачные физиономии генералов, испуганные лица гражданских бюрократов, неуверенно чувствующих себя между старым и новым порядками. Но видела я и другое. Я видела лицо матери, лица партийных работников, лица гордые и радостные. Возгласы «Бхутто жив, Бхутто жив!» раздались в зале. Я поняла в этот момент, что отец мой не зря прожил жизнь, не впустую погиб. Народ Пакистана почтил его, оказав доверие мне, неопытной женщине всего лишь тридцати пяти лет от роду. Благодаря доверию народа я стала самым молодым избранным премьер-министром в мире.

Еще в университете меня учили, что действия правительства в самые первые дни задают тон и сигнализируют о его намерениях. И я стремилась послать миру сигнал, ясный как по форме, так и по содержанию. В первую же неделю своего правления в 1989 году я принялась за реализацию своих намерений, которых никогда не скрывала. Я немедленно восстановила попранные военной хунтой права профсоюзов, отменила запрет студенческих союзов, отменила ограничения на действия неправительственных организаций, в том числе и на действия правозащитных групп, групп защиты прав женщин. Меня удивила реакция на деятельность этих организаций со стороны военных и разведки. Этим везде виделись «глаза и уши Запада». Я восстановила свободу печати и электронных средств массовой информации и впервые открыла оппозиции полный, не регулируемый цензурой доступ к правительственным средствам информации.

Мне не терпелось также послужить делу мира. Уже в декабре 1988 года я приветствовала в Исламабаде премьер-министра Индии Раджива Ганди и его красавицу жену Соню. На меня посыпались упреки оппозиции за «слабость» к врагу — нас с Индией разделяет больной вопрос о Кашмире, — но я просто не обращала внимания. Меня ждал непочатый край работы. Следовало создать рабочие отношения с премьером громадной соседней страны и с другими лидерами Ассоциации стран Южной Азии (SAARC).

На встрече руководителей стран SAARC под Исламабадом, среди живописных горных вершин, я приводила в пример выгоды, извлекаемые странами Европы из их Европейского общего рынка и Евросоюза. Я призвала объединить усилия к превращению SAARC из культурного сообщества в экономическое. И никоим образом не стесняло меня то обстоятельство, что я оказалась самым молодым членом совета лидеров, самым «свежим», да к тому же еще единственной женщиной. С моими предложениями все охотно, даже с энтузиазмом соглашались. Чтобы дать толчок

движению, я предложила в качестве первого шага облегчить условия передвижения между странами для некоторых групп: парламентариев, судей... Мы пришли к единому мнению и о тарифном соглашении внутри SAARC, которое я с удовольствием ратифицировала во время своего второго премьерства.

Раджива Ганди я заверила, что его мать, Индира Ганди, и мой отец были бы обрадованы достигнутыми нами результатами. Они проявили смелость и дальновидность, подписав соглашение в Симле в 1972 году, когда я была еще почти ребенком. И Раджив, и я — дети династий политиков, семей, принесших тяжкие жертвы на алтарь политической борьбы, родители у нас обоих пали в этой борьбе. Оба мы молоды, дети уже разделенного постколониального субконтинента. Мы с Асифом легко нашли общий язык с Соней и Радживом. Меня глубоко потрясло его убийство, я посетила его похороны, чтобы отдать ему последний долг.

После встречи лидеров SAARC я и премьер Индии провели двухсторонние переговоры. Как в свое время отец, я напомнила ему, что Индия намного больше нашей страны и вполне могла бы проявить великодушие и сделать первый шаг к компромиссу. Напомнила и о примере его матери, которая согласилась без всяких условий вывести индийскую армию с пакистанских земель, захваченных в ходе проигранной нами войны 1971 года. Дух Симлы не умер. Несмотря на постоянные трения, Индия и Пакистан после заключения соглашения 1972 года ни разу не вели полномасштабной войны.

В годы диктатуры Зии Индия отобрала у Пакистана ледник Сиачен. Генерал Зия отмахнулся от еще одного поражения, заявив, что «там все равно ничего не вырастишь», но народ и, в особенности, армия, горько переживали потерю территории и достоинства. Наши солдаты, *джаваны,* приветствовали меня во время предвыборных поездок, демонстрируя верность своим народным корням, а не извращенным взглядам генералов. Я знала, что солдаты, как и все граждане страны, желают достойного и справедливого решения спорных вопросов. Раджив Ганди соглашался со мной, что нужны долгосрочные программы, направленные на развитие взаимного доверия. Мы учредили несколько двусторонних комитетов и подписали первое соглашение, касающееся вопросов ядерной энергии в Южной Азии, обязавшись отказаться от нападения на ядерные объекты. Подписали также соглашение о взаимном сокращении и передислокации войск и об ограниченном товарообмене. Подписали проект соглашения о разделении войск по Каргилу без согласования претензий на ледник (хотя ни один из нас уже не

остался у власти для подписания самого договора). Я иногда думаю, что Южная Азия, да и весь мир выглядели бы иначе, если бы Раджив не погиб, а мне дали бы возможность завершить срок. Мы понимали друг друга, наша совместная работа приносила плоды.

В самом начале премьерского срока я решила восстановить членство Пакистана в Британском Содружестве. Поддержку со стороны Британии во время афганской войны и в восстановлении демократии я и моя партия считали достаточными основаниями для такого шага. Я должна была встретиться с Радживом в 1989 году на конференции Британского Содружества в городе Лангкави (Малайзия). Однако помешали досрочные выборы в Индии и трагическая гибель Раджива Ганди от руки убийцы. После его убийства отношения между Индией и Пакистаном осложнились.

Я направила посла к новому премьер-министру Индии В. П. Сингху, выражая желание поддерживать добрососедские отношения с его страной, но он несправедливо обвинил Пакистан в организации беспорядков в индийском Кашмире. Хотя Пакистан сочувствует народу Кашмира, восстание там, чисто местных корней, объяснялось не вмешательством Пакистана, а всемирным веянием, порывом к свободе, вызванным падением Берлинской стены. В тот период силы свободы всколыхнулись по всей планете. Если к самоопределению стремились Польша, Венгрия, Восточная Германия, то почему Кашмир должен был составить исключение?

Я заверила премьер-министра Индии в нейтралитете и невмешательстве Пакистана, не упомянув при этом о предложении, полученном от афганских, арабских и пакистанских военных группировок в 1990 году. Они сообщили через пакистанскую разведку, что «сто тысяч закаленных в боях *муджахиддин»* готовы пересечь границу Кашмира и помочь его народу в борьбе. Почему-то они не сомневались, что смогут одолеть мощную индийскую армию. Я это предложение отвергла. Более того, я приказала армии и разведке контролировать демаркационную линию и не допускать инфильтрации афганских моджахедов из Пакистана.

Предпринятые мною шаги к освобождению политических заключенных непосредственно повлияли на мою семью. Я не только распорядилась выпустить на волю всех политзаключенных, но и рекомендовала президенту объявить всеобщую амнистию. Зная, что под действие президентского указа об амнистии подпадет и мой брат Мир Муртаза Бхутто, президент Гулям Исхак Хан решил посеять в нашей семье семена раздора. Амнистию он

объявил однобокую, что не освободило брата от бремени всех выдвинутых против него обвинений. Практически брат мой Муртаза не мог вернуться, не рискуя попасть в руки Навaза Шарифа, управлявшего Пенджабом и действовавшего по указке военных. Я могла выдать брату пакистанский паспорт — что я и сделала, — но полностью обезопасить его оказалась не в силах.

Я информировала брата о разговоре с премьер-министром Британии Маргарет Тэтчер. Во время прогулки с нею среди цветов в саду ее загородной резиденции в Чекерсе я подняла вопрос о возможности проживания его в Лондоне. Она без колебаний согласилась удовлетворить мою просьбу. Однако брат не хотел уезжать в Англию. «Откуда ты знаешь, сколько эти макаки-муллы да гориллы-генералы будут тебя терпеть? — возразил он. — Нет уж, лучше я останусь на Востоке». Мне кажется, что, будь у Муртазы возможность вернуться в Пакистан, роста внутрипартийных трений можно было бы избежать.

Все время моего пребывания на посту премьер-министра мы пестовали ростки демократии, основывали и развивали хрупкие структуры, способные при заботливом уходе развиться в полноценные составляющие свободной и справедливой политической системы. Меня учили, что ислам полагает справедливость существенной характеристикой цивилизованного общества. Поэтому я способствовала разделению судебной и исполнительной ветвей власти, закладывала основы независимого судопроизводства.

Но главные преобразования, беспрецедентные и революционные, произвели мы в сфере экономики. В годы изгнания в Англии я видела, как политика госпожи Тэтчер создала в стране новый средний класс. Мы первыми в Южной Азии и в странах Ближнего и Среднего Востока децентрализовали экономику, провели приватизацию государственного сектора. Мы дерегулировали финансовую систему, освободили ее от бюрократических оков. Ранее для получения займа свыше 5000 долларов требовалось согласие министра финансов.

Мы выделили фонды на электрификацию деревень, найдя недопустимыми темпы электрификации в 250 сельских населенных пунктов в год, в то время как без электричества в стране вынуждены обходиться 80 000 деревень. Выделяли мы фонды на строительство новых дорог, на снабжение населения питьевой водой приемлемого качества. Подключения телефона приходилось ждать по двадцать лет, и я поражалась, как можно вести дела без кредитов, без телефона и электричества. Я приказала министерству найти решение, и в 1989 году мы ввели в Пакистане волоконно-оптическую связь. Мы разрешили

мобильные телефоны, открыли людям глаза на внешний мир, у них дома появилось Си-эн-эн, когда в соседних странах его передачи показывали лишь в отелях. Я стремилась как можно скорее сделать Пакистан современной страной.

Наши реформы не остались незамеченными. Мировой банк и Международный валютный фонд высоко оценили наши усилия. Его королевское высочество шейх Зайед Бен Султан аль-Нахьян, президент Объединенных Арабских Эмиратов, оказал щедрую помощь в строительстве Мултанского нефтеперегонного завода. Мы выстроили порт Гвадар в Белуджистане, скоростную дорогу по Макранскому побережью, военно-морскую базу Ормара, плотины Пасни и Гази-Баротха, осуществили проект по золоту и меди «Саиндак». Мы резко увеличили приток туристов в страну, приватизировали добычу драгоценных камней, поощряя их экспорт.

Мы радикально упростили инвестиционные операции, легализовали частные банки и страховые компании. С особой гордостью хочу отметить резкое увеличение вложений в социальную сферу. В течение моего первого срока открылось 18 тысяч начальных и средних школ.

Реформы очень быстро принесли плоды. Возросли зарубежные инвестиции. Доходы от нетрадиционных статей экспорта подскочили на четверть. Возобновленное соглашение с США по текстилю привело к резкому росту производства в этой экспортной отрасли.

Но, пожалуй, больше всего я горжусь тем, чего мы смогли добиться на ниве эмансипации женщин в обществе, ими пренебрегавшем и часто оскорблявшем. Женщины вошли в мой кабинет министров, я учредила министерство развития женщин. В университетах инициировались учебные и научные программы, посвященные «женскому вопросу». Не забыли и женщин-заключенных, облегчили их доступ к правовой защите.

Мы основали специальный банк для выдачи кредитов женщинам и облегчили получение ими ссуд в обычных банках, запустили программы планирования семьи и контроля рождаемости, правильного питания, ухода за детьми. Мы легализовали участие женщин в международных спортивных состязаниях, способствовали развитию женского спорта, фактически запрещенного в годы диктатуры Зии. Очень много мы добились в женском вопросе, разительным контрастом смотрелись наши достижения на фоне более чем десятилетнего прозябания женщин под гнетом извращенного диктатурой ислама.

Всего этого мы добились, несмотря на постоянные помехи,

чинимые нам политическими и техническими средствами. Войдя впервые в офис премьер-министра, я обнаружила, что там пусто, голо; никого, кроме одного скучающего помощника секретаря. Я немедленно отослала рабочую команду в Лондон для ознакомления с организацией работы офиса британского премьер-министра на Даунинг-стрит, 10. В течение нескольких дней в мой офис не поступало никаких документов, секретарь кабинета получил указание пересылать все в канцелярию президента.

Пожалуй, наиболее зловещей проблемой первых дней моей работы стала ситуация в соседнем Афганистане. После того как Советский Союз оккупировал Афганистан в 1979 году, Пакистан вместе с Соединенными Штатами пришел на помощь моджахедам. Соединенные Штаты при этом руководствовались лишь своими эгоистическими соображениями, стратегией «холодной войны». Афганистан оказался для них удобным средством ослабления противника, его экономического истощения, подрыва его морали и разрушения идеологии — в чем они и преуспели. Используя Афганистан и Пакистан в качестве пешек в своей глобальной игре, Соединенные Штаты ценой крови жителей удаленной от них страны и разрушения ее экономики фактически нанесли Советскому Союзу поражение, прямо способствовавшее политическому крушению этой коммунистической империи в 1990 году.

Для Пакистана отношения с Афганистаном гораздо более критичны, более многогранны, противоречивы. Между Афганистаном и Пакистаном ведется давний спор по поводу пограничной «линии Дюрана». Более того, многие пуштуны (называемые также пахтунами и т. д.) категорически возражали против создания Пакистана во время разделения субконтинента в 1947 году. Афганские верхи всегда оставались настроены проиндийски, и поэтому пакистанцы, в свою очередь, им не доверяли. Президент Афганистана Дауд поддерживал в семидесятые годы восстание приграничных племен по линии Дюрана, к подавлению которого Пакистан прилагал значительные усилия. Пограничные споры между нашими двумя странами так и остались в подвешенном состоянии.

Советский Союз покидал Афганистан согласно условиям переговоров в Женеве в феврале 1989 года, и Пакистан принимал участие в формировании временного правительства Афганистана. Пакистанские генералы хотели назначить президентом афганского лидера Сайяфа, а Хекматьяра премьер-министром. Я на это не согласилась и потребовала от военных компромиссного решения. Мы хотели, чтобы хотя бы президент Афганистана

придерживался умеренных взглядов, предоставив военным продвинуть в кресло премьера выбранную ими кандидатуру. С нашего благословения афганцы приняли в качестве президента Муджаддади, а премьером — Сайяфа.

Процесс этот потребовал от меня немалых усилий. Долгие заседания в резиденции президента время от времени прерывались на молитву; мужчины покидали зал, оставляя меня в одиночестве. Они не желали, чтобы я, женщина, молилась вместе с ними. Я находила это странным, ибо в Каабе, наиболее священном для мусульман месте, мужчины и женщины молятся вместе, как и в *масджиде* пророка в Медине, в Саудовской Аравии.

В Пакистан зачастили шеф разведки Саудовской Аравии принц Турки Бен Фейсал и министр иностранных дел Ирана.

Каждый раз, когда я пыталась прийти к согласию, определиться с решением, мои разведывательные службы докладывали, что либо саудовцы недовольны, ибо этот вариант обеспечивает чрезмерные выгоды шиитам, либо иранцы возражают, так как следующий вариант слишком много обещает суннитам. Мне и моим коллегам вполне приемлемым и нейтральным кандидатом казался изгнанный афганский король, проживавший в Риме, но иранцы категорически не допускали монархии. Уйму времени я убила на бесплодные переговоры с самими афганцами. Часто я чувствовала, что они действуют и говорят с чужого голоса, но разведслужба уверяла, что не может сломить их упрямства. Я искренне жалела этих афганцев, зажатых между мощными силовыми структурами, способными уничтожить их в случае отступления от заданной линии поведения.

Мы ожидали визита в Пакистан советского министра иностранных дел Шеварднадзе. Советский Союз намеревался вместе с нами выработать политическое решение ситуации в Афганистане после вывода советских войск. Советы хотели, чтобы президент Наджиб оставил свой пост не фазу после их отступления, фактически хотели «спасти лицо». Три миллиона афганских беженцев, скопившихся в Пакистане, могли бы спокойно вернуться в страну, на свои земли, к прежней жизни. Я склонялась к тому, чтобы обсудить этот вариант с советским министром, но ни армия, ни госбезопасность Пакистана и слышать не хотели об этом.

— Кабул падет через неделю, — заявил мне шеф госбезопасности. Я подняла вопрос о признании афганцами линии Дюрана, но в ответ услышала: — Нам ни к чему линия Дюрана. Афганцы — наши мусульманские братья, и границы между нашими странами не будет.

Я все же не оставляла мысли об обсуждении мирного варианта перехода власти, но шеф разведки прибегнул к эмоциям:

— Премьер-министр! Вы хотите лишить ваших людей и славных афганских *муджахиддин* права победоносно войти в Кабул и помолиться в *Масджиде?*

Что я могла ответить? Невозможно забыть о жертвах, понесенных населением Афганистана в результате советской оккупации, о страданиях женщин и детей. Конечно же, афганское сопротивление и наши военные заслужили право на триумфальный вход в Кабул. Тем более, что наши генералы и разведслужбы уверены в молниеносном захвате афганской столицы.

Что ж, несмотря на заверения, через неделю Кабул не пал. Не заняли его и через месяц. Снова наши доблестные разведчики у меня в кабинете, требуют разрешения на участие регулярных войск Пакистана в штурме Кабула. Я категорически запрещаю:

—Вы уверяли меня, что Кабул через неделю падет. Армию в Афганистан вводить ни в коем случае нельзя. Афганцы не потерпят новых оккупантов.

—Премьер-министр, афганцы готовы подписать соглашение о создании конфедерации между нашими странами. Они призовут нас в качестве члена конфедерации помочь им сбросить нечестивых коммунистов. Между нами не будет никаких границ.

Эту бредовую идею я отвергла:

—Индия этого не потерпит, сразу же вмешается. И не помогут нам ни американцы, ни Иран, ни Саудовская Аравия. Как мы тогда будем выпутываться?

—Но временное правительство Афганистана просит о создании конфедерации! Они готовы хоть завтра подписать договор.

—Ни в коем случае. — Я обрисовала мрачное положение, в котором окажется наша страна. Экспансионистские устремления вызовут резкую реакцию всего мира, не только ближайших соседей.

Моджахеды чувствовали себя неуютно. Посол Соединенных Штатов давал понять, что поток военной, финансовой и гуманитарной помощи скоро иссякнет. Что тогда делать с беженцами? Но временное правительство Афганистана и наш генералитет по-прежнему носились с идеей победоносного натиска на Кабул. Однако президент Наджиб все еще цеплялся за власть, не удалась и попытка его свержения при помощи военного путча.

Военным нужно было как-то оправдать свое стремление

запустить лапу на территорию соседней страны, замаскировать подлинные мотивы какими-то возвышенными и глубокомысленными устремлениями. Именно поэтому и родилась идея «стратегической глубины». Поддержка временного правительства Афганистана отныне служила не целям изгнания «безбожных коммунистов», но национальным интересам Пакистана, обеспечению этой самой «стратегической глубины».

Историческая ирония вопроса в том, что Афганистан никогда не обеспечивал «стратегической глубины» Пакистану, но всегда оставался нейтральной буферной зоной между Российской, а затем Советской, империей и сферой интересов Запада. Исторические факты генералов, однако, мало интересуют, и концепция «стратегической глубины» обрела вес и звучание.

В течение восьмидесятых, когда генерал Зия уль-Хак сжимал страну в железном кулаке, он запросто водил американцев за нос, и они этим шалостям диктатора даже потворствовали. Используя Пакистан, его инфраструктуру и секретные службы в *«джихаде»* против Советов, американцы забыли о демократии применительно к этой далекой стране. Но когда стало ясно, что война в Афганистане подходит к концу, интерес к демократизации за океаном проснулся. Но за это десятилетие Зия нанес гигантский вред не только нашей стране, но и долгосрочным интересам Соединенных Штатов, мусульманской *уммы* и всему международному сообществу.

Зия поддерживал тесные связи с Моланой Модули, духовным вождем *«Джамаат-и-ислами»* и светочем «братьев-мусульман». Когда Советы оккупировали Афганистан, генерал Зия обратился к *«Джамаат-и-ислами»* и через нее к «братьям». Он ввел в армейские программы идеологической обработки опусы Модули, очищал армию и учебные заведения от тех, кого заклеймил «умеренными». ИДжИ купалась в деньгах, учреждала офисы и «исследовательские центры». При беженских лагерях создавались школы для детей, заманивавшие учеников обещанием образования. Среди правоверных всего мусульманского мира собирались средства на образование, здравоохранение, питание для неимущих.

Деньги расходовались на содержание политизированных медресе, сеявших ненависть и воспитывавших террористов.

Международная помощь текла рекой и попадала в руки разведслужб. Зия настаивал, чтобы деньги из фондов ЦРУ США и иных источников стекались к нему, и американцы не возражали. Пакистан организовывал, вооружал, обучал банды религиозных фундаменталистов, а ЦРУ за свои деньги не получало даже адекватной информации с мест.

Конечно, с близорукой точки зрения сиюминутной выгоды такое решение можно оправдать, но долгосрочные последствия еще долго будут портить жизнь всему населению планеты.

Когда я посетила США в июне 1989 года, с большой помпой прошел обед в Белом доме, данный в мою честь президентом и миссис Буш. Я выступила на объединенном заседании обеих палат конгресса США. Однако во время этого визита случилось нечто менее заметное, но, как я считаю, гораздо более важное. Встретившись с президентом Бушем наедине, я поделилась с ним своими опасениями. Я подчеркнула, что в нашем общем рвении наиболее успешно отразить советское вторжение в Афганистан мы выпестовали самые фанатичные элементы афганских моджахедов, которые в дальнейшем вышли из-под контроля.

— Боюсь, мистер президент, мы создали чудовище Франкенштейна, которое теперь долго не даст покоя всему миру.

Мои опасения полностью оправдались. Американцы оставили Афганистан, удовлетворенные посрамлением своего противника, Советского Союза. Можно было восстановить демократию, но отсутствовала необходимая поддержка Запада. Советы отступали по всем фронтам, в Европе рухнула Берлинская стена — внимание мировой общественности привлекали иные темы, о нас забыли.

Мало кто понимал тогда, что конец советской оккупации Афганистана возвестил начало новой битвы. Экстремисты замыслили объявить войну Западу, якобы во имя религии. Для них умеренная ПНП оказалась бельмом в глазу. Спекулируя на религиозных чувствах мусульманского мира и мусульманской диаспоры, они планировали покорение планеты.

Опыт афганской войны ободрил экстремистов. Они «выгнали» советскую армию, «победили» одну безбожную сверхдержаву! Пора взяться за вторую, решили они, пора разбить не менее нечестивый Запад.

Западным разведслужбам Зия пришелся по вкусу, в отличие от моего отца, оставшегося для них социалистическим смутьяном и отцом пакистанской ядерной программы. К тому же мои братья организовали в Афганистане организацию аль-Зульфикар.

Один генерал пакистанской армии, слывший прозападным, решил мне как-то польстить. «Ваша армия уже разбила Советы, — заявил он мне в доверительной беседе. — Дайте только сигнал — и Соединенные Штаты постигает та же участь». Я поделилась впечатлениями с одним из своих министров, который не замедлил сообщить «приятную новость» послу Соединенных Штатов. «Не может быть, — отреагировал американский посол и тут же добавил: — Этот парень любит поддать». Как ни странно,

но опыт показывает, что отношение к алкоголю для населения Запада остается мерилом доверительности представителей исламского мира.

В первую же неделю моего пребывания на посту премьер-министра, когда я прилетела в Лахор, в одном из цветочных горшков на пути моего следования было обнаружено взрывное устройство. Обо мне распускались всякого рода сплетни, вплоть до такой глупости, что я покупаю головные вуали в Париже. Фактически они все куплены на базаре в Карачи. Я благодарна народу Пакистана, пропускавшему досужие слухи мимо ушей, поддерживавшему меня в моих усилиях по преобразованию страны.

Уже через месяц после моего избрания мне сообщили, что глава внутренней разведки бригадный генерал Имтияз и его заместитель майор Аамир подбивают парламентариев дезертировать из моей фракции. «Никому она не нужна, — усердствовали они. — Американцы ее терпеть не могут, армия ее видеть не желает, и даже муж ее бросит, как только ее скинут с поста».

Их целью после победоносного завершения *«джихада»* в Афганистане стала теперь борьба с «тлетворным влиянием Запада», и с самим Западом, но, пока я занимала кресло премьера, ни о какой борьбе с Западом не могло идти речи. Разведслужбы стремились провести в премьер-министры Навваза Шарифа, «политического сына» Зии. Он занимал пост премьер-министра Пенджаба и заявил, что запрёт меня в Исламабаде, что я стану «премьер-министром Исламабада», а не страны.

Для того чтобы вывести разведку из-под моего политического надзора, ее глава предложил учредить новое управление, целью которого станет слежка за всеми старшими чиновниками государства. Я возразила ему, сославшись на его же духовного отца: «Генерал Зия вел борьбу на два фронта, против Советов и против Индии, однако не держал в каждой деревне по армейскому корпусу. И я тоже в этом не нуждаюсь». Глава разведки настаивал, ссылаясь на необходимость обеспечения «непрерывности», перекрытия «разрывов» и т. д. Я отказалась от создания такого «государства в государстве». Лишь после моего свержения временный премьер-министр, фактически назначенный службами безопасности и разведки, Гулям Мустафа Джатой, принял эту схему.

Генералы не любили меня, но среди их подчиненных я пользовалась популярностью и поддержкой. Когда я в сопровождении генерала Бега направлялась принимать мой первый военный парад, нашу машину окружили семьи военных.

Меня тепло приветствовали, машина замедлила ход. «В чем дело?» — забеспокоился генерал Бег, к проявлениям народной любви неприученный. «Народ приветствует своего премьер-министра», — ответил мой военный секретарь. Бег недовольно поморщился. Несмотря на два десятилетия конфронтации с генералами, я видела разницу между сотнями тысяч воинов, верно служивших отечеству, и кучкой офицеров, зараженных бациллами «исламского джихада».

Я успешно противостояла попыткам заставить Организацию исламских государств исключить из своего состава Пакистан за то, что население его избрало женщину премьер-министром. Религиозные авторитеты разных стран клюнули на лакомую приманку, от них посыпались *фатвы,* по-разному толкующие вопрос. К несчастью для меня, крупный саудовский религиозный деятель, слепой Шейх Баз, объявил женщину во главе исламской нации явлением антиисламским. Однако в Йемене, Сирии, Египте, Ираке, правительства которых меньше ослеплены шорами религии, мне вынесли более благоприятные «приговоры».

В 1989 году Усама бен Ладен еще не основал свою «Аль-Каиду», но именно тогда я впервые услышала его имя. Он выделил средства на подкуп парламентариев с целью вынести мне вотум недоверия и свергнуть мое правительство. После изгнания советских войск из Афганистана он вернулся в Саудовскую Аравию, куда к нему и обратились пакистанские разведслужбы — с которыми он был давно и тесно связан — после того, как я установила над ними контроль. Бен Ладен выделил круглую сумму в 10 миллионов долларов, чтобы отстранить меня от власти и заменить демократию теократией.

Афганистан отошел на задний план, и бен Ладен вмешался в политику в Пакистане. Для зрячих это было бы ясным знаком, что его цель вовсе не ограничивается поддержкой священной войны против оккупации коммунистами исламской страны. Целью этого фанатика является создание громадного мусульманского халифата на территории Европы, Азии и Африки.

Некоторые в это могут не верить, но очевидным является факт, что бывшие друзья Америки ныне обратили оружие против своих вчерашних благодетелей. Почему-то они воображают, что в два счета разобьют Соединенные Штаты, забыв, как бестолково толклись у врат оставленного советскими войсками Кабула.

Примерно в это время мне сообщили, что в Пакистан из Саудовской Аравии прибыл самолет с грузом манго. Поскольку в Саудовской Аравии растут финики, а манго не произрастает, возникли естественные подозрения. Полицейская разведка сообщила, что ящики в самолете содержат не манго, а деньги. Я

полагала, что король Саудовской Аравии Фахд относится ко мне благосклонно. При встрече со мной он хвалил моего отца, вспоминал, как пытался спасти его жизнь. Памятуя об этом, я послала к нему министра юстиции, спросить «не гневается ли он на дочь свою, посылая деньги на поддержку ее противников». Король заверил моего посланца, что деньги эти никоим образом не связаны с официальными кругами Саудовской Аравии. «Некоторые у нас здесь заразились афганским джихадом и шлют свои личные деньги», — добавил король. Один из советников короля указал, что деньги исходили от Усамы бен Ладена. Я отправилась в посольство США и связалась по телефону с президентом Джорджем Бушем. Я сказала ему, что некоторые военные, поддерживавшие моджахедов, пытаются свергнуть мое правительство с помощью экстремистов, что в Пакистан из-за рубежа ввозят деньги для этого. Упомянула и имя Усамы бен Ладена.

Вотум недоверия, 1 ноября 1989 года выдвинутый на голосование ИДжИ при поддержке разведслужбы и Усамы бен Ладена, не добрал двенадцати голосов. Голосование это послужило прецедентом, заложило основы нечистых манипуляций, не изжитых в Пакистане и по сей день и влияющих на события во всем мире.

Визит в армейский штаб. Меня принимает генерал Ас-лам Бег. Без особенных предисловий он объясняет мне, что, если армия видит, что ей угрожает нападение противника, она имеет все основания нанести упреждающий удар. Это называется «наступательная оборона». В данном случае «наступательная оборона» должна принести нам Сринагар, столицу удерживаемого Индией Кашмира. Снова всплывают пресловутые «закаленные в битвах сто тысяч *муджахид-дин»,* готовые помочь нам в два счета захватить Сринагар. Усама бен Ладен предложил тех же самых моджахедов королю Саудовской Аравии Фахду, когда Ирак напал на Кувейт в 1990 году. Как и я, король Фахд отверг предложение, что вызвало открытую вражду бен Ладена к дому Саудов.

— Премьер-министр, вам надлежит лишь отдать приказ, и ваши воины возьмут Сринагар, и вам достанется неувядаемая слава и лавры победителя.

Я смотрю на генерала и полагаю, что он совсем утратил чувство реальности. «Закаленные в битвах сто тысяч *муджахиддин»* — пестрая разноплеменная толпа пакистанцев, афганцев, арабов и иных, с переменным успехом участвовавших в стычках в годы «афганского джихада». Они готовы принять участие в восстании в Кашмире. Мне эта идея не по душе, я напрочь отказываюсь от авантюры вмешательства извне.

После этого разговора у меня создалось впечатление, что армейское командование подпало под чрезмерное влияние генерала Хамида Гуля и других афганских ветеранов. Они видят себя спасителями мусульманского мира, но не желают обращать внимания на очевидные обстоятельства. Советскую армию изгнали из Афганистана не боевые вопли джихадистов, а американские «стингеры», а главное — международный капитал, международная дипломатия и политика. Слушая льстивые генеральские байки о боевой славе, я представляла себе позор, которым покрыла бы себя моя страна, если бы я согласилась на эту безумную выдумку. Я попыталась внушить генералу возможные последствия полномасштабной войны с Индией, но, похоже, безуспешно.

Генерал Бег не оставил попыток отклонить вмешательство невоенного правительства в командование и позже выступил с предложениями изменить правила вступления в войну. Мой министр внутренних дел не слишком дипломатично напомнил генералу: «Решение о вступлении страны в войну принимают политики, потому что они уполномочены на это народом». В помещении воцарилась мертвая тишина. Привычные «правила хорошего тона» требовали заискивания гражданских перед генералами, которые открыто, не скрывая этого, презирали политиков. Я пригласила генерала Бега на чашку чаю. Нельзя было не заметить во время этого чаепития, что генерал и сам внутренне исходил кипятком, что он не забудет обиды и постарается отомстить. К несчастью, впечатление мое не оказалось обманчивым.

Генералы прибегли к конституционным, техническим и политическим средствам оказания давления на кабинет и создания помех его деятельности. Президент имел право распустить правительство согласно восьмой поправке к конституции, дамокловым мечом висевшей над нашими головами. Наваз Шариф в Пенджабе только что не объявил правительству войну. Мне они отравляли жизнь и мешали работать, применив индивидуальный, рассчитанный на меня метод.

Нападки на меня не ограничивались сомнениями в моей религиозности, в моей преданности Пакистану или в моей независимости от Вашингтона. Согласованная кампания против меня, моей личной репутации и репутации моей семьи началась еще до моего избрания. Задолго до того, как эти методы получили хождение в Европе и Соединенных Штатах, пакистанские разведслужбы применили «политику подрыва персонажа», программу мероприятий, рассчитанную на то, чтобы

запятнать мое имя и доказать, что мое правительство коррумпировано. Главной целью этого заговора оказался мой муж-бизнесмен. Конечно, следует признать, что такие методы практически невозможно применить против премьера-мужчины.

Политика эта оказалась весьма эффективной. Хотя ничего конкретного доказать не представлялось возможным, нашим противникам удалось создать общую негативную атмосферу. Несмотря на то что проверка генерального аудитора раскрыла факт незаконного использования государственных фондов для финансирования направленной против меня деятельности, я до сих пор сталкиваюсь с последствиями этой кампании.

Несмотря на годы юридического преследования и внесудебной травли со стороны сменявших друг друга пакистанских диктаторов в попытках запятнать мою репутацию, ни одно выдвинутое против меня и моего мужа обвинение не выдержало испытания судом. Но как только разваливалось одно обвинение, выдвигали другое. Один суд принимал залог, другой отвергал. Мне и мужу приходилось тратить столько времени на судебные тяжбы, что некогда было работать. Это, однако, и являлось целью клеветников. Нас выжимали из политики, чтобы перейти к военному правлению.

Разведслужбы и их союзники стремились уничтожить не только меня, но в моем лице и демократию в Пакистане. Демократия несовместима с их представлением о жизни, она всегда мешала военным диктаторам.

Демократические силы Пакистана всегда жили под страхом применения президентом пресловутой восьмой поправки. Собственно говоря, каждое правительство, начиная с 1985 года, распускалось, включая Джунеджо, Наваза и меня, при помощи стандартного обвинения в «неспособности и коррупции» без всяких доказательств и обоснований. Мое правительство сместили 6 августа 1990 года под шумок иракского вторжения в Кувейт двумя днями раньше. Питер Дженнингс, модератор новостей Эй-би-си, метко обозначил это действие как «организованный военными переворот под конституционным соусом». И снова дом премьер-министра окружили войска.

Избирательная кампания 1990 года стала откровенным фарсом. Сотни членов ПНП без предъявления обвинений бросили в тюрьмы, многих пытали, некоторые бесследно исчезли или были убиты. Доступ к СМИ нам закрыли. В кампанию Наваза Шарифа текли миллионы рупий. Разведслужбы подкупали местных политиков, выманивали их из рядов ПНП. Глава разведки генерал Асад Дуррани по прошествии времени признался в суде, что на действия против меня в ходе

избирательной кампании 1990 года он потратил более шестидесяти миллионов рупий. Несмотря на это, я, как и прежде, собирала на митинги громадные толпы во всех четырех провинциях. Особенно горячий отклик я находила в сельском Пенджабе. Прогнозы предсказывали, что мы заберем те же 92 места, что и в кампанию 1988 года. Заграничная пресса уже предсказывала мое возвращение. Но это, разумеется, не входило в планы генералов. Перевороты устраивают не для восстановления демократии. Исход выборов 1990 года решали не избиратели. Применялись все те же приемы: лишение доступа к прессе, радио и телевидению, использование против ПНП государственных денег, подтасовку списков, смену мест голосования, неверный подсчет голосов. Наблюдатели из США обратили особое внимание на предвыборные нарушения, представители Британского Содружества и SAARC сосредоточились на нарушениях в ходе выборов, но ни один наблюдатель не отметил эти выборы как честные и законные.

Двадцать четвертого октября 1990 года мы стали свидетелями массового жульничества, в которое превратились выборы. ПНП, крупнейшей общенациональной партии, «позволили» выиграть 44 места в парламенте страны. Наблюдатели в один голос заявили о массовой фальсификации, статистики признали фальшивыми от семи до тринадцати процентов голосов «Мусульманской лиги» — около шести с половиной миллионов избирателей! Военные дали Навазу Шарифу зеленый свет, позволили управлять страной без оглядки на другие партии. Жульнические «выборы» обеспечили «Мусульманской лиге» 106 из 207 мест в Национальной ассамблее и контроль во всех четырех провинциях. Меня избрали лидером оппозиции.

День за днем, месяц за месяцем я бросала вызов диктату правительства Наваза. По образцу великого британского парламента я могла в качестве лидера оппозиции призвать к ответу членов правительства и премьер-министра, и я этим правом пользовалась без ограничения, стараясь сохранить завоевания своего правительства. Нелегкая задача. Новые власти свернули реформы, разрушили многое из достигнутого нами. Снова ввели цензуру. Запретили студенческие союзы. Отрезали оппозицию от средств массовой информации. В новом бюджете социальные расходы едва упоминались, особенно пострадало образование. Разумеется, свернули все женские программы, включая контроль рождаемости и гинекологию.

Продолжалась кампания запугивания, на меня сыпались угрозы. Попытались впутать меня в историю с угоном самолета.

Через своих подставных лиц пакистанская разведка наняла угонщиков в Равалпинди. Им выдали фальшивые документы с именами членов группы аль-Зульфикар. 26 марта 1991 года они захватили сингапурский самолет со 129 пассажирами на борту. Пакистанские организаторы угона не учли, что я уеду в Ларкану, где я и заночевала. Туда ко мне прислали чиновника, который заявился среди ночи и настаивал, чтобы меня разбудили. Он утверждал, что угонщики угрожают убить всех пассажиров, если я не прикажу им этого не делать. Так планировали создать впечатление, что я командую террористами.

К счастью, моя охрана отказалась меня будить. Пока чиновник спорил с моей охраной, сингапурские власти решились на штурм самолета, всех террористов убили. Опубликовали их снимки, всплыли их настоящие имена, все узнали, что аль-Зульфикар не имеет никакого отношения к угону. Так провалилась очередная направленная против меня провокация.

Столь же топорно организовали и покушение на меня в следующем году. Я возвращалась домой в Ларкану, когда по моей машине выпустили ракету, попавшую в сопровождавший меня полицейский фургон. К несчастью, погибли шестеро полицейских.

Став лидером оппозиции, я открыла новую главу своей профессиональной деятельности. Я начала выступать с речами и лекциями по всему миру, в особенности в США. Это давало мне возможность обращаться к общественности, к людям, влияющим на общественное мнение, формирующим его. Говорила я о судьбе демократии в Пакистане, пользовалась средствами массовой информации, встречалась с конгрессменами США и парламентариями Британии и Европы, с членами пакистанской диаспоры. Я и сейчас продолжаю разъезжать с лекциями по всему свету.

Я верю, что моя работа в Национальной ассамблее, мои книги и статьи, мои заграничные лекционные поездки привлекли внимание к состоянию демократии в Пакистане. Именно благодаря этому вниманию Наваз Шариф, несмотря на подавляющее большинство в парламенте, оказался в изоляции и сцепился с военными, выпустившими его на большую политическую арену. Одновременно мир захлестнула волна терроризма.

По моему мнению, начало века терроризма совпадает с пакистанскими выборами 1990 года и с формированием правительства Навaза. Акты терроризма, хотя на них и не обращали должного внимания до второго нападения на Центр мировой торговли в Нью-Йорке в 2001 году, стали катализатором конфликта между исламом и Западом, названного Сэмюэлем

Хантингтоном из Гарварда «конфликтом цивилизаций».

В самом начале своего премьерства Наваз назначил одного из «отцов» коалиции ИДжИ, бригадного генерала военной разведки Имтиаза, главой гражданской службы разведки. Несмотря на то что Наваз держал мертвой хваткой как Национальную, так и все четыре провинциальные ассамблеи, он не упускал случая усилить свою власть и стремился задавить оппозицию еще до того, как она возникала. Имтиазу особо поручили два «объекта»: президента и меня.

Конфронтация с президентом вспыхнула у Наваза чуть ли не с момента занятия им премьерского офиса и разгорелась по поводу назначения преемника неожиданно скончавшегося от сердечного приступа начальника Генштаба вооруженных сил генерала Асифа Наваза. Премьер-министр Наваз Шариф и президент Гулям Исхак Хан обменялись «любезностями» по национальному телевидению, после чего президент отправил правительство Наваза в отставку с традиционными ярлыками «некомпетентности» и «коррупции».

Во время начавшейся со смещением Наваза предвыборной кампании вновь возобновилась моя «война» с армией и разведслужбами. В 1993-м их планы стали откровеннее. Осенью 1993 года решено было меня убить, определили и убийцу, пакистанца, связанного с разведслужбой со времен афганской войны. Звали его Рамзи Юсеф.

Как мы теперь знаем, Рамзи Юсеф принимал участие в первой попытке уничтожения нью-йоркского Центра мировой торговли 23 февраля того же года. Аль-Каида планировала взорвать одну из башен так, чтобы она упала на вторую, убив десятки тысяч американцев. Сбежав из США, Рамзи Юсеф вернулся в Пакистан и через семь месяцев получил задание убить меня. Он совершил две попытки покушения на мою жизнь во время предвыборной кампании 1993 года.

В сентябре он вместе с двумя соучастниками решил оставить автомобиль, начиненный взрывчаткой и оборудованный дистанционным взрывателем, на улице перед моим домом. Взрыв должен был прогреметь в момент появления моего автомобиля из ворот дома. Во время подготовки операции на террориста обратил внимание полицейский патруль; его спросили, чем он занимается. Он ответил, что обронил на улице ключи от своего автомобиля. Полиции этот тип не приглянулся, ему приказали немедленно убираться. Очевидно, пытаясь разрядить свою бомбу, Юсеф получил ранение и обратился в больницу. Записи в больнице показали, что он каким-то необъясненным образом потерял в тот вечер палец.

Рамзи Юсеф, однако, не отказался от намерения убить меня. Непосредственно руководил им и его группой его дядя Халид Шейх Мохаммад (в настоящее время в заключении в США). Как стало известно позже, Халид Шейх действовал как «исполнительный директор» «Аль-Каиды». Подозревают, что он лично обезглавил Дэниела Перла, руководителя бюро «Уолл-стрит джорнэл». В этот раз план их оказался еще более запутанным, направленным на то, чтобы столкнуть между собой членов ПНП. «Аль-Каида» и бонзы пакистанской разведки решили представить мое убийство делом рук моего брата. Ожидалось мое присутствие на грандиозном митинге в Ништар-парке в Карачи. Халид Шейх приказал доставить несколько образцов сложного специального вооружения из арсенала «Аль-Каиды» в Пешаваре. Оружие должно было прибыть в день покушения. Поезд, однако, застрял в Хайдарабаде и прибыл лишь после окончания митинга.

По иронии судьбы, когда Рамзи Юсефа в феврале 1995 года арестовала пакистанская полиция, он, не сомневаясь, что задержан за попытки покушения на мою жизнь, сам завел речь о своем неудавшемся «подвиге»: «Она была у нас в руках, да оружие, видишь ли, запоздало». По моему запросу его выдали Соединенным Штатам.

На всеобщих выборах 1993 года ПНП заняла центр и сформировала коалиционное правительство в Пенджабской провинциальной ассамблее, которую Наваз Шариф использовал для подрывной деятельности против моего первого правительства. Прошло три года после переворота, свергнувшего мое правительство, и ПНП восстановила свои позиции правящей партии. Я снова стала премьер-министром.

Получив второй в своей жизни шанс, я с головой погрузилась в работу, полная решимости использовать каждый день и каждый час для улучшения участи простых людей Пакистана, для стабилизации внушающей все большие опасения международной обстановки.

Трудностей хватало. Пакистан того и гляди могли объявить террористическим государством; армия орудовала в Карачи, государство балансировало на грани банкротства. Страна трепыхалась в бездне охватившего ее со всех сторон кризиса.

Снова я прилагала все усилия к тому, чтобы ввести Пакистан в современный мир. В первые же месяцы правительство инициировало амбициозную «программу социального действия», преследовавшую цели ускоренного развития образования, жилищного строительства, здравоохранения, социальной гигиены, инфраструктуры и улучшения положения женщин. Ключевым элементом этой программы было партнерство

государственного и частного секторов с беспрецедентно высокой долей участия центрального правительства, грантами международных фондов развития при поддержке расширяющегося частного сектора Пакистана.

В первый же год работы моего правительства мы получили рекордную сумму иностранных инвестиций в 20 миллиардов долларов — больше, чем за предыдущие сорок лет. Восемьдесят процентов вложений приходилось на энергетику. Процентные ставки по вложениям в энергетику мы установили на самом низком во всей Азии уровне. Мы ставили целью покончить с перебоями в электроснабжении и подстегнуть экономику.

Мы модернизировали правила биржевых операций и компьютеризировали государственный банк. Программа приватизации позволила проводить выплаты по займам и снизить бремя процентных выплат. Наше правительство, первое за всю историю Пакистана, выплачивало кредиторам не только проценты, но и сами долги. Приватизация промышленности и энергетики позволила нашим экономическим структурам подняться до конкурентоспособного уровня. Нами принимались решительные меры для сокращения внутреннего долга. Расходы, не направленные на развитие, мы сократили на три миллиона рупий — треть тогдашних налоговых поступлений. Все эти меры окупились. Пакистан вступил в полосу расцвета.

Президент Экспортно-импортного банка США при встрече со мной хвалил наши макроэкономические реформы и сказал, что без опасений подписывает ручательства по финансовому участию в Пакистане. Канцлер британского казначейства интересовался, каким образом мы смогли увеличить вдвое налоговые поступления.

Мы добились еще большего. Во время моего второго срока темп роста утроился, поднявшись в сельском хозяйстве с нуля до семи процентов. Инвестиции вызвали прирост, а следовательно, и увеличение занятости населения, создание столь необходимых новых рабочих мест для подрастающего поколения пакистанцев. Мы способствовали повышению компьютерной грамотности, приступили к созданию банков математического обеспечения. Мы — первая страна в регионе, пригласившая предпринимателей для создания нового города в Исламабаде. К несчастью, отстранение нас от власти замедлило создание компьютерных программ, а Индия перехватила первенство с Бангалором. Проект международного города был оставлен в 1977 году, однако после Дубая в Объединенных Арабских Эмиратах режим Исламабада приступил все же в 2006 году к реализации программы жилищного строительства, которую мы создали за одиннадцать

лет до этого.

Мы приступили к обучению стотысячной армии женщин планированию семьи и уходу за детьми. В результате замедлился рост населения, уменьшилась детская смертность.

Один из печальных курьезов случился, когда мы решили приступить к йодированию соли. Это действие было предпринято как мера противодействия отсталости умственного развития, профилактики зоба и проблем щитовидной железы. Религиозные партии, известные как второй эшелон пакистанской военщины, тотчас приступили к распространению измышлений, что потребление йодированной соли ведет к импотенции и бесплодию. В этой стране политизируются даже самые простые вещи, мракобесы ради получения сиюминутных выгод готовы подвергнуть риску здоровье детей.

Мое правительство подписало Конвенцию по борьбе с дискриминацией женщин. Примером для женщин по всему мусульманскому миру стали достижения наших спортсменок на Олимпийских играх и создание Мусульманского женского межпарламентского союза по образцу Международного парламентского союза. Мы создали специальные женские полицейские участки, чтобы женщины не боялись обращаться в полицию по поводу совершенных против них преступлений и правонарушений. Впервые женщина стала членом Верховного суда. Мы создали семейные суды, в которых судьи-женщины рассматривали семейные споры, связанные с отношениями между супругами и касающиеся судьбы детей.

Используя немногое отведенное нам судьбою время, мы резко ускорили выполнение программы строительства и модернизации школ, построили тридцать тысяч школьных зданий, доведя за оба срока число начальных и средних школ до сорока восьми тысяч. Убежденные в том, что лучший способ воспитать грамотного ребенка, — научить грамоте мать, мы учредили вспомогательную программу обучения матерей.

Когда наш семейный врач посоветовал дать моей дочери Асифе противополиомиелитные капли, я поинтересовалась, какова ситуация с этой болезнью в Пакистане, и ужаснулась, узнав, что каждый пятый ребенок рождается пораженным ею. Мое правительство развернуло кампанию по обеспечению всех детей противополиомиелитной вакциной, привлекло к выполнению программы добровольцев. Я лично возглавила эту кампанию. В результате мы искоренили полиомиелит в Пакистане, детская смертность резко упала. Всемирная организация здравоохранения вручила мне золотую медаль в знак признания заслуг моего правительства в сфере охраны здоровья.

Мы ускорили вступление Пакистана в информационный век, способствуя внедрению информационных технологий в бизнес и в образование. Компьютеры появились в самых отдаленных сельских школах. Международная организация труда отметила, что мой срок правления отмечен самым интенсивным развитием рынка труда в Пакистане.

Интеграция Пакистана в глобальную экономическую систему всегда оставалась приоритетной целью моего правительства. Я с полным правом могу гордиться тем, что во время моего второго срока мы вышли на десятое место в мире среди развивающихся рынков капитала. Еще во время первого срока правления мы приступили к укреплению связей с центральноазиатскими республиками, учредили туда авиарейсы, открывали там банковские филиалы. Теперь мы ускорили развитие в этом направлении, к живейшему удовлетворению населения и правительств этих стран.

Мы неустанно работали дома и за рубежом, восстанавливая доверие к стране в международном сообществе. Пакистан сильно пострадал от прекращения Соединенными Штатами помощи из-за нашей ядерной программы. В 1992 году Госдепартамент США занес Пакистан в список государств, поощряющих терроризм. Это клеймо испортило репутацию Пакистана во всем мире.

В апреле 1995 года я посетила США, неоднократно встречалась с президентом Биллом Клинтоном. Молодой подтянутый президент отличался прекрасной и весьма дотошной памятью, не увиливал от сути обсуждаемых проблем. К примеру, Пакистан заплатил за истребители F-16, но самолетов не получил. Клинтон часто, обсуждая какую-либо тему, использовал терминологию и словарь, применяемые собеседником. Он не спорил, что Пакистан должен получить либо самолеты, либо деньги, и пообещал поднять тему перед конгрессом США. Он сказал: «Самолеты или деньги. Все просто и по справедливости».

После моего избрания в 1993 году я прекратила не приносившие никакой пользы армейские операции в Карачи, начатые моим предшественником. Чтобы восстановить порядок в крупнейшем городе страны, я обратилась к его населению с просьбой помочь обезвредить террористов.

Народ живо откликнулся на мой призыв. Мы получили полезную информацию и захватили злоумышленников, отказавшись от широкомасштабных действий.

На северных территориях ПНП воодушевляла народ, создав выборный Народный совет для решения проблем развития региона. Мы начали сооружение дорог к местам проживания племен, изучали предложения по созданию Совета племен, по

развитию и соблюдению прав человека, по представительству северных территорий.

Восстание в Кашмире тлело, связывая индийские войска, но не отягощая отношений между Индией и Пакистаном. Я понимала, что нам нужен мир, чтобы бороться с бедностью, болезнями и отсталостью. Индо-пакистанский диалог продолжался, несмотря на разногласия по Кашмиру. Я встретилась с министром иностранных дел Дикситом на Кипре, на конференции стран Британского Содружества. Мы согласились вести с Индией переговоры по двум направлениям: первое — трения по Кашмиру, второе — индо-пакистанские отношения. Мое правительство ратифицировало соглашение по тарифам SAARC, разработанное во время первого срока. Министр торговли правительства интенсивно работал над расширением торговых связей с Индией.

Для достижения прогресса в вопросе Кашмира созвали конференцию всех заинтересованных сторон «Хурийет»; во время встречи лидеров мусульманских стран в Марокко создали контактную группу «Хурийет». Я ощутила гордость за свою страну, когда приняли мое предложение организовать следующую встречу руководителей исламских государств 1997 года в Пакистане.

Но экстремисты не сдавались. Они попытались сжечь величественное здание Национальной ассамблеи Пакистана, захватили в 1994 году школьный автобус с детьми, устроили взрыв посольства Египта. После ареста и допросов Рамзи Юсефа в 1995 году всплыла на свет подпольная сеть так называемых «медресе», занятых промыванием мозгов, военной подготовкой террористов, культивировавших ненависть и насилие под людоедскими лозунгами: «Бей индуистов, христиан, иудеев, шиитов...» — в общем, всех, кто смеет мыслить иначе, чем ты, чье толкование религии хоть на йоту отличается от внушенного тебе. Правительство потребовало от них введения курсов естественных и гуманитарных наук и прекращения человеконенавистнической пропаганды. Исламский университет в Пешаваре бросил вызов правительству, отказался выполнить мои указания, и его пришлось закрыть. Этот шаг экстремистов припугнул, они приступили к регистрации своих медресе. Обучались в этих рассадниках терроризма «студенты» из двадцати шести стран.

В мои детские годы мусульмане терпимо относились к различиям в толковании ислама другими. После захвата власти Зией и советского вторжения в Афганистан расцвела опасная нетерпимость, раскалывающая общество. Зия всячески продвигал одну школу в ущерб другим, и эта школа отличалась

нетерпимостью к диалогу и склонностью к насилию. Эта школа, противореча исламу, утверждает, что женщина не имеет права выбирать спутника жизни. Родители, согласно их учению, обязаны убить дочь, отважившуюся выбрать партнера самостоятельно. Более того, убивать следует каждого, кто иначе толкует ислам.

Это экстремистское толкование широко распространилось как прямое следствие оккупации Афганистана Советским Союзом. Новые медресе в корне отличались от традиционных, учивших читать и понимать Священный Коран и преподававших также математику, философию, право и астрономию. Медресе, созданные экстремистами из афганских моджахедов с благословения пакистанских разведслужб, готовят кадры не только для подрыва позиций Запада, для прямой конфронтации с ним, но и для порабощения мусульманского мира. Этого направления в исламе придерживаются Усама бен Ладен, Мулла Омар и иже с ними, оно очень удобно для террористов, оправдывающих свои зверства высокими устремлениями. Разумеется, господам, придерживающимся такого, с позволения сказать, «мировоззрения», Пакистанская народная партия и другие плюралистические движения мусульманского мира что кость в горле. Историческая толерантная интерпретация ислама, которой придерживался завоеватель Иерусалима Салах ад-Дин, известный на Западе как Саладин, которой придерживались повелители неразделенной Индии Моголы, искажена экстремистами в целях оправдания своих неуемных политических амбиций.

Такие группы панисламских религиозных экстремистов собирались перед отелем «Дорчестер» в Лондоне, поджидали меня в других местах, посещаемых мною в качестве премьер-министра, чтобы выкрикивать направленные против меня лозунги. Однажды они орали под моими окнами всю ночь, не дав заснуть ни на минуту, и я поняла, что в Англии их немалое количество. Поскольку они не делают секрета из своего намерения уничтожить «нечестивый Запад», я обеспокоилась таким ростом их влияния. На следующий день во время встречи с британским премьер-министром Джоном Мейджором я не таила от него своих опасений и порекомендовала поинтересоваться, что проповедуют на территории его страны обосновавшиеся там имамы моджахедов, попыталась обрисовать контуры грядущей опасности. Помню полнейшее непонимание в глазах моего собеседника. Я в Пакистане уже столкнулась с экстремистской угрозой. Но Западу еще только предстояло с ней познакомиться. Очень скоро, впрочем, ситуация изменилась.

Не нужно обладать даром прозорливости, чтобы понять, что экстремисты рассматривали меня как помеху своим планам. Они стремились полностью контролировать Пакистан. Вследствие этого они не жалели сил, энергии и ресурсов, чтобы избавиться от моего правительства. Я всерьез полагаю, что существует некоторая причинная связь между тем, что наиболее масштабные злодеяния террористы совершили, когда им не приходилось иметь дело с демократическим правительством Пакистана, когда они могли хозяйничать в стране бесконтрольно, не боясь последствий. Это относится к взрывам в нью-йоркском Центре мировой торговли в 1993 и 2001 годах, к взрыву в Бомбее, к акции в парламенте Индии, к нападениям на американские посольства в Африке и на американский эсминец «Коул» в Йемене. Я уверена, что, если бы мое правительство не смогли дестабилизировать в 1996 году, Талибан не позволил бы Усаме бен Ладену обосноваться в Афганистане, открыто вербуя и обучая молодежь со всего мусульманского мира, готовя жертв и убийц для объявленной им в 1998 году войны Америке.

Во время моего второго срока меня снова пригласили однажды в Генеральный штаб для ознакомления с обстановкой. Руководитель штаба военных операций генерал-майор Первез Мушарраф — тот самый, который впоследствии стал начальником Генерального штаба, узурпировал власть и назначил себя президентом, — обстоятельно описывал ситуацию.

И снова я услышала старую песню о том, как славно и безболезненно Пакистан захватит Сринагар, какие я пожну лавры, стоит только отдать приказ доблестной пакистанской армии. И никакой войны с Индией, заверил меня генерал.

— А что потом? — спросила я его. Генерал удивился моей наивности:

—Потом пакистанский флаг взовьется над зданием парламента в Сринагаре.

—А что потом? — повторила я.

—Потом вы сообщите в ООН, что Пакистан овладел Сринагаром.

— А что потом? — напирала я. Генерал почувствовал себя неуютно.

— Потом... Потом пусть меняют карту мира в соответствии с реальной обстановкой.

— А что мне скажут в ООН, вы тоже знаете?На этот раз генерал промолчал.

— Совет Безопасности единогласно примет резолюцию, осуждающую нас и требующую вывода войск без всяких предварительных условий. И мы за все потуги останемся

униженными и оплеванными, в полной изоляции.

На этом я с генералом и распрощалась.

Попытки меня устранить привели к организации в сентябре 1995 года заговора бригадного генерала Мунтассира. Его группа собиралась доставить в Исламабад оружие, захватить Генеральный штаб, расстрелять во время заседания всех генералов, затем от их имени пригласить на заседание меня и тоже уничтожить.

Предназначенное для группы оружие перехватила полиция. Курьеры представились бойцами сопротивления Кашмира, однако верная избранному правительству местная полиция решила проверить и связалась с военной разведкой. Шеф внутренней разведки приказал задержать группу и допросить.

Армию возглавлял тогда генерал Вахид Какар. Он позвонил мне, и я его тут же приняла в резиденции премьер-министра. Генерал рассказал о заговоре и заключил словами:

— Вы везучая женщина, госпожа премьер-министр.

Я внимательно изучила «Обращение к народу», сочиненное участником заговора Захиром уль-Исламом Аббаси. Его сочинение начиналось призывом ко всем мусульманам объединиться под знаменем «исламской революции» — так он обозначил замышлявшийся переворот. Он провозглашал упразднение границ в мире ислама, начиная с объединения братских народов Афганистана и Пакистана. Экстремистами перепевалась на разные лады древняя идея конфедерации. Они планировали выход через Афганистан в Центральную Азию, а через Турцию и Чечню — в Европу, к берегам океана. Тот же халифат Усамы бен Ладена.

— Всех судить военным судом и на виселицу, — просветил меня генерал Какар насчет участи заговорщиков, выпущенных впоследствии на свободу в правление генерала Мушаррафа.

Меня беспокоило проникновение экстремистских настроений в армию, и я просила генерала Какара остаться на своем посту после окончания срока действительной службы в 1995 году. К сожалению, он не согласился на мое предложение.

Бывший офицер разведки майор Аамир организовал в Приграничье религиозную военизированную группировку, известную под акронимом TSNM. Эти экстремисты устроили беспорядки в Малаканде, захватили несколько полицейских участков, убили члена парламента, избранного от нашей партии. Мое правительство отказалось идти на уступки террористам, их арестовали, в Малаканде восстановили порядок. Согласно сообщениям прессы, один из руководителей восстания, Молана Лиакат, погиб в Баджорском инциденте 30 октября 2006 года,

другому удалось сбежать. Мы не останавливались перед применением силы против террористов и всегда пользовались поддержкой народа. Террористы отступали перед нашим натиском, обстановка внутри страны и за рубежом становилась менее напряженной.

В январе 1996 года я летала в Белуджистан на открытие плотины Акора. Таким образом, выполнялось мое обещание народу Белуджистана обеспечить его питьевой водой. Один из ведущих журналистов страны сообщил мне, что к нему обратились из Генерального штаба армии и среди прочего сообщили, что армия «собирается от нее отделаться». Его попросили сочинить серию статей о коррупции в моем кабинете и вручили папку с материалами.

В марте армейский майор сообщил мне, что разведка разработала полномасштабный план свержения моего правительства. Месяцем позже еще один офицер армии проинформировал меня о контактах генералов с председателем Верховного суда. В обмен на создание конституционного кризиса как предлога для роспуска президентом моего правительства судье обещали кресло премьера во временном правительстве.

Мы подняли вопрос о кадровых перестановках в армейских верхах перед начальником Генерального штаба генералом Караматом, но он проявил нерешительность. Когда я пожаловалась ему на активно противодействующего мне генерала Махмуда, начальника штаба военных операций, генерал Карамат предложил мне свою собственную отставку.

Изменения в армейской верхушке и разведывательных службах, происшедшие в конце 1995 года, — в особенности уход на пенсию генерала Какара и перевод генерала Ашрафа из военной разведки — прозвучали смертным приговором моему второму правительству.

После отставки генерала Какара сторонники жесткой линии в армии привлекли в свой лагерь президента и взяли курс на смещение моего правительства. Один из родственников президента сообщил мне в августе 1996 года, что военная разведка обратилась к нему с просьбой передать президенту требование отправить мое правительство в отставку. «А если он не послушается, то военные избавятся от обоих», — таким образом якобы завершалось это требование.

Если бы конституция облекла правом распоряжаться армией премьер-министра, а не президента, я бы предприняла соответствующие шаги против офицеров, пытавшихся свергнуть законное правительство. Но президент опасался противоречить генералам армии и разведки. Он наивно полагал, что, подыграв

военным, останется президентом еще лет на десять. Возможно, разведка и служба безопасности его просто запугали. Бывший глава службы безопасности генерал Хамид Гуль в августе 1996 года обратился и к генералу Джехангиру Карамату. Он сказал, что президент готов сместить премьер-министра, но опасается, что это не понравится шефу армии. Если это не так, то генералу Карамату следует поднять перед президентом вопрос о смещении премьер-министра.

Эти два контакта, генерала Махмуда с родственником президента и генерала Гуля с генералом Караматом, раскрывали суть интриги. Президента запугивали, что его сбросит армия, если он не уволит правительство. Армейского шефа запугивали, что президент его сместит с должности, если он слишком близок к премьеру. Конституция давала президенту это право.

Глава военной разведки генерал Махмуд, главная движущая сила переворота генерала Мушаррафа, стал впоследствии главой службы безопасности Пакистана. После теракта 9 сентября его вынуждены были уволить под давлением из-за рубежа.

В обстановке нагнетания политической напряженности нашу семью постигла еще одна личная трагедия. Отца моего убил диктатор Зия уль-Хак. Брат Шах Наваз погиб от яда во Франции. А 20 сентября 1996 года нас потрясло новое убийство. Брат мой Муртаза погиб в перестрелке с полицией перед своим домом в Карачи. Я особенно тяжко переживала его смерть, ибо мы как раз примирились после нескольких лет расхождений по политическим причинам, в нашей семье снова воцарилось единство.

Все мужчины Бхутто погибли. Остались лишь мы с матерью и сестра Санам. Мою мать затронула одна из разновидностей болезни Альцгеймера, и она, казалось, в буквальном смысле лишилась рассудка, узнав о смерти сына.

И конечно же, не могла у меня не возникнуть мысль, что убийство Муртазы — часть заговора против моего правительства.

Через несколько недель после смерти брата я выступала в Нью-Йорке перед Генеральной Ассамблеей ООН. Я приехала с матерью, так как не могла оставить ее дома из-за болезни. Громадная тяжесть давила на мои плечи: смерть брата, слухи о неминуемой отставке, состояние матери быстро ухудшается... Но я произнесла перед собранием делегатов энергичную речь, представила им, как выглядит мир, если смотреть на него из Пакистана, воззвала к соблюдению прав человека и демократических норм в нашей стране и в Кашмире. Сердце мое, однако, мучила боль.

Вскоре после возвращения из Нью-Йорка я обнаружила, что

телефон мой прослушивает сам генерал Гуль. Я позвонила своему министру обороны, интересуясь информацией о тайной встрече сотрудников аппарата президента с заговорщиками. Как только я положила трубку, министру обороны позвонил генерал Гуль и издевательски захохотал в трубку: «Ха-ха-ха, госпожа премьер-министр изволит интересоваться, о чем беседовали генералы? Ха-ха-ха!»

Несколькими днями позже, приурочив свое решение к президентским выборам в США, вечером 4 ноября 1966 года, президент Пакистана уволил мое правительство, снова воспользовавшись все той же восьмой поправкой, все с тем же навязшим в зубах предлогом «коррупции и некомпетентности». Чтобы добавить к этому политическому удару личное оскорбление, арестовали моего мужа по насквозь лживому обвинению, инкриминировав ему убийство моего брата. Лишь в 1997 году судейская коллегия под председательством члена Верховного суда сняла с него это пятно.

Сторонники жесткой линии среди военных спешно создали Национальное бюро подотчетности, с единственной целью — травить меня и моих сторонников. Отставные военные, многие годы отдавшие борьбе с ПНП, фабриковали дело за делом против моей семьи и моей партии. Вернулись дни террора. Среди ночи к людям врывались в дома, хватали и увозили, травмируя их самих и их близких.

Большинство населения Пакистана, разумеется, знало цену этим надуманным обвинениям. Но усилий этих господ хватило на то, чтобы восемь лет держать моего мужа в тюрьме без всяких доказательств, без всяких свидетельств, даже без предъявления обвинения.

Единственное его преступление — он был моим мужем.

Президент же, уволив мое правительство, продолжал выслуживаться перед военными и официально оформил разделение власти под эгидой Национального совета обороны и безопасности, составленного из президента, премьер-министра, министров правительства, председателя комитета начальников штабов и шефов трех родов войск. Этот совет признал за пакистанскими военными политическую роль, к которой они так долго стремились и против которой я упорно возражала.

Все политические партии Пакистана, за исключением партии Навааза Шарифа, заявили протест против этого фактического переворота. Наваз, благосклонно принятый военными на роль «послушного мальчика», выразил военно-политическому новообразованию полную поддержку. Исход выборов 1997 года можно было считать предрешенным.

Через несколько дней после убийства моего брата Муртазы случилось еще одно зловещее событие. Талибан занял Кабул, овладев контролем над всем Афганистаном и сдавив народ страны тисками своей теократической тирании. Снова пакистанские «ястребы» вспомнили о доктрине «стратегической глубины». Устранив меня, они устранили все помехи на пути талибов и своих общих с ними замыслов.

Избирательная кампания 1996 года оказалась еще более управляемой и подтасованной, чем выборы 1990 года. В итоге моей партии выделили «от щедрот» 18 мест из 207. Навазу за хорошее поведение выдали аж 137. Мне опять отводилась роль бойца из оппозиционной глубинки.

Однако, когда Наваз решился наконец замахнуться на знаменитую восьмую поправку о роспуске парламента президентом, крушившую пакистанскую демократию, ПНП поддержала его.

Большинство остальных мероприятий правительства Наваза носило явно реакционный характер. Пакистан откатывался назад. Наваз Шариф пытался обеспечить конституционное прикрытие своей политике «исламизации», публично восхвалял режим талибов как достойный пример для подражания. Оппозиция обвинила его в стремлении к статусу «царя правоверных», *«эмир-уль-моминин»,* вроде Муллы Омара.

После ухода в отставку моего правительства талибы отказались подписать соглашение по составу афганского правительства, выработанное нами совместно с особым представителем ООН. Его наметили к подписанию на седьмое ноября, но отсрочили в связи со сменой правительства. При Навазе Талибан отбросил всякую сдержанность, полностью открыл карты. Талибы убивали иранских дипломатов, они разрешили бен Ладену объявить с их земель войну Соединенным Штатам. Талибан из режима национального превратился в транснациональный, используя территорию своей страны для агрессивных актов в других странах.

Из зала заседаний парламента Пакистана, где я снова выполняла функции лидера оппозиции, я призывала Исламабад пригрозить талибам разрывом отношений, если они не будут придерживаться правил международных отношений. Я предупреждала, что политика «стратегической глубины» может обернуться реальной стратегической угрозой для Пакистана.

Моя партия использовала свой перевес в верхней палате парламента для блокирования попыток Наваза превратить Пакистан в теократию. И снова я начала поездки по планете с целью призвать общественность мира поддержать силы

пакистанской демократии.

Мне повезло, что в апреле 1999 года я оказалась в отъезде. Режим оформил ордер на мой арест. Я с детьми переехала в Дубай, в Объединенные Арабские Эмираты, где мы и живем в изгнании по сей день.

Сказано в древности, что «нет ничего нового под солнцем». Если поинтересоваться пакистанской политикой, то это высказывание кажется особенно верным. Друзья, враги, союзники тасуются, меняются местами в орвелловской чехарде. «Брак по расчету» Наваза Шарифа с военными и службами безопасности и разведки развалился, дожив лишь до каргильского конфликта, после которого все принялись валить вину за провал друг на друга и выгораживать себя.

Каргил довел Индию и Пакистан до грани ядерной катастрофы и способствовал свержению Наваза Шарифа. Этот стратегический пункт в Гималаях, господствующий над частью Кашмирской долины, зимой необитаем. С наступлением очередной весны к нему подтягиваются индийские и пакистанские войска. Но в этот раз кашмирские моджахеды успели занять привычные индийские позиции до подхода индийских войск. Это повлекло за собой крупные неприятности.

Когда дело запахло крупномасштабной войной, Наваз Шариф понесся в Вашингтон за помощью и спасением. Однако вместо помощи он получил от президента Клинтона публичную выволочку и требование немедленного отвода пакистанских войск. Режим Наваза поспешил это требование исполнить без всякого плана, без подготовки. В результате при занятии индийцами высот погибли десятки наших солдат. Осведомленные друзья сообщали мне, что трупы солдат складировали в замороженном состоянии и отправляли внутрь страны мелкими партиями, чтобы не выдать истинного числа жертв бездарности командования.

Началось перепихивание ответственности. Премьер-министр жаловался, что военные не поставили его в известность о движении моджахедов, генералы же утверждали, что он все знал и одобрил операцию. В соответствии со своим утверждением, что генералы действовали за его спиной, Наваз Шариф волей-неволей предпринял шаги к наказанию виновных. Отношения между Навазом и генералом Мушаррафом, к тому времени вышедшему у военных в главные, ухудшились до полного разрыва. Стало ясно, что они дошли до такой степени вражды, что примирение невозможно, выжить может лишь один.

Наваз уволил Мушаррафа 12 октября 1999 года, когда тот возвращался в Пакистан из-за границы. Наваз не дал самолету

генерала приземлиться, после чего военные захватили аэропорт Карачи и спасли Мушаррафа, самолет которого, оставшись без топлива, мог потерпеть крушение. Мушарраф тут же объявил военное положение, арестовал премьер-министра, разогнал правительство и парламент. На этот раз обошлись без всяких ссылок на конституцию, переворот получился классический, старого образца.

Как водится, Мушарраф пообещал восстановить демократию и, тоже как водится, обещание выполнять не собирался. Он объявил плебисцит на тему своего президентства. Хотя все наблюдатели, как отечественные, так и зарубежные, сообщали, что явка оказалась почти нулевой, Мушарраф объявил, что проголосовало 70 процентов избирателей и из них 98 высказалось в его пользу. Таким образом, получилась модель Политбюро, а не обещанная демократия, однако мировая общественность, завороженная ростом опасности со стороны исламских террористов, этот фарс охотно проглотила и попросила добавки.

Добавкой к фарсу референдума послужил подобный фарс выборов в парламент. Я получила от пособников Мушаррафа несколько предупреждений не выставлять свою кандидатуру, однако мною руководило чувство ответственности перед народом. Я отказалась отступить, и тогда администрация проштамповала несколько указов, которыми я отсекалась от участия в выборах. В изданной в 2006 году автобиографии Мушарраф открыто признает, что не дал мне участвовать в выборах, опасаясь, среди прочего, что я снова стану премьер-министром. Моя жалоба на незаконное отстранение от участия в выборах до сих пор «рассматривается» пакистанскими судами, через несколько лет после выборов 2002 года.

Несмотря на все препоны, Пакистанская народная партия набрала самое большое количество голосов. Однако некоторые выбранные по ее списку парламентарии поддались на угрозы и подкуп. Обвинения против них вдруг отпали. Взамен посыпались контракты и министерские портфели. Сила моей партии оказалась подкошенной. Шеф федеральной службы безопасности вызвал избранных парламентариев к себе. За его креслом скромно жался на стульчике кандидат в премьеры господин Джамали. Парламентариям без всяких околичностей велели голосовать за господина Джамали, что они и выполнили.

Муж мой, уже шесть лет томившийся в тюремной камере без предъявления обвинения, с жаром выступил против моего возможного отказа от участия в выборах. Я гордилась его замечательным поведением. Ему еще предстояло провести два года в тюрьме при Мушаррафе, он там чуть не умер, но все время

мы оставались духовно связаны, и эта связь поддерживала нас обоих, давала силы продолжать борьбу.

Исламские партии никогда за три десятка лет не набирали на выборах больше тринадцати процентов голосов. По результатам выборов 2002 года — на следующий год после нападения террористов на Нью-Йорк и Вашингтон — радикальные исламские партии захватили контроль в провинциальных ассамблеях Белуджистана и Приграничья. Эта группа партий называлась ММА (Муттихада меджлис-и-амаль), что злые языки расшифровывали совсем иначе: «муллы и милитаристы, альянс». В состав альянса входили Исламская ассамблея, Ассамблея исламского духовенства, Ассамблея духовенства Пакистана и Движение за ислам. Всегда эти партии тащились в хвосте, но тут вдруг каким-то образом захватили контроль в двух провинциях. В Национальной ассамблее им каким-то чудесным образом досталось шестьдесят три места.

Ознакомившись с так называемыми «результатами выборов», я не смогла сдержать скептической усмешки. Замысел Мушаррафа прозрачен и не слишком тонок. Представив выборы как убедительную победу исламистов, он недвусмысленно давал понять Западу, что один лишь он стоит на пути фундаменталистов к власти в нашей владеющей ядерным оружием стране. Известный пакистанский ученый Хусейн Хаккани очень остроумно заметил, что «пакистанские генералы в течение десятилетий использовали мулл для подрыва гражданских институтов страны, а теперь используют их в качестве пугала для международного сообщества, в особенности для Соединенных Штатов, чтобы выбить из них помощь для удержания в своих руках власти над страной».

К сожалению, и по сей день находятся простаки, готовые им верить.

Когда Рамзи Юсеф попал в руки пакистанской полиции в 1995 году, в мое правление, при нем нашли и планы угона самолетов американских авиалиний с последующим использованием захваченных воздушных судов в качестве оружия против небоскребов. Аль-Каида конкретизировала эти планы для бассейна Тихого океана, где тоже предполагалось угнать в один день несколько самолетов для проведения массовой террористической акции. Новое поколение международных террористов перешло от взрывов автобусов и одиночных убийств к массовым.

Одиннадцатого сентября 2001 года я, разумеется, переживала за жертв трагедии, но, по сути, не слишком удивлялась. Хотя рассудок все же отказывался верить в то, что я наблюдала на

экране.

Столь злостных вариантов примеров политизации религии история не знала. Подобно тому, как они угоняют американские самолеты, «Аль-Каида» и ее союзники пытаются «угнать» интерпретацию ислама. Они с легким сердцем взрывают непричастных к политике людей в поездах метро Лондона и Мадрида, с легким сердцем эксплуатируют религию и манипулируют ею. Так же, впрочем, обращались с религией и пакистанские генералы, только десятилетиями раньше.

Политических экстремистов не интересует тот факт, что убийство неповинных Святая Книга мусульман строжайше и особо запрещает. Их вообще не интересует теология, они погружены в теократию, их снедает вульгарная жажда власти.

Я переживала, я страдала, наблюдая, как горят башни-близнецы в Нью-Йорке, понимая, что множество людей гибнет там самой страшной, мучительной смертью. В Гарварде и в Оксфорде, где я училась в молодости, я привыкла считать Соединенные Штаты и Британию своим вторым домом. Седьмого июля 2005 года я снова страдала, наблюдая несчастье, свалившееся на Лондон. И усугубляло мои страдания то, что эти преступления прикрывались именем ислама, что они напрямую связаны с моей родиной, с Пакистаном. Аналитики задаются вопросом: «Почему Пакистан? По какой причине в каждом террористическом заговоре фигурирует Пакистан?»

Действительно, эта зловещая связь между террористическими актами на Западе и Пакистаном не случайна. И, к сожалению, для меня она более очевидна, чем для тех западных политиков, которые сознательно позволяют пакистанским военным режимам подавлять у себя дома демократические устремления народа Пакистана, которые закрывают на это глаза, пока и поскольку диктаторы поддерживают — а чаще делают вид, что поддерживают, — краткосрочные политические цели Запада.

Именно это заигрывание с диктаторами и приводит к столь плачевным последствиям.

В конце 70-х и на протяжении всех 80-х Запад нянчился с диктатором Зией уль-Хаком, поскольку тот дозволил своей государственной службе безопасности тесно сотрудничать с ЦРУ США. Этот альянс пакистанской госбезопасности и ЦРУ не только познакомил моджахедов с современным вооружением и технологиями, но и превратил мою родину из мирной страны в общество, в котором правят бал «Калашниковы», насилие, наркотики и радикальный ислам. Отвлечение львиной доли ресурсов из социального сектора в военный еще не исчерпало всех своих разрушительных последствий.

Государство отстранилось от своих обязанностей в образований, здравоохранении, жилищном строительстве, социальных услугах, и население стало искать их в другом месте. И другие возможности не замедлили представиться. Во всех четырех провинциях рассыпались десятки тысяч политических «медресе».

В наши дни экстремисты, злоупотребляя именем ислама, создали тройственную структуру. Религиозные партии обеспечивают политическое прикрытие и поддержку. Политизированные «медресе» нагнетают атмосферу ненависти и нетерпимости к последователям других вероисповеданий и к другим школам ислама. Военизированные группы вроде *«Лашкар-и-тайяба»* и *«Харкат-уль-ислам»* вербуют и обучают боевиков. Для некоторых обучаемых их занятие — священная «миссия», но для большинства — обычная работа. Один из племенных вождей, к примеру, элегически вздыхая, жаловался мне, что президент Афганистана Кар-зай платит солдатам 70 долларов в месяц, а Талибан своим наемникам — целых сто.

После ухода Советов из Афганистана Запад не интересовался развитием там демократии, вакуум заполнили самые радикальные и хищные элементы *муджахиддин.* Некоторые группы обосновались и в Пакистане под крылышком военного режима. Деятельность их направлена на развязывание «священной войны» против Запада, и сила их постоянно растет.

С прискорбием наблюдаю я, как повторяются события, как Америка, ничему не научившись с прежним диктатором Зией уль-Хаком, вновь разыгрывает тот же сценарий с новым, Первезом Мушаррафом. Через два десятилетия после путча Зии другой начальник Генштаба повторяет его действия, свергает очередное гражданское правительство. И так же точно, как играл Западом прежний диктатор, играет и этот. Время от времени оказывает незначительную и несущественную, всегда неискреннюю поддержку в борьбе с террором, отвлекая внимание Америки и Британии, а тем временем Талибан использует под базы глухие сельские местности Пакистана, убивая солдат НАТО в соседнем Афганистане. Все военные ячейки функционируют. Иногда для виду одного или другого главаря арестовывают, потом, выбрав момент поудобнее, выпускают. Между тем военная диктатура притесняет оппозицию, громит политические партии, держит в узде прессу и попирает человеческие права своего населения.

Цель военного режима — обеспечить отсутствие альтернативы службам госбезопасности в формировании правительства. Потому и ПНП подвергается постоянной травле.

Тем, кто заигрывает с военным режимом, следовало бы

вспомнить строки из инаугурационной речи президента Джона Кеннеди в 1961 году, процитировавшего древний детский стишок: «Тот, кто любит кататься на тигре, обычно оказывается у него в желудке».

Впервые я встретилась с генералом Мушаррафом, когда он выполнял обязанности переводчика во время визитов ко мне турецких военных представителей. Сделать его своим военным секретарем я отказалась, ибо его подозревали в связях со склонной к насилию этнической партией, известной под названием «Движение мухаджиров Камуми» (MQM). В последнее с ним свидание он представлял мне сценарий военной авантюры в Кашмире.

Доходящая до одержимости решимость Мушаррафа не допустить меня до выборов, блокировать мое переизбрание, привела к ослаблению политических институтов и разрушению инфраструктуры демократии как в виде политических партий, так и в части гражданских институтов. К тому же бюджет диктатора отсасывал средства из социальной сферы и перенаправлял их на военные расходы, усугубляя обнищание населения.

Мы знаем о нескольких попытках покушения на жизнь генерала Мушаррафа. Можно лишь надеяться, что не последуют дальнейшие. Неспособность построить устойчивое демократическое общество ведет к далеко идущим последствиям.

Режим Мушаррафа умышленно ослабил ответственность за пограничные области Пакистана. Генералы утверждают, что полный контроль там осуществить невозможно. Не удивительно поэтому, что бен Ладен свободно разгуливает между странами. Утверждение, что приграничные области невозможно контролировать, — полная чушь. Во время обоих моих премьерских сроков мое правительство посылало туда войска, прекрасно справлявшиеся с поддержанием законности и порядка. Режим Мушаррафа отдал эти области террористам. Диктатор мирно сосуществует с экстремистами, убивающими женщин, детей, мужчин — пассажиров самолетов, поездов, автобусов в Европе, Америке, Пакистане. Женщину-премьера обвинили бы в слабости и некомпетентности, но генерал остается вне критики. Несмотря на очевидный прогресс в области прав женщин, двойные стандарты оценки лидеров по половому признаку все еще не изжиты в современном мире.

Мушарраф оказывает символическую поддержку в борьбе против террора, гомеопатическими дозами, отмеряемыми им самим, но достаточными, чтобы добиться благосклонности Вашингтона и Лондона. В то же время он лелеет и пестует врагов Запада. Политизированные медресе, которые мое правительство

контролировало и иногда закрывало, теперь беспрепятственно сеют ненависть дома и смерть за рубежом.

Я считаю, что такие уль-Хаки и Мушаррафы подпитывают ксенофобию, испытываемую на себе пакистанцами, живущими на Западе. Часто говорят, что выборы не остаются без последствий. Я бы выразилась иначе: перевороты не остаются без последствий. Подавление демократического самовыражения вкупе с разжиганием экстремистского толкования ислама, вне всякого сомнения, не остаются без последствий не только для Пакистана, но и для всего мира. Потому-то я и не удивляюсь, что следы террористов всегда ведут в Пакистан. Чему удивляться? Военные правители в течение не одного поколения всячески развивали, разжигали и использовали экстремизм.

Собираясь вернуться в Пакистан в 2007 году, я полностью представляю опасности, ожидающие не только меня, но и мою страну, но и весь мир. Я понимаю, что меня могут арестовать, что меня могут расстрелять сразу по выходе из самолета, как Бениньо Акино в Маниле в августе 1983-го. «Аль-Каида» уже не раз пыталась меня убить, и слабее она не стала. Какой им смысл допускать меня в страну для борьбы за демократию, которую они презирают? Но я выполняю то, что и должна выполнять, и я вернусь, ибо меня зовет долг перед народом Пакистана.

Я рискую ради всех детей Пакистана.

Рискую не ради личной власти. Речь идет о простой порядочности, об уважении права мужчин и женщин на достойную жизнь в безопасном и свободном обществе. Теперь же, в век экстремизма и террора, речь идет и о большем. Демократия в Пакистане важна не только для Пакистана, она жизненно необходима для всего мира. В век радикальной интерпретации столь любимой мною религии следует помнить, что демократические правительства не терпят у себя террористов. Демократический Пакистан, свободный от ярма военной диктатуры, перестанет быть рассадником пандемии терроризма.

Поэтому я вернусь, чтобы продолжить борьбу. Молюсь за то, чтобы свободный мир потребовал от генерала Мушаррафа проведения свободных и справедливых выборов, допуска к участию в них всех политических фигур и партий, участия международных наблюдателей и контроля ими всех процедур, включая подсчет голосов, и, наконец, уважения к результатам выборов. Знаю, что звучит это идеалистически, может быть, даже нереалистично, но после всех этих лет я все еще верю, что время, справедливость, история на стороне демократии.

Некоторые не поймут, что толкает меня навстречу непредсказуемым и опасным жизненным ситуациям. Но слишком

многие пожертвовали слишком многим, слишком многие умерли, слишком многие видят во мне свою последнюю надежду на свободу. Поэтому я не могу прекратить борьбу. Вспоминаю слова Мартина Лютера Кинга: «Жизнь наша подходит к концу, когда мы молчим о вопиющем». С верою в Бога вручаю судьбу свою в руки своего народа.

эпилог

18 октября 2007 года Беназир Бхутто вернулась в Пакистан, чтобы возглавить демократические силы перед назначенными на 2008 год выборами. Она и ее муж, Асиф Али Зардари, понимали сложность обстановки в стране и призвали администрацию генерала Первеза Мушаррафа обеспечить их безопасность. Они просили о разрешении ввезти бронированные автомобили с пуленепробиваемыми тонированными стеклами, но Мушарраф отклонил их запрос. Так же точно он воспрепятствовал покупке оборудования для глушения сигналов дистанционных взрывателей. Они просили о разрешении пригласить в страну иностранных специалистов для усиления партийных и правительственных служб безопасности, но администрация Мушаррафа отказала этим людям во въездных визах.

Почему Беназир, видя подобное отношение правительства Мушаррафа к ее безопасности, не отказалась от приезда в Пакистан? Лучше всего об этом говорит она сама.

«Некоторые не поймут, что толкает меня навстречу непредсказуемым и опасным жизненным ситуациям. Но слишком многие пожертвовали слишком многим, слишком многие умерли, слишком многие видят во мне свою последнюю надежду на свободу. Поэтому я не могу прекратить борьбу».

Когда Беназир после восьми лет изгнания снова ступила на пакистанскую землю, население страны приветствовало ее с невиданным энтузиазмом. Пресса Синдхи и партийное руководство оценивали число представителей всех слоев населения, всех четырех провинций страны, собравшихся в международном аэропорту Каид-и-Азам и окаймлявших путь следования ее к мавзолею Мохаммеда Али Джинны, основателя Пакистана, в три миллиона человек. У мавзолея она собиралась произнести речь, обращение к нации, которую BBC и CNN планировали транслировать на весь мир. Воодушевленный прием Беназир Бхутто демонстрировал не только популярность ее личности и возглавляемой ею Пакистанской народной партии, но и стремление народа к свободе. Эта триумфальная речь, однако, осталась непроизнесенной. Сразу после полуночи в первые мгновения 19 октября прогремели два взрыва, убившие 179 человек, по большей части молодых людей в белых футболках

ПНП, окружавших машину Бхутто. Сгорел автомобиль, но сама она чудом уцелела.

Обстоятельства трагического происшествия вызывают серьезные подозрения. Когда автомобиль Бхутто приблизился к перекрестку, светофоры внезапно выключились. Аппаратура, имевшаяся у службы охраны Беназир Бхутто, вдруг вышла из строя. И буквально через минуты после взрыва полиция получила приказ вымыть место происшествия водой из пожарных брандспойтов, чтобы уничтожить все следы, пригодные для расследования происшествия. Полиция не опрашивала никого, включая и Беназир Бхутто. Администрация Мушаррафа отказала Бхутто в просьбе привлечь к расследованию Скотленд-Ярд или ФБР.

За два дня до возвращения в страну, получив информацию от разведывательной службы одной из дружественных стран зоны Персидского залива, Беназир по дипломатическим каналам послала письмо генералу Мушаррафу, указав имена троих функционеров его партии, от которых исходила угроза ее жизни. Ответа на это письмо она не получила.

В тот же день, 16 октября 2007 года, Беназир Бхутто, сознавая реальность угрозы ее жизни, собственноручно составила свое политическое завещание и обращение к членам Пакистанской народной партии. Она благодарила соратников за их преданность делу демократии, активность и дисциплину, выражала гордость тем, что имеет честь руководить такими людьми. Она писала:

«Благодарю вас за поддержку вашей сестры во время двух военных диктатур. Будущее Пакистана в опасности. Прошу вас продолжать борьбу против экстремизма, диктатуры, бедности, невежества».

Политическое завещание Беназир призывало в случае ее смерти избрать временным руководителем партии ее мужа Асифа Али Зардари.

«Он мужественный и честный человек. Одиннадцать с половиной лет он провел за решеткой, но, несмотря на суровые испытания, на пытки, его дух не сломлен. Он обладает политической волей к единству партии».

Последние слова Беназир посвятила членам партии:

«Желаю вам всем успеха в претворении в жизнь манифеста нашей партии, в служении подавленному, притесняемому народу страны. Стремитесь к его освобождению от нищеты и отсталости так же, как вы делали это и прежде».

Через неделю после покушения на нее в Карачи Беназир, с которой я давно дружу, вместе с которой мы работали над ее книгой «Примирение», прислала мне письмо по электронной

почте, обнародовать которое уполномочила меня в случае ее смерти. Письмо, датированное 26 октября, гласит:

«Марк, надеюсь, да будет на то воля Аллаха, ничего не случится. Хочу лишь прояснить по поводу того, считаю ли я ответственным, в дополнение к именам в моем письме от 16 октября, самого Мушаррафа. Его прихвостни сделали все, чтобы я не чувствовала себя в безопасности; они делают все, чтобы не допустить использования частных автомобилей, тонированных стекол, глушителей дистанционных взрывателей, полицейского прикрытия из четырех автомобилей со всех сторон, — такое не может происходить без его ведома и участия».

Она подписала это письмо одной буквой: «Б».

Как Беназир подчеркнула в этом письме, ей отказали в элементарных мерах защиты, несмотря на то что она бывший премьер-министр. Однако она совершила в ноябре и декабре предвыборную поездку по четырем провинциям Пакистана, собирая на митинги несметные толпы воодушевленных сторонников. Опросы, проведенные Международным республиканским институтом, показывают, что она была с большим отрывом самым популярным политическим лидером страны, а Пакистанская народная партия — сильнейшей партией. Несмотря на предпринятые Мушаррафом и его «Мусульманской лигой» попытки подтасовки выборов 8 января, ожидалось, что ПНП победит на них, завоюет большинство мест в новом парламенте, а Беназир в третий раз станет премьер-министром Пакистана.

Вечером 27 декабря Беназир Бхутто направлялась на предвыборный митинг в Равалпинди. Этот город — оплот армии Пакистана, Равалпинди звучит для пакистанца так же, как для американца Пентагон. Выбор для Бхутто и ПНП знаменательный, ибо многие рассматривали Равалпинди как последний бастион Мушаррафа, терявшего поддержку населения. После воодушевленного приема в Лиакат-Али-Хан-парке Беназир собиралась отбыть в своем джипе. Тут вдруг куда-то исчезло полицейское сопровождение, исчезли полицейские автомобили. Ее внедорожник медленно двинулся сквозь толпу, Беназир стояла в машине, высунувшись в потолочный люк, махала рукой окружавшим автомобиль членам партии.

Раздались несколько выстрелов, в Беназир попали две или три пули, она рухнула в машину, и тут рядом взорвалась бомба террориста-самоубийцы. 20 сторонников ПНП погибли от взрыва, большинство на месте. Беназир Бхутто, первую женщину, избранную на пост премьер-министра исламской страны, доставили в главную больницу Равалпинди, где врачи

констатировали ее смерть.

Как и после покушения 19 октября, полиция в течение нескольких минут пригнала на место происшествия пожарные машины, смывшие все возможные улики. Врачам, обследовавшим Бхутто, запретили контактировать с прессой.

В течение нескольких часов пакистанское правительство обнародовало три версии события, существенно различающиеся в освещении обстоятельств и причин смерти Беназир. Все эти три версии опровергаются видеозаписями и анонимными заявлениями врачей, бросивших вызов правительственному приказу хранить молчание.

Пакистанский посол в США заверял в интервью международным агентствам, что Беназир Бхутто должным образом охранялась полицией. Правительство Пакистана наотрез отказало семье Бхутто и руководству ПНП в разрешении провести независимое расследование убийства.

28 декабря 2007 года тело Беназир Бхутто, любимой семьей, друзьями и народом, символизировавшей надежду и примирение страны и мира, погребли рядом с могилой ее отца, Зульфикара Али Бхутто, в Наудеро, в пакистанской провинции Синдх. Она погибла в возрасте 54 лет.

Марк А. Зигель

Вашингтон

8 января 2008 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

1. Убийство моего отца 19

ГОДЫ НЕВОЛИ

2. Узница в собственном доме 39

3. Воспоминания в Аль-Муртазе: мое знакомство с демократией 66

4. Воспоминания в Аль-Муртазе: снились мне башенки Оксфорда 94

5. Воспоминания в Аль-Муртазе: государственная измена Зии уль-Хака 121

6. Воспоминания в Аль-Муртазе: судебное убийство отца 145

7. Освобождение из Аль-Муртазы: демократия против военного положения 199

8. Одиночное заключение в тюрьме Суккура..... 213

9. В камере матери в Центральной тюрьме Карачи 252

10. Еще два года одиночного заточения 278

БОРЬБА С ДИКТАТУРОЙ

11. Годы ссылки 309
12. Смерть брата..... 343
13. Возвращение в Лахор и бойня 1986 года 375
14. Замужество 425
15. Новая надежда 445
16. Народ берет верх 454
17. Премьер-министр — и позже 475
ЭПИЛОГ 522

Литературно-публицистическое издание
Беназир Бхутто
ДОЧЬ ВОСТОКА
Автобиография
Ответственный редактор *Елена Шипова*
Художественный редактор *Юлия Прописнова*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Ольга Антонова*
Верстка *Любови Копгеновой*

Подписано в печать 12.12.2008. Формат издания 84x108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72. Тираж 5000 экз. Изд. № 90031. Заказ № 12855.

Издательство «Амфора». Торгово-издательский дом «Амфора».

197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано по технологии CtP в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького. 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

УДК 82/89 ББК 83.3(5) Б 94

BENAZIR BHUTTO
Daughter of the East An Autobiography
Перевел с английского Ю. А. Балаян

Настоящее расширенное и обновленное издание автору помогал готовить к печати Марк Зигель. С его помощью были написаны новые главы, которые охватывают период с избрания Беназир Бхутто премьер-министром в 1988 году и до ее решения вернуться в Пакистан в 2007-м. Также Марк Зигель написал эпилог к этому изданию.

Издательство выражает благодарность
литературному агентству The Wylie Agency (UK) Ltd.

за содействие в приобретении прав
Originally published in Great Britain by Hamish Hamilton in 1988
Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридигеская компания
«Усков и Партнеры»
©®
Бхутто Б.
Б 94 Дочь Востока. Автобиография / Беназир Бхутто; [пер. с англ. Ю. Балаяна]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. — 527 с. — (Серия «Действующие лица»).
ISBN 978-5-367-00892-0
Автобиография Беназир Бхутто (1953-2007), лидера Пакистанской народной партии, премьер-министра Пакистана в 1988-1990 и 1993-1996 годах, первой в новейшей истории женщины, возглавлявшей правительство в стране преимущественно с мусульманским населением.
УДК 82/89 ББК 83.3(5)
© 1988, 2007 by Benazir Bhutto
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык,
оформление.
ISBN 978-5-367-00892-0 ЗАО ТИД «Амфора», 2009